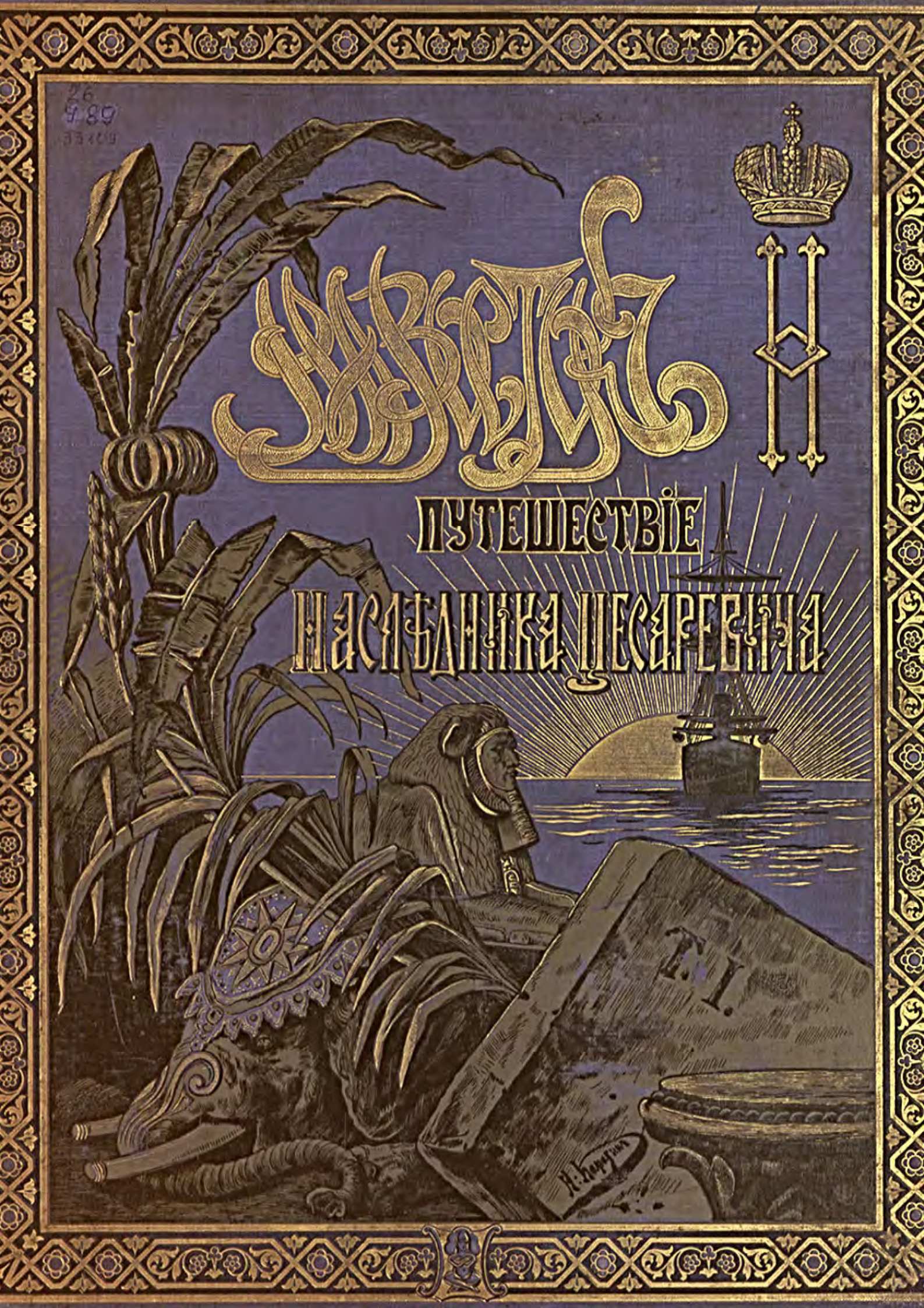
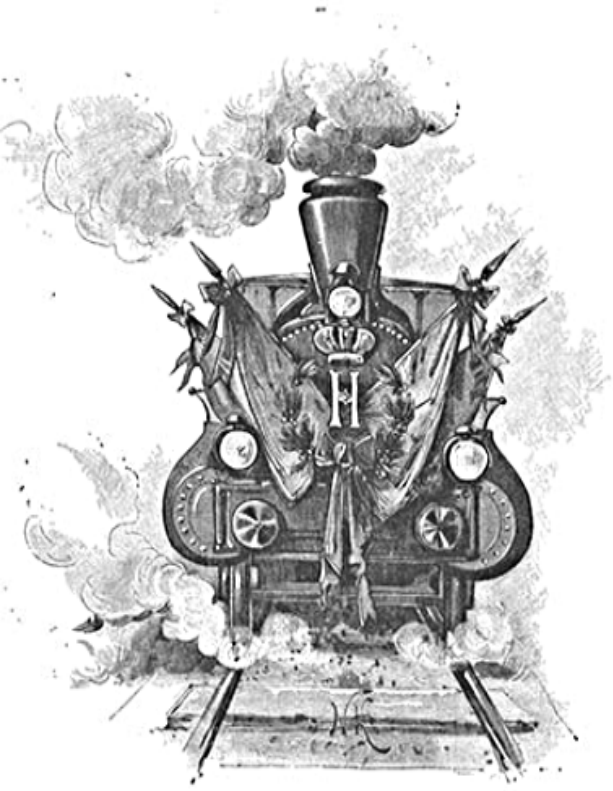

Извѣстія
ПУТЕШЕСТВІЕ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА



НА ВОСТОКЪ.

Tous droits reservés.

Его Императорское Высочество
Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
Николай Александровичъ.

Грав. и печ. у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ВОСТОКЪ

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

1890—1891.

АВТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ КН. Э. Э. УХТОМСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАЛЪ Н. Н. КАРАЗИНЪ.

Т. I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕЙПЦИГЪ: Ф. А. БРОКГАУЗЪ.

1893.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Востокъ во всей красѣ: недвижный, роковой, —
Изъ тонкой ткани лицъ, одеждъ и украшеній, —
Курится словно дымъ преджертвенной волной,
Проходитъ словно рядъ сверхчувственныхъ видѣній.

Давно носились слухи о томъ, что Высочайше предположено далекое и многотрудное путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича на Индію и Китай, съ возвращеніемъ обратно или черезъ Америку, или черезъ безконечную Сибирь. Возможность совершенія такого продолжительнаго и опаснаго путешествія сначала казалась положительно несбыточною; когда же къ веснѣ и къ лѣту 1890 года осуществленіе замысла стало близкимъ и несомнѣннымъ, — подробности о вѣроятныхъ маршрутахъ естественно привлекли всеобщее вниманіе, ибо каждая должна была получить въ будущемъ особое культурно-историческое освѣщеніе. Ничто такъ широко не раздвигаетъ умственнаго кругозора, ничто такъ не воздѣйствуетъ на характеръ, какъ непосредственное живое соприкосновеніе съ чужбиною, — а тутъ что за дивныя и заманчивыя страны ожидали Августѣйшаго путешественника! Вся прошедшая жизнь человѣчества связана съ ними. Все, когда-либо окрылявшее духъ, до нынѣ уцѣлѣло въ памятникахъ и краснорѣчиво говоритъ о непрестанной побѣдѣ разума и художественнаго творчества надъ безличнымъ, безформеннымъ веществомъ. Можно, нисколько не преувеличивая, утверждать, что нѣтъ ничего достопримѣчательнаго въ области восточныхъ религій, архитектурныхъ особенностей и тому подобнаго, о чемъ Его Императорское Высочество не получалъ бы во время поѣздки ясное и глубоко поучительное впечатлѣніе. Почти доисторическая старина вставала передъ Нимъ изъ безмолвія могилъ и развалинъ.

Самыя странныя и могучія идеи, создавшія и проникнувшія Элладу, Египетъ и Азію, воочію являлись на каждомъ шагу низведенными поэзіей на землю съ высоты небесъ, воплощенными въ камень и слово, незыблемыми, непокоренными хаосомъ вѣковъ.

Надъ составленіемъ программы государственно-важнаго путешествія потрудились особенно: воспитатель Наслѣдника Цесаревича генералъ-адъютантъ Гр. Гр. Даниловичъ и отчасти покойный адмиралъ И. А. Шестаковъ, нашъ извѣстный географъ А. И. Воейковъ и капитанъ 1-го ранга Н. Н. Ломенъ, впослѣдствіи командиръ фрегата «Память Азова», на которомъ благополучно совершилось знаменательное плаваніе. Частными сторонами намѣченной поѣздки занялись затѣмъ уже отдѣльныя вѣдомства, но объемъ ея и цѣль выяснились еще гораздо раньше въ Гатчинѣ и Петергофѣ.

Число лицъ, избранныхъ для неотлучнаго сопровожденія Его Императорскаго Высочества, было весьма ограниченно и состояло: изъ главнаго руководителя, облеченнаго довѣріемъ Государя Императора, Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Вл. Анат. Барятинскаго, флигель-адъютанта кн. Н. Д. Оболенскаго (лейбъ-гвардіи Коннаго полка), кн. В. С. Кочубея (Кавалергардскаго Ея Величества полка) и Е. Н. Волкова (лейбъ-гвардіи Гусарскаго Е. В. полка).

За нѣсколько дней до отъѣзда, съ Высочайшаго соизволенія, меня откомандировали изъ департамента иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе кн. Барятинскаго для письменныхъ занятій и составленія книги о путешествіи. Въ Тріестѣ къ свитѣ присоединился акварелистъ Н. Н. Гриценко, ученикъ Боголюбова, а въ Каирѣ военно-морской врачъ В. К. фонъ-Рамбахъ. Черезъ Сибирь также сопровождалъ Наслѣдника Цесаревича флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества контръ-адмиралъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) В. Г. Басаргинъ.

Только пять вышеупомянутыхъ лицъ находились при Особѣ Его Императорскаго Высочества съ минуты отбытія изъ Гатчины 23 октября (4 ноября) 1890 г. до возвращенія домой 4 (16) августа 1891 г. и 21 октября, непосредственно передъ разлукой Престолонаслѣдника съ Вѣнценосными Родителями, присутствовали при послѣдней воскресной обѣднѣ въ Гатчинскомъ Дворцѣ, послѣ чего Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили каждаго изъ уѣзжавшихъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ милостивымъ разговоромъ. Впереди ждало много чарующей новизны, но таилось въ свою очередь нѣчто невыразимо горькое и неподдающееся забвенію.

Если мысленно перенестись къ пережитому и освѣтить, хоть сколько-нибудь подробнѣе, все, что относится до 9½ мѣсяцевъ, положенныхъ на безконечные переѣзды во много тысячъ верстъ, — въ результатѣ получается до такой степени разнообразное, грандіозное и положительно неисчерпаемое количество глубокихъ впечатлѣній, что пока нѣтъ возможности опредѣленно сказать, гдѣ собственно — интереснѣйшій моментъ, которая страница наиболѣе ярка и неизгладима.

Въ памяти и воображеніи постепенно развертывается безконечный свитокъ. Начертанныя на немъ странныя письмена, — понятныя только для тѣхъ, кто посвященъ въ ихъ сокровенное значеніе, — постепенно сливаются въ нѣчто органически цѣльное и осмысленное. Словно узорныя и цвѣтныя украшенія дорогой старинной рукописи, по сторонамъ обрисовываются мелькомъ видѣнные знаменитые памятники, незабвенныя красоты той или иной природы, мягкій свѣтъ южныхъ безоблачныхъ небесъ... Все это какъ будто просыпается въ насъ, сквозитъ вездѣ кругомъ, притягиваетъ къ невозвратному прошедшему.

Конечно, бывали путешествія и сложнѣе, и продолжительнѣе, и опаснѣе, — но едва-ли было и едва-ли можетъ скоро повториться въ міровой исторіи второе подобное

ОБЗОРЪ ПУТИ.

путешествіе, важное особенно потому, что его послѣдствія пока еще неопредѣлимы. Оттого очень затруднительно разобраться въ накопившемся за это время матеріалѣ: нужна крайняя осторожность въ обсужденіи того, что такъ рѣзко отмѣчено печатью вѣчности!

Нельзя и передать на словахъ, какъ много приходилось переиспытывать, когда десятки дней шли за днями, смѣняясь сотнею и новою сотнею дней, на каждомъ шагу дававшихъ самую обильную пищу познанію и обогащавшихъ фантазію. Засыпая наканунѣ въ дрожащей мглѣ катящагося въ ночи вагона, утромъ уже приходилось вставать среди совершенно незнакомой области образовъ и красокъ: то видѣть золотые лучи солнца надъ изъелена-синимъ моремъ, то окаменѣвшіе въ доисторическомъ бытѣ народы внутренней Индіи, то созданія гордаго мусульманскаго искусства, средь праха мѣстныхъ разрушенныхъ культуръ, то такіе уголки земнаго шара, гдѣ все еще собою являетъ первые проблески міротворенія: дѣвственный, темнолиственный лѣсъ съ прорывающимся изъ него таинственнымъ мракомъ и шумными, стремительными потоками, — цѣпкія растенія, обвившія и точно собирающіяся задушить могучіе стволы любаго широко разросшагося дерева, — дымъ огнедышущей горы, стонущей и жаждущей исхода внутреннимъ мукамъ, подъ непроницаемою тропическою чащей, которая опоясала ея грудь. Сегодня мы видимъ наводненныя зрителями веселыя улицы Вѣны. Грохотъ салютовъ несется съ эскадры, на слѣдующій день, по гулкому заливу Тріеста. Волнистыми линіями всплываютъ скоро вслѣдъ затѣмъ спокойные острова греческаго царства. Еще не было возможности уяснить себѣ и сознательно пережить видѣнное, еще не было возможности вполнѣ насладиться этими впечатлѣніями, какъ передъ нами уже раскинуты мирныя долины древней Элиды: священные останки Зевсова храма сиротливо сѣрѣютъ у нашихъ ногъ. Въ стѣнахъ олимпійскаго музея стоятъ и смотрятъ въ даль недвижнымъ, застывшимъ окомъ изломанныя, истерзанныя, поруганныя изваянія, — работа лучшихъ представителей эллинскаго творчества!

ЗАМОКЪ ШЁНБРУНЪ.

Отъ примелькавшихся развалинъ Акрополя морская пучина уноситъ, наконецъ, все дальше и властнѣе на чужбину. Африка... Узкая полоса песковъ, случайно и недавно населенная, считающаяся городомъ. Узкій и до игрушечныхъ размѣровъ невзрачный Суэзскій

каналъ: вихри встаютъ и клубятся грядою, и носятся по сосѣдней аравійской пустынѣ, — на противоположной же сторонѣ простирается унылое озеро-море Мензалэ... и вдругъ Каиръ, — Каиръ арабскихъ сказокъ и послѣдняго слова европейской цивилизаціи, пересаженной на африканскую почву, — Каиръ, на который любуется почти недосягаемая высота ближайшихъ къ столицѣ пирамидъ. Кажется, есть отъ чего почувствовать головокруженіе и быть взволнованнымъ: смущенный духъ, право, былъ бы не прочь отъ временнаго отдыха и тишины.

Но ея-то и нѣтъ. Торжество смѣняется торжествомъ. Съ неудержимою силою, по прежнему все ростутъ и смѣняются впечатлѣнія. Верхній Египетъ... Придворныя яхты, разсѣкающія зеркальную гладь царственнаго Нила: древніе языческіе храмы, чертоги боговъ, лѣса гіероглифовъ.

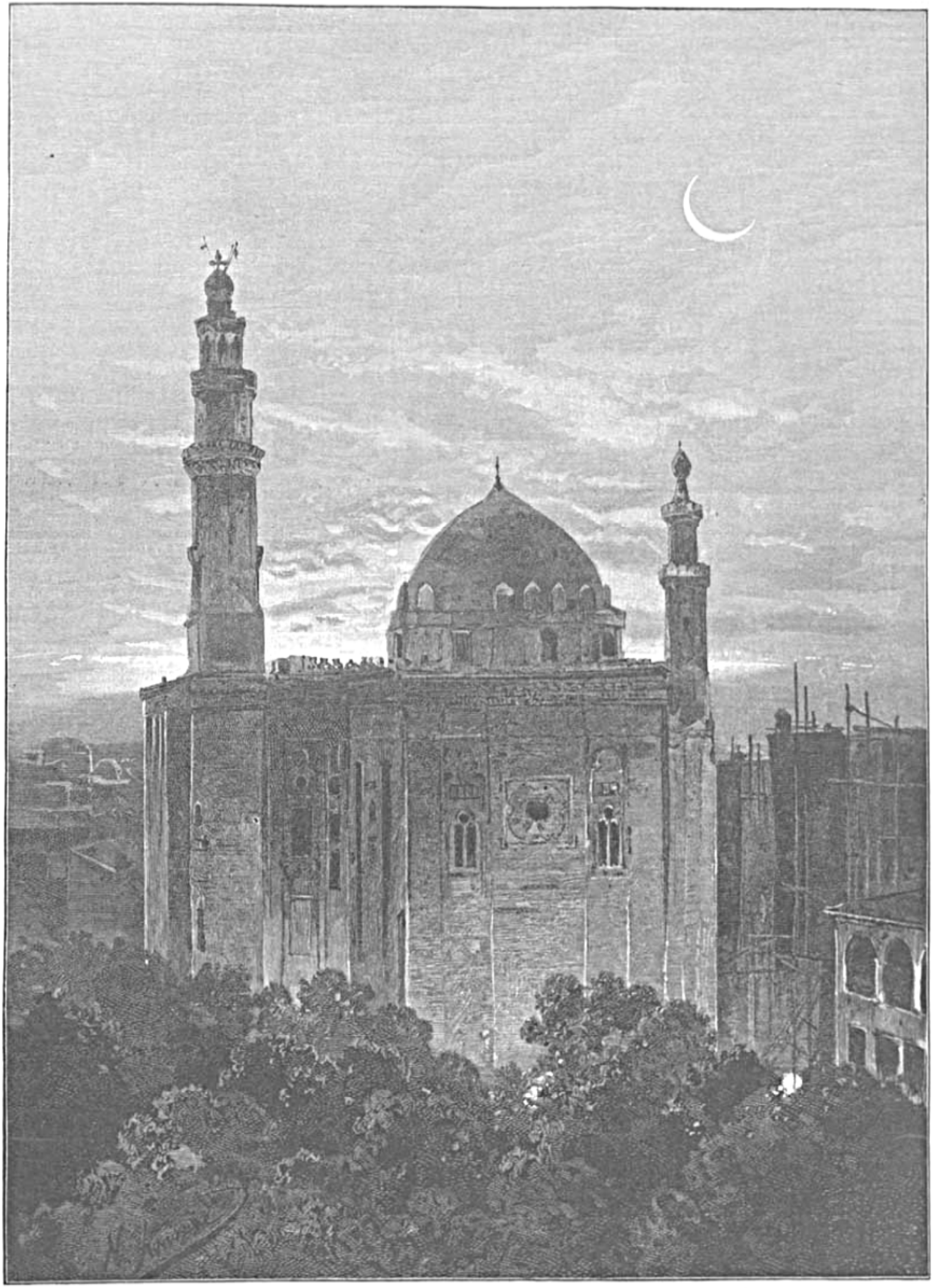
Вотъ и южный предѣлъ путешествія по Нилу: очарованный, тихій островокъ Филэ, за чертою самыхъ сѣверныхъ нильскихъ пороговъ. Невдалекѣ отъ него — натискъ стремнины, разбивающейся о черные камни вулканическаго происхожденія, — дикари-туземцы, ныряющіе въ этотъ водяной адъ съ проворствомъ и радостнымъ чувствомъ амфибій. А повыше, за островкомъ — снова зеркальная гладь рѣки, въ которую смотрятся памятники, созерцавшіе теченіе тысячалѣтій... И опять движеніе назадъ: къ новымъ образамъ, къ новымъ откровеніямъ.

Давно-ли кажется, у Мемфиса мы видѣли поверженныхъ колоссовъ великаго фараона Рамзеса II, давно-ли мы входили въ жаркія подземелья, гдѣ почивали священные Аписы, и въ точно заколдованную внутренность пирамидъ, которыя такъ стары, что даже трудно сказать, къ какой отдаленной эпохѣ онѣ въ сущности относятся, — и уже передъ нами разстилаются опаленные зноемъ воды Краснаго моря. Кое-гдѣ, вдоль пустыннаго побережья, ясно выдѣляются остовы потерпѣвшихъ крушеніе судовъ. Изрѣдка, по вечерамъ, проплываютъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего фрегата, ярко освѣщенные и, повидимому, переполненные пассажирами пароходы съ дальняго востока. Они идутъ туда, домой, въ Европу, откуда насъ все дальше и дальше относитъ какая-то чарующая и въ то же время страшная бездна. Вспомнишь Египетъ, Каиръ, — и невольно рисуются загадочныя созданія почти миѳическихъ царей Хеопса, Хефрена, Микерина — и что же! вдругъ, справа на африканскомъ берегу, нѣтъ-нѣтъ и обрисуется вершина какой-нибудь горы, имѣющей форму треугольника и точно служащей прообразомъ пирамиды. Неужели удастся со временемъ доказать, будто и тутъ, въ своемъ творческомъ напряженіи, духъ человѣческій раболѣпно сообразовался съ дивными очертаніями воздѣйствовавшей на него природы того Юга, откуда на Сѣверъ, черезъ Бабъ-эль-мандебскій проливъ, проникли въ принильскіе края первые цивилизованные предки египетскаго народа?

Мрачныя, но живописныя скалы Адена тоже остались позади насъ. Индійскій океанъ. Полное отсутствіе береговыхъ линій. Сознаніе, что долго не увидишь никакой пристани:

> .... Просторъ все шире, шире —
> Стихія разрослась, ей тѣсно въ этомъ мірѣ —
> Сестра небесъ идетъ въ пространство безъ границъ.

Три фрегата въ эскадрѣ Наслѣдника Цесаревича («Память Азова», «Владиміръ Мономахъ», «Адмиралъ Корниловъ») величественно рѣжутъ волны, держатся на равномъ другъ отъ друга разстояніи, обмѣниваются сигналами, хотя и разобщены, но въ сущности составляютъ одно цѣлое. Это цѣлое, со входящими въ его составъ сотнями русскихъ людей, эта единица русскаго царства, словно затерянная въ безграничномъ морскомъ



КАИРЪ. МЕЧЕТЬ СУЛТАНА ГАССАНА.

просторѣ, блюдетъ довѣренныхъ ей Сыновей Монарха: развѣ уже это само по себѣ не есть умиляющее и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозное явленіе?

Бомбей. Желанная, далекая, утомительно-длинная Индія. Мыслимо-ли каждый день просыпаться въ совершенно измѣненной обстановкѣ? Люди иначе одѣты; зданія нисколько не похожи на видѣнныя вчера; новыя историческія особенности еще характернѣе и сложнѣе предыдущихъ. Одно изъ двухъ: или надо только смотрѣть и только набираться впечатлѣній, предоставляя себѣ въ будущемъ право и возможность разобраться въ обширномъ и психически богатомъ матеріалѣ, или же надо съ жадностью вникать во все, что встрѣчается по дорогѣ, все стараться себѣ уяснить и придти въ концѣ концевъ къ печальному выводу, что это неисполнимо.

Эллора. Старыя, поросшія мохомъ священныя пещеры, убѣжища змѣй и предметъ культа сравнительно немногихъ ревнителей. Цѣлый городъ художественно задуманныхъ храмовъ и кумировъ, высѣченныхъ въ скалистой грядѣ. Смуглый, полунагой, забитый, удивленный народъ, толпами сбѣгающійся на дороги посмотрѣть на невиданнаго Высокаго Гостя, который, какъ имъ сказали, пріѣхалъ сюда съ волшебнаго, непонятнаго, но могущественнаго Сѣвера, гдѣ правитъ Бѣлый Царь. У многихъ туземцевъ, мужчинъ и женщинъ, въ общемъ есть что-то, напоминающее наше простонародье: красный излюбленный цвѣтъ одежды, по бабьему повязанные платки, окладъ лица — отчего въ иныхъ подробностяхъ чудится нѣчто, знакомое и близкое по духу? Развѣ все одна случайность, развѣ нѣтъ никакихъ основаній предположить, что мы еще мало измѣнены западной культурой, а они, застывшіе въ почти доисторической старинѣ, не только намъ братья по крови, но и братья по наложенному на насъ и на нихъ внутреннему отпечатку? Понятно, это — лишь смутная гипотеза, переутомленіе напряженнаго путешествіемъ воображенія, которому безпрерывно даютъ свѣжую работу неожиданныя дорожныя мысли и неподдѣльныя эстетическія чувства...

Мусульманскій Востокъ. Стоило-ли сосредоточивать вниманіе на одномъ чисто индусскомъ строѣ, когда передъ глазами раскидывается гораздо болѣе простой и понятный міръ, той самой средневѣковой ирано-туранской культуры, что переносилась на гигантскій полуостровъ изъ Средней Азіи, изъ мѣстностей, которыя или уже всецѣло наши, или же обнаруживаютъ къ намъ роковое тяготѣніе? Странно подумать, но нельзя не признать, что Лахоръ и Самаркандъ, что благочестивая Бухара и религіозные центры прежняго царства Моголовъ въ сущности связаны нѣкоторою общностью исторической жизни, что наконецъ отблескъ этой послѣдней еще трепещетъ на ихъ архитектурныхъ созданіяхъ, хранящихъ, подъ сводами могильныхъ памятниковъ, прахъ султановъ, заслужившихъ безсмертіе.

Рѣка Гангесъ. Толпа индусовъ, совершающая въ ней религіозныя омовенія. Кумирни Бенареса, заполнившія длинное побережье одного изъ древнѣйшихъ городовъ. Попытки ближе вглядѣться въ таинственный строй туземныхъ вѣрованій и туземнаго быта... И опять стремительное движеніе впередъ къ другимъ, совершенно отличнымъ мірамъ: опять море, опять необходимость рѣзко разорвать съ только что начавшимъ устанавливаться кругомъ впечатлѣній.

Югъ Индіи. Смѣсь малопонятной, исконной цивилизаціи, — которой представительницей является найденная здѣсь арійцами дравидская раса, — съ вѣроисповѣднымъ творчествомъ пришлецевъ: въ результатѣ гигантскіе пантеоны, пестрѣющіе и лѣпящіеся повсюду на воротахъ и надъ крышами храмовъ, на столбахъ, внутри капищъ — буквально повсюду — такъ что всѣмъ этимъ фантастическимъ образамъ нѣтъ ни счету, ни мѣры, ни точнаго имени и значенія. Послѣ прощальной иллюминаціи въ городѣ Мадурѣ наступаетъ

часъ отъѣзда изъ Индіи. Цейлонъ уже къ ней не принадлежитъ. Это скорѣе уголокъ того индо-малайскаго міра, заглянуть куда значитъ познать, чѣмъ было человѣчество вскорѣ вслѣдъ за безгрѣшнымъ существованіемъ въ раю.

Тамъ — давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшаяся встрѣча Государя Наслѣдника Цесаревича съ возвращавшимися изъ далекихъ краевъ на яхтѣ «Тамара» Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Александромъ и Сергіемъ Михаиловичами. Совмѣстная экскурсія въ глубь острова. Сокровища кандійскаго храма и «зубъ Будды». Первое непосредственное соприкосновеніе съ религіей, основанной этимъ древнимъ «мудрецомъ», обожествленнымъ толпою... А кругомъ всего этого природа съ неизсякающимъ творчествомъ, горная высь, уходящая къ бирюзовому небу, — на ней живительный, умѣренный климатъ въ двухъ шагахъ отъ невыносимаго тропическаго зноя. Такъ и кажется, что здѣсь, въ этой относительной прохладѣ, и духъ человѣческій, вдохновленный близкою Индіей, постепенно сталъ отрѣшаться отъ сравнительно грубыхъ формъ ея одуряющаго язычества: въ буддизмѣ, съ его трезвыми, простыми, свѣтлѣющими идеями проявляется уже иной Востокъ, — Востокъ примиреннаго прошедшаго, болѣе разумнаго настоящаго, болѣе отраднаго и активнаго будущаго. Оборачиваешься на недавно покинутый браминскій міръ и не замѣчаешь въ немъ тѣхъ же признаковъ человѣчности: мистически воспринимаемое Божество отчасти словно чуждается людей и земли, замкнутѣе, грознѣе:

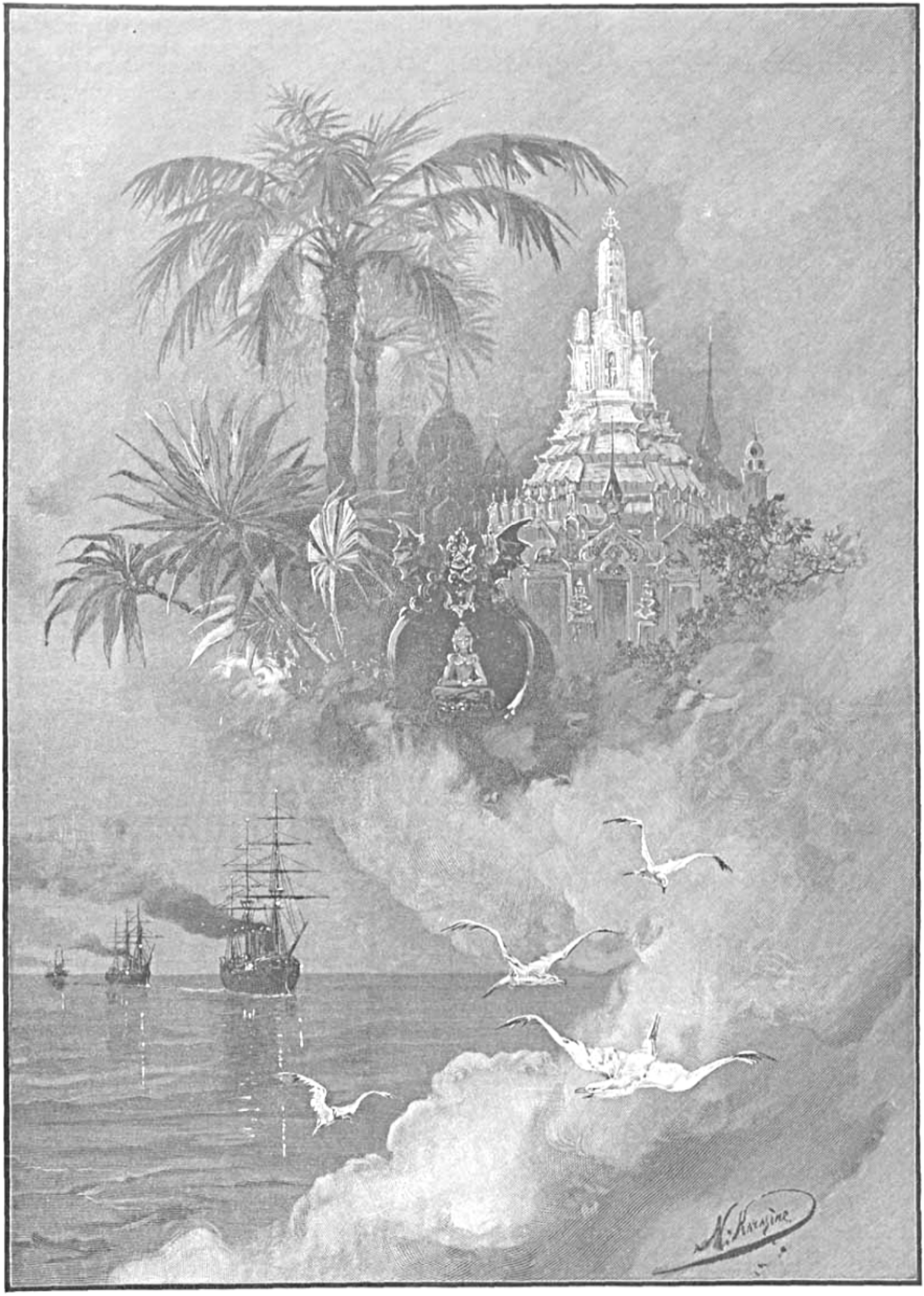
Подъ небомъ Индіи громадный храмъ-скала —
Безмолвная толпа, надъ нею изваянья —
Со всѣхъ сторонъ глядятъ кумиры безъ числа —
Знакомыя черты, забытыя названья!
Народъ поникъ во тьмѣ предъ дальнимъ алтаремъ,
И страшнымъ, и нѣмымъ, и вѣчно недоступнымъ...

Эта недоступность суровой святыни — заразъ и сила, и слабость браминовъ. Сила сказалась съ особенной яркостью, когда на языческій строй обрушилось пришлое мусульманство: индусы гибли, но вѣрили и не сдавались. Слабость проявилась при укорененіи ислама въ странѣ: жестокіе императоры («великіе Моголы») подчинили ее себѣ, поработили населеніе каждый своею рѣзкою индивидуальностью. Воспитанные въ страхѣ передъ незримыми карающими богами туземцы тѣмъ паче готовы были суевѣрно пасть ницъ при видѣ безжалостныхъ магометанскихъ вождей. Теперь, покинувъ предѣлы ихъ прежняго царства, сознательнѣе относишься къ посѣщеннымъ тамъ великолѣпнымъ мавзолеямъ, которые столь часто описывались и чуть-ли не воспѣвались путешественниками. Вотъ онѣ въ ихъ истинномъ, нелицепріятномъ освѣщеніи, эти

Гробницы пришлецевъ, купавшихся въ крови,
Не знавшихъ ничему прощенья и пощады! —
Какъ много надо слить заботливой любви,
Чтобъ отлетѣлъ позоръ, создавшій тѣ ограды,
Гдѣ ждутъ въ тревожной тьмѣ, средь мстительныхъ тѣней,
Послѣдняго Суда могучіе султаны...

А всетаки онѣ великолѣпны и преисполнены величія — могилы царственныхъ поработителей Индіи!

Когда море отнесетъ отъ нея далеко на востокъ, — и тамъ еще вездѣ дрожитъ лучезарное отраженіе ея религій, ея таинственнаго строя, ея заразъ и гордаго, и смиреннаго духа. Въ однихъ краяхъ онъ уже изгнанъ изъ внѣшней жизни: на Явѣ лишь груды обломковъ, неисчислимые кумиры и сохранившіеся во всей красотѣ языческіе храмы гласятъ о воздѣйствіи культурнаго запада. Но буддизмъ еще кое-гдѣ уцѣлѣлъ среди народа. Каменное изваяніе бога мудрости Маньчжушри, съ мечемъ въ поднятой длани, найденное въ знойныхъ малайскихъ земляхъ, несмотря на историческое разстояніе въ 2,000 лѣтъ, совершенно тождественно съ тѣмъ же олицетвореніемъ Будды, которое почитается на



ВЪ СІАМСКОМЪ ЗАЛИВѢ.

снѣжныхъ крутизнахъ загадочнаго Тибета, какъ-будто извѣстныя формы культа, ставъ каноническими, наглядно хотѣли свидѣтельствовать о неизмѣнности его основъ повсевременно и повсемѣстно. Наряду съ этимъ отблескомъ индійской цивилизаціи видишь полунагихъ туземцевъ, завоевываемыхъ исламомъ и только въ своей крайне оригинальной музыкѣ удерживающихъ старый психическій міръ, именно въ такъ называемомъ «гамелангѣ», гдѣ безплотно рѣющіе, мягкіе, серебристые звуки слышатся изъ-за каждаго затеряннаго въ чащѣ растенія и передаютъ о великой вѣковѣчной скорби многострадальнаго народа:

Войны и казни... Порой дуновеніе
Смертью клокочущихъ горъ —
Все воплотилось въ напѣвъ и видѣніе,
Все отуманило взоръ.

Воля судьбою зловѣщею скована,
Въ прошломъ тоскливо — темно,
Страннымъ соблазномъ душа очарована,
Сердцу-жъ любить не дано...

Овѣянный этою волшебною и жалобною музыкою, говорившею съ чужеземцами на новомъ для нихъ языкѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ взошелъ 26 февраля (10 марта) 1891 г. на яванскій вулканъ Папандайю, въ сердцѣ острова. День рожденія Государя Императора былъ отпразднованъ горстью русскихъ, въ числѣ коихъ находился Его Первенецъ, за тысячи верстъ отъ родины, далеко за экваторомъ, среди тропической природы, подавлявшей избыткомъ производительныхъ силъ.

Сіамъ. Сказочная страна, сказочное царство. Все, отъ перваго до послѣдняго дня, проведенныхъ у гостепріимнаго короля — его величества Чулалонкорна, преисполнено очарованія, необычайно оригинально и мило: развѣ только воспоминанія объ испытанной тамъ жарѣ незамѣтно охлаждаютъ вынесенное оттуда цѣльное и сладостное впечатлѣніе. Народъ и культура, поставленные на рубежѣ двухъ могущественныхъ по духу міровъ, — индійскаго и китайскаго, въ ихъ неотразимомъ воздѣйствіи на монголо-малайскіе инородческіе элементы смежныхъ съ ними обширныхъ краевъ, — безшумная и безкровная борьба за независимость съ наступающею въ глушь европейскою цивилизаціею или вѣрнѣе страстью къ захватамъ, — вереницы причудливыхъ храмовъ, отражающихъ позолоченныя верхушки и пестрыя кровли въ полноводномъ «Менамѣ», — поѣздка вверхъ по этой рѣкѣ во внутрь любопытнаго государства. Мѣстная музыка, мѣстныя пляски, мѣстный спортъ, двѣ съ половиною сотни дикихъ слоновъ, ревущихъ и мечущихся въ загонѣ: какой тутъ нуженъ масштабъ, чтобы о всемъ судить и говорить!

Волна непрерывной дорожной смѣны уноситъ дальше вдоль прежняго Аннама, гдѣ теперь развѣвается французское знамя въ Небесную имперію. Вотъ оно — это неизмѣримое непроницаемое тѣло, надъ изученіемъ и пониманіемъ котораго трудилось и трудится столько западныхъ умовъ! Со стороны правительства встрѣчи, по существу превосходящія все, раньше бывшее, — если отдать себѣ отчетъ въ непріязни къ чужеземщинѣ: *желтыя императорскія* носилки, и притомъ на глазахъ у милліонной черни, воспитанной въ вѣковыхъ преданіяхъ, будто Богдохану подданны другія націи земнаго шара, и знающей, что до прибытія Русскаго Престолонаслѣдника никому не оказывалось равныхъ почестей. Неужели не усматривать въ такомъ небываломъ явленіи свѣтлую эру нашихъ дружественныхъ отношеній къ Китаю, когда въ узкихъ улицахъ Кантона до сихъ поръ еще какъ-бы слышится твердый шагъ морскаго десанта, конвоировавшаго тамъ Его Императорское Высочество, еще не замерли ликующіе звуки сопровождавшей Его тамъ военной музыки?...

Японія. Такой воздухъ, такая красота и такое освѣщеніе, что имъ не найдти подобныхъ въ цѣломъ мірѣ. Знаки радушія. Выраженіе общихъ симпатій и надеждъ долго

видѣть у себя желаннаго Гостя. Самыя сердечныя чувства къ туземному быту, нравамъ, искусству, святынѣ.

И вдругъ! — обманъ и ночь — и гдѣ-жъ? при свѣтѣ дня,
Въ странѣ, гдѣ Онъ на все взиралъ съ такой любовью:
Намъ думалось тотчасъ промчится вихрь огня,
Разступится земля, обрызганная кровью.

Невообразимыя нравственныя мученія, пережитыя въ Отсу и Кіото послѣ злодѣйскаго покушенія: глухой туманъ, заволокнувшій все предшествовавшее путешествіе, наконецъ ясная какъ Божій день телеграмма Государя Императора «вернуться на эскадру». Отплытіе во Владивостокъ. Приближеніе къ холодному, невзрачному и все таки почти невѣроятно дорогому побережью, которое — наше, русское, неотторжимое, хотя безконечное разстояніе отдаляетъ пока Тихій океанъ отъ сердца Россіи. Прощаніе съ фрегатомъ «Память Азова»:

Далекій пройденъ путь по глади водъ лазурныхъ —
Отъ дышущихъ тепломъ осеннихъ береговъ
До самыхъ знойныхъ странъ, до майскихъ зорь пурпурныхъ
На грани льдовъ.

И памятью опять стремясь къ тому, что было,
Мы ясно видимъ часъ, когда мечтамъ въ отвѣтъ
Отъ пристани чужой насъ быстро уносило
Въ просторъ и свѣтъ.

Какъ, однако, эти мгновенья затеряны во множествѣ другихъ пламенѣющихъ образовъ!

Останавливаться надъ Сибирью — дѣло втораго введенія во второй половинѣ сочиненія. Остается припомнить 4-ое августа 1891 г. Царскій поѣздъ плавно подходитъ къ станціи Тоснѣ. Сердце усиленно бьется отъ горечи, что вотъ-вотъ, послѣ 9½ мѣсяцевъ, наступитъ полное разлученіе съ Тѣмъ, Кто за это время проявилъ къ своимъ спутникамъ столько милости и участія, но кромѣ того душа полна сознанія: «Мы дома; все относительно благополучно — хвала Всевышнему!» Ходъ паровоза все тише и тише. Тихо плывутъ на платформѣ фигуры желѣзнодорожныхъ служащихъ, мундиры Свиты... Государь ласково всматривается въ окна вагоновъ. Рядомъ растроганное лице Государыни... Дверь открывается. Путешествіе окончено. Есть минуты, которыя никогда, никогда не могутъ забыться!!...

ВѢНА.

Вторникъ, 23 октября (4 ноября) 1890 г.

Дождливый день. Поздняя ненастная осень гнетомъ ложится на душу; но его не замѣчаешь, задыхаясь отъ дорожной суеты, смутной горечи и непомѣрнаго счастья: наконецъ пробилъ часъ отъѣзда въ далекіе чародѣйные края, наконецъ сбывается мечта воочію соприкоснуться съ тѣми странами Востока, которыя наиболѣе ярки и самобытны.

Гатчинская станція Варшавской желѣзной дороги. Два часа пополудни. Сейчасъ надолго, быть можетъ, навсегда скроются изъ глазъ знакомыя лица, съ грустью всматривающіяся въ Престолонаслѣдника, потонутъ въ безформенной мглѣ знакомыя мѣста, куда-то въ глубь сознанія отодвинутся многіе дорогіе и незабвенные образы... Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми входятъ въ вагонъ уѣзжающаго Сына, съ цѣлью проводить Его до ближайшей остановки. Паровозъ трогается. Толпа благоговѣйно обнажаетъ головы, съ молитвой, вручая Всевышнему молодую жизнь, священную для сотни милліоновъ сердецъ.

Черезъ пятьдесятъ минутъ видишь вереницу мокрыхъ невзрачныхъ строеній. Здѣсь надо разстаться. Движеніе замедляется. Наступило мучительно-тяжкое мгновеніе, которое такъ хотѣлось отсрочить, которое невозможно продлить. Покидая съ Семьею Своего Первенца, Государь сохраняетъ наружное спокойствіе, громко прощается съ кн. Барятинскимъ, даритъ остальныхъ спутниковъ нѣсколькими памятными словами. Сердце вдругъ начинаетъ сжиматься отъ невыносимой боли. Что же должны чувствовать Вѣнценосные Родители, принося въ жертву Россіи и долгу все, что есть наицѣннѣйшаго на свѣтѣ: Великій Князь Георгій Александровичъ въ плаваніи, Старшій ввѣряется тѣмъ же измѣнчивымъ волнамъ и тысячѣ другихъ опасностей! Паровозъ опять трогается. Господи, дай силу и мужество нашему обожаемому Монарху и обожаемой Государынѣ перенести свободно на себя наложенное испытаніе, укрѣпи Ихъ въ неутѣшной разлукѣ!!...

Когда, въ исходѣ третьяго часа пополудни, экстренный поѣздъ, увозившій Наслѣдника Цесаревича за границу, отошелъ отъ станціи Сиверской, въ вагонахъ остались лишь самъ Августѣйшій путешественникъ и небольшая свита. Холодный унылый день смотрѣлъ въ

окна. Сѣверная природа не принарядилась на прощанье, — да если бы она и провожала Его почти не грѣющими лучами, и тихой улыбкой осеннихъ безоблачныхъ небесъ, — то чтобы значилъ этотъ блѣдный прощальный привѣтъ на ряду съ тѣмъ разцвѣтомъ южной красоты, который ожидалъ въ недалекомъ будущемъ? О родномъ краѣ и безъ того сохранялись на душѣ лучшія свѣтлѣйшія воспоминанія. Грустный кругозоръ какъ-будто гармонировалъ съ невольно тревожнымъ настроеніемъ, которое обыкновенно испытывается при разставаніи съ Россіей. Пасмурность все болѣе и болѣе увеличивалась. Еще не выѣзжая изъ предѣловъ С.-Петербургской губерніи, въ шестомъ часу пришлось зажечь свѣчи. При скорости хода около сорока верстъ въ часъ, со времени отправленія изъ Гатчины до полуночи было только пять остановокъ, и то по шести — двѣнадцати минутъ. Его Императорское Высочество провелъ почти весь день въ бесѣдѣ со своими неотлучными спутниками, послѣ обѣда изволилъ разсматривать великолѣпное изданіе Лалу и Монсо (Laloux et Monceaux — «Restauration d'Olympie» Paris, 1889), такъ какъ первая достойная вниманія экскурсія предполагалась именно туда, на мѣсто недавнихъ раскопокъ среди древняго Пелопоннеза. Сладко спалось въ Великокняжескомъ поѣздѣ на порогѣ новыхъ впечатлѣній.

Среда, 24 октября (5 ноября).

Въ первомъ часу пополудни, уже невдалекѣ отъ Варшавы, на станціи Лапы (Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи) мѣстное двуклассное училище выстроилось на площадкѣ у вокзала для встрѣчи Государя Наслѣдника Цесаревича. Узнавъ объ этомъ, Его Императорское Высочество подошелъ къ дѣтямъ. Раздалось троекратное «ура» и пѣніе «Боже, Царя храни». Цвѣты посыпались къ ногамъ Августѣйшаго путешественника, удостоившаго преподающихъ краткимъ милостивымъ разговоромъ. Когда вагоны тронулись, священникъ сталъ ихъ осѣнять крестомъ. Это трогательное напутствіе отъ лица Церкви, — послѣднее въ родныхъ предѣлахъ, — произвело сильное благотворное впечатлѣніе. Осязательно сказалась глубокая внутренняя связь не съ одной небольшой группой прощавшихся съ Престолонаслѣдникомъ, но со всею неоглядною страною, разстилавшеюся за скромными лапинскими домами, за туманной окрестностью. День былъ такой же холодный, какъ и вчера, но понемногу свѣтлѣло.

Въ 3 часа 23 минутъ прибытіе на станцію Прага Привислянская, гдѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ нетерпѣніемъ ожидается мѣстными военными и гражданскими властями. Варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками генералъ-адъютантъ І. В. Гурко и его помощникъ, генералъ-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, выдѣляются на убранномъ флагами и экзотическими растеніями дебаркадерѣ, среди собравшихся генераловъ, главныхъ представителей чиновнаго міра и множества офицеровъ. Торжественные звуки гимна раздаются со стороны почетнаго караула со знаменемъ, выставленнаго отъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, котораго Его Императорское Высочество состоитъ Шефомъ. Августѣйшій путешественникъ, выйдя изъ вагона и сказавши нѣсколько словъ генералъ-адъютанту Гурко, идетъ по фронту роты и здоровается съ людьми, послѣ чего командующій войсками представляетъ Наслѣднику Цесаревичу генераловъ. Пропустивъ караулъ и музыку, Его Императорское Высочество входитъ въ Императорскіе покои, гдѣ генералъ-губернаторъ представляетъ ему высшихъ гражданскихъ чиновъ, и здѣсь въ теченіе получаса бесѣдуетъ

съ генералъ-адъютантомъ Гурко и графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ ожиданіи, когда подадутъ другой «заграничный» поѣздъ. Дебаркадеръ сплошь занятъ густою массою избранныхъ лицъ, желающихъ хоть издали взглянуть на уѣзжающаго Великаго Князя.

Наконецъ и съ Варшавой пора разстаться. Часъ остановки пролетѣлъ незамѣтно. Толпа передъ Царскими комнатами разступается. Наслѣдникъ Цесаревичъ уже прощается съ генералъ-губернаторомъ.

Его Императорское Высочество сталъ у окна, составлявшаго почти цѣлую стѣну вагона-столовой и долго не отходилъ, любуясь видомъ дороги въ городъ. Путь этотъ изгибался отъ Пражскаго вокзала къ желѣзнодорожному мосту, подъ которымъ долженъ былъ проѣхать поѣздъ Наслѣдника Цесаревича, почему-то шедшій сначала очень тихимъ ходомъ. Цѣлая нескончаемая вереница экипажей приближалась къ указанному мосту, исчезала подъ нимъ, снова растягивалась. Прокрадывавшееся солнце освѣщало парадныя формы множества лицъ, разъѣзжавшихся послѣ торжественной встрѣчи. По мѣрѣ того какъ онѣ дѣлались менѣе ясными и болѣе отдаленными, ближе и шире казалась рѣка съ разведенными, кое-гдѣ на плотахъ, кострами. Крайне быстро темнѣло. Осязательнѣе чувствовалось разставаніе съ Россіей. Возбужденное состояніе нервовъ усиливалось.

Ночью предстояло пересѣчь границу, затѣмъ наглядно представлялась во всей красѣ блестящая оживленно-шумная Вѣна; но здѣсь, въ уютныхъ Великокняжескихъ вагонахъ, связанныхъ между собою теплыми крытыми переходами, съ дежурными кондукторами у тормазовъ, будущее мнилося непонятнымъ сномъ, настоящее-же чѣмъ-то такимъ, что и не должно-бы измѣниться. Кругомъ, извнѣ — холодно, сыро, тревожно и темно: у насъ — свѣтъ, тепло и относительный покой. Сколько вѣрноподданныхъ сердецъ мысленно провожаетъ въ ночи Великаго Князя, при Его быстромъ движеніи въ чужеземную даль!

Четвергъ, 25 октября (6 ноября)

Утро уже застаетъ на австрійской территоріи. Несмотря на дурную погоду, рано въ сумеркахъ, на станціяхъ Трухна, Острава и Цаухтель замѣчаются сборища любопытныхъ. Чуть-ли не всѣ въ поѣздѣ спятъ; никто изъ него не выглядываетъ, а между тѣмъ мѣстные жители толпятся, пытаясь уловить хоть какую нибудь характерную подробность относительно слѣдованія въ Вѣну Августѣйшаго путешественника.

До завтрака, въ 10-мъ часу, въ Перовѣ, Его Императорское Высочество встрѣченъ нашимъ посломъ въ Австріи княземъ Лобановымъ Ростовскимъ. Народъ на станціяхъ все прибываетъ и прибываетъ. Въѣздъ въ столицу, судя по всѣмъ примѣтамъ, предвѣщаетъ необыкновенное многолюдіе. Погода проясняется. Первые, съ минуты отбытія изъ Гатчины, яркіе лучи разливаются по окрестности.

Мы миновали Градишъ и Люнденбургъ. Полденъ. Въ вагонѣ столовой накрытъ завтракъ. Въ огромныя окна вливается много свѣта и виднѣется совершенно ровная мѣстность, цвѣтущій край съ превосходной земледѣльческой культурой. Желѣзная дорога пересѣкаетъ р. Тайю, которая отдѣляетъ Моравію отъ Австріи. Вскорѣ поѣздъ проходитъ по близости къ «Моравскому полю» (Marchfeld), гдѣ въ XIII в. происходили двѣ исторически важныхъ битвы: Оттокаръ Чешскій разбилъ здѣсь Венгровъ, а потомъ самъ погибъ, побѣжденный Рудольфомъ Габсбургскимъ. Съ восточной стороны обрисовываются Малыя Карпатскія горы. Путь неоднократно лежитъ у р. Моравы: за ней начинается Венгрія. Какихъ-нибудь полчаса остаются до Вѣны. Надо переодѣваться, позаботиться о томъ, что

брать съ собою изъ вещей во дворецъ на кратковременную стоянку. Вагоны все быстрѣе и быстрѣе катятся по равнинѣ. Неужели мы дѣйствительно успѣли отлетѣть отъ родной столицы свыше 1,500 верстъ?

Изъ-за лѣсистыхъ дунайскихъ побережій уже выглянула верхушка собора Св. Стефана. Наслѣдникъ Цесаревичъ уже вышелъ къ свитѣ въ австрійскомъ мундирѣ пятаго уланскаго полка, котораго Онъ состоитъ Шефомъ, и при лентѣ Св. Стефана. Поѣздъ съ грохотомъ и свистомъ стремится по длинному желѣзному мосту надъ водами Дуная. Слѣва и справа чернѣютъ другіе мосты. Постепенно замедляя ходъ, паровозъ, ровно въ 2 часа, останавливается подъ сводами гигантскаго «Сѣвернаго желѣзнодорожнаго вокзала» (Nordbahnhof).

Много свѣту струится сверху на величественную картину наступившаго пріема въ Вѣнѣ! Императоръ Францъ Іосифъ, съ эрцгерцогами, довольно близко подошелъ къ поѣзду. Его величество — въ формѣ нашего Кексгольмскаго гренадерскаго полка; его императорское и королевское высочество эрцгерцогъ Карлъ Людвигъ — въ формѣ Лубенскихъ драгунъ, его императорское и королевское высочество эрцгерцогъ Вильгельмъ — въ русской конно-артиллерійской формѣ. Эрцгерцоги Францъ Фердинандъ Эсте, Оттонъ и Фердинандъ, сыновья эрцгерцога Карла Людвига, а также эрцгерцогъ Райнеръ — въ австрійскихъ мундирахъ. Кромѣ императора, еще три члена Габсбургскаго дома — въ лентахъ Св. Андрея Первозваннаго.

ВѢНА.
СѢВЕРНЫЙ ВОКЗАЛЪ.

Сколько глазъ жадно ловитъ минуту Высочайшаго свиданія! Давно-ли проѣздъ на Востокъ былъ рѣшенъ черезъ Константинополь, на пути ко Гробу Господню? Неожиданная перемѣна маршрута радостно привѣствовалась въ радушной Вѣнѣ.

Въ прошломъ году Наслѣдникъ Цесаревичъ, возвращаясь изъ Аѳинъ, инкогнито посѣтилъ столицу Австріи. Теперь же онъ вступитъ въ ея запруженныя народомъ улицы съ почестями, какія оказываются лишь Коронованнымъ Особамъ. Пріемъ его одинаковъ съ незадолго передъ тѣмъ бывшимъ пріемомъ Германскаго императора.

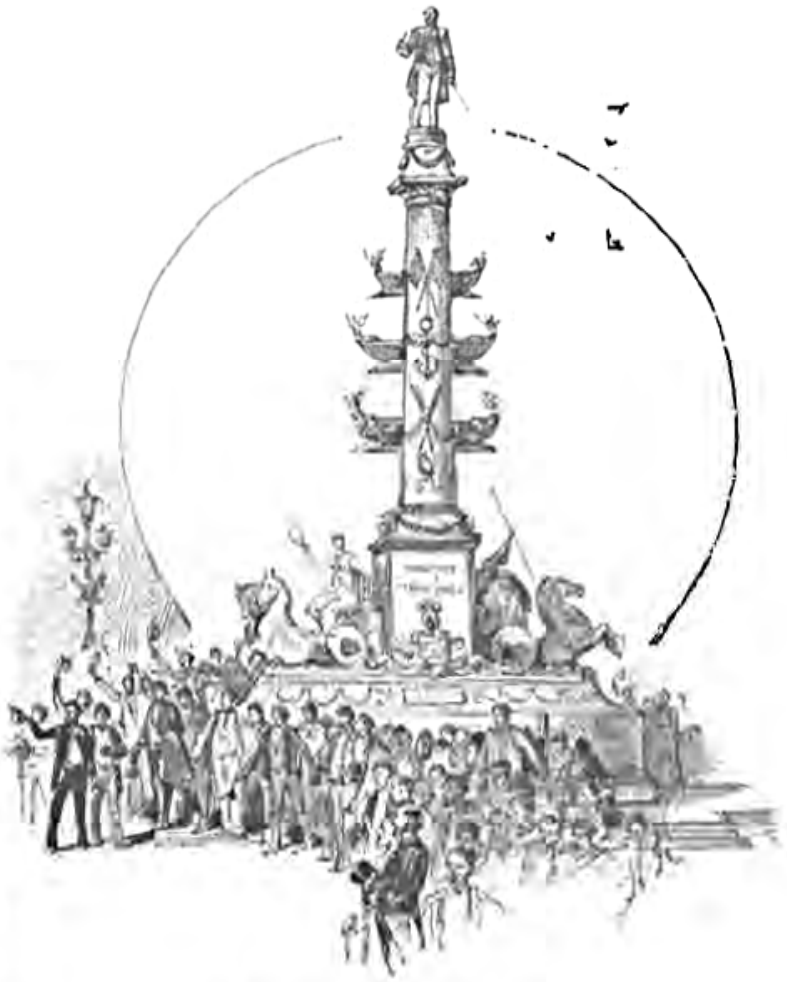
Императоръ Францъ Іосифъ самымъ сердечнымъ образомъ обнимаетъ и цѣлуетъ Высокаго Гостя. Побѣдные звуки гимна придаютъ особую торжественность и безъ того знаменательной встрѣчѣ, о которой въ данную минуту говоритъ и думаетъ вся занимающаяся политикой Европа. Русскій Престолонаслѣдникъ столь же тепло здоровается съ

эрцгерцогомъ Карломъ Людвигомъ, обмѣнивается дружескими рукопожатіями съ прочими эрцгерцогами.

Его величество и Его Императорское Высочество идутъ по фронту почетнаго караула со знаменемъ и хоромъ музыки, выставленнаго отъ венгерскаго пѣхотнаго полка (№ 19) эрцгерцога Франца Фердинанда Эсте. Затѣмъ слѣдуетъ представленіе Великому Князю главныхъ лицъ императорской свиты, послѣ чего Наслѣдникъ Цесаревичъ называетъ императору своихъ спутниковъ и успѣваетъ сказать нѣсколько словъ находившемуся на дебаркадерѣ здѣшнему военному агенту, полковнику Зуеву, совѣтнику и секретарямъ нашего посольства: князю Кантакузину, барону Будбергу и графу Палену.

Императоръ Францъ Іосифъ и его Высокій Гость направляются къ выходу черезъ придворные покои вокзала, извѣстные красотою отдѣлки. Въ хлынувшемъ за Ними многолюдьѣ невозможно даже вскользь посмотрѣть на отличающія ее фрески и водоемъ.

Его Величество приглашаетъ Русскаго Престолонаслѣдника занять мѣсто по правую руку въ открытой парной коляскѣ, въ которой Они и выѣзжаютъ въ запруженную ликующимъ народомъ Nordbahnstrasse. Живой темпераментъ населенія сказывается въ неподдѣльной восторженности пріема. Еще раньше, когда императоръ направлялся въ русскомъ мундирѣ на встрѣчу Его Императорскаго Высочества, въ сопровожденіи дежурнаго генералъ-адъютанта графа Паара, улицы оглашались радостными кликами на пути слѣдованія монарха. Теперь же радушіе пріема проявляется съ крѣпнущимъ напряженіемъ чувства. Вездѣ знаки уваженія и восторга. Вездѣ образцовый порядокъ. Конная и пѣшая полиція (такъ называемая «Sicherheitswache») въ парадной формѣ разставлена среди толпы, до того хорошо дисциплинированной, что присутствіе подобной стражи едва-ли не служитъ однимъ только украшеніемъ.



ПАМЯТНИКЪ ТЕГЕТГОФА.

За императорскимъ экипажемъ ѣдетъ нашъ посолъ князь Лобановъ-Ростовскій съ княземъ Кантакузинымъ, потомъ виднѣются графъ Пааръ съ княземъ Барятинскимъ, назначенный состоять при Особѣ Наслѣдника Цесаревича венгерскій магнатъ генералъ-лейтенантъ графъ Пальфи (Pálffy) съ княземъ Кочубеемъ, князь Оболенскій съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ графомъ Шафготшъ (Schaffgotsch) и т. д.

По дорогѣ ко дворцу, вдоль Praterstrasse и Ringstrasse, народныя овацiи не прекращаются. Между вокзаломъ и Praterstern'омъ, гдѣ высится характерный памятникъ «австрійскаго Нельсона», адмирала Тегетгофа (Tegetthoff), героя побѣды при Лиссѣ, — хорваты и сербы-студенты машутъ платками и оглашаютъ воздухъ своими бурными «живіо!».

Взоръ невольно медлитъ на монументальномъ созданіи художника Кундтмана. Аллегорическія фигуры борьбы и торжества встали надъ гранитнымъ подножіемъ, имѣя передъ собою полуконей-полурыбъ. По серединѣ возносится болѣе чѣмъ пяти-саженная мраморная колонна съ выступающими изъ нея носами кораблей, отдаленно напоминающая царскосельскій памятникъ, на озерѣ, въ честь моряковъ Екатерининскаго времени. Австрійскій адмиралъ, изображенный гораздо выше роста человѣческаго, стоитъ съ подзорной трубою и саблею въ рукахъ.

Дальше на улицахъ чешская молодежь громогласно восклицаетъ: «Слава!» Впечатлѣніе отъ пріема — чрезвычайно яркое и пріятное. Какъ жаль, что пребываніе въ Вѣнѣ, при исключительныхъ условіяхъ, столь мимолетно, что надо дорожить каждымъ испытываемымъ мгновеніемъ!.... Съ другой стороны однако рвешься поскорѣе въ Тріестъ къ эскадрѣ, чтобы наконецъ началось настоящее взлелѣянное въ грезахъ путешествіе.

Въ величавомъ Гофбургѣ Его Императорское Высочество встрѣченъ старшимъ оберъ-гофмейстеромъ принцемъ Гогенлоэ и оберъ-церемоніймейстеромъ гр. Гуніади. Они провожаютъ Великаго Князя въ отведенные Ему покои, передъ которыми собирается рядъ чиновъ двора. Германскій посолъ принцъ Рейсскій (Prinz Reuss) и другіе послы, а также гр. Волькенштейнъ, представитель Австріи въ Петербургѣ, немедленно дѣлаютъ визитъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Онъ отправляется съ визитомъ въ покои его величества. Императоръ Францъ-Іосифъ, выйдя затѣмъ оттуда съ Его Императорскимъ Высочествомъ, подходитъ къ великокняжескимъ спутникамъ и удостоиваетъ каждаго разговоромъ.

Наступаетъ краткій перерывъ. Въ четыре часа безъ четверти, назначенные состоять при Высокомъ Гостѣ гр. Пальфи и командиръ пятаго уланскаго полка, коего Августѣйшій путешественникъ именуется Шефомъ, полковникъ фонъ-Комерсъ уже ждутъ, чтобы сопровождать Русскаго Престолонаслѣдника по городу, такъ какъ предстоитъ навѣстить пріѣзжавшихъ во дворецъ эрцгерцоговъ.

Четыре придворныхъ экипажа готовы у крыльца для Его Императорскаго Высочества и свиты. Великій Князь продолжаетъ быть въ австрійской формѣ. Первый визитъ — его императорскому и королевскому высочеству эрцгерцогу Карлу Людвигу въ «Favoritenstrasse». Хозяинъ со своимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Пеячевичемъ, встрѣчаетъ Наслѣдника Цесаревича у лѣстницы внизу. Входъ убранъ цвѣтами. Ступая по тяжелымъ коврамъ, не слышишь шаговъ. Высокаго Посѣтителя принимаетъ въ I-мъ этажѣ дворца вся эрцгерцогская семья въ такъ называемомъ «Holzsaal», гдѣ недавно еще былъ гостемъ императоръ Вильгельмъ. Эрцгерцогиня Марія Терезія — въ бѣломъ платьѣ. Вокругъ нея эрцгерцоги: Францъ Фердинандъ Эсте, Оттонъ и Фердинандъ, эрцгерцогини: Марія-Іозефа, супруга эрцгерцога Оттона, и Маргарита Софія. Великій Князь довольно долго остается здѣсь въ гостяхъ. Передъ Его отъѣздомъ изъ дома хозяинъ и хозяйка обходятъ русскую свиту съ любезными распросами.

Изъ Favoritenstrasse Августѣйшій путешественникъ направляется съ визитомъ во дворцы эрцгерцоговъ Райнера и Вильгельма, но не застаетъ ихъ дома, вслѣдъ затѣмъ въ русское посольство, гдѣ остается около двадцати минутъ, и къ такъ называемой «Kapuzinergruft» или «Kaisergruft» для возложенія вѣнка на могилу безвременно скончавшагося наслѣднаго принца Рудольфа. Капуцинскій монастырь возникъ на этомъ мѣстѣ въ началѣ XVII вѣка, и съ тѣхъ поръ около него погребаются члены Габсбургскаго дома. Свыше ста гробницъ насчитывается въ замѣчательно красивой усыпальницѣ. Среди монарховъ и монархинь покоится лишь одно лице, не связанное съ ними узами крови: графиня Фуксъ,

ШЕНБРУНСКИ ДВОРЕЦЪ

личный другъ ея величества знаменитой Маріи-Терезіи. Обходя грустное подземелье, по которому Его Императорское Высочество провожаютъ со свѣточами отцы-монахи Блазіусъ Рукмихъ и Губертъ, Великій Князь вслухъ выражаетъ свое восхищеніе художественной отдѣлкой иныхъ саркофаговъ.

Въ шесть часовъ назначенъ парадный обѣдъ въ Шёнбрунѣ, за городомъ, куда императоръ Францъ-Іосифъ уже выѣхалъ въ пятомъ часу. Время пребыванія въ Вѣнѣ летитъ съ такой лихорадочною быстротой, что не успѣваешь ни на что оглянуться, ни во что вглядѣться. Тяжелый, утомительный день! Средневѣковая атмосфера придворной обстановки, словно унаслѣдованная еще отъ эпохи, когда начиналъ создаваться самый Гофбургъ, весь строго выдержанный строй придворнаго быта производятъ сильное, глубокое впечатлѣніе, — и притомъ на рубежѣ восточныхъ притягивающихъ къ себѣ міровъ, гдѣ законодательницей явится совершенно отличная отъ европейскихъ вкусовъ роскошь, гдѣ совершенно другой этикетъ. Передъ отбытіемъ Наслѣдника Цесаревича въ Шёнбрунъ, Его свитѣ препровождены пожалованные императоромъ ордена.

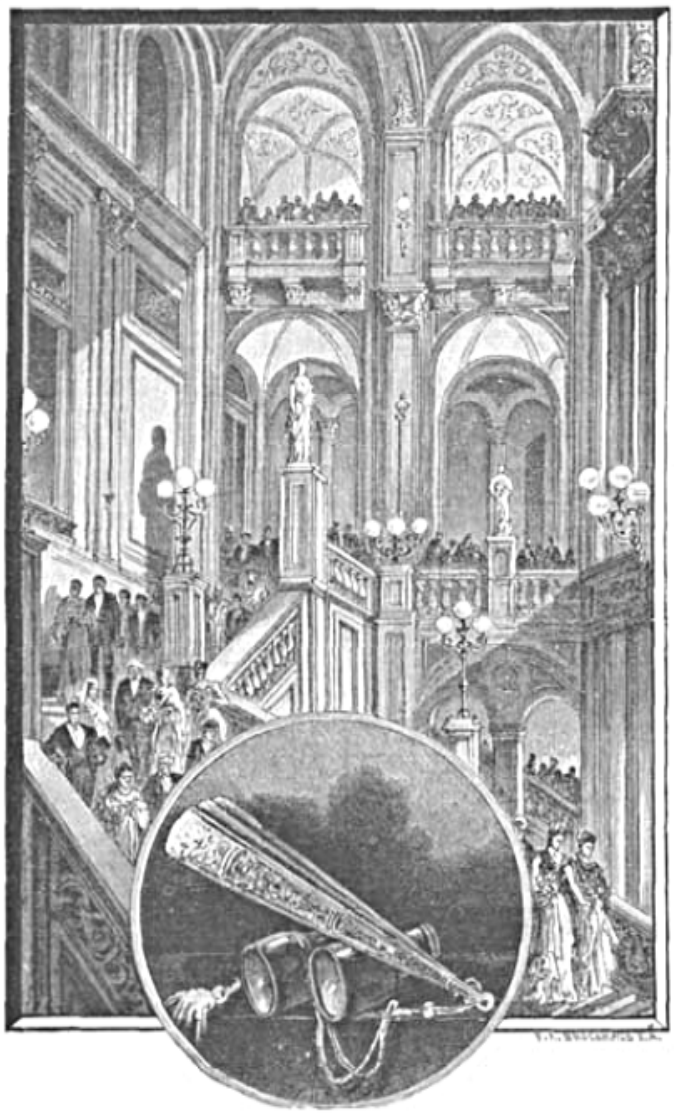
На улицахъ, по прежнему, громадное стеченіе народа, точно толпы, привѣтствовавшія Царскаго Первенца, пока было свѣтло, и теперь не хотятъ упустить случая еще разъ посмотрѣть на Него, — хотя что можно видѣть съ ярко освѣщенныхъ тротуаровъ, когда Августѣйшій путешественникъ отправляется на обѣдъ въ закрытомъ экипажѣ!

Быстрые кони мчатъ Его черезъ Ring, Babenbergerstrasse и Schönbrunnerstrasse къ близкому загородному дворцу. Императоръ, въ русскомъ мундирѣ, встрѣчаетъ Молодаго Гостя на такъ-называемой «Голубой лѣстницѣ», идетъ съ Нимъ въ «Зеркальную комнату». Избранное общество удостоенныхъ приглашенія къ столу, въ ожиданіи выхода Высочайшихъ Особъ къ обѣду, собралось въ «Розовой комнатѣ». Кромѣ нашей дипломатической миссіи и нашего военнаго агента, кромѣ главныхъ упомянутыхъ лицъ австрійской и русской свиты, въ числѣ остальныхъ гостей можно, между прочимъ, указать на оберъ-камергера графа Траутмансдорфа, оберъ-гофмаршала графа Сэчена, министра-президента гр. Таафе, князя Виндишгреца, оберъ-егермейстера графа Трауна, военнаго министра фонъ-Бауэра, министра финансовъ барона Каллай, адмирала фонъ-Стернекъ, генералъ-адъютанта фонъ-Болфрасъ. Изъ дамъ, кромѣ эрцгерцогинь, присутствуютъ только оберъ-гофмейстерина графиня Шёнфельдъ, гр. Штольбергъ и гр. Паллавичини.

Высокая длинная галлерея шёнбрунскаго дворца, — вся въ зелени и цвѣтахъ, со старинною живописью на потолкѣ — залита огнями, отражающимися въ многочисленныхъ зеркалахъ. По правую руку отъ императора занялъ мѣсто за обѣденнымъ столомъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Эрцгерцогиня Марія-Терезія — по другую сторону отъ Его Императорскаго Высочества. Противъ державнаго хозяина сидятъ князь Лобановъ-Ростовскій и князь Гогенлоэ. Превосходный оркестръ то уноситъ въ міръ звуковъ Гуно и «Миньоны», то ласкаетъ упоеніемъ штраусовскихъ вальсовъ, которые нигдѣ такъ не нравятся, нигдѣ такъ не дѣйствуютъ на воображеніе, какъ во взлелѣявшей ихъ Вѣнѣ, ибо она несомнѣнно наложила на эти музыкальныя произведенія свой особый жизнерадостный отпечатокъ.

Мы прощаемся здѣсь со столичною европейскою помпою. Завтра начнется настоящее путешествіе, которымъ все грезишь и грезишь на яву. Убаюкиваемая чарующею музыкой мечта раздвигаетъ блестящія стѣны чертога, рисуетъ заманчивыя страны, торопитъ мгновенья къ желанному будущему. Разговоры вращаются въ условной чертѣ извѣстныхъ тэмъ,

обѣденный залъ сіяетъ праздничнымъ убранствомъ; но слухъ и зрѣніе невольно далеки отъ окружающаго великолѣпія. А между тѣмъ до чего онъ хорошъ самъ по себѣ этотъ Шёнбрунъ! Не даромъ уже 320 лѣтъ назадъ Максимиліанъ II, точно прозрѣвая грядущее значеніе мѣстечка, строитъ тутъ охотничій замокъ. Потомъ его, правда, дарятъ одному министру. Но изъ частныхъ рукъ онъ снова переходитъ въ монаршія, послѣ того какъ императоръ Матѳѣй въ 1619 г. нашелъ при немъ прекрасный источникъ. Его живительная вода служитъ причиной наименованія мѣста «Шёнбруномъ». Двѣсти лѣтъ назадъ его опустошаютъ турки, но замокъ возстаетъ изъ развалинъ, разростается, хорошѣетъ. Императрица Марія-Терезія и Іосифъ II особенно заботятся объ его благоустройствѣ. Теперь этотъ историческій дворецъ, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ рядъ событій (Наполеона I властелиномъ западной Европы; герцога Рейхштадскаго, умирающимъ въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ останавливался его всемогущій отецъ; блескъ продолжительнаго Вѣнскаго конгресса и т. д.) вмѣщаетъ до полутора тысячъ комнатъ, по истинѣ можетъ считаться Версалемъ Габсбургскаго дома.



ВЪ ЗДАНІИ ВѢНСКОЙ ОПЕРЫ.

Послѣ обѣда, въ «Розовой комнатѣ» — cercle. Императоръ Францъ-Іосифъ представляетъ своему Гостю нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей Австріи и самъ, еще разъ, милостиво разговариваетъ со свитою Великаго Князя.

До посѣщенія театра Августѣйшій путешественникъ заѣзжаетъ изъ Шёнбруна въ Гофбургъ и черезъ четверть часа направляется оттуда съ его величествомъ въ оперу. Державный хозяинъ и эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ Эсте — въ уланской формѣ полка, коего Наслѣдникъ Цесаревичъ состоитъ Шефомъ. Они занимаютъ такъ-называемую «Incognitologe», внизу съ правой стороны отъ сцены, а свита размѣщается въ центрѣ верхняго этажа, въ камергерской ложѣ и въ ложѣ кн. Гогенлоэ.

Представленіе уже давно началось. Идетъ третій актъ «Африканки». Исполненіе артистовъ, конечно, безукоризненное, акустика превосходна; но за часъ до отъѣзда въ трехсотдневное путешествіе трудно всецѣло отдаваться эстетическимъ впечатлѣніямъ. Передъ окончаніемъ спектакля, въ исходѣ десятаго часа, императоръ и Его Императорское Высочество покидаютъ зданіе оперы. Экипажи несутся къ «Южному вокзалу», гдѣ ждетъ маленькій экстренный поѣздъ. Русскій пришлось оставить въ Вѣнѣ, такъ какъ путь горами къ Тріесту очень труденъ и австрійскіе инженеры не рѣшились пустить по нему тяжелые и многочисленные Великокняжескіе вагоны. Послѣ идеальнаго комфорта нашихъ прежнихъ купэ здѣсь положительно чувствуешь себя въ тѣснотѣ. Но, что же дѣлать! на то мы и за границей.

Сейчасъ четверть одиннадцатаго. Его величеству самому надо торопиться на другой вокзалъ, въ виду своего отъѣзда въ Гёдёллё. Державный хозяинъ на прощаніе опять обнимаетъ и цѣлуетъ Молодаго Гостя. Еще моментъ, — и съ каждымъ поворотомъ колесъ мы ближе къ теплу, ближе къ манящему морю.

Разстояніе до него отъ Вѣны любопытно изъ-за работъ, предпринятыхъ здѣсь, впервые въ Европѣ, для соединенія столицы съ югомъ черезъ неудобопроходимый Semmering. Земмерингскую желѣзную дорогу начали строить въ 1848 г. и окончили лишь въ 1854 г. съ затратою въ 15 милліоновъ гульденовъ. На ней, что достойно вниманія, — никогда никакихъ катастрофъ. Ѣзда тѣмъ не менѣе непріятна. При довольно быстромъ ходѣ горнаго локомотива поминутно испытываешь сильные толчки и, несмотря на усталость, не можешь спокойно заснуть, — а вокругъ дымно, темно, нельзя даже утѣшиться созерцаніемъ живописной мѣстности.

Пятница, 26 октября (7 ноября).

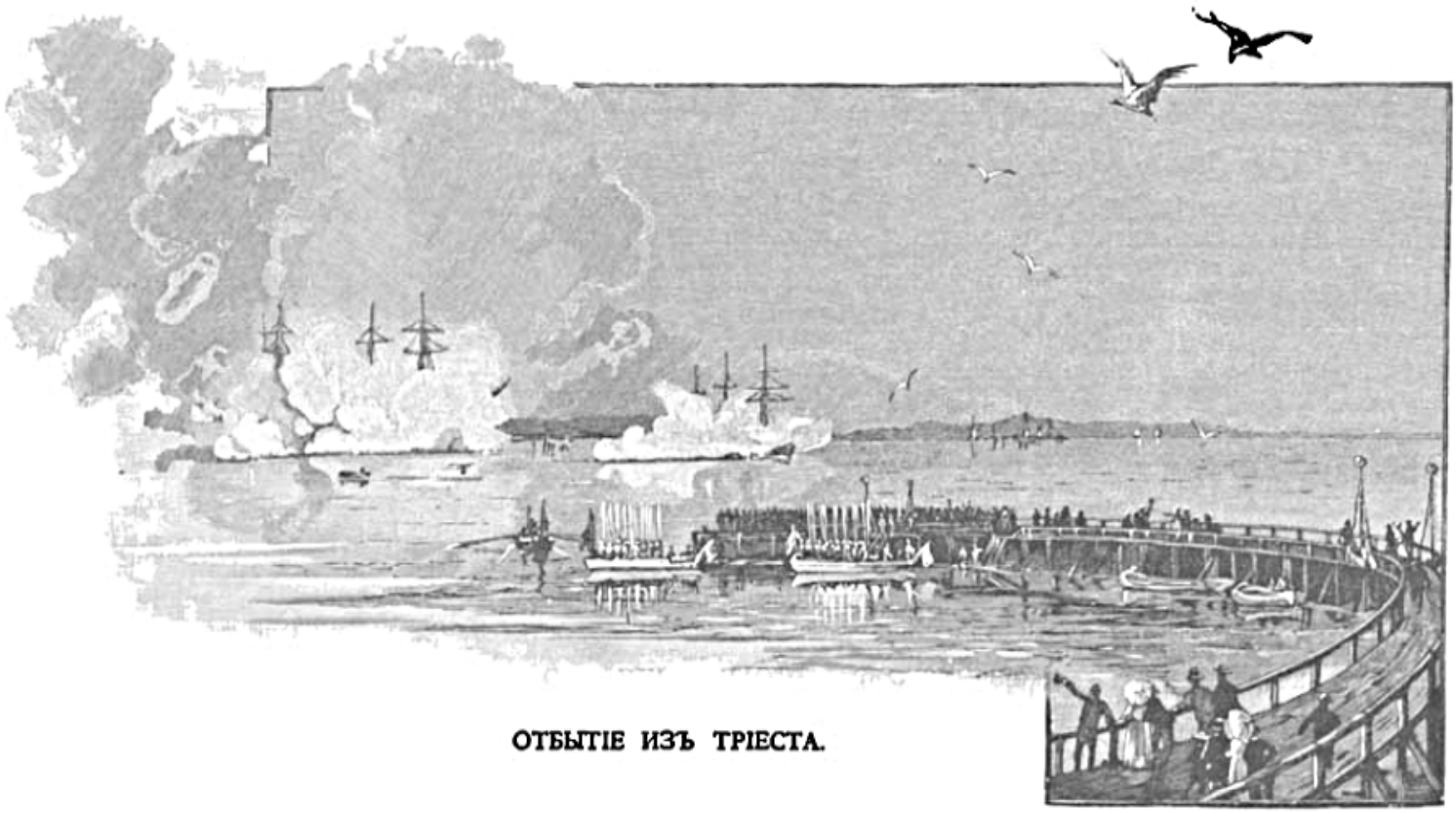
Хотя прибытіе въ Тріестъ назначено въ 11 часовъ, всѣ путешествующіе очень рано встали. Его Императорское Высочество помѣстился въ узенькомъ купэ, гдѣ импровизирована столовая на 6 человѣкъ, которые едва въ состояніи шевельнуться. На крутыхъ поворотахъ просто не усидѣть на мѣстѣ, — до того качаетъ и бросаетъ. Послѣ станціи Св. Петра по сторонамъ раскидывается унылое, безплодное, безобразное пространство — Karst: нагія ущелья разсѣкаютъ его вдоль и поперекъ, груды каменьевъ ерошатъ буро-сѣрую поверхность, потрескавшіяся скалы нависаютъ надъ лишеннымъ всякаго величія пустыремъ. Верстахъ въ двадцати отъ Тріеста дорога спускается къ морю. Виднѣются итальянскія названія. Вѣетъ иною жизнью. Голубыя волны блещутъ вдали. Сбоку, у побережья, легко различить Мирамарэ, красивый замокъ несчастнаго императора Мексики — Максимиліана. Вотъ и декорированный для встрѣчи вокзалъ, гдѣ Государя Наслѣдника Цесаревича ожидаютъ намѣстникъ края, военныя власти и русскій консулъ. Пока Великій Князь садится съ кн. Барятинскимъ въ экипажъ, собравшаяся у станціи толпа кланяется, дамы машутъ платками. Но затѣмъ, по мѣрѣ слѣдованія набережными къ пристани Св. Андрея, населеніе, несмотря на впечатлительность южанъ, провожаетъ Гостя довольно равнодушно. Это явленіе особенно странно, какъ контрастъ послѣ яркаго вчерашняго радушія, тѣмъ болѣе, что Его Императорское Высочество — въ морской формѣ, кн. Барятинскій и Оболенскій — въ свитской; наконецъ кавалергардская форма кн. Кочубея и лейбъ-гусарская Волкова, — впервые появляющіяся въ здѣшней мѣстности, — должны бы, кажется, привлекать вниманіе населенія. Какой-то полицейскій даже не находитъ нужнымъ, стоя, отдать честь. Насколько простая и симпатичная Вѣна навсегда врѣзалась въ память теплотою выраженныхъ чувствъ, настолько отъ Тріеста получается смѣшанное впечатлѣніе чего-то холоднаго, недосказаннаго. За то вокругъ столько солнца и такъ призывно разстилается море! . . . .

Вотъ и эскадра наша чернѣетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, на немъ собрались моряки, у ската къ водѣ расположился фотографъ съ аппаратомъ. Катера ждутъ приближенія Престолонаслѣдника. Въ группѣ встрѣчающихъ ясно выдѣляется Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ.

НА ПУТИ ВЪ ПАТРАСЪ.

Пятница — понедѣльникъ, 26—29 октября (7—10 ноября).

Погода тихая, теплая, ясная. Морская поверхность ласково манитъ вдаль. Фрегаты («Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ»), съ канонерскою лодкою «Запорожецъ» составляющіе отрядъ контръ-адмирала Басаргина, замерли въ ожиданіи, когда на носовомъ флагштокѣ Великокняжескаго гребнаго катера появится флагъ Государя Наслѣдника Цесаревича.



ОТБЫТІЕ ИЗЪ ТРІЕСТА.

Лишь только онъ поставленъ, бѣлыя легкія струйки дыма взвиваются вдоль борта нашихъ судовъ. Выстрѣлы падаютъ съ оглушительнымъ раскатомъ на сонныя воды. Матросы посланы по реямъ и кричатъ «ура». Эхо разростается и грохочетъ, вторя искусственнымъ громамъ: пространство между пристанью и выходомъ въ море погружается въ облачную пелену, которая быстро разрывается и свѣтлѣетъ.

Впрочемъ, лазурныя воды и окрестность вскорѣ опять подернутся пороховою мглою: Августѣйшіе Братья, посѣтивъ фрегатъ «Память Азова», до отбытія изъ Тріеста объѣдутъ и прочія суда, торжественно встрѣчаемые и провожаемые далеко раскатывающимися «ура!» и почти несмолкаемымъ салютомъ. Это — чисто русскій праздникъ нашей небольшой эскадры въ моментъ, когда ей на долю достается высокая честь сопровождать Великихъ Князей въ ихъ продолжительномъ плаваніи, — такъ-сказать сливаясь помышленіями съ цѣлою Россіей, молящейся о благополучіи Сыновей своего Царя. Въ грохотѣ орудій и радостныхъ крикахъ командъ точно воплощаются чувства всего стомилліоннаго народа. То, что волнуетъ сердца моряковъ и свиту Наслѣдника Цесаревича, до такой степени глубоко исключительно, что какъ явленіе должно оставаться совершенно непонятнымъ сосѣднему побережью съ его интересами полуиталіанскаго коммерческаго города, связаннаго съ самой Австріей одною лишь давностью общихъ торговыхъ выгодъ. Воздухъ вздрагиваетъ отъ тяжелыхъ пушечныхъ ударовъ. Волны плавно расходятся подъ дружными весельными взмахами мощныхъ гребцовъ Великокняжескаго катера. Загорѣлыя молодецкія лица. Беззавѣтною преданностью горящіе взоры. Музыка, несущаяся съ посѣщаемыхъ судовъ. Сколько поэзіи въ каждомъ изъ такихъ своеобразныхъ впечатлѣній! И это еще въ началѣ гигантскаго путешествія... Даже жутко подумать о подобныхъ же минутахъ, ожидающихъ впереди.

Мы наконецъ на фрегатѣ «Память Азова». На гротъ-брамъ-стеньгѣ поднятъ флагъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Второй часъ пополудни. Вскорѣ отрядъ снимется съ якоря. Пока грузится багажъ, понемногу стараешься освоиться съ непривычною обстановкой, въ которой предстоитъ прожить, съ перерывами, нѣсколько мѣсяцевъ; знакомишься съ обществомъ офицеровъ, осматриваешь каюты, проникаешься сознаніемъ, что кругомъ — нашъ домъ до Владивостока, что фрегатъ отнынѣ становится центромъ нашихъ симпатій и привычекъ, что внѣ его — суровая, хотя и гостепріимная чужбина.

Пора поименовать лицъ, несущихъ службу на фрегатѣ «Память Азова». Вѣдь съ 26 октября (7 ноября) они въ морѣ — постоянные спутники и собесѣдники Престолонаслѣдника. Число ихъ весьма значительно, — особенно много мичмановъ. Иные, несмотря на недостатокъ свободнаго помѣщенія, бодро мирятся въ крайней тѣснотѣ съ подобнымъ существеннымъ неудобствомъ. Всѣмъ дорога мысль чувствовать себя въ непосредственной близости Августѣйшаго Первенца.

Правая рука нашего командира Н. Н. Ломена — старшій офицеръ капитанъ 2-го ранга О. А. Энквистъ.

Затѣмъ идутъ лейтенанты:

А. П. Андреевъ (командиръ 1-й роты).
В. А. Киселевъ (командиръ 2-й роты).
И. М. Новаковскій (артиллерійскій офицеръ).
Н. Н. Беклемишевъ (минный офицеръ).
А. В. Петровъ (ревизоръ).

Во главѣ длиннаго ряда мичмановъ стоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ.

За нимъ слѣдуютъ:

Баронъ Е. Р. Каульбарсъ.
А. А. Можайскій.
П. П. Титовъ.
Н. И. Бахметьевъ.
В. Д. Менделѣевъ.
П. А. Синицынъ.
В. К. Чернышевъ.
П. П. Азбелевъ.
И. В. Стеценко.
В. И. Лепко.
Графъ Г. Г. Кейзерлингъ.
Князь А. А. Голицынъ.
Н. Н. Шишкинъ.
Д. С. Михайловъ.

Корпуса штурмановъ: Н. В. Смѣльскій (старшій штурманъ) и подпоручикъ И. И. Конюшковъ (младшій штурманъ).

Корпуса инженеръ-механиковъ: А. А. Микковъ (старшій инженеръ-механикъ).

Помощники старшаго инженеръ-механика:

Ѳ. В. Антоновъ.
М. А. Мельниковъ.
П. А. Краацъ.

Старшій судовой врачъ: Ѳ. В. Смирновъ.

Младшій судовой врачъ: П. А. Давиньонъ.

Кромѣ того еще на фрегатѣ находятся: капитанъ морскаго училища Н. П. Азбелевъ, для научныхъ занятій съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, флагъ-офицеръ адмирала Басаргина лейтенантъ Кроунъ, флагманскій штурманъ лейтенантъ Н. П. Яковлевъ, іеромонахъ Александро-Невской лавры Филаретъ и юнкеръ Унковскій.

Велико счастіе, выпавшее на долю вышеозначенныхъ лицъ, во-первыхъ въ виду небывалыхъ условій предстоящаго плаванія, во-вторыхъ же и потому, что изъ всѣхъ судовъ славнаго русскаго флота съ именемъ «Азова» связаны одни изъ достославнѣйшихъ воспоминаній.

Съ того момента, какъ мы вступили на палубу величественнаго фрегата, и онъ и его прошедшее не могли не интересовать насъ въ высшей степени. Духовная атмосфера, которой приходилось полубезсознательно проникнуться, роднила насъ мало по малу съ тѣмъ, что знали, испытывали и думали наши спутники-моряки, справедливо гордившіеся своимъ Георгіевскимъ флагомъ, купленнымъ цѣною русской крови.

Въ столовой Наслѣдника Цесаревича прежде всего бросалась въ глаза картина Наваринскаго боя, гдѣ двѣнадцатый флотскій экипажъ обезсмертилъ себя выдающимся мужествомъ.

Шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ заложенъ былъ въ Архангельскѣ корабль «Азовъ», спущенный на воду 26-го мая 1826 г. и поступившій въ слѣдующемъ году въ эскадру генералъ-адъютанта адмирала Д. Н. Сенявина, поднявшаго на немъ свой флагъ и вышедшаго съ эскадрою на Кронштадтскій рейдъ 21-го мая 1827 года.

Вскорѣ по выходѣ эскадры на рейдъ Государь Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ корабль «Азовъ» и, осматривая арсеналъ, обратилъ особенное вниманіе на искусно выложенныя изъ ружейныхъ замковъ имена незабвенныхъ для русскихъ моряковъ побѣдъ прошлаго столѣтія. Послѣ послѣдней была сдѣлана буква *и*. Государь замѣтилъ это и спросилъ капитана Лазарева, что значитъ эта буква.

Михаилъ Петровичъ отвѣчалъ, что она означаетъ продолженіе ряда названій.

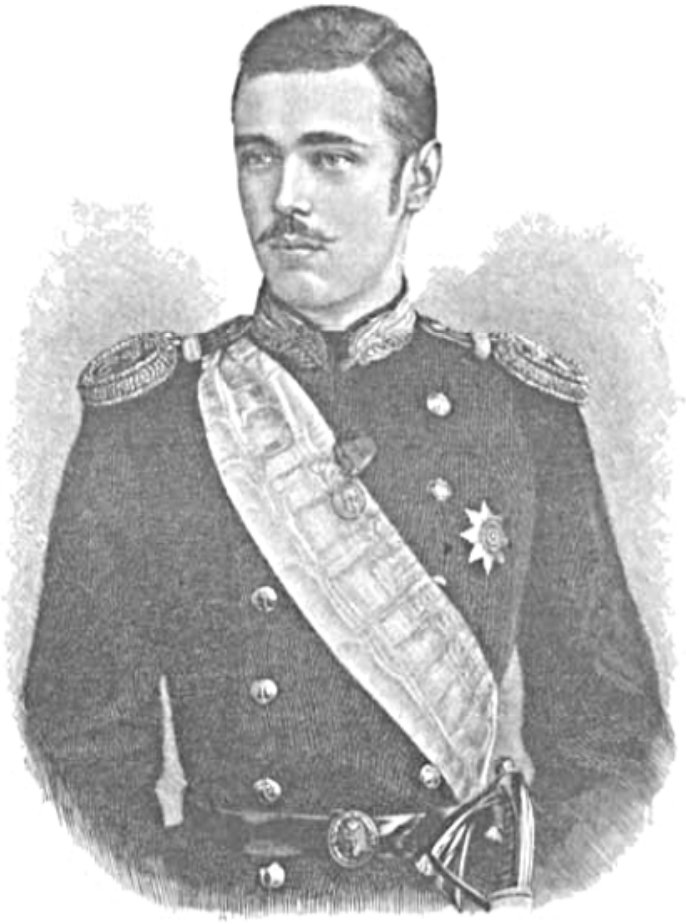
— «А что-же будетъ дальше»? съ удивленіемъ спросилъ Государь.

— «Имя первой побѣды Вашего Императорскаго Величества», отвѣчалъ Лазаревъ.

Съ 9-го на 10-е іюня, въ полночь, Николай Павловичъ неожиданно пріѣхалъ на корабль «Азовъ». Сигналомъ приказано было сняться съ якоря, начиная съ передовыхъ подвѣтренныхъ судовъ, и вскорѣ вся эскадра была уже подъ парусами. На «Азовѣ», съ восходомъ солнца, вмѣстѣ съ флагомъ подняли штандартъ, означавшій, что Государь лично предводительствуетъ флотомъ.

Послѣ маневровъ Императоръ, разставаясь съ эскадрой, произнесъ незабвенныя для нея слова:

«Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по-русски».



Е. И. В. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Л. П. Гейдена, поднявшаго свой флагъ на кораблѣ «Азовъ», отправилась въ Средиземное море.

1-го октября русская и англійская эскадры встрѣтились у острова Занте, и въ тотъ-же день пришла на соединеніе изъ Архипелага французская эскадра.

Дѣйствія Ибрагима-паши, командовавшаго турецко-египетскимъ флотомъ и опустошавшаго греческія побережья, доказали, что всѣ убѣжденія и даже угрозы безполезны, и потому на совѣтѣ союзныхъ адмираловъ, 7-го октября, рѣшено было войдти со всѣми кораблями въ Наваринскую бухту, стать тамъ на якорь возлѣ непріятельскихъ судовъ и тѣмъ самымъ принудить противника, чтобы онъ сосредоточилъ свои силы на этомъ пунктѣ и отвлекся отъ береговъ Мореи.

8-го октября 1827 г. турецко-египетскій флотъ началъ общую канонаду.

Въ это время русскій передовой контръ-адмиральскій фрегатъ «Азовъ» входилъ на рейдъ и по немъ былъ открытъ перекрестный огонь съ пяти кораблей, съ фрегатовъ, а также съ батарей, устроенныхъ при входѣ въ бухту. Этому же перекрестному огню подверглись и прочіе корабли, по мѣрѣ вхожденія ихъ туда.

Не смотря на сильный огонь съ батарей и съ тройной линіи судовъ, составлявшихъ правый флангъ турецкаго флота, «Азовъ» продолжалъ свой путь и безъ выстрѣла спокойно сталъ на якорь у назначеннаго ему мѣста. Прочія суда русской эскадры, также осыпаемыя ядрами, плавно становились на якорь по диспозиціи.

При всемъ нежеланіи начинать битву, союзный флотъ открылъ огонь, истребившій въ четыре часа времени флотъ, впятеро сильнѣйшій союзныхъ эскадръ.

Артиллерія корабля «Азова» дѣйствовала выше всякой похвалы: онъ потопилъ два большихъ фрегата и корветъ, сбилъ 80-ти пушечный корабль на мель, гдѣ тотъ и былъ взорванъ, наконецъ, что всего важнѣе, истребилъ фрегатъ подъ флагомъ главнокомандовавшаго турецкимъ флотомъ.

Изъ русскихъ судовъ болѣе другихъ потерпѣлъ отъ непріятельскаго огня, числомъ убитыхъ и раненыхъ, а равно и поврежденіемъ рангоута и такелажа корабль «Азовъ»: на немъ всѣ мачты были такъ пробиты, что при фальшивомъ вооруженіи съ трудомъ можно было нести на нихъ паруса. Въ корпусѣ корабля насчитывались 153 пробоины, между коими — 7 подводныхъ.

Послѣ Наваринскаго сраженія эскадра контръ-адмирала графа Гейдена перешла къ острову Мальтѣ, куда изъ Россіи вскорѣ присланъ былъ курьеромъ одинъ изъ лейтенантовъ, участниковъ боя, флигель-адъютантъ маркизъ де-Траверсе, привезшій съ собою Георгіевскій флагъ при Высочайшемъ рескриптѣ, который дословно гласитъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Флота Нашего Двѣнадцатому Линейному Экипажу.

Обращая вниманіе на славные подвиги Двѣнадцатаго флотскаго экипажа на кораблѣ «Азовѣ», въ восьмый день Октября текущаго года, при истребленіи соединенными эскадрами Россійскою, Англійскою и Французскою Турецко-Египетскаго флота у Наварина, Всемилостивѣйше жалуемъ экипажу сему Кормовой второй Дивизіи флагъ съ знаменіемъ Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ память достохвальныхъ дѣяній Начальниковъ, мужества и неустрашимости Офицеровъ и храбрости нижнихъ чиновъ.

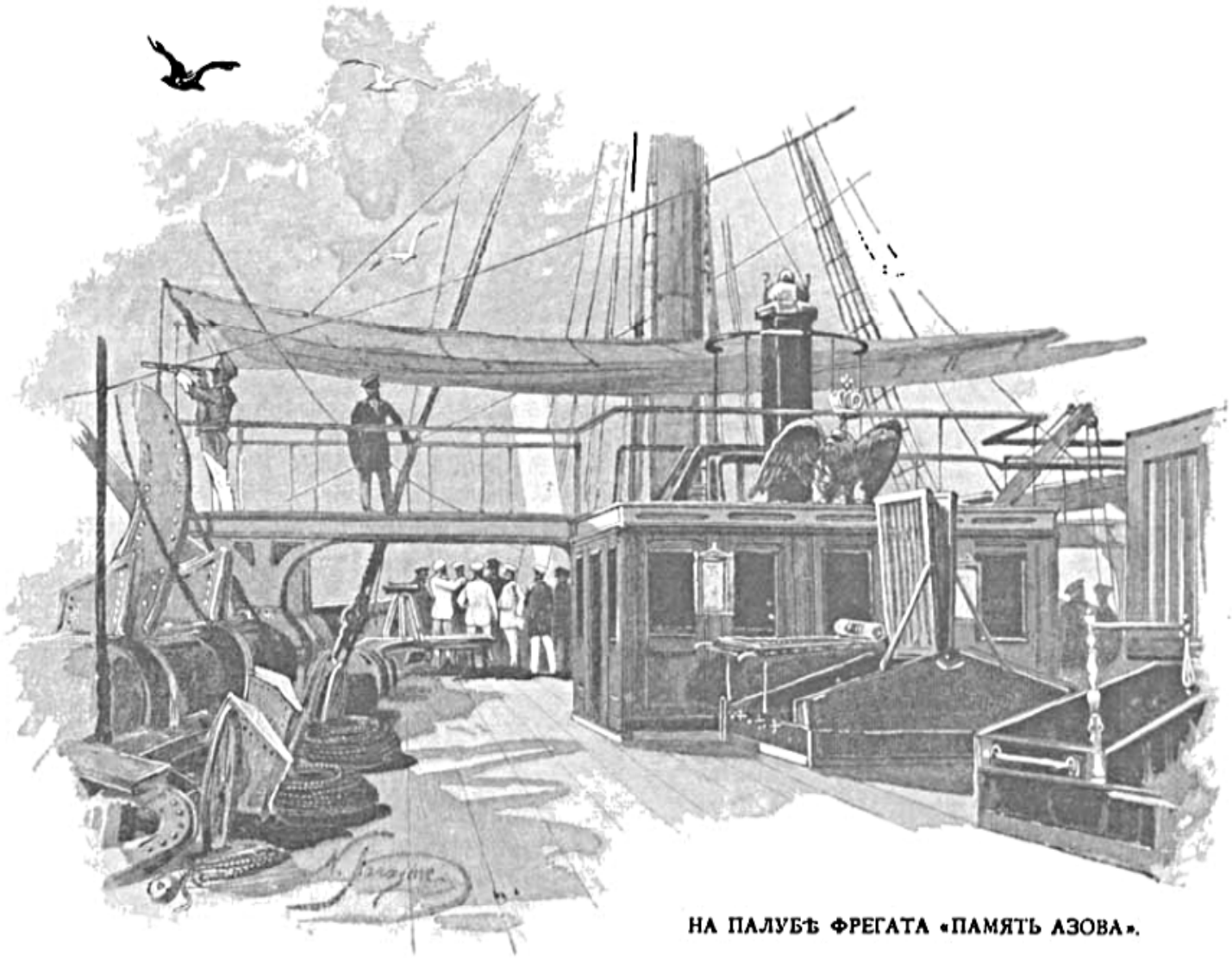
Флагъ сей, препровождая при семъ, съ принадлежащимъ къ нему вымпеломъ, повелѣваемъ по прочтеніи сей Грамоты предъ всѣми участвовавшими на кораблѣ «Азовѣ» въ битвѣ Наваринской, поднять сіи знаки отличія по установленію, и впредь поднимать на линейныхъ корабляхъ Двѣнадцатаго флотскаго экипажа, къ коему пребываемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

«НИКОЛАЙ».

Въ С.-Петербургѣ
Декабря 17-го дня, 1827 г.

Офицеры эскадры, въ полной парадной формѣ, собрались на молебенъ. Когда флагъ окропили святою водой, лейтенанты корабля «Азова» перенесли это неоцѣнимое сокровище на ютъ, и затѣмъ по командѣ самого адмирала, флагъ медленно пошелъ къ ноку гафеля, сопровождаемый громкимъ «ура» людей, посланныхъ по реямъ, и салютомъ всѣхъ орудій «Азова». Тѣ же почести единовременно отданы были Георгіевскому флагу нашими остальными и англійскими судами.

Копія съ Высочайшаго рескрипта, вырѣзанная на особой таблицѣ, постоянно находится на почетномъ мѣстѣ, на пиланцахъ фрегата. Она повѣшена на правой сторонѣ



НА ПАЛУБѢ ФРЕГАТА «ПАМЯТЬ АЗОВА».

рулевой рубки, а на лѣвой помѣщена такая же таблица со спискомъ офицеровъ, заслужившихъ это рѣдкое отличіе.

Здѣсь поименованы:

Начальникъ эскадры: контръ-адмиралъ графъ Л. П. Гейденъ.
Командиръ корабля: капитанъ 1-го ранга М. П. Лазаревъ.
Старшій офицеръ: капитанъ-лейтенантъ П. Барановъ.
Лейтенанты: маркизъ А. де-Траверсе.
А. Шеманъ.
князь С. Ухтомскій.
П. Нахимовъ.
И. Бутеневъ.
С. Тыриновъ.
А. Моллеръ.

Мичманы: Е. Путятинъ. | К. Истоминъ.
А. Путята. | И. Асташевъ.
В. Максимовъ. | П. Дергачевъ.
В. Корниловъ.

Гардемарины: Д. Шишмаревъ; В. Истоминъ.
Корпуса морской артиллеріи: капитанъ-лейтенантъ Е. Андреевъ; унтеръ-лейтенантъ Н. Тибординъ.
Штурманъ 8-го класса Г. Никифоровъ.
Штурманскіе помощники 14 класса: П. Здоровенко; Н. Скрябинъ.
Лекаря: А. Дроздовъ, Д. Кучинскій, И. Неймантъ.
Шкиперъ 13-го класса В. Трифоновъ.
Комисаръ 13-го класса И. Гавриловъ.
Оберъ-аудиторъ 9-го класса В. Алексѣевъ.
Іеромонахъ Герасимъ.

Наверху рубки, надъ этими таблицами, простеръ свои широкія крылья Императорскій двуглавый орелъ, словно слетѣвшій полюбоваться скрижалями побѣды и словно готовый снова воспарить въ родную высь, чтобы стать очевидцемъ столь же безтрепетныхъ дѣяній. По карнизу рубки помѣщены названія мѣстъ и сраженій, въ коихъ участвовали корабли, носившіе имя «Азовъ».

Само это имя связано съ нашими завѣтнѣйшими историческими воспоминаніями и неизбѣжно упорными порывами къ южному морю, къ рѣшенію восточнаго вопроса. Первый пятидесятичетырехпушечный пловецъ-богатырь «Азовъ», спущенный въ октябрѣ 1736 г. и названный такъ въ память города, завоеваніе котораго составляло давнюю мечту казачества и русскаго правительства, 16 лѣтъ состоялъ въ спискахъ флота. Второй одноименный корабль не разъ бился съ турками въ Черномъ морѣ при Екатеринѣ, причемъ они, «не стерпя жестокаго отъ нашихъ огня и почувствовавъ знатныя поврежденія, обращались въ бѣгство». Третій носитель имени послѣ Наварина вскорѣ пришелъ въ негодность, и его преемники, въ награду за доблесть, стали величаться «Память Азова». Два такихъ корабля, подъ Георгіевскимъ флагомъ, сооружались, въ 1831 г. и въ 1848 г. въ Архангельскѣ. Наконецъ, въ 23 день іюня 1886 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, строившійся съ марта на Балтійскомъ заводѣ полубронепосный фрегатъ наименовать тѣмъ же громкимъ именемъ, съ зачисленіемъ въ списокъ судовъ Балтійскаго флота. Закладка этого шестаго «Азова» состоялась въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ 12 іюля 1887 г. и спускъ на воду тоже, въ Высочайшемъ присутствіи, 20 мая 1888 года. По установкѣ машины и котловъ, для перехода въ Кронштадтъ, начата первая кампанія 30 октября 1889 года. Въ нынѣшнемъ году фрегатъ, назначенный для плаванія въ Тихій океанъ, сталъ усиленно вооружаться и во всѣхъ работахъ по вооруженію принималъ самое дѣятельное участіе Августѣйшій мичманъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ, ушедшій затѣмъ въ море уже въ августѣ (23 числа), ровно за два мѣсяца до отъѣзда Наслѣдника Цесаревича изъ Гатчины.

«Память Азова» направился на Плимутъ, Гибралтаръ, Мальту, Пирей и Тріестъ, благополучно выдержавъ въ Бискайскомъ заливѣ очень сильный штормъ, замѣчательный по громадной и неправильной волнѣ, высота которой доходила до тридцати футовъ. Въ рапортѣ командира (капитана 1-го ранга Ломена) сказано, что фрегатъ оказался при

этомъ обладающимъ хорошими морскими качествами. При наклоненіи онъ не останавливался ни на одну секунду и его быстро перебрасывало на другую сторону: разъ баркасъ съ лѣвой коснулся воды.

Новоприбывшіе размѣщаются по каютамъ. Къ числу сопровождающихъ Наслѣдника Цесаревича надолго присоединяется нашъ посланникъ въ Греціи М. К. Ону. Ему, какъ проведшему много лѣтъ на ближайшемъ Востокѣ, повелѣно слѣдовать за Его Императорскимъ Высочествомъ по Египту и по Индіи, т. е. совершить болѣе чѣмъ трехмѣсячное путешествіе.

Эскадра снимается съ якоря. Морской воздухъ бодрящею струей вливается въ грудь. Какъ-то шире вокругъ, какъ-то дышется свободнѣе и сильнѣе.

Тріестъ поодаль отъ насъ и совершенно чуждъ царящему на рейдѣ временному оживленію. Скорѣе-бы выйдти на волю въ свѣтлую Адріатику, скорѣе-бы сжиться на полномъ ходу со сложною и неизвѣданною жизнью многолюднаго военнаго судна!

«ПАМЯТЬ АЗОВА.»

Передъ «Памятью Азова» съ тихимъ вздохомъ раздвигаются и чуть пѣнятся спокойныя, позолоченныя солнцемъ воды.

Среди зелени аллей, ведущихъ надъ побережьемъ къ пристани Св. Андрея, еще можно различить группы любопытныхъ. Чайки плавно-тяжелымъ полетомъ качаются надъ потревоженной влагой. Имъ точно любо такое лѣниво-медлительное рѣянье, ихъ точно нѣжитъ дразнить своимъ приближеніемъ волну, которая ждетъ, чтобы онѣ ей отдались. Оба конвоира незамѣтно-быстро выстраиваются за фрегатомъ, уносящимъ Великихъ

Князей, и идутъ за нимъ «строемъ клина»: «Владиміръ Мономахъ» съ правой, «Запорожецъ» съ лѣвой.

Тріестъ подергивается мглой отдаленія. Все неяснѣе становятся очертанія возвышенностей Карста. Горы Истріи въ свою очередь яснѣютъ. Къ ночи суда перестраиваются въ кильватерную колонну.

Море почти недвижно, и теплая южная погода — весьма кстати послѣ роднаго ненастья. Яркія краски вспыхиваютъ на окрестностяхъ, которыя вскорѣ однако блекнутъ и представляются мрачно-пустынными изъ-за нависнувшихся надъ ними облаковъ. Подъ этой печальной ризою душа тоже заволакивается смутною, слабо щемящею грустью. Иногда береговъ какъ будто и совсѣмъ не видно. Туманъ гуще. Не жарко, но въ атмосферѣ чувствуется гроза. Она дѣйствительно разряжается на третій или четвертый день послѣ нашего выхода изъ порта.

За каютой командира вдоль борта на кормѣ — длинный и узкій, крытый балконъ, съ котораго любуешься красотами природы. Послѣ упомянутой грозы необыкновенно величественное впечатлѣніе производитъ фрегатъ «Владиміръ Мономахъ», когда радуга широко развертывается надъ нимъ, и онъ, такъ сказать, составляетъ одно цѣлое съ нею и съ притихнувшимъ моремъ.

Слѣва всплываютъ побережья Албаніи. Эскадра вступаетъ въ проливъ между турецкою территоріей и островомъ Корфу. При всемъ нежеланіи искусственно воскрешать въ памяти средневѣковую старину, — особенно пока мы въ плаваніи и еще далеки отъ предстоящихъ экскурсій въ область исторіи, археологіи и т. п., нельзя быть въ этой мѣстности и не приводить себѣ въ сознаніе чудныхъ строфъ Тютчева о венеціанскомъ владычествѣ среди пересѣкаемыхъ нами водъ. Именно отсюда

. . . . . все могучѣе и шире
Разросталась въ цѣломъ мірѣ
Тѣнь отъ Львинаго крыла.

Дожъ, ежегодно символически обручавшійся съ Адріатикой, дома, при праздничномъ ликованіи согражданъ, бросалъ въ нее кольцо. Обручальныя кольца, по народному повѣрію, чародѣйнымъ образомъ способствовали блеску, силѣ, богатству мудрой и предпріимчивой Венеціи. Перстень ея политическаго представителя словно «вязалъ и чаровалъ» сосѣднія правительства и многія обильныя дарами страны.

Легкая мгла стелется по темно-голубымъ волнамъ, охватываетъ гигантскіе хребты прибрежнаго Эпира. Проливъ властно расширяется, уподобляется озеру. Справа — уже греческое царство, слегка тусклое отъ недостатка освѣщенія, но удивительно живописное по строгой законченности и задумчивой прелести своихъ линій. На нихъ какъ-будто наброшено дымчатое серебристо-лазоревое покрывало. Сѣверъ — и не сѣверъ! Между тѣмъ, къ ласковымъ очертаніямъ такъ-бы и хотѣлось пріурочить ту или иную подробность скандинавской саги. Но сбоку подымаются дикія и нагія известковыя горы Эпира. Глядя на нихъ, всякая иллюзія сказки невозможна.

Блаженное мѣстопребываніе древнихъ Θэаковъ повернуто къ материку цвѣтущими холмами и волнистыми возвышенностями. Весь этотъ край съ оливковыми и апельсиновыми рощами, съ виноградниками и разросшимися на волѣ цвѣтниками словно улыбается угрюмому противоположному берегу, гдѣ только изрѣдка по уступамъ скалъ сбѣгаютъ потоки и зеленѣютъ сочныя пастбища. Оттуда бѣдные албанцы доставляютъ на Корфу молочные припасы, мясо и дичь.

Изъ-за островочка Видо показалась темная крѣпость города. Надъ суровой твердыней, опоясанной садами, курится дымъ салюта. «Память Азова» отвѣчаетъ страшнымъ грохотомъ своихъ орудій. Наша эскадра торопится въ Патрасъ и потому идетъ мимо. Около полудня однако густая пасмурность настолько упорна, что благоразумнѣе вернуться и отдать якорь.

ВѢНОКЪ, ПОДНЕСЕННЫЙ ВЪ КОРФУ.

Мы на рейдѣ Корфу. Находящіяся тутъ же суда (англійское, австрійское и греческое) разцвѣчиваются флагами. Вдоль пристани, набережной и скалистыхъ громадъ тѣснятся зрители, ожидая съѣзда Высокихъ Гостей. Тѣмъ не менѣе Великіе Князья остаются на фрегатѣ. Командиры «Владиміра Мономаха» и «Запорожца» (капитанъ 1-го ранга Ѳ. В. Дубасовъ и капитанъ 2-го ранга Невражинъ) являются съ рапортами. Къ трапу подплываютъ городскія власти, депутація отъ населенія съ роскошнѣйшимъ вѣнкомъ, первымъ привѣтомъ Греціи. Хотя здѣсь еще въ сущности — не Греція, а нѣчто смѣшанное

вслѣдствіе вѣковаго воздѣйствія Италіи и вообще всякой пестроты Левантійскаго торговаго міра, но всетаки Корфу, — бывшій однимъ изъ мужественныхъ борцевъ Запада противъ полумѣсяца, отбивавшій турокъ при помощи наемниковъ славянской крови, кратковременно обрѣтавшійся даже подъ русскимъ флагомъ, въ началѣ XIX столѣтія, — для насъ представляетъ нѣчто родственное по духу.

Подъ утро (29 октября—10 ноября) эскадра продолжала путь невдалекѣ отъ пресловутой Гомеровской Итаки и мимо мрачно-гористой Кефалоніи. Къ вечеру, при пламенномъ закатѣ, наши суда отдыхали въ гавани Патраса.

ОЛИМПІЯ.

Вторникъ, 30 октября (11 ноября).

Сегодня — недѣля со времени отъѣзда изъ Гатчины: первая недѣля въ безконечной вереницѣ еще болѣе обильныхъ впечатлѣніями недѣль нашего путешествія!

КАТЕРЪ Е. И. В. НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Еще рано-рано утромъ, — пока темно, — на фрегатѣ подымаются шумъ и бѣготня. Пробужденіе 580 нижнихъ чиновъ, — очевидно, такое явленіе, съ которымъ слуху приходится считаться. Безконечно-долго скользятъ по внутреннимъ трапамъ легкіе шаги спѣшащихъ на верхнюю палубу босоногихъ матросовъ. Все тамъ моется, чистится, прихорашивается. Къ шести часамъ назначенъ съѣздъ Наслѣдника Цесаревича на берегъ; но отъ свѣжаго морскаго воздуха крѣпко спится; въ сумерки какъ-то труднѣе и неохотнѣе собираешься въ дорогу: однимъ словомъ, въ моментъ, когда Августѣйшій путешественникъ (отправляющійся въ экскурсію только въ сопровожденіи кн. Барятинскаго, М. К. Ону и ближайшей свиты, къ которой присоединяются старшій врачъ съ «Владиміра Мономаха», Смирновъ и акварелистъ Гриценко) выходитъ, въ статскомъ платьѣ, проститься съ офицерами и командой, — уже совершенно свѣтло. Однако день не предвѣщаетъ хорошей погоды. Пасмурно. Густые туманы низко сползли на прибрежныя горы, ложатся на тускло-безжизненное море.

Катеръ отдаляется отъ «Памяти Азова». На рулѣ — самъ адмиралъ Басаргинъ. Люди по реямъ провожаютъ Великаго Князя троекратнымъ «ура». Гребцы, по отданному приказанію, отвѣчаютъ тѣмъ же на прощальный привѣтъ. Съ судовъ гремитъ пальба.

На пристани Патраса толпятся горожане, съ представителями города во главѣ, чтобы засвидѣтельствовать Его Императорскому Высочеству свои чувства радости отъ лестнаго для нихъ посѣщенія и высказать, какъ единовѣрная намъ Грецiя памятуетъ благодѣянія Россіи и впредь надѣется на могущественное заступничество.

У побережья дожидаются экипажи и конный отрядъ для сопровожденія Гостя къ желѣзной дорогѣ, на западной оконечности города, гдѣ стоитъ довольно обширный храмъ Св. Андрея Первозваннаго, воздвигнутый, по церковному преданію, надъ мощами распятаго здѣсь Апостола, считающагося съ тѣхъ поръ покровителемъ Патраса. Раньше, чѣмъ сѣсть въ вагонъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ благоговѣйно входитъ въ святилище поклониться нетлѣннымъ останкамъ одного изъ первомучениковъ. Народъ тѣснится вслѣдъ, наполняетъ притворъ, пробирается къ алтарю, разступается передъ русскими посѣтителями.

Это мѣсто вѣчнаго праведнаго успокоенія издревле чтимо населеніемъ края. Еще до христіанской эры эллины молились, тутъ по близости, благодѣтельной богинѣ земли и плодородія. Окрестности дѣйствительно слыли за цвѣтущую плодоносную полосу Пелопоннеза. При ея религіозномъ центрѣ находился чудесный источникъ, заглянувъ въ который язычники думали угадывать будущее: напримѣръ, больные наклонялись надъ зеркальной поверхностью и, смотря по роду недуга, лице отражалось въ ней или подернутымъ тѣнями смерти, или же здоровымъ, свѣтлымъ, улыбающимся.

Прорицательный даръ водохранилища преданъ забвенью. Отъ кумирни остались лишь куски мрамора. Дуновеніе новой жизни, новой цивилизаціи все измѣнило и преобразило. Въ IX столѣтіи горожане, правда, борются подъ Андреевскимъ стягомъ противъ наступающихъ съ сѣвера славянъ, братьевъ того племени, чьи предѣлы пламенѣвшій рвеніемъ Апостолъ посѣщалъ, возглашая истины Высшаго Ученія. Но приходитъ несокрушимый исламъ. Патрасцы смиряются передъ турками. Заря освобожденія для Греціи въ сущности занимается всетаки со славянскаго единовѣрнаго Востока, благодаря великодушнымъ помысламъ и велѣніямъ Императора Николая Павловича. И теперь Его одноименный Правнукъ набожно стоитъ подъ сводами храма, осѣненнаго незримымъ присутствіемъ просвѣтителя Кіевской Руси... Какъ слѣпы въ своей враждѣ вѣка и народы, какъ неисповѣдимы Пути Господни, приводящіе все и всѣхъ къ молитвенному братскому единенію!

Краткая экскурсія въ Олимпію недавно требовала большей затраты времени (около 2—3 сутокъ), такъ какъ по направленію къ юго-западу отъ Патраса не было желѣзной дороги, первый участокъ которой открытъ въ декабрѣ 1888 г., и она сама едва окончена до городка Пиргоса, куда мы въ данную минуту ѣдемъ по широкой приморской низменности. Слѣва холмы съ насажденіями коринки, рѣзко очерченная горная цѣпь, неглубокое русло сбѣгающихъ съ нихъ безчисленныхъ потоковъ. Справа гладь залива, силуэты нашихъ судовъ, туманная остроконечная вершина далекаго острова Занте. Повсюду кругомъ главное богатство области, предметъ ежегоднаго колоссальнаго вывоза на десятки милліоновъ пудовъ за границу, особенно въ Англію — короткія лозы ягоды, дающей мелкій вкуснѣйшій изюмъ и произрастающей почти исключительно между Іоническимъ моремъ и Коринѳомъ; рядомъ длинные амбары, гдѣ она сушится и приготовляется въ продажу, затѣмъ поля, засѣянныя ячменемъ и рѣденькія дубовыя рощицы.

Песчаный берегъ, съ немногими соснами, постепенно отдаляется отъ насъ. Именно тамъ, во времена крестовыхъ походовъ, пришлые французскіе рыцари утверждались среди полубеззащитныхъ туземцевъ, окапывались въ замкахъ, строили католическія церкви. Это, на языкѣ старыхъ лѣтописей, называлось споромъ за обладаніе Іерусалимомъ. Тевтонскій орденъ и пышные «Храмовники» выбирали сосѣднюю мѣстность для укрѣпленныхъ палатъ.

Славянская тогда Морея подраздѣлилась западными завоевателями на двѣсти «жупанствъ», управлявшихся 14 баронами. Тщетно посылалъ сюда войско византійскій дворъ. Мнимые крестоносцы оказывались сильнѣе.

Рельсовый путь спускается въ Пиргосскую равнину. Остановка. Встрѣча властями. Экипажъ для слѣдованія въ Олимпію и группа конной стражи, которую отпускаютъ домой. Подъемъ на пригорокъ къ городской гостинницѣ, гдѣ приготовленъ завтракъ. Пиргосъ, средоточіе зажиточныхъ окрестныхъ поселянъ, не великъ, состоитъ чуть-ли не изъ одной извилистой улицы съ нестройно лѣпящимися деревянными домами и незатѣйливыми, выходящими на нее мастерскими.

Дорога изъ Пиргоса къ Олимпіи не представляетъ ничего особеннаго, напоминаетъ любую часть Средней Европы, мѣстами идетъ вдоль воздѣланныхъ низменностей или-же среди гряды холмовъ, которые тянутся какъ-бы параллельно и усѣяны деревушками. Жилища поселянъ (къ слову сказать, избѣгающихъ строить дома въ изобилующихъ лихорадками ложбинахъ) выглядываютъ изъ-за фруктовыхъ садиковъ, отъ которыхъ вездѣ, гдѣ только возможно, расходятся по сторонамъ обработанные участки земли. Здѣсь и тамъ высятся пышныя ели и темныя мастиковыя деревья, не образующія лѣса, но растущія отдѣльно по склонамъ предгорья. Его приходится неоднократно пересѣкать, на пути къ знаменитой долинѣ, куда направляется Наслѣдникъ Цесаревичъ, и тогда еще изрѣдка вдали, подъ синевою небесъ, угадывается серебряное море, а подъ ногами разстилается благоденствующій край.

Мы уже миновали Варвазену и Кріэкуки. Два часа пополудни. Должно быть, близко къ Олимпіи, но ни ея, ни сосѣдней къ ней рѣки (классическаго Алфея, нынѣ Руфіа) пока не видно. Только сбоку, въ тѣни вѣтвистыхъ платановъ, у пошатнувшейся мельницы весело шумитъ, межъ бѣлыхъ песчаныхъ бережковъ, сѣрый потокъ: это — Кладеосъ, исторически извѣстный притокъ Алфея, изгибающійся въ немногихъ шагахъ отъ Зевсова храма, который мы ѣдемъ смотрѣть. За нимъ вьется зубчатая горная линія.

Дорога ведетъ узкою долиною. Кое-гдѣ проступаютъ краснобурыя скалы. Лошади уморились и понуро бредутъ подъ жаркими лучами. При медленномъ движеніи впередъ имѣешь полную возможность внимательнѣе всматриваться въ туземный людъ и окружающія постройки.

Пелопоннезскіе дома почти всѣ на одинъ ладъ. Внизу — нежилое помѣщеніе, служащее не то кладовой, не то стойломъ для козъ и овецъ, хотя постоянство лѣтней погоды дозволяетъ имъ всегда оставаться на воздухѣ. Повыше находится само жилье, не соединенное съ первымъ этажемъ внутреннею лѣстницею. Ступени спускаются оттуда прямо съ балкона. Внѣшній видъ такихъ глухихъ зданій, съ зелеными ставнями, и оригиналенъ, и монотоненъ. Впрочемъ, и населеніе, несмотря на праздничную принаряженность, въ день прослѣдованія Русскаго Престолонаслѣдника, не отличается особенною пестротою одежды, обыкновенно свойственною южанамъ. У большинства преобладаетъ европейско-мѣщанскій покрой платья. Просвѣчиваетъ стремленіе гнаться за чужими модами. Въ замѣтно этимъ обезличенной толпѣ за то еще ярче выдѣляется красивое убранство старыхъ паликаровъ. Кокетливыя фески, широкія складки свѣтлой фустанеллы, узорчатыя куртки и расшитыя гамаши, поясъ съ богатыми рукоятями кинжала, ножа и пистолета, смѣлая и свободная поступь молодцовъ, сознающихъ изящество своего костюма, все говоритъ за него, въ пользу прежняго скорѣе патріархальнаго быта. Однако подобныя «новогреческія» одѣянія, вѣроятно, дороже и потому выходятъ изъ употребленія. У иныхъ дѣвушекъ очень мила чалмообразная цвѣтная повязка съ золотомъ. Неужели и ее ждетъ пренебреженіе?

Наконецъ вотъ и она — цѣль экскурсіи, поле развалинъ Олимпіи. Чтобы приблизиться къ нимъ надо выйдти изъ экипажей и сойдти подъ гору, по простой и немного крутой тропѣ. Черезъ Кладеосъ (по нынѣшнему Стравокефали) недавно перекинутъ мостикъ. Передъ глазами развертывается значительное неровное пространство, съ грудами камня, переплетенными дикимъ кустарникомъ, желтою лентою рѣки поодаль и живописнымъ хребтомъ, величественно встающимъ еще дальше за нею. Чувство разочарованія просыпается сначала, потомучто ожиданія рисовали здѣсь картину грандіозныхъ размѣровъ, а на дѣлѣ послѣдніе чуть-ли не игрушечны, въ сравненіи съ представленіемъ о мѣстѣ сборища цѣлаго народа. Но къ древней Греціи въ матеріальномъ отношеніи ко всему нужно примѣнять маленькій масштабъ. Велики тамъ были только духъ и окрылявшія его идеи гармоніи, красоты и силы.

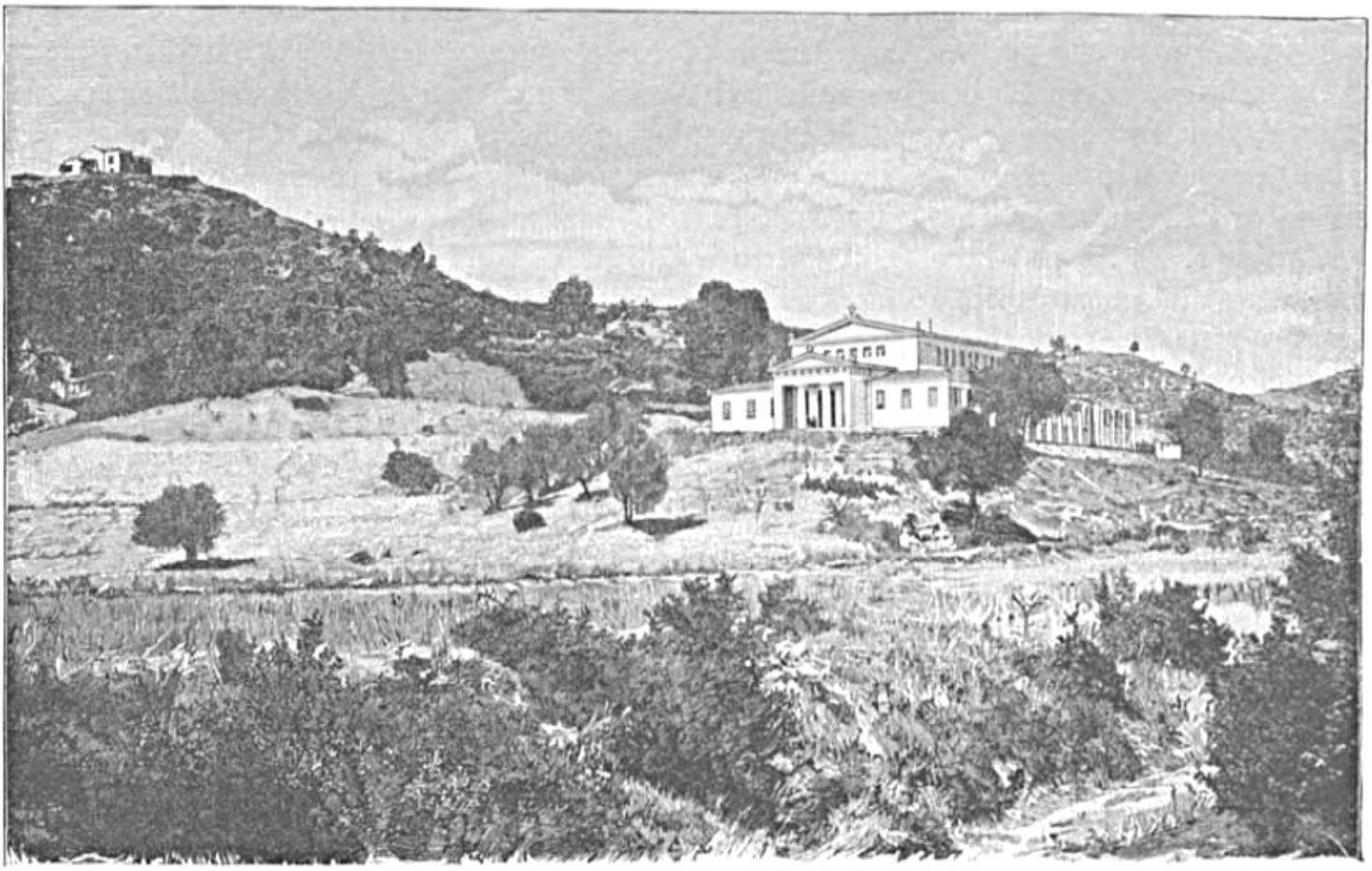
Міръ Олимпіи былъ совершенно особеннымъ міромъ. Сюда во имя чего-то высшаго собирались эллины со всѣхъ концовъ далекой земли, на половину ими колонизованной, на половину завоеванной. Здѣсь стихала пагубная вражда междуусобій. Стекавшіеся на торжество національныхъ игръ понимали, что теперь рѣчь идетъ не о грубой формѣ побѣды, что соперничаютъ собственно не сами борцы, а какъ бы избранныя существа, олицетворяющія собой наисовершеннѣйшія проявленія мужества, крѣпости, ловкости, душевнаго равновѣсія и т. п. Зрителямъ мнилось, что даже кони, участвующіе въ состязаніяхъ, и тѣ легче вѣтра несутся по равнинѣ, чуя жажду славы въ сердцѣ правящаго ими съ колесницы, который добивается, правда, лишь незатѣйливаго вѣнка изъ оливковыхъ вѣтвей, но вѣнка безсмертія, — чтобы имя побѣдителя гремѣло и повторялось повсюду, гдѣ звучитъ эллинская рѣчь, гдѣ добытое въ Олимпіи отличіе дороже цѣнится, чѣмъ все на свѣтѣ. Вѣдь искусство восторжествовавшаго станетъ извѣстно ряду поколѣній! Поэты превознесутъ счастливца-соотечественника: изъ-подъ копытъ доносящихся къ побѣдѣ коней брызнутъ искры хвалебнаго пѣснопѣнія...

Нельзя забывать, что объединенной Германіи исключительно принадлежитъ громадная культурная заслуга всесторонняго изслѣдованія этой мѣстности, съ затратой весьма значительной суммы (около 800,000 марокъ), чисто ради научныхъ цѣлей и эстетическихъ потребностей современнаго человѣчества. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пришлось мало по малу разрыть и описать подернутый иломъ и пескомъ районъ древнихъ святилищъ съ обступавшими ихъ прочими достопримѣчательностями. Нѣмецкіе археологи блистательно выполнили эту сложную и въ своемъ родѣ единственную задачу, примѣнивъ къ разрабатываемому матеріалу экспериментальный методъ, производя раскопки не случайно, а со строгой обдуманностью, бережно группируя находки и вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, какихъ результатовъ вправѣ ждать классическая филологія. Передъ учеными тружениками, поселявшимися тутъ, — еще при бездорожьи и среди порядочныхъ лишеній, — вскорѣ воскресла мѣстная старина. Тщательнѣйшимъ образомъ извлекались въ огромномъ количествѣ различныя древности, уяснявшія, какъ въ качествѣ политически-религіознаго центра развивалась Олимпія. Надо быть именно тутъ, въ ея довольно тѣсныхъ предѣлахъ, чтобы воочію представить себѣ, куда стремились, чѣмъ жили и гордились эллины.

Едва-ли не самое географическое положеніе окрестной страны — Элиды наиболѣе способствовало постепенному прославленію «святыни». Близость моря, нѣкоторая огражденность горами отъ частыхъ иноплеменныхъ вторженій и отъ суровыхъ сѣверныхъ

вѣтровъ, хорошій климатъ, обиліе воды и плодовъ земныхъ, цѣпь прибрежныхъ холмовъ, задерживающихъ жгучее дыханіе Сирокко, — рядъ условій искони ставилъ долину Алфея на высоту дѣйствительно благопріятнаго положенія. При кажущейся обособленности отъ сосѣдей, этотъ край тѣмъ не менѣе постоянно впитывалъ въ себя посторонніе элементы, и даже Востокъ издревле воздѣйствовалъ на него весьма осязательно и глубоко. Здѣсь осѣдали финикіяне, прививался культъ азіатской Афродиты. Богиня, наравнѣ съ мрачнымъ греческимъ Кроносомъ, нѣкогда почиталась покровительницею высящейся надъ здѣшней мѣстностью маленькой горы, къ подножію коей мы теперь подходимъ.

Племя за племенемъ проникало постепенно на цвѣтущія нивы и пажити Элиды, принося каждое съ собою свое божество, своихъ героевъ, свои особенности характера и быта



МУЗЕЙ ВЪ ОЛИМПІИ.

Ея смѣшанное населеніе съумѣло заручиться дружбою вліятельныхъ правителей. Вотъ мы, напримѣръ, подошли и стоимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилась дорическая храмина Геры. Тамъ хранился вырѣзанный на металлѣ договоръ туземнаго князя Ифита со знаменитымъ спартанскимъ законодателемъ Ликургомъ. А вѣдь это случилось 27½ вѣковъ тому назадъ! Область мало по малу была признана священною и нейтральною, на нее не рѣшались нападать. Проходя черезъ ея предѣлы, воины снимали съ себя оружіе. Вся Эллада считала необходимымъ относиться съ глубочайшимъ уваженіемъ къ тѣмъ рѣдкимъ днямъ, когда народъ сюда стекался на празднество. Ничто не должно было мѣшать набожному настроенію и эстетическому восторгу толпы. Простодушные богомольцы не сомнѣвались, что лоза открыта именно въ Олимпіи, что тутъ именно родился богъ вина и веселья. Многое, относившееся къ совершенно другимъ отдаленнымъ мѣстностямъ, въ

сказаніяхъ непремѣнно пріурочивалось къ чему-нибудь олимпійскому. Рѣзвый старикъ Алфей, протекавшій близь славныхъ ристалищъ, по убѣжденію вѣрующихъ, стремился въ Іоническое море, преслѣдуя красивую нимфу Аретузу; она же, ища спасенія, бросилась въ это море, переплыла въ Сицилію и тамъ пробилась источникомъ у Сиракузъ. Рѣчное божество однако продолжало погоню и, догнавъ бѣглянку, окрасило ея чистыя струи кровью жертвенныхъ животныхъ, отъ которой еще алѣли волны Алфея, кативпія пепелъ и листья оливы.

Французы не безъ гордости указываютъ на то, что на изслѣдованіе Олимпіи одинъ изъ первыхъ обратилъ просвѣщенное вниманіе ученый патеръ Монфоконъ (въ началѣ XVIII столѣтія). Англичане въ свою очередь отмѣчаютъ, что полъ вѣка спустя, оксфордскій богословъ Чэндлеръ писалъ уже объ этой мѣстности, какъ очевидецъ. Систематическія свѣдѣнія о ней стали накопляться значительно позднѣе. Мало подготовленные путешественники, конечно, не представляли сперва обстоятельныхъ отчетовъ. Только въ исходѣ 20-хъ годовъ, когда Европа серьезно заступилась за опустошаемую турками Морею, въ Олимпіи нѣкоторое время прогостила цѣлая экспедиція образованныхъ французовъ, въ числѣ которыхъ находились и архитекторы, и живописцы. Однако новогреки подозрительно относились къ дѣятельности иностранцевъ, при малѣйшей возможности увозившихъ домой (напр. въ Лувръ) сокровища классическаго искусства, и потому случайныя попытки глубже заняться археологіей въ предѣлахъ Элиды не приводили, почти до нашего времени, ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ. Извѣстный филологъ Курціусъ десятки лѣтъ мечталъ о возможности предпринять тамъ работы и, не будь онъ воспитателемъ прусскаго наслѣднаго принца Фридриха, быть можетъ, Олимпія до сихъ поръ оставалась бы сравнительно плохо изслѣдованной. Курціусъ съумѣлъ заинтересовать своимъ проектомъ раскопокъ не только берлинскій дворъ, но и всю Германію. Тамъ поняли, что если другія націи снабжали большими средствами ту или иную экспедицію, преслѣдовавшую археологическія цѣли въ Африкѣ или Азіи, то непростительно было бы и со стороны нѣмецкихъ патріотовъ не приложить посильнаго старанія къ осуществленію столь идеально-полезнаго дѣла, — особенно разъ идетъ рѣчь о возстановленіи классической старины, памятниковъ доблестнаго народа, который даже въ годину персидскаго нашествія, когда воины Леонида рѣшились умереть подъ Ѳермопилами, — безпечно собрался по преданію на завѣтныя игры. Полководецъ Мардоній провѣдалъ отъ перебѣжчика, почему такъ мало грековъ отражаетъ вражеское войско и удивился: «изъ-за какой же награды ведется состязаніе?» — «Побѣдителя вѣнчаетъ масличная вѣтвь». — «Горе намъ!» — будто бы воскликнулъ какой-то иранецъ: «куда мы пришли? Эти люди мужественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, если цѣнятъ подобное украшеніе дороже злата и сребра.»

Много вѣковъ поклонники эллинскаго искусства могли грустить о томъ, что развѣнчана и погибла Олимпія. Извѣстно было, что мѣсто, столь священное для древнихъ художниковъ и поэтовъ, обратилось въ пустырь и подъ палящими лучами солнца Мореи рѣка Алфей катитъ волны равниною, не сохранившею никакихъ остатковъ прошедшаго. Рядъ новѣйшихъ замѣчательныхъ открытій разсѣялъ это заблужденіе: подъ благодѣтельнымъ иломъ мѣнявшихъ свое направленіе водъ, уцѣлѣло немало развалинъ и обломковъ, которые наконецъ освѣщаются западнымъ знаніемъ и возстаютъ какъ безсмертныя созданія человѣческаго генія. Олимпія освобождается отъ поглощавшаго ее забвенія и, по всей вѣроятности, оживаетъ въ нашемъ расширенномъ сознаніи еще лучезарнѣе, еще великолѣпнѣе, чѣмъ она представлялась иному простодушному греку, издалека притекавшему сюда, на празднество, въ давно угасшую эпоху. Тѣнистая возвышенность надъ святилищами

(Кроніонъ), названная такъ пелазгами въ честь Кроноса — сына Урана и Геи, по прежнему покрыта миртами и травами. Дикія грушевыя деревья спускаются къ ея подножію. Подъ нею разстилается площадь, нѣкогда занятая разными храмами, сокровищницами и ристалищами. Цѣпь круглыхъ холмовъ съ обнаженными вершинами, уходитъ въ даль, на югъ, опоясанная оливковыми деревьями и соснами, при чемъ здѣсь и тамъ бѣлѣютъ домики поселянъ. Широкая ровная рѣка струится съ востока на западъ. Аркадскія горы темнѣютъ на горизонтѣ у дикихъ ущелій, изъ которыхъ она вытекаетъ; но, пропустивъ ее въ улыбающуюся Элиду, онѣ разступаются и открываютъ ей просторный путь къ близкому морю. Алфей нѣкоторое время, повидимому, колеблется въ своемъ движеніи туда, извивается въ тѣни лавровъ, ростущихъ вдоль песчанаго побережья. Но стремительный горный потокъ Кладеосъ, вливаясь въ рѣку съ сѣвера, какъ-бы ускоряетъ ея бѣгъ, и оба скрываются за холмомъ.

Въ теченіе двѣнадцати вѣковъ греческое искусство и греческая религія, будучи органически между собою связанными, пеклись о разукрашеніи Олимпіи. Весь такъ-называемый классическій міръ, даже изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ, высылалъ на игры атлетовъ, возничихъ, художниковъ, мыслителей и поэтовъ — вообще всякаго рода выдающихся надъ средою людей. Каждое поколѣніе, каждый городъ старались оставить здѣсь память и слѣдъ по себѣ. Богомольцы до такой степени должны были теряться при видѣ всѣхъ скоплявшихся рѣдкостей и достопримѣчательностей, что мы — преемники греко-римской цивилизаціи — теперь, на развалинахъ прошедшаго, непосредственно съ нимъ знакомые, въ иныхъ отношеніяхъ больше его себѣ уясняемъ, чѣмъ сами древніе.

Наслѣдникъ Цесаревичъ внимательно обозрѣваетъ площадь раскопокъ. Она поражаетъ мертвенною обнаженностью. Отъ обломковъ и каменныхъ помостовъ вѣетъ грустью. Мы всетаки приближались въ надеждѣ увидѣть что-нибудь уцѣлѣвшее и стройное. А передъ глазами — разрытое кладбище съ разрушенными до основанія святилищами! Землетрясенія въ VI в. послѣ Р. Хр., обвалы Кроніона, невѣжество окрестныхъ жителей, строившихъ себѣ крѣпость и жилье изъ неимѣющихъ себѣ подобія камней — эти явленія ясны какъ день, когда вступаешь въ предѣлы нынѣшней Олимпіи; но воображеніе еще спитъ: ему не рисуется съ поразительной живостью давно минувшее величіе, ему ничего не говорятъ сухой перечень древнегреческихъ названій и филологическіе комментаріи.

Главнѣйшимъ источникомъ топографическихъ данныхъ объ Олимпіи служитъ сочиненіе малоазійскаго грека Павзанія (II в. послѣ Р. Хр.), такъ подробно ее описавшаго, что уже съ эпохи Возрожденія общій планъ мѣстности представлялся съ нѣкоторою точностью. Вотъ налѣво отъ насъ — круглый фундаментъ Филиппейона, основаннаго отцемъ Александра Македонскаго послѣ херонейской побѣды надъ аѳинянами. Три мраморныхъ ступени ведутъ къ серединѣ памятника, гдѣ нѣкогда среди дивной колоннады стояли изображенія сѣверной царской семьи (изъ золота и слоновой кости). Рядомъ — святилище Геры, едва-ли не старѣйшее въ Элладѣ. Шестнадцать жрицъ постоянно ткали здѣсь покрывало богини, которой кромѣ того прислуживало много дѣвушекъ. Несмотря на извѣстнаго рода культъ женскаго начала (занимавшій почетное положеніе въ Олимпіи), женщины не смѣли присутствовать на играхъ, этомъ исключительномъ празднествѣ мужскаго элемента: если-же кто-нибудь нарушалъ строгое запрещеніе, виновницу казнили, сбрасывая ее со скалы. Вправо отъ Герейона подходишь къ религіозному центру, гдѣ памятовался прибывшій съ востока герой Пелопсъ. Тутъ все предрасполагало поклоняться душамъ усопшихъ. Бѣлые тополи окружали мѣсто. Срубая ихъ, набожный народъ поддерживалъ огонь на алтаряхъ. Теперь ничего не остается отъ прежней растительности...

Въ воздухѣ духота. Небо заволокнулось густыми тучами. Надо поторопиться осмотромъ руинъ. Музей по близости и, въ случаѣ дождя, тамъ съ наслажденіемъ можно провести еще много времени.

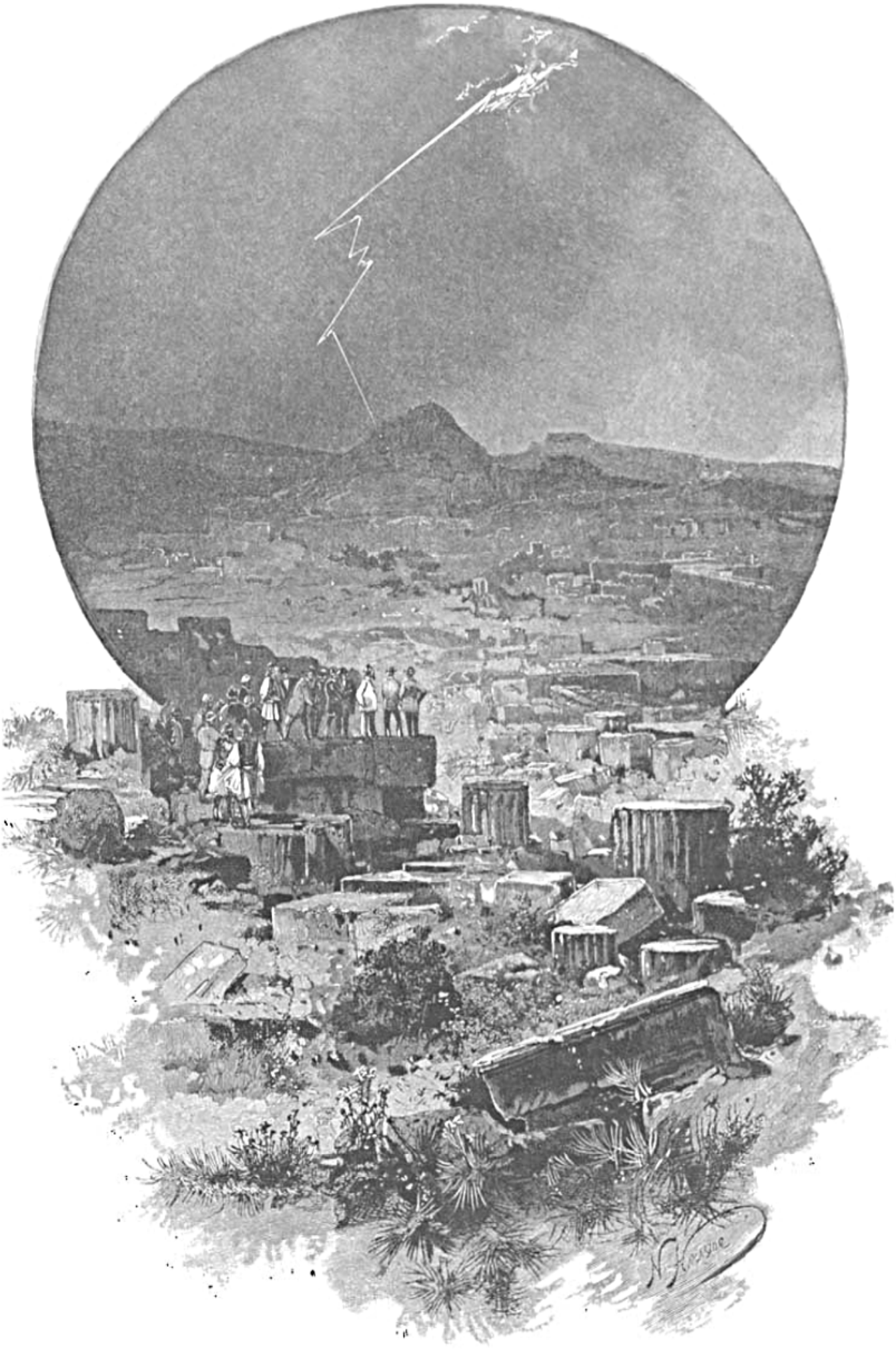
Мы идемъ, изрѣдка оступаясь о камни, въ чертѣ исчезнувшаго жертвенника Зевса, у котораго, во мглѣ дымившихся передъ нимъ приношеній, жрецы предсказывали будущее. Олимпія была полна свойствъ мистическаго характера. По преданію, когда на нее однажды напали нечестивые враги и два враждебныхъ строя уже сходились для битвы, — вдругъ впереди туземцевъ Элиды появилась женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Младенецъ вдругъ обратился въ змѣя и, приведя нападавшихъ въ неописуемый ужасъ, скрылся въ черномъ подземельи, куда затѣмъ вошло въ обычай посылать уродливую старуху съ завязанными глазами, съ сосудомъ воды и медовыми пирогами для таинственнаго существа, прозваннаго «спасителемъ града» (Созиполемъ).

Главный его хозяинъ — самъ «громовержецъ» — тоже подчасъ поражалъ Элладу сверхъестественными явленіями: разъ напугалъ землетрясеніемъ пришедшихъ сюда съ дурными намѣреніями лакедемонянъ, разъ опалилъ молніей свою собственную статую, разъ даже велѣлъ ей дико засмѣяться при видѣ посланцевъ съумасшедшаго Калигулы, который вздумалъ замѣнить ея голову своею...

Его Императорское Высочество приближается къ развѣнчанному чертогу «старшаго языческаго небожителя». Въ воздухѣ все осязательнѣе чувствуется дыханіе грозы. Мало по малу мысли отчетливѣе переносятся ко днямъ кипучей дѣятельности, когда древніе архитекторы, скульпторы и живописцы наперерывъ стремились возвеличить національную святыню. Совершеннѣйшее и не могущее быть превзойденнымъ искусство отмѣчало печатью геніальности созданія этой достопамятной эпохи. Олимпійскіе памятники, — какъ убѣждаешься воочію — возникали и расширялись безъ опредѣленнаго, холодно задуманнаго плана: счастливый случай и врожденный вкусъ способствовали по временамъ зарожденію той или другой характерной подробности. По мѣрѣ того какъ здѣсь сосредоточивались многія богатыя приношенія — отзвуками и отблесками народнаго одушевленія — параллельно являлись художники съ живою потребностью творчества. Удивительные храмы строились за храмами. Каждое новое изваяніе законченностью и прелестью формъ словно пыталось превзойдти предъидущія... Центромъ всего былъ однако домъ «громовержца», а кругомъ, въ красивомъ безпорядкѣ, группировались другіе алтари, казнохранилища, школы, ристалища. Совокупность народныхъ «святынъ» называлась Алтисъ (ἄλτις — этолійскій варіантъ слова ἄλσος) — «роща». Въ священной дубравѣ могъ и долженъ былъ веселиться духъ боговъ и героевъ.

Равномѣрно, по истеченіи четырехъ лѣтъ, на пятый годъ въ Олимпію отовсюду изъ греческаго міра, а потомъ изъ образованнѣйшихъ частей римской имперіи, особыми глашатаями сзывались толпы богомольцевъ и приходили почтительныя посольства. Множество иноземцевъ и вообще гостей скучивалось на довольно маломъ пространствѣ. Религіозныя процессіи двигались, распѣвая гимны. Ревнители съ благоговѣніемъ приносили различныя жертвы, согласно какимъ-нибудь искренно даннымъ обѣтамъ. Издалека прибывшіе путники молились Зевсу. Великіе ораторы непосредственно обращались къ народу.

Послѣднія политическія извѣстія служили тэмою общихъ мірскихъ разговоровъ. Привѣтствуемые зрителями, увѣнчанные цвѣтами, взволнованные борьбой и ожиданіемъ побѣдители шли благодарить боговъ. Казалось, что вся жизненная энергія, присущая греческой народности, въ такіе моменты проявлялась съ наибольшею силою и яркостію. Затѣмъ, на четыре года, Олимпія опять пустѣла. Только немногіе чужестранцы, да жрецы



НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗЕВСОВА ХРАМА ВЪ ГРОЗУ.

тихо скользили отъ алтаря къ алтарю, окружая священныя статуи благовоніями и хоть этимъ нарушая глубокое безмолвіе избранной божествами мѣстности.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кроніона, ближе къ Алфею, слегка возвышаясь надъ сосѣдними развалинами, лежатъ жалкіе остатки храмины Зевса. Подножія немногихъ столбовъ точно вросли въ почву. Осколки вершинъ радіусами низвержены по сторонамъ, — очевидно, силою страшнаго подземнаго удара. Августѣйшій путешественникъ подымается туда съ востока, гдѣ былъ входъ, — со слѣдами закрѣпъ отъ бронзовыхъ дверей, скрывавшихъ передъ толпою внутренній видъ кумирни. Она дѣлилась колоннадами на три части: въ средней и просторнѣйшей помѣщался главный кумиръ, надъ сотвореніемъ котораго трудился геніальный Фидій, жившій въ Олимпіи изгнанникомъ, послѣ того какъ аѳиняне устранили его — создателя богини Аѳины изъ золота и кости. Тотъ же благородный матеріалъ послужилъ ему и для возвеличенія небеснаго отца Паллады. Изображеніе предстало на высокомъ тронѣ, изукрашенномъ чернымъ деревомъ и цвѣтными каменьями. На величавой главѣ — вѣнокъ. Въ десницѣ — небольшая статуя побѣды. Лѣвая длань держала царственный посохъ съ орломъ. Золотомъ горѣли плащъ и сандаліи возсѣдающаго міроправителя. Подъ ногами у него покоились львы.

Вся фигура являла наивысшую степень спокойствія и примиренія. Олицетвореніе справедливости и милосердія — она мнилася одушевленною и совершенно свободною отъ матеріальныхъ узъ. Говорятъ, что ея творецъ, окончивъ работу, палъ ницъ въ принявшемъ ее святилищѣ и взывалъ о ниспосланіи какого-нибудь знака, что она безукоризненна.

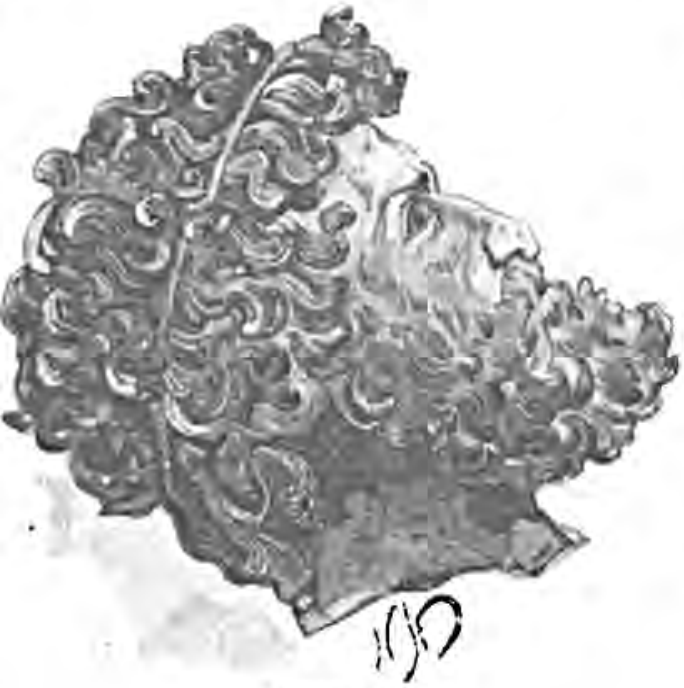
Зевсъ — громовержецъ! взгляни: предъ тобою твой рабъ и создатель,
Фидій въ глубокомъ смятеньи отвѣта и проситъ, и ждетъ;
Смотритъ съ нѣмаго престола божественный образъ,
Ликъ озаренный — въ дыму отъ куреній — ростетъ.
Тщетно въ очахъ неподвижныхъ искать одобренья и ласки:
Тайнами жизни подернутъ всевидящій взоръ, —
Что ему смертный художникъ средь праха земнаго!
Онъ же молящія руки съ мольбою сугубой простеръ
Тихо въ пустынной кумирнѣ — и Фидій поднялся смущенный:
Трепетъ пронесся по храму и пламя повсюду бѣжитъ,
Грома раскаты . . . алтарь прояснился, о чудо!
Да, это Зевсъ отвѣчаетъ и небо грозой говоритъ.

У алтаря остались слѣды ударившей молніи. Художникъ могъ торжествовать. Его потомки изъ поколѣнія въ поколѣніе стали пользоваться въ Олимпіи общимъ почетомъ.

Они пеклись о чистотѣ дивнаго кумира. Его обмывали елеемъ, стекавшимъ въ черный мраморный бассейнъ. Если подумать, какъ много шестисаженная статуя должна была выигрывать отъ украшавшей ее бронзы и миѳологической живописи, отъ пурпурнаго шерстянаго облаченія съ ассирійскими узорами, подареннаго Антіохомъ Эпифаномъ Сирійскимъ, и относительно малыхъ размѣровъ святилища (имѣвшаго лишь 10 саж. высоты, при 30 саж. длины и 12—13 ширины), — то умиленіе эллиновъ передъ геніальнымъ созданіемъ болѣе чѣмъ понятно. Тѣмъ больнѣе вспомнить, что его, при византійской нетерпимости, увезли въ качествѣ диковины въ Царьградъ и что тамъ оно сгорѣло!

Медлившая непогода наконецъ разряжается. Небосклонъ прорѣзывается огненными змѣями. Дождь падаетъ крупными, частыми каплями. Наслѣдникъ Цесаревичъ покидаетъ жилище Зевса и направляется въ гору.

Музей открытъ и ждетъ Высокаго посѣтителя. Еще весьма недавно все, добытое раскопками, лежало сложеннымъ или точнѣе сваленнымъ въ какой-то руинѣ съ досчатою



НАХОДКИ.

дверцей. Аѳинскій банкиръ Цинпросъ предложилъ средства, чтобы прилично помѣстить національныя сокровища. Ко времени окончанія работъ германской комиссіи, ихъ накоплялось весьма значительное количество: 14,000 бронзовыхъ вещей, 6,000 монетъ, 400 надписей, 130 статуй и барельефовъ. Вотъ уже десять лѣтъ матеріалъ приводится въ порядокъ.

У входа въ хранилище портикъ и двѣ колонны устроены на подобіе бывшихъ у святилища «громовержца». Изъ передней уже видно въ глубинѣ центральнаго зала обезображенное изваяніе «побѣды» (Νίκη) художника Пэонія (около 420 г. до Р. Хр.). Мраморъ нѣкогда трепеталъ жизненностью: богиня какъ-бы низпаряла на землю. Куски ея отломанныхъ крыльевъ и развѣвавшейся одежды такъ и нельзя было прикрѣпить къ принявшему теперь «Νίκη» пьедесталу. Воплощенная человѣческою мечтою «небожительница» будто прикована къ праху, навсегда лишена свободы подняться въ родной эфиръ. Повторять, до какой степени она прекрасна, пошло: развѣ можно видѣть наивысшее творчество греческаго рѣзца и не чувствовать себя пріобщеннымъ къ тому, что гр. Алексѣй Толстой тонко назвалъ «отчизной пламени и слова»? Прометей недаромъ похитилъ огонь съ небесъ. Эллины вдохнули это начало въ покорившееся ихъ голосу вещество!

Здѣсь въ Олимпіи, обходя археологическія достопримѣчательности, шагъ за шагомъ знакомишься съ постепеннымъ, мучительно-долгимъ развитіемъ тамошняго искусства. Доисторическіе крайне наивные образы людей и животныхъ, приносившихся къ алтарямъ, въ качествѣ жертвъ, или же вѣшавшихся на деревья священной рощи, все большая и бо́льшая обдуманность и анатомическое знаніе въ олицетвореніи Зевса, — который сначала является только силою и грозою, а затѣмъ опредѣляется, какъ идеалъ царственной мудрости, справедливости и красоты, съ чертами бога и правителя, вѣщаго существа и народнаго вождя, — строгая женственность линій у величавой головы Геры, облики бойцовъ и т. д., и т. д. — все поучительно въ высшей степени, все говоритъ о внутреннемъ строѣ народа, приходившаго въ Элиду помолиться и воспрянуть духомъ.

ВЪ ОЛИМПІИ.

Что же его бодрило и закаляло для совершенія славныхъ дѣлъ на поприщѣ міроваго соперничества государствъ? Для древнихъ грековъ это было понятіе «агонъ» (состязаніе). Подъ словомъ подразумѣвалось нѣчто гораздо большее, чѣмъ обыкновенная борьба атлетовъ и возничихъ, а точнѣе окончательное проявленіе взаимодѣйствія двухъ противоположныхъ силъ. Въ состязаніяхъ сказывалось напряженіе не одного только человѣка,

ЗЕВСЪ ФИДІЯ И ОБЛОМКИ ИЗВАЯНІЙ ВЪ ОЛИМПІЙСКОМЪ МУЗЕѢ.

а цѣлой партіи, цѣлой области, цѣлаго народа. Гости съѣзжались въ Олимпію лѣтомъ, съ іюня на іюль. Остается загадкой, какъ могли происходить пресловутыя сборища именно въ дни самаго невыносимаго зноя. Это, вѣроятно, вызывалось традиціей, какимъ-нибудь религіознымъ событіемъ, бывшимъ сильнѣе внѣшнихъ условій: но чѣмъ, — неизвѣстно. Неясно даже, кто собственно положилъ начало исторически важнымъ играмъ: онѣ будтобы велись со временъ прославленнаго обжорствомъ дорическаго Геракла, посадившаго тутъ масличное дерево для увѣнчанія побѣдителей его вѣтвями. Въ вѣрованіи эллиновъ сами небожители нѣкогда состязались здѣсь въ кулачномъ бою и въ бѣгѣ. Критяне привезли сюда Зевса-ребенка и устроили для забавы борьбу, въ которой Аполлонъ осилилъ Гермеса и Арея. Съ V на IV в. до Р. Хр. Олимпія достигаетъ наивысшаго разцвѣта. Отъ предѣловъ сѣверной Африки и Марселя до Чернаго моря и дальнихъ азіатскихъ странъ богомольцы съѣзжаются толпами. Отъ притока ихъ населеніе долины Алфея становится гуще и богаче. Является необходимость въ сооруженіи сокровищницъ для храненія отовсюду приносимыхъ драгоцѣнныхъ даровъ. Изъ этихъ зданій самою пышною становится мегарская.

Вокругъ храма Зевса разростается и ширится чудный паркъ, среди зелени котораго виднѣются безчисленныя статуи, колонны, треножники, курильницы и т. п. Только греки по происхожденію допускались на «благородное» ристалище. Македонскимъ царямъ сперва возбранялся доступъ, ибо ихъ считали почти варварами. Національная гордость дошла до апогея и затѣмъ жестоко была унижена. При владычествѣ Рима позоръ дошелъ до того, что одного цезаря, побѣжденнаго въ борьбѣ, тѣмъ не менѣе увѣнчали. Послѣдній побѣдитель въ Олимпіи оказался родомъ изъ иноплеменниковъ Арменіи.

Въ годы яркаго блеска толпа не только смотрѣла на физическія состязанія, но внимала также рѣчамъ и ученію выдающихся мужей. Геродотъ, во время игръ, повѣдалъ народу часть своей безсмертной исторіи. Представители отдаленнѣйшихъ эллинскихъ поселеній привыкали видѣть другъ въ другѣ отпрысковъ одного и того же корня и, сознавая это, рукоплескали искуснѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ и безстрашнымъ вождямъ. Когда, послѣ саламинскаго сраженія, Ѳемистоклъ прибылъ на олимпійское празднество, тысячи зрителей поднялись со своихъ сѣдалищъ и привѣтствовали великаго аѳинянина. Милетскій мудрецъ Ѳалесъ, въ престарѣломъ возрастѣ, пріѣхалъ сюда полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ и переутомленный долгимъ путешествіемъ мирно опочилъ среди радостно ликовавшаго народа. Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, Діогенъ посѣщали Олимпію.

Уже въ VI-мъ столѣтіи восторженные греки нашли возможнымъ воздвигнуть статую одному неподражаемому музыканту, который въ теченіе четверти вѣка игралъ на свирѣли, восхищая богомольцевъ, стекавшихся въ Элиду. Маленькое изображеніе его поставили близь центральнаго святилища. Сначала статуи удостоенныхъ столь великой чести людей вырѣзались изъ дерева, потомъ онѣ стали дѣлаться изъ бронзы. По необъятному числу найденныхъ въ Олимпіи пьедесталовъ, можно себѣ составить лишь слабое представленіе о количествѣ возвышавшихся надъ ними великолѣпныхъ произведеній искусства.

Обходя музей и медля очарованными взорами то на одномъ изъ нихъ, то на другомъ, въ главномъ залѣ невольно очень долго останавливаешься на грустныхъ обломкахъ украшеній Зевсова храма, которыя краснорѣчиво говорятъ объ его величественной внѣшности. Какъ не застыть въ живительномъ созерцаніи передъ фигурами, образовывавшими нѣкогда одну знаменитую группу вдоль крыши надъ кумирней «громовержца»? Изображалось предстоящее состязаніе коней пришлаго въ Элидѣ героя Пелопса съ конями мѣстнаго пизанскаго царька Эномая. Богъ-властелинъ спокойно стоитъ, превышая ихъ размѣрами, посрединѣ. Въ сторонѣ, сбоку, возлегаютъ зрители, олицетворенія рѣчныхъ геніевъ

(Алфея и Кладеоса). Скульпторъ Пэоній изъ Ѳракіи является, повидимому, создателемъ художественно задуманнаго момента предъ готовящеюся борьбой. Фигуры сильно пострадали, будучи низвергнуты при землетрясеніи съ высоты сооруженія, но, благодаря тщательнымъ и обдуманнымъ работамъ археологовъ, группа, насколько возможно, собрана и расположена въ старомъ порядкѣ.

Что же такое особенное въ полумиѳическомъ эпизодѣ могло заставить великаго ваятеля испытать надъ нимъ свой чарующій рѣзецъ? Древнеклассическое преданіе незамысловато и не даетъ много пищи воображенію.

У Эномая — единственная дочь Гипподамея. Она — изумительной красоты и самъ отецъ ревнуетъ ее къ многочисленнымъ женихамъ, — тѣмъ болѣе, что есть предсказаніе будто ему суждено погибнуть отъ руки зятя. Для огражденія дѣвушки и себя отъ сватовства Эномай ставитъ женихамъ какъ главное условіе, побѣдить его необычайно быстрыхъ коней вихрокрылымъ бѣгомъ столь же сильныхъ скакуновъ, или же заплатить цѣною собственной жизни несчастіе пораженія. Женихи не идутъ больше на страшный рискъ. Пизанскій царекъ настолько всегда увѣренъ въ превосходствѣ своей запряжки надъ лошадьми соперниковъ, что при началѣ состязанія даже не отъѣзжаетъ на просторъ единовременно съ ненавистными искателями руки Гипподамеи, а даетъ имъ помчаться впередъ, — самъ же еще приноситъ жертву Зевсу и затѣмъ лишь грозно несется по равнинѣ, догоняетъ мечтающаго овладѣть невѣстой и безпощадно прободаетъ его копьемъ. На смѣну тринадцати погибшихъ такимъ путемъ отважно приходитъ Пелопсъ и побѣждаетъ Эномая. Не правда-ли, трудно себѣ представить какъ можно, при довольно несложномъ содержаніи сказанія, вдохнуть жизнь и трепетъ поэзіи въ простой камень? Но онъ передъ нами, среди цѣлаго святилища эстетики, называемаго Олимпійскимъ музеемъ. Каменная на половину обезображенная группа дышетъ и полна напряженія. Никто изъ участвующихъ въ состязаніи не смотритъ на царственную фигуру Зевса: онъ, вѣроятно, невидимъ для глазъ, отвернулся отъ жестокосердаго отца, обратился въ сторону юнаго героя. Эномай представляется суровымъ витяземъ, со шлемомъ на головѣ. Непобѣдимый до нынѣшняго дня отецъ Гипподамеи словно охваченъ предчувствіемъ невѣроятнаго пораженія. Съ нимъ рядомъ — жена, застывшая съ видомъ тихой грусти. Художникъ поставилъ дочь подлѣ Пелопса. Она недвижна, безстрастна, удивительно хороша въ своей каменной, мягкими складками ниспадающей одеждѣ. Совершенно подобный этому образъ находится, тутъ же по близости, въ числѣ прочихъ олимпійскихъ находокъ. Между ними есть барельефъ съ женщиною, стоящею за Геркулесомъ, который поддерживаетъ небо, пока

ГЕРАКЛЪ И АТЛАНТЪ.

Атлантъ отправился принести богатырю яблоки изъ сада Гесперидъ. Ея лицо и лицо Гипподамеи схожи.

Въ стѣнахъ музея столькимъ можно безъ конца любоваться, что посвятить ему стоитъ хоть нѣсколько дней. Но намъ пора вернуться въ Пиргосъ и Патрасъ. Гроза прошла. Солнце золотитъ окна комнаты, гдѣ высится драгоцѣннѣйшій памятникъ Олимпіи — статуя Гермеса, созданная Праксителемъ. Небожитель держитъ младенца Вакха и, повидимому, забавляетъ его чѣмъ-то; но рука, на которую смотритъ ребенокъ, отбита. Цѣлы и блистаютъ неподражаемымъ совершенствомъ чело и торсъ безсмертнаго юноши. Въ немъ такъ много человѣчности и простоты, что ваянью никогда не удалось достигнуть бо́льшей гармоніи между идеей и формой. Мраморъ благоухаетъ красотою.

ПОДЪ АКРОПОЛЕМЪ.

Среда, 31-го октября (12-го ноября).

Еще всецѣло подъ впечатлѣніями вчерашняго возвращенія изъ Олимпіи — пр
вторичной грозѣ, съ темнотою ненастья, нависшею на извилистомъ пути обратно къ же
лѣзной дорогѣ, — открываешь глаза въ патрасской гостинницѣ, приготовленной для ночлег
Наслѣднику Цесаревичу. Передъ окнам
толпы любопытныхъ. Ясный день. Со
вершенно европейская внѣшность город
и населенія.

ВЪ АѲИНАХЪ.

Уже съ вечера Его Императорском
Высочеству имѣли счастіе представитьс
назначенные состоять при Его Особѣ в
время пребыванія въ Греціи: флигель
адъютантъ короля Эллиновъ полковник
Вассо и ротмистръ кавалеріи Метакса
Теперь они оба чуть свѣтъ готовы со
провождать Высокаго Гостя въ радушн
настроенныя Аѳины.

Колокольный звонъ доносится из
православныхъ церквей. Августѣйшій пу
тешественникъ садится въ экстренны
поѣздъ съ королевскими вагонами. Чуд
ное утро такъ и просится въ душу
Быстро исчезаютъ изъ виду бѣлые домики Патраса. Воды Коринѳскаго залива неподвижно
поверхностью раскидываются слѣва отъ насъ, сверкаютъ и нѣжатся на солнцѣ, дѣлятся н
двѣ рѣзко отличныя полосы голубаго и стальнаго цвѣта. Справа отъ желѣзной дорог
однообразно тянутся насажденія коринки, встаютъ холмы, ширится цѣлый хребетъ. На
сколько его очертанія сумрачны и тяжелы, настолько противоположныя этолійскія горы
за моремъ, воздушны и очаровательны. Онѣ подымаются какъ-бы прямо изъ волн

свѣтлосинею стѣной, только по временамъ прорѣзываемою темными впадинами долинъ, и тихо уплываютъ величественными вершинами въ лучезарное небо. Какъ дивно хороша эта Грецiя, какими красками одарила ее божественная природа!

Возвышенности съ нашей стороны все ближе и ближе придвигаются къ заливу. Поѣздъ идетъ мѣстами среди прибрежныхъ скалъ, по крутымъ насыпямъ и довольно частымъ небольшимъ мостамъ. Изрѣдка встрѣчаются виноградники и масличныя деревья. Нависающiя громады становятся грознѣе. Понятно, почему здѣсь, при землетрясенiяхъ, жителямъ вдвойнѣ трудно избѣжать опасностей. Мы подходимъ къ городку Эгiону (или, точнѣе сказать, Востицѣ), два года назадъ разрушенному сильными колебанiями почвы. Онъ почти отстроился, живописно раскидывается по зеленѣющимъ склонамъ предгорья, улыбается солнечному блеску и струящемуся съ сѣвера живительному вѣтерку.

Окрестности постепенно мѣняютъ характеръ. Задумчивые кипарисы густыми рядами унизываютъ путь, образуютъ просто подобiе лѣса, — чего кажется, нигдѣ нѣтъ въ другихъ частяхъ Грецiи, — и какъ нельзя лучше гармонируютъ съ угрюмостью открывающихся сбоку глубокихъ ущелiй, откуда катятся и перегоняютъ другъ друга ручьи.

Коринѳъ. Громкое названiе, данное незначительному коммерческому пункту, выросшему поодаль отъ развалинъ своего славнаго предка. Желѣзная дорога, дойдя до перешейка, соединяющаго Морею съ материкомъ, поворачиваетъ направо, къ востоку. Вглядываясь въ отступающую отъ насъ озероподобную ширь залива, прощаешься съ его мягкими волнистыми линiями, красивыми бухтами и вѣнчающею даль серебристою главою Парнаса. Мысъ св. Николая обрывомъ спускается въ лазурную гладь исчезающихъ изъ виду водъ. Поѣздъ, замедляя ходъ, приближается къ району работъ по прорытiю канала между западнымъ моремъ и выходомъ въ Средиземное, чѣмъ весьма осязательно должно сократиться разстоянiе отъ Константинополя и Аѳинъ до италiанскихъ портовъ и Трiеста, не говоря уже о расширенiи торговли внутри самой Грецiи.

Сооруженiе будетъ длиною въ три съ половиною мили, шириною въ нѣсколько десятковъ футовъ. Надъ нимъ уже переброшенъ высокiй желѣзнодорожный мостъ, на которомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ кратковременно покидаетъ вагонъ для бѣглаго обзора результатовъ потраченной на это предпрiятiе энергiи. Отсюда дѣйствительно открывается крайне оригинальное зрѣлище. Высота рельсоваго пути, откуда мы смотримъ, — черезъ крѣпкiя перила вдоль пропасти, — достигаетъ, по меньшей мѣрѣ, тридцати пяти саженей. Подъ нимъ смѣло могутъ со временемъ проходить суда съ гигантскими мачтами. Сѣрыми и невзрачными массами лежатъ внизу насыпи, стѣны и землечерпательныя машины будущаго могучаго водоема. Вереницы рабочихъ копошатся въ этомъ искусственномъ и узкомъ межгорьѣ. Бѣдно и неуютно лѣпится тамъ же ихъ непрочное и случайное жилье. По направленiю къ сѣверной оконечности канала слабо различается маякъ у недавно возникнувшаго городка Посейдонiи. Да, богъ моря нѣкогда царилъ тутъ во всемъ своемъ величiи передъ воображенiемъ благоговѣйно настроенныхъ древнихъ. Наравнѣ съ финикiйскимъ божествомъ Мелькартомъ онъ чтился населенiемъ именно здѣсь на рубежѣ двухъ одинаково ему подвластныхъ, но по непонятной причинѣ чуждыхъ, хотя и родныхъ стихiйныхъ началъ. Для прославленiя мореправителя на перешейкѣ издревле возвышались особыя святилища и устраивались такъ-называемыя «истмiйскiя игры». Невозможности прямаго общенiя въ ту далекую пору еще легко было помочь. Иные корабли просто-напросто перетаскивались по суху. Съ этой цѣлью нарочно поддерживалась покатая, скользкая поверхность, на которую ихъ втягивали и съ которой ихъ потомъ сплавляли. Первобытно и практично!

Уже при римскихъ императорахъ являлась мысль соединить оба моря. Однако за ея серьезное выполненіе взялись лишь въ нашъ вѣкъ. Работы начаты около 1881 года, по иниціативѣ французскаго общества, съ гарибальдійскимъ генераломъ Тюромъ во главѣ.

Время за полдень. Поѣздъ, увозящій Его Императорское Высочество, круто поворачиваетъ, подъ гору, къ маленькой гавани Каламаки, гдѣ предстоитъ снова вернуться на «Память Азова». Эскадра стройно выдѣляется на зеркалѣ Сароническаго залива. Крошечная станція разукрашена. Сюда заблаговременно прибыли, чтобы встрѣтить Августѣйшаго путешественника, члены русской миссіи въ Греціи, генеральный консулъ Г. Р. Генрихсенъ и нашъ военный агентъ баронъ Е. А. Раушъ фонъ Траубенбергъ.

Фрегатъ, подъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича, плавно рѣжетъ спокойную влагу. Часа черезъ два послѣ завтрака впереди ясно обозначается скалистый Саламинъ съ его многочисленными заливчиками. Издали островъ кажется соединеннымъ съ материкомъ.

РУССКАЯ ЭСКАДРА У ГРЕЧЕСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Въ прозрачномъ воздухѣ съ удивительною отчетливостью ростутъ и опредѣляются горы, обступившія Аттику. Будь мы на два тысячелѣтія ближе къ ея прошедшему, на Акрополѣ сверкнули бы жаркимъ золотомъ шлемъ, копье и щитъ Аѳины Паллады. Но богиня отлетѣла отъ разрушеннаго кремля. Купола православныхъ храмовъ блестятъ надъ новымъ городомъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ и трубъ, въ пестротѣ безчисленныхъ флаговъ развертывается у оживленнаго Пирея. Входъ въ него чрезвычайно тѣсенъ, — особенно когда туда направляется великанъ-броненосецъ. Триремы Ѳемистокла, безъ сомнѣнія, впархивали въ него стремительнѣе птицъ. Управляемые варягами — богатырями «драконы» Гарольда Гаардрады (жениха Ярославны), конечно, пробивались сюда, какъ это не мыслимо современнымъ военнымъ кораблямъ.

Пятый часъ пополудни. Оглушительный грохотъ орудій съ батарей и судовъ длится до безконечности. «Память Азова» медленно скользитъ черезъ преддверье переполненной гавани. Музыка гремитъ національные гимны. Положительно счету нѣтъ пушечнымъ выстрѣламъ. Когда пороховой дымъ сталъ разсѣяваться, отъ южной дамбы отдѣлился паровой катеръ, подъ королевскимъ штандартомъ, и подошелъ къ трапу Великокняжескаго

фрегата, гдѣ Гостей ожидали, въ парадной формѣ (при лентахъ греческаго ордена Спасителя) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Августѣйшій Братъ. На свиданье съ Ними прибыли Ихъ Величества Король (въ русской адмиральской формѣ, съ шифромъ 2-го флотскаго экипажа на эполетахъ и при лентѣ Св. Андрея Первозваннаго) и Королева Эллиновъ, Великій Князь Павелъ Александровичъ (въ мундирѣ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка) и Великая Княгиня Александра Георгіевна, а также принцы Георгій (въ мундирѣ лейтенанта 2-го флотскаго экипажа), Николай и принцесса Марія. Около пяти часовъ, тотъ же катеръ отдалился отъ «Памяти Азова», неся одновременно на своемъ флагштокѣ королевскій штандартъ и флагъ Наслѣдника Цесаревича. Высокіе Посѣтители и Августѣйшіе путешественники направились къ пристани у вокзала желѣзной дороги. Пирейскій городской голова привѣтствовалъ здѣсь Царскихъ Сыновей. Военная молодежь Эвельпидской школы отдала Имъ должныя почести. Ликующая толпа провожала удалявшійся въ Аѳины поѣздъ. Звуки «Боже, Царя храни» торжественно рѣяли надъ заздравными возгласами населенія.

Въ столицѣ — одинаково радушная, восторженная встрѣча. На станціи собрались къ блестящему пріему — министры, представители иностранныхъ правительствъ, городскія власти и т. д. Августѣйшія Особы проѣхали по улицѣ Гермеса во дворецъ. Тамъ, въ лонѣ родственной семьи, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ намѣревались сравнительно замкнуто провести нѣсколько дней передъ отъѣздомъ на дальній Востокъ.

Время въ Греціи тянется незамѣтно. Погода скорѣе хмурая, дождливая. Ихъ Императорскія Высочества не ѣздятъ осматривать города и его достопримѣчательностей, такъ какъ уже ранѣе ознакомились съ ними. Цѣль пребыванія въ Аѳинахъ — исключительно желаніе побыть среди близкихъ лицъ и взять съ собою въ плаваніе, согласно волѣ Государя Императора, — королевича Георгія, рѣшившаго такимъ образомъ поглубже освоиться съ русскимъ языкомъ.

Дни идутъ ничѣмъ особеннымъ не отмѣченные. Всею душею отдаешься ожиданіямъ непосредственнаго будущаго, ибо путешествіе, наконецъ, дѣйствительно переживается на яву. Какъ правъ былъ какой-то французскій писатель, сказавъ: «l'espoir des émotions est déjà un plaisir!» Очевидно, когда съ притягивающими издали краями столкнешься лицемъ къ лицу, сперва должно наступить разочарованіе, — и только потомъ, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, опять просыпаются интересъ и любовь къ переиспытанному на чужбинѣ.

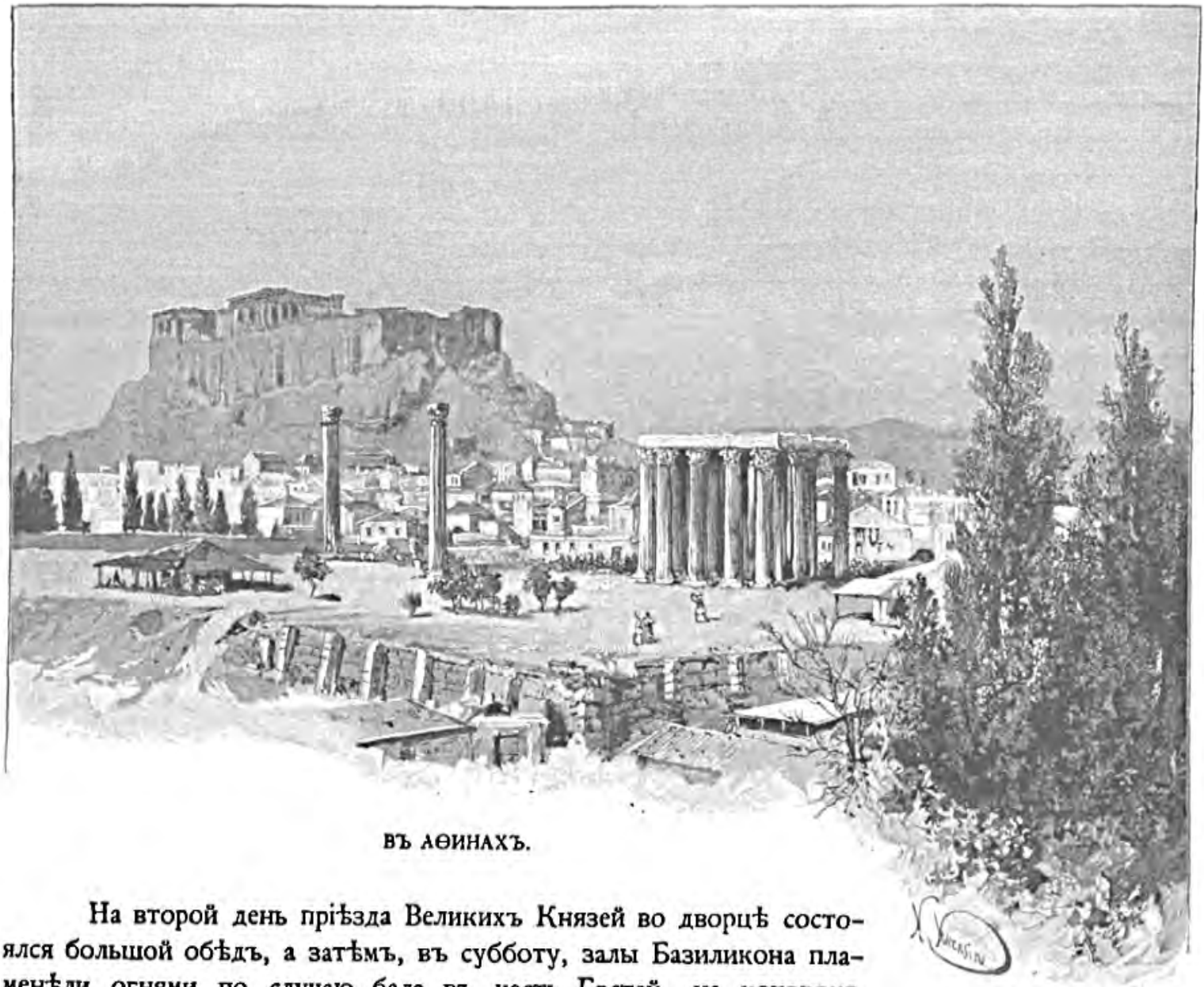
Простотой и спокойствіемъ вѣетъ отъ королевскаго столичнаго мѣстопребыванія «Базиликона». Массивный бѣломраморный дворецъ съ колоннадами, построенный въ тридцатыхъ годахъ, при правительствѣ Оттона Баварскаго, высится надъ главною площадью, окаймленною лучшими гостинницами и кофейнями. Къ послѣдней спускается бульваръ, по которому постоянно движется много народа. Въ четыреугольникѣ, между растущими здѣсь олеандрами, мягко стелется мурава.

За резиденціей ихъ величествъ подымается благородно очерченная гора Ликабетъ съ часовнею св. Георгія. Придворный обширный садъ, доступный и постороннимъ посѣтителямъ, изобилуетъ тѣнистыми деревьями и цвѣтниками.

Внутри дворца покои соединяются длинными и очень высокими корридорами. Размѣры комнатъ вездѣ огромныя. Тишина въ Базиликонѣ почти ненарушимая. Въ него видимо рѣдко врывается кипучее оживленіе, проникающее молодой и волнуемый политикою

городъ. Государственныя заботы зрѣютъ и даютъ добрый плодъ въ самыхъ величавыхъ стѣнахъ королевскаго жилища.

Августѣйшія Особы посѣтили театръ. Ея величество съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ѣздили въ Пирей, на «Память Азова». Въ воскресенье, 4-го ноября, въ русской церкви отслужена была въ Высочайшемъ присутствіи обѣдня. Этотъ храмъ отличается древностью своего основанія и непохожаго на другія аѳинскія постройки византійскаго стиля. Фундаментъ положенъ еще въ IX вѣкѣ, при императрицѣ Иринѣ. Наше правительство дало щедрыя средства на обновленіе и внутреннее убранство тысячелѣтняго сооруженія.



ВЪ АѲИНАХЪ.

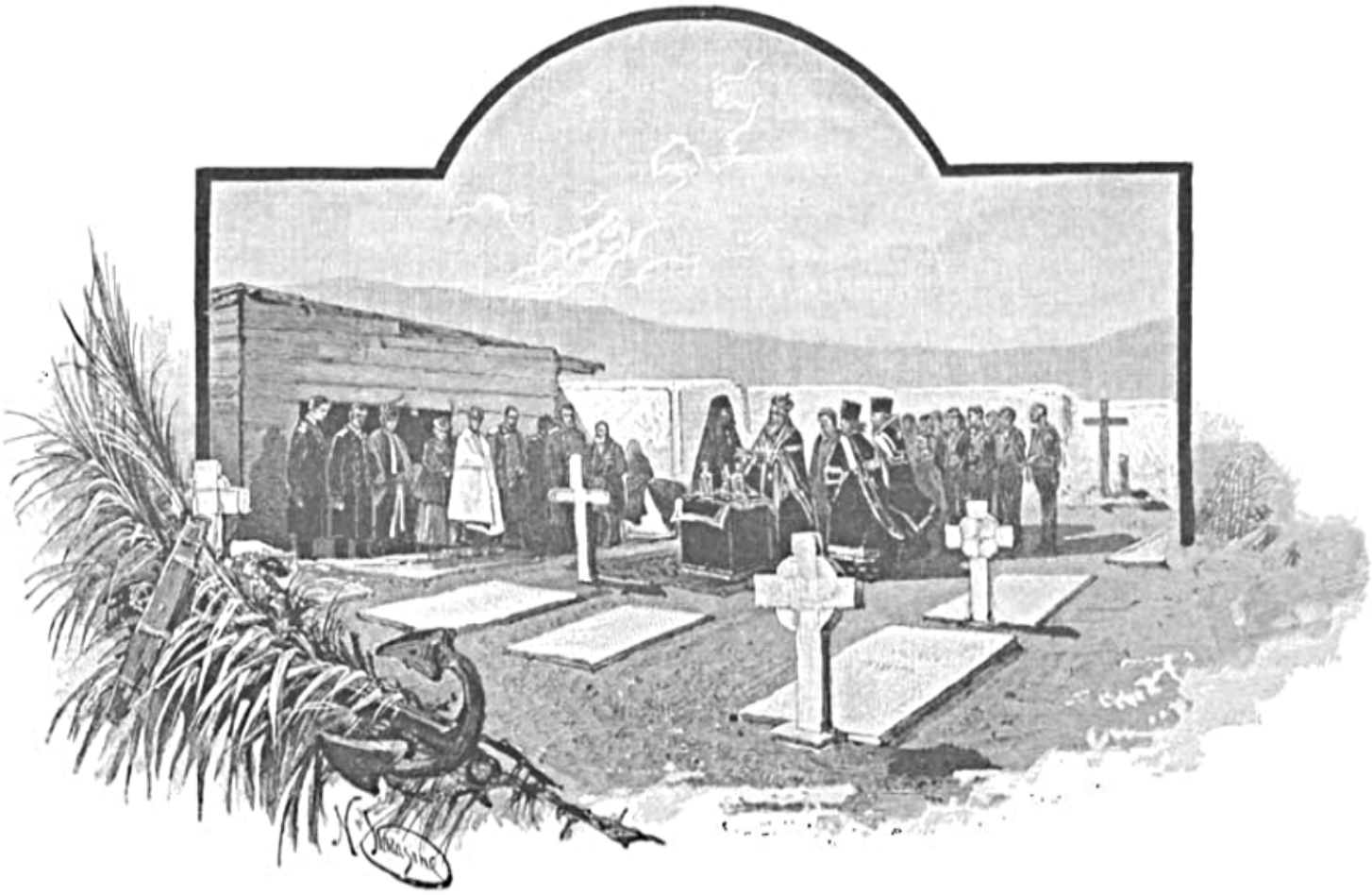
На второй день пріѣзда Великихъ Князей во дворцѣ состоялся большой обѣдъ, а затѣмъ, въ субботу, залы Базиликона пламенѣли огнями по случаю бала въ честь Гостей, на которомъ насчитывалось нѣсколько сотъ человѣкъ приглашенныхъ и который длился до 4-хъ часовъ утра. На слѣдующій вечеръ былъ опять балъ во французской миссіи у графа Монтолона. Его величество и Наслѣдникъ Цесаревичъ, посѣтивъ его вмѣстѣ со всею королевскою семьею, имѣли на фракахъ звѣзды при лентахъ Почетнаго Легіона. Наконецъ, 5-го, торжества увѣнчались баломъ въ домѣ нашего посланника М. К. Ону. Два офицера съ «Владиміра Мономаха» (мичманы Дядинъ и Повалишинъ) изящно декорировали для этого событія балконъ, обративъ его въ очаровательный шатеръ, откуда упоительно неслась музыка оркестра съ «Памяти Азова». Все избранное аѳинское общество собралось на радостный для русскихъ праздникъ единовременнаго присутствія въ Греціи столькихъ

Гостей съ Сѣвера. Общее веселье и бодрое настроеніе не нарушались никакимъ диссонансомъ. Минуты близкой разлуки почему-то не страшили, почему-то мнились далекими.

Во вторникъ, 6-го ноября, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Павелъ Александровичъ и Великая Княгиня Александра Георгіевна покинули столицу, направляясь домой, въ Россію, напутствуемые лучшими горячими пожеланіями множества прибывшихъ провожать Ихъ на станцію коринѳской линіи.

Среда, 7 (19) ноября.

Наступилъ и для насъ часъ отъѣзда. Съ утра уже снаряжаешься въ путь, испытываешь нѣкоторое невольное напряженіе, ждешь опять моря и нераздѣльныхъ съ нимъ



КЛАДБИЩЕ РУССКИХЪ МАТРОСОВЪ У ПИРЕЯ.

безпредметно-сладостныхъ мечтаній. Съ утра дуетъ сильный вѣтеръ, заставляющій усомниться, какъ наша эскадра выйдетъ при такой погодѣ изъ узкой гавани. Но эта мимолетная мысль не останавливаетъ дорожныхъ приготовленій. Сундуки выносятся. Экипажи поданы. Надо проститься съ гостепріимнымъ Базиликономъ и симпатичными Аѳинами.

Мы отправляемся въ Пирей на лошадяхъ. На одномъ поворотѣ дороги красота покидаемой мѣстности, несмотря на пасмурное небо, поражаетъ особенной характерностью. Акрополь выступаетъ красноватой скалистою твердынею среди тусклой зелени и желтокоричневой поверхности округа. Гиметъ и Парнасъ раскинуты справа и слѣва. На сизомъ фонѣ амфитеатра, представляемаго краемъ, широкая вершина Пентеликона обрисовывается словно фасадъ незаконченнаго храма. Цѣлыя оливковыя рощи виднѣются между очертаніями горъ. Разрушенный, но вѣчно живой кремль гордо царитъ надъ разростающимся

городомъ: алтарь искусства, непоколебленный ужасами кровавыхъ нашествій и вандализма!!...

Передъ вступленіемъ на фрегатъ ея величество королева Ольга Константиновна поѣхала съ Великими Князьями на новое русское кладбище для моряковъ, устроенное близь порта. Сюда же заблаговременно прибыли адмиралъ Басаргинъ, архимандритъ нашей миссіи Михаилъ, командиры нашихъ судовъ, отцы-іеромонахи съ «Памяти Азова» и «Владиміра Мономаха» и т. д.

Почти пустое, просто огороженное мѣсто, отведенное усопшимъ, открыто вѣтру, который при совершеніи панихиды крѣпчаетъ и злится. Звуки моленія на половину невнятны. Волны ѳиміама бѣгутъ по сторонамъ. Сердитые порывы становятся несносны. Но служба продолжается при благоговѣйномъ настроеніи тѣхъ, кто собрался для поминовенія безвѣстныхъ матросиковъ-соотечественниковъ: спите мирнымъ сномъ въ чужой землѣ! За ваши души набожно осѣняютъ себя крестомъ Сыновья Батюшки-Царя! За ваше безгрѣшное успокоеніе умиленно молится ваша неусыпная печальница и радѣтельница — Августѣйшая дочь вашего стараго генералъ-адмирала!...

Мы въ морѣ. Отъ медленно идущаго фрегата уже отвалилъ паровой катеръ, увозящій королевскую семью. Быстро темнѣетъ. До отдачи приказанія, чтобы прибавили ходу, адмиралъ ждетъ, когда за нами осторожно выйдутъ изъ гавани оба конвоира. Ночь плыветъ надъ нами въ звѣздотканномъ покрывалѣ. Острый запахъ соленой воды при легкой качкѣ чуть-чуть кружитъ голову и живительно опьяняетъ. Вотъ вдали на просторѣ обозначается нашъ неизмѣнный спутникъ-фрегатъ, различаются сигнальные огни на «Запорожцѣ». «Память Азова» властно устремляется впередъ. Во мракѣ, прощальнымъ привѣтомъ, трижды раздаются громкіе крики съ трехъ греческихъ миноносцевъ, которыми завѣдывалъ принцъ Георгій и которые провожаютъ любимаго начальника въ далекій, долгій путь.

ПРІЕМЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Пятница, 9-го (21-го) ноября.

Сегодня третій день въ открытомъ морѣ. Сначала почти не ощущалось качки. Но въ ночь на 8-е волна стала безпокойнѣе и шире. Загремѣла посуда на поставцахъ. Мебель задвигалась. Вещи попадали на полъ. По каютамъ пронесся неясный шумъ пробужденья и легкой суеты. Въ иллюминаторы ударялась сильными брызгами влага. Съ непривычки не находя сна, лежа на койкѣ, засвѣтивъ электрическую лампочку, инымъ приходилось вслушиваться нѣкоторое время въ немолчный говоръ ночныхъ водъ и отзвуки внѣшняго волненія на внутренней жизни пловучаго великана. При выходѣ на палубу, отовсюду обдавало рѣзкимъ воздухомъ, тоскливымъ скрыпомъ снастей, темнотою и загадочностью простора, который мѣрно вздымался вокругъ, передавая фрегату каждый взмахъ своихъ низкихъ валовъ и свое могучее сердцебіеніе. Спустившись внизъ, снова надо было мириться съ неуютностью растревоженнаго помѣщенія, съ непріятнымъ и безконечнымъ покачиваніемъ, съ невозможностью сразу опять забыться и крѣпко спать. Такъ длилось часами. Нервы напрягались. Никакое связное занятіе, никакое дѣло не спорились. Сядешь читать (а о письмѣ и думать нечего!), книга валится со стола, сидѣніе летитъ въ сторону, при недосмотрѣ или самъ упадешь, или на кого-нибудь натолкнешься. Но такъ какъ постепенно человѣкъ сживается съ чѣмъ-угодно, — то и въ данномъ случаѣ маловажныя послѣдствія волненія становятся источникомъ смѣха и забавы, — тѣмъ болѣе, что съ минуты появленія новаго лейтенанта (принца Георгія) въ каютъ-компаніи, тамъ вдругъ стало однимъ стихійнымъ элементомъ больше. Заразительная веселость его королевскаго высочества передалась молодежи. Уроки русскаго языка, преподававшагося ему младшимъ штурманомъ Ив. Ив. Конюшковымъ, комическій даръ мичмана кн. Андрея Голицына, простота отношеній Великаго Князя Георгія Александровича къ сослуживцамъ, постоянное милостивое вниманіе Наслѣдника Цесаревича, — все бодрило и радовало духъ совершающихъ далеко не легкое плаваніе. Отвѣтственность, а по временамъ и тяжелыя условія вахтенной службы само собою скрашивались при сознаніи, что тамъ на шканцахъ, у рулевой рубки, въ темнотѣ и на вѣтру, безъ отличія отъ другихъ, отстаиваетъ свои часы второй Сынъ Государя.

Сегодня къ вечеру адмиралъ и командиръ учащеннѣе обыкновеннаго поднимаются на палубу, съ напряженной бдительностью всматриваются въ даль, ожидаютъ появленія маячныхъ огней на африканскомъ побережьи. Не увидавъ ихъ, туда не безопасно подходить. Время близится къ полуночи. Наклоненія фрегата съ боку на бокъ не уменьшаются. Послѣдніе дни совершается первоначальное испытаніе нашей способности переносить качку. Больныхъ нѣтъ: значитъ, надо надѣяться, морская болѣзнь никого не тронетъ и впереди.

Однообразный шумъ водъ то раздражаетъ, то убаюкиваетъ. Изъ мрака, съ сѣвера, за ускользающею отъ серебряной пѣны кормой что-то какъ-будто слышится, кто-то словно силится доплыть до насъ среди непокорныхъ волнъ. Это прощается съ удаляющимися

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ПРИНЦЪ ГЕОРГІЙ ГРЕЧЕСКІЙ.

родной материкъ... Это отголосокъ знакомой жизни и всего покинутаго дома таинственно воплощается въ необъяснимыхъ звукахъ ночной бездны...

Суббота, 10 (22) ноября.

Утро. Седьмой часъ. Увѣряютъ, что Египетъ виденъ, — говорятъ, что городъ Портъ-Саидъ — прямо передъ нами. Но сколько ни протираешь глаза, сколько ни всматриваешься въ блѣдно-зеленую зыбь, свидѣтельствующую своимъ цвѣтомъ о близости Нила — угадать, гдѣ обѣщанная гавань, долго не можешь и не рѣшаешься: а минареты, а пальмовыя рощи, а прелести южной природы? вѣдь не на песчаныхъ же полоскахъ у горизонта, кончающагося такою же нелюдимою ширью, какъ и вокругъ шествующей на полныхъ парахъ эскадры?

На плоской сѣрой поверхности опредѣляется рангоутъ судовъ, выростаетъ огромный бетоновый маякъ, показываются дома и флаги, но берега тѣмъ не менѣе не различаешь. Ужъ не миражъ-ли? Нѣтъ, на встрѣчу вѣетъ запахомъ ила и дыханіемъ полуденной страны.

Мы — недалеко отъ оконечности Суэзскаго канала. Два гигантскихъ мола, въ полторы и въ $2^1/_2$ версты длиною, тянутся на востокъ и особенно на западъ для огражденія ея отъ заносовъ, которые, не будучи допущены до разрушительной дѣятельности, мирно осѣдаютъ тутъ же, помогая инженерному искусству. Море съ подавленнымъ ропотомъ разбивается о несокрушимыя громады. Онѣ образуютъ у входа промежутокъ въ нѣсколько сотъ саженей. Качка стихаетъ. Фрегатъ величаво идетъ къ любопытнѣйшему пункту земнаго шара, созданному исключительно геніемъ новѣйшей техники и предпріимчивости. Вчера — болотистая мѣстность на границѣ озера Мензалэ и Средиземныхъ водъ, безъ устойчивой почвы подъ постройки и безъ прѣсной воды: почти на другой день — цѣлые ряды зданій съ довольно густымъ населеніемъ, существующимъ при извѣстнаго рода комфортѣ, при благопріятномъ климатѣ и при избыткѣ нильской влаги, проведенной на Портъ-Саидъ въ надежныхъ трубахъ (на весьма значительномъ разстояніи) и кромѣ того содержащейся въ особомъ «Château d'Eau», съ запасомъ на три дня, въ случаѣ задержки свѣжаго притока. Мѣста осѣдлости стали возникать по пустынѣ вдоль канала точно такимъ же путемъ, какъ тамарисковые кустарники, вдругъ появляющіеся на безплодномъ пространствѣ степей.

Даже трудно представить себѣ просто нечеловѣческія средства для борьбы съ чисто матеріальными затрудненіями, которыя тутъ пришлось преодолѣвать строителямъ канала. Выборъ именно этого центра обусловливался тѣмъ, что сюда сравнительно близко подступала морская глубина и являлась возможность вырыть удобнѣйшую гавань. Проложенный западнѣе каналъ былъ бы короче, но за то побережье не давало бы на далекомъ протяженіи никакого доступа низко сидящимъ кораблямъ.

Первые труженики, собравшіеся въ Портъ-Саидъ (получившій наименованіе въ честь Саидъ-паши, египетскаго правителя, поддержавшаго проэктъ Лессепса), долго мучились отъ недостатка воды для питья, привозившейся на арабскихъ лодкахъ изъ Дамьетты. Работы велись съ удивительнымъ упорствомъ и терпѣніемъ. Въ видѣ характеристики достаточно замѣтить, что различныя колоссальныя машины (не говоря уже объ углѣ, желѣзѣ и т. п.) по частямъ доставлялись изъ Франціи и лишь на мѣстѣ приспособлялись къ дѣлу. Фирма Дюссо (Dussaud) изготовляла плотныя, очень тяжелыя глыбы песку съ примѣсью извести и соленой влаги. Онѣ низвергались въ море, ради образованія моловъ, и число ихъ въ концѣ концовъ достигло тридцати милліоновъ пудовъ. Пучина незримо раздѣлилась грозными стѣнами. Оплотъ все росъ и росъ, обѣщаетъ еще расти. Изобрѣтатели остроумно, но неточно прозвали эти несчетные подводные камни «pierres perdues». На нихъ основалось благополучіе предпріятія.

Восемь часовъ утра. Впереди ясно различается съуживающійся бассейнъ, на который мы держимъ путь. Съ египетскаго станціонера грохочетъ салютъ и раздаются привѣтственные крики. Скучившіяся въ гавани суда присоединяются къ торжеству встрѣчи. Побережье буквально запружено народомъ. Надо пристально вглядываться въ толпу, чтобы разобраться въ пестротѣ впечатлѣній. По составу зрителей это — смѣшеніе языковъ и племенъ. Кого только нѣтъ! Здѣсь тунисцы и алжирцы, сирійцы и персіане, индусы и

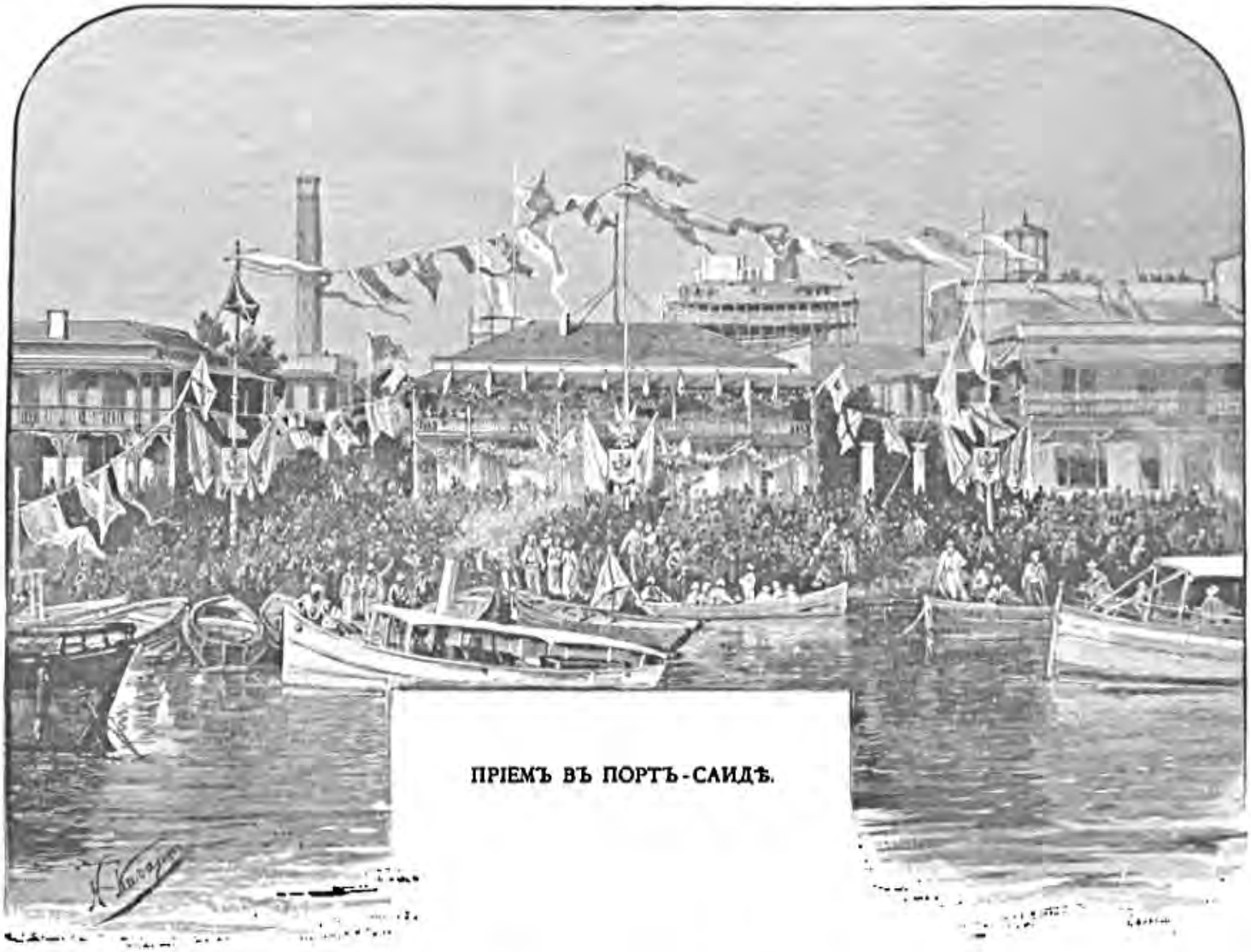
китайцы. Затѣмъ идутъ левантійцы и европейцы всевозможнѣйшихъ профессій. Наконецъ преобладая надъ остальными національностями, полудикіе арабы и убогіе феллахи дополняютъ скученность зрителей. Двадцатитысячное населеніе какъ-будто налицо. Желты цвѣтъ одежды споритъ съ краснымъ и зеленымъ, вытѣсняется голубымъ съ его тончай шими оттѣнками. Вдоль набережной выдѣляются нѣкоторыя каменныя и кирпичныя зданія которыя почти всѣ невелики, обязательно имѣютъ по верандѣ, почему-то кажутся временными постройками. Большинство домовъ — деревянное. Правильныя улицы видимо уходятъ прямо въ степь, если таковою считать искусственно сооруженное песчаное пространство вокругъ страннаго города. Мостовыя отсутствуютъ: между тѣмъ отели, магазины, кофейни на западный ладъ, пароходныя агентства (среди нихъ и русское), банкирскія конторы, консульства и т. д. свидѣтельствуютъ о значительности торговыхъ оборотовъ и широтѣ затронутыхъ ими интересовъ. Хаотическое изобиліе флаговъ, развѣвающихся ради Высокихъ гостей, смягчено откуда-то добытою тощею зеленью. Овацiи звучатъ безъ конца. За первоначальнымъ трескомъ пушечныхъ выстрѣловъ трудно разслышать доносящееся пѣнье и врывающуюся въ него музыку. Лодки съ любопытно всматривающимся, ма-

ПРІЕМЪ ВЪ ПОРТЪ-САИДѢ.

шущимъ шляпами и ликующимъ людомъ безпрестанно снуютъ у бортовъ «Памяти Азова». Бѣлыя платьеца дѣвочекъ греческой школы ласково свѣтятся въ солнечномъ блескѣ. «Зито» грековъ, виваты многочисленныхъ мѣстныхъ французовъ, необычайное усердіе дамскаго струннаго оркестра на одной изъ пристаней, — все сливается въ нестройный взрывъ по своему выражаемаго энтузіазма.

Наша эскадра на короткое время останавливается въ Портъ-Саидѣ. Генералъ-губернаторъ Суэзскаго перешейка, Ибрагимъ-паша, и адмиралъ египетской службы, Привиледжіо-паша, являются отъ имени его высочества Хедива представиться Наслѣднику Цесаревичу. Командиръ англійскаго военнаго судна «Scout», принцъ Людовикъ Баттен-

бергскій, отправляющійся въ Красное море для преслѣдованія работорговцевъ, посѣщаетъ его Императорское Высочество. Полуторачасовая стоянка истекаетъ незамѣтно. На берегу — прежнее несмолкающее возбужденіе. Нашъ гимнъ повторяется неисчислимое число разъ. Слушая его подъ этимъ жгучимъ африканскимъ небомъ, въ этой чудесно создавшейся гавани, невольно припоминаешь, что приблизительно день въ день (ровно двадцать одинъ годъ тому назадъ) столь же стихійно-радостное смятеніе охватывало и потрясало новорожденный тогда Портъ-Саидъ.



ПРІЕМЪ ВЪ ПОРТЪ-САИДѢ.

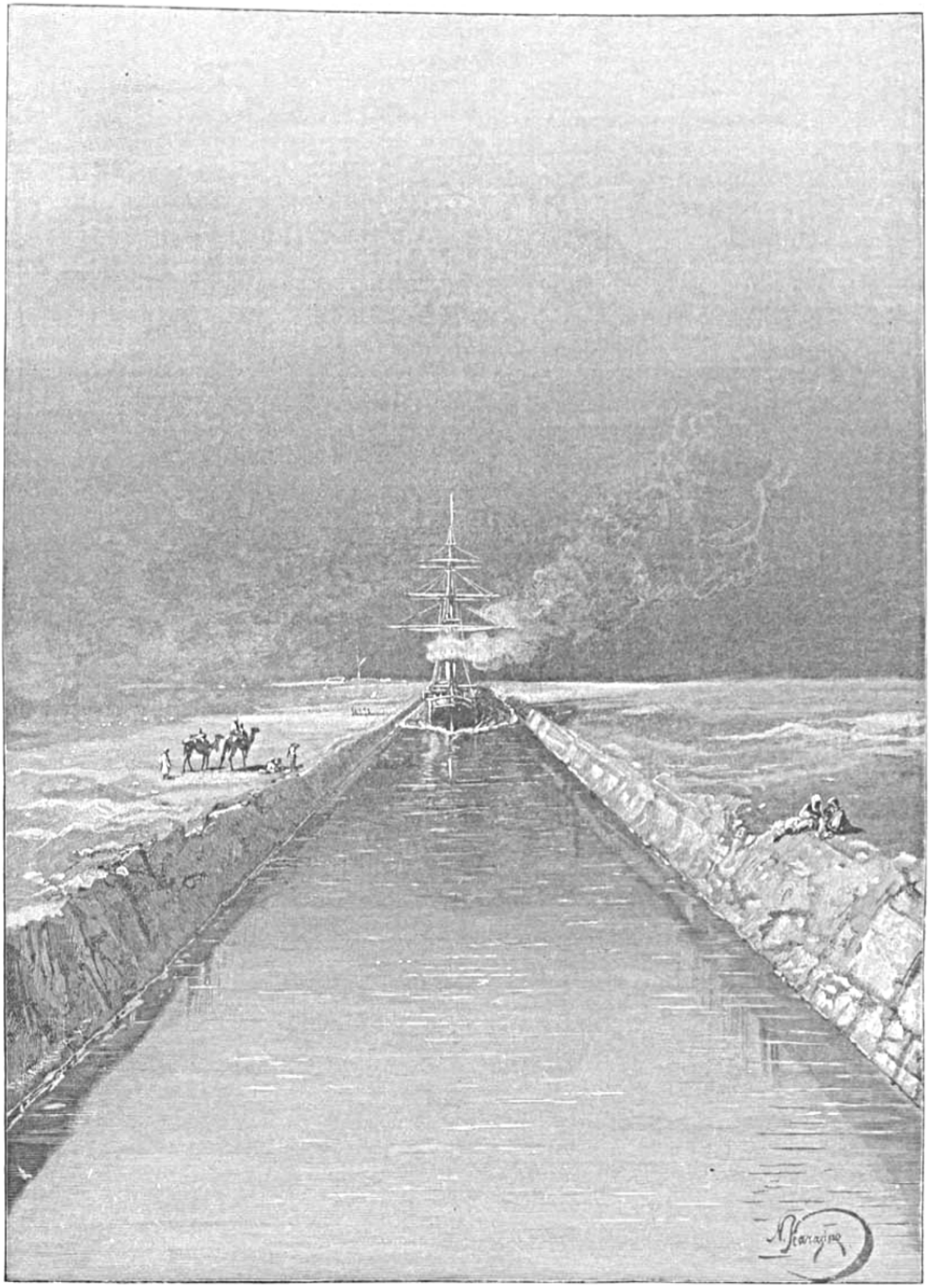
Каналъ только-что былъ оконченъ вчернѣ. Правившій Египтомъ Измаилъ пригласилъ именитыхъ гостей къ открытію необыкновенно важнаго, исторически и экономически великаго воднаго пути. Торжество дѣйствительно почтили присутствіемъ: императрица Евгенія, австрійскій императоръ, кронпринцъ Фридрихъ Прусскій, принцъ Генрихъ Нидерландскій, нѣсколько арабскихъ шейховъ и шерифовъ съ береговъ Краснаго моря, наконецъ вообще множество мусульманъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ. Въ портъ-саидской гавани собрались въ ноябрѣ 1869 г. представители морской силы разныхъ государствъ. Случайная тридцатитысячная толпа (въ томъ числѣ тоже индусы и китайцы) услышала неистовый громъ орудій, послѣ того какъ доступъ къ сооруженію всенародно освятился христіанскимъ богослуженіемъ и молитвою муллъ. Рядъ ослѣпительнѣйшихъ празднествъ, щедро организованныхъ туземнымъ правительствомъ, послѣдовалъ за этимъ памятнымъ событіемъ.

Памятный эпизодъ открытія канала для судовъ всякой націи закончился русскимъ гимномъ (въ виду участія въ торжествѣ клипера «Яхонта» съ нашимъ посломъ изъ Константинополя). По словамъ очевидца (нѣмецкаго писателя Avé-Lallemant) Портъ-Саидъ оглашался, — при небываломъ зрѣлищѣ, — самою разнообразною музыкою. Но, въ заключеніе всего, раздались звуки «Боже, Царя храни» («der imposantesten Nationalhymne, die es gibt»). И теперь они неумолкаютъ въ слабо струящемся воздухѣ...

Одиннадцатый часъ. «Память Азова» медленно удаляется, черезъ измаильскій бассейнъ, отъ гостепріимно встрѣтившаго города, причемъ еще долго виднѣются зеленыя ставни и красноватыя крыши его простенькихъ домовъ. Мы идемъ впередъ; но куда именно — на первыхъ порахъ не совсѣмъ постижимо, потому что водный путь проложенъ прямо вдоль песчаной пустыни, окаймленной не то затопленными болотами, не то гладью того же моря, которое по прежнему колышется и пѣнится вдали. Удивительное зрѣлище! настоящее вступленіе въ лоно чужаго материка! Туда, повидимому безконечно, удлиняется узкая, прямая полоса, доступная кораблямъ. Надо ввѣриться этой оправленной желтою глиною, единственной въ мірѣ дорогѣ. Очутившись на ней, броненосецъ чувствуетъ себя на половину скованнымъ великаномъ. Изъ синяго простора онъ точно шагнулъ въ ручеекъ. Самостоятельность движеній ставится въ зависимость отъ буксирующаго фрегатъ лоцманскаго пароходика. Позади дымитъ, на нѣкоторомъ разстояніи, такое же небольшое судно. Генералъ-губернаторъ перешейка, согласно приказанію хедива, сопровождаетъ по своему округу Августѣйшихъ путешественниковъ. Администрація канала въ свою очередь приняла необходимыя мѣры, чтобы сравнительно быстро и осторожно провести «Память Азова» къ нашей слѣдующей стоянкѣ — Измаиліи.

Видя замыселъ Лессепса осуществленнымъ, не можешь себѣ даже представить, какъ Востокъ и Западъ обходились безъ этого сооруженія. Однѣ гигантскія цифры потраченныхъ на него капиталовъ и неизмѣримаго труда лишь смутно говорятъ о способахъ выполненія задачи, стоившей двѣсти милліоновъ рублей, въ теченіе десятилѣтняго напряженія. Полезное до крайней степени водовмѣстилище само по себѣ отнюдь не грандіозно. Ему, пожалуй, недостаетъ внѣшней красоты.

О соединеніи двухъ кораблеобильныхъ морей изстари не только мечтали, но и ревностно заботились въ древности. Однако главнымъ звеномъ считался Нилъ. Изъ него уже къ Черному морю направлялось искусственно поддерживаемое судоходство. Фараоны пеклись о подобныхъ сношеніяхъ съ заманчивыми странами. Персы-завоеватели такъ же думали и дѣйствовали во имя блага народовъ. Просвѣщенные Птолемеи не допускали мысли объ ослабленіи этихъ драгоцѣнныхъ связей. Сначала и мусульмане покровительствовали имъ. Постепенно, впрочемъ, удобнѣйшіе пути сообщенія пресѣклись. Тщетно Венеція подымала рѣчь о пользованіи ими. Тщетно Лейбницъ обращалъ на нихъ взоръ «короля-солнца» — Людовика XIV. Нужно было могучее вліяніе Наполеоновскаго похода на Каиръ, чтобы оживить къ нимъ интересъ, котораго они безспорно являлись достойными. Изысканія французскихъ ученыхъ съ тѣхъ поръ освѣщали вопросъ съ различныхъ сторонъ. Возникали сомнѣнія относительно исполнимости новаго канала. Борьба мнѣній и вѣскихъ доказательствъ породила смѣлыя предначертанія Лессепса. Не откликнись его родина на фантастически звучавшія воззванія, не помоги ему египетское правительство, наконецъ не ополчись на него Англія краснорѣчіемъ Пальмерстона и своимъ тяжелымъ давленіемъ на все предпріятіе, — что естественно вызывало реакцію и усугубляло рвеніе строителей, — протяженіе, гдѣ теперь совершается общеніе многолюднѣйшихъ частей земнаго шара, навѣрно все еще представляло бы солончакъ и топь.



СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ.

Нынѣ же «Память Азова» свободно подвигается прямо на югъ между постепенно ростущихъ береговъ. По временамъ попадаются невзрачныя станціи съ намеками на растительность. Телеграфная линія тянется по тоскливому безлюдью. Солнце начинаетъ немилосердно жечь. Какъ могли работать въ этой мѣстности тысячи туземцевъ, стоя почти по плечи въ мутной горькой водѣ! Какъ выносили жизнь на мертвомъ перешейкѣ вольнонаемные нѣмцы, италіянцы, черногорцы и другіе, — въ невыносимѣйшую жару, при эпидемической заболѣваемости, съ опасеніями лишиться хлѣба изъ-за недостатка средствъ у строителей!

Странное чувство испытывается при движеніи по Суэзскому каналу. Гигантское судно скользитъ надъ узкой водной поверхностью, среди самой оригинальной окрестности, какую себѣ можешь представить: съ одной стороны — ослѣпительно яркіе пески, огненное безмолвіе пустыни, изрѣдка вереница верблюдовъ и горсть арабовъ, а позади всего темная высокая стѣна взметаемаго вихрями праха, — съ другой стороны: безконечное пространство печально мерцающаго озера — моря Мензалэ, на островочкахъ и отмеляхъ котораго длинными, несмѣтными рядами розовѣютъ и бѣлѣютъ всякія болотныя пернатыя, излюбившія этотъ уголокъ Египта. Надъ необозримою ширью, усѣянной неподвижными птицами-рыболовами, нѣкогда раскидывались тучныя пастбища, куда стремились полукочевыя семитическія племена. Торговые города славились тамъ развитіемъ промышленности и роскошью. Рукава Нила уклонялись сюда на востокъ. Но человѣческая небрежность утратила прежнюю культуру. Пеликаны и фламинги избрали воцарившееся тамъ приволье своимъ жильемъ. Тихо качаются вдоль илистой влаги безцвѣтные камыши; вѣтеръ тихо шуршитъ по безбрежнымъ болотамъ и только воображеніе археологовъ силится оживить память о быломъ.

Псамметихъ I въ серединѣ VII столѣтія до Р. Хр. поселилъ у Даѳнъ, — гдѣ теперь стелются воды озера Мензалэ, — греческихъ наемниковъ, іонянъ и карійцевъ, для обороны сѣверо-восточной границы Египта. Тогда страна нуждалась въ укрѣпленіяхъ съ этой стороны: близость Азіи была нешуточною угрозою.

Заполонившій насъ каналъ мало по малу углубляется въ сушу. Справа и слѣва виднѣется одна угрюмая степь, высятся песчаные холмы. У одной станціи «эль-Кантара» до сихъ поръ поддерживается стародавній путь каравановъ, направляющихся на западъ изъ Сиріи. Само названіе обозначаетъ «мостъ». За нимъ, южнѣе, ихъ опять ждало озеро, преграждавшее дорогу. «Память Азова» минуетъ и этотъ пунктъ. Пустынность окрестности замѣтно возрастаетъ. Побережье становится выше. Что за тишина кругомъ, что за отсутствіе малѣйшихъ признаковъ жизни!

Нашъ фрегатъ идетъ по каналу почти вдвое скорѣе другихъ судовъ: если-бы всѣмъ давалось подобное, въ данномъ случаѣ исключительное право, — стѣны водоема разрушались бы съ гораздо большею силою. И то землечерпательныя огромныя машины работаютъ безпрерывно надъ его очищеніемъ и расширеніемъ. Говорятъ, года черезъ четыре, тутъ въ состояніи будутъ безъ затрудненій встрѣчаться на ходу два могучихъ судна, причемъ глубину пути доведутъ чуть-ли не до 15—16 саженей.

Отъ заходящаго солнца пески представляются багровыми. Сочетанія причудливыхъ красокъ горятъ и таютъ въ безоблачномъ небѣ. Металлическій цвѣтъ воды совершенно окутывается темнотою. Мы движемся между близко сходящимися высокими стѣнами песка. Только слабое журчанье за кормой говоритъ о томъ, что не все еще умерло въ природѣ. Ощущеніе чего-то неизвѣданнаго и таинственнаго пробуждается въ душѣ. И хочешь, и не въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета, какъ черезъ такія горы праха, нанесеннаго вихрями столѣтій, геній вѣка проложилъ смѣлую морскую стезю.

Мы вступаемъ въ озеро Тимсу, гдѣ назначена стоянка. Снопами электрическаго свѣта, бросаемаго съ фрегата въ ужасающую далекую глушь по сторонамъ, она призрачно плыветъ передъ взорами, — въ безжизненной наготѣ, озаренная какою-то сверхъестественною голубоватою зарею.

Нельзя не сказать, что день на порогѣ Египта былъ обиленъ своеобразными впечатлѣніями. Прощаясь съ Суэзскимъ каналомъ, приходится еще отмѣтить слѣдующую странную подробность. По нему ежемѣсячно проходятъ сотни судовъ: изъ нихъ наименьшее число (два или три) — подъ русскимъ и подъ испанскимъ флагомъ. Направляясь на Измаилію, мы обогнали военное судно — именно подъ этимъ послѣднимъ, — и разошлись съ нимъ подъ громъ салютовъ.

Воскресенье, 11 (22) ноября.

Черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ Каирѣ. Опять приходится разстаться съ фрегатомъ, но уже на двѣ недѣли.

Востокъ блѣднѣетъ. Среди хаоса песчаной пустыни, съ нависнувшею надъ нею облачною пеленою, гдѣ-то тамъ въ Азіи подымается красный, пламенѣющій шаръ. Солнце. Лазурная гладь озера вокругъ. У западнаго побережья видны холмики, поросшіе хвойными деревьями. На незначительномъ разстояніи отъ насъ — въ оправѣ изъ финиковыхъ пальмъ — Измаилія, любимый городъ Лессепса, центръ администраціи Суэзскаго канала, мѣсто блестящихъ празднествъ при окончаніи сооруженія въ 1869 г.

Въ восемь съ половиною утра, къ «Памяти Азова» подъѣзжаютъ, въ полной парадной формѣ, на почтовомъ паровомъ баркасѣ: братъ хедива — принцъ Гуссейнъ-паша Камиль, египетскій министръ иностранныхъ дѣлъ Зульфикаръ-паша и оберъ-церемоніймейстеръ Абдеррахманъ-паша Рушди для привѣтствія Августѣйшихъ путешественниковъ отъ имени своего повелителя. Раздаются звуки египетской національной музыки. Почетные гости идутъ съ палубы внизъ, въ помѣщеніе Наслѣдника Цесаревича.

Вскорѣ затѣмъ, — едва смолкли провожавшіе ихъ выстрѣлы, — и Великіе Князья, и Греческій Королевичъ готовы отбыть вслѣдъ на ожидающее Русскихъ побережье. Тамъ преобладаетъ французскій и ново-эллинскій элементъ, такъ что встрѣча безъ сомнѣнія должна носить тотъ же сердечный характеръ, который уже радовалъ въ Портъ-Саидѣ.

Подъ вновь заклубившимся дымомъ прощающихся орудій мы отплываемъ въ дорогу на манящій къ себѣ Каиръ. Давно-ли на мѣстѣ этого озера Тимсы простиралась одна грозная пустыня, съ колючими растеніями на склонѣ песчаныхъ холмовъ, и низкимъ кустарникомъ при болотисто-солончаковой почвѣ? Даже крикъ птицы не прерывалъ безмолвія. Развѣ гіэна пробиралась въ логовище... А теперь катеръ ближе и ближе подходитъ къ городку съ церковью, мечетью, виллами, настоящими улицами и благоустроенными садами, гдѣ въ нашу позднюю осеннюю пору еще цвѣтетъ олеандръ и въ темнозеленой листвѣ дозрѣваетъ золотистый апельсинъ.

Когда сюда, по распоряженію строителей канала, въ присутствіи хедива впустили воды двухъ морей и онѣ встрѣтились — съ грознымъ шумомъ, покрытыя пѣною, алчущія разрушенія — развѣ зрѣлище такой побѣды надъ природою не должно было тѣшить гордую человѣческую мечту? Но перешеекъ былъ ознаменованъ и не такими, а бо́льшими чудесами. Въ глубокой древности его пространство (и съ сѣвера, и со стороны синайскаго

полуострова) давало доступъ морю, отчасти напоминало поверхность озера Мензалэ. Гдѣ-нибудь тутъ — какъ можно гадательно высказывать — совершился переходъ еврсевъ изъ царства фараоновъ въ Азію, ибо значительно южнѣс онъ едва-ли былъ осуществимъ въ виду того, что Красноморскія воды тогда глубже врѣзались въ материкъ. Поднявшись съ расположенныхъ у нильской дельты жилищъ, народъ Моисея искалъ кратчайшаго пути на востокъ, именно въ этой мѣстности. Вѣтромъ отогнало слегка покрывавшую ее воду. При настиженіи же изгнанниковъ преслѣдователями, онъ внезапно перемѣнился и затопилъ враговъ Израиля.

Вотъ и пристань Измаиліи, гдѣ Ихъ Высочества встрѣчены снова Ибрагимъ-пашею, администраціею канала (съ главнымъ распорядителемъ Руайль де-Рувилемъ во главѣ) и одѣтыми въ бѣлое (съ національными цвѣтами) ученицами мѣстной греческой школы, которыя подносятъ Августѣйшимъ путешественникамъ по букету. Имъ немедленно поданъ экипажъ, высланный сюда по распоряженію хедива изъ Каира. Великихъ Князей сопровождаютъ: кн. Барятинскій, адмиралъ Басаргинъ, тайный совѣтникъ Ону, кн. Оболенскій, кн. Кочубей, Волковъ, докторъ Смирновъ съ «Владиміра Мономаха», художникъ Гриценко и я.

Привѣтствующее населеніе бѣжитъ за колясками къ вокзалу. Дорога слегка подымается въ гору, и лошади бѣгутъ очень медленно. Тѣнистыя нильскія акаціи окаймляютъ принявшую насъ аллею.

Для Гостей приготовленъ придворный поѣздъ. Любопытная толпа, несмотря на всѣ задержки, прорывается къ нему. Впереди всѣхъ — дамы (преимущественно француженки и гречанки). Около девяти часовъ, подъ шумъ сочувственныхъ возгласовъ, паровозъ уноситъ насъ отъ озера Тимсы. За движеніемъ надзираютъ инженеры: гг. Промптъ, Никуръ и Скандеръ-бей. Кромѣ принца Гуссейна, свиты Наслѣдника Цесаревича и двухъ египетскихъ сановниковъ, въ вагонахъ находятся: нашъ дипломатическій агентъ и генеральный консулъ въ Каирѣ д. ст. сов. А. И. Кояндеръ, представившійся Ихъ Императорскимъ Высочествамъ уже на Суэзскомъ каналѣ, греческій генеральный консулъ Аргиропуло и состоящій при Императорскомъ дипломатическомъ агентствѣ, въ качествѣ секретаря, кн. Дабижа.

За Измаиліей начинается опять пустыня. Только телеграфные столбы пересѣкаютъ окрестность, да изрѣдка вдали неясно обрисуется караванъ. Отраженіе отъ солнечныхъ лучей нестерпимо ярко. Крупныя песчинки проникаютъ повсюду, при быстромъ ходѣ впередъ ложатся толстымъ слоемъ на мебель и платье, цѣлымъ облакомъ кружатся за нами. Это не мѣшаетъ Августѣйшимъ путешественникамъ предпочесть пребыванію въ удобномъ салонѣ сидѣніе на крытой платформѣ, соединяющей парадныя отдѣленія. Угрюмо мелькаетъ по сторонамъ безжизненное песчаное пространство, воцарившееся въ области, гдѣ нѣкогда, при помощи искусно направленнаго орошенія, процвѣтало земледѣліе и подъ суровымъ скипетромъ фараоновъ народъ Моисея изнывалъ въ работѣ и угнетеніи. Новѣйшія изысканія археологовъ, по иниціативѣ египетскаго «Exploration Fund», опредѣляютъ даже съ извѣстнаго рода точностью, гдѣ именно происходили событія, отмѣченныя Библіею.

За Тэль-эль-Кэбиромъ слѣва вдвигается въ пустыри небольшая полоса хорошо воздѣланной земли (Вади Тумилатъ). Наконецъ видны пальмы, феллахское жилье, орошенная почва, водочерпалки. Культурный районъ мало-по-малу расширяется. Это — знаменитая область Гошенъ, процвѣтавшая въ древности, недавно еще заглохшая и безплодная, нынѣ же возрождающаяся, благодаря проведенію къ ней нильской влаги. Рѣзко и мрачно желтѣетъ вдоль жизнерадостнаго края жаждущая быть тоже напоенной, обожженная зноемъ степь. Она словно бредитъ маревомъ: миражи постоянно встаютъ и тонутъ въ дали.

Станція Загазикъ. Оффиціальная встрѣча. Пушечные выстрѣлы у полотна желѣзной дороги. Живописныя группы туземцевъ, губернаторъ (мудиръ) провинціи Шаркіэ и за нимъ толпа привѣтствующихъ лицъ. Если уже здѣсь пріемъ блестящъ и задушевенъ, — то чего же, спрашивается, ждать въ Каирѣ?!

Пересѣкаемый нами пунктъ нѣкогда былъ мѣстоположеніемъ одного изъ важнѣйшихъ религіозныхъ центровъ древняго Египта (Бубастисъ), гдѣ находился замѣчательный по размѣрамъ и красотѣ храмъ, произведшій сильное впечатлѣніе на Геродота. Сюда стекались сотни тысячъ богомольцевъ, для поклоненія, въ необузданномъ весельи, богинѣ Сехетъ (Афродитѣ или Астартѣ). Ее изображали то грозной (съ львиною головой), то игривой (съ кошачьимъ обликомъ). Въ этомъ сверхъестественномъ существѣ олицетворялись палящій полуденный жаръ, жгучее томленіе страсти и т. п.

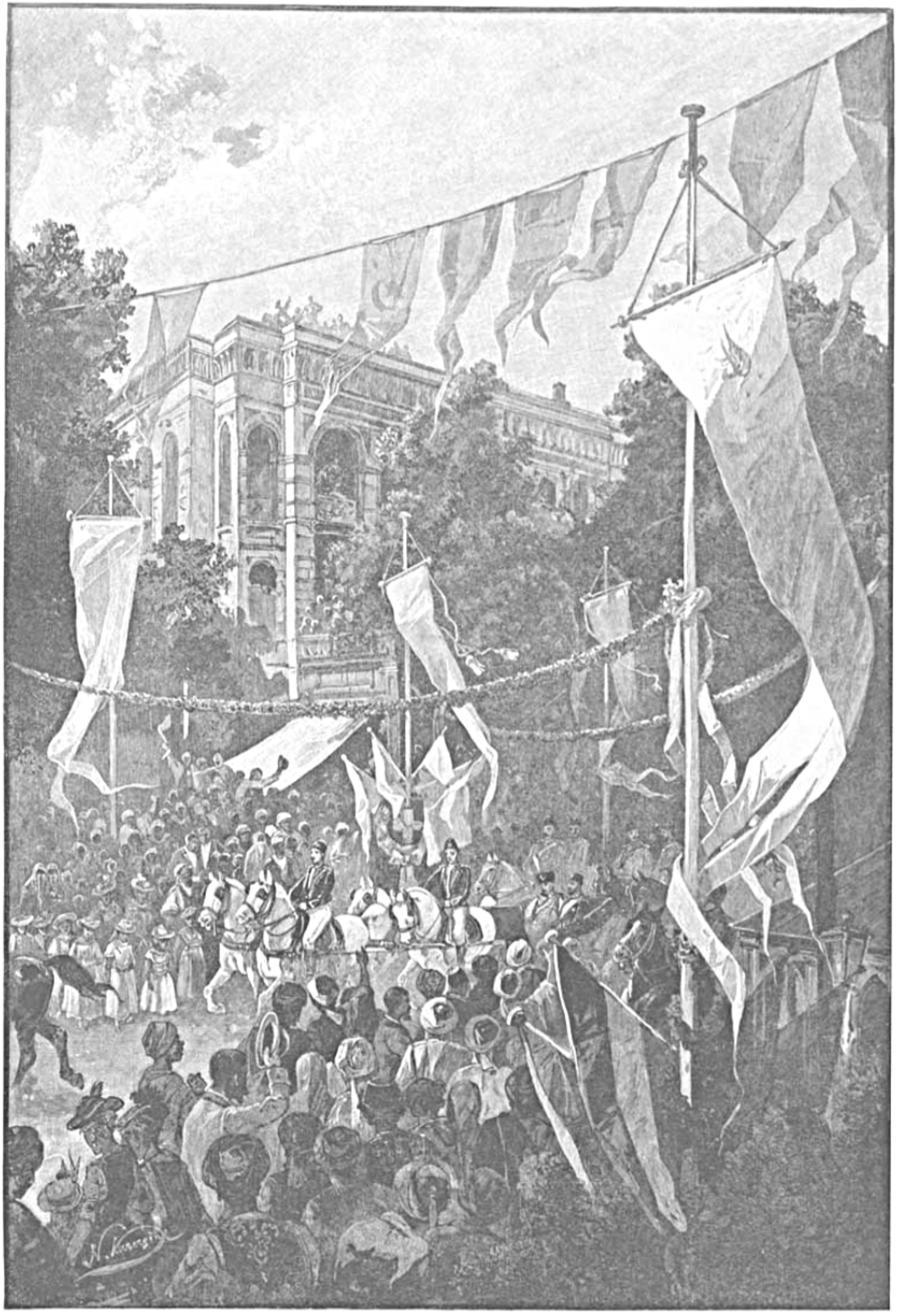
Теперь отъ стариннаго города остаются лишь безформенныя груды камней и черепковъ. Весь интересъ населенія сосредоточенъ на сбытѣ хлопка и хлѣба. Поѣздъ, увозящій Гостей его высочества хедива, движется дальше по плодоносной и отчасти даже лѣсистой полосѣ. Плантаціи разростаются по сторонамъ нашего пути къ столицѣ, котораго уже пройдено изъ Измаиліи около половины (75 в.). Время летитъ незамѣтно. Въ сорока верстахъ отъ Каира, на станціи Бенха, одинаково торжественныя овація оказаны Ихъ Высочествамъ губернаторомъ провинціи Каліубіэ и народомъ.

Апельсиновыя деревья окружаютъ упомянутый городокъ. На горизонтѣ постепенно яснѣютъ аравійская и ливійская гряда. Говорятъ, вскорѣ должны появиться пирамиды и столичная крѣпость. Но въ минуты приближенія къ параднѣйшей встрѣчѣ, когда надо облекаться въ мундиры и зорко слѣдить за моментомъ свиданія Высочайшихъ Особъ, положительно нѣтъ ни возможности, ни охоты предварять созерцаніе того, на что мы и безъ того успѣемъ обратить спокойное вниманіе.

Тридцать пять минутъ перваго. Предмѣстье Каира мелькаетъ садами, виллами, сикоморовой аллеей. Мы — у цѣли. Выдѣляясь среди своихъ раззолоченныхъ сановниковъ, правитель Египта устремляетъ взоры на вагонъ — платформу, гдѣ стоятъ Августѣйшіе путешественники.

Дебаркадеръ красиво убранъ гирляндами зелени, русскими, греческими и туземными цвѣтами, — съ Императорскимъ орломъ и шифромъ хедива надъ ними. Потолокъ идущаго къ экипажамъ прохода обтянутъ матеріей. Многочисленное общество наполняетъ станцію: подлѣ его высочества Тевфика-паши — принцы Ахметъ-паша, Османъ-паша, Ибрагимъ-паша, затѣмъ министры, главнокомандующій египетскими войсками Гринфель-паша, представители иностранной дипломатіи (съ занимающимъ въ Египтѣ чрезвычайно важный постъ сэромъ Эвелиномъ Бэрингомъ во главѣ), каирскій вице-консулъ Ивановъ, генералъ Дормеръ (командующій мѣстными англійскими войсками), нѣкоторые русскіе (г-жа Кояндеръ, князь и княгиня Гагарины, князь Мурузи, Абаза, г. и г-жа Баласъ, m-lle Дмитріева, извѣстный египтологъ Голенищевъ, Мартыновъ) и т. д. У иныхъ изъ туземныхъ сановниковъ — наши ленты (Анненская, Станиславская).

Хедивъ, привѣтствуя Государя Наслѣдника Цесаревича, протягиваетъ Ему руку, чтобы помочь при выходѣ изъ вагона. Его Императорское Высочество знакомитъ его высочество Тевфика-пашу съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и принцемъ Георгіемъ Греческимъ. Правитель страны въ свою очередь знакомитъ Августѣйшихъ путешественниковъ со своими родственниками — принцами. Наслѣдникъ Цесаревичъ представляетъ хедиву свою свиту. Г. Кояндеръ называетъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ представителей иностранной дипломатіи и русскихъ.



ВЪѢЗДЪ ВЪ КАИРЪ.

У крыльца вокзала (во дворѣ) выстроенъ 7-й баталіонъ туземной пѣхоты. Нашъ гимнъ напутственно гремитъ при выходѣ Великихъ Князей къ экипажамъ. Тутъ уже немыслимо во все всматриваться и обо всемъ передавать въ строго хронологическомъ порядкѣ. Въ поднявшемся стихійномъ движеніи теряешься и не можешь собраться съ мыслями для спокойнаго наблюденія. Не проще-ли описать удивительный въѣздъ, переносясь воображеніемъ къ различнымъ моментамъ развертывающейся панорамы?

ХЕДИВЪ ТЕВФИКЪ-ПАША.

Сегодня памятный день для Каира, — такой памятный, что еще черезъ много лѣтъ старожилы будутъ вспоминать, какъ встрѣченъ былъ главнымъ городомъ и страной Наслѣдникъ Русскаго Престола.

Небо слегка облачно. Легко дышется. Толпы народа съ какимъ-то жужжаніемъ тѣснятся со всѣхъ сторонъ, по направленію отъ желѣзнодорожнаго вокзала къ площади Эзбекіэ. Смутный шумъ все ростетъ и ростетъ, по мѣрѣ приближенія полудня, когда долженъ придти придворный поѣздъ. Оживленіе передается электрическимъ токомъ изъ

улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Нетерпѣливое настроеніе послѣ двѣнадцати часовъ замѣтно на каждомъ шагу. Чу! въ гулкомъ воздухѣ, съ оглушительною силой, слышится рядъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости и съ широкаго канала Измаиліэ. Это — привѣтъ желаннымъ гостямъ! Скоро, значитъ, шествіе тронется по разукрашенному Каиру, завяжется безсознательно-глубокое общеніе этого народа съ Августѣйшими посѣтителями, заиграетъ музыка, загремятъ радостные крики...

...И вотъ все это дѣйствительно просыпается. Волны недоумѣвающаго говора и сочувственнаго ропота бѣгутъ по скученнымъ толпамъ. Сейчасъ должны проѣхать Высокіе путешественники со свитой. Впереди уже видны конвоирующіе всадники.

Вдоль пути слѣдованія расположены войска. Слышатся звуки «Боже, Царя храни!» и греческаго гимна. Народное море положительно бушуетъ. Давка принимаетъ ужасающіе размѣры. Дворцовые экипажи, несмотря на всю распорядительность полиціи, едва-едва въ состояніи двигаться впередъ, такъ что сопровождающимъ ихъ скороходамъ ни разу не приходится бѣжать.

Въ первомъ, запряженномъ четверкою бѣлыхъ лошадей à la Daumont, на почетномъ мѣстѣ, въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи Его Величества Гусарскаго полка, при лентѣ ордена Османіэ съ алмазами — Наслѣдникъ Цесаревичъ. Рядомъ — хедивъ Тевфикъ-паша, въ лентѣ ордена св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго, — съ задумчивымъ, но улыбающимся лицомъ. Туземный правитель страны видимо доволенъ привѣтливостью обступающаго народа.

Слѣдомъ ѣдутъ Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ и Его Королевское Высочество Принцъ Георгій Греческій (въ русскомъ и греческомъ морскихъ мундирахъ). Затѣмъ — именитѣйшіе египтяне и свита. Конные отряды открываютъ и замыкаютъ шествіе.

Неподалеку отъ конца излюбленной для прогулокъ аллеи Шубры, черезъ «Кантаратъ-эль-Лэмунъ» (мостъ черезъ измаилійскій каналъ), высится двойная арка съ надписью: «Добро пожаловать.» Отдѣльныя ея части соединены гирляндами цвѣтовъ. Она воздвигнута русскими. Въ сооруженіи ея принимали энергичное участіе наши средне-азіатскіе мусульмане, бухарцы и хивинцы, живущіе здѣсь иногда подолгу (или въ качествѣ учащихся при знаменитомъ разсадникѣ арабскаго знанія — мечети эль-Азхаръ, или же на пути въ Мекку, ожидая, когда снарядится туда обычный караванъ). Этотъ элементъ, о которомъ у насъ чрезвычайно мало извѣстно, въ данную историческую минуту проявилъ свои никѣмъ не вызванныя вѣрноподданническія чувства и въ глазахъ мѣстныхъ муллъ и дервишей неоспоримо доказалъ, какъ ему дорого обаяніе роднаго имени, какъ имъ понимается чествованіе Сыновей Бѣлаго Царя.

Надъ нашею аркой, — у самаго вступленія въ Каиръ, — возносится красиво сдѣланный двуглавый орелъ. Она же убрана зеленью и разноцвѣтными венеціанскими фонарями. По бокамъ разбиты два шатра. Въ одномъ помѣщается русская колонія. Представителями ея подносятся букеты Хозяину страны и Августѣйшимъ путешественникамъ. Музыка у другой палатки играетъ «Боже, Царя храни».

Съ моста экипажи направляются по улицѣ «Бабъ-эль-Хадидъ»,

Шествіе съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу къ центру города...

Вотъ и пресловутая площадь Эзбекіэ, среди изобилующаго магазинами квартала. На мѣстѣ, — гдѣ лежалъ прудъ, съ кіосками мамелюковъ на берегу, — теперь раскидывается общественный садъ, устроенный въ 1870 г. парижскимъ садовникомъ-артистомъ Барилэ. Отсюда расходятся многія улицы. Со всѣхъ сторонъ напираетъ и все ростетъ толпа. Какъ

хорошъ этотъ восточный людъ, какъ живописно одѣты даже его бѣднѣйшіе представители! Или бѣлое, или синее имъ такъ къ лицу! Туземцы побогаче щеголяютъ разноцвѣтными чалмами, длинными шелковыми кафтанами... Знатные арабы драпируются въ свои просторные плащи... Закутанныя женщины, странно сверкая сильно подведенными глазами, вглядываются сквозь отверстія покрывала въ невиданныхъ пріѣзжихъ. А между гулкимъ многолюдьемъ (съ опасностью жизни подъ ногами лошадей или у колесъ) то и дѣло перебѣгаютъ полуголые мальчуганы съ бритыми головами, проталкиваются копты, одѣтые въ темное, изъ-за зеркальныхъ стеколъ элегантныхъ каретъ смотрятъ занавѣшенныя бѣлою тканью, ревниво охраняемыя евнухами обитательницы гаремовъ. Иностранцы на осликахъ пробираются сквозь густую массу народа. Кого-кого только нѣтъ въ пестрой толпѣ, привѣтствующей Августѣйшихъ путешественниковъ: нубіецъ стоитъ рядомъ съ туркомъ, персъ съ абиссинцемъ, авантюристъ-европеецъ съ сирійцемъ. Положительно кажется, что не менѣе сотни тысячъ городскаго населенія высыпало въ торжественный моментъ на улицы для неслыханнаго, неподдающагося описанію пріема. Смятеніе дѣйствуетъ положительно опьяняющимъ образомъ, особенно при сознаніи: «я — русскій». Разубранные коврами балконы и окна переполнены улыбающимися зрительницами. Дождь розовыхъ лепестковъ сыплется на путь. Неумолкающая музыка по временамъ почти заглушается возгласами народа. Веселый безпорядокъ быстро усиливается.

Вездѣ видны фотографы съ аппаратами. Тысячи флаговъ всевозможной величины тихо развѣваются вдоль заволакиваемыхъ ими улицъ, — гдѣ ѣдутъ Ихъ Высочества, — и по временамъ образуютъ надъ головами зыбкій сводъ съ удивительными переливами свѣта. Въ саду Эзбекіэ, флаги прикрѣплены къ деревьямъ, на высотѣ трехъ саженей надъ землей, и составляютъ вдоль ограды цѣлую массу ласкающихъ взоръ красокъ, оттѣненныхъ густою листвою.

Недалеко отъ извѣстной каирской гостинницы «Shepheard» возвышается свѣтлосиреневая арка (въ 50 слишкомъ футовъ) съ восемью колоннами, — напоминающая по внѣшности парижскую «Arc de l'Etoile». Съ одной стороны привѣтствіе на ней начертано по-русски. Съ другой — простая французская надпись: «Французы Цесаревичу». Возгласы *«да здравствуетъ Россія!»* оглашаютъ все кругомъ. Среди ликованія дружелюбно настроенной колоніи играетъ оперный оркестръ, предложенный театральною дирекціей, чтобы достойно встрѣтить Гостей.

Аналогичная сцена повторяется дальше на Оперной площади, у греческаго консульства, гдѣ — греческая арка съ надписями «Греки Каира». При ней — эстрада для музыки. Тутъ-же, близь «New Hotel», выстроены караулы: отъ 1-го баталіона «Devonshire Regiment» и отъ 2-го баталіона «Royal Irish Rifles», эллинскія школы и депутаты отъ этой народности, насчитывающей въ Египтѣ около шестидесяти тысячъ душъ. Воспитанниками и воспитанницами различныхъ училищъ подносятся букеты его высочеству хедиву и Августѣйшимъ путешественникамъ. Дѣти поютъ нашъ гимнъ. Экипажи снова трогаются, просто теряются въ напирающихъ толпахъ. Только по бѣлымъ конямъ сопровождающихъ тѣлохранителей отдаешь себѣ отчетъ, куда направляется начало шествія.

За греческой аркой, еще на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, поставлены разукрашенные шифрами шесты. Правитель страны и его Гости поворачиваютъ въ улицу, ведущую къ Императорскому дипломатическому агентству (въ лучшей части города — Измаиліэ).

Радостно мятущееся населеніе слѣдуетъ и туда за Ихъ Высочествами. Когда Великіе Князья и принцъ Георгій, прибывъ въ домъ г. Кояндера, становятся незримыми для толпя-

щагося у садовой рѣшетки народа и милостиво принимаютъ тамъ завтракъ, массы зрителей по прежнему наводняютъ дорогу. Стоитъ Августѣйшимъ Особамъ приблизиться къ окнамъ, — и неистовое ликованіе оглашаетъ все окрестъ.

Такъ проходитъ часъ, другой. На улицахъ то же оживленіе.

Давно уже, отвезя Гостей въ русское консульство, проѣхалъ обратно во дворецъ хедивъ Тевфикъ-паша. Ему восточный людъ не дѣлаетъ шумныхъ овацій, а по обычаю кланяется молча, прикасаясь къ фескѣ и кладя руку на грудь. Не прерывается лишь безконечное «Зито» (да здравствуетъ!) возбужденнаго греческаго многолюдія, празднующаго для себя праздникъ изъ праздниковъ.

Потомъ опять взрывъ привѣтственныхъ криковъ. Ихъ Императорскія и его королевское Высочества втроемъ направляются, среди конвоирующихъ всадниковъ, къ Абдинскому дворцу, гдѣ Ихъ приметъ правитель Египта. При этомъ туземцы не спускаютъ глазъ съ казака (Собственнаго Его Величества конвоя), помѣстившагося на сидѣніи за экипажемъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Мощная фигура, въ одеждѣ кавказца, видимо производитъ впечатлѣніе на мусульманъ-горожанъ, въ сравнительно недальнемъ прошломъ имѣвшихъ постоянное общеніе съ черкесскою народностью. Половина мѣстныхъ преданій и воспоминаній историческаго характера связана именно съ этимъ прошедшимъ, и тѣмъ рельефнѣе выдѣляется въ яркихъ рамкахъ торжествующаго Каира по восточному принаряженный тѣлохранитель Сыновей Бѣлаго Царя.

Три часа пополудни. Обширная Абдинская площадь занята войсками. Простой по внѣшности, лишенный всякаго орнамента дворецъ бѣлѣетъ своими двумя длинными и низкими фасадами. Плоская крыша не особенно краситъ его. Отсутствіе растительности вокругъ придаетъ мѣсту суровый отпечатокъ.

Военныя почести отдаются 1-ымъ баталіономъ туземной пѣхоты. Русскій и греческій гимнъ встрѣчаютъ Высокихъ посѣтителей. Съ крѣпости доносится салютъ. Поровнявшись съ параднымъ крыльцемъ, конная почетная стража строится вдоль пути слѣдованія нашихъ экипажей.

Наслѣдникъ Цесаревичъ посадилъ рядомъ съ собою принца Георгія Греческаго. Ландо Ихъ Высочествъ запряжено четырьмя великолѣпными лошадьми. Слѣдомъ ѣдутъ вмѣстѣ: кн. Барятинскій, г. Ону, г. Кояндеръ и оберъ-церемоніймейстеръ, старикъ Абдеррахманъ-паша. Остальная русская свита и греческій генеральный консулъ Аргиропуло замыкаютъ кортежъ.

Старшіе чины египетскаго двора ожидаютъ Гостей у входа въ Абдинъ. Хозяинъ спускается сюда изъ верхняго этажа, чтобы ввести Августѣйшихъ путешественниковъ въ пріемныя комнаты. Здороваясь съ Ними, хедивъ представляетъ Имъ нѣкоторыхъ пашей. Внизу, передъ бѣломраморной лѣстницей, убранной цвѣтами, и затѣмъ, пройдя ее, на порогѣ парадныхъ покоевъ молодцевато стоятъ, живописною вереницею, состоящіе при особѣ Тевфика-паши вооруженные турки, албанцы, черкесы, — своего рода внутренняя дворцовая охрана: у нихъ высокія фески, коричневые мундиры, золотые шнуры на груди.

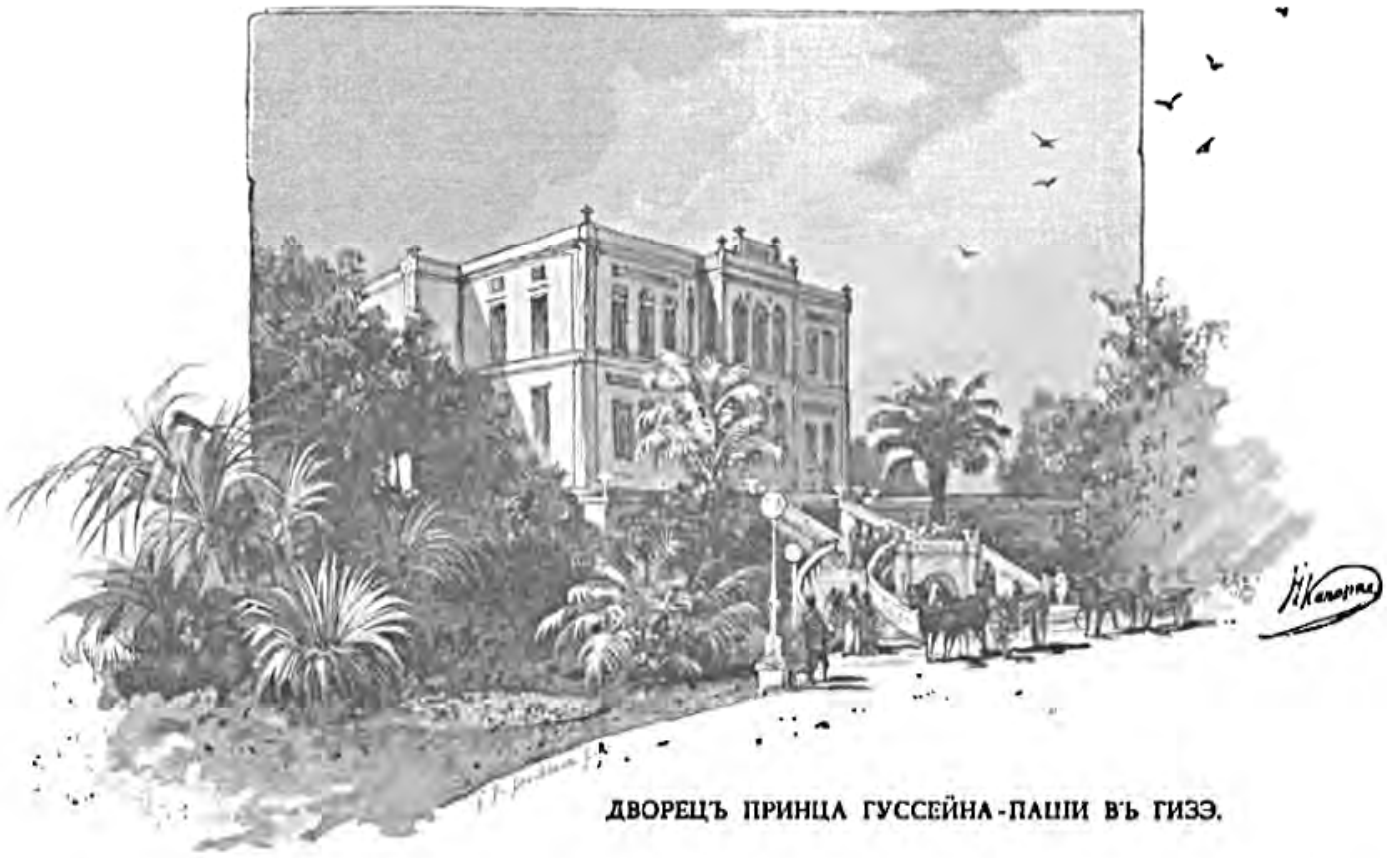
Ихъ Высочества идутъ въ угловую громадную гостиную, гдѣ садятся около окна (противъ главныхъ дверей). По правую руку правителя — Наслѣдникъ Цесаревичъ, по лѣвую — Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій Греческій.

Свѣтлый необъятный коверъ застилаетъ всю комнату. Убранство ея и смежныхъ залъ совершенно европейское. Мебель, занавѣси, канделябры и т. д. — видимо изъ Парижа. Малиновый безконечный диванъ вдоль стѣны, на которомъ размѣстилась свита, — тоже не восточнаго образца, крытъ ліонскою матеріей. Смѣсь своего и принятаго извнѣ

странно, хотя и пріятно для ока сочетается во внутренней роскоши служащаго исключительно въ часы аудіенцій и въ торжественные дни, строго оффиціальнаго Абдина. Въ немъ не живутъ, а только принимаютъ.

Церемоніймейстеры (въ синемъ съ золотомъ), въ звѣздахъ и орденахъ, неизмѣнно сохраняютъ головной уборъ. Снять его значило-бы, по мѣстному воззрѣнію, выказать грубое непочтеніе ко всему окружающему и отступить отъ исконныхъ правилъ вѣжливости, выработанныхъ признающими «пророка».

Цѣлый рядъ придворныхъ служащихъ подастъ намъ предлинные чубуки изъ сандальнаго или вишневаго дерева, съ блестящими подстановками для самихъ трубокъ. Чтобы онѣ не погасли, одѣтые въ черное «чубукчи» преклоняютъ колѣна передъ курящими. Янтарные мундштуки съ алмазными инкрустаціями весьма оригинальны.



ДВОРЕЦЪ ПРИНЦА ГУССЕЙНА-ПАШИ ВЪ ГИЗЭ.

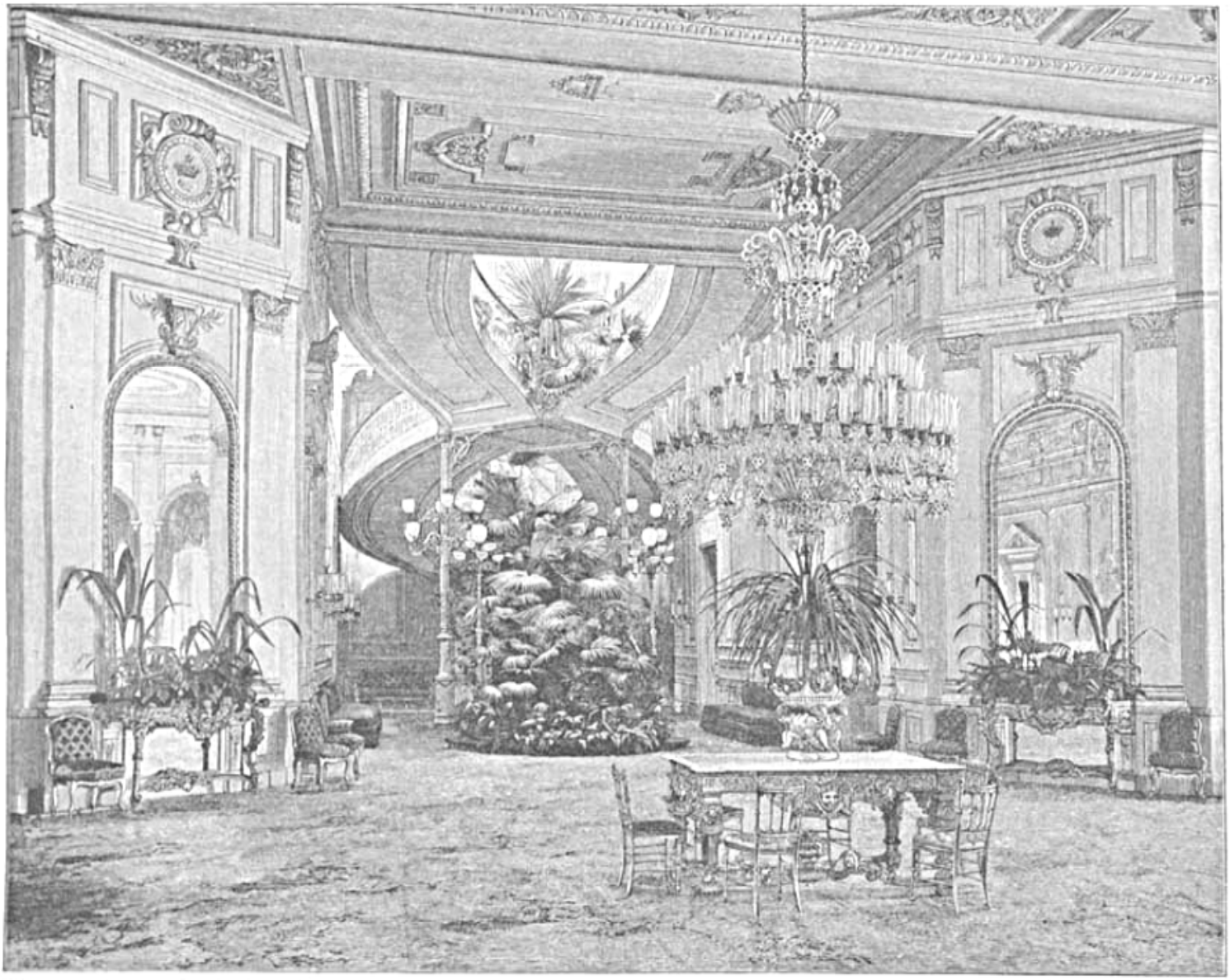
Говорятъ, — пока этому не стали противиться англичане, — иноземныхъ почетныхъ гостей отдаривали, при торжественныхъ пріемахъ у правителей Египта, богато убранными конями и дамаскинскимъ оружіемъ, что согласовалось съ давнимъ обычаемъ въ мусульманскихъ краяхъ и до послѣдняго времени было принято въ Бухарѣ. Востокъ не по нашему понимаетъ, чѣмъ выражаются радушіе и великолѣпіе владыкъ какой-нибудь страны. По мѣрѣ усвоенія сѣверною Африкой европейскихъ взглядовъ и предубѣжденій, обаяніе тамошняго средневѣковаго міра тускнѣетъ и теряетъ краски самобытной жизни. Тѣмъ сладостнѣе вдыхать, что еще остается отъ этой увядающей старины.

Бесѣда его высочества хедива съ Августѣйшими путешественниками продолжается короткое время. Гостямъ подается неизбѣжный по этикету кофе. Затѣмъ, въ 3 ч. 20 м. отъѣздъ, — такой же плавно-величественный, такой же парадно-восторженный. Пушечные выстрѣлы и клики населенія дружно сливаются въ неразрывное цѣлое.

Экипажи направляются на лѣвый берегъ Нила, въ предмѣстье Гизэ, гдѣ одинъ изъ дворцовъ (принца Гуссейна-паши) предоставленъ любезнымъ владѣльцемъ на двѣ недѣли въ распоряженіе Августѣйшихъ путешественниковъ.

Около четырехъ часовъ хедивъ, въ сопровожденіи дежурнаго при немъ генерала, Юсуфъ-паши Шухди, отдаетъ тамъ визитъ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Вслѣдъ затѣмъ Его Императорское Высочество посѣщаютъ: гостящій въ то время въ Каирѣ наслѣдный принцъ Шведскій, верховный оттоманскій коммисаръ Гази-Ахметъ-

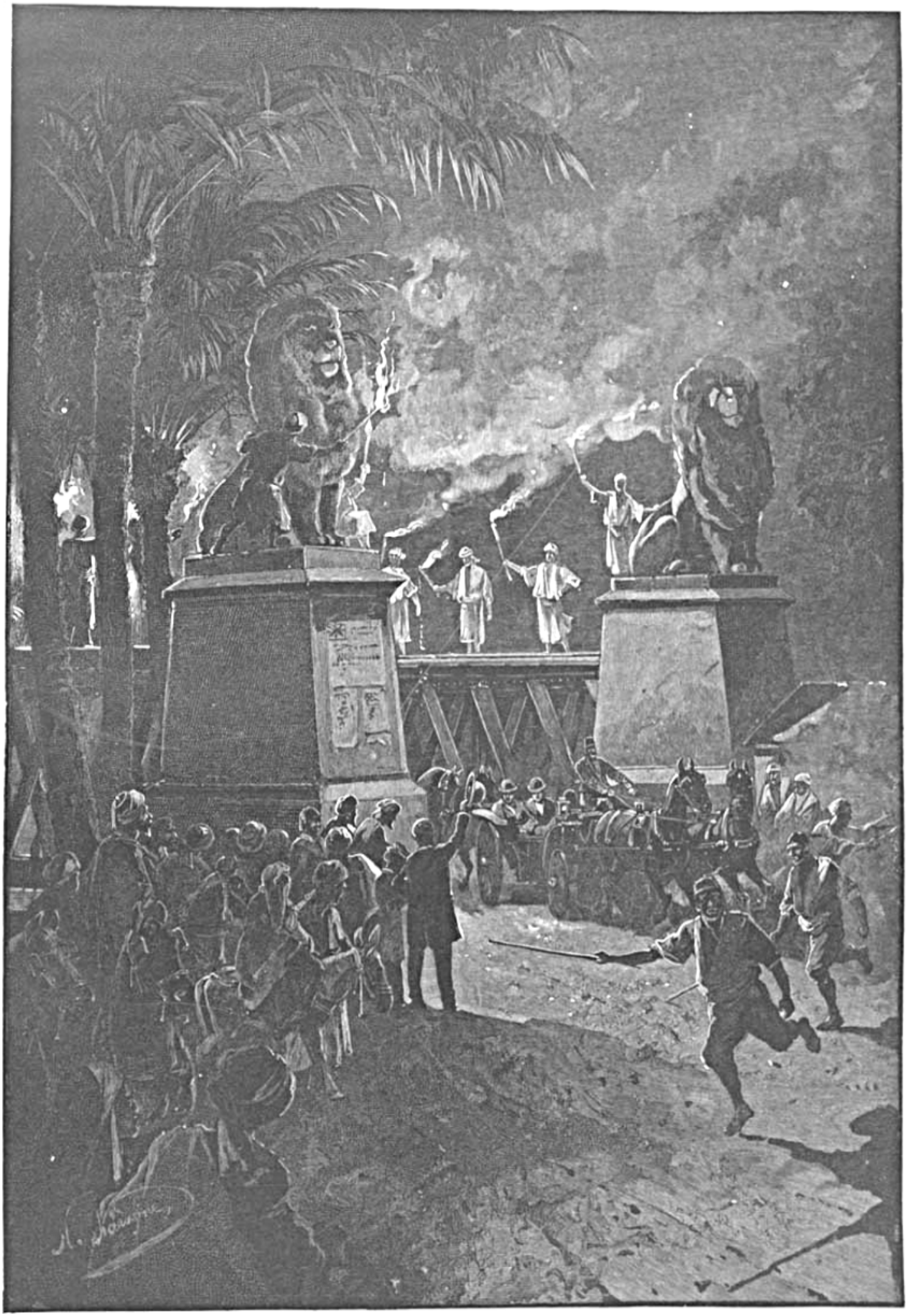


ЗАЛА ВО ДВОРЦѢ ГУССЕЙНА-ПАШИ.

Мухтаръ-паша (храбрый противникъ нашихъ войскъ въ послѣднюю войну) и хозяинъ дома, принцъ Гуссейнъ-паша.

Мужскіе представители русской колоніи въ Египтѣ in corpore представляются Престолонаслѣднику. Старшій между ними, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абаза, поднося Ему хлѣбъ-соль, произноситъ при этомъ слѣдующее привѣтствіе:

«Хлѣбъ и соль искони сопровождали на Руси выраженіе чувствъ безпредѣльной преданности русскаго народа къ Престолу и Отечеству. Свято сохраняя завѣты родины и на берегахъ далекаго Нила, русская семья въ Египтѣ имѣетъ безпредѣльное счастье лично повергнуть эти чувства къ стопамъ Первенца своего возлюбленнаго Самодержца».



ОСВѢЩЕНІЕ МОСТА ЧЕРЕЗЪ НИЛЪ.

Въ лучшей художественной мастерской Каира (у Парвиса) заказано было для поднесенія серебряное блюдо съ солонкою. На немъ по краямъ — орнаментъ изъ лотосовыхъ листьевъ. По самой серединѣ заключены въ кругъ два сфинкса со своего рода скрижалью, на которой начертано гіероглифическимъ письмомъ имя Наслѣдника Цесаревича. Въ другомъ большемъ концентрическомъ кругѣ очень изящно и тонко воспроизведены замѣчательные остатки туземныхъ древностей (пирамиды и сфинксъ у Гизэ, храмъ въ Эдфу и островъ Филэ). Между изображеніями, гіероглифическія надписи гласятъ о пожеланіяхъ русской колоніи (въ странѣ фараоновъ) благоденствія Его Императорскому Высочеству. Подарокъ — въ мароккиновомъ футлярѣ.

Послѣ обѣда (запросто, дома, въ присутствіи одной только свиты) Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Августѣйшіе спутники, около девяти часовъ, опять садятся въ экипажъ для прогулки по городу. Конная стража сопровождаетъ Ихъ ландо.

Мы ѣдемъ темными аллеями къ мосту, перекинутому черезъ Нилъ, торопимся полутемными пустынными улицами европейскаго квартала къ центру Каира, гдѣ сегодня бушевала народная встрѣча. Черезъ какихъ-нибудь полчаса Ихъ Высочества достигаютъ Оперной площади, гдѣ — греческая арка. Вдругъ отовсюду надвигаются толпы зрителей. Воздвигнутыя въ честь въѣзда декораціи ярко озаряются и горятъ въ тепломъ вечернемъ мракѣ. Огненными линіями очерчивается путь слѣдованія желанныхъ Гостей. Тѣ же ликованія, что и утромъ, — но въ болѣе фантастической обстановкѣ. Давка еще страшнѣе чѣмъ днемъ. Лошади едва могутъ идти впередъ, сквозь дымную мглу иллюминаціи, при трепетномъ бенгальскомъ освѣщеніи. Окружающія бородатыя лица, весь этотъ востокъ, неожиданно разлившійся вдоль потрясаемой криками дороги, это кипучее и безудержное оживленіе самымъ страннымъ образомъ дѣйствуютъ на душу.

То картина кажется совершенно знакомою, понятною, величавою. Волны сіянія бѣгутъ передъ очарованными взорами. Экипажъ Августѣйшихъ путешественниковъ плыветъ въ цѣломъ потокѣ пламенныхъ отраженій. Флаги мѣрно покачиваются надъ улицей.

То внезапно огни застилаются дымомъ, меркнутъ, погасаютъ. Пока вспыхнутъ новые, подвигаешься дальше въ какомъ-то безформенномъ сумракѣ. Люди точно призраки, съ немолчными возгласами, тѣснятся вкругъ насъ. И затѣмъ опять блескъ радушнаго пріема... Коммерческіе кварталы сдѣлали все, отъ нихъ зависѣвшее, чтобы красиво обставить первую прогулку Ихъ Высочествъ. Гостинницы, кофейни, магазины, даже частные дома унизаны свѣтлыми точками. Музыка усугубляетъ восторги. Да, Каиръ оправдалъ свою вѣковую извѣстность, какъ городъ сказочнаго великолѣпія, какъ источникъ услады для чужеземцевъ!..

Мы ѣдемъ назадъ, въ Гизэ, тѣми же пустынными, тусклыми бульварами, что ведутъ къ рѣкѣ. Одиннадцать часовъ. Тишиною вѣетъ отъ прилегающихъ виллъ послѣ оглушительнаго шума въ районѣ иллюминаціи. Изъ окутанныхъ тьмою садовъ долетаетъ только чуть слышный плескъ фонтановъ. Вотъ и гигантскій черный мостъ (Касръ-энъ-Нилъ). Два сидящихъ льва украшаютъ его выступающее въ тѣни начало. Безмолвіе и ночь словно стали еще глубже. Пережитыя впечатлѣнія едва лишь стали яснѣть въ памяти и сознаніи.

Желѣзная громада, надъ Ниломъ, по которой лежитъ нашъ путь, въ свою очередь нежданно воспламеняется множествомъ бенгальскихъ огней. Они цвѣтятся (синимъ и бѣлымъ) по обѣимъ сторонамъ, съ высокихъ перилъ, гдѣ стоятъ, въ живописной одеждѣ, разставленные въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга туземцы. Счастливая мысль закончить этимъ сюрпризомъ 11-е ноября художественно осуществлена нашимъ соотечественни-

комъ, княземъ Мурузи, постоянно живущимъ въ Каирѣ и до тонкости знающимъ, сколько въ немъ таится невѣдомой прелести и неподражаемой красоты.

Покинувъ преображенный свѣточами мостъ, экипажи катятся снова по темнымъ, глухимъ аллеямъ. Южное небо съ разгорѣвшимися ярко-желтыми звѣздами опрокинулось надъ спящею землей. Благодатная прохлада сладостно чувствуется вслѣдъ за испытанною жарою и почти непрерывнымъ утомленіемъ. Сейчасъ и дворецъ. У ограды, гдѣ выстроены длинный караулъ и конная стража, громко раздаются въ недвижномъ воздухѣ сигнальные звуки трубъ и бряцаніе оружія.

КАИРЪ
И
ОКРЕСТНОСТИ.

Понедѣльникъ, 12. (24.) ноября.

невникъ осложняется. Уже съ утра надо пользоваться часами кратковременнаго пребыванія въ столицѣ Египта. Сегодня предстоитъ ознакомиться и съ арабскими кварталами, и съ мусульманской архитектурой, и еще со многимъ — многимъ другимъ. Въ ожиданіи пока подадутъ коляски къ крыльцу, есть возможность бѣгло осмотрѣть восхитительный маленькій паркъ, разбитый передъ гостепріимнымъ жилищемъ принца Гуссейна-паши. Сочетаніе зелени, цвѣтовъ и влаги такъ искусно, что слава, пріобрѣтенная здѣсь раньше замѣчательными садоводами и остававшаяся за ними чуть-ли не съ эпохи крестоносцевъ, и нынѣ принадлежитъ имъ въ полной мѣрѣ. Подъ вѣчно улыбающимся небомъ, при сравнительно здоровомъ климатѣ, свободный отъ докучныхъ заботъ человѣкъ неминуемо долженъ былъ испытывать среди подобной природы доступность безмятежнаго счастья и тщету напраснаго внутренняго разлада. Не оттого-ли медлительно-примиренный строй мѣстной жизни издавна столь сильно вліялъ на умы приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе европейцевъ?

Пора ѣхать. До крѣпости, куда имѣютъ направиться Августѣйшіе путешественники, нѣсколько верстъ.

Быстро мелькаетъ, не возбуждая любопытства, Измаиліэ. Съ цѣлью дать представленіе и о менѣе благоустроенныхъ околоткахъ, Гостей хедива везутъ и по такому кварталу, гдѣ туземная жизнь положительно бьетъ ключемъ.

Итакъ, мы на яву въ сказочномъ городѣ арабской культуры, выросшемъ на развалинахъ глубочайшей старины!

До чего, однако, пестры эти каирскія улицы! Сегодня — вездѣ сравнительный порядокъ, а между тѣмъ, — гдѣ только пошире, — экипажи, всадники, толпа поминутно спутываются въ узелъ: то и дѣло видишь вереницу нагруженныхъ верблюдовъ, муловъ (подъ бархатною попоной и съ мѣдными побрякушками на уздѣ), конныхъ полицейскихъ, англійскихъ солдатъ, туристовъ въ шлемахъ отъ солнца, феллаховъ, бедуиновъ и негровъ. Кто продаетъ воду, кто цвѣты, сласти или фрукты, кто проситъ подаянія. На серебристо-сѣромъ осликѣ, съ краснымъ сѣдломъ, нѣтъ-нѣтъ и проѣдетъ туземная женщина, — вся въ темно-синемъ, неуклюже закутанная отъ нескромнаго взора. У высоко подобранныхъ стремянъ мелькаютъ туфельки. Изъ-подъ густаго покрывала вспыхиваютъ черныя очи.

У бородатыхъ мусульманъ необыкновеннымъ достоинствомъ проникнуты каждое плавное движеніе, каждая поза: имъ это какъ-то само собою дается, зависитъ, конечно, въ сильной мѣрѣ отъ нависнувшей надъ глазами чалмы и отъ кафтана, красящихъ и драпирующихъ восточнаго человѣка.

Необыкновенно характерны узаконенные восточнымъ обычаемъ, бѣгущіе и около нашихъ колясокъ скороходы (саисы). О существованіи таковыхъ въ принильскомъ царствѣ знаетъ уже древность.

Босоногіе, съ палками въ рукахъ, въ расшитыхъ золотомъ курткахъ и яркихъ кушакахъ, изогнувъ корпусъ, откинувъ назадъ плечи, они легко несутся передъ ретивыми лошадьми и покрикиваютъ на прохожихъ. Рукава колышатся за спиной, точно крылья у бабочекъ. Кисточки у головныхъ уборовъ (тарбушей) прыгаютъ на бѣгу. Грація движеній — въ полной гармоніи съ изумительною проворностью этихъ не знающихъ усталости людей, обыкновенно кончающихъ чахоткой.

Существуетъ разсказъ, будто у прадѣда хедива Тевфика-паши — у Мохаммеда-Али (основателя нынѣшней династіи) — былъ неутомимый саисъ, никогда не отстававшій отъ повелителя. Однажды послѣдній, заслышавъ о какомъ-то возстаніи, устремился на мѣсто происшествія верхомъ на быстромъ дромедарѣ. Разстояніе равнялось десяткамъ верстъ. Скороходъ все бѣжалъ, придерживаясь за сбрую животнаго; когда же достигли цѣли, онъ упалъ бездыханный.

Черезъ сумрачныя, глубокія ворота въѣзжаешь въ крѣпость (эль-Калà). Подъемъ въ гору хорошо вымощенъ и просторенъ. Вскорѣ становятся замѣтны и казармы европейскихъ солдатъ, и пушки иноземцевъ, паправленныя на городъ: вотъ и небольшая площадь среди довольно скученныхъ зданій, поодаль налѣво — развалины старой мечети, съ художественными изразцами персидскаго типа, и выстроенный, для встрѣчи Великихъ Князей, англійскій караулъ съ музыкой, играющей нашъ гимнъ.

Кажется, такъ еще недавно на этомъ отрогѣ Мокаттамскаго кряжа стоялъ дворецъ султана Саладина, прославленнаго крестоносцами! Теперь же тутъ виднѣются красные мундиры иностранныхъ часовыхъ и стройно тянутся къ небесамъ, — точно руки, простертыя къ молитвѣ, — два минарета достроенной въ 1857 г. мечети («гама») Мохаммеда-Али, — сама же она (изъ желтоватаго алебастра) ослѣпительно ярко отсвѣчиваетъ въ блескѣ полуденнаго солнца.

У входа надо надѣвать туфли на сапоги. Внутри ея насъ охватываетъ сравнительный сумракъ — въ сооруженіи, напоминающемъ Св. Софію въ Константинополѣ. На полу —

ковры, привезенные, какъ говорятъ, изъ Мекки. Видны двѣ-три не то силяція, не то колѣнопреклоненныя фигуры. По стѣнамъ отражается тотъ же алебастръ, — по скольку день проникаетъ сюда черезъ цвѣтныя стекла у начала сводовъ, и черезъ ряды нижнихъ оконъ. Высокіе столбы поддерживаютъ смѣло очерченный куполъ. Многочисленныя мѣдныя лампы спускаются подъ нимъ и четырьмя боковыми (меньшихъ размѣровъ), однообразно растягиваясь по сторонамъ громадныхъ люстръ. Въ одномъ изъ южныхъ угловъ зданія — гробница Мохаммеда-Али, скончавшагося въ 1849 году. Она вся — въ длинныхъ пальмовыхъ листьяхъ, и за красивою позолоченною рѣшеткой, откуда серебрится саркофагъ, окружена знаменами. Дальше — выходъ на площадку, обнесенную сводчатыми галлереями, съ башенными часами на китайскомъ павильончикѣ, подаренными королемъ Людовикомъ-Филиппомъ. Имъ, право, мѣсто гдѣ-нибудь на столичной желѣзнодорожной станціи, но никакъ не здѣсь, гдѣ о назначеніи преддверья дома молитвы достаточно ясно говоритъ хотя бы обычный крытый бассейнъ для религіозныхъ омовеній.

КАИРСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Подъ ногами чувствуешь до такой степени гладко отполированный бѣлый мраморъ, что скользко идти.

За мечетью — длинный, узкій выступъ, вдоль котораго зіяетъ обрывъ. Съ него на западъ открывается живописнѣйшій видъ на Каиръ: море домовъ съ плоскими крышами, сады, неисчислимыя воздушныя башенки, дворцы, бѣлые купола, руины, свѣтлосѣрыя постройки, пересѣкаемыя красными полосками, — и за всѣмъ этимъ синяя сверкающая лента рѣки, широко извивающейся (между зелеными полями и рощами пальмъ). Порою она даже представляется цѣпью мирно блещущихъ, недвижимыхъ озеръ. За нею — пирамиды Гизэ, желтѣющая Ливійская пустыня, къ сѣверу необозримая дельта Нила, къ югу,— между двухъ сдвигающихся степей, — земледѣльческій раіонъ, отвоеванный у безплодья.

Око расширяется отъ блеска. Чудится, какъ будто вдали огненный горизонтъ заколебался и движется.

Довольно близко отъ насъ, — на круглой Румелійской площади, полъ крѣпостью, — находится тотъ именно пунктъ, гдѣ осенью стягивается караванъ богомольцевъ въ Мекку (такъ-называемыхъ хаджи), замѣчательный особенно тѣмъ, что еще со временъ первоначальнаго мамелюкскаго владычества принято снаряжать отсюда къ арабской святынѣ носилки на верблюдѣ (махмалъ) и черный покровъ для Каабы (кисва), расшитый изреченіями изъ Корана.

Среди песковъ, недалеко отъ города, передъ нами выдѣляются безмолвныя, уединенныя гробницы средневѣковыхъ владыкъ. Положительно кажется, что читаешь арабскую сказку Шехеразады, но только она развертывается не ночью, а въ горячемъ, почти серебряномъ дневномъ сіяніи. Впрочемъ, тутъ въ Каирѣ все со вчерашняго дня положительно мнится восхитительнымъ сномъ, чарующею небылицей.

Кто изъ путешественниковъ, будучи на этомъ мѣстѣ, за гробницей Мохаммеда-Али, не слыхалъ былъ объ истребленіи нѣсколькихъ сотъ мамелюковъ въ 1811 году? Гдѣ нынѣ — мечеть, тогда еще высился старый дворецъ Саладина, куда ихъ заманили. Когда почти всѣхъ перестрѣляли, одинъ смѣльчакъ (Аминъ-бей) на испытанномъ скакунѣ, завязавъ ему глаза чалмой, заставилъ его прыгнуть отсюда внизъ. Конь убился. Всадникъ полуживой доползъ до ближайшаго дома и будто-бы спасся. Одна версія преданія утверждаетъ, что онъ послѣ того долго жилъ (или въ Константинополѣ, или въ Верхнемъ Египтѣ) и даже получалъ пенсію; другая-же гласитъ, что его нашли и умертвили вскорѣ послѣ катастрофы.

Вѣрить-ли разсказу, или точнѣе воскресшему глубоко древнему преданію, что конскія копыта выбили здѣсь въ камнѣ предсмертный слѣдъ передъ страшнымъ паденьемъ съ крѣпостной стѣны?

Отъѣзжая отъ усыпальницы предка хедивовъ, невольно любуешься остатками изящныхъ фаянсовыхъ кирпичей съ зеленоватымъ отливомъ, которые еще свѣтятся на минаретахъ утратившей прежнее значеніе мечети султана Насра и называются «кашани» (какъ и у насъ въ Средней Азіи, на памятникахъ Бухары, Самарканда). Искусство ихъ изготовленія занесено сюда бѣглецами изъ Ирана, въ грозную эпоху монгольскихъ нашествій.

Августѣйшіе путешественники милостиво принимаютъ приглашеніе командира расположенныхъ здѣсь англійскихъ «Royal Irish Rifles» посѣтить ихъ офицерское собраніе, устроенное въ одномъ прежнемъ дворцѣ, изъ оконъ и съ террассы котораго открывается тоже очень красивый видъ на окрестности. Полкъ еще недавно находился въ Индіи, а теперь переведенъ въ страну, гдѣ въ началѣ вѣка сражался противъ французовъ, — въ память чего носитъ на лядункахъ серебряное изображеніе сфинкса.

Затѣмъ, Ихъ Высочества обходятъ другой упраздненный чертогъ, въ которомъ англичане помѣстили свой центральный военный госпиталь. Онъ — на 500 кроватей. При посѣщеніи его только четверть занята больными. На стѣнахъ просторныхъ палатъ взоръ невольно медлитъ на пестрѣющей вдоль нихъ крайне примитивной и пестрой живописи.

При хедивѣ Измаилѣ въ Калѣ жилъ кто-нибудь изъ принцевъ. Въ данное время европейскій элементъ является въ крѣпости главнымъ представителемъ власти и порядка.

Мы идемъ по внутреннему полузаглохшему двору, гдѣ встарь толпились суровые воины халифата, охранявшіе доступъ къ жилищу владыки. Тамъ, — за видимыми бойницами и замкнутыми вратами, за подземными извилистыми ходами и тайниками, среди

несказуемой роскоши, заморскихъ птицъ и звѣрей, мраморныхъ бассейновъ съ диковинными рыбами, — гдѣ-то находился и самъ земной полубогъ, пребывавшій почти въ полномъ отчужденіи отъ народа. На золотомъ престолѣ, занавѣшенномъ дорогими тканями съ жемчугомъ, халифъ иногда принималъ поклоненіе избранныхъ безоружныхъ лицъ. Завѣса отдергивалась: «правовѣрные» падали ницъ передъ подавляющимъ видѣніемъ.

Страны, преимущественно поставлявшія сюда честолюбивыхъ и даровитыхъ рабовъ, достигавшихъ затѣмъ значенія и вліянія на событія, — наша Средняя Азія и нашъ Кавказъ, — давали тогда Египту извѣстный притокъ свѣжихъ силъ, который способствовалъ политической независимости Каира и оригинальности его культуры. Обаяніе этого центра ислама должно было поражать, и въ дѣйствительности поражало въ средніе вѣка и Западъ, и Востокъ. Даже будучи тѣснима крестоносцами, столица Фатимидовъ на Нилѣ могла еще сравнительно дешево откупиться отъ рыцарей. Теперь все неизсякаемое богатство принильской почвы недостаточно для огражденія туземцевъ отъ европейскаго протектората.

Нельзя быть въ крѣпости и не поинтересоваться колодцемъ Юсуфа или Іосифа, который такъ названъ по имени великаго султана, создавшаго нынѣшнюю Калу. Это диковинное сооруженіе до 1865 г. черпало воду на поверхности чуть-ли не ниже уровня самой рѣки. Работали буйволы.

По свидѣтельству древнихъ, существованіе этого колодца, спускающагося спиралью къ безднѣ, подало мысль Архимеду изобрѣсти винтъ.

Идешь туда, увязая въ мелкомъ пескѣ, по наклонной и извивающейся поверхности. Ходъ крытый. Свѣтъ проникаетъ въ него черезъ широкія отверзтія внутри колодезныхъ стѣнъ. Туземцы, повидимому, съ незапамятныхъ временъ, доставали отсюда драгоцѣнную влагу. Саладинъ лишь распорядился очистить спускъ въ землю, достигающій не менѣе сорока саженей глубины.

Съ какою вѣковою жалобой подымаются оттуда скрыпучіе отголоски каждаго поворота колесъ! Не говорятъ ли они о временахъ мѣстнаго блеска и могущества, когда мусульманскіе владыки Каира повелѣвали надъ громаднымъ царствомъ, пили изъ этого именно водохранилища (теперь отличающагося почему-то солоноватымъ вкусомъ), съ надеждой глядѣли впередъ, а не на развалины прошедшаго.

Давно уже взоръ останавливался на высочайшемъ (около сорока саженей) изъ минаретовъ Каира, увѣнчивающемъ разрушающуюся мечеть султана Гассана, красу Румелійской площади и средневѣковой старины. Глядя на это сумрачно-величественное зданіе, говоришь себѣ: исламъ XIV столѣтія имѣлъ своего Микель-Анджело, проникнутаго идеями Корана, въ эпоху, когда имя египетскихъ правителей внушало содроганіе. Архитекторъ могъ быть родомъ и европеецъ, потому что опытный взглядъ одного новѣйшаго художника уловилъ какую-то второстепенную подробность, свидѣтельствующую о вліяніи готическаго стиля. Дѣло не въ этомъ: знаменателенъ порывъ духа.

Постройка занимаетъ около трехъ четвертей десятины и способна вмѣщать несмѣтное количество «правовѣрныхъ», которые вообще неразъ тутъ искали и прибѣжища, и утѣшенія.

Мы ѣдемъ вдоль массивныхъ стѣнъ, вдоль длиннаго и высокаго фасада отживающей мечети, гдѣ прежде сами «правовѣрные» благоговѣйно пробирались пѣшкомъ. Какъ она проста! Притомъ скорѣе похожа на крѣпость временъ феодализма, чѣмъ на домъ Божій!

Впрочемъ, тутъ пролито столько крови, что оно и понятно: стоитъ вспомнить хотя-бы осень 1799 года, когда возставшіе туземцы защищались за его стѣнами противъ французовъ. До сихъ поръ еще на восточной сторонѣ сохраняется слѣдъ отъ непріятельскихъ ядръ.

Предъ огромною дверью — ступени. Дальше — темный ходъ во внутрь сооруженія. Онъ изгибается, ведетъ мимо какихъ-то углубленій по сторонамъ (гдѣ раньше сидѣли люди, погружавшіеся въ созерцаніе), кончается дворомъ, куда на цвѣтной мраморъ пола сверху падаетъ ослѣпительный свѣтъ и на который смотрятъ гигантскія стѣны съ могучими арками, вдѣланными въ нихъ, и саженными надписями священнаго характера. Подъ ними красуются арабески, — узоры, принятые въ архитектуру съ древнихъ азіятскихъ тканей, ковровъ. Игра линій имѣетъ здѣсь своеобразнѣйшую прелесть. Онѣ словно сотканы изъ звѣздъ, пальмъ, цвѣтовъ и загадочныхъ начертаній.

Два водоема предназначены для турокъ и для египтянъ. У послѣдняго — голубой куполъ, съ полумѣсяцемъ и золотою каймой изъ арабскихъ буквъ. Дальше — главное мѣсто молитвы, нѣкогда считавшееся излюбленнымъ туземною мусульманскою властью, гдѣ она собирала народъ съ цѣлью объявленія ему своей воли. Самъ султанъ, создатель мечети, когда-то говорилъ здѣсь, въ качествѣ богослова, предъ удивленно-внимательною толпой.

Матеріалъ къ постройкѣ отчасти доставленъ сюда отъ служившихъ каменоломнями пирамидъ.

Намъ открываютъ дверь, ведущую къ обширному и величественному мавзолею. Онъ крайне простъ, и грандіозные размѣры пріобрѣтаютъ красоту, исключительно благодаря художественно сгруппированнымъ сталактитамъ. Нѣкоторые камни тутъ почитаются за чудотворные. Ихъ трогаютъ съ благоговѣніемъ. На нихъ молятся. На помостѣ показываютъ темное пятно, точно отъ запекшейся крови. По преданію, Гассанъ надумалъ строить мечеть вскорѣ послѣ ужасной чумы, опустошившей 550 лѣтъ назадъ полъ міра. По свидѣтельству мусульманскаго писателя Макризи, одинъ Каиръ тогда потерялъ девятьсотъ тысячъ горожанъ. Въ Египтѣ не было достаточныхъ матеріальныхъ средствъ на осуществленіе замысла. Повелитель отправился путешествовать инкогнито, временно передавъ бразды правленія мнимо-преданному визирю. Неожиданно вернувшись изъ за-границы, на правахъ иноземнаго непомѣрно богатаго купца, властитель убѣдился, что его забыли и что саномъ его пользуется измѣнникъ-вельможа. Незнакомецъ предоставилъ свои сокровища на сооруженіе мечети, но по окончаніи работъ потребовалъ, чтобы ее назвали именемъ отсутствовавшаго султана. Произошло замѣшательство. Гассанъ тогда явился въ полномъ блескѣ, и на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ, собственноручно закололъ вѣроломнаго визиря. Хотя на могилу предъ нами чернь и смотритъ, какъ на могилу царя, — строителя мечети, —это ошибочно. Буйная, военная знать умертвила его при какой-то смутѣ. Тѣла не нашли. Онъ напрасно приготовлялъ себѣ вѣчное земное жилище. Судьба рѣшила иначе, — точно въ наказаніе за то, будто зодчему отрубили руки по завершеніи постройки, дабы онъ никогда не могъ начертать другаго столь же искуснаго плана. Вскорѣ затѣмъ на школу, основанную султаномъ для 300 учениковъ, упалъ минаретъ того же зданія и всѣхъ задавилъ.

Противъ выхода изъ мечети Гассана видишь лѣса передъ какимъ-то незаконченнымъ сооруженіемъ. Дѣло въ томъ, что современный Каиръ задумалъ воздвигнуть нѣчто похожее на нее, но выполнить задачи, вѣроятно, не въ состояніи, за неимѣніемъ выдающихся архитекторовъ, которые бы согласились взять ее на себя. На эту предположенную постройку много денегъ жертвовалось матерью прежняго хедива.

Мы ѣдемъ узкими-узкими улицами. Кое-гдѣ темнѣютъ массивныя, мрачныя ворота, уцѣлѣли надписи надъ живописными арками. — Внутри иныхъ зданій навѣрно есть укромные дворы, куда лѣтъ сто тому назадъ горделиво въѣзжали мамелюки на безцѣнныхъ коняхъ. Теперь все это отведено подъ склады, загромождено бочками и тюками, въ качествѣ желанныхъ гостей посѣщается лишь усталыми и навьюченными верблюдами.

Солнечный свѣтъ не ложится палящимъ зноемъ на полукрытые проѣзды. Дома сдвинуты довольно близко, ради живительной прохлады. Она естественно рождается отъ малѣйшаго движенія воздуха, потому что этому способствуетъ мудрая конструкція большихъ оконъ, закрытыхъ отъ внѣшняго міра, но снабженныхъ массой отверзтій и при этомъ выдвигающихся рѣзною показною стороной надъ улицей.

Такія же противуположныя окна тянутся имъ на встрѣчу, погружая тѣмъ самымъ предметы внизу въ отрадную тѣнь. Туземные кварталы положительно выигрываютъ отъ подобнаго устройства, и хотя, конечно, своевременно было отвести подъ европейскую часть города Измаиліэ, занимаемую министерствами и виллами, множество само собою осужденныхъ на разрушеніе старомодныхъ зданій, однако внѣшность новыхъ построекъ, въ связи съ безусловною непрактичностью подражанія европейскимъ улицамъ и домамъ, оттого сильно потеряла, — особенно, разумѣется, въ художественномъ отношеніи. Нельзя безнаказанно пересаживать чужое на свѣжую почву, не спросясь ея характера и требованій.

Когда по сторонамъ мелькаютъ обрывки совершенно нетронутаго средневѣковаго Каира, сочетаніе свѣта и тѣни такъ удачно, что некрасивое, грязное, запущенное въ уголкахъ Востока, невольно поэтизируется, позолоченное прокравшимся лучемъ яркаго солнца. Такъ было, такъ не можетъ не быть. Вѣдь и столбики ничтожной мельчайшей пыли преображаются въ красивыя златотрепещущія полосы, когда ихъ коснется солнце, когда съ ними ласковъ день!

Поэтъ Аріосто, смутно зная мусульманскій міръ, говоритъ о Каирѣ, какъ о городѣ съ 18,000 улицъ, гдѣ въ каждомъ этажѣ помѣщается по 15,000 воиновъ съ семействами, т. е. иными словами пылкая мечта итальянца допускала, что здѣсь сосредоточивается населеніе чуть-ли не цѣлаго земнаго шара. Теперь намъ крайне близка и доступна картина настоящаго положенія вещей, и втайнѣ жаль, отчего мало подсказываетъ воображеніе.

Флорентійскій паломникъ Фрескобальди (XIV в.), лично посѣтившій арабскую столицу на Нилѣ, видѣлъ на ея улицахъ много слоновъ, несмѣтное количество жителей (больше чѣмъ въ тогдашней Тосканѣ), роскошь и довольство, наряду съ наростаніемъ пролетаріата.

Расточительность женщинъ вызывала даже противъ себя карающій законъ. Только этимъ можно было обуздывать горожанъ и горожанокъ, сознававшихъ, что они — въ центрѣ міровой торговли, охватывавшей три части свѣта. Весь Востокъ находилъ тутъ сбытъ, нагромождалъ тутъ свои естественныя сокровища. Гдѣ же отблескъ этихъ яркихъ столѣтій?

Всетаки древній, — языческій Египетъ пережилъ сравнительно юную культуру ислама и вершинами безсмертныхъ пирамидъ по прежнему говоритъ о вѣчности иныхъ сторонъ человѣческаго творчества.

Нѣтъ-нѣтъ и вспомнишь, что въ Каирѣ, до турокъ, хоть и номинально, но имѣлъ значеніе халифатъ. Толпы привѣтствовали на улицахъ свѣтскаго, военнаго замѣстителя этой власти. Онъ выѣзжалъ обязательно на бѣлой лошади, подъ черною попоной, въ черной золототканной чалмѣ, съ черными знаменами вокругъ. И всему пришелъ конецъ съ

того самаго Запада, который такъ былъ ненавистенъ мусульманамъ! Осталась память о лучшихъ дняхъ въ причудливо мерцающихъ сказкахъ «Тысячи и одной ночи», на разрушающихся мечетяхъ, среди сухихъ арабскихъ рукописей, и больше нигдѣ...

Сегодня, кажется, базарный день.

Мы ѣдемъ мимо минаретовъ и куполовъ (причудливой формы и съ любопытнымъ орнаментомъ). Безконечные ряды лавокъ со степенно возсѣдающими владѣльцами унизываютъ дорогу по обѣимъ сторонамъ. Каждый фасадъ чѣмъ-нибудь интересенъ по сочетающимся на немъ краскамъ, по сплетающимся на камнѣ арабескамъ, по воздушности свода, ведущаго надъ дверью — окномъ во внутренность пестрѣющаго товаромъ жилья — магазина. Неизбѣжныя группы любопытныхъ скопляются вдоль тѣсно сдвинутыхъ домовъ. При безостановочномъ слѣдованіи впередъ по извилистымъ улицамъ арабскаго Каира, бѣгло переносишься отъ ремесла къ ремеслу, отъ иноземнаго издѣлія и продукта къ таковымъ же туземнымъ, отъ характерной фигуры одного какого-нибудь осанистаго мусульманина-купца къ другому столь же типичному олицетворенію восточной выдержанности и невозмутимости. Красивѣйшія мечети мелькаютъ то справа, то слѣва. Все очарованіе туземной архитектуры сквозитъ повсюду, — но намъ дано любоваться настоящимъ Каиромъ лишь въ теченіе сравнительно немногихъ жадно переживаемыхъ мгновеній. Экипажи катятся къ цѣли: Августѣйшіе путешественники намѣрены удостоить посѣщеніемъ, въ одномъ изъ старыхъ кварталовъ, Синайское подворье и находящуюся рядомъ съ нимъ греческую школу Абета. Она такъ названа въ честь богача-патріота, завѣщавшаго въ 60-хъ годахъ на ея основаніе значительный капиталъ, съ условіемъ, чтобы дѣло образованія мѣстнаго эллинскаго юношества непремѣнно велось подъ покровительствомъ нашего правительства. Переулки и дворъ передъ училищемъ устланы коврами, переполнены восторженно встрѣчающими греками. Ихъ Высочества обходятъ зданіе. Во второмъ этажѣ, на галлереѣ, огибающей внутренній дворикъ, дѣти стройно поютъ «Боже, Царя храни!» Его преосвященство синайскій архіепископъ Порфирій громко и внятно, съ чистымъ русскимъ выговоромъ, читаетъ Наслѣднику Цесаревичу слѣдующую рѣчь:

ТИПЪ ВОДОНОСА.

«Ваше Императорское Высочество!

«Учебное учрежденіе «Абетъ» удостоено великой милости состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Императора Всероссійскаго. Какъ предсѣдатель попечительнаго совѣта, какъ архіепископъ Святой обители Синайской, считающей не мало примѣровъ

Царскаго благоволенія, я почитаю несравненнымъ счастьемъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества почтительнѣйшую признательность за высокую честь, оказанную намъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Вашимъ. Память о сегоднишнемъ днѣ останется неизгладимою въ сердцахъ учениковъ Абетской школы.

«Возвышаю смиренный голосъ мой къ Всемогущему Богу съ теплою молитвою, да блюдетъ Онъ подъ могучею десницею Своею Отца Вашего Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Монарха, Императора Всероссійскаго Александра Третьяго, да хранитъ Онъ Ваше Императорское Высочество, гордость и надежду всего русскаго народа, отъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій и да направляетъ Онъ стопы Ваши по пути мира и благоденствія, на славу русскаго народа и Святой Православной Церкви».

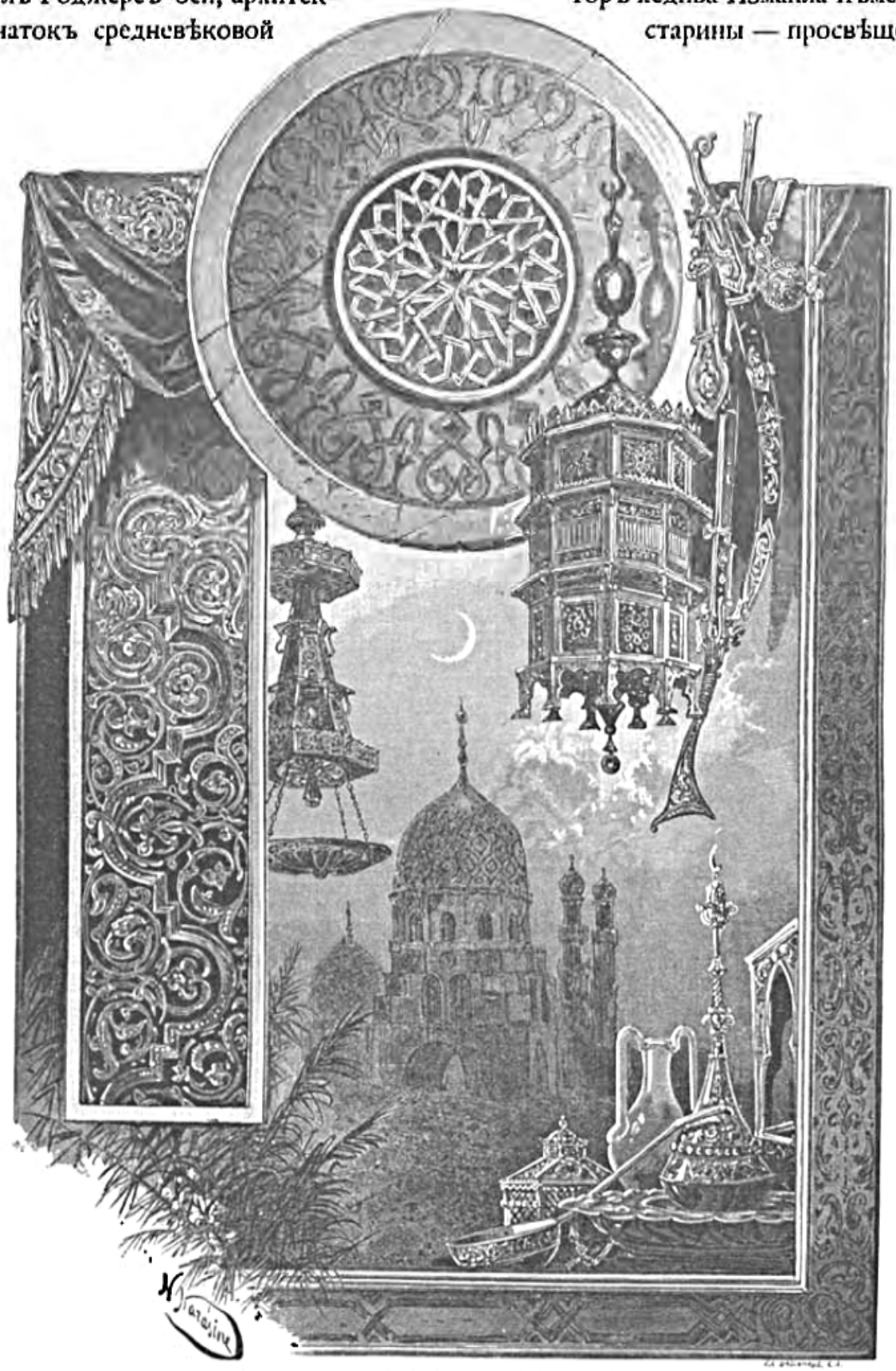
Благообразный сѣдобородый представитель древней обители на Синаѣ, радостно взволнованныя лица вокругъ Высокихъ Гостей, рѣзкій переходъ въ эту радушно настроенную среду отъ яркаго своеобразія базарно-уличнаго движенія, — все странно гармонируетъ съ потребностью глубже и глубже проникаться жизненнымъ трепетомъ захватывающаго насъ Востока и считаться съ неожиданностями путевыхъ впечатлѣній.

Великокняжескій экипажъ уже опять виднѣется впереди поспѣвающей за нимъ свиты, среди лабиринта туземныхъ домовъ, живописныхъ лавокъ — нишъ и отсвѣчивающихъ глазурью, разнообразно извивающихся въ вышину, окаймленныхъ каменнымъ кружевомъ минаретовъ. Отъ всего этого страннаго міра вѣетъ какой-то необъяснимою привлекательностью. Такъ и чудится, что онъ уже когда-то снился и теперь лишь разцвѣлъ на яву. Проѣзжая характерными улицами, сразу начинаешь понимать простодушный кругъ воззрѣній мѣстнаго люда. Отчего бы имъ и не вѣрить въ чудеса, будто-бы присущія иному религіозному памятнику? Какъ имъ не быть фаталистами въ силу самой природы вещей? Подъ этимъ золотымъ африканскимъ небомъ, при дремотномъ состояніи духа, гдѣ человѣку не различить границы сказокъ и были, развѣ есть возможность относиться къ жизни съ холодною разсудительностью сѣверянъ? Для жителя Каира вполнѣ естественно предположить, что отъ одежды какого-нибудь добродѣтельнаго султана въ теченіе столѣтій струится цѣлебный даръ, что въ разсадникъ міровой учености, мечеть эль-Азхаръ, по ночамъ приходятъ усопшіе праведники — «правовѣрные» для совершенія установленныхъ омовеній, что въ другомъ домѣ молитвы происходятъ столь же таинственныя сборища просвѣтленныхъ тѣней, съ цѣлью обсудить, гдѣ на землѣ творятся беззаконія, и мистически оповѣстить о томъ хедива. Нетронутый въ своемъ психическомъ строѣ народъ! Непоколебленная въ своей здоровой основѣ культура Востока!

Августѣйшіе путешественники заѣзжаютъ ознакомиться и съ такъ называемымъ «арабскимъ» музеемъ на эль-Гурійской улицѣ.

Тщетно разукрашалась причудами архитектуры пышная мусульманская столица Египта. Теперь ея искусство въ упадкѣ. Недавно оно почти совсѣмъ не признавалось. Мечети обѣднѣли, лишились унаслѣдованнаго имущества. Только благодаря вкусу и вліянію нѣкоторыхъ европейскихъ цѣнителей пробудилось стремленіе сохранять или реставрировать остатки достопамятной старины. Даже частныя лица стали коллекціонировать. Наконецъ, правительство (при хедивѣ Тевфикъ-пашѣ) обратило на нее вниманіе, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ на вѣка фараонова могущества.

Созрѣла мысль о необходимости создать музей арабскихъ древностей. Прежній англійскій консулъ Роджерсъ-бей, архитекторъ хедива Измаила нѣмецъ Францъ-паша и знатокъ средневѣковой старины — просвѣщенный армянинъ Артынъ-паша — способствовали осуществленію подобной идеи. Именно послѣдній сегодня утромъ откомандированъ для сопровожденія Ихъ Высочествъ по туземному Каиру.



ПРЕДМЕТЫ АРАБСКАГО МУЗЕЯ.

Для хранилища арабскихъ древностей временно избрали мечеть Фатимидскаго халифа эль-Хакима, основанную еще въ 1003 г., вскорѣ послѣ возникновенія Каира. Упомянутый

властелинъ былъ какой-то изступленный: то онъ шествовалъ по городу, поражая народъ необычайною роскошью, то бродилъ вездѣ чуть-ли не въ рубищѣ. Въ его правленіе совершались величайшія жестокости, и въ то же время собрана превосходная библіотека для общественнаго пользованія, разросшаяся вскорѣ до милліона шестисотъ тысячъ томовъ, но уничтоженная Саладиномъ, какъ источникъ ересей.

При входѣ въ музей средневѣковыхъ достопримѣчательностей, видишь предъ собой корридоръ съ комнатами по бокамъ. Вдоль стѣнъ его расположены образчики узорчатой деревянной рѣзьбы, заслонки гаремныхъ оконъ, двери мечетей. Съ потолка спускаются любопытныя по формѣ металлическія лампы. Въ одномъ отдѣлѣ находятся рѣдкія куфическія надписи, въ другомъ — старинные свѣтильники, два красивыхъ мѣдныхъ стола съ серебряными инкрустаціями, перенесенныхъ сюда изъ молитвеннаго дома Калауна (султана-благотворителя, жившаго въ XIII столѣтіи).

Кромѣ того неподражаемы эмальированныя лампы, затѣмъ цвѣтное стекло сирійскаго издѣлія, ради береженья взятое изъ мечети Гассана. Имя его ясно на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Еще болѣе или менѣе замѣчательны нѣкоторыя мраморныя плиты, футляры для корановъ, разукрашенные слоновою костью, и т. п.

Скромные размѣры хранилища едва-ли будутъ въ состояніи вмѣстить рядъ новыхъ желательныхъ пріобрѣтеній, а эти вещи иначе въ непродолжительномъ времени можетъ ожидать весьма плачевная судьба.

Утренній осмотръ Каира заканчивается посѣщеніемъ извѣстнаго магазина Парвиса, гдѣ чрезвычайно искусно имитируются вещи античнаго туземнаго характера.

Послѣ завтрака (дома, во дворцѣ Гуссейна-паши) Августѣйшіе путешественники ѣдутъ въ прежній Булакскій музей древне-египетской старины, названный такъ, пока коллекціи хранились въ предмѣстьѣ того же названія. Съ прошлаго года онѣ находятся въ палатахъ хедива (у подгороднаго мѣстечка Гизэ), отведенныхъ для нихъ щедрымъ правительствомъ. Туда — близко отъ временной резиденціи Великихъ Князей. На лѣстницѣ входа въ залы, — гдѣ насъ сразу обдастъ холодомъ развѣнчаннаго величія и погибшей культуры, — Ихъ Высочества встрѣчены консерваторомъ отдѣла, Эмилемъ Бругшъ-беемъ, братомъ египтолога Генриха Бругша.

Мало встрѣчается мѣстъ на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ на столь незначительномъ протяженій было бы собрано столько изображеній, останковъ и памятниковъ глубочайшей старины, гдѣ бы на посѣтителей со всѣхъ сторонъ взирали не вѣка, а цѣлыя тысячелѣтія. Всякій, кто способенъ всматриваться и мыслить въ такой исключительной обстановкѣ, въ Гизэсскомъ музеѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь проникается смѣшанными чувствами самоуничиженія и гордости: отдѣльный человѣкъ, конечно, безмѣрно малъ и ничтоженъ передъ нетлѣннымъ величіемъ того, что еще сохранилось отъ древности. По наряду съ этимъ развѣ не живительно сознаніе, что вся эта древность, въ ея таинственно-глубокихъ образахъ, создана такими же какъ и мы людьми, съ тѣмъ же божественнымъ огнемъ въ груди, съ такою же, хотя и смутною жаждою идеала?

Раньше чѣмъ проникнуть въ музей и воочію увидѣть спящихъ фараоновъ среди предметовъ и обломковъ взростившей ихъ культуры, раньше чѣмъ потеряться въ лабиринтѣ эпохъ, царствованій, именъ и событій, — нельзя не предпослать подобному изложенію краткаго описанія, что это за музей, о которомъ идетъ рѣчь, кто его задумалъ и

устроилъ, каково его истинное значеніе. Подобные вопросы становятся вдвойнѣ понятными, такъ какъ при въѣздѣ въ ограду дворца, по направленію къ его крыльцу, сбоку, иностранцамъ обыкновенно указывается могила Марьэта. Стоитъ произнести фамилію послѣдняго, и каждый, читавшій объ Египтѣ, невольно проникается удивленіемъ къ неутомимой дѣятельности и заслугамъ этого археолога, который, путемъ упорнѣйшаго труда, сначала на скудныя средства издали изучалъ страну пирамидъ и затѣмъ, уже прибывши сюда, всецѣло отдался мучительно-сладостнымъ поискамъ за неоткрытыми до него вещественными доказательствами того, чѣмъ въ сущности былъ древнѣйшій жизненный строй и культъ народа, облекшагося формами государственной жизни и ставшаго историческимъ, когда почти весь Востокъ, не говоря уже о юномъ Западѣ, для изслѣдователей представляется погруженнымъ во мракъ и находился едва-ли не при зачаточныхъ условіяхъ умственнаго пробужденія.

ЗДАНІЕ БУЛАКСКАГО МУЗЕЯ.

Благодаря хорошему климату, сухости воздуха, укромности нѣкоторыхъ горныхъ уголковъ, а особенно въ виду изчезновенія многихъ памятниковъ старины, подъ зыбучимъ моремъ ливійскихъ песковъ, египетское прошлое немало могло и можетъ сказать о дняхъ своего разцвѣта и блеска. Наполненный Марьэтомъ музей краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но является вопросъ: какою цѣною хранилище получило главныя сокровища, накопляло позднѣйшія находки?

Мысль о необходимости такого мѣстнаго центра, гдѣ бы археологически цѣнные предметы сосредоточивались, не расхищаясь туристами, высказана еще въ 50-хъ годахъ знаменитымъ Лепсіусомъ, но приведена въ исполненіе — лишь долго спустя — выдающимся французскимъ египтологомъ. Онъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ производилъ раскопки вездѣ, гдѣ надѣялся найдти какое-нибудь поясненіе горячо имъ любимой старинѣ, — преодолѣвая при этомъ всякія лишенія, пренебрегая здоровьемъ, безопасностью, денежными затрудненіями. Въ концѣ концовъ, богатые научные результаты оправдали неуклонное стремленіе вдохновеннаго изслѣдователя. Хедивъ Исмаилъ далъ возможность, на первыхъ порахъ,

сгруппировать находки и пріютить ихъ; затѣмъ власти отвели для основавшагося музея болѣе или менѣе подходящее зданіе. Гигантскія усилія Марьэта принесли замѣтный плодъ, но, параллельно, силы ученаго ревнителя уходили: онъ умиралъ. Врачи запрещали ему работать, совѣтовали покинуть Египетъ. Фанатикъ своего отвлеченно-безкорыстнаго дѣла, онъ всетаки оставался въ стѣнахъ взлелѣяннаго имъ учрежденія, разставлялъ коллекціи, не боялся ни сквозняковъ, ни духоты, ни переутомленія. Мозгъ историка-мыслителя пылалъ еще безсмертіемъ творчества, когда тѣло уже онѣмѣло отъ недуга. Такъ скончался основатель Булакскаго (нынѣ Гизэсскаго) музея — Марьэтъ, погребенный какъ-бы на стражѣ всего того, что имъ вызвано къ бытію.

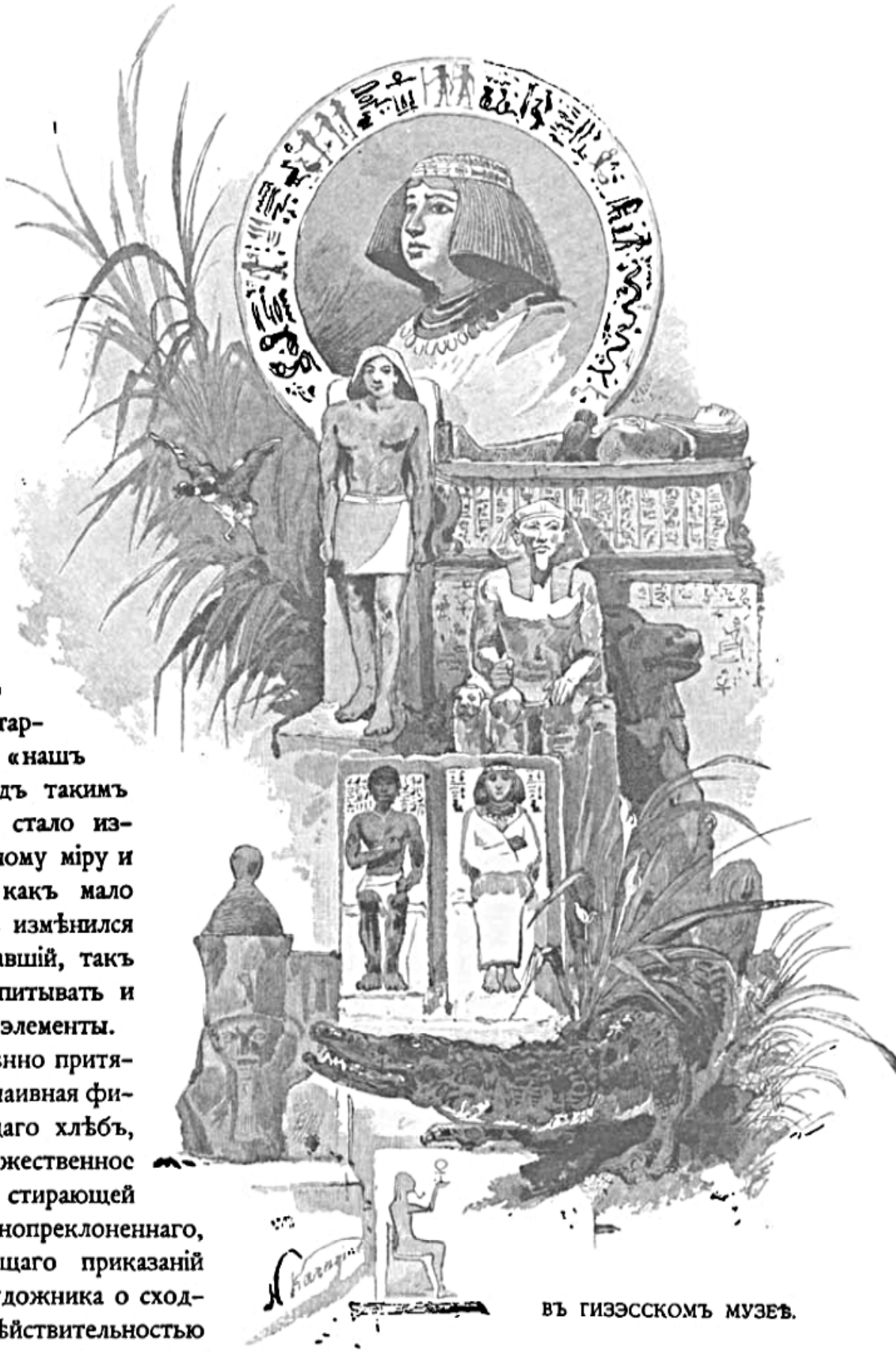
Зная это, понятно, съ какимъ настроеніемъ переступаешь порогъ «святилища археологіи», — точно изъ каждаго камня, отъ всякой фигуры отдѣляется, касается и смущаетъ насъ дуновеніе чего-то высшаго, заглянувшаго за предѣлы земли.

Передъ посѣтителями чередуются остатки туманной, однако же непосредственно близкой старины. Наука тутъ еще собственно — на рубежѣ исторіи. Можно-ли съ увѣренностью судить и говорить о ней, пока все загадочно, пока нѣтъ даже той путаницы, которая обыкновенно, соблазняетъ бытописателей? На разстояніи немногихъ десятковъ верстъ отъ Каира найдены, напримѣръ, два раскрашенныхъ изваянія князя Рахотепа и жены его, — родственницы фараоновъ — Нефертъ, жившихъ будто бы до построенія пресловутой Хеопсовой пирамиды, т. е. въ столь недосягаемо далекую пору, что странно смотрѣть на черты подобныхъ фигуръ, — съ глазами изъ кварца, — по обычаю времени весьма сходныхъ со своимъ оригиналомъ. Одинъ уже типъ ихъ — неоцѣнимое пріобрѣтеніе для этнографіи и свидѣтельствуетъ о довольно значительномъ уровнѣ тогдашняго искусства. Изображенія создавались съ цѣлью дать возможность неразлучнымъ съ остывшими тѣлами душамъ имѣть въ могилахъ вѣрнос обиталище изъ дерева или камня. Чѣмъ больше имѣлось статуй, тѣмъ обезпеченнѣе должно было быть загробное существованіе усопшаго. Повѣрье, при всей своей странности, въ данномъ случаѣ не обмануло египтянъ. Не будь его, — развѣ среди тьмы забвенія уцѣлѣли бы здѣсь для насъ и продолжали пристально глядѣть на окружающій міръ: какой-то сановный туземецъ со своей супругой (онъ — темнокоричневый, полуодѣтый, мускулистый, съ повелительнымъ взоромъ и властно сдвинутой рукой; она изжелта-бѣлая, полная, невозмутимая, въ небрежно облекающемъ ее покрывалѣ, съ повязкою и искусственнымъ головнымъ уборомъ)? И этимъ-то спутнику и спутницѣ мумій, сдѣланнымъ изъ простаго известняка, насчитывается теперь около пяти — шести тысячелѣтій! Феллахи, найдя Рахотепа и Нефертъ, въ ужасѣ приняли ихъ за исчадья ада и чуть не уничтожили.

Хотя гробницы вскрывались грабителями, хотя безчисленные трупы именитыхъ лицъ извлечены изъ тайниковъ и погибли; но отражавшія покойниковъ статуи кое-гдѣ неприкосновенно сохранились. Онѣ замуровывались по близости къ усопшимъ, мирно грезили въ глухомъ мракѣ склеповъ, ждали вещественныхъ приношеній и поминанія.

Что за чудо этотъ, мощно очерченный (изъ неподдающагося рѣзцу зеленоватаго діорита) царь Хефренъ, основатель второй по высотѣ пирамиды! Съ опущенными на колѣни руками, онъ спокойно возсѣдаетъ на креслѣ, со львиными головами на ручкахъ. Чертамъ лица придана художникомъ нѣкоторая выразительность; сильная грудь какъ-бы собирается вздохнуть. Эту статую, вмѣстѣ съ другими, однородными ей, археологи нашли въ обезображенномъ видѣ на днѣ колодца, — откуда онѣ, быть можетъ, ждали освобожденія, подъема къ свѣту, къ солнцу, въ ту высь, для обладанія которой ихъ живой прообразъ, фараонъ Хефренъ, стремился вознести созидаемую имъ твердыню!

Въ строгомъ взглядѣ сосѣдней фигуры жреца съ парикомъ на головѣ (застывшаго на своемъ пьедесталѣ, со свиткомъ папируса въ сжатой длани) сказывается оцѣпенѣніе. Но за то опять дышетъ жизнью небольшихъ размѣровъ деревянный «толтякъ» съ палкою, на ногахъ, придѣланныхъ уже для музея. Добродушный обликъ проникнутъ подвижностью; иллюзія увеличивается конструкціей глазъ, въ составъ которыхъ вошли: бѣлый кварцъ, бронза, кристаликъ, серебряный гвоздикъ. Нашедшіе эту статую рабочіе съ удивленіемъ отыскали въ ней огромное сходство со своимъ «мѣстнымъ старшиной» и воскликнули: «нашъ шейхъ эль бэлэдъ»! Подъ такимъ прозвищемъ изображеніе стало извѣстно всему просвѣщенному міру и наглядно доказываетъ, какъ мало съ древнѣйшихъ временъ измѣнился египетскій народъ, обладавшій, такъ сказать, способностью впитывать и ассимилировать пришлые элементы.



ВЪ ГИЗЭССКОМЪ МУЗЕѢ.

Посѣтителя поперемѣнно притягиваютъ внѣшностью то наивная фигурка египтянина, мѣсящаго хлѣбъ, то крайне реальное, художественное изображеніе египтянки, стирающей бѣлье, то статуя колѣнопреклоненнаго, подобострастно ожидающаго приказаній раба — писца. Забота художника о сходствѣ этихъ статуй съ дѣйствительностью пишетъ ихъ, положимъ, идеалистическаго оттѣнка, который такъ краситъ все, сохранившееся отъ классической старины; но это въ сущности и не нужно, такъ какъ гармонируетъ вполнѣ съ характеромъ народа, вспоеннаго нильскими водами: ему мало улыбалась возможность для человѣческаго генія пользоваться крыльями, — напротивъ, центромъ культа, даже въ загробномъ мірѣ, являлась земля и

вообще все земное, не преображенное сверхчувственною красотой. Не оттого-ли сама почва здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, сберегла потомству тайны вѣковъ и нетлѣнные слѣды давно исчезнувшей культуры?

Мало-по-малу она возстаетъ во многихъ ничтожнѣйшихъ подробностяхъ. Даже драгоцѣнности (т. е. то, изъ-за чего грабителями нарушался покой незыблемѣйшихъ гробницъ) — и онѣ изрѣдка въ цѣлости открываются археологіи. Лучшее по этой части, въ количествѣ 213 вещей, найдено при муміи царицы Аахотепъ, супруги или матери Ахмеса, изгнавшаго гиксосовъ изъ страны. Въ музеѣ выставлены принадлежавшіе ей: зеркало, великолѣпный кинжалъ, браслеты и «узехъ» — ожерелье, прикрѣплявшееся на грудь усопшимъ; его составляютъ превосходно сдѣланныя золотыя фигурки разныхъ животныхъ, очертанія цвѣтковъ, кресты. На одномъ запястьѣ можно видѣть коршуна, расправляющаго крылья. Имѣется также голова льва, какъ эмблема безстрашія. На богатой сѣкирѣ главнокомандующаго, съ рукояткою изъ кедроваго дерева, выдѣляются лотосы, а на оборотѣ — фараонъ, замахнувшійся на опрокидывасмаго иноземца, и богъ войны Монту, парящій надъ ними со своимъ орлинымъ клювомъ. Простая телѣжка, на бронзовыхъ колесикахъ, подпираетъ массивную модель пироги изъ драгоцѣннѣйшаго металла. Въ ней находятся, считая серебряныхъ гребцовъ, пятнадцать изображеній. Предметы искусно сгруппированы въ витринахъ, заманчиво приковываютъ взоръ изъ-подъ стекла, откуда также выглядываютъ древнія фарфоровыя издѣлія, утварь, ткани, оружіе, платье, даже парики. На освобождающейся отъ забвенья обстановкѣ лежитъ печать грусти, присущая положительно всему, что обступаетъ въ музеѣ каждаго сознательнаго посѣтителя.

ОБРАЗЪ БОГИНИ ХАТОРЪ.

Если долго ходить по Гизэсскому музею, то связь съ его сокровищами и съ его обитателями незамѣтно крѣпнетъ. Начинаешь понимать, почему выдающіеся люди нашей эпохи посвящали себя уясненію стародавнѣйшихъ временъ Египта, — восторгаешься, видя плоды ихъ изслѣдованія, — глубже и глубже вникаешь въ неугасающую для насъ, хотя и отлетѣвшую жизнь. Прежніе почти доисторическіе туземцы до безумія дорожили ею, всячески пытались себя обезсмертить, превзошли другіе народы въ умѣньи создавать по истинѣ незыблемые памятники. Разрушеніе дохнуло на многіе славные міры прошедшаго, такъ что отъ нихъ доносится порою только отзвукъ. Принильская культура точно не хочетъ или не можетъ умереть: могильныя плиты продолжаютъ повѣствовать о томъ, кто былъ и что было. Иные обломки статуй краснорѣчивѣе многихъ уцѣлѣвшихъ изображеній.

Надъ челомъ одной изъ нихъ — какая-то глыба, представляющая собою вѣнецъ. Туловище разбито. Голова изъ темнаго гранита, приписываемая фараону Менефта, — погнавшемуся за Моисеемъ и его соплеменниками, — поражаетъ тонкостью исполненія и задумчивою выразительностью.

Въ музеѣ много боговъ, — такъ много, что европеецъ подавленъ этимъ символизмомъ. Образы, почитавшіеся древними египтянами, столь странны и смутны, до того подчасъ нечеловѣчны по своей внѣшности, что, при всемъ желаніи ближе познать эту религію, ни разумъ, ни фантазія не позволяютъ дойдти до сравнительно тѣснаго общенія съ подобными вѣрованіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о неразрывности матеріи и духа крайне просто и понятно выражена на первобытныхъ памятникахъ. Напримѣръ, на небольшомъ подобіи бѣлаго саркофага имѣется начертаніе на крышкѣ, которымъ высказано пожеланіе, чтобы высшія силы даровали покойнику загробныя блага. Внутри сдѣлана какъ-бы мумія маленькихъ размѣровъ изъ гранита, и около нея притаилась душа (въ видѣ птицы съ человѣческимъ обликомъ и руками). Первая холодною недвижностью дѣйствительно являетъ изъ себя трупъ, тогда какъ вторая полна вниманія и надежды, протягиваетъ ручки къ небьющемуся сердцу усопшаго, словно въ чаяніи, что вотъ-вотъ въ бездыханной груди проснется біеніе. Согласно вѣрованію египтянъ, отдѣленная отъ тѣла и жаждущая съ нимъ опять соединиться душа иногда снова въ него возвращается, возрождаясь тѣмъ самымъ къ болѣе счастливому существованію. Маленькое гранитное изображеніе души среди стѣнъ Гизэсскаго музея дѣйствительно какъ-будто ждетъ пробужденія жизни въ родной ей каменной муміи, не сводитъ съ нея глазъ, забываетъ, что прошли и еще безконечно протянутся вѣка, гранитъ же остается безгласенъ и нѣмъ. Искусство сосредоточивало тутъ свой геній, для уясненія идеи о значеніи сердца, а его-то именно и нѣтъ!

ПРОФИЛЬ ИЗСОХШАГО ФАРАОНА.

По витринамъ распредѣлены разные предметы культа, — мѣстные и занесенные изъ-за границы, съ востока. Послѣдніе любопытны до извѣстной степени, но плохо гармонируютъ съ произведеніями чисто египетскаго характера. Поражающимъ умозрѣніямъ Азіи вообще трудно было прививаться на африканской почвѣ. Мало-по-малу они, конечно, стали усвоиваться на Нилѣ, но только при извѣстномъ подъемѣ туземной религіи, и притомъ въ новыхъ облагороженныхъ формахъ. Поэтому раньше проникавшіе сюда семитическіе боги (съ копьями, мечами, шлемами и щитами) казались, вѣроятно, предкамъ феллаховъ столь же чуждыми, какъ и намъ. Спрашивается, что думать хотя бы о божествѣ Бэсѣ, въ роли пляшущаго уродливаго покровителя музыки, или о немъ же, изображенномъ на лотосѣ, съ ребенкомъ, котораго онъ, повидимому, хочетъ пожрать? Наука приходитъ, повидимому, къ выводу, что этотъ религіозный образъ унаслѣдованъ въ своей основѣ изъ глубочайшей древности, отъ потѣсненныхъ на югъ негровъ.

Пора, однако, оторваться отъ мертваго по духу и заглянуть въ совершенно особую область мертваго по плоти, т. е. подойдти къ многочисленнымъ тѣламъ болѣе или менѣе именитыхъ египтянъ, которые нашли едва-ли не окончательное успокоеніе въ гостепріимныхъ стѣнахъ одного дворца въ предмѣстьи Гизэ, у самаго Каира. Большинство подобныхъ же лицъ безславно погибло раньше того, при воровскихъ расхищеніяхъ всего, что прельщало въ каждой выдающейся усыпальницѣ. Время развѣяло прахъ туземныхъ владыкъ и вельможъ. Остались лишь избранные судьбою, извлечены на свѣтъ, отданы на зрѣлище суетной толпѣ, составляютъ отдѣльные нумера каталога, одинаково говорящаго о всякой мелочи древняго быта о тѣхъ, въ кого вѣрилъ и кому поклонялся по своему великій

народъ. Чей удѣлъ лучше, — уцѣлѣвшихъ, въ силу непонятнаго рока, или смѣшавшихся съ матерью-землею, — на это, должно быть, есть только одинъ отвѣтъ.

При видѣ мумій какъ-то грустно подумать, чѣмъ онѣ были и что изъ себя представляютъ. Когда раскутали малорослаго (подобно Наполеону) Тотмеса III, доведшаго Египетъ до апогея могущества, еще задолго до Моисея, — трупъ вскорѣ разсыпался. Въ 1886 г. Масперо изслѣдовалъ тѣло Рамзеса II Великаго. Предстала широкоплечая фигура столѣтняго старца, съ руками, сложенными на груди, дико величественнымъ выраженіемъ землистаго лица, маленькимъ энергичнымъ ртомъ, выдающимся подбородкомъ, длиннымъ горбатымъ носомъ, низкимъ лбомъ, густыми волосами, слегка пожелтѣвшими отъ бальзамировки, и отверзтіями въ ушахъ для серегъ. Открытый тогда же Сети I, отецъ предъидущаго, оказался очень на него похожимъ, всѣхъ поразилъ своимъ профилемъ и отпечаткомъ привѣтливости на тонкихъ мирно застывшихъ чертахъ.

Не каждый фараонъ могъ одинаково спокойно смежить очи для вѣчнаго сна. Иная мумія нагляднѣе героическаго эпоса сама собою свидѣтельствуетъ о минувшемъ. Одинъ изъ найденныхъ въ Ѳивахъ — Тіуакенъ, видимо, былъ отбитъ египтянами уже мертвый, въ бою съ гиксосами. У него большая рана на правомъ вискѣ. Муки смерти отразились на лицѣ. Зубы оскалены. Языкъ прикушенъ. По зіяющей полости рта, разрубленной лѣвой щекѣ и раздробленной нижней челюсти, наконецъ, по огромной трещинѣ въ черепѣ, убѣждаешься, какъ потерпѣлъ этотъ царь отъ иноземцевъ-враговъ до сихъ поръ неопредѣленнаго племени, Богъ вѣсть, откуда притекшаго съ востока, и наводящаго на мысль, не было-ли это первымъ историческимъ нашествіемъ монголовъ. Сраженный ими фараонъ почилъ въ саркофагѣ съ его собственнымъ изображеніемъ извнѣ. Позолота сверху отчасти стерта: эмалевыя очи померкли.

Желтый огромный гробъ Тіуакенова внука Ахмеса тоже украшенъ портретомъ. Прическа, лицо, ожерелье, имена царя на груди — голубоватого цвѣта. Саркофагъ Ахмесовой царицы Нефертари тоже отмѣченъ ея художественно исполненнымъ обликомъ, въ канонической одеждѣ бога Озириса. Сама же она почиваетъ въ видѣ красновато-оранжевой муміи, съ мистическими знаками вокругъ чела. Подобная внѣшность способна непріятно поражать, но еще не возбуждаетъ отталкивающихъ чувствъ, которыя положительно проявляются, когда, напримѣръ, изъ гроба выглядываетъ деревянная маска съ разрисованнымъ картономъ, и притомъ, среди цвѣточныхъ гирляндъ, оцѣпившихъ трупъ отъ ногъ до головы. Тутъ какъ-то совмѣстились: искусственно задержанное тлѣніе, бездушный холодъ поддѣльно-лживыхъ чертъ незнакомаго лица, наконецъ, изсохшіе стебли уложенныхъ съ покойникомъ нѣжныхъ растеній — и надъ всѣмъ этимъ всеобъединяющая смерть, полное отрицаніе столь мучительно-желанной жизни! — И страшно, и таинственно... Говорятъ, на этой именно муміи нашли въ цвѣтахъ осу, вѣроятно, нечаянно заползшую въ нихъ при похоронахъ: ей точно суждено было стать тоже подтвержденіемъ только-что сказаннаго.

Одна изъ царицъ, скончавшаяся въ родахъ, находится въ музеѣ, имѣя при себѣ своего младенца. Одинъ фараонъ, совершенно ветхій отъ старости, ограбленный арабскими кладоискателями, словно забылъ умереть, остановился на извѣстной степени разрушенія, да такъ и застылъ: трудно себѣ представить болѣе отталкивающее, коварное выраженіе! Но и судьба, кажется, немилосердна къ этому трупу, приговоривъ его къ вѣчному жестокому сну среди дворцовой залы, гдѣ посѣтители умиляются передъ надмогильными плитами, изваяніями и останками великихъ царей, а мимо ужаснаго старца проходятъ чуть-ли не съ содроганіемъ.

Здѣсь, кстати, умѣстно вспомнить, чѣмъ собственно было для египтянъ загробное существованіе, чего они тамъ добивались достигнуть, чему ихъ учила странная и несомнѣнно глубокая религія. Если только ясно себѣ это представить, — сугубымъ трагизмомъ проникается обступившій насъ «залъ мертвецовъ»; голосъ укоризны какъ-бы слышится изъ каждаго угла; отраженіе чьей-то неземной печали тускло горитъ на остаткахъ позолоты у саркофаговъ. Все молитъ о забвеньи, не находитъ его, томится и ждетъ, когда надъ древнимъ усталымъ Египтомъ нависнетъ ночь безъ зари, когда жаждущіе слиться въ иномъ мірѣ со свѣтлыми силами вселенной, поймутъ наконецъ, что значитъ блаженство успокоенія.

Въ чемъ же заключалась эта прежняя вѣра? Человѣкъ умираетъ, его тѣло похолодѣло. Надо прибѣгнуть къ балзамировкѣ, вынуть внутренности, натереть кожу и кости асфальтомъ, снабдить усопшаго талисманами, запеленать его полотнищами. Гробъ приспособлялся для дальнѣйшаго священнодѣйствія тѣмъ, что разрисовывался фигурами призываемыхъ на помощь божествъ и расписывался соотвѣтствующими молитвословіями. Опытные люди, напутствуя отошедшаго въ вѣчность, согласно обычаямъ, произносили извѣстныя заклинанія надъ нимъ, чтобы вернуть ему способность рѣчи, зрѣнія, ощущенія своего «я» при чувственныхъ воспріятіяхъ. Но это же «я», одаренное высшимъ разумѣніемъ, отправляется въ царство тѣней, для неумолимо-праведнаго суда, для оправданія себя передъ богами, для вступленія затѣмъ въ сонмъ преображенныхъ благихъ началъ. Послѣднее состояніе духа обусловливалось предварительными блужданіями, требовало борьбы съ силами мрака. Поэтому на обязанности живыхъ лежало, насколько возможно, помогать мертвымъ въ ихъ стремленіи къ конечной цѣли. Общеніе же съ ними поддерживалось черезъ матеріальную среду неосквернённой гробницы, гдѣ лежала крѣпко завернутая мумія.

Духъ ея съ одной стороны наслаждается въ египетскомъ раю, который представлялся подобнымъ землѣ, съ тою разницею, что тамъ нѣтъ несчастій: усопшіе ѣдятъ и пьютъ, охотятся, приносятъ жертвы богамъ, катаются по небесному Нилу и его многочисленнымъ рукавамъ, занимаются дающимъ удивительные урожаи земледѣліемъ. Знатные люди не хотѣли сами работать на томъ свѣтѣ, и по своему простодушію придумали слѣдующую хитрость: или ставили въ богатыя могилы статуи слугъ, долженствовавшихъ ожить въ загробномъ мірѣ, или погребали въ склепахъ муміеобразныя фигурки (ушебти), въ надеждѣ окружить такимъ образомъ замурованнаго хозяина гробницы группою приспѣшниковъ.

Съ другой стороны, духъ хотѣлъ быть вездѣсущъ и любилъ посѣщать свое покинутое тѣло, соединяться съ нимъ, переноситься въ дорогія сердцу мѣста.

Изъ Гизэсскаго музея уѣзжаешь поневолѣ задумчивымъ и потрясеннымъ. На встрѣчу смутно доносится шумъ Каира, всюду замѣтно оживленіе, время измѣряется суетою дня; но долго не можешь забыть и изгнать изъ воображенія картину заглохшаго дворца съ его безпомощными обитателями, когда-то стоявшими во главѣ Египта.

Въ теченіе дня Ихъ Высочества заѣзжаютъ въ главный дворецъ для внесенія Своихъ Именъ въ книгу супруги хедива. Наслѣдникъ Цесаревичъ оставляетъ также визитную карточку принцу Гуссейну-пашѣ.

Подавляющее количествомъ впечатлѣній утро, затѣмъ продолжительный осмотръ египетскихъ древностей еще не даютъ права на полный отдыхъ, который до нѣкоторой степени будетъ вкушаемъ лишь при поѣздкѣ Ниломъ на югъ.

Въ исходѣ седьмаго часа Августѣйшіе путешественники со свитой отправляются на парадный обѣдъ въ Абдинъ, куда приглашено девяносто человѣкъ (въ томъ числѣ всѣ вышеупомянутые русскіе). Кромѣ немногихъ соотечественницъ, здѣсь соберутся еще жены важнѣйшихъ иностранцевъ. Предстоящій банкетъ долженъ отличаться рѣдкимъ блескомъ и сопровождаться новымъ вечернимъ празднествомъ.

Залы, видѣнныя наканунѣ, въ огняхъ пышнѣе и величественнѣе. Шествіе къ столу въ 7½ ч. открывается Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, ведущимъ лэди Бэрингъ. Хозяинъ слѣдуетъ рядомъ. За ними идутъ: его королевское высочество наслѣдный принцъ Шведскій съ г-жею Кояндеръ, принцъ Георгій Греческій съ графинею Ландбергъ, супругою генеральнаго консула Швеціи и Норвегіи, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ съ графинею д'Обиньи (d'Aubigny), женою французскаго представителя, и т. д.

Передъ столовой тянется бальный залъ. Потомъ гости входятъ въ пространство, залитое яркимъ свѣтомъ, среди котораго, перемежаясь съ позолотою и красками окружающаго убранства, у приборовъ пестрѣютъ цвѣты, серебрятся канделябры. На встрѣчу, чередуясь, несутся звуки русскаго, шведскаго, греческаго и египетскаго гимновъ. Спеціальный оркестръ хедива играетъ подъ окнами, въ саду гарема.

За обѣдомъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ сидитъ по правую руку хозяина, по лѣвую — наслѣдный принцъ Шведскій. Напротивъ — принцъ Гуссейнъ-паша. Подлѣ него — Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій Греческій.

Музыка играетъ pot-pourri изъ «Жизни за Царя», шведскій маршъ «Koenig Iven Gardets», вальсъ Лорана «Alexandre Romanoff», греческій маршъ, pot-pourri изъ Мейербэровской «Сѣверной звѣзды» и фантазію «Les patineurs» (danse russe).

Въ заключеніе, послѣ 8½ ч. Августѣйшія Особы покидаютъ столовую подъ звуки 4-хъ вторично исполненныхъ гимновъ. Общество наполняетъ парадные пріемные покои, выходящіе на Абдинскую площадь. Разносится кофе. Наслѣднику Цесаревичу представляются г. Кояндеромъ нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ.

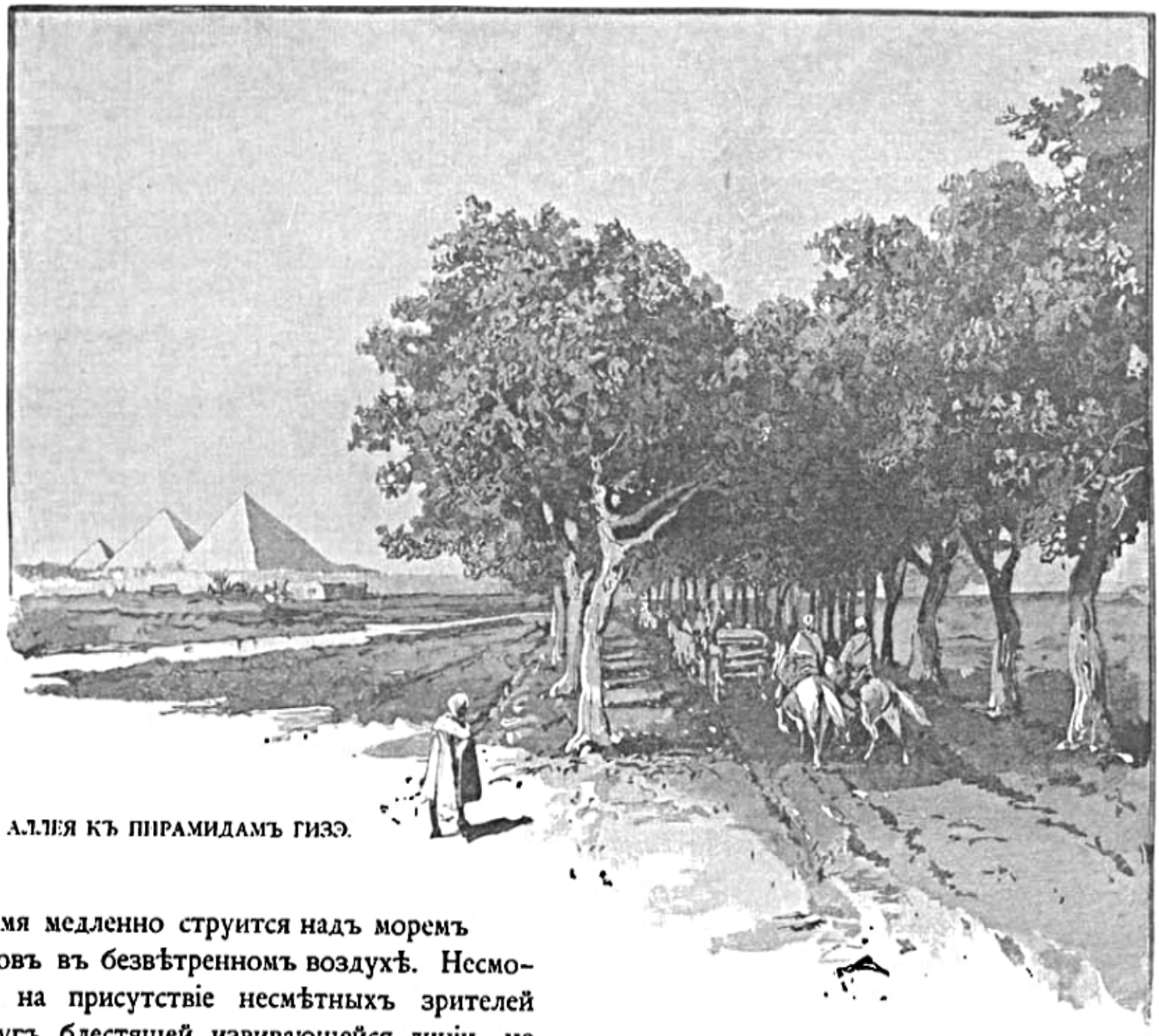
Окна открыты. Живительная прохлада вливается въ жаркія комнаты дворца. Всматриваясь въ группы гостей, — на этомъ рубежѣ мусульманскаго Востока, смѣлѣе и въ то же время самобытнѣе другихъ единовѣрныхъ государствъ воспринимающаго западное вліяніе, — какъ-то не сразу отдаешь себѣ отчетъ, гдѣ собственно находишься: ни одной туземной представительницы прекраснаго пола, рѣзко замѣтное отсутствіе хозяйки-властительницы — и параллельно съ тѣмъ по европейски воспитанные паши, непринужденно говорящіе съ дамами, — стѣны чертога преемника фараоновъ, неотмѣченные безусловно ничѣмъ африканскимъ, — темныя наглухо застегнутыя «стамбулины» (платье, вродѣ сюртука) мѣстныхъ сановниковъ съ неизбѣжными фесками, — что-то общее въ строгой простотѣ одежды и въ привѣтливости обращенія у всѣхъ египтянъ, начиная отъ самого хедива и его брата... Контрасты слишкомъ бросаются въ глаза.

Десятый часъ. Ихъ Высочества переходятъ изъ угловой залы, гдѣ происходилъ вчера первый пріемъ, на балконъ. Сейчасъ должно прослѣдовать мимо насъ грандіозное факельное шествіе, устраиваемое преимущественно греческою колоніею, подъ главнымъ руководствомъ г. Амвросія Синадино, вообще взявшаго на себя важнѣйшія хлопоты для достойнаго пріема Августѣйшихъ путешественниковъ.

Площадь почти темна и безмолвна. Справа чуть-чуть бѣлѣетъ однообразный дворцовый фасадъ, — слѣва неясно проступаютъ толпы народа: опредѣляются фигуры людей съ фонарями, съ факелами. Вереницы огоньковъ и свѣточей все ростутъ и ростутъ,

кажутся безконечными. Достаточно сказать въ поясненіе, что въ приближающейся процессіи принимаетъ участіе отъ шести до восьми тысячъ человѣкъ, изъ коихъ приблизительно три освѣщаютъ путь. Когда она, окончательно сформированная на Оперной площади, двинулась къ Абдину, — первые ряды ея уже были въ виду его, пока послѣдніе еще терялись въ прилегающей улицѣ.

Стройно близится торжественное шествіе вдоль дворца. Впереди — всадники въ полицейской формѣ. За ними многочисленные музыканты (включившіе, между прочимъ, два военныхъ оркестра). По бокамъ участвующихъ въ факельной процессіи, — въ которую также вошли Эллинскія школы, — идутъ солдаты туземной пѣхоты съ фонарями.



АЛЛЕЯ КЪ ПИРАМИДАМЪ ГИЗЭ.

Пламя медленно струится надъ моремъ головъ въ безвѣтренномъ воздухѣ. Несмотря на присутствіе несмѣтныхъ зрителей вкругъ блестящей извивающейся линіи, не слышно ни народнаго говора, ни отдѣльныхъ голосовъ.

Ихъ Высочества стоятъ у перилъ погруженнаго въ тѣнь балкона. Дойдя до него, шествіе вдругъ охватывается шумнымъ смятеніемъ. Гимны гремятъ въ честь хедива и Гостей. Несмолкающія ликованія потрясаютъ площадь. Греческое «зито» въ своихъ взрывахъ восторга не поддастся описанію.

Начинается фейерверкъ, довести который до высшей степени изящества и изобрѣтательности въ состояніи лишь Востокъ. Море огня бушуетъ, переливается всевозможными цвѣтами, еле зыблется въ свѣтлой мглѣ или же ярче прежняго вспыхиваетъ, разгорается

и снова меркнетъ. Среди застилающей зрѣлище темноты одиноко пламенѣютъ иные столбы крутящагося пламени и безпомощно вертятся погасающія огненныя колеса.

Изъ богатаго разнообразіемъ фейерверка наиболѣе врѣзываются въ память чрезвычайно искусно и какъ нельзя болѣе кстати сдѣланные пароходъ и локомотивъ, долго пламенѣвшіе и двигавшіеся передъ взорами Августѣйшихъ путешественниковъ.

Около десяти часовъ Абдинская площадь — въ густомъ дыму. Факельное шествіе устало скользитъ по ней обратно къ центру города. Второй день въ Каирѣ глубиною вызванныхъ въ сознаніи образовъ и волшебствомъ обстановки нисколько не уступаетъ предъидущему: а давно-ли казалось, что ему не можетъ быть равнаго, что пережитое вчера неизгладимѣе всякаго другаго настоящаго?

Вторникъ, 13 (25) ноября.

Утромъ въ Гизэ пріѣхали представиться главные члены мѣстной православной общины, съ 93-хъ лѣтнимъ іерархомъ, Блаженнѣйшимъ Софроніемъ во главѣ, уже 18 лѣтъ управляющимъ Александрійскою Церковью.

Блаженный патріархъ обратился къ Наслѣднику Цесаревичу со слѣдующими словами:

«Ваше Императорское Высочество!

«Старѣйшая Церковь Апостольскаго и патріаршаго Александрійскаго престола чрезъ меня, своего предстоятеля, радостно привѣтствуетъ благополучное прибытіе Вашего Императорскаго Высочества, Наслѣдника благочестивѣйшей Всероссійской Державы, въ сопровожденіи свѣтлѣйшей дружины, и вѣнчаетъ честную и высокую главу Вашу Своими материнскими молитвами и благословеніями, подобающими и благочестивому избранному Ея Чаду, и будущему Отцу и Властителю безчисленнаго православнаго народа, съ которымъ сердце тѣсно связано единствомъ догматовъ и единствомъ того же Божественнаго Небеснаго ученія Богочеловѣка Христа.

«Ваше Высочество! Да будетъ препрославлено Святое Имя Небеснаго Царя за то, что въ Вышнемъ Своемъ Промыслѣ Онъ неразрывными узами Святой Своей вѣры, какъ златою цѣпью, содержитъ въ единеніи тѣ народы, кои поставлены отъ Него стражами православія и защитниками чистой и непорочной Невѣсты Избавителя Святой Церкви. Да ниспошлетъ Всеблагій Богъ, какъ небесную росу, Божественную Свою благодать и благословеніе на все Императорское Семейство, соблюдая Его здравымъ, свободнымъ отъ всякаго зла и бѣдствія, да укрѣпитъ, охранитъ, весь русскій народъ, во славу Пресвятаго Своего Имени, въ радость и огражденіе Единой Святой Каѳолической и Апостольской Матери нашей Церкви.

«Мы же, радуясь о томъ, что удостоились принять Высокаго Наслѣдника пространнаго Русскаго Царства — Великаго Князя Николая Александровича, отъ глубины растроганнаго отеческаго сердца нашего преподаемъ Вашему Императорскому Высочеству съ дружиною патріаршія наши молитвы и благословенія. Благодать Великаго Бога да будетъ съ Вами во всѣ дни Вашей жизни, направляя всѣ стопы Ваши.»

Вслѣдъ затѣмъ Августѣйшему путешественнику представлялся Коптскій патріархъ Кириллъ, духовный представитель четырехсотъ-тысячной монофизитской общины въ Египтѣ, іерархическій глава Абиссинской церкви, вождь цѣлой замкнутой въ себѣ народности, упорно отстаивающей въ теченіе четырнадцати столѣтій свои религіозныя убѣжденія и свои рассовыя особенности. Само ея наименованіе — вѣроятно, искаженіе общепринятаго

греческаго названія, даннаго принильскому государству, или происходитъ отъ стараго верхне-египетскаго города «Коптосъ».

Незадолго до полудня Ихъ Высочества сѣли со свитою въ большой шарабанъ и отправились къ ближайшимъ отъ Гизэ пирамидамъ. Лихо понесся сопровождающій конвой. Тѣнистыя аллеи замелькали по сторонамъ. Жара чувствовалась въ воздухѣ, но не тяготила.

Не прошло еще и вѣка, что пересѣкаемая нами мѣстность, — хотя изобиловала палатами мамелюковъ, являла собою укрѣпленный разбойничій центръ и притягивала купцовъ въ ихъ богатый лагерь, — однако, въ общемъ представляла палимое солнцемъ, на половину обнаженное продолженіе сосѣдней пустыни.

Отсюда предписывались законы Каиру. Здѣсь въ началѣ XVI в. выжидалъ турецкаго нашествія Туманъ-бей. Отважный Мурадъ-бей здѣсь готовился дать отпоръ вторженію Бонапарта.

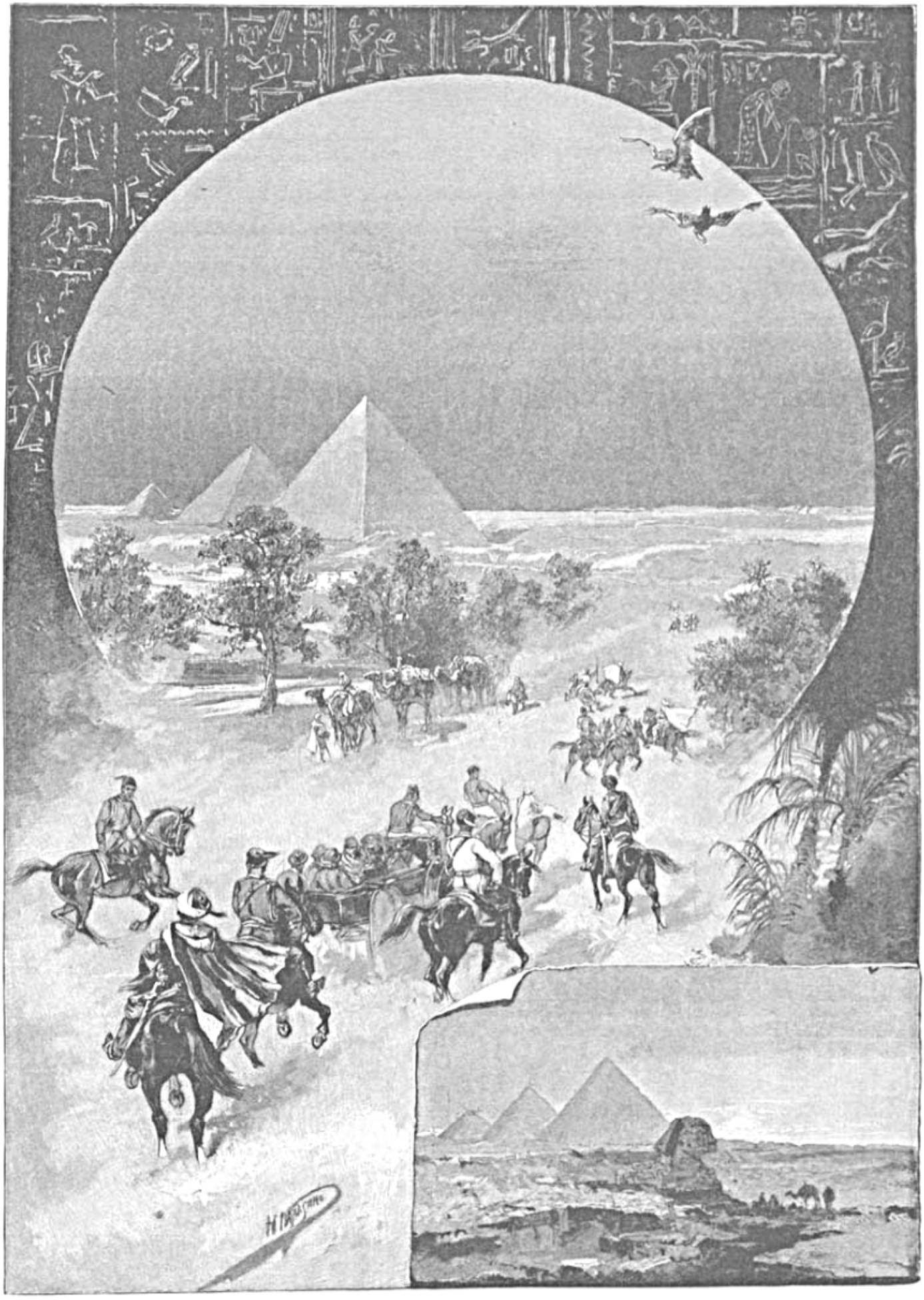
Теперь, благодаря хедиву Измаилу, при дѣятельномъ садоводѣ Барилэ, въ короткое время все окрестъ покрылось растительностью: любо ѣхать подъ зыбкимъ сводомъ деревьевъ, разросшихся именно въ той странѣ, гдѣ тѣнь отъ нихъ — такая рѣдкая услада. Отецъ Тевфика-паши, въ его заботахъ о процвѣтаніи довольно запущенныхъ предмѣстій столичнаго города, сразу ихъ возродилъ и преобразилъ. Простаго разумнаго распоряженія было достаточно, чтобы изъ утомительнѣйшей экскурсіи въ эту сторону Ливійскихъ песковъ сдѣлать пріятнѣйшую прогулку. Лошади бодро бѣгутъ впередъ. Настроеніе безоблачно. Не только ждешь, но жаждешь новыхъ неизвѣданныхъ впечатлѣній.

Еще недавно, по направленію къ пирамидамъ Гизэ, широко разливалось наводненіе, и среди временнаго потопа, точно островки, сѣрѣли пригорки съ деревнями. Теперь оно отошло, оставляя сравнительно незначительные слѣды. Посѣвы видны вдоль дороги. Пѣвучіе жаворонки подымаются съ нихъ въ лучезарную высь. Пирамиды кажутся такъ близки, что мы уже почти доѣхали до нихъ; а между тѣмъ, разстояніе еще довольно значительно: это просто обманываетъ зрѣніе ихъ невѣроятная величина, отсутствіе предъ ними чего-нибудь, что разнообразило бы мѣстность, наконецъ, прозрачность воздуха.

Отъ деревни Гизэ къ великимъ памятникамъ старины, вознесшимся на предгорьи, у порога пустыни, ведетъ совершенно прямое шоссе, слегка приподнятое надъ наводняемою окрестностью и засаженное акаціями. Листва надъ головой такъ густа, что не вездѣ даже просвѣчиваетъ лазурное небо. На его свѣтломъ фонѣ впереди не менѣе свѣтлы треугольники пирамидъ, — и, странно сказать, въ отдаленіи онѣ представлялись еще громаднѣе.

Что онѣ такое были въ древности? для чего созданы? Прежде въ видѣ объясненія говорили: для того, чтобы хранить въ нихъ зерно, или спасать сокровища знанія отъ наводненій, или служить маяками для заблудившихся въ пустынѣ, или ради удовлетворенія тщеславія фараоновъ, или, наконецъ, съ цѣлью производить астрономическія наблюденія. Теперь говорятъ: онѣ воздвигнуты исключительно, какъ могилы. Но зачѣмъ эта неизмѣримая вышина, отчего не предпочиталось видѣть тѣла просто въ нѣдрахъ земли?

Издали пирамиды довольно ясно напоминаютъ горы. Историки думаютъ, что египетскій народъ, въ лицѣ основателей его культуры, явился съ востока. Съ другой стороны мы знаемъ, какъ въ Азіи съ незапамятныхъ временъ чтутся возвышенности: имъ придается таинственное религіозное значеніе, въ нихъ или на нихъ погребаются именитые усопшіе. Можетъ быть, это — и чересчуръ смѣлая гипотеза, но почему не сказать себѣ, что



ГЛАВНЫЯ ПИРАМИДЫ И СФИНКСЪ.

разъ область мертвецовъ предполагалась на западной сторонѣ, а на этомъ берегу Нила, у древней столицы (близъ Каира) не было горъ, — таковыя искусственно создавались, чуть-ли не въ силу безсознательно упорной традиціи почитать ихъ и придавать возвышенностямъ священный характеръ (особенно при погребеніи царей). Само названіе «пирамиды» происходитъ будто-бы отъ слова «пи-рама» (гора).

Аллея кончается. Шарабанъ Ихъ Высочествъ быстрѣе мчится по гладкой дорогѣ. По бокамъ ея вырисовываются всадники-бедуины (въ живописнѣйшей одеждѣ, съ разнообразнымъ вооруженіемъ). Сухощавые, мускулистые, бронзовые отъ загара — ни одинъ изъ нихъ по внѣшнему виду не похожъ на другаго, — точно ихъ выставили отличныя другъ отъ друга племена. По мѣрѣ слѣдованія экипажа мимо этихъ «сыновъ пустыни», они вскачь, съ гикомъ обгоняютъ Августѣйшихъ путешественниковъ, горячатъ кровныхъ коней, машутъ ружьями и значками на копьяхъ, каждою горделивою складкой плаща напоминаютъ, чѣмъ должны были быть съ незапамятныхъ временъ непокорные арабы-кочевники. Краски воплотились въ движенье, движенье — въ краски.

Передъ подъемомъ къ этимъ памятникамъ тысячелѣтій, — близъ дороги, смѣлымъ изгибомъ подымающейся къ нимъ, — предпріимчивый европейскій духъ уже соорудилъ гостинницу для скучающихъ и пресыщенныхъ туристовъ, которыми ежегодно наводняется принильская долина. Говорятъ, идетъ рѣчь о проложеніи сюда желѣзнодорожной вѣтви. Лошади съ трудомъ тащатъ экипажъ въ гору. Море песка надвигается со всѣхъ сторонъ, безсильно замираетъ только у подножія трехъ главныхъ пирамидъ. Остальные надгробные памятники одинаковаго типа, свидѣтельствовавшіе о погребеніи здѣсь лицъ, близкихъ древнимъ фараонамъ, давно стали ничтожны, малозамѣтны. Чѣмъ-же характерны треугольные колоссы, уцѣлѣвшіе среди окружающаго пустыря?

Нѣкогда они были будто бы гладко отполированы, одѣты мраморными плитами, снабжены безчисленными надписями, украшены позолотой. Нынѣ это — неуклюжія глыбы, особенно пирамида царя Хеопса. Навороченныя другъ на друга какъ бы руками титановъ, ополчившихся въ своемъ безуміи на небеса, онѣ кажутся совершенно нечеловѣческимъ, трудно постижимымъ созданіемъ. Уходя въ страшную высь, сплотившіеся во вторую Вавилонскую башню камни искушаютъ природу, дразнятъ позднѣйшую технику, стоятъ надъ пигмеями-людьми вродѣ стражей вѣчности.

«Все боится времени, но и оно страшится пирамидъ» гласитъ глубокомысленное арабское изреченіе. Только находясь въ непосредственной близости отъ нихъ, понимаешь его истинное значеніе.

Насъ увѣряютъ, что надъ построеніемъ этихъ математически точно задуманныхъ и тщательно воздвигнутыхъ массъ древнее населеніе работало десятки лѣтъ, выставляя сотни тысячъ безвѣстныхъ тружениковъ. Вожаки толпы — мудрые, какъ языческіе боги или какъ традиціонный змій — умѣли направлять къ опредѣленной цѣли необычайную силу терпѣнія и кротости туземнаго народа. Фараонъ прославлялся и дѣлался равенъ небожителямъ. Подданные грѣлись въ лучахъ «воплощеннаго солнца», правившаго Египтомъ. Гдѣ человѣчество жило и мыслило при такомъ порядкѣ вещей, еще не было разлада внутри государства, — напротивъ, царило нѣкотораго рода благополучіе.

Деревянный «шейхъ-эль-бэлэдъ», котораго мы вчера видѣли въ музеѣ Гизэ, служа образцемъ тогдашнихъ распорядителей при постройкахъ, въ качествѣ точнаго подобія усопшему, являетъ изъ себя незлобиваго и едва-ли слишкомъ строгаго человѣка.

Пять минутъ перваго. Передъ нами высится небольшой павильонъ, приготовленный пышнымъ хедивомъ Измаиломъ для встрѣчи императрицы Евгеніи при открытіи Суэзскаго канала. Надо замѣтить, что мусульманскій владыка принималъ ее тогда съ неслыханнымъ блескомъ и роскошью, — точно Саломонъ Савскую царицу.

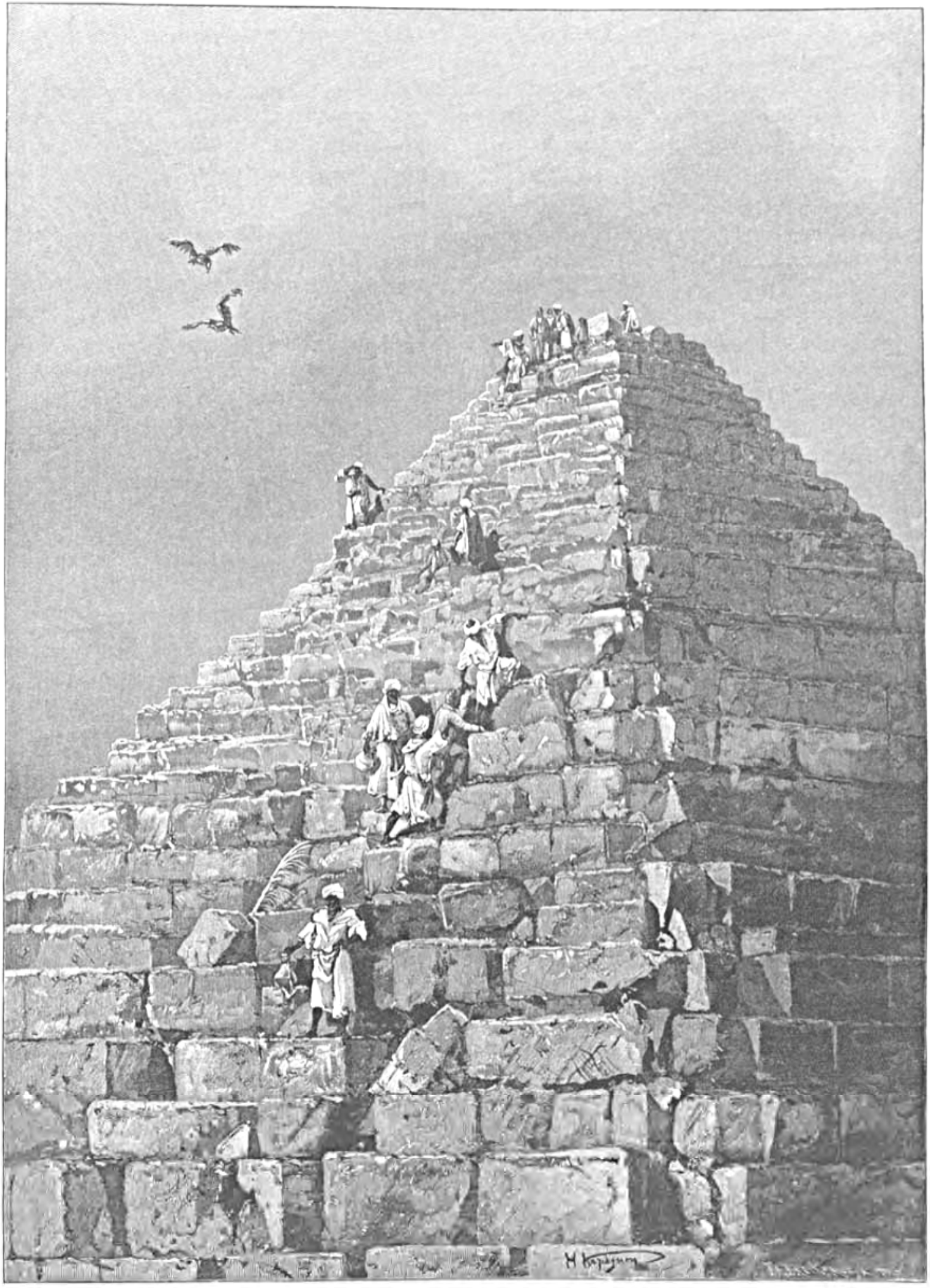
Кругомъ все голо, уныло, слито въ однозвучно-желтый цвѣтъ. Шарабанъ Августѣйшихъ путешественниковъ останавливается. Самъ хедивъ встрѣчаетъ Гостей у древнихъ памятниковъ своей страны. Рядомъ съ нимъ — наслѣдный принцъ и наслѣдная принцесса Шведскіе.

Арабы, свыкшіеся съ пирамидами, предлагаютъ свои услуги желающимъ совершить восхожденіе на пирамиду Хеопса. Ступеней въ сущности нѣтъ. Надо взбираться по уступамъ, изъ коихъ многіе почти на половину въ ростъ человѣческій. Чѣмъ дальше подымаешься отъ земли, тѣмъ страннѣе испытываемое ощущеніе. Это не то, что подыматься на башню или вообще по безконечной лѣстницѣ. Тамъ чувствуешь себя стѣсненнымъ извнѣ и мало въ чемъ отдаешь себѣ ясный отчетъ. Тутъ же находишься постоянно подъ открытымъ знойнымъ небомъ. Три туземца поддерживаютъ, подталкиваютъ и притягиваютъ, не давая времени опомниться. Мало-по-малу дыханіе прерывается. Предметы внизу принимаютъ микроскопическій видъ. Надъ головой тянется рядъ теряющихся въ лазури громадъ, — одна другой могучѣе, одна другой горделивѣе... Всѣхъ ихъ влечетъ къ вершинѣ, имѣющей объединить отдѣльныя точки, слить ихъ въ гармоническое цѣлое, уподобить сооруженіе міровому сочетанію силъ, которымъ царь — наивысшее таинственное начало. Кровь стучитъ въ виски. Съ запекшимися губами, съ полуослѣпленнымъ взоромъ, судорожно дыша, ввѣряешься помощи проводниковъ-арабовъ и машинально двигаешься впередъ. Они же прыгаютъ, словно дикія кошки, цѣпляются за неровную поверхность съ проворностью обезьянъ, не проявляютъ ни малѣйшихъ признаковъ утомленія и съ какимъ-то любопытствомъ или, быть-можетъ, даже ироніей всматриваются въ иностранцевъ, совершающихъ всхожденіе. Они вѣдь за это не получаютъ денегъ, напротивъ, сами тратятся, да еще, вдобавокъ, устаютъ!.. Странные чужеземцы!.. Въ 70-хъ годахъ два знаменитыхъ скрипача, венгерецъ Рэмени, лучшій изъ исполнителей чардаша, и престарѣлый скандинавецъ Ole Bull (послѣдній — по совѣту и желанію Шведскаго короля) поднялись съ инструментами на пирамиду Хеопса, исключительно ради того, чтобы на ней поиграть. Окрестные жители, конечно, только диву давались, глядя на способы и побудительныя причины взлѣзанія наверхъ.

Если присядешь отдохнуть, какой-нибудь неотвязный мальчикъ-туземецъ соблазняетъ глотнуть изъ грязнаго глинянаго кувшина, путешествующаго вмѣстѣ съ нимъ взадъ и впередъ по пирамидамъ. Затѣмъ слышатся сначала робкія предложенія (какъ бы вскользь), а пототъ ужъ и убѣдительныя просьбы купить мнимо-древнія бездѣлушки. Но видишь близкую верхушку, чувствуешь себя у желанной цѣли и простодушно относишься къ простодушному лукавству этихъ кормящихся стариною людей. Они, между прочимъ, выражаютъ охоту взбѣжать на сосѣднюю огромную пирамиду Хефрена и столь же быстро сойдти, рискуя каждую минуту сломать себѣ шею.

Такими же способностями искони отличались жители этой мѣстности. О томъ говорятъ уже классическіе писатели.

Кто не находитъ удовольствія въ подобномъ зрѣлищѣ, — отклоняетъ приставанье неутомимаго проводника и съ удвоенною энергіею торопится къ площадкѣ, образовавшейся на слегка разрушенной вершинѣ. Издали она казалась только притупленнымъ остріемъ. Теперь убѣждаешься въ размѣрахъ этой надломленности. Площадка занимаетъ около 25



ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА НА ВЕРШИНѢ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА.

или 30 кв. футовъ. Иные вывороченные камни даютъ тѣнь въ разгарѣ дня. Воздухъ вокругъ точно хрустальный. Раньше всѣхъ взошелъ, сегодня 13-го ноября, на пирамиду Хеопса Наслѣдникъ Цесаревичъ.

По направленію къ городу полосы зелени сквозятъ среди слѣдовъ недавняго наводненія. Муравьиными тропинками гдѣ-то мелькаютъ дороги. Въ голубоватомъ туманѣ теряются очертанія земныхъ жилищъ, храмовъ, дворцовъ. Мокаттамъ и крѣпость кажутся огненно-красными.

А взглянешь въ сторону Ливійской пустыни (съ неизмѣримой высоты Хеопсова сооруженія), вездѣ разстилаются пески, да торчатъ нагія скалистыя возвышенія: нѣтъ тамъ границъ ужасному безлюдью, — все безцвѣтно, беззвучно, не отмѣчено даже надгробными памятниками. За то подъ нашими ногами громоздится необозримый матеріалъ для мавзолеевъ. Его столько, что изъ него можно бы сложить десятки готическихъ соборовъ средней величины! Досужіе смертные изчислили, будто изъ этихъ глыбъ можно построить стѣну (выше роста человѣческаго) длиною вкругъ Франціи или черезъ ширину африканскаго материка, или отъ Англіи до Америки.

Ихъ Высочества (на пирамиду взошли Великіе Князья, Шведскій и Греческій принцы) даютъ разрѣшеніе проводникамъ начертать на помостѣ верхней площадки Свои Имена. Нѣкоторыя изъ лицъ, поднимавшихся съ Ними, тоже пишутъ о совершенномъ восхожденіи, — но, признаться, плохо вѣрится, чтобы эти послѣднія начертанія уцѣлѣли наряду съ первыми.

Поверхность наверху испещрена никому ненужными надписями «туристовъ-эфемеридовъ». Арабы пренаивно соскабливаютъ ими же незадолго предъ тѣмъ вырѣзанныя буквы и спрашиваютъ, что писать взамѣнъ о своихъ новыхъ благодѣтеляхъ. И жалко, и смѣшно!..

Конечно, и тутъ, подолгу, съ глубокимъ почтеніемъ сохраняются иныя имена, принадлежащія Высокимъ посѣтителямъ; но попытки всѣхъ простыхъ путешественниковъ, взбиравшихся наверхъ, въ свою очередь прославить память о себѣ на площадкѣ пирамиды такъ же безполезны, какъ замыселъ одного средневѣковаго евнуха разрушить ее, разобрать по частямъ, сравнять съ землей. Нѣсколько глыбъ тогда дѣйствительно отпало. Громада однако осталась, подавляя дерзновенныхъ презрѣніемъ и несокрушимостью. Остроумно сказано однимъ поэтомъ: «Leur masse indestructible a latlgue le temps». Что собственно могло бы уничтожить эту твердыню? Развѣ только космическій переворотъ, исчезновеніе рода человѣческаго окрестъ карающее дуновеніе Божества на цвѣтущій Египетъ!..

Отсюда съ вѣнца сооруженія понимаешь, почему, еще до ислама, аравитяне издали приходили къ таинственному подножію царской гробницы на богомолье и для жертвоприношеній. Тутъ какъ-бы сказывался безсознательный культъ времени: вѣдь сооруженію Хеопса, по меньшей мѣрѣ, минуло шесть тысячъ лѣтъ!..

До сихъ поръ трудно себѣ представить сколькихъ усилій стоило свести изъ-за рѣки на порогъ Ливійской пустыни весь требовавшійся для постройки пирамидъ матеріалъ и содержать здѣсь огромнѣйшее число рабочихъ. Впослѣдствіе этими гробницами въ свою очередь стали пользоваться въ качествѣ каменоломенъ, но причинили имъ сравнительно мало вреда. Что же тогда думать о напряженіи, когда ихъ воздвигали и когда подвозились неисчислимыя глыбы? Въ сосѣднихъ двухъ памятникахъ слѣдовавшихъ за Хеопсомъ царей клали даже въ основу темный гранитъ, сплавлявшійся черезъ Верхній Египетъ по Нилу отъ нынѣшняго Ассуана (на рубежѣ древней Эѳіопіи).

Тѣла усопшихъ правителей, скрытыя внутри созданныхъ ими вѣчныхъ жилищъ, исчезли безслѣдно. Уже персы вторгались въ нихъ. Мусульмане тщетно искали тутъ кладовъ. Халифъ Мамунъ, преемникъ знаменитаго Гарунъ-аръ-Рашида, довелъ народъ до ропота своими тратами на изслѣдованіе загадочныхъ тайнохранилищъ, съ корыстными цѣлями.

Гробницы трехъ полумиѳическихъ фараоновъ пусты. Посѣщеніе проложенныхъ въ камнѣ ходовъ и покоевъ утомительно, удушливо, — а главное, не особенно интересно.

Въ пирамидѣ «благочестиваго» Менкауры или Микерина, сына Хеопса, найденъ красивый базальтовый саркофагъ. Его послали въ Англію, но перевозившее судно, погибая въ Бискайской бухтѣ, сбросило грузъ. Море скрыло посмертную броню фараона.

Послѣ восхожденія на «могильную гору» Хеопса Ихъ Высочества прослѣдовали въ упомянутый уже раньше павильонъ, гдѣ состоялся завтракъ на 35 человѣкъ. Кромѣ свиты Наслѣдника Цесаревича присутствовали нѣкоторые русскіе, лица, сопровождающія Шведскую наслѣдную чету (баронъ Бликсенъ-Финеке, графъ и графиня де ла Гарди) и нѣсколько египетскихъ сановниковъ.

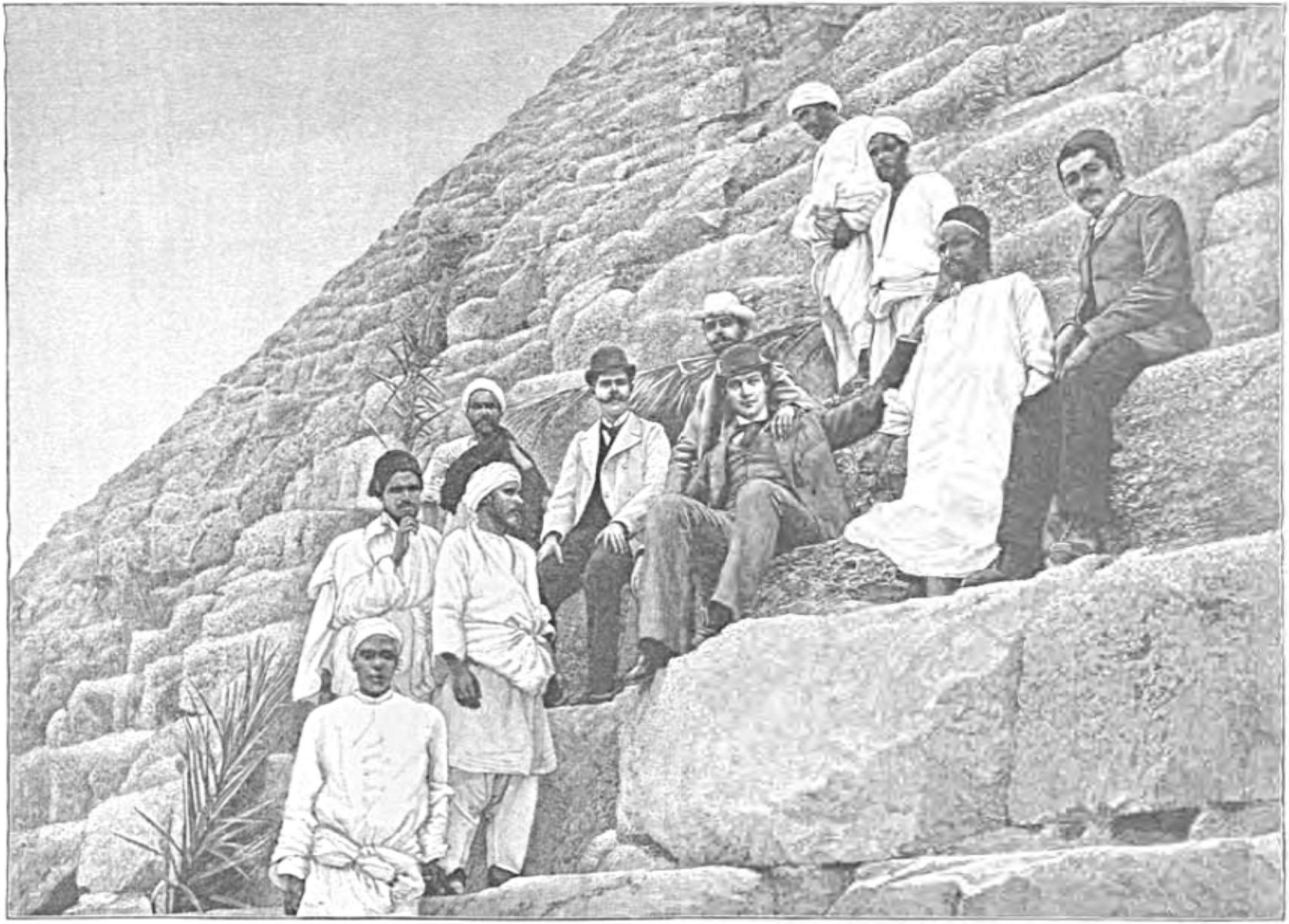
Сойдя затѣмъ на прилегающую къ этому шалэ террассу, Августѣйшіе путешественники короткое время любовались такъ-называемою (на языкѣ туземнаго населенія) «фантазіею». Арабскій шейхъ Мензи устроилъ подобіе военной игры у пустыножителей — бедуиновъ. Сросшіеся съ конемъ дикіе наѣздники гарцовали внизу подъ суровымъ песчанымъ плато, — на которомъ вознеслись пирамиды, — стрѣляли, носились ураганомъ, развертывали въ маломъ масштабѣ картину исконныхъ среди Магометова народа наѣздовъ и стремительныхъ отступленій.

Несмотря на жаръ, предстояло еще обойдти ближайшую окрестность съ уцѣлѣвшими здѣсь замѣчательными памятниками старины. Къ нимъ сначала пошли пѣшкомъ по тропѣ, проложенной сыпучими песками. Это передвиженіе становилось, чѣмъ дальше, тѣмъ утомительнѣе, — особенно, когда въ ногахъ ощущалась возростающая усталость отъ посѣщенія главной пирамиды.

На небольшомъ разстояніи отъ нея, лицемъ къ городу, высится скалистое изваяніе, которое, — если ближе подойдешь и вглядишься въ его странныя очертанія, — получеловѣкъ, съ туловищемъ льва. Верхняя часть фигуры, еще въ средніе вѣка представлявшаяся образцомъ симметріи, духовной красоты и выразительности, изуродована пушечными выстрѣлами мусульманскихъ фанатиковъ. Нижняя уходитъ въ песокъ, который засыпаетъ одинокаго многострадальнаго исполина, со слабыми остатками царственнаго головнаго убора и краски на лѣвомъ вискѣ, съ мучительно искривленнымъ ртомъ, поврежденными ноздрями, гримасой безобразнаго негра.

Туземцы назвали его «Бель-хитъ» («имѣющимъ сердце въ очахъ», «бдительнымъ») или же «Абу'ль-Холъ» («отцемъ страха»). Онъ будто-бы лежитъ при пустынѣ, съ цѣлью оберегать отъ нея плодородную землю, чародѣйною силой отгонять злыя начала. Древній Египтянинъ видѣлъ въ немъ олицетвореніе солнца «Ра» въ фазисѣ восхожденія, пробуждающемъ жизнь среди оцѣпенѣлой ночи. Рядомъ — гробницы, а онъ — символъ безсмертія. Рядомъ — душная и страшная Ливійская степь, а онъ смотритъ на Востокъ, гдѣ подъ его пристальнымъ творческимъ взоромъ радостно струится рѣка, зеленѣютъ пажити и деревья, восхваляютъ небо за его дары безчисленныя человѣческія существа...

Песокъ издавна понемногу заноситъ сфинкса, — точно прилегшаго отдохнуть, — засыпаетъ его туловище, крадется къ самому лику. Такъ было, такъ будетъ. Смѣлое изваяніе появилось гораздо раньше пирамидъ. Между его гигантскими лапами, съ



ИХЪ КОРОЛЕВСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНЫЙ ПРИНЦЪ ШВЕДСКІЙ СЪ АДЪЮТАНТОМЪ БАРОНОМЪ БЛИКСЕНЪ И ПРИНЦЪ ГРЕЧЕСКІЙ СПУСКАЮТСЯ СЪ ПИРАМИДЫ.

незапамятнаго періода, курился жертвенный алтарь. Вихри наметали на него прахъ, и служеніе прерывалось. Набожные правители тогда заботились, какъ-бы отрыть и высвободить изъ-подъ земли державную святыню принильскаго края.

Славнѣйшій изъ фараоновъ, Тотмесъ III, наидалѣе другихъ египетскихъ властителей проникшій въ Азію (въ серединѣ втораго тысячелѣтія до нашей эры), однажды, утомленный охотою на львовъ, когда-то водившихся около древней столицы — Мемфиса, заснулъ у каменнаго человѣка-льва, вблизи котораго мы теперь стоимъ: и видится монарху во снѣ, будто исполинская голова оживаетъ, обращается къ нему, какъ къ сыну, и предписываетъ удалить песокъ, стремящійся ее задушить. Царь просыпается, повелѣваетъ произвести необходимыя работы, ставитъ у могучаго таинственнаго тѣла доску съ надписью, какъ все это случилось.

Въ XIX вѣкѣ за такую же раскопку принимались морякъ Кавилья, Марьэтъ, Масперо, Грэбо. Чѣмъ больше всматриваешься въ него, измѣряя его десятисаженную высоту, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе кажется породившая его эпоха. Неужели же люди, существовавшіе чуть-ли не до Библейскаго потопа, во многомъ художественнѣе и глубже нашего умѣли выражать и воплощать свой идеалъ?

Текстъ книжекъ-путеводителей, упоминая о сфинксѣ, отводитъ ему второе мѣсто послѣ пирамидъ, какъ-будто тутъ возможно дѣленіе на категоріи по интересу, какъ-будто этотъ памятникъ, который еще гораздо древнѣе ихъ, не выше всего окружающаго: во первыхъ, по своему историческому или точнѣе доисторическому значенію, во вторыхъ, по характерности этого изуродованнаго облика, видѣвшаго теченіе обильнѣйшихъ событіями тысячелѣтій и забывшаго про такія мелкія подробности, когда передъ каменными очами встаетъ сама вѣчность.

Недалеко отъ него открытъ древній храмъ отдаленной неизвѣстной эпохи. Онъ сложенъ изъ большихъ глыбъ блѣднорозоваго гранита и алебастровыхъ плитъ. Несокрушимая крѣпость сооруженія вполнѣ гармонируетъ съ его величественною простотой. Ни живописью, ни ваяньемъ, ни начертаніями не тронуто это молитвенное зданіе, существующее, по мнѣнію археологовъ, со столь же незапамятныхъ временъ, какъ и находящійся по близости каменный человѣкъ-левъ.

Первобытное святилище соединялось съ пирамидой Хефрена. Статуи царя (между прочимъ, и видѣнная нами вчера въ музеѣ) найдены именно здѣсь. По лѣстницѣ спускаешься къ памятнику почти доисторической архитектуры, низко лежащему среди песчаныхъ пригорковъ. Тяжелые столбы видны у начала ведущихъ въ подземелье ходовъ. Продолженіе ихъ не изслѣдовано, назначеніе не опредѣлено. Стѣнныя углубленія, замѣченныя въ одномъ мѣстѣ, дали поводъ предположить, что въ ниши ставились муміи, что храмъ долженъ былъ служить для поминовенія усопшихъ и т. д. Гладкая поверхность камней такъ свѣтла и неприкосновенна, какъ будто зодчіе недавно воздвигли эту твердыню. Проводники-арабы угощаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ кофеемъ.

Опять выходишь на желтую тропу, изгибающуюся обратно къ пирамидамъ. Путь туда избирается однако не прямо, мимо сфинкса, а съ маленькимъ уклоненіемъ въ сторону, съ цѣлью нагляднѣе представить себѣ ужасающее безлюдье и безплодье смежной царскимъ гробницамъ пустыни.

Ихъ Высочествамъ подводятъ осѣдланныхъ верблюдовъ. Хотя разстояніе до павильона не особенно велико, но испробовать ихъ, у самой Ливійской степи, и любопытно, и пріятно, когда жара сказывается все немилосерднѣе и невыносимѣе.

Передъ возвращеніемъ туда еще осматривается нѣчто, вродѣ зіяющаго склепа, растревоженнаго до основанія и кладоискателями, и археологами. Оно погружается въ землю широкимъ углубленіемъ, съ крутыми стѣнами и небезопасными для заглядывающихъ внизъ обсыпающимися краями. На днѣ его покоится діоритовый саркофагъ, съ котораго кто-то, опрокинутый навзничь, какъ будто смотритъ съ тихою улыбкою наверхъ, на любопытныхъ зрителей. Что за отраженіе незапамятной культуры, если даже камни одухотворены!

Простившись въ четвертомъ часу съ радушнымъ хозяиномъ, Великіе Князья и принцъ Георгій Греческій отъѣзжаютъ отъ Хеопсовой пирамиды къ лежащему по сосѣдству отелю «Mena House», для визита Шведской наслѣдной четѣ. До четырехъ, Ихъ Высочества провели тамъ время въ бесѣдѣ и пили чай.

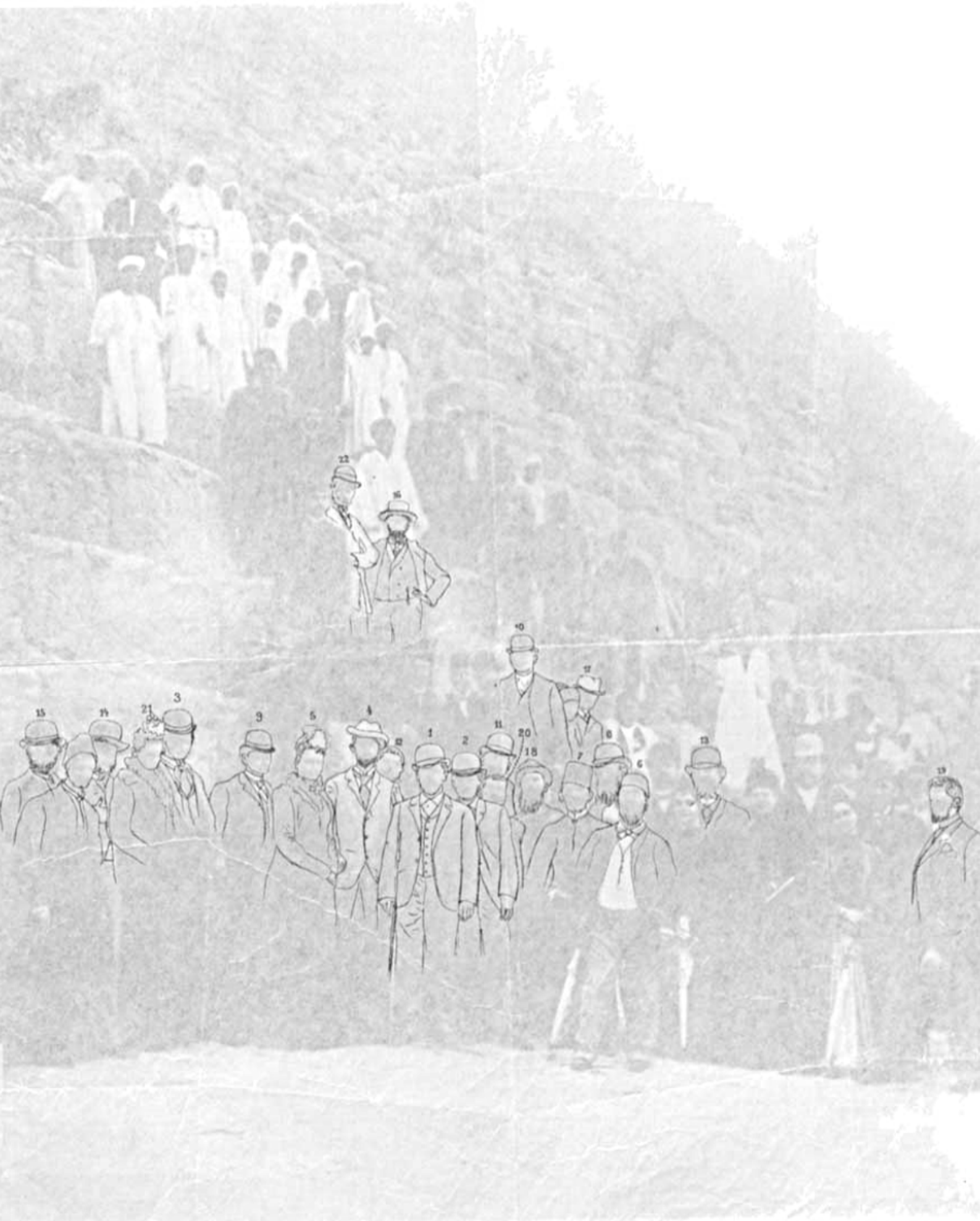
Третій вечеръ на берегу Нила, — но сегодня дѣйствительно у самой глади рѣки. У нашего дипломатическаго агента и генеральнаго консула г. Кояндера устроенъ праздникъ въ честь Ихъ Императорскихъ Высочествъ, на который приглашено болѣе двухсотъ человѣкъ представителей и представительницъ Каирскаго и Александрійскаго общества.

Къ пристани, у дворца Гизэ — гдѣ древне-египетскій музей, — причалены двѣ придворныхъ яхты «Нуръ-энъ-Нилъ» и «Зія-энъ-Нилъ», называемыхъ туземцами «дахабіэ»: обѣ обращены въ чудный шатеръ, убранный экзотическими растеніями, изъ знаменитыхъ садовъ дворца Гезирэ, и съ прекраснымъ видомъ на иллюминованныя въ нѣкоторомъ отдаленьи суда. Палубы тѣсно сдвинуты для образованія обширной и оригинальной залы, которую пестро озаряютъ около 2000 фонарей, спускающихся съ ярко задрапированнаго искусственнаго потолка.

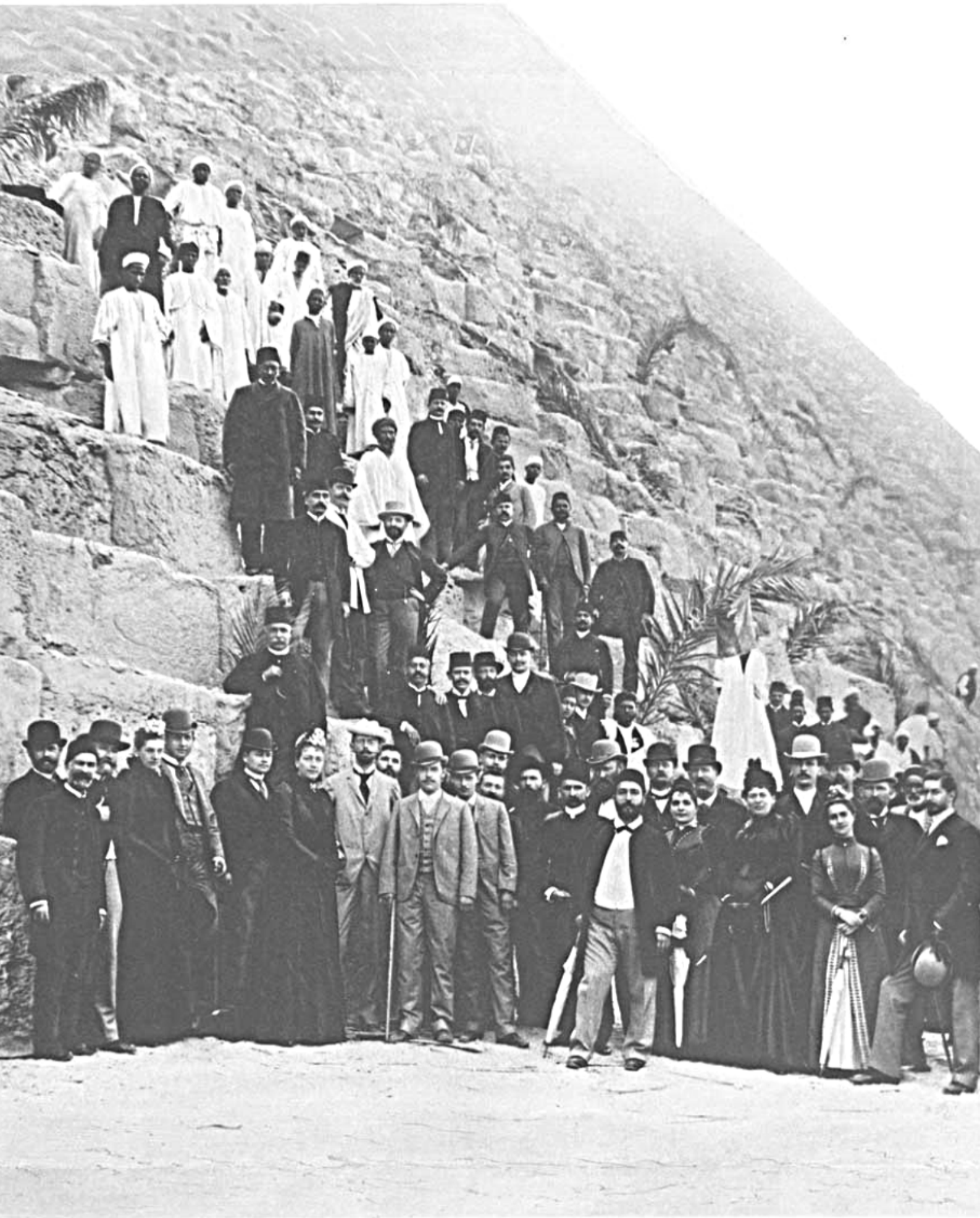
Уже на пути сюда Августѣйшіе путешественники имѣли полную возможность, катясь по гизэсскимъ аллеямъ, любоваться изгибами густолиственной дороги вдоль Нила. За отсутствіемъ въ предмѣстьи газоваго освѣщенія она окаймлена была подставками съ воспламененнымъ керосиномъ. Длинныя тѣни ложились и бѣжали по сторонамъ экипажей. На берегу, гдѣ праздникъ ждалъ прибытія Великихъ Князей, множество русскихъ, египетскихъ, и греческихъ флаговъ отмѣчало входъ на сходни къ дахабіямъ, — весь въ зелени, цвѣтахъ и орнаментѣ изъ персидскихъ ковровъ. Переступивъ это преддверье, пришлось сразу очутиться въ чарующей обстановкѣ, совершенно самобытной по вкусу отдѣлки, по сплетенью красокъ и огней.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, встрѣченный у пристани хозяиномъ и хозяйкою раута, подъ руку съ г-жею Кояндеръ идетъ на разубранныя яхты, почтенныя также присутствіемъ его высочества хедива и наслѣднаго принца Шведскаго. Придворная музыка почти не умолкаетъ на одномъ изъ сосѣднихъ судовъ.

За Дунклеровской аріей «Crown Prince of Sweden» раздаются звуки «Бокаччіо». За «греческимъ патріотическимъ маршемъ» Анона слышатся кадриль «Турецкія мелодіи» Гемеля, — вальсъ «Jeunesse dorée» Вальдтейфеля и т. д. Рядъ красиво иллюминованныхъ дахабій (въ томъ числѣ принадлежащая нашему египтологу Голенищеву) проплываетъ мимо чертога, импровизированнаго нашимъ генеральнымъ консульствомъ. Затѣйливый фейерверкъ вспыхиваетъ и свиститъ надъ спокойнымъ Ниломъ. Подъ конецъ почти вплотную приближается пароходикъ. На немъ группа греческихъ артистовъ-любителей съ гитарами и мандолинами. Звуки гимновъ привѣтствуютъ Августѣйшихъ путешественниковъ



1. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ. 2. Е. И. В. Великій Князь Георгій Александровичъ.
3. Принцъ Георгій Греческій. 4. Наслѣдный принцъ Шведскій. 5. Кронпринцесса Шведская. 6. Хедивъ Тевфикъ-паша. 7. Гуссейнъ-паша.
8. Кн. Барятинскій. 9. Кн. Оболенскій. 10. Кн. Кочубей. 11. Е. И. Волковъ. 12. Кн. Ухтомскій. 13. Адмиралъ Басаргинъ. 14. М. К. Оку.
15. г. Колендеръ. 16. г. Ивановъ. 17. И. Ц. Гриценко. 18. Докторъ Смирновъ. 19. Кн. Давижа. 20. Греч. консулъ Аргиропуло.
21. Графиня Делапарди. 22. Баронъ Бликсенъ.



Передъ завтракомъ у пирамидъ.

Печ. со стали ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

и правителя страны. Пѣнье вторитъ величественно замолкающимъ аккордамъ. Теряясь взорами въ разстилающейся за свѣтлыми точками темнотѣ, ощущаешь какое-то невольное и сладостное волненіе.

Вглядываясь въ царственную рѣку съ пышной палубы празднично разубраннаго судна, подъ звуки нѣжно разливающейся музыки, такъ и чувствуешь, что вокругъ это — именно сказочная страна фараоновъ и волшебное царство ихъ преемниковъ. Не въ такія же ли ночи послѣдніе Птолемеи, совмѣщавшіе въ себѣ Западъ и Востокъ, выѣзжали съ царедворцами на просторъ замирающихъ струй? Золотая корма свѣтилась въ звѣздномъ полумракѣ. Пурпурные паруса опьяняли вѣтеръ благовоніями...

Въ теченіе вечера нашъ дипломатическій агентъ представилъ Наслѣднику Цесаревичу г. Корона, въ качествѣ депутата отъ живущихъ въ краю французовъ, выразившаго при этомъ чувства радости, одушевлявшія его соотечественниковъ при участіи въ пріемѣ Его Императорскаго Высочества. Сама встрѣча должна была свидѣтельствовать о сердечномъ отношеніи къ Особѣ могущественнаго Монарха и къ великому русскому народу. Великій Князь тепло благодарилъ, говоря, что глубоко тронутъ проявленіями французской симпатіи и проситъ г. Корона передать объ этомъ французской колоніи.

Среда, 14 (26) ноября.

День рожденія Государыни Императрицы. Умиленными думами переносишься на далекій, ненастный сѣверъ, гдѣ отягченное разлукой сердце Матери — Царицы, — при вѣрноподданническихъ поздравленіяхъ и горячихъ пожеланіяхъ цѣлаго гигантскаго народа, — въ тишинѣ неотлучно пребываетъ съ ушедшими въ плаваніе Сыновьями.

Августѣйшіе путешественники со свитой, въ полной парадной формѣ, присутствуютъ на обѣднѣ въ церкви св. Николая (отчасти построенной на средства императора Николая Павловича) въ туземномъ торговомъ кварталѣ эль-Хамзави, куда, въ свою очередь, съ утра собрались всѣ русскіе Каира. Служитъ самъ блаженнѣйшій Софроній, въ лентахъ ордена Св. Александра Невскаго и Спасителя (въ сослуженіи съ нѣсколькими епископами). Отъ имени хедива, въ числѣ собравшихся, находится министръ иностранныхъ дѣлъ Зульфикаръ-паша.

Несмѣтная толпа грековъ наполняетъ храмъ, тѣснится съ улицы, даже среди литургіи выражаетъ свои чувства восторга по случаю прибытія желанныхъ Гостей. Стоитъ патріарху произнести моленіе о здравіи Россійскаго Императорскаго Дома и Греческой Королевской семьи, тотчасъ кто-нибудь изъ эллиновъ, обращаясь къ присутствующимъ, громогласно восклицаетъ: «Зито Цесаревичъ!» «Зито Георгіосъ!» Тысячи голосовъ откликаются на задушевное воззваніе. Дамы, дѣти, школы, наводненные народомъ хоры, — все присоединяется къ бушующему движенію и ликованію «да здравствуютъ»! Для насъ, непривычныхъ къ такому шумному выраженію радости передъ самымъ алтаремъ, — тѣмъ не менѣе понятно, что единовѣрцы, издавна томившіеся въ предѣлахъ Турецкой имперіи подъ нравственнымъ гнетомъ ислама, — при пылкости своего характера, сосредоточивая политическіе помыслы и стремленія вокругъ религіи отцевъ, какъ главнаго оплота эллинизма, — отчасти должны были въ стѣнахъ святилищъ воспитывать и закалять гражданскій духъ. То, что древнимъ представляла «агора» (съ ея возвышенно-страстнымъ оживленіемъ), потомъ въ силу необходимости сталъ христіанскій храмъ. И сегодня, — когда сотни рукъ привѣтственно тянутся вверхъ, машутъ шляпами и платками, — когда гулъ отъ лихорадочно-порывистаго смятенья потрясаетъ воздухъ: этому нечего удивляться, это — въ порядкѣ

вещей — греческій Востокъ празднуетъ торжество своихъ жизненныхъ началъ, свѣтлое торжество Православія...

Посѣтивъ, послѣ обѣдни и молебна о благоденствіи Государыни Императрицы, блаженнѣйшаго патріарха Софронія въ его покояхъ, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ выразилъ патріарху свои чувства признательности радушію и преданности эллинскаго населенія, Ихъ Высочества, по разукрашенной флагами улицѣ Муски, возвращаются въ отведенный Имъ дворецъ. Днемъ предстоитъ совершить краткую поѣздку по окрестностямъ столицы. Вечеромъ назначенъ отъѣздъ въ Верхній Египетъ. Погода хмурится.

Осень. Плачущее небо. Теплыя слезы, падающія сквозь полуденную мглу, съ почти вѣчно безоблачной синевы. Въ Каирѣ среди ноября, какъ говорятъ, рѣдко идетъ дождь. Однако, теперь, — при экскурсіи Августѣйшихъ путешественниковъ, въ мѣстечко эль-Матаріэ, — онъ довольно сильно накрапываетъ въ третьемъ часу, по дорогѣ изъ Гизэ къ станціи «Кантаратъ-эль-Лимунъ», откуда экстренный поѣздъ въ нѣсколько минутъ доставитъ Августѣйшихъ путешественниковъ къ цѣли. При быстротѣ хода, едва различаешь черезъ окна вагона мелькнувшія казармы, обсерваторію, фруктовые сады и виноградники, дворцы, плантаціи хлопка и сахарнаго тростника, оливы, фиговыя деревья и кактусы, окаймляющіе полотно желѣзной дороги. Путь снова лежитъ къ предѣламъ древняго плодороднаго Гошена.

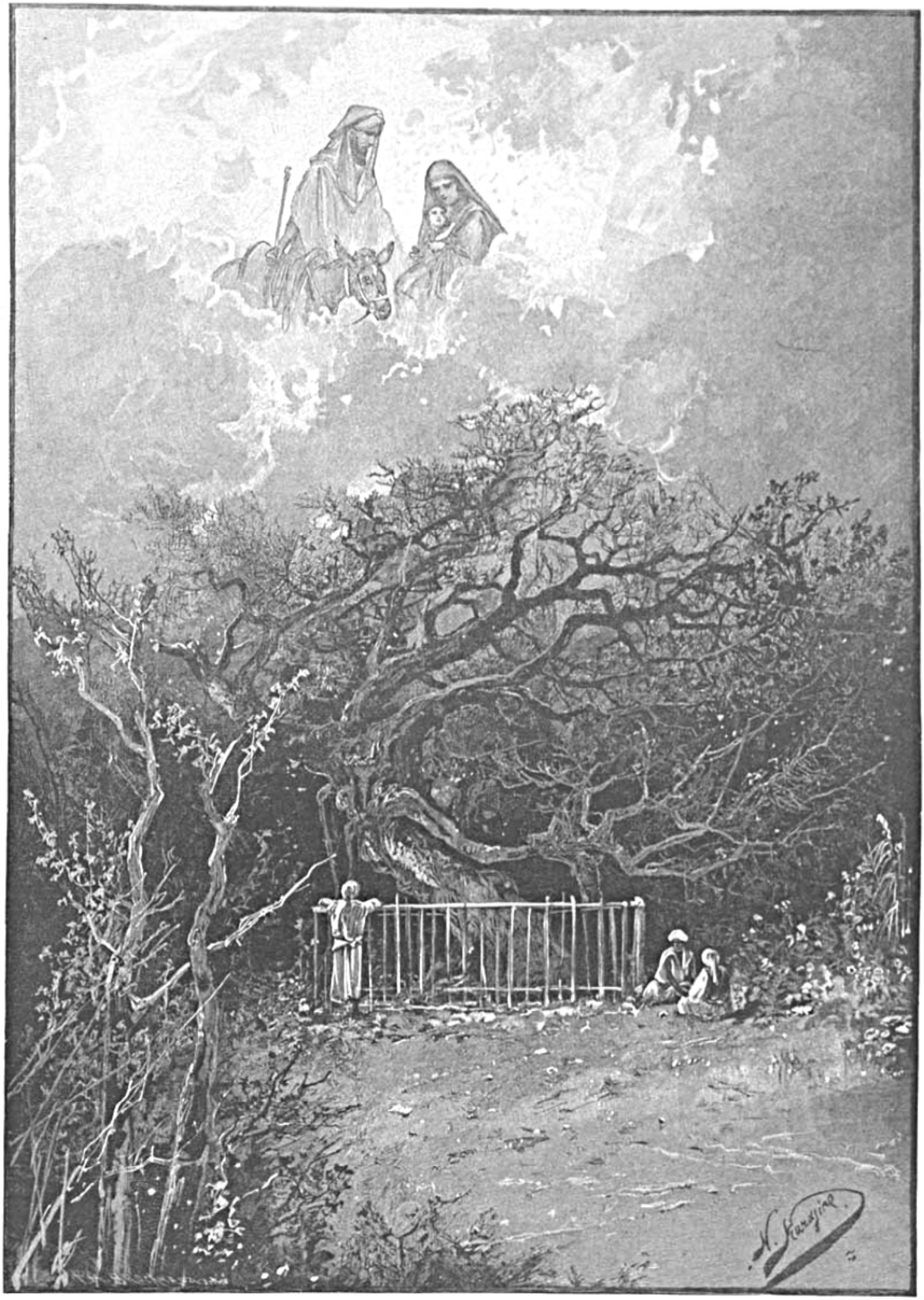
У намѣченнаго пункта ждутъ придворныя закрытыя ландо. Великіе Князья, принцъ Георгій Греческій и свита направляются въ расположенный, невдалекѣ отъ здѣшней маленькой станціи, своего рода паркъ, гдѣ Ихъ Высочества выходятъ изъ экипажа и подъ дождемъ приближаются къ невысокой рѣшетчатой оградѣ, за которою высится угрюмая сикомора, знаменитое дерево Богородицы. Подъ нимъ, согласно стародавнѣйшему преданію, Непорочная Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, въ дни бѣгства въ Египетъ, присѣла отдохнуть. Слуги Ирода-гонителя показались вдали. Ища спасенія, Она скрылась въ широкое дупло, которое тотчасъ чудотворно подернулось густою паутиной. Враги прошли мимо.

Въ смежномъ источникѣ Матерь Божія обмыла пеленки Христа и выкупала Своего Божественнаго Сына. Гдѣ падали капли брызговъ въ этотъ мигъ, — тамъ выросли бальзамическіе кустарники, питаемые влагою изъ этого водоема, сладковатою на вкусъ послѣ низшедшей на него Благодати, тогда какъ раньше она была горька.

Они пріобрѣли міровую извѣстность, долго считались исключительною принадлежностью мѣстечка эль-Матаріэ, точили пахучій и драгоцѣнный елей, употреблявшійся напр. въ Абиссиніи при таинствѣ крещенія. Въ началѣ XVII в. добываніе бальзама прекратилось: послѣднія деревцы почему-то исчезли.

Копты и арабы издревле съ религіозной точки зрѣнія чтутъ Матарійскую «святыню». Первобытный стволъ могъ истлѣть и рухнуть; но отъ вѣтвей всегда зарождались новые побѣги. Послѣдній таковой, передъ которымъ теперь остановились Августѣйшіе путешественники, началъ расти лѣтъ двѣсти назадъ и уже представляется дряхлымъ «старцемъ».

Желая угодить императрицѣ Евгеніи, Измаилъ-паша подарилъ ей (что довольно странно!) эту церковно-историческую достопримѣчательность края. Жена Наполеона III ее приняла и, конечно, о ней забыла. Но съ тѣхъ поръ власти усиленно пеклись о погнувшемся и покрившемся стволѣ, окружили его подпорками, наняли людей для ухода за



ДЕРЕВО ВЪ МАТАРІѢ.

нимъ и хоть отчасти для огражденія его отъ вандализма туристовъ, которые постоянно брали на память то сучекъ, то остатокъ листьевъ.

Священное для туземцевъ мѣсто съ незапамятныхъ временъ было таковымъ. Источникъ именовался глубокою языческою стариною не иначе, какъ «окомъ солнца». Дневное свѣтило — богъ «Ра» — умывался будто-бы въ немъ. Эфіопскій царь Піанхи, завоевавъ сѣверный Египетъ, прежде всего, согласно древнему царскому обычаю, охладилъ себѣ лице изъ этого водоема. Культъ деревьевъ также искони представлялся знакомымъ приниль-скому населенію. На однихъ начертывались, по ученію жрецовъ, имена излюбленныхъ божествами фараоновъ, — на другія взлетала возрожденная птица «фениксъ».

Августѣйшіе путешественники, молча, осматриваютъ необыкновенную по своей судьбѣ и значенію, изсохшую, почти безлиственную сикомору. Рѣдкій дождь съ тихимъ шумомъ падаетъ на землю. Небольшая толпа любопытныхъ собралась у ограды, съ полицейскимъ во главѣ, у котораго на груди красуется русскій орденъ (вѣроятно, полученный въ годъ посѣщенія Каира Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами). Печальное небо, погибающее дерево, смыслъ умиляющаго преданія, пережившаго рядъ вѣковъ, — все настраиваетъ въ элегически-молитвенномъ духѣ и окрыляетъ мечту. Что за дивную картину могъ-бы задумать и написать художникъ, который бы преобразилъ тусклую осеннюю обстановку и вершину согбеннаго подъ бременемъ лѣтъ ствола, токомъ свѣта, падающаго на безжизненныя вѣтви, и воздушною стезею, низводящею подъ эту сѣнь Святое Семейство!!...

Ихъ Высочества ѣдутъ обратно на Матарійскую станцію. Погода немного яснѣетъ. Цѣлая гурьба погонщиковъ съ осѣдланными осликами предлагаетъ воспользоваться ими, для поѣздки на страусовую ферму. Послѣдняя лишь въ верстѣ разстоянія. И вотъ мы совершаемъ первый опытъ веселой скачки, песчаною дорогою, на милыхъ длинноухихъ животныхъ, не безъ коварства прозванныхъ «les savants» солдатами арміи Бонапарта, какъ извѣстно, сопровождавшейся настоящею экспедиціею очень почтенныхъ и выдающихся ученыхъ.

Довольно неудобныя сѣдла съ кожанной массивной лукой впереди, еще болѣе неудобныя стремена, капризная, тряская рысца и внезапныя остановки осликовъ заразъ и смѣшатъ, и сердятъ. Мы то трусимъ пріятною иноходью по тропѣ съ негустыми зарослями алоэ, то галопируемъ все ближе и ближе къ цѣли, подъ крикъ догоняющихъ мальчишекъ, приставленныхъ къ животнымъ. Происходятъ безболѣзненныя и забавныя паденья. Торопливая кавалькада растягивается безпорядочною вереницею. Ворота фермы, разубранныя зеленью и флагами въ честь Высокихъ Гостей, настежъ отворены. Владѣльцы, гг. Дервьё (Dervieu) и Кэносъ (Kénos), встрѣчаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ передъ крыльцемъ расположеннаго, въ центрѣ всего заведенія, двухъэтажнаго дома.

Съ интересомъ вслушиваясь въ объясненія и всматриваясь въ страусовое царство, — куда мы прибыли, — Ихъ Высочества обходятъ раскинутый вокругъ главнаго зданія дворъ съ крѣпкимъ тыномъ, отдѣляющимъ другъ отъ друга затворы, гдѣ важно прогуливаются, непріязненно косясь на людей, длинноногія, огромныя, допотопнаго вида птицы. Если въ нихъ пристальнѣе вглядѣться, то положительно находишь (хотя это и звучитъ неправдоподобно) нѣкоторое сходство... съ верблюдомъ, такимъ-же характернымъ дѣтищемъ пустыни, какъ и онѣ: у обѣихъ тварей, у четвероногой и двуногой — одинаковый

профиль, длинныя головы и шеи, одинаково устремленныя въ пространство, надъ непропорціальнымъ туловищемъ, которое у страуса по силѣ и строенію совершенно приспособлено для верховой на немъ ѣзды.

Здѣсь, въ эль-Матаріэ, гдѣ ежегодно выростаетъ большое количество этихъ звѣрообразныхъ пернатыхъ, есть возможность наблюдать ихъ въ полупервобытномъ состояніи, среди песковъ и въ искусственныхъ рамкахъ степнаго приволья, — что во всякомъ случаѣ, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ когда въ Европѣ видишь лишь двухъ-трехъ, въ заморенно-тоскливомъ расположеніи духа, за раззолоченною рѣшеткою зоологическихъ садовъ.

Каждый самецъ, каждая самка сохраняютъ врожденную, неподражаемую плавность и мощность движеній. Какъ ни медлительна поступь любого животнаго, въ ней чувствуется неукротимость его вихрокрылаго бѣга на свободѣ. Вѣдь даже на самомъ быстромъ конѣ едва можно угнаться за страусомъ. Его нельзя умертвить иначе, какъ ударами длинною палкою по головѣ, а то кровь совершенно пачкаетъ драгоцѣнныя перья. Насколько борьба съ нимъ должна быть опасна, — достаточно показываетъ злая и вызывающая внѣшность затворниковъ и затворницъ, которыхъ Августѣйшіе путешественники озираютъ теперь въ ихъ вѣчномъ плѣну. Отличаясь коварнымъ нравомъ, эти птицы не привыкаютъ и къ тѣмъ людямъ, — которые за ними ходятъ чуть-ли не съ самаго ихъ появленія на свѣтъ, — бросаются на своихъ сторожей, щиплютъ ихъ и стараются потоптать, уронивъ на землю. Надо, впрочемъ, замѣтить, что арабы, въ присутствіи посѣтителей, дразнятъ страусовъ, мѣшаютъ имъ сидѣть на яйцахъ (что днемъ лежитъ на обязанности самца), стучатъ о заборъ, хлопаютъ въ ладоши. Немудрено, если иногда на калитку, ведущую въ сдѣланное для птицъ загражденіе, всею массою наскакиваетъ громадная сѣрая матка и настойчиво вытягиваетъ шею, чтобы клювомъ достать обидчика.

Страусы, живущіе во дворѣ, преимущественно помѣщаются попарно. Въ мартѣ мѣсяцѣ у нихъ безболѣзненно выдергиваются перья. Выпадающія сами собою считаются совершенно негодными. Цѣнность-же первыхъ то очень высока, соотвѣтственно модѣ, то понижается, колеблясь между 1,300 и 16,000 рублей за пудъ.

Еще недавно этотъ товаръ доставлялся изъ внутренней Африки, гдѣ птицы свободнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, купаются въ горячемъ пескѣ, придавая тѣмъ особую упругость и блестящій отливъ своей богатой одеждѣ. Послѣ махдійскихъ возстаній торговыя связи съ югомъ ослабѣли, что косвенно повліяло на развитіе культуры страусовъ въ Египтѣ. Того-же хотѣли достигнуть въ Алжирѣ, но это не удалось изъ-за дождей, которые лишаютъ «дѣтей пустыни» необходимаго имъ сухаго, песчанаго грунта.

Съ каждаго получается ежегодно перьевъ отъ $2^1/_2$ до 6 фунтовъ. Черныя и бѣлыя (съ хвоста и крыльевъ) наиболѣе цѣнятся. Фунтъ ихъ стоитъ около 700 франковъ. Но раньше того, какъ птица дастъ такіе доходы, ее надо ростить болѣе двухъ лѣтъ. Перья, герметически укупоренныя въ жестяныя трубочки, преимущественно идутъ въ Парижъ, гдѣ на нихъ главный спросъ.

Матарійская ферма принадлежитъ французской компаніи управляющей ею изъ Каира. Начало предпріятію положено было въ 70-хъ годахъ однимъ испанцемъ, — причемъ сперва опыты дѣлались всего съ 14-ю птицами, доставленными суданскимъ караваномъ. При новизнѣ дѣла пришлось натолкнуться на множество непредвидѣнныхъ затрудненій. Надо было шагъ за шагомъ, до тонкости, изучить подробности, касающіяся привычекъ и жизни страусовъ. Только тогда явилась возможность разсчитывать на успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ ферма плохо работала, едва влачила существованіе. Попытки искусственно вылуплять и ростить птенцовъ не приводили къ желанному результату.

Наконецъ образовалось акціонерное общество, расширившее ферму и заведшее до шестисотъ птицъ, которыхъ теперь еще больше (чуть-ли не 750). Въ данную минуту дѣло твердо поставлено; цѣнность имущества компаніи простирается уже до полумилліона франковъ.

Въ сущности затраты на устройство помѣщеній для птицъ не могутъ быть велики, потому что здѣсь дешевы рабочія руки, и кромѣ того нанимаемые арабы — всѣ исполнительны и трезваго поведенія. Страусы не требуютъ за собою необыкновеннаго ухода: чѣмъ проще обстановка, тѣмъ для нихъ лучше. Если только нѣтъ дождя, — а его почти никогда не бываетъ, — птицы преспокойно разгуливаютъ (какъ даже и сегодня, при дождѣ) въ просторныхъ дворикахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно высокою оградою и расположенныхъ полукругомъ при центральномъ зданіи, гдѣ производится самая выводка цыплятъ. Послѣдніе содержатся вмѣстѣ, сообразно съ ихъ возрастомъ.

Прожорливость страусовъ и тутъ, въ эль-Матаріэ, сказывается во всей силѣ. Говорятъ, будто и не счесть, сколько бобовъ, луковицъ, зелени (а по временамъ и испорченныхъ сухарей) имъ приходится отпускать въ теченіе года. Останавливаешься передъ затворомъ, за которымъ лежатъ въ пескѣ, или съ сердитымъ видомъ расхаживаютъ эти «дѣти пустыни», для удовлетворенія прихотей роскоши случайно рожденныя и воспитанныя въ неволѣ, и охотно вѣришь, вглядываясь въ оригинально-безобразныхъ тварей, что онѣ при случаѣ не побрезгаютъ съѣсть кожанную подошву, глотаютъ песокъ и камушки, — до того крѣпокъ ихъ желудокъ, до того неутолимъ ихъ аппетитъ. Ежедневно на кормъ любой взрослой птицы расходуется свыше 10—15 фунт. всякой всячины.

При нашемъ посѣщеніи Матарійской фермы наступило время, когда самки страусовъ кладутъ яйца, — каждая въ зиму отъ пятнадцати до сорока и болѣе штукъ, изъ коихъ не болѣе половины пригодны для искусственнаго разведенія, остальныя-же продаются на ѣду, или на то, чтобы ихъ выпустить, ярко раскрасить и затѣмъ дорого продать, въ качествѣ комнатныхъ и церковныхъ украшеній. Желтоватая гладкая скорлупа очень толста и крѣпка; выдѣланная напоминаетъ слоновую кость. Здоровое яйцо вѣситъ до четырехъ или пяти фунтовъ и продается на фермѣ за пять франковъ.

Довольно любопытенъ процессъ, какъ выводятся маленькіе страусы, которые никогда не высиживаются въ неволѣ. Тщательно разсмотрѣнныя и подобранныя яйца (къ слову сказать, ловко выкрадываемыя изъ затворовъ) укутываются въ вату, располагаются въ металлическихъ ящикахъ очень простой конструкціи и подвергаются постоянному воздѣйствію горячей воды (въ 39—40° по Реомюру). Такіе ящики ставятся въ совершенно замкнутое для свѣта пространство. Завѣдующіе выводкой, по временамъ, днемъ, приставляютъ всякое яйцо, видоизмѣняемое жаромъ, къ маленькому овальному отверстію въ стѣнѣ отведеннаго помѣщенія и, по мѣрѣ того, какъ яйцо ярко освѣщается извнѣ, наблюдающіе, сами оставаясь въ темнотѣ, внимательно опредѣляютъ происходящій въ немъ процессъ. Случается, что нечаянно попавшія сюда взболтанныя яйца вдругъ лопаются съ оглушительнымъ трескомъ. При нагрѣваемыхъ аппаратахъ всегда есть градусникъ, дабы температура отнюдь не мѣнялась и зародыши не остудились. Воздѣйствіе на нихъ обыкновенно продолжается сорокъ пять дней (какъ и для птицъ, рождаемыхъ на свободѣ), — хотя иногда достаточно бываетъ и меньшаго количества времени. Чѣмъ ближе къ вылупленію страусика, тѣмъ бдительнѣе надо надзирать за его появленіемъ на свѣтъ: убѣдившись наконецъ, что животное созрѣло, слѣдуетъ осторожно разбить яйцо молоточкомъ сверху и бережно высвободить птенца рукой. Онъ тотчасъ же начинаетъ двигаться, издастъ пискливые звуки и, попавши въ число подобныхъ ему новорожденныхъ, — которыхъ такимъ путемъ

группируется сразу штукъ до пятидесяти, — немедленно приступаетъ къ ѣдѣ. Десятидневные малыши содержатся вмѣстѣ; тѣ, что уже постарше, имѣя мѣсяцъ или два, отдѣляются отъ этихъ крошекъ. Трехмѣсячные присоединяются къ полугодовымъ и однолѣткамъ.

Недавно вылупившіеся страусики обыкновенно скучиваются, какъ-бы чувствуя отсутствіе заботливой матки, и пребываютъ еще въ состояніи нѣкоторой апатіи, исчезающей лишь при видѣ непосредственно близкаго корма; но болѣе взрослые проявляютъ много сустливости и, — несмотря ни на какое обиліе выдаваемой имъ пищи, — всетаки ссорятся изъ-за нея. До 18-ти мѣсячнаго возраста оба пола — сѣраго цвѣта. Затѣмъ самцы становятся черными съ бѣлымъ, самки же сохраняютъ прежній видъ.

Обходя ферму, Наслѣдникъ Цесаревичъ бралъ въ руки новорожденныхъ цыплятъ, удивительно забавныхъ, жесткихъ на ощупь и отдаленно напоминающихъ ежа. Безобидный клювъ, неподвижнонаивныя глазки, красивая округленкость формъ, — все сразу располагаетъ къ этимъ крошечнымъ существамъ. Чѣмъ старше остальные попадающіеся намъ страусики, — тѣмъ они уродливѣе и несимпатичнѣе.

СТРАУСЫ.

Директоръ заведенія Дервьё почтительнѣйше проситъ Августѣйшихъ путешественниковъ вписать Свои Имена въ книгу посѣтителей фермы.

Съ террассы ея верхняго этажа открывается угрюмый и величественный кругозоръ. Смежная съ культурнымъ районовъ пустыня тускло-желтой поверхностью разстилается на необозримомъ протяженіи. Вся мѣстность окрестности полна историческихъ воспоминаній, отмѣчена событіями глубочайшей древности и кровавыми столкновеніями сравнительно новѣйшаго періода. Тутъ, близъ эль-Матаріэ, въ мартѣ 1800 г. генералъ Клэберъ съ 10,000 французовъ разбилъ въ шесть разъ сильнѣйшее турецкое войско. Но это происходило чуть-ли не вчера, — а за тысячи лѣтъ, на пространствѣ, гдѣ теперь безмолствуетъ степь, стоялъ обширный «городъ солнца» (Геліополисъ греческихъ писателей), называвшійся египтянами «Ану», извѣстный Библіи подъ именемъ «Оонъ». Основаніе его теряется во мракѣ временъ, религіозное значеніе и вліяніе нѣкогда были необъятны, взаимоотношенія съ Азіей и міровоззрѣніемъ ея народовъ крайне вѣроятны и знаменателны. Востокъ и Западъ искони жили болѣе или менѣе общими духовными интересами. Тайны жречества, хотя и хранились немногими избранниками, но всетаки передавались изъ устъ въ уста въ отдаленнѣйшія части земнаго шара. Сокровеннѣйшія истины ученія древнѣйшихъ мудрецовъ неизмѣнно памятовались въ недоступной тишинѣ языческихъ капищъ. Суевѣрная толпа молилась на вооруженныхъ бронею знанія вождей. Эллинскіе законодатели и мыслители, семитическіе родоначалники съ патріархальною властью, сѣверные «варвары» и южанедикари, — всѣ приходили сюда для вразумленія и на поклоненіе. Центральное святилище насчитывало безчисленныхъ постоянныхъ обитателей. Цари приносили близь него въ жертву восходящему дневному свѣтилу «бѣлый» скотъ, молоко,

бальзамъ, ладонъ и благовонное дерево. Затѣмъ земные владыки шли въ храмъ, жрецы заклинаніями отгоняли отъ нихъ вражескую напасть, окуривали фараоновъ ароматами, вручали державнымъ пришельцамъ цвѣты, держа которые позволительно было предстать предъ ликомъ туземнаго божества. Только повелитель могъ отомкнуть двери въ тайнохранилище, занимаемое какимъ-то дивнымъ воплощеніемъ, войдти къ нему, побыть съ нимъ наединѣ и, наконецъ, покидая недосягаемый простымъ смертнымъ покой, приложить ко входу свою царскую печать. Священнослужители, павши ницъ, привѣтствовали монарха послѣ чуднаго свиданія.

Тамъ, гдѣ теперь пустыри, въ старину чтился Тумъ («вечернее солнце»). Онъ насылалъ на опаленную зноемъ страну живительный вѣтеръ съ моря. И сегодняшній день дышетъ прохладой, — но ее уже никто не вызывалъ молитвословіями, никто въ ней не видитъ чего-то сверхъестественнаго и желаннаго. Феникъ, пѣвшій у города Ану гимнъ солнцу, умолкъ и, сгорѣвъ отъ своего внутренняго пламени, не возродится вновь изъ животворнаго пепла. Многочисленные обелиски (каменные, одухотворенные богами остроконечные столбы, на окованной металломъ вершинѣ которыхъ, — на «пирамидіонѣ» — отдыхало дневное свѣтило) изчезли: остается одинъ лишь такой памятникъ славныхъ тысячелѣтій, воздвигнутый воинственнымъ фараономъ Узертесеномъ I-мъ 4500 лѣтъ тому назадъ.

Этотъ сѣрый одинокій обелискъ среди опустѣлой равнины, поглотившей древній великій Геліополисъ, выдѣляется надъ нею точно надъ моремъ вершина горы отъ земли, поглощенной волнами. Изчезнувшая цивилизація, исчезающій отблескъ и отзвукъ ея творчества!! . . .

ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ.

14 (26) ноября.

тъѣздъ изъ Каира послѣдовалъ, согласно путевой программѣ, 14 (26) ноября въ десятомъ часу вечера. Вернувшись въ пятомъ часу съ Матарійской фермы, Ихъ Высочества, послѣ обѣда у себя, въ Гизэ, медленно направились, — при фантастическомъ освѣщеніи безчисленныхъ факеловъ, несомыхъ феллахами, — на станцію Булакъ-Дакруръ (въ предмѣстьѣ столицы, на лѣвомъ берегу рѣки). Извивавшіяся туда аллеи представлялись въ совершенно невиданныхъ таинственно-плѣнительныхъ очертаніяхъ. Кто имѣлъ случай любоваться картиною моста, иллюминованнаго княземъ Мурузи, цѣлыми улицами, пламенѣвшими въ честь Гостей, исполинскимъ факельнымъ шествіемъ, феерическимъ фейерверкомъ и празднествомъ у русскаго генеральнаго консула, — тотъ, конечно, смѣло могъ предполагать, что уже болѣе нельзя ничего изобрѣсти въ этой области. И вдругъ! ѣдешь, межъ сумрака и смолистыхъ движущихся огней, подъ сводами густо разросшихся деревьевъ, точно въ сказочномъ дремучемъ лѣсу, по которому свѣтятъ путь и бѣгутъ, привѣтливо маня въ открывающуюся темноту, какія-то незнакомыя существа, покорныя голосу властелина, околдовавшаго эту чашу. Гдѣ-то далеко позади осталась только-что покинутая, европейски обставленная жизнь. Глухая стѣна встала между нами и ею. Неизвѣданной прелестью вѣетъ изъ окружающей мглы, откуда бьетъ въ глаза безпокойное пламя свѣточей. Странные люди въ характерно-живописной одеждѣ, лѣсная глушь, опоясанная цѣпями огоньковъ, предстоящая дорога къ очагамъ древней культуры, — все сговорилось придать временному прощанію съ Каиромъ отпечатокъ причудливой красоты и тайны. Великій чародѣй Египетъ обворожилъ, заполонилъ ими воображеніе Августѣйшихъ путешественниковъ и сопровождающихъ Наслѣдника Цесаревича лицъ.

У станціи Булакъ-Дакруръ выстроены были войска Гизэсскаго округа. Оберъ-церемоніймейстеръ Абдеррахманъ-паша отъ имени своего повелителя пожелалъ Ихъ Высочествамъ благополучнаго пути. Экстренный поѣздъ тронулся. По обѣимъ сторонамъ

желѣзнодорожнаго полотна замелькали сторожевые костры, тысячами поставленные, по приказанію хедива, для бдительнаго надзора за безопасностью и порядкомъ на линіи. Движеніемъ руководятъ тѣ же главные инженеры, что присутствовали при слѣдованіи изъ Измаиліи на Каиръ.

Рядъ удобныхъ спальныхъ вагоновъ, послѣ испытаннаго утомленія, естественно всѣхъ располагаетъ къ скорѣйшему отдыху.

Занося въ дневникъ послѣднія замѣтки, невольно напрашивающіяся сравненія и мысли, надо при разставаніи съ Каиромъ еще разъ подчеркнуть, что обаятельная личность самого Тевфика-паши и его радушіе по отношенію къ Августѣйшимъ путешественникамъ въ сущности составляли и составляютъ драгоцѣннѣйшее изъ воспоминаній. Правитель страны, почитая себя счастливымъ, что принялъ Великихъ Князей, въ первый же день Ихъ прибытія, телеграфировалъ о своихъ чувствахъ Государю Императору и получилъ отъ Его Величества сердечный отвѣтъ. Сегодня утромъ, когда блаженнѣйшій патріархъ возглашалъ многолѣтіе Государынѣ Императрицѣ, хедивъ въ свою очередъ послалъ Ея Величеству поздравительную депешу.

Какое странное чувство знать, что находишься на дорогѣ въ Верхній Египетъ! Поѣздъ изъ Каира до города Ассіута долженъ пробѣжать около 360 верстъ и затѣмъ желѣзнодорожная линія кончается. Поговариваютъ о намѣреніи продолжить ее на югъ, но для туристовъ это будетъ сущій проигрышъ, лишая ихъ необходимости слѣдовать рѣчнымъ путемъ.

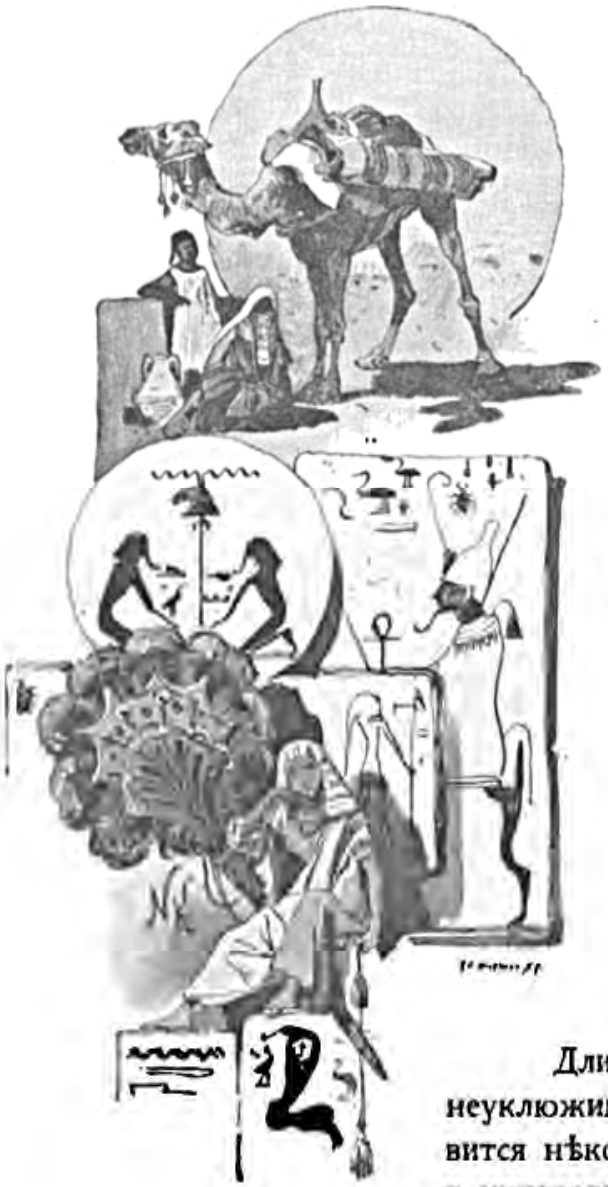
Въ головѣ чередуются и подчасъ спутываются обрывки недавнихъ яркихъ впечатлѣній. Подъ мѣрный шумъ колесъ, въ вагонѣ невольно клонитъ къ дремотѣ; однако и въ сладостномъ полуснѣ безпрестанно всплываютъ въ заволакивающемся сознаніи образы прошедшаго и образы настоящаго, сливаются въ нѣчто неопредѣлимое и тѣмъ не менѣе родное, ласково увлекаютъ впередъ, постепенно погружаютъ въ непреодолимое забытье...

Приходишь въ себя: говорятъ, мы уже у главнаго города одной изъ верхнеегипетскихъ областей съ шестьюсоттысячнымъ населеніемъ и 234 деревнями. Это и есть Ассіутъ, откуда предстоитъ подниматься по Нилу до «первыхъ пороговъ». Тутъ впервые столкнешься лицемъ къ лицу съ провинціальною жизнью страны (замѣтно различающеюся отъ столичной), хоть относительно почувствуешь себя на свободѣ, воочію убѣдишся, что Египетъ, знакомый только по книгамъ, при всей соблазнительности представляемыхъ ими описаній, — почти ничто, въ сравненіи съ тою дѣйствительностью, которая насъ обступитъ, до того она должна быть безподобно хороша и оригинальна.

При пробужденіи въ Ассіутѣ (въ седьмомъ часу утра, 15 (27) ноября) первое, что доносится до слуха одѣвающихся по вагонамъ, это — салютъ изъ пушекъ у пристани. Выстроенный у нея почетный караулъ, встрѣчающій губернаторъ (Ахмедъ-паша Шукри), массы зрителей, зеленью убранные спускъ и сходни къ придворнымъ пароходамъ, — вотъ что прежде всего бросается въ глаза, если выглянешь изъ окна.

Августѣйшіе путешественники покидаютъ поѣздъ и прямо переходятъ на предназначенную для Нихъ лучшую яхту хедива «Feiz Rabbani», подъ командою его адъютанта, капитана Али-бея Абады. Большинство сопровождающихъ лицъ, прислуга, багажъ помѣщаются на конвоирующемъ суднѣ «Héhia». Идутъ дѣятельныя приготовленія къ тому, чтобы сняться съ якоря.

Кромѣ свиты, въ десятидневную экскурсію по Нилу отправляются: г. Кояндеръ, каирскій вице-консулъ Ивановъ (хорошо владѣющій туземною рѣчью), египтологи Голенищевъ и Бругшъ-бей (командированный мѣстными властями), церемоніймейстеръ Юсуфъ-бей Дія и приглашенные Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, прибывшіе на «Владимірѣ Мономахѣ» изъ Аѳинъ, нашъ военный агентъ полковникъ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ и второй секретарь тамошняго посольства М. М. Катковъ.



Восьмой часъ. Мы поворачиваемъ и отдаляемся отъ берега на середину рѣки. Колеса начинаютъ усиленнѣе работать. Еще разъ успѣваешь внимательнымъ взоромъ окинуть окрестность, — исходную точку путешествія въ Верхній Египетъ, запечатлѣть ее въ памяти, — и только... Затѣмъ впечатлѣнія все быстрѣе и ярче смѣняютъ другъ друга, по мѣрѣ движенія на югъ.

Нилъ широкимъ изгибомъ протекаетъ мимо Ассіута. Восточныя горы, отроги Гебель Абу Феды, отступаютъ отъ нея вглубь, Ливійскія же, напротивъ, какъ-бы приближаются.

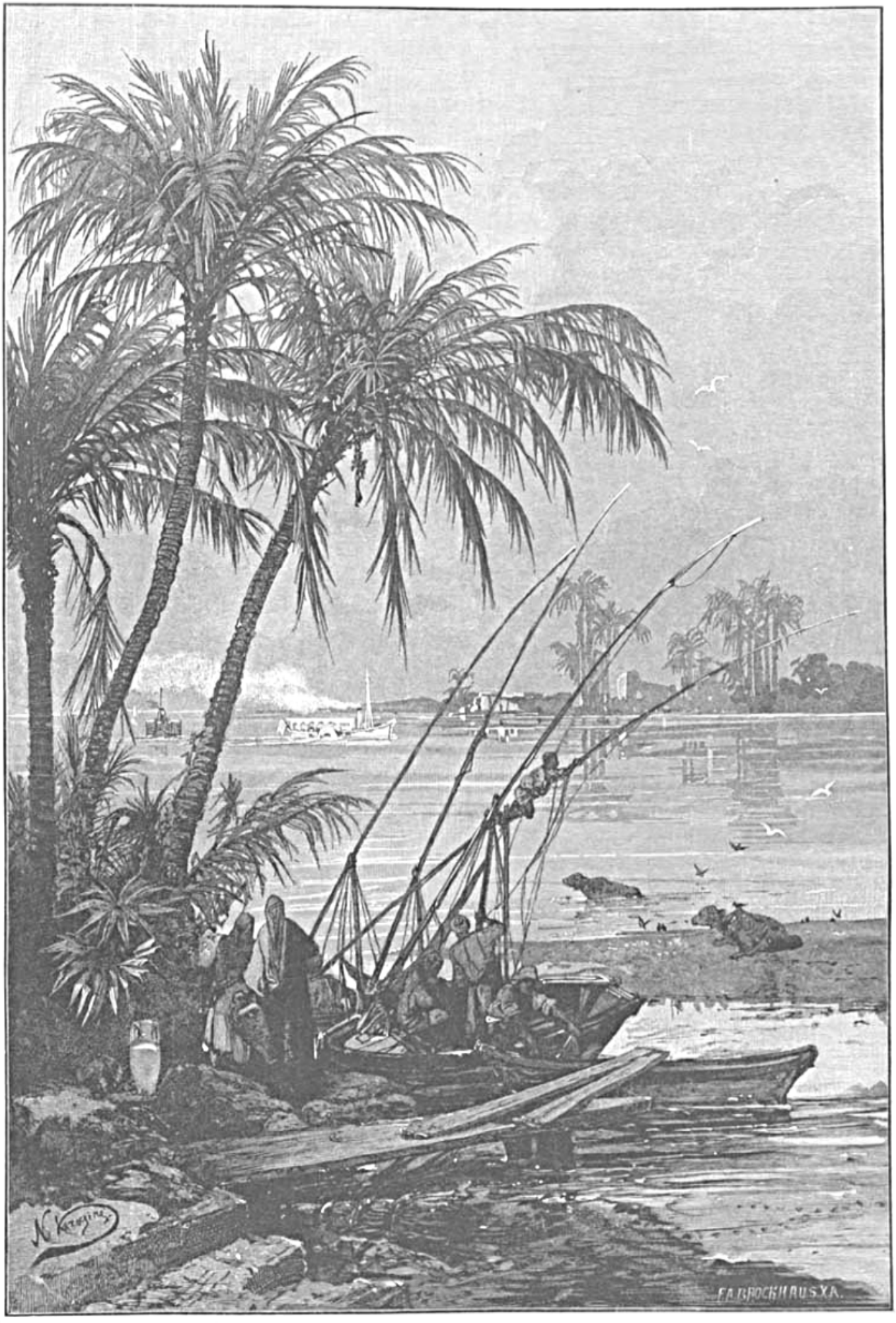
Вдоль пристани, — благодаря конторѣ Кука и комп., во множествѣ снаряжающей иностранцевъ-путешественниковъ, — нѣтъ недостатка въ частныхъ пароходахъ и дахабіяхъ. Тутъ — гавань (эль-Хамра) довольно значительнаго торговаго центра.

Городъ — въ нѣкоторомъ разстояніи, но отъ него тянутся къ Нилу домики богатыхъ коптскихъ купцевъ, съ хорошенькими садиками вокругъ, словно въ подражаніе европейскимъ вилламъ, которыми украшается кварталъ Измаиліэ въ Каирѣ.

Длинная большая насыпь, обсаженная широковѣтвистыми, неуклюжими сикоморами, ведетъ отъ рѣки въ Ассіутъ. Онъ славится нѣкоторыми глиняными издѣліями: продавцы уже собрались у придворныхъ яхтъ, предлагая купить изящныя трубки.

На противоположномъ берегу находятся эксплоатируемыя правительствомъ залежи алебастра. Послѣдній, вѣроятно, служилъ большимъ подспорьемъ для туземцевъ, когда здѣсь въ давнія — давнія времена (до нашествія гиксосовъ) процвѣталъ одинъ изъ культурнѣйшихъ пунктовъ государства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся по близости гробницы.

Онъ былъ родиною величайшаго изъ философовъ неоплатонической школы — Плотина. Теперь мѣстнымъ жителямъ — не до умозрѣній. Вѣкъ — не тотъ, расса — не та, — да къ тому же исламъ значительно изсушилъ духовную жизнь туземнаго населенія, болѣе или менѣе всецѣло отдавшагося наживѣ и въ данное время озабоченнаго, какъ бы поднять до прежней высоты здѣшнюю торговлю, павшую послѣ потери Судана. Желѣзная дорога, доходящая до Ассіута, не мало можетъ этому поспособствовать.



ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ.

Окрестности города представляютъ блестящимъ образомъ воздѣланное пространство. Каждый клочекъ земли арендуется за необыкновенно высокую цѣну: плодоводство и огородничество процвѣтаютъ. Мѣстность защищена горами отъ горячихъ вѣтровъ пустыни. Этимъ, вѣроятно, объясняется ея исконное названіе «Саіутъ» («защищенный съ тылу»), объясняется, почему уже арабскіе географы превозносили ее за климатъ и богатство почвы. Богъ Анубисъ, съ головою шакала (направляющій мертвыхъ по преисподней), считался въ древности покровителемъ округа. Маленькіе волки почитались здѣсь какъ священныя животныя, послѣ смерти бальзамировались, въ качествѣ драгоцѣнныхъ мумій, и погребались въ сосѣднихъ горахъ.

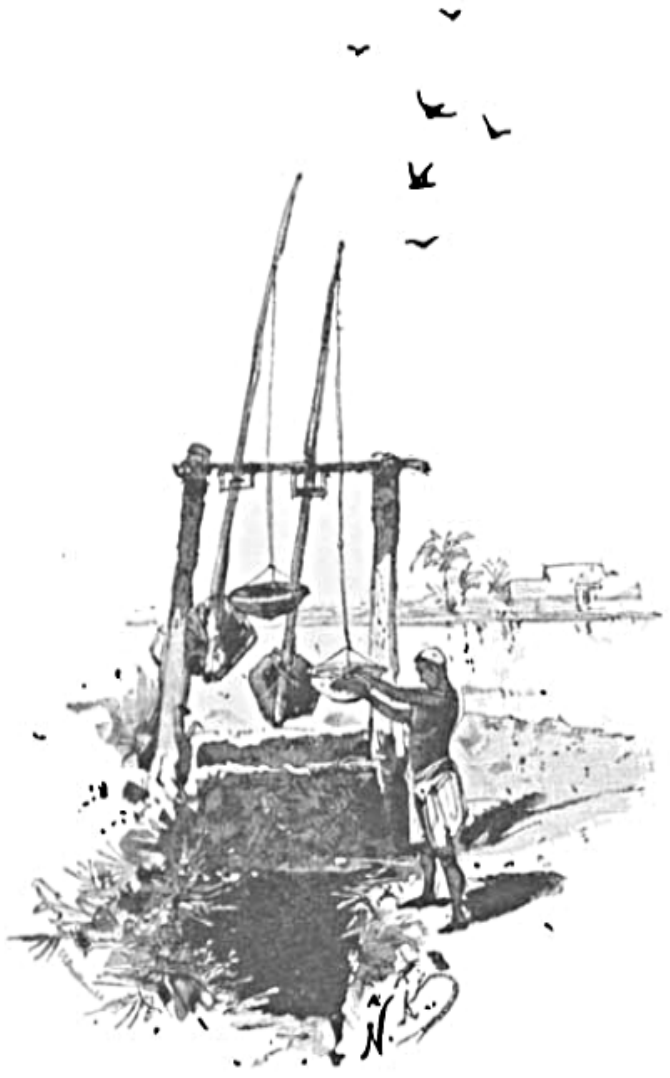
Яхта «Фейзрабани» плавно уходитъ въ прозрачную, чарующую даль. Передъ нами развернется прежняя Ѳиваида, всплывутъ въ своей Библейской простотѣ явленія неизмѣнно-древняго туземнаго быта, потянутся тѣ берега, на которыхъ крѣпла доисторическая основная культура Египта. Въ его верхнихъ областяхъ всегда наименѣе чувствовалось иноземное разрушительное воздѣйствіе, всегда тверже сознавалась извѣстнаго рода самобытность. Отсюда былъ данъ отпоръ завоевавшимъ сѣверъ гиксосамъ. Здѣсь населеніе довольно упорно боролось противъ французской экспедиціи на югъ (при Дэсэ, генералѣ Бонапарта).

Дни, проведенные на пароходахъ, подымаясь по Нилу и возвращаясь въ Ассіутъ, въ общемъ должны быть болѣе или менѣе схожи между собою. Описывать ихъ часъ за часомъ, — какъ при посѣщеніи выдающихся городовъ и подробномъ осмотрѣ памятниковъ, — и утомительно, и безполезно. Впечатлѣнія, получаемыя съ палубы, въ концѣ концевъ образуютъ одну выпуклую, на каждомъ шагу повторяющуюся картину. Она сопутствуетъ, почти не мѣняя тона и линій, на протяженіи сотенъ верстъ, отчасти до Луксора, отчасти до начала Нубіи. Движеніе по рѣкѣ, безъ опасенія стать на мель, возможно только, пока свѣтло. Чуть стемнѣетъ и еще не взошла луна, приходится выжидать, — остановившись, гдѣ попало, у ближайшаго берега. Обыкновенно, конечно, капитанъ успѣваетъ заблаговременно прибыть на ночлегъ къ какому-нибудь намѣченному городу. Утромъ рано яхта Ихъ Высочествъ снова трогается въ путь.

На песчаномъ островкѣ, среди рѣки, сидятъ два нубійскихъ коршуна. По одной ихъ фигурѣ можно судить, почему фараоны считали ихъ своими геральдическими птицами.

Мѣстность хорошо обработана, засажена различными пальмами, сикоморами, акаціями. За пастбищемъ черноволосаго буйволоваго стада въ лѣску вспархиваетъ стая бѣлыхъ

пернатыхъ съ коричневыми маковками. Сокола взлетаютъ тутъ же, не трогая ихъ, занятые исключительно охотою на полевыхъ мышей. Въ ращелинахъ высокаго побережья видны гнѣзда иныхъ птицъ, питающихся рыбою. Онѣ то залетаютъ туда, то внимательно сидятъ на земляныхъ глыбахъ, высматривая добычу: стоитъ ей сверкнуть въ темной влагѣ, и хищники стремительно кидаются къ водѣ. Вдали сѣрѣютъ пугливыя утки, усѣявшія рѣчное пространство. Восточный пустынный берегъ залитъ солнечными лучами. Культурная полоса узенькой лентой тянется у самаго Нила. Тутъ же селеньице, группа деревьевъ, — и затѣмъ сразу желтый песокъ, круглые скалистые холмики и плоскія горы, твердынею подымающіяся къ горизонту.

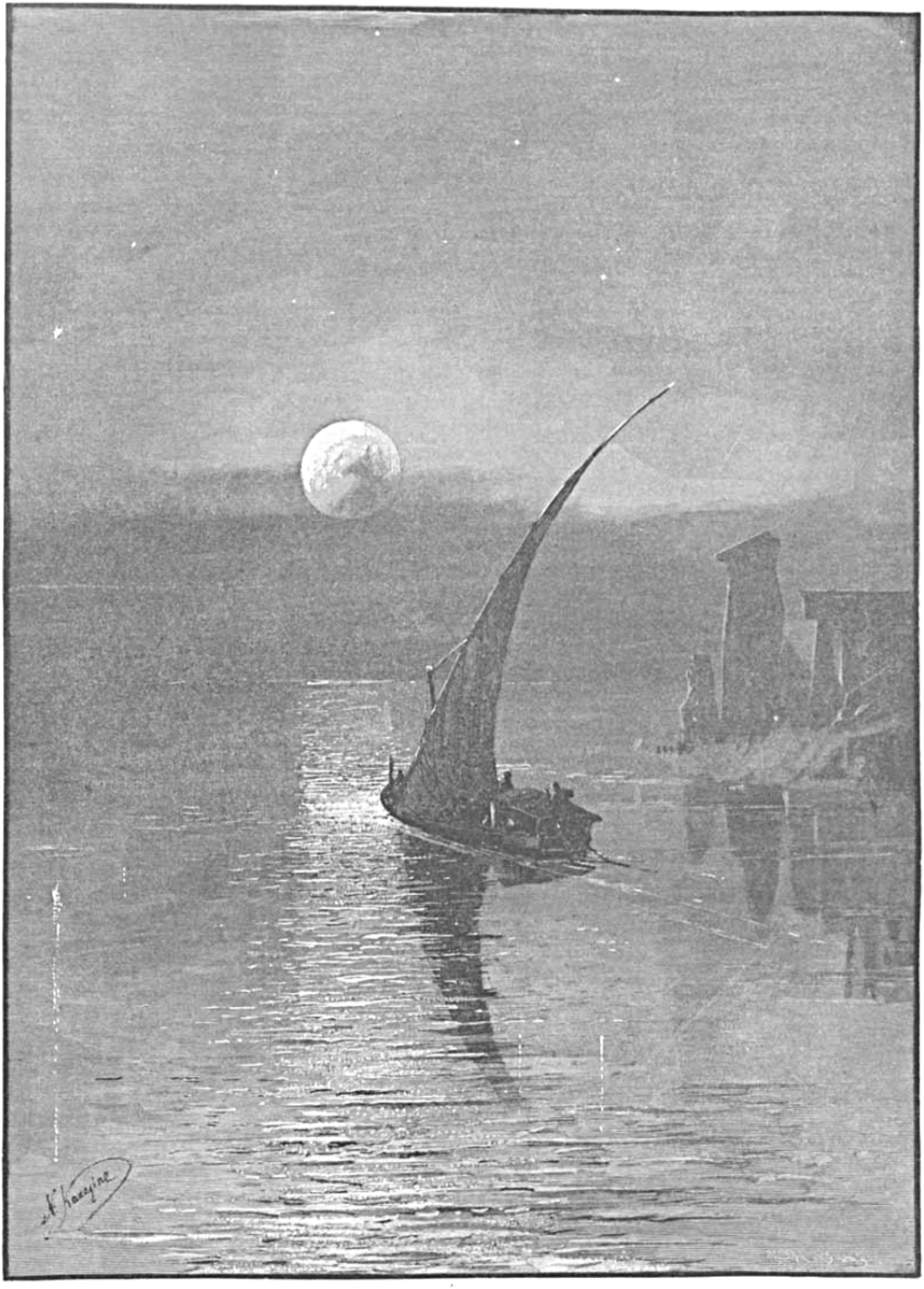


ВОДОЧЕРПАЛКА.

На рѣкѣ, по отмелямъ, нерѣдко мелькаютъ пеликаны, цапли, журавли, грѣющіеся на солнцѣ и наслаждающіеся теплою погодою въ странѣ, гдѣ они являются только временными гостями. Порою попадаются оборванные пастухи; замѣчаешь убогое жилье, сдѣланное ими изъ маисовыхъ стеблей. Сторожевыя собаки вытягиваютъ свои лисьи головы. Длинный и сухощавый нищій старикъ, — въ лохмотьяхъ, съ бѣлой бородой, — застылъ, опираясь на палку.

Вотъ мы идемъ близко-близко къ берегу: голуби и воробьи возятся около пустыхъ хижинъ. Орелъ плавно кружитъ въ высотѣ. За отдаленнымъ рѣчнымъ изгибомъ лѣниво машетъ крыльями вѣтряная мельница. Сбоку темнѣетъ, среди зеленой каймы пашень плантація сахарнаго тростника, акклиматизированнаго въ Египтѣ хедивомъ Измаиломъ. Два мальчугана ухватились за длинный и тонкій стволъ сладкаго растенія и съ противоположныхъ сторонъ втягиваютъ въ себя прохладительный сокъ. Пальмы покачиваютъ пучками своихъ оригинальныхъ листьевъ. Горы то уходятъ отъ Нила, отступаютъ въ область пустыни, то опять напираютъ на него и почти спускаются подножіемъ къ водѣ. Печать однообразія лежитъ, пожалуй, на всей мѣстности; но она такъ старательно воздѣлана (гдѣ только для этого представляется малѣйшая возможность), краски такъ привлекательны повсюду, что просто глазъ не можешь отвести отъ окрестности и безконечно любуешься по истинѣ прекрасною страною.

Внѣшность многочисленныхъ голубятенъ напоминаетъ нѣкоторые памятники египетской старины, а именно: тѣ самые пилоны (твердыни), которые мы привыкли видѣть на рисункахъ, — испещренными гіероглифическимъ письмомъ. Впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе, что рядомъ безпрестанно чередуется желтизна пустыни съ изумрудными полосами обработанной земли, а иллюзія подсказываетъ, что все это принадлежность одного и того же чертога, гдѣ за яркостью мрамора стелется коверъ, опять идутъ каменныя плиты, и снова дорогая цвѣтная ткань. . .



«И СЕРЕБРИТСЯ НИЛЪ ЧУТЬ ДЫШУЩЕЙ ВОЛНОЙ.»

Въ природѣ разлито какое-то умиротворяющее душу спокойствіе. Широко и легко очерченный небосклонъ прозраченъ нѣжною синевою. Край вокругъ иногда, право, походитъ на заботливо содержимый садъ, въ которомъ орошеніе доведено до совершенства. Въ Египтѣ нѣтъ мѣсяца, чтобы земля не рождала цвѣтовъ и плодовъ.

Завидя яхту хедива, нѣкоторые полуголые феллахи оставили работу и скучились у побережья. Чудится это или на самомъ дѣлѣ такъ, но они положительно напоминаютъ фигуры, высѣченныя на древнѣйшихъ памятникахъ: одинаково широкія плечи и худощавый станъ, одинаковая непринужденность и горделивость движеній. У одного — коричневая шапочка, точь въ точь какъ у Одиссея на старой греческой вазѣ.

Низкое туземное жилье изъ глины, безъ оконъ и дверей извнѣ, отличается особеннымъ видомъ плоскихъ крышъ. Дождя тутъ почти никогда не бываетъ и потому никто не заботится о скатахъ. Все кругомъ, — и береговая линія, и терассы надъ домами, — тянется въ горизонтальномъ направленіи. Оттого и получается отъ ландшафта впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, спокойнаго, невозмутимаго. Гдѣ пальмы еще не велики, онѣ образуютъ вродѣ лѣса; но тѣ, которыя покрѣпче стволомъ, уже ростутъ значительно рѣже, самостоятельно помахивая листвой надъ массивными тамариндовыми деревьями и мимозами.

Жарко. Душно. Иногда лишь съ сѣвера, — на рѣчныхъ изгибахъ, — свѣжій вѣтерокъ дышетъ въ лице. Эта струя воздуха желанна даже тварямъ: вотъ буйволы, съ остроконечными рогами, спустились въ воду, погрузились по шею, но повернулись мордами вдоль теченія.

Нѣкоторыя деревушки, изъ опасенія быть наводненными, лѣпятся по уступамъ и обрывамъ у Нила. Дома расположены тѣсно другъ надъ другомъ и по цвѣту, мѣстами, какъ-бы сливаются съ черной-пречерной землею, благодаря которой самъ Египетъ нѣкогда назывался «Хэмъ» («черная земля»).

Наряду съ этимъ первоисточникомъ плодородія, еще мертвеннѣе представляются Аравійскія горы, лишенныя малѣйшей растительности. Тамъ порою замѣтны однообразныя отверстія, входы въ могильные склепы. Однако трудно постигнуть, какъ на голыхъ крутизнахъ уживались люди, трудившіеся надъ ихъ созданіемъ.

Впрочемъ, въ такомъ краѣ, гдѣ основою всего служитъ глубочайшая монотонность, люди всегда со всѣмъ свыкались, безропотно переносили тягчайшія лишенія. При усыпленномъ состояніи воображенія сердце пребывало въ покоѣ. Отсутствіе чего-нибудь рѣзкаго въ природѣ и удручало, и смягчало человѣка.

Давно-ли низкихъ горъ нѣмыя очертанья
Окрасились вдали румяною зарей?...
И вотъ ужъ смотритъ ночь изъ бездны безъ названья,
И серебрится Нилъ чуть дышущей волной.

Свѣжѣетъ вѣтерокъ, и парусъ одинокій
Скользитъ надъ лономъ водъ, верхушку наклоня:
И небо, и рѣка въ туманъ голубоокій
Слились, чаруя взоръ, мерцая и маня, —

Маня въ обитель сновъ, гдѣ все вокругъ — святыня;
За нами городокъ раскинулся въ огняхъ, —
А прямо впереди безбрежная пустыня,
Какой-то тихій плачъ въ темнѣющихъ струяхъ.

Душа окрылена живительной мечтою;
Двойная жизнь очамъ открылась на землѣ:
Здѣсь — трепетъ этихъ волнъ съ немолчною борьбою,
Тамъ вѣчная краса въ спокойной лунной мглѣ.

Страница изъ дневника. Карандашный набросокъ чего-то обычнаго, каждодневно видимаго и всетаки вѣчно новаго. Одна изъ остановокъ, засвѣтло, въ виду невозможности идти впередъ, — когда стемнѣетъ, — изъ-за часто встрѣчающихся отмелей. Ничѣмъ не замѣчательное мѣстечко.

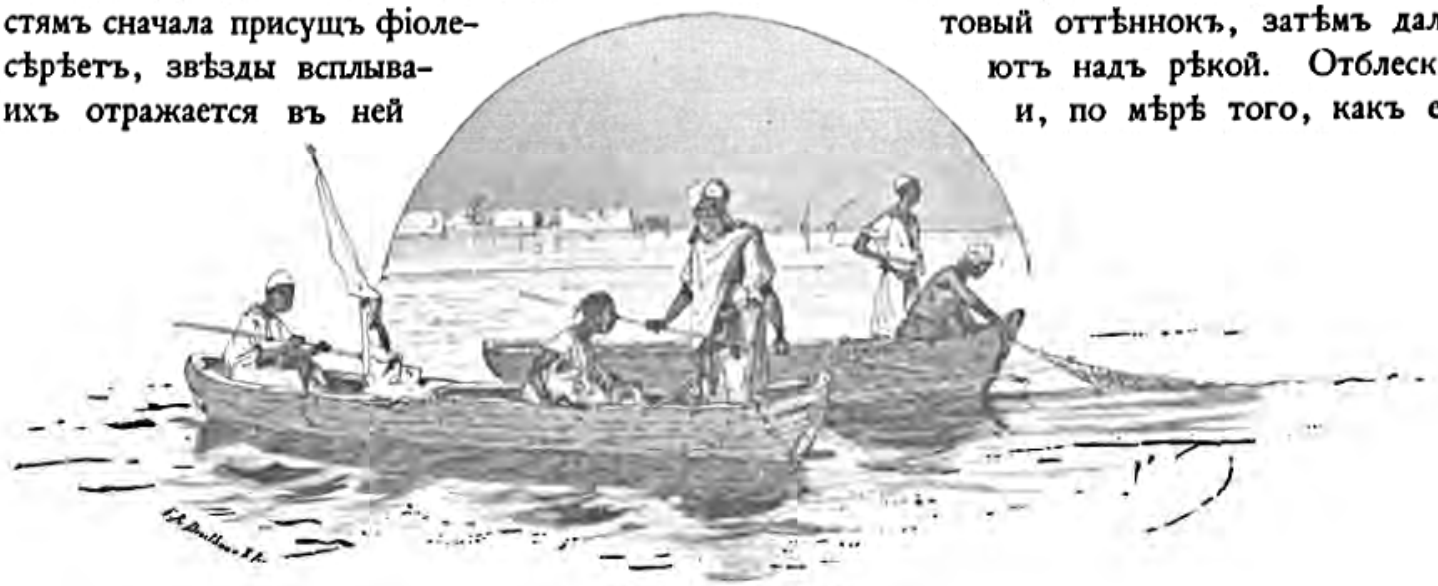
Вереница судовъ, нагруженныхъ пшеницей и маисомъ, растянулась у пристани, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. На берегу кучками сидятъ судовщики и поселяне, выспрашивающіе у первыхъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Двое крошечныхъ, пресмѣшныхъ ребятишекъ (причемъ у одного на бритой головѣ оставленъ лишь клокъ) вскарабкались на осла. Впереди на него наложена ноша клевера. Они уцѣпились за длинноухое сѣрое животное, а также и другъ за дружку, стараются заглянуть на дорогу, но изъ-за ноши ничего не видятъ. Вотъ идетъ къ водѣ, съ ребенкомъ на плечѣ, любопытно посматривающая по сторонамъ уже подурнѣвшая молодая туземка. Дитя залѣплено отвратительными мухами. Онѣ заползаютъ ему въ глаза, но и мать, и само дитя видимо не обращаютъ на это никакого вниманія. Кажется, по мѣстному воззрѣнію, мухи спасаютъ ребятищекъ отъ порчи.

Число египтянокъ, въ длинныхъ темносинихъ рубашкахъ, съ пустыми глиняными кувшинами, увеличивается. Всѣ онѣ босоноги, какъ-то машинально закрываются отъ чужаго взора, съ врожденной граціей подымаютъ къ головѣ обнаженную руку, перетянутую запястьями. Рядомъ остановился богатый горожанинъ въ шелковомъ полосатомъ кафтанѣ, красныхъ туфляхъ.

По теченію движется, близко отъ придворной яхты, большихъ размѣровъ оригинальный плотъ. Онъ весь сложенъ изъ глиняныхъ кувшиновъ различной величины, изготовляемыхъ въ Верхнемъ Египтѣ. Въ нихъ, отъ дворца до бѣднѣйшей хижины, сохраняется въ охлажденномъ состояніи вода. Конструкція горлышка не даетъ ей согрѣваться и портиться. Сосуды покрупнѣе лежатъ снизу, крѣпко перетянутые пальмовыми волокнами. Тѣ же, что поменьше, высоко нагромождены сверху. Управляемая полунагими рабочими хрупкая ладья быстро скользитъ по извилистой рѣкѣ. Люди, на этой послѣдней и кругомъ вдоль берега, внѣшній видъ кувшиновъ, сплавляемыхъ на потребленіе цѣлой страны, однозвучность очертаній, узоровъ и красокъ во всемъ обступившемъ мірѣ до того проникнуты чѣмъ-то стариннымъ, знакомымъ по остатку древностей, застывшимъ въ унаслѣдованныхъ формахъ, — что кажется, какъ-будто крыло времени ни къ чему не прикоснулось окрестъ, какъ-будто послѣднее и не хочетъ трогать здѣшнихъ бытовыхъ основъ, позволяя египтянамъ и египтянкамъ, ихъ торговому судоходству и издѣліямъ оставаться на степени почти доисторическаго развитія. Земледѣліе, орошеніе, орудія пахарей и т. д. свидѣтельствуютъ о консервативномъ отношеніи феллаховъ къ своей матеріальной обыденной жизни и необходимой обстановкѣ. Только въ Средней Азіи, въ

Индіи и въ Китаѣ замѣчается столь же упорное стремленіе безусловно почти во всемъ согласоваться съ тѣмъ, что завѣщано отдаленнѣйшимъ прошедшимъ.

Что можетъ сравниться съ часами заката на Нилѣ, будь это тамъ, гдѣ подчасъ такъ великолѣпенъ бываетъ разливъ рѣки, или въ виду любаго изъ зубчатыхъ предгорій Аравійской или Ливійской пустыни. Освѣщеніе ежеминутно вызываетъ восторгъ смѣною красивѣйшихъ цвѣтовъ, дивною игрою красокъ. Когда расплавленное солнце скроется за горизонтомъ, голубое небо подергивается какою-то свѣтлозеленою мглой (съ морскимъ колоритомъ). На этомъ зыбкомъ фонѣ, при поднявшемся вечернемъ вѣтеркѣ, прозрачно выдѣляются изящныя главы пальмъ, движутся треугольники слабо вздувшихся парусовъ инаго запоздавшаго судна, теряютъ позолоту стройные дальніе минареты, обновленными встаютъ передъ воображеніемъ развалины старины. Во что-то вслушиваешься, точно въ симфонію, но только она не изъ звуковъ, а изъ красокъ: окрестностямъ сначала присущъ фіолетовый оттѣнокъ, затѣмъ далеко сѣрѣетъ, звѣзды всплываютъ надъ рѣкой. Отблескъ ихъ отражается въ ней и, по мѣрѣ того, какъ ея



ОКОЛО ЛУКСОРА.

поверхность дрожитъ, въ глубинѣ трепетно горятъ огоньки, а надъ нами, съ необозримой выси, шлютъ привѣтъ алмазныя свѣтила... Такъ бы и забылся, созерцая и славя египетскую ноябрьскую ночь!..

Но на рѣкѣ довольно сыро. Переходъ отъ тепла къ ощутительной прохладѣ довольно рѣзокъ и непріятенъ, хотя въ общемъ для туземцевъ эти часы отдыха и сна, послѣ знойной дневной тяготы, должны казаться цѣлебнымъ спасительнымъ напиткомъ.

Въ четвергъ, 15 (27), и пятницу, 16 (28) ноября, Августѣйшіе путешественники останавливались вечеромъ у городовъ Сохага и Кэнэ. Въ обоихъ мѣстахъ туземныя власти сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы разукрасить пристань и придать пріему торжественный характеръ, — тѣмъ болѣе, что вліятельные и богатые коптскій и греческій элементы со своей стороны усиленно содѣйствовали радушію и блеску побережныхъ встрѣчъ. Не только у сравнительно большихъ центровъ, но и у значительныхъ селеній, жители съ сочувствіемъ напутствовали Гостей хедива: напримѣръ, — при слѣдованіи рѣкой у мѣстечка Белльянэ, — на огромномъ плоту, прикрѣпленномъ подъ обрывомъ,

гдѣ раскинулось жилье, выстроены были солдаты, а населеніе радостно привѣтствовало ружейными выстрѣлами яхту, подъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича.

Въ Сохагѣ, до наступленія темноты, около пристани происходила такъ-называемая «фантазія» (потѣшное зрѣлище съ музыкою). Арабы гарцовали и носились на красивыхъ коняхъ, пока барабанный бой оглашалъ набережную, переполненную народомъ. Мало по малу общее вниманіе сосредоточилось на одномъ наѣздникѣ, который съ особеннымъ искусствомъ управлялъ отлично выдрессированною лошадью. Благородное животное какъ-бы вслушивалось въ рѣзкій тактъ барабанной дроби, живописно вставало на дыбы, легкими прыжками описывало съуживающіеся круги, падало на колѣни, словно съ волненіемъ и нѣмою мольбой заклинало музыканта умолкнуть. Но барабанщикъ безжалостно продолжалъ свое дѣло, наступалъ на отпрядывавшаго коня, нагибался, съ удвоенною силою сыпля удары палочками: сплошные перекаты рѣяли въ вечернемъ воздухѣ. Лошадь съ неподражаемою граціей и художественностью исполненія двигалась согласно нетерпѣливымъ, мучительнымъ звукамъ. Быстро темнѣло. Представленіе кончилось само собою.

Въ Кэнэ Августѣйшіе путешественники изъявляютъ согласіе посмотрѣть на характерный египетскій танецъ особаго класса плясуній, извѣстнаго своимъ искусствомъ чуть-ли не съ эпохи первыхъ фараоновъ. Ихъ Высочества отправляются со свитой взглянуть на него въ помѣщеніе одного консула-туземца. Домъ послѣдняго и дорога туда иллюминованы. Въ просторной комнатѣ, гдѣ приходится размѣститься зрителямъ, люстра и канделябры льютъ яркій свѣтъ.

Она не велика эта группа танцовщицъ (гавази), — богато, но грязно одѣтыхъ, со звонкими ожерельями изъ монетъ, съ подведенными глазами и окрашенными въ желтое ногтями, съ жестяными кастаньетками, издающими рѣзкій и скорѣе непріятный звукъ.

На полу, въ сосѣдней комнатѣ, сбились въ кучку музыканты, съ круглою скрипкою («кэманэ»), балалайкою, бубномъ, дудкою, лютнею и небольшимъ барабаномъ («дарабукою»). Рядомъ сѣло нѣсколько старухъ, благоразумно занавѣсившихъ свои лица. Онѣ, по всей вѣроятности, — бывшія гавази, родственницы и наставницы молодыхъ. Одна изъ послѣднихъ — въ темнозеленой одеждѣ, другая — въ сѣрой, третья — въ красной и т. д.

Волосы у иныхъ заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотыми блестками; на подбородкѣ синѣетъ татуировка.

Какъ-то жалобно коснулся струны смычекъ въ сосѣдней комнатѣ. Плясуньи тихо двинулись впередъ, пощелкивая и позвякивая своими крохотными кимвалами. Плечи и бедра вздрагиваютъ, ноги почти прикованы къ мѣсту. Музыка нестройна. Тактъ отсутствуетъ. Ни въ чемъ нѣтъ поэзіи, хоть сколько-нибудь своеобразнаго очарованія. Гавази покачиваются, вяло подымаютъ и опускаютъ руки, пристально поглядываютъ на зрителей. Надо много воображенія, чтобы находить, съ нѣкоторыми туристами, будто въ этихъ женщинахъ сквозятъ лики божественной Изиды и возлюбившей земное Клеопатры, будто въ тѣлодвиженіяхъ танцовщицъ есть грація и страсть.

Онѣ по временамъ, пребывая въ движеніи, переговариваются между собою, перекликаются съ музыкантами, заунывно и нескладно начинаютъ что-то напѣвать. Плавность и строгая размѣренность пляски у гавази до того совершенны, что онѣ ставятъ, напримѣръ, на голову бутылку съ зажженною свѣчей, кружатся, сложивъ руки на груди, садятся, почти навзничь опрокидываются, держа темя неподвижнымъ, — и пламя едва колеблется,

бутылка даже не наклоняется, кастаньеты съ усыпляющимъ однообразіемъ стучатъ и звенятъ.

Туземный танецъ славится съ глубокой древности. Кажется, еще финикіане занесли его въ Испанію.

Не знаешь, какому дню отдавать предпочтеніе, — до того проникнутъ каждой своеобразно-однозвучною красотой. Утро-ли пробуждается, — свѣжій, хрустально-чистый воздухъ все вокругъ дѣлаетъ удивительно явственнымъ и близкимъ. Къ полудню на окрестности уже нѣтъ никакихъ красокъ. Она залита ослѣпительно-бѣлымъ свѣтомъ. Ищешь тѣни, чувствуешь легкую истому, и подъ шумъ разсѣкаемой пароходомъ воды, въ какомъ-то полуснѣ слѣдишь за бѣгущими мимо берегами. Какъ только завечерѣетъ, — опять у всего являются краски, точно онѣ рождаются умирающимъ солнцемъ, блещутъ его наслѣдіемъ, необходимы покидаемой имъ и засыпающей землѣ. Багряные отблески вспыхиваютъ на горахъ. Сѣрый цвѣтъ ихъ склоновъ съ краснымъ оттѣнкомъ гранитныхъ глыбъ, темножелтая пустыня, зелень культурной обработанной полосы, синева рѣки, — все это причудливо гармонируетъ, сочетаясь въ одно цѣлое, не поддающееся описанію. Понятно, что съ исчезновеніемъ дневнаго свѣтила, унылая мгла застилаетъ осиротѣлый небосклонъ, — но она — въ силѣ лишь нѣсколько минутъ: затѣмъ откуда-то розовое нѣжное сіяніе разливается повсюду, окрашиваетъ и небо и землю, какъ-бы доноситъ отъ солнца чарующій прощальный привѣтъ. Или, быть можетъ, это начинаетъ говорить съ Богомъ на своемъ краснорѣчивомъ языкѣ выжженная палящими лучами, обыкновенно безмолвная, безбрежно раскинувшаяся степь?

ѲИВЫ.

Суббота, 17 (29) ноября.

ихими мечтаніями проносятся дни на Нилѣ. Чѣмъ дальше подвигаешься на югъ, тѣмъ неожиданнѣе являются особенности верхне-египетской природы, очертанія древнихъ сооруженій, отблески и отзвуки погибшей культуры.

Эта культура ясно говоритъ о себѣ повсюду, гдѣ нѣкогда находились религіозно-политическіе центры и знаменитая столица туземнаго государства, — въ эпоху его наивысшаго разцвѣта, — при XVIII и XIX династіяхъ, когда египетскіе цари, жрецы и художники являлись представителями болѣе или менѣе образованнаго западнаго міра и въ рукахъ своихъ держали, отчасти, жизнь и смерть смежнаго азіатскаго Востока. Отъ мановенія фараонова бича зависѣло существованіе тамошнихъ владыкъ и народовъ, отъ служителей принильскаго пантеона зависѣла степень терпимости къ иноплеменнымъ религіямъ, отъ мѣстныхъ архитекторовъ, скульпторовъ и поэтовъ зависѣло увѣковѣчить или предать забвенію отголоски чужой культуры. Поскольку на Египтѣ отражался заграничный строй, постольку страна и созданія ея духа достойны глубокаго и разносторонняго вниманія. Вездѣ же, гдѣ замѣчается одинъ узко-неразумный и грубый національнизмъ, это тотчасъ умаляетъ значеніе самихъ памятниковъ.

Яхта хедива, отданная въ распоряженіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ, для слѣдованія вверхъ по Нилу, подошла къ живописному побережью Луксора, съ его уцѣлѣвшей еще массивной колоннадой, лѣпящимися вокругъ бѣлыми домиками, минаретами, какъ-то странно выдѣляющимися среди остатковъ ненавистнаго исламу язычества, и обелискомъ, который какъ-бы выглядываетъ изъ-за высокихъ разрушающихся стѣнъ сосѣдняго святилища. Послѣднее еще недавно было занято туземцами подъ жилье и первоначальную арабскую школу; но теперь, заботами и настояніями дирекціи Гизэсскаго музея, разчищено, освобождено отъ нежелательныхъ обитателей и, по мѣрѣ возможности, поставлено въ благопріятныя условія.

ЛУКСОРЪ.

Прежнія «Ѳивы» получили наименованіе отъ классическихъ писателей, во всемъ отыскивавшихъ свои эллинскія названія, тогда какъ въ дѣйствительности городъ слылъ у египтянъ за «Апу» («престолы кумировъ»), съ приставкой «т» впереди. Классическіе писатели изъ этого сдѣлали Θῆβαι, а мусульмане возводя постройки среди запустѣлаго чертога невѣдомыхъ боговъ, назвали ихъ «эль-Кусуръ» (замки); изъ этого слова впослѣдствіе получилось «Луксоръ». И сюда-то потомство пришло вить убогое, неопрятное гнѣздо. Отсюда египтологи сочли себя призванными выдворить пришельцевъ.

Здѣсь — первая продолжительная остановка Августѣйшихъ путешественниковъ въ Верхнемъ Египтѣ, съ цѣлью непосредственно-близкаго ознакомленія съ мѣстными древностями: нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ двухъ шагахъ отъ пароходной пристани. Стóитъ покинуть ее и перейдти къ гранитнымъ столбамъ, подпирающимъ одно дивное сооруженіе, — и сразу чувствуешь себя унесеннымъ въ легендарную область. Забываешь время, когда живешь. На яву осязаешь то, что издали казалось несбыточно-страннымъ и таинственнымъ. Камни сберегли, въ теченіе тысячелѣтій, безсмертное повѣствованіе о

минувшихъ дняхъ, вѣрованіяхъ, подвигахъ. Прошедшее встаетъ передъ нами, каменною стѣной отдѣляетъ насъ отъ текущаго вѣка, по своему учитъ, по своему волнуетъ изумленную мечту.

Царь Аменхотепъ III (1500 лѣтъ до Р. Х.) разукрасилъ осматриваемое Великими Князьями святилище. Давняя старина связана съ именемъ этого фараона, — такая давняя, что просто не вѣрится, была-ли она взаправду, какъ мы ее себѣ представляемъ, не тѣшится-ли нашъ умъ безплодными догадками о ней, если даже вчерашнія событія не вполнѣ ясны. А намъ еще говорятъ, что храмъ существовалъ здѣсь и ранѣе, въ еще болѣе отдаленномъ періодѣ, а позже (3400 лѣтъ до нашего времени) только подвергся обновленію. Надо, какъ говорятъ египтологи, перелетѣть мыслью за грань пятаго тысячелѣтія до насъ, чтобы остановиться на эпохѣ зарожденія основной Ѳиванской кумирни.

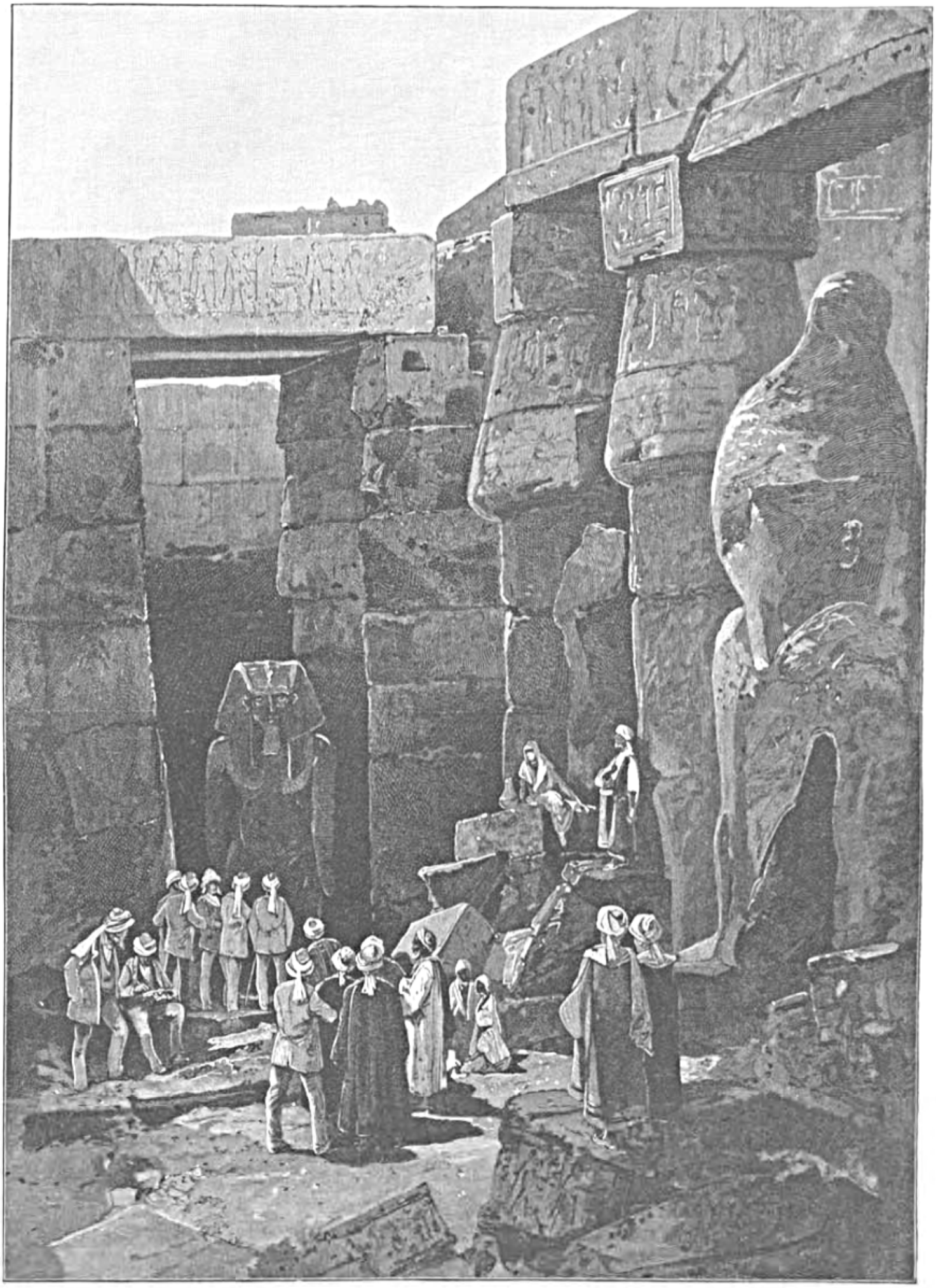
Она собственно расположена немного ниже побережья. Для посѣщенія ея приходится спуститься нѣсколько шаговъ, что отчасти придаетъ впечатлѣніямъ особую характерность и причудливость. Такъ и кажется, что стоишь передъ огромной открытой могилой, которую забыли или не хотятъ засыпать землей. Незримо присутствующіе мертвецы какъ-будто боятся навсегда взять съ собою довѣренное имъ духовное сокровище, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не умѣютъ его передать потомкамъ.

Вокругъ центра кумирни, своего рода «святаго святыхъ», — недоступнаго толпѣ, — постепенно, вѣками, выростали смежные величественные покои. Августѣйшихъ путешественниковъ вводятъ въ одинъ изъ нихъ, съ глубокомысленными начертаніями на стѣнахъ. Тутъ изображено, напримѣръ, появленіе на свѣтъ фараона Аменхотепа. Молодыя и красивыя богини, по имени Хаторъ, въ качествѣ добрыхъ фей притекли къ новорожденному и съ улыбкой поддерживаютъ ослабѣвшую царицу-мать Маутемуа, а надъ ея сыномъ изрекаютъ вѣщія предсказанія. На стѣнѣ изображено двое младенцевъ: втораго держатъ, на рукахъ, непосредственно за первымъ. Въ этомъ есть сокровенный смыслъ. Древніе египтяне усматривали въ каждомъ человѣкѣ существованіе таинственнаго принципа «ка». Когда тѣло умирало, — «ка» оставался неприкосновеннымъ, переселившись въ какую-нибудь статую или картину, тождественную съ внѣшностью покойнаго. Послѣднія замуровывались близь него въ его вѣчномъ жилищѣ. Даже если мумія уничтожалась, — «ка» все еще могъ существовать.

Личность фараона слишкомъ выдавалась надъ прочими смертными, чтобы его «ка» не представило крайняго интереса. Здѣсь, въ Луксорѣ, мы убѣждаемся въ этомъ, глядя на рожденіе Аменхотепа. «Ка» матери наклоняется надъ нимъ и надъ царицей, навѣваетъ на нихъ благополучіе. Ребенокъ и его спутникъ «ка» нарисованы, въ разные моменты: то вскармливаемыми «божественной коровой» (также богиней Хаторъ), то вписываемыми въ книгу царей богинею знанія Сафекхъ, то поклоняющимися верховнымъ божествамъ и т. д.

Ихъ Высочества углубляются въ развалины. Въ одномъ мѣстѣ показываютъ слѣды христіанской церкви, приблизительно VI столѣтія, когда въ Ѳиваидѣ коренилась вѣра, обновившая языческій міръ. Лики угодниковъ Божьихъ, съ сіяньемъ у чела, не вполнѣ стерлись: сквозь обваливающуюся около нихъ штукатурку какъ-то призрачно выглядываютъ древне-египетскіе объекты культа, съ ихъ неестественной символической внѣшностью и мудреными названіями. У прежняго алтаря ясно темнѣютъ остатки византійской живописи — полустертые всадники, бархатъ чьей-то обуви, наконецъ обрывки греческихъ надписей.

Выходъ изъ Луксорскаго святилища пока еще недостаточно очищенъ отъ мусора и печальныхъ обломковъ. Вотъ та часть сооруженія, которую воздвигалъ фараонъ Рамзесъ



У МОГИЛЫ ПРОШЕДШАГО.

Великій. Начертаны: онъ самъ, — гигантскаго размѣра, — на колесницѣ, истребляющій враговъ, или же на престолѣ, принимающій поклоненіе побѣжденныхъ и плѣнныхъ. Если знать въ чемъ дѣло, можно различить военный станъ тогдашнихъ временъ, уходъ за лошадьми, наказаніе провинившихся солдатъ, лагерный обозъ, ряды пѣхоты.

Знаменитый пѣвецъ этой славной эпохи, Пентауръ, превознесъ въ плавной и яркой рѣчи мощь своего царя. Поэма была оцѣнена по достоинству. Ее издали иллюстрированной, какъ умѣли издавать только знатоки и творцы всего грандіознаго, т. е. врѣзали въ камень на громадныхъ стѣнахъ святилищъ, и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (между прочимъ, и въ Луксорѣ).

Царскія гранитныя изваянія, въ 7 саженъ высоты, наполовину засыпаны прахомъ. Подлѣ нихъ подымаетъ непокорную вершину современный имъ розоватаго цвѣта обелискъ. Мечеть придвинулась сюда же въ черту языческаго храма. Любопытныя феллахскія женщины и дѣти скучились между построекъ, среди которыхъ чередовались разнообразные культы.

Приготовлены ослики, чтобы ѣхать въ близь лежащій Карнакъ, главнѣйшую достопримѣчательность Ѳивъ. Дорога ведетъ по мѣстности, нѣкогда сплошь занятой дворцами владыкъ Египта, домами вліятельнаго жречества, именитыхъ горожанъ и купцовъ, сбиравшихся въ крайне многолюдную столицу изъ всѣхъ прилегающихъ странъ и отдаленныхъ центровъ торговли. Караваны приходили изъ внутренней Африки, съ береговъ Средиземнаго и Краснаго морей. Городъ, окрѣпшій и развившійся въ дни борьбы за независимость отъ ига гиксосовъ, впослѣдствіе достигъ блестящаго и цвѣтущаго состоянія. Но и ему насталъ конецъ, и его подкосила смерть.

Странное чувство шевелится въ душѣ при посѣщеніи стараго пепелища наслаждавшихся здѣсь жизнью народовъ. И сегодня жаркій чудный день, какой зимою мыслимъ только въ Верхнемъ Египтѣ. Твердь улыбается. Лѣнивая струя вѣтерка едва рябитъ поверхность Нила и не въ силахъ освѣжить запыленныхъ деревьевъ. Кругомъ видны слѣды упорной земледѣльческой культуры. Стоитъ взглянуть на полунагихъ трудящихся поселянъ, чтобы понять преемственную передачу имъ, — отъ фараоновыхъ подданныхъ, — и терпѣнія безъ границъ, и слѣпаго довольства судьбою, и сознанія неразрывно-глубокой связи принильскаго крестянина съ питающей его тучной почвою. А всетаки чего-то нѣтъ для возврата утерянныхъ благъ. Бездна зіяетъ между прошедшимъ и настоящимъ... Впрочемъ, — вотъ и самый хаосъ сооруженій, куда направлялется нашъ путь.

Вездѣ слѣды унылаго разрушенья. Какая-то терасса сползла въ полуобвалившійся залъ. Лучъ солнца проникъ въ сокровеннѣйшій уголокъ храма. Непокорная пальма выросла среди обломковъ, олицетворяя торжество природы среди области смерти.

Идешь по Карнакскому святилищу — камни заслоняютъ дорогу: грозящая обвалиться арка наклонилась надъ нею, колоколообразный орнаментъ уцѣлѣлъ еще на массивныхъ столбахъ. Такъ вотъ эта гигантская каменная лѣтопись древняго Египта, гдѣ онъ отражается весь, вѣками своего разцвѣта, могущества и славы! Прахъ и безмолвіе наложили печать на развалины. Чѣмъ же онѣ были и что онѣ еще представляютъ изъ себя? Дымъ куреній разсѣялся, и въ суровой наготѣ сѣрѣютъ обступающія насъ стѣны. Мы входимъ за ихъ словно очарованную грань, и какъ-то долго не можешь сообразить, куда именно зашелъ, что это за фигуры врѣзаны въ колонны, какой міръ воскресаетъ вокругъ и просится въ душу съ высоты гранитныхъ глыбъ.

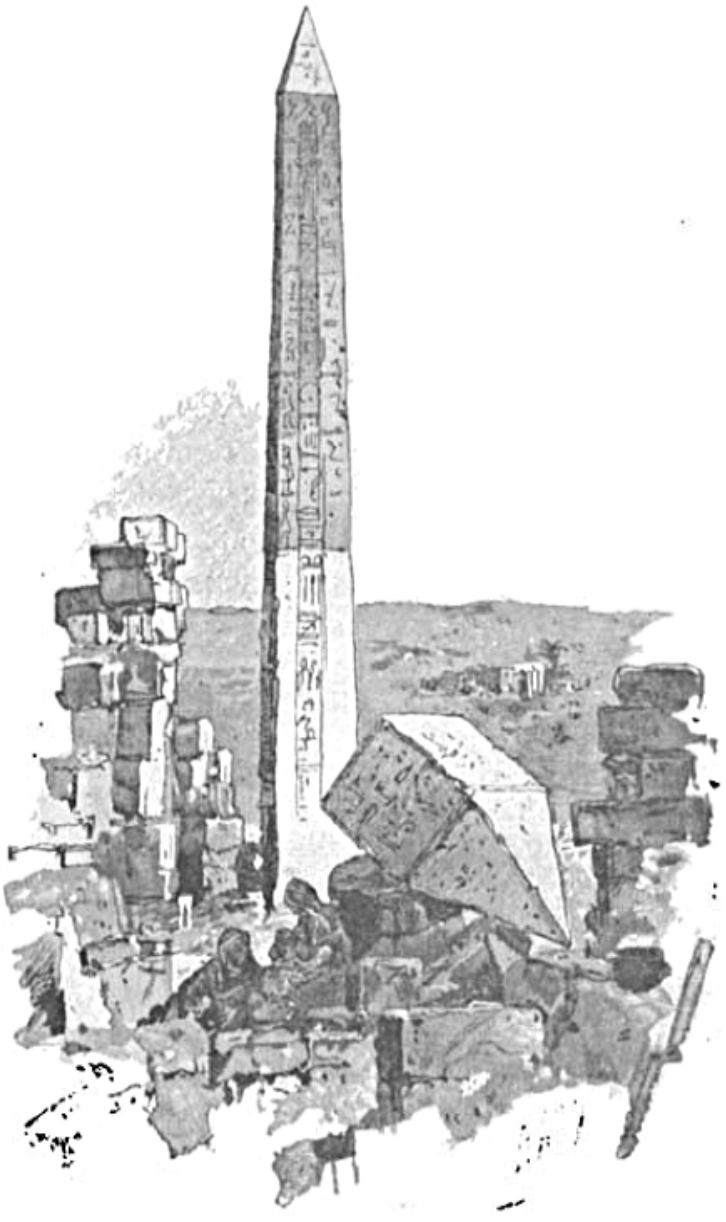
Лучшія времена Ѳивъ, ставшихъ политическимъ центромъ страны, тѣсно связаны съ каждою постройкой въ чертѣ здѣшняго цикла храмовъ и памятниковъ. Непобѣдимые фараоны приказали врѣзать въ камень, на раздумье потомству, названіе странъ и городовъ, куда геній побѣдъ заводилъ египетскія войска. Историческая географія прямо обогащается, когда вчитываешься въ рядъ извѣстныхъ еще по Библіи именъ, узнаешь про паденіе Дамаска, Яффы, Бейрута, Тира, Вавилона и другихъ важныхъ пунктовъ, про уведеніе въ полонъ сирійскихъ племенъ, лишеніе власти многихъ царьковъ и повелителей, разграбленіе пышныхъ восточныхъ сокровищницъ, однимъ словомъ, пріобщеніе себѣ всего того, чѣмъ иноземная культура была значительно выше принильской, имѣя болѣе развитой матеріальный бытъ, съ такими утонченными проявленіями цивилизаціи, какія не снились Ѳиванскимъ владыкамъ. Это разжигало ихъ корысть и воинственный пылъ, влекло въ бой за ними десятки тысячъ послушнаго народа. Затѣмъ, здѣсь, въ сторонѣ отъ опасныхъ границъ и вдали отъ арены борьбы, фараонъ за фараономъ (въ теченіе семидесяти царствованій и при пятидесяти поколѣніяхъ) постепенно создавали и расширяли кругъ святилищъ, такъ что послѣднія въ концѣ концевъ заняли пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ.

За то печально глядятъ со стѣнъ высѣченныя въ нихъ изображенія сотенъ плѣнныхъ со щитами на груди, на которыхъ отмѣчены названія ихъ преданныхъ разграбленію родныхъ городовъ. Одинъ Рамзесъ III подарилъ египетскому жречеству, для храмовъ, сотни угодій, сотни тысячъ головъ скота и всякой живности, милліоны мѣшковъ хлѣба и 113,433 рабовъ, въ томъ числѣ сирійскихъ князей и негритянскихъ вождей. Рабы распредѣлялись по роду занятій, составляя, вмѣстѣ съ туземцами, — крѣпостными монастырей, — стражу, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ, землепашцевъ, скотоводовъ, охотниковъ, рыбаковъ, лодочниковъ и т. д.

Подъѣзжая къ Карнаку, удивляешься тому, насколько тутъ свирѣпствовало разрушеніе, какъ уничтожались удивительныя зданія. Но вѣдь это — область, посвященная богу Амону («сокровенному»)?! Такъ и кажется, что когда пришли истребители, онъ самъ не захотѣлъ допустить до своихъ чертоговъ кощунственную орду и сталъ метать въ нее обломки величественныхъ колоннъ, статуй, обелисковъ. Жилище титановъ должно было оставаться неприкосновеннымъ, — и что же! люди-пигмеи, въ ослѣпленіи своихъ мелкихъ страстей, проникли всетаки сюда, поколебали горделивые своды, подъ которыми уживались многосаженные столбы и легко помѣщался любой отдѣлъ, размѣрами значительно превосходящій поверхность, занимаемую соборомъ Богородицы въ Парижѣ.

Передъ нами развертывается знаменитый залъ въ 134 столба, подпиравшихъ массивнѣйшую крышу. Надъ головою нѣтъ достаточно воздуха, нѣтъ неба, чтобы высота сооруженія стушевывалась сравнительно съ неизмѣримостью послѣднихъ. Толщина колоннъ очень значительна: развѣ только человѣкъ шесть могутъ охватить каждую! Здѣсь собственно — цѣлый густой лѣсъ стройныхъ глыбъ, отдаленный намекъ на причудливость тропической растительности. Промежутки между ними весьма малы и потому, мѣстами, разливается извѣстнаго рода таинственность полумрака. Кто-то нарисованъ на нихъ, краски еще не поблекли, число фигуръ все множится и множится по мѣрѣ того, какъ всматриваешься, и доводитъ до головокруженія. Да, говоришь себѣ: архитектура едва-ли не величайшее изъ искусствъ, когда она сочетается съ ваяніемъ и живописью, заставляя камни проникаться жизненнымъ трепетомъ. Зазвучи въ такой обстановкѣ музыка, и духъ нашъ отрѣшится отъ скудной и блѣдной земли! . .

Августѣйшіе путешественники и лица свиты садятся, гдѣ кому придется, отдохнуть среди развалинъ, отмѣченныхъ вѣчностью. Кругомъ тянутся какъ-бы аллеи и только начертанія, этажами восходящія по столбамъ, мѣшаютъ этой вполнѣ естественной иллюзіи. Впереди изящными линіями выдѣляется несверженный, подобно собратьямъ, громадный обелискъ. Онъ когда-то сіялъ отъ позолоты, добытой въ славныхъ походахъ, но теперь утратилъ ее, словно тяготится одиночествомъ и дряхлостью. Легенда гласитъ, что этотъ гранитный памятникъ, вѣсящій болѣе 20,000 пудовъ, привезенъ изъ каменоломенъ при Ассуанѣ (дальше на югѣ), и доставка его, вмѣстѣ съ извлеченіемъ на свѣтъ, потребовала лишь семи мѣсяцевъ. Послѣднее обстоятельство — просто чудо. Но вѣдь сооруженіе обелисковъ было необходимостью: на верхушкѣ ихъ медлило и отдыхало дневное свѣтило. Они своею тѣнью на пескѣ измѣряли шаги «бога-солнца!» . . .



КАРНАКЪ.

Фараонъ, сынъ и олицетвореніе божественнаго свѣтила, конечно, воздвигалъ въ честь небеснаго отца легкую на видъ и тонкую пирамиду, съ вершиною, заостренною для воспріятія лучей, причемъ надпись свидѣтельствовала о томъ, какъ царь, — источникъ теплоты, — оживляетъ сердца народа. Въ данномъ случаѣ щедро созидалъ не царь, а царица Хатшепсу, одна изъ оригинальнѣйшихъ женщинъ древняго міра. Она приказывала изображать себя мужчиной, съ бородой, — по мужски властвовала, думала, чувствовала. Лѣтопись принильскаго народа въ лицѣ ея знаетъ свою царевну Софію, такую же энергичную, непокорную, желавшую править безъ братьевъ. Старшій — мягкій и уступчивый — еще мирился съ этимъ. Второй, величайшій изъ всѣхъ фараоновъ, смелъ со своего пути честолюбивую сестру.

Вызванный ею къ бытію четырнадцатисаженный обелискъ по прежнему стремится главою въ недосягаемое небо и озираетъ просторъ упраздненныхъ алтарей, съ окаменѣлыми молитвословіями фараоновъ. Такое опредѣленіе, въ сущности, совершенно подходитъ къ тому, что есть. Рѣдко — гдѣ не видишь изсѣченныхъ на памятникѣ владыкъ Египта приносящими жертвы богамъ, для полученія отъ нихъ многихъ благъ и успѣховъ.

Странное творчество донынѣ еще не вполнѣ разгаданной культуры! Ея прошедшее подобно остаткамъ мѣстнаго зодчества: съ одной стороны все какъ-будто — напоказъ, ясно, плоско, до мертвенности недвижно; но чуть вдумаешься, и за всякою монотонною чертой таится и слышится иное высшее значеніе. Изъ-за тысячелѣтій подаютъ о себѣ

вѣсть (и притомъ съ помощью гіероглифовъ, которые темны для непосвященныхъ) сами себя обожествившіе люди, внѣ видимаго міра чего-то ищущіе, на что-то уповающіе, обманутые рокомъ и призраками грядущаго. Положимъ, извѣстно, что они же, на высотѣ могущества, при побѣдахъ, были только звѣри, и больше ничего. Плѣнные именитые враги приводились сюда, въ Ѳивы, на чужбину, исключительно для того, чтобы быть пригвожденными къ стѣнамъ святилищъ, на потѣху и страхъ всѣмъ, — и своимъ, и иородцамъ, которые стекутся смотрѣть на страдальцевъ. Эти мстительныя тѣни налагаютъ и доселѣ позорное клеймо на фараоновъ-побѣдителей, но все же, рядомъ съ тѣмъ, невольно спрашиваешь себя: отчего они сдѣлались и стали такими великими, отчего намъ точно чего-то недостаетъ передъ ними? Правда, мы меньше цѣнимъ переживаемыя мгновенья, а они цѣнили!

Напримѣръ, вотъ длинный внѣшній фасадъ одного святилища, исписанный данными о подвигахъ, никому теперь не нужныхъ и всетаки сохранившихся незабвенными. Тотъ Сети, котораго изсохшее тѣло лежитъ въ Гизэсскомъ музеѣ, здѣсь изображенъ грознымъ и неотразимымъ: онъ правитъ двуконною колесницею, переступаетъ свою укрѣпленную восточную границу, сокрушаетъ иноземцевъ, строитъ новыя крѣпости въ завоеванныхъ краяхъ, повелѣваетъ срубать ливанскіе кедры для бѣднаго лѣсомъ Египта, въ качествѣ трофеевъ влечетъ домой отрубленныя головы и длани непріятелей. . .

Въ одномъ мѣстѣ царь сошелъ со своей боевой колесницы. Отданъ приказъ готовить матеріалъ для судостроенія. Деревья густолиственны и стройны. Лица азіятовъ характерны. Дальше картина рѣзко мѣняется. Сети опять на колесницѣ: подъ нею — павшіе враги. Имена фараоновыхъ коней высѣчены надъ ними. Властитель съ Нила разгнѣванъ противъ иноземцевъ, какъ потревоженный левъ; они гибнутъ, затопляемые въ крови; повсюду — смятеніе. Большинство побѣжденныхъ пронизывается стрѣлами. Какой-то несчастный простеръ руки, моля о пощадѣ. Но изъ надписи извѣстно, что щадится лишь по человѣку на каждыя десять тысячъ, чтобы эти счастливцы разнесли единоплеменникамъ вѣсть о силѣ египетскаго повелителя.

Осаждаются твердыни. Дѣйствіе происходитъ у рѣки Тигра въ халдейской землѣ. Туземцы изображены не по обыкновенію — въ профиль, а en face; они испуганно прячутся въ чащу. Побѣдитель и противники сталкиваются на повозкахъ. Верхняя часть стѣны обвалилась и потому отпали головы его самого и его скачущей лошади, но мощныя длани тянутся впередъ, низвергаютъ сразу двухъ враговъ и затѣмъ стрѣляютъ изъ лука въ нападающихъ всадниковъ.

На полуразрушенной оградѣ можно еще различить царя, собственноручно вяжущаго плѣнныхъ или ведущаго ихъ за своею колесницей. Они шествуютъ рядами. Гдѣ-то наверху видна толпа покоренныхъ, влекомая фараономъ на веревкѣ. Тутъ же выдѣляются фигуры покровительствовавшей Ѳивамъ тріады боговъ: Амона, Мутъ («мать») и Хунсу (первый съ перьями на челѣ, вторая съ ястребомъ, третій — ихъ дѣтище — съ луннымъ серпомъ). Имъ, должно быть, сладостно созерцаніе измученныхъ невѣрныхъ, — тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ подносятся (въ начертаніяхъ) золотые, серебряные и малахитовые сосуды.

По близости взоры приковываются замѣчательною картиной возвращенія изъ похода. Кони горячатся передъ легкою колесницей, на которой возсѣдаетъ самъ владыка и лежатъ отрубленныя головы недруговъ. Его путь пролегаетъ у египетской границы черезъ наполненный крокодилами каналъ, существовавшій до Суэзскаго сооруженія, три тысячи триста пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Каналъ здѣсь названъ «Та-Тенатъ» («прорѣзъ»). Онъ соединялся

съ Ниломъ и давалъ доступъ отъ моря къ морю. На противоположномъ берегу этой узкой водной полосы фараона ожидаютъ жрецы съ цвѣтами, восхваляя торжество побѣдителя; женщины подняли руки къ небу, встрѣчая дорогое войско.

У входа во внутренность святилища съ двухъ сторонъ высятся огромныя одинаковыя изображенія: богъ Амонъ передаетъ Сети оружіе и ряды связанныхъ иноплеменниковъ, пока послѣдній избиваетъ группу такихъ же лицъ, ухвативши ихъ всѣхъ вмѣстѣ за волосы. Въ другомъ мѣстѣ подобнымъ же образомъ начертанъ царь Шишакъ, завладѣвшій Іерусалимомъ при сынѣ Соломона и унесшій сокровища храма.

Чѣмъ больше вглядываешься, тѣмъ грубѣе дѣйствуетъ монотонность наивныхъ описаній. А наивность порою простирается до крайняго предѣла. Напримѣръ, пастухъ пасетъ стадо во вражеской землѣ. Вдругъ является повелитель Египта. Безоружный поселянинъ пораженъ ужасомъ, рогатый же скотъ устремляется въ бѣгство. Нападающіе владыки — всегда большихъ размѣровъ, а побѣждаемые сравнительно очень малы ростомъ.

Все вокругъ безконечно и бездушно гласитъ о томъ, что могло быть утѣхой и поученіемъ для полудикарей, но давнымъ давно отжило и должно быстро пресытить вниманіе посѣтителей съ инымъ міровоззрѣніемъ. Однако это прошедшее тѣмъ не менѣе обступаетъ здѣсь чужеземцевъ на каждомъ шагу, и, обходя развалины, нельзя воздержаться отъ иныхъ археологическихъ комментаріевъ. Какъ умолчать хотя-бы о старѣйшемъ международномъ договорѣ, высѣченномъ на южномъ фасадѣ Амонова святилища! Рѣчь идетъ о мирѣ и объ оборонительно-наступательномъ союзѣ, заключенномъ при царѣ Рамзесѣ II (за 3000 слишкомъ лѣтъ до насъ) съ вождемъ хиттитовъ на востокѣ. Они клянутся, — призывая въ свидѣтели не только свои божества, но и мѣстныя горы, рѣки, вѣтеръ и облака, — что сохранятъ въ цѣлости данныя другъ другу обѣщанія: прекратить вражду, помогать въ бѣдѣ, изъ-за согласной жизни выдавать даже бѣглыхъ преступниковъ! Вотъ, откуда, значитъ, надо уже слѣдить за развитіемъ вопроса объ экстрадиціи.

Каждое божество названной тріады имѣло въ Карнакѣ свой храмъ, но уживалось, впрочемъ, и съ другими занесенными сюда богами и богинями. Въ эту мѣстность проникали свирѣпо настроенные, неотразимые въ наступленіи ассирійцы, потомъ эфіопы и персы; но святилища поколеблены до основанія не ими, не полуварварами: нѣтъ, здѣсь эллинскою рукою безжалостно истреблялись (при подавленіи возстанія, когда правилъ Птоломей X, около ста лѣтъ до Р. Хр.) памятники, любовно взлелѣянныя вереницею славныхъ фараоновъ. Горожане въ то время оборонялись въ кумирняхъ, точно въ крѣпостяхъ.

Одиноко поднимаются, нѣсколько поодаль, величественныя врата. За ними опять пустырь и обломки. Небольшое озеро сиротливо виднѣется въ сторонѣ: на немъ когда-то качалась золотая барка Амона.

Каменистою тропой направляешься обратно на Нилъ, къ яхтамъ. Встарь туда вела изъ Карнака цѣлая аллея 1000 сфинксовъ. Теперь безформенно виднѣются здѣсь и тамъ, на дорогѣ Августѣйшихъ путешественниковъ, изображенія богини съ головой кошки или львицы. Статуи изуродованы, наполовину повалены, придаютъ окрестному унынію еще болѣе грустный отпечатокъ.

Ихъ Высочества вернулись на яхту. Толпа начинаетъ рѣдѣть вдоль побережья. Близко къ вечеру. Колокольный звонъ съ тихимъ призывомъ несется изъ католической церкви Луксора, находящейся при маленькомъ францисканскомъ монастырѣ. Два нищіе

съ виду туземца поливаютъ то, что, съ нѣкоторымъ неправдоподобіемъ, можно называть мѣстною мостовою: узенькое пространство между руинами и рѣкой. Поливка происходитъ изъ черныхъ козлиныхъ мѣховъ, которые, будучи наполненными, похожи на живыхъ тварей.

Всматриваешься въ эту незатѣйливую дѣйствительность, служащую звеномъ между нами и царственнымъ наслѣдіемъ фараоновъ, теряешься во множествѣ навѣянныхъ имъ мыслей и мечтаній, уносишься въ глубь вѣковъ, — и снова чувствуешь себя передъ гранитными столбами Аменхотепова и Рамзесова святилища. Не оживится-ли по прежнему Нилъ сотнями судовъ, подвозившихъ къ Ѳивамъ сокровища Юга и Востока? Не появятся-ли изъ пустыни запыленно-усталые караваны, привозившіе золото и драгоцѣнные камни изъ тамошнихъ копей?

КАРНАКЪ.

Нѣтъ. Взамѣнъ этого на водной поверхности уродливо вырисовывается узкій двухъэтажный пароходъ предпріимчивой компаніи Кукъ, развозящей иностранцевъ-туристовъ, которые съ лихорадочною быстротой обозрѣваютъ Верхній Египетъ. Въ бинокль можно разглядѣть, какъ отъ Ливійской гряды ѣдутъ по направленію къ Луксору какіе-то туземцы, погоняя своихъ навьюченныхъ осликовъ. Это, какъ весьма можетъ статься — спеціалисты по тщательной поддѣлкѣ различныхъ древностей, скрывающіеся вдали отъ зоркаго преслѣдованія мѣстныхъ чиновниковъ, которымъ предписано наблюдать, нѣтъ-ли между фальсификаціей и подлинныхъ вещей, уворованныхъ изъ иной неизвѣстной египтологамъ гробницы.

Заходящее солнце, освѣщая дальніе предметы, словно опутываетъ ихъ тонкою свѣтлою паутиною, набрасываетъ на нихъ прозрачное золотистое покрывало. Вотъ и дневное свѣтило ушло, и все кругомъ приняло какой-то мертвенно-сѣрый оттѣнокъ. Только слабый отблескъ тянется полоскою на томъ мѣстѣ, гдѣ закатилось солнце. Вдругъ, точно завѣса отдергивается у западнаго небосклона, точно кратеръ открывается вдали: окрестность окрашивается въ багровый цвѣтъ. Спокойное и подобное морю зеленоватое небо понемногу наполняется цѣлою гурьбою пламенѣющихъ облачковъ, подъ балдахиномъ такого-же цвѣта — и затѣмъ столь-же внезапно картина тускнѣетъ, начинавшій разгораться песокъ холодѣетъ, легкіе туманы поднимаются и ростутъ за купами пальмъ и феллахскимъ жильемъ. Природа точно два раза борется со мракомъ, прежде чѣмъ ему уступить, прежде чѣмъ всецѣло погрузиться въ него.

Совсѣмъ темнѣетъ. Легкій голубоватый туманъ крадется за Ниломъ по равнинѣ къ черным рѣзко очерченнымъ скаламъ. Мѣсяцъ тихо всплываетъ изъ-за горъ, озаряетъ

унылое безлюдное пространство, обозначаетъ свѣтлыми точками дрожащую полосу рѣки. Звѣзды разгораются ярче и ярче. Млечный путь сверкаетъ какъ-то ласковѣе и таинственнѣе. Ни звука, ни движенія вокругъ: одинъ торжественный, безграничный покой!

Воскресенье, 18 (30) ноября.

На большемъ пространствѣ, по обоимъ берегамъ Нила, разбросаны памятники, развалины и останки «стовратныхъ» Ѳивъ. Нужно много времени, чтобы внимательно осмотрѣть ихъ. Цѣлая литература объ Египтѣ недостаточно еще проливаетъ свѣта на относящіяся до нихъ подробности. Изъ всего величественнаго, громаднаго, когда-то священнаго и даже прекраснаго, чѣмъ окруженъ иностранецъ, вглядывающійся въ древнюю туземную культуру, «долина смерти» (на противуположной сторонѣ отъ деревни Луксора), такъ-называемыя «Бибанъ-эль-мулукъ» («царскія врата») производятъ едва-ли не самое глубокое впечатлѣніе и лицемъ къ лицу ставятъ съ тѣми существеннѣйшими религіозно-философскими вопросами, которые нѣкогда уяснялъ себѣ и во имя которыхъ жилъ египтянинъ. Зрѣлище это мрачно, своеобразно, таинственно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто. Здѣсь открывается совершенно новый міръ, говорящій на непонятномъ и въ то же время ясномъ для сердца языкѣ.

Прохладное утро. Окрестности Нила купаются въ мягкомъ свѣтѣ. Мѣстечко Луксоръ, на правомъ восточномъ берегу, — съ приставшими къ нему придворными пароходами, на которыхъ прибыли въ Ѳивы Августѣйшіе путешественники со свитой, — все болѣе и болѣе отодвигается по направленію къ низкимъ Аравійскитъ горамъ. Для посѣщенія некрополя (знаменитыхъ «фараоновыхъ могилъ») надо переправиться въ лодкахъ на западную сторону.

Гребцы борются съ теченіемъ. Рѣка двумя рукавами охватываетъ песчаный островъ. Мелко и нелегко пристать. Цѣлая гурьба погонщиковъ съ осликами ожидаетъ желанныхъ Гостей на близкомъ уже отъ насъ прибрежномъ обрывѣ. Дальше амфитеатромъ вырисовываются угрюмыя Ливійскія возвышенности. Мы пристаемъ. Въ сторонѣ отъ берега виднѣются какія-то развалины; двѣ глыбы исполинскихъ изваяній выдѣляются въ прозрачномъ воздухѣ среди равнины, простирающейся къ руинамъ. Еще очень рано, но жаркій день вступаетъ въ свои права. Разстояніе до царскихъ гробницъ понуждаетъ къ торопливости. Прежніе владыки стремились подальше отъ столицы найдти и устроить себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

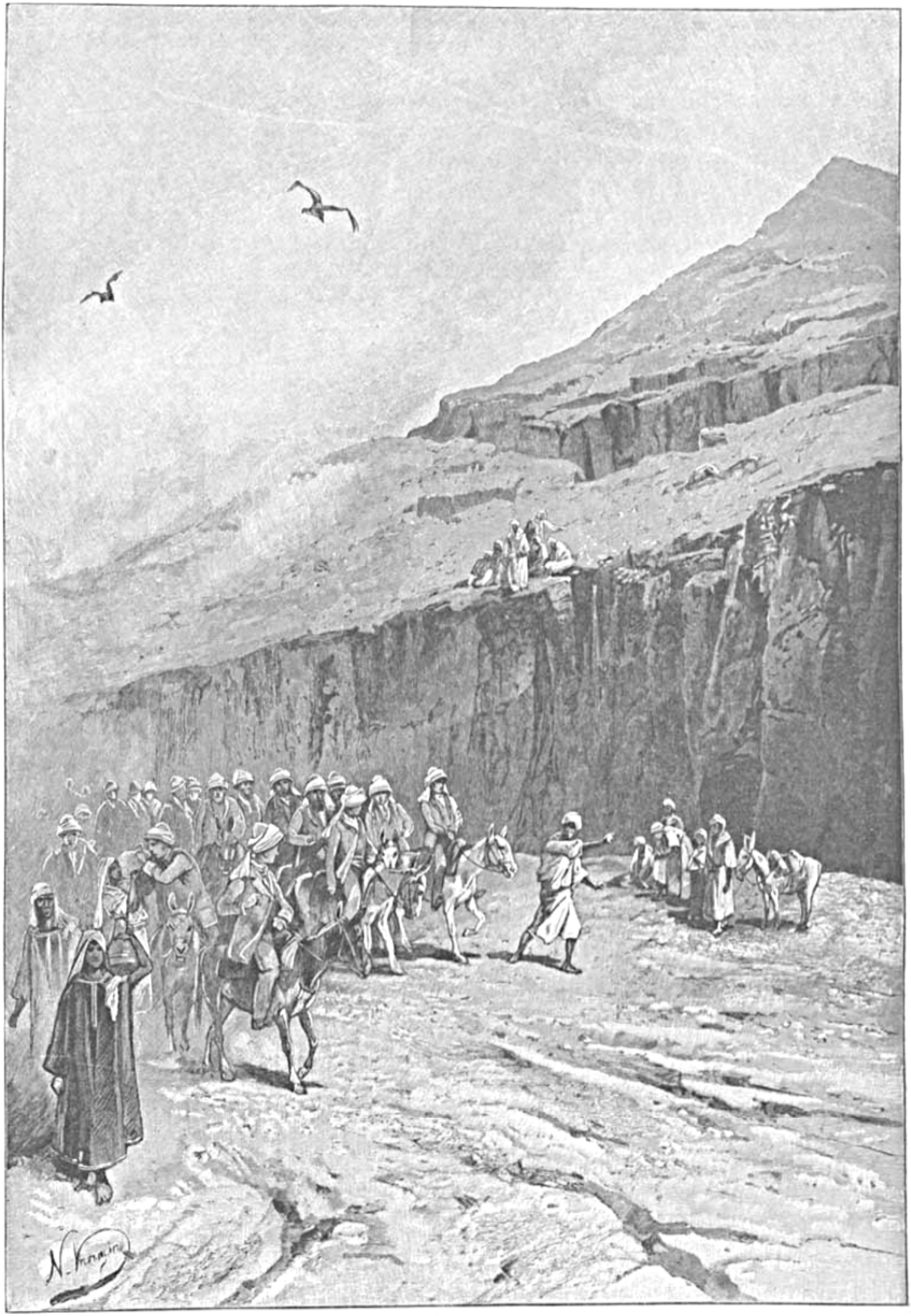
По бокамъ извивающейся дороги, вдоль почти сухаго рва, живописною вереницею бѣгутъ феллахскія дѣвочки съ кувшинами на головахъ. Мы ѣдемъ рысцой. Даже животныя не то спотыкаются, не то вязнутъ въ пескѣ, — но гибкія и проворныя, точно звѣрьки, дѣти Нила не отстаютъ отъ путешественниковъ, зорко слѣдятъ за каждымъ ихъ движеніемъ, держатъ наготовѣ свѣжую воду. Безъ этихъ привѣтливо и лукаво улыбающихся личикъ весь характеръ окружающей мѣстности представлялся бы въ другомъ, менѣе привлекательномъ свѣтѣ. Хорошее настроеніе, впрочемъ, поддерживается симпатичною внѣшностью, бодрымъ шагомъ, а порою и рвеніемъ нашихъ забавно помахивающихъ ушами осликовъ. Иные изъ нихъ отличаются рослостью, въ сравненіи со своими европейскими собратьями, навѣрно дорого стоютъ (цѣна здѣсь на нихъ доходитъ порою до ста фунтовъ стерлинговъ), заботливо подстрижены, и, въ качествѣ украшенья, имѣютъ симметричныя полоски на заднихъ ногахъ.

Горы ближе. Окрестность дѣлается глуше и пустыннѣе. Справа нестройною массою бѣлѣютъ остатки какого-то сооруженія, вродѣ храма. За поясненіями, что это такое, незачѣмъ обращаться къ тексту «путеводителей»: какъ уже сказано, Августѣйшихъ путешественниковъ сопровождаютъ по Нилу два египтолога — Эмиль Бругшъ и В. С. Голенищевъ, давно уже глубоко изучающій культуру страны фараоновъ. Оба эти ученые на каждомъ шагу даютъ рядъ любопытнѣйшихъ указаній. Постоянно возникаетъ вопросъ за вопросомъ, но за то и научные отвѣты немедленно же могутъ быть получены.

Поворачивая своихъ осликовъ къ сѣверу, влѣво, на ходу узнаешь про значеніе, присущее оставляемымъ позади развалинамъ, до сихъ поръ приковывающимъ вниманіе туристовъ. Здѣсь существовало въ древности святилище, въ память царя Сети, извѣстное теперь подъ названіемъ храма въ Курнѣ. Ученый романистъ Эберсъ пишетъ, что при немъ находилась школа, гдѣ тщательно воспитывались, по приказанію упомянутаго фараона, его престолонаслѣдникъ Рамзесъ II (Великій) и всѣ мальчики страны, родившіеся съ нимъ въ одинъ день. Въ числѣ ихъ могъ быть Моисей, хотя такое предположеніе весьма гадательно. Сюда, въ опредѣленное время, приносилось изъ столицы, съ восточнаго берега, изображеніе бога Амона. Торжественная процессія двигалась на западъ къ Нилу и затѣмъ отъ рѣки, по дорогѣ, уставленной давно изчезнувшими сфинксами; главное божество Ѳивъ посѣщало мѣсто, отведенное культу генеалогически ему близкихъ и его же славящихъ туземныхъ владыкъ, особенно способствовавшихъ возвышенію Египта. Кумиръ направлялся жрецами въ самую глубь некрополя, куда лежитъ и нашъ путь. Надо было посѣтить мѣста, гдѣ погребались именитые усопшіе, — подобно миріадамъ солнцъ, навсегда закатившимся въ глазахъ людей, — тоже отошедшіе въ подземное царство для новой жизни. Амонъ, несомый среди Ливійскихъ возвышенностей, какъ-бы чествовалъ померкшія свѣтила, съ которыми сознавалась его мистическая связь. Населеніе, слѣдуя такому же примѣру, научалось благоговѣть передь близкими по крови мертвецами.

Черезъ угрюмое и узкое ущелье мы въѣзжаемъ въ «долину смерти». Какая разница съ общепринятымъ отношеніемъ къ мавзолеямъ! Вездѣ ими гордятся, выставляютъ ихъ на видъ, а тутъ прячутъ, и притомъ среди мрачной пустыни, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни травы. Такова окружившая насъ мѣстность Бибанъ-эль-мулукъ («врата царей»). Это, впрочемъ, и не удивительно. Нѣкогда египетскіе властители возносили свои посмертныя жилища въ формѣ пирамидъ (могильныхъ горъ). Въ позднѣйшую эпоху, — въ Ѳиваидѣ, гдѣ на западномъ берегу есть горная цѣпь, — найдено было болѣе цѣлесообразнымъ создавать ихъ не надъ землей, а какъ-бы въ ней самой. Ея нѣдра казались удобнѣе для воспріятія и храненія такой великой тайны, какъ мумія фараона.

Обнаженныя желтоватыя горы сдвигаются по сторонамъ. Темныя полосы многочисленныхъ извилинъ сползаютъ здѣсь и тамъ къ безплодному подножью. Иные камни такъ черны, какъ будто ихъ спалило безжалостное солнце. Природа тутъ отказалась отъ творчества. Тихо. Даже ослики беззвучно идутъ гуськомъ. Разговоры само собой



ДОЛИНА СМЕРТИ.

смолкаютъ. Нигдѣ не видать ни одного живаго существа. Развѣ въ отдаленьи съ дикой вершины лѣниво поднимется орелъ...

Несмотря на утро, жаръ разгорается. Дорога раздваивается направо. «Это» — говорятъ намъ — «тропа къ старѣйшимъ мѣстнымъ гробницамъ». «Да» — припоминаешь вдругъ, выходя изъ невольно охватившаго раздумья: «вѣдь кругомъ все — область мертвыхъ и, если есть въ мірѣ настоящее кладбище, оно именно теперь-то и обступило насъ въ своемъ неотразимомъ величіи. Гдѣ-то за покинутымъ предгорьемъ струится Нилъ. Люди суетно проводятъ часъ за часомъ. Въ погонѣ за мгновеннымъ счастьемъ жадно дышетъ и куда-то стремится вчера родившееся и завтра уже осужденное исчезнуть поколѣніе, — а передъ нами тянется хребетъ, за склонами котораго нѣтъ ничего преходящаго: послѣдній сонъ и ночь, безплотная борьба за идеалъ, потоки немеркнущаго свѣта, наконецъ озаряющаго духъ, вѣчное блаженство въ раю...»

Мы останавливаемся у одного «баба» (входа), передъ гробницей за № 17. Каждой изъ нихъ даны нумера заботливымъ англійскимъ изслѣдователемъ Уилькинсономъ. Пред-

стоитъ спускаться по длинной довольно крутой каменной лѣстницѣ, — при свѣтѣ несомыхъ феллахами огней. Августѣйшіе путешественники сходятъ по ней въ могилу Сети I-го, считающуюся красивѣе другихъ. Хотя и знаешь, что ея владѣльца давно ужъ тамъ нѣтъ и онъ спитъ въ Гизэсскомъ музеѣ Каира, подъ занавѣшанною, насколько возможно, витриною; но мысль, что тутъ было и чего ужъ нѣтъ, подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на посѣтителя, перенося его мечты къ далекимъ и туманнымъ временамъ.

Древніе египтяне называли подземное царство «дуатъ» (глубиною). Только посѣтивъ ихъ некрополь, можно убѣдиться, насколько высоко стояли египтяне въ духовномъ отношеніи. Что ни шагъ, — то нежданный образъ и неизгладимое воспоминаніе. Боги, змѣи, муміи, чудовища, небожители и грѣшники, — все это встаетъ въ нетлѣнныхъ начертаніяхъ со стѣнъ и потолковъ по сторонамъ, причудливо чередуется и послѣдовательно уясняетъ психическіе процессы, совершавшіеся въ усопшихъ за гранью земнаго бытія.

Не одна фантазія создавала эти странныя сочетанія силъ добра и зла. Теряющееся во мракѣ вѣковъ міросозерцаніе, должно быть, сложило эти представленія въ связное цѣлое, безъ сомнѣнія черпая при этомъ изъ забытой нынѣ дѣйствительности. Время передало ихъ въ наслѣдіе позднѣйшимъ народамъ въ искаженной уже формѣ.

Доисторическая старина смотритъ на насъ отовсюду своимъ пристально-мутнымъ взоромъ. Въ данную минуту, теоретически подготовившись къ посѣщенію гробницы, еще

отдаешь себѣ нѣкоторый отчетъ въ ея происхожденіи и значеніи, а спрашиваешься: что чувствовалъ открывшій гробницу Сети въ 1817 г. неустрашимый изслѣдователь — путешественникъ Бельцони, впервые проникнувшій къ этимъ недоступнымъ для солнца письменамъ и встрѣтившій здѣсь холодную загадочность гіероглифовъ?

Августѣйшіе путешественники все дальше и глубже спускаются въ царственную могилу. Неровно вспыхиваютъ и случайно освѣщаютъ ее несомые впереди огни. Ступени въ скалѣ безконечно тянутся къ безднѣ. Не только жарко, но даже душно. Ощущаешь, какъ-будто что-то громадное, вполнѣ чуждое, тяжелое наклоняется надъ нами и давитъ въ своихъ бездушныхъ объятіяхъ. Дойдя до высокаго зала съ неуклюжими толстыми столбами, узнаешь, что ниже еще обрывъ, съ чувствомъ отвращенія видишь, какъ сверху срываются и съ пискомъ рѣютъ летучія мыши. Грустно. Сердце стѣснено. Нѣтъ движенія, воздуха, простора для мысли и грезы.

Разъ уже посѣтители находятся въ этомъ заколдованномъ мірѣ давнымъ давно созданныхъ религіозныхъ представленій и условныхъ формулъ, надо съ нимъ, хотя вскользь, ознакомиться и, по крайней мѣрѣ здѣсь, среди сгущающейся тьмы, отчасти уразумѣть значеніе египетскаго прошедшаго.

До чего, однако, оно фантастично и неопредѣленно! Египтологи живою рѣчью передаютъ Августѣйшимъ путешественникамъ то, что иначе въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ пришлось бы искать въ ученыхъ сочиненіяхъ. Слушаешь и, такъ сказать, осязаешь эту быль, а всетаки она, благодаря обстановкѣ, похожа на мудреную диковинную сказку.

Солнце зашло. Фараонъ скончался. Явленія тождественны. Но вѣдь отошедшихъ въ другую жизнь, вступившихъ «на западѣ» въ лоно мрака ожидаетъ тамъ рядъ встрѣчъ, борьба въ пути, достиженіе свѣтлой цѣли? Согласно священному обычаю, картины такого посмертнаго блужданія изображены въ царской гробницѣ и удивляютъ насъ до сихъ поръ отчетливостью и правильностью линій, характерностью окраски.

Всматриваясь въ то, что нарисовано на стѣнахъ, лишь смутно вникаешь въ сокровенное значеніе каждаго символа, каждаго начертанія. Конечно, это — могила могущественнаго владыки, съ ореоломъ миѳическаго существа. Тутъ все дышетъ таинственностью, должно и устрашать, и пояснять загадки бытія; тѣмъ не менѣе чрезмѣрная причудливость окружающихъ предметовъ слишкомъ мало доступна въ наши дни. Какъ, напримѣръ, понимать, — среди множества вдѣланныхъ въ камень фигуръ, — длинную змѣю, сползающую по наклонной плоскости, крестообразный знакъ подъ головой чудовища или другую фигуру съ туловищемъ змѣя, но съ четырьмя ногами человѣка и челомъ египтянина?

Пока мы спускались, эти безчисленныя странности невольно бросались въ глаза по сторонамъ. Иногда врѣзанныя въ камень пресмыкающіяся завивались въ хитрыя кольца. Какіе-то люди держали оружіе наготовѣ. Боги, съ нечеловѣческими обликами, близко сходились и о чемъ-то вели разговоръ. При свѣтѣ несомыхъ феллахами огней, тѣни, въ видѣ гіероглифическихъ письменъ, съ неодинаковою опредѣленностью выдѣлялись изъ своего излюбленнаго мрака. Безстрастные профили тянулись вдоль потревоженнаго подземелья. Муміи, изображенныя на стѣнахъ, вереницей лежали на горизонтальной полосѣ змѣинаго цвѣта, подпираемой уродливыми оконечностями скелета. То надъ нею, то надъ теменемъ иной гадины мелькала точно сросшаяся съ нимъ голова туземца. И все это не было галлюцинаціей, не обусловливалось избыткомъ нашей фантазіи въ окружавшей насъ

мглѣ: нѣтъ, такой именно міръ дѣйствительно жилъ и глядѣлъ на посѣтителей гробницы Сети, являлся созданіемъ древнихъ мыслителей, исполненіемъ невѣдомыхъ художниковъ, отраженіемъ сложной и далеко непостигнутой культуры.

Нѣкоторые образы мелькаютъ вверхъ ногами, другіе полустерты, третьи — со связанными назадъ руками или лишены рукъ. Сидѣть на чудовищѣ, держаться за его отвратительную чешую многимъ изъ этихъ существъ, повидимому, совсѣмъ легко и естественно. Одна черная голова муміи придѣлана къ полукругу, а внутри его — крестъ.

Понемногу теряешь даже способность подмѣчать любопытныя подробности. Множество впечатлѣній подавляетъ память. Но что же, въ концѣ концевъ, за смыслъ у нарисованнаго? Тамъ есть изображеніе судна, на которомъ усопшій ѣдетъ съ запада «по Нилу преисподней» къ новой зарѣ. Что только ни чудится при этомъ во тьмѣ! Религія учила, что все, тамъ видимое, вполнѣ реально: душа будто-бы и вправду встрѣчалась въ этой области съ различными демоническими силами, испытывала неожиданныя и роковыя вліянія. Старѣйшія развѣнчанныя божества являлись, между прочимъ, вредоносными.

Умершіе должны были знать, кто и что имъ представится въ загробномъ мірѣ. Оттого жрецы заботились о наглядности подобныхъ ужасовъ, призывали на помощь искусство и, если возможно такъ выразиться, иллюстрировали на могильныхъ стѣнахъ мрачное повѣствованіе о странствованіяхъ за рубежемъ земли. Появлявшіяся тутъ змѣи олицетворяли собою подползающую отовсюду темноту и ненавистное египтянамъ тлѣніе. Надо было энергично бороться съ ними, искать надежныхъ союзниковъ — и они находились въ числѣ небожителей, призывались заклинаніями, сопутствовали душѣ въ ея безтѣлесныхъ испытаніяхъ и тоже начертывались въ гробницѣ. Вотъ, напримѣръ, образъ какой-то египетской Цирцеи (въ звѣздотканномъ голубомъ платьѣ), которая платкомъ укрощаетъ отвратительнаго гада. Благолѣпіе и уродство — рядомъ!

Говорятъ, одинъ юный туземецъ замѣшкался въ гробницѣ Сети и провелъ здѣсь ночь. Подъ утро его нашли съумасшедшимъ. Что мудренаго! Есть вещи, заставляющія мутиться самые твердые умы, когда сверхчувственныя впечатлѣнія непосредственно дѣйствуютъ на душу. А трудно и вообразить, что могло привидѣться бѣдному феллаху въ подземельи. . .

Звѣзды мелькаютъ на потолкѣ, мелькаютъ надъ челомъ различныхъ геніевъ на стѣнѣ. Тутъ же изображено подобіе пламени, въ которомъ будто-бы (какъ въ чистилищѣ) мучились грѣшники.

Да, это — цѣлый міръ, посвященный идеямъ туманной борьбы и вынуждаемаго обстоятельствами покаянія, — цѣлый міръ, точно призванный замкнуть въ свой кругъ великаго царя, при жизни помышлявшаго о совершенно иномъ. Ему видѣлись Сирія и Палестина, сліяніе ихъ съ Египтомъ, основаніе въ нихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, устройство тамъ путей сообщенія, посылка туда довѣренныхъ лицъ, для управленія. Въ суетѣ этихъ стремленій владыка не забывалъ, что ему готовится мѣсто въ Ѳиванскомъ некрополѣ и поощрялъ работавшихъ, которые дѣйствительно выказали при этомъ много умѣнія и дарованія.

Теперь это послѣднее должно лишь удовлетворять любопытство чужеземцевъ, съ единокровными предками которыхъ Сети, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, вступалъ въ борьбу, при столкновеніи съ арійскими племенами, развѣтвлявшимися тогда по разнымъ странамъ свѣта и нападавшими на принильское царство изъ Малой Азіи, изъ Италіи, изъ Ливіи (съ запада).

Въ душномъ полумракѣ подземелья прислушиваешься къ толкованію египтологовъ, что здѣсь отысканы, между прочимъ, письмена, говорящія объ ужасномъ истребленіи рода человѣческаго разгнѣваннымъ божествомъ.

Сынъ необъятнаго неба «Ну», — глава среди сонма міроправителей, — богъ «Ра» сталъ старѣть. Люди это замѣтили и насмѣшливо къ нему относились. Тогда другіе боги собрались на совѣтъ и убѣдили его покарать нечестивыхъ. Божественный взоръ «Ра» породилъ богиню Хаторъ. Она пошла и распространяла погибель. Наконецъ «Ра» смилостивился, остановилъ избіеніе и, пресыщенный земною властью, создавъ себѣ райскую область, помѣстился для отдыха на спинѣ гигантской коровы, представлявшей собою твердь. Это чудесное миѳическое животное, изображенное въ одномъ особомъ отдѣленіи могилы Сети, до того оказалось высоко ростомъ, что поколебалось. «Ра» приказалъ тогда богу «Шу» (воздушному пространству) подойти и поддержать дивную корову. Изображеніе, гласящее о томъ, найдено въ осматриваемой нами гробницѣ. Кромѣ «Шу», животное подпираютъ еще восемь фигуръ пособниковъ. Какою глубочайшею стариною вѣетъ отъ подобнаго міросозерцанія, отъ всего имъ начертаннаго!

Богиня Хаторъ, которая вообще является олицетвореніемъ жизнерадостнаго начала любви, своего рода египетской Афродитой, тутъ вся — слѣпое мщенье, безжалостный палачъ. Послѣ порученной ей казни, она даже упивается кровью и пивомъ, и теряетъ способность различать, гдѣ еще есть скрывающіеся люди. Развѣ это не остатокъ первобытно-дикихъ воззрѣній?

Мѣстами, стѣнопись только намѣчена, представляетъ одни эскизы краснымъ карандашемъ, — такъ и осталась навѣки недоконченною, недосказанною. Смерть фараона, вѣроятно, заставила трудившихся здѣсь мгновенно прекратить работу. По разнымъ признакамъ можно заключить, что гробницу предполагалось сдѣлать еще глубже, чтобы отвоевать усопшему въ нѣдрахъ земли побольше покоя и забвенья. Углубленіе теряется внутри горы. . . Отецъ Рамзеса Великаго, кажется, недолго пользовался своимъ могильнымъ чертогомъ. Ѳивы стали бѣднѣть и близиться къ паденію. Грабители отважились проникать къ богатствамъ завѣтнѣйшихъ народныхъ святынь. Жрецы рѣшились спасать божественныя царскія муміи отъ осквернения, тайно выносили мертвецовъ въ недалекія пещеры, хранили ихъ тамъ, забывали подъ конецъ, гдѣ онѣ, или не успѣвали направить

своихъ преемниковъ на священный слѣдъ. Оттого теперь, словно чудомъ, послѣ цѣлаго ряда столѣтій, знаменитые останки опять являются на свѣтъ, и мы опять стоимъ передъ выходцами изъ малодоступнаго и малопонятнаго намъ міра.

Желтый алебастровый гробъ Сети, найденный тутъ въ октябрѣ 1817 г. любознательнымъ Бельцони, увезенъ въ Лондонъ. Тѣло владыки недавно отыскано среди сосѣднихъ горъ. Кромѣ начертаній въ пустомъ склепѣ нечего смотрѣть. Усталость отъ жары и впечатлѣній даетъ себя чувствовать. Колеблющимися огнями свѣтятъ феллахи Августѣйшимъ путешественникамъ при Ихъ возвращеніи наверхъ. Жадно впитываешь воздухъ, ощущаешь надъ собой не каменное, а настоящее небо... Какъ далека эпоха осмотрѣннаго сооруженія, какая бездна отдѣляетъ насъ отъ ея варварства и глубокомыслія!

Мы садимся у входа, имѣя передъ собой гурьбу погонщиковъ и понурыхъ осликовъ, желтоватые склоны возвышенностей и лучи, сливающіеся на безплодной окрестности въ нестерпимый блескъ. Прислуга съ яхты его высочества хедива вынимаетъ изъ корзинокъ фрукты, питье. Лѣстница внизъ чернѣетъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, не возбуждая уже ничьего вниманія. Давно-ли съ потолка, въ ближайшемъ корридорѣ, миѳическіе коршуны распростирали крылья, — а еще раньше, вдоль стѣнъ, двѣнадцатиголовый крылатый змѣй смѣнялъ другихъ, менѣе чудовищныхъ, но изрыгающихъ пламя?

Отверзтіе долго было замаскировано. Туземцы догадывались однако, что оно должно существовать и что за нимъ лежитъ длинная впадина, — такъ какъ дождевая вода, низвергаясь по горному склону, вдругъ изчезала въ одномъ мѣстѣ. Пришелъ энергичный европеецъ, и дверь отворилась...

Крайне разговорчивый и воодушевленный консерваторъ Гизэсскаго музея Бругшъ-бей занимательно разсказываетъ о томъ, какъ ему первому изъ египтологовъ въ 1881 г. посчастливилось увидѣть мумію Сети I, — въ уединенной котловинѣ, среди десятковъ тѣлъ, когда-то сюда снесенныхъ жрецами въ общую усыпальницу и случайно отысканныхъ нѣсколькими арабами. Хотя и братья, они, наживаясь отъ распродажи найденныхъ рѣдкостей, поссорились. Старшій выдалъ, или точнѣе продалъ секретъ (за 500 фунт. стерл.) властямъ, которыя тотчасъ наложили руку на находку, какъ на государственное достояніе, откровеннаго же туземца возвели въ званіе надсмотрщика за здѣшними древностями.

Вотъ онъ стоитъ передъ нами, этотъ, по своему достигнувшій извѣстности, Мохаммедъ Ахмедъ Абдъ-эръ-Рассуль, — въ простой чалмѣ, въ простомъ кафтанѣ, проницательно вглядываясь въ присутствующихъ. Когда Бругшъ-бей везъ найденныхъ мертвецовъ въ Каиръ, на желѣзной дорогѣ будто-бы пришлось взять для нихъ «билеты перваго класса».

Шествіе направляется далѣе. Остановка передъ «вѣчнымъ жилищемъ» № 11 — Рамзеса III. Довольно покатый спускъ въ глубину. Снова кругомъ разступается ночь. Снова слышишь о томъ, какъ именитый усопшій плылъ черезъ нее къ зарѣ и конечному блаженству.

Безконечно причудлива внутренность этихъ царственныхъ гробницъ! Обитавшій въ чертогѣ при жизни, и послѣ смерти видимо хотѣлъ сохранить хоть отдаленно-однородную обстановку. Въ связи съ искренней вѣрой въ магическое значеніе могильныхъ начертаній, это какъ будто и удавалось. Нѣмые образы, таинственныя письмена должны были воскрешать во тьмѣ желанную дѣйствительность.

Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ шагъ-за-шагомъ могли тутъ знакомиться съ нею, наблюдать по стѣнописи матеріальныя стороны угасшей жизни.

Слѣва, напримѣръ, тянутся картины, дающія представленіе о приготовленіяхъ къ ѣдѣ: рѣжутъ быка, нарубаютъ и взвѣшиваютъ мясо, кладутъ его надъ треножникомъ на горящихъ дровахъ или подвязываютъ на веревкахъ надъ поломъ, въ огражденіе отъ крысъ или иныхъ грызуновъ. Хотя изображенія сильно испорчены, но фрески всетаки еще рисуютъ способы хлѣбопеченья, горшечное производство и много тому подобнаго.

Попадаются на стѣнахъ разныя божества и эмблемы; но по сосѣдству съ ними мы видимъ также гусей, утокъ, индюшекъ и куръ, лукошки, наполненныя яйцами, плоды, овощи, виноградныя кисти, травы. Подъ ними выдѣляется фигура рѣки Нила (краснаго и зеленаго цвѣта, съ цвѣтами на головѣ).

Вотъ еще два босоногихъ музыканта (изъ которыхъ одинъ слѣпъ), едва-ли не призванныхъ услаждать въ могилѣ слухъ фараона. Оба они играютъ на высокихъ чрезвычайно красивыхъ арфахъ, считающихся главнымъ характернымъ отличіемъ этой гробницы. Такъ, по крайней мѣрѣ, заключилъ въ прошломъ вѣкѣ шотландецъ Брюсъ, открывшій и наименовавшій ее «гробницей арфиста».

Тѣнь искусства! — и всетаки ждешь, благодаря реальности очертаній, что инструментъ, украшенный у своего подножія человѣческимъ вѣнценоснымъ ликомъ, вдругъ оживетъ, пальцы пробѣгутъ по струнамъ, струны проснутся и аккорды разбудятъ вѣковую тишину, привѣтствуя грядущаго среди нея Рамзеса.

Съ правой стороны въ подземельи находятся изображенія парусныхъ судовъ неодинаковой величины. Намѣчено даже ихъ внутреннее помѣщеніе. Вездѣ орнаментъ, яркая окраска. Дальше нагромождено древне-египетское оружіе: копья, мечи, кинжалы, ножи, луки со стрѣлами, кольчуги, шлемы, военные значки. Голубой оттѣнокъ, приданный этимъ предметамъ, долженъ свидѣтельствовать, что они были стальные. По бокамъ отъ нихъ нарисованы: черная корова, съ головнымъ уборомъ богини Хаторъ, и черный быкъ подъ пунцовою попоной.

Стѣнопись развертывается въ десяти маленькихъ комнаткахъ, прилегающихъ къ центральному ходу. Онѣ имѣютъ видъ кладовыхъ, быть можетъ, и вправду вмѣщали до разграбленія, всякую утварь, всякія драгоцѣнности. А въ тѣ отдаленныя времена роскошь процвѣтала, наравнѣ съ развитіемъ духовной культуры. Въ этомъ убѣждаетъ осматриваемая нами могила царя Рамзеса III — извѣстнаго классическому міру Рампсинита. Молва объ его сокровищахъ издавна проникала повсюду. Отголосокъ ея слышится въ сказкахъ Индіи, Тибета.

И дѣйствительно, по сторонамъ пестрѣютъ сидѣнья (со львиными головами и звѣриными лапами), постели (съ полумѣсяцемъ, въ видѣ изголовья, и крытыя леопардовой шкурой), изящныя вазы изъ фарфора или глины. Присущій инымъ розоватый цвѣтъ дѣлаетъ ихъ какъ-бы прозрачными, намекаетъ на присутствіе вина.

Дальше идутъ картины полевыхъ работъ, до и послѣ наводненій Нила. Земледѣльцы то пашутъ на волахъ и сѣютъ, то жнутъ и собираютъ въ житницы.

Такъ какъ по серединѣ описываемыхъ каморокъ найдены колодцеобразныя отверзтія, то учеными высказывается предположеніе, не покоились-ли тутъ, по близости къ властелину, его самые довѣренные подданные (каждый при своемъ спеціальномъ отдѣлѣ): завѣдывавшіе кухней, придворною флотиліею, фараоновымъ имуществомъ, оружейною палатою и т. п.

Нынѣ гранитный саркофагъ царя находится въ Луврѣ, сломанная крышка въ Кэмбриджѣ, тѣло въ Гизэ, длинный похоронный папирусъ въ Британскомъ музеѣ!

Рывшіе эту могилу натолкнулись на другую, и потому главный ходъ, направляясь вглубь, поворачиваетъ направо.

Бросивъ взглядъ на зеленую обезьяну, вооруженную лукомъ, на дарующихъ многолѣтіе геніевъ съ ящерицами въ рукахъ, — идешь назадъ и невольно останавливаешься передъ чѣмъ-то, уже вскользь замѣченнымъ въ гробницѣ Сети, въ данную же минуту еще болѣе рельефнымъ: въ одномъ углу на стѣнѣ ясно видны представители четырехъ человѣческихъ рассъ, съ приданными имъ египетскою стариной характерными внѣшними признаками: 1) голубоглазые и бѣлокурые Тмаху, съ перьями на головѣ и въ бычачьихъ кожахъ (т. е. иными словами арійцы, осѣвшіе въ сопредѣльной Ливіи); 2) Нахусу (негры); 3) желтолицые Аму (азіяты), съ орлиными носами, остроконечными расчесанными бородами, — въ одеждѣ туземцевъ земли Ханаанской; 4) смуглые Ромету (обитатели самой страны фараоновъ), — стройные, широкоплечіе, съ кроткимъ выраженіемъ лица, немного сгорбленнымъ носомъ, тонкою таліею, тѣломъ кирпичнаго оттѣнка.

НАХУСУ И ТМАХУ.

Значитъ, на берегахъ Нила, за 3000 лѣтъ до Блюменбаха, уже помышляли о классификаціи народовъ! Особенности нѣкоторыхъ фигуръ могли бы, въ сущности, дать новый матеріалъ защитникамъ старой теоріи, будто американскіе индѣйцы въ прошедшемъ приходились сродни жителямъ Сѣверной Африки.

По направленію къ выходу замѣчается гимнъ солнцу «Ра», состоящій изъ 75 воззваній, въ формѣ гіероглифовъ. Послѣдніе очень попорчены.

Мы опять на воздухѣ, и путь лежитъ на западъ, черезъ довольно крутой перевалъ, отдѣляющій «долину смерти» отъ принильской равнины. Извивающаяся вдоль горъ песчаная тропа, усѣянная, впрочемъ, преострыми камушками, — до того узка и обрывиста, что приходится слѣзть съ осликовъ и пробираться пѣшкомъ. День близится къ полудню, и потому чувствуешь себя просто расплавленнымъ въ окружающей атмосферѣ. Мерещится это или вычитано гдѣ-то, что египетскіе жрецы вѣеръ считали эмблемой счастья? Какъ они были правы!

РОМЕТУ И АМУ.

Нельзя съ точностью сказать, сколько именитыхъ гробницъ вмѣщаютъ «Бибанъ-эль-Мулукъ». Ученымъ извѣстно таковыхъ около двадцати пяти; но многія — въ самомъ разрушенномъ состояніи. Еще Страбонъ говорилъ о сорока. Греки называли эти отверзтія «сирингами» (флейтами), имѣя въ виду ходы въ подземелья.

Тихо вокругъ и пустынно. Трудно нарисовать себѣ, даже при усиліяхъ воображенія, что представляла здѣсь въ древности погребальная процессія. Покойника, конечно, согласно обычаямъ, везли подъ катафалкомъ, въ лодкѣ, поставленной на полозья. Впереди мелькали сорванные для него лотосы, какъ образцы возрожденія. Затѣмъ вели жертвенныхъ животныхъ, несли кумировъ, разную утварь, дорогія украшенія и плоды, корзинки со свѣжей

листвой, въ качествѣ намека на вѣчность жизни, и т. п. Плакальщицы оглашали окрестность неестественными воплями. Бѣлый цвѣтъ одеждъ (точно въ Китаѣ) служилъ знакомъ траура.

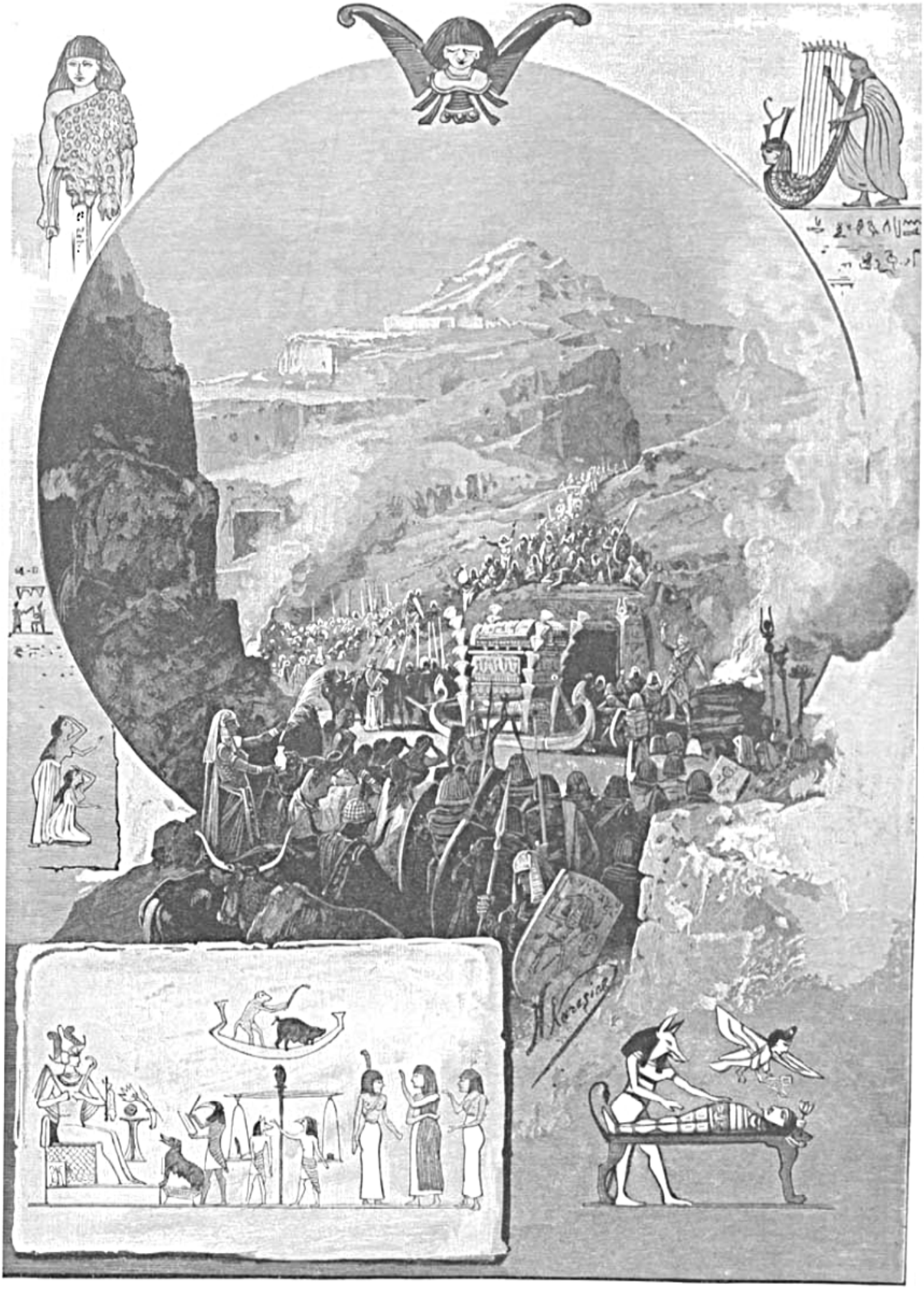
Безконечно далеки тѣ времена! Тщетно ищешь взоромъ — не появится-ли хотя черный шакалъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Прежняя религія видѣла въ немъ воплощеніе бога Анубиса, владыки могильной Ливійской гряды, который покровительствовалъ бальзамировкѣ, отгонялъ демоновъ отъ труповъ, и владѣлъ съ этой цѣлью лукомъ и бичемъ. Однако и шакала нигдѣ не видно. Только по одному нагорному склону скользитъ потревоженная змѣя, словно сползшая со стѣны изъ могилы Сети, — изъ среды сестеръ, вдѣланныхъ въ камень и сохраняющихъ неподвижность.

Перевалъ кончается. Тропа направляется внизъ. Обнаженныя возвышенности понемногу отступаютъ унылыми отвѣсными громадами къ покинутой нами «долинѣ смерти». Передъ глазами разстилается зеленоватая неровная поверхность, съ разбросанными по ней памятниками старины, недоразрушенными храмами, изуродованными и уставшими жить колоссами.

Мы снова верхомъ ѣдемъ къ этимъ древностямъ. Тутъ тоже всего коснулось крыло смерти, но совершенно иначе: тамъ, въ землѣ, она остановила дерзновенную человѣческую мечту, при помощи магіи стремившуюся попрать законы природы, застыть внѣ пространства и событій, сдѣлать нетлѣнными наши тѣлесныя оболочки. Въ улыбающейся намъ свѣтлой равнинѣ, — гдѣ еще больше запустѣнія и грусти, гдѣ каждый обломокъ подпираетъ грудy, ожидающую такого же удѣла, — смерть, въ свою очередь, прошла и многое, многое поколебала. Но отчего отъ развалинъ вѣетъ на насъ молодымъ и цѣлебнымъ дуновеніемъ? Онѣ созданы искусствомъ, которое не можетъ умереть, поражаетъ самобытностью и во дни паденья. . .

Августѣйшіе путешественники приближаются къ одному изъ важнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ древняго Египта, къ Дэръ-эль-Бахри. Приступая къ его описанію, нельзя не остановиться на изложеніи нѣкоторыхъ весьма существенныхъ и любопытныхъ подробностей историческаго характера. Безъ нихъ непонятны и эпоха, породившая это странное зодчество, и создатели этого сооруженія, одиноко выдѣляющагося среди другихъ остатковъ старины. Тутъ ясно сквозятъ и весьма знаменательны два обстоятельства: во-первыхъ, вторженіе въ принильскую культуру чужеземнаго художественнаго элемента, который съ эстетической стороны сталъ сразу выше ея; во-вторыхъ, намекъ на какую-то глубоко-традиціонную связь египтянъ съ восточною страною Пунтъ, откуда нѣкогда быть можетъ, вышли основатели царства фараоновъ.

Царица «Хатшепсу» (чудное блестящее начало), строившая въ нынѣшнемъ Дэръ-эль-Бахри, справедливо считается одною изъ удивительнѣйшихъ женщинъ-правительницъ, какія только извѣстны въ исторіи. Согласно длинной надписи въ Карнакѣ, фараонъ Тотмесъ I еще при жизни передалъ дочери бразды правленія или, точнѣе, соправленія. Такъ онъ поступилъ, будто-бы, слѣдуя повелѣніямъ бога Амона, настоявшаго, чтобы ей передана была верховная власть. Настоящія побужденія царя возвести дочь на престолъ, конечно, навсегда останутся тайной; но существуетъ догадка, въ силу которой это событіе вызывалось политической необходимостью. Самъ Тотмесъ I не происходилъ изъ древняго правящаго рода, покойная-же мать юной Хатшепсу была отпрыскомъ старой династіи.



ПОГРЕБЕНІЕ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Передать царевнѣ прародительскій санъ въ глазахъ отца значило упрочить свое собственное положеніе. Присвоеніе ей, кромѣ того, прозвища «Ма-ка-ра» изображаетъ собою знакъ таинственнаго сочетанія въ лицѣ молодой правительницы жизненнаго принципа — «ка» бога-солнца, «Ра» и «Ма» — богини истины.

Въ чертѣ Ѳиванскаго некрополя, неподалеку отъ Рамессеума, куда мы тоже направляемся, — теперешній директоръ Гизэсскаго музея Грэбо (Grébaut) открылъ въ 1887 г. сидящую статую (въ ростъ человѣческій) царицы Маутнеферъ, бывшей матерью Тотмеса II-го. Въ виду ея сравнительно простаго происхожденія, царевичъ не могъ наслѣдовать, помимо старшей сестры, и, слѣдовательно, являлось наиболѣе цѣлесообразнымъ выдать ее замужъ за него. Отъ этого брака родились двѣ дочери: одна умерла, на другой-же (опять-таки въ силу государственныхъ соображеній) женили будущаго фараона Тотмеса III, который, будучи по отцу тоже братомъ Хатшепсу и Тотмеса II, черезъ мать свою считался, однако, черезчуръ низкаго происхожденія. Женившись на ихъ дочери, онъ сталъ престолонаслѣдникомъ. Если это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то дошедшія до насъ смутныя преданія о какой-то враждѣ между повелѣвавшою сестрой и младшимъ братомъ, — столь-же властолюбивымъ, — или преувеличены, или лишены основанія, или во всякомъ случаѣ, рисуются въ иномъ свѣтѣ.

По смерти брата-мужа, царица полноправно правила страной около пятнадцати лѣтъ, именовалась фараономъ, облекалась въ ихъ царственную одежду, носила (какъ видно на памятникахъ) боевой шлемъ египетскихъ владыкъ и даже искусственную бороду. Царевичъ тѣмъ временемъ служилъ въ святилищѣ Амона, не вмѣшиваясь въ дѣла управленія, и только затѣмъ, передъ смертью Хатшепсу, выступилъ въ качествѣ правителя, прославившагося впослѣдствіе громкими завоеваніями. Тогда онъ, можетъ быть, именно въ силу своего діаметрально противоположнаго направленія, дѣйствительно относился непріязненно къ ея памяти и уничтожая здѣсь и тамъ ея имя, этимъ унижалъ лишь собственное достоинство.

Миролюбивая царица дала государству возможность поправиться отъ тяжелыхъ испытаній наложеннаго гиксосами ига. Она любила миръ, заботилась о возсозданіи и украшеніи храмовъ, расширила Карнакъ, задумалась намѣтила къ выполненію такую архитектурную достопримѣчательность, какъ Дэръ-эль-Бахри. Велико число обелисковъ, поставленныхъ египетскими властителями, — но нѣтъ тщательнѣе отесанныхъ и изящнѣе отдѣланныхъ, чѣмъ обелиски дочери Тотмеса I (въ чертѣ карнакскихъ чудесъ). Одинъ упалъ, но другой еще высится, — гигантскій, непобѣдимый, словно вышедшій цѣликомъ изъ сплошной массы розоваго гранита.

Давно-ли мы стояли на томъ берегу Нила передъ этимъ могучимъ памятникомъ? давно-ли намъ говорили, что на немъ начертано: «созданъ владыкою Хатшепсу въ честь Ѳиванскаго Амона?» — а теперь передъ нами новое сооруженіе, которое еще гораздо удивительнѣе: террассы святилища Дэръ-эль-Бахри!

Жрецы, стоя по утрамъ въ Карнакѣ, близь обелисковъ, благоговѣйно созерцали восхожденіе «бога-солнца» Ра, золотившаго ихъ вершины. По вечерамъ отблескъ зари еще блисталъ на обоихъ алѣющихъ остріяхъ среди померкнувшей окрестности: молитвенно настроенный народъ смотрѣлъ на нихъ и любовался. Цѣль этихъ памятниковъ понятна. Но собственно ради чего воздвиглось на противоположномъ берегу гигантское и по внѣшности совершенно иноземное святилище, чуждое архитектурной фантазіи египтянъ и скорѣе заимствованное съ дальняго Востока, напр. изъ Халдеи? Такъ, между прочимъ, любили строить сабейцы въ Аравіи, подражавшіе архитектурнымъ созданіямъ Вавилона. Какъ это

допустили жрецы? Какъ съ этимъ примирилось строго консервативное населеніе? Или въ этомъ не было новшества, а, напротивъ, просвѣчивала старина?

Вѣроятно, по мужски была настроена и твердой рукой держала бразды правленія единственная въ своемъ родѣ царица, — характерный профиль которой будто бы выдѣляется на поверхности опрокинутаго карнакскаго обелиска, — если съумѣла оставить въ наслѣдіе потомству то Дэръ-эль-Бахри, къ которому сейчасъ подъѣхали Августѣйшіе путешественники. Все кругомъ постепенно приходитъ въ крайнее разрушеніе: мало по малу не останется и слѣда величественныхъ памятниковъ, до сихъ поръ отовсюду притягивающихъ толпы дивящихся иностранцевъ. Но слава Хатшепсу настолько окончательно стала достояніемъ міровой исторіи, что этому имени никогда не забыться. Въ развитіи культуры оно есть и будетъ незамѣнимое звѣно. Я уже имѣлъ возможность говорить о неисчерпаемомъ значеніи сокровищъ музея въ Гизэ. Съ вершины Хеопсовой пирамиды нашъ взоръ останавливался съ недоумѣніемъ на фигурѣ изуродованнаго доисторическаго сфинкса. Сколько лѣтописныхъ достопримѣчательностей сберегли для насъ стѣны Луксора и Карнака! Нѣдра фараоновыхъ могилъ разсказали и открыли намъ не мало глубоко поучительнаго.

Но тутъ, въ Дэръ-эль-Бахри — совсѣмъ другой міръ: что-то простое, спокойное, ясное, до мельчайшихъ подробностей самобытное.

Грандіозная постройка (которая, въ проэктѣ реставраціи французскаго архитектора Брюна, представляется красивѣйшимъ памятникомъ принильской старины среди обнаженныхъ, надвигающихся съ запада Ливійскихъ возвышенностей) нѣкогда служила цѣлью религіозныхъ процессій съ восточнаго Ѳиванскаго берега. Священныя, богато убранныя лодки, подъ балдахинами и съ тронными сѣдалищами, отчаливали отъ пристани у тамошнихъ святилищъ, перевозили на противоположную сторону жрецовъ, кумиры, всякую утварь. Торжественная процессія направлялась къ маленькому храму, воздвигнутому Рамзесомъ II въ честь своего отца Сети I (мы ѣхали мимо сегодня утромъ, направляясь къ «долинѣ смерти»), и затѣмъ шла къ Дэръ-эль-Бахри по особой аллеѣ, уставленной двумя стами изваяній. Вдали поднимались и манили широкія ступени лѣстницъ, соединявшихъ громаднѣйшія террассы. Сверху до низу сооруженіе занимало семь тысячъ пятьсотъ квадратныхъ сажень. Повыше виднѣлись изящныя колоннады. Надъ всѣмъ остальнымъ помѣщалось изсѣченное въ скалахъ «святое святыхъ». Трудно опредѣлить, чѣмъ обусловливался планъ сооруженія. Вызывалъ-ли къ тому характеръ неровной, волнистой мѣстности, точно заливомъ вдающейся въ Ливійскую гряду? Не способствовало-ли тому художественное вліяніе Азіи? Наконецъ, не потому-ли рѣшено было воздвигнуть терассообразное цѣлое, что оно прославляло удачную экспедицію въ таинственную страну Пунтъ, гдѣ внѣшній видъ края отчасти отличался тѣмъ же характеромъ постепеннаго подъема въ гору? Имя древне-египетскаго строителя сохранилось безсмертнымъ, извѣстно по обелиску въ Карнакѣ и звучитъ: Сенъ-Маутъ. Гробница его не найдена, личная его жизнь остается неизвѣстной, да и важно-ли это знать, когда потомству духомъ его завѣщано чудо искусства: Дэръ-эль-Бахри (что по туземному означаетъ «сѣверный монастырь»). Мѣсто такъ названо арабами, въ виду существованія здѣсь (до ислама) коптскаго религіознаго центра, отъ котораго тоже поднесь уцѣлѣли невзрачныя глинобитныя стѣны.

Оригинальнѣйшій памятникъ царствованія Хатшепсу сильно потерпѣлъ отъ времени. Разрушеніе вообще быстро идетъ. Напримѣръ, когда въ концѣ прошлаго столѣтія ученые члены французской военной экспедиціи посѣтили Верхній Египетъ, — аллея сфинксовъ, — отъ лѣваго берега къ святилищу, — еще обозначалась низверженными фигурами. Теперь нѣтъ ни одной. Груда обломковъ обезображиваетъ нѣкогда просторную, гладкую и

окаймленную колоннадами террассу. Надо имѣть очень много воображенія, чтобы хоть отдаленно представить себѣ, какою красотою дышало знаменитое сооруженіе, среди котораго далеко не послѣднее мѣсто занимали двѣ колоссальныхъ сидящихъ статуи самой царицы, причемъ, съ высоты столбовъ на третьей террассѣ, на нихъ упорно смотрѣли искусно изваянныя головы богини Хаторъ.

Жара начинаетъ быть невыносимой. Ихъ Высочества, отдохнувъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней къ сооруженію скалѣ, гдѣ прежде, кажется, находилась маленькая коптская церковь, снова приступаютъ къ осмотру древностей. Сегодня — тяжелый день по количеству разнороднѣйшихъ впечатлѣній. Съ утра и до вечера образы будутъ чередоваться съ подавляющею быстротой и при сознаніи, что лишь впослѣдствіе, — и то по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ — воспринятое ясно уложится и воскреснетъ въ душѣ.

Итакъ, — рѣчь опять идетъ о Дэръ-эль-Бахри.

Отъ замѣчательныхъ колоннъ остаются одни обломки, — обломки, на которыхъ отчасти, впрочемъ, уцѣлѣли краски. Длинныя стѣны, сохранившіяся отъ верхней части храма (тамъ, гдѣ надъ нимъ уже отвѣснымъ обрывомъ довольно близко спускается желтоватая обнаженная гора, и затѣмъ пониже) разукрашены сравнительно хорошо уцѣлѣвшими начертаніями, которыя когда-то, — до прикосновенія варварской руки, — еще вдвое были многочисленнѣе.

Конечно, велика разница между грандіознымъ планомъ художественно возстановленнаго сооруженія, который выяснился въ головѣ европейскаго архитектора Брюна, и между той печальной дѣйствительностью, съ которою намъ приходится соприкоснуться.

Внутри скалы есть барельефное изваяніе, представляющее, въ одеждѣ юноши, царицу Хатшепсу, питаемую божественною коровою краснаго цвѣта, т. е. самою богинею Хаторъ. Послѣдняя, при этомъ, какъ-бы пріобщаетъ свою питомицу къ вѣчной жизни. Условно говоря, такъ и случилось. Десятки вѣковъ изчезли въ таинственной безднѣ времени, а главные памятники женщины-фараона до сихъ поръ притягиваютъ вниманіе образованнаго міра. Ученые еще спорятъ, когда началъ возникать храмъ Деръ-эль-Бахри: въ царствованіе-ли Тотмеса I или Тотмеса II, или наконецъ позже, когда уже вполнѣ единовластно стала править его замѣчательная сестра. Не все-ли равно, если извѣстно, что именно она, а не кто другой была тогда душею эпохи, предписывала законы жречеству и народу, вглядывалась въ иноземную культуру, сносилась съ далекой чужбиной?

Здѣсь, у предгорія Ливійскихъ пустырей, древне-египетское искусство сохранило на память потомству исторію крайне любопытнаго общенія съ землею Пунтъ. Что это былъ за край? чего тамъ искали? Неполный и не вполнѣ ясный отвѣтъ начертанъ (и даже въ раскрашенномъ видѣ) на двухъ верхнихъ терассахъ характернаго святилища. Рѣчь идетъ о снаряженіи цѣлой маленькой флотиліи, черезъ Красное море, на Сомалійскій берегъ, расположенный въ восточной Африкѣ, близь Аденскаго залива.

Самъ богъ Амонъ повелѣлъ будто-бы царицѣ войдти въ сношенія съ тѣми мѣстностями, гдѣ добываются идоложертвенныя куренія.

До того египетское жречество тяготилось зависимостью въ этомъ отношеніи отъ торговли съ Аравіей. Чуть-что препятствовало привозить оттуда необходимый для храмовъ товаръ, — и боги гнѣвались, и Египетъ испытывалъ несчастія, и настоятельнѣе являлась нужда получать благовонія изъ первоисточника.

«Строится пять судовъ, — узкихъ, длинныхъ, довольно высокихъ», гласитъ одна надпись. Если пойдти вдоль стѣнъ, на которыхъ въ наивной простотѣ и ясности изображенъ походъ въ Пунтъ, это важное событіе во внѣшней жизни древняго Египта — то почти на каждомъ шагу имѣешь возможность наблюдать мельчайшія подробности, рельефно касающіяся экспедиціи. Гребцы налегаютъ на весла; капитанъ распоряжается, вооруженное посольство, снаряженное въ даль, стоя на палубѣ, дополняетъ картину уплывающаго судна.

Всего было снаряжено свыше двухсотъ человѣкъ. Надзирающій за матросами руководитъ ихъ движеніями, быть можетъ, ободряетъ ихъ къ дружной работѣ, къ хоровому пѣнію. Вода подъ кораблемъ свѣтлоголубая. Ужъ не Нилъ-ли это? По цвѣту она не похожа на морскую поверхность. Во влагѣ, внизу, изображены рыбы, тоже прѣсноводныя. По своимъ размѣрамъ, на стѣнописи, онѣ совершенно въ несоотвѣтствіи съ фигурами виднѣющагося надъ ними экипажа: каждая могла бы свободно проглотить хоть двухъ гребцовъ.

Къ несчастью, большая часть раскрашенныхъ стѣнныхъ изваяній настолько попорчена, что этимъ нарушается связность повѣствованія. Извѣстно за достовѣрное, что флотилія вернулась въ Ѳивы, и притомъ вернулась съ драгоцѣннымъ грузомъ, вернулась на радость царицы и народу. Какимъ же путемъ совершалось плаваніе въ страну Пунтъ? Несомнѣнно, что точками отправленія и возвращенія былъ Нилъ. Надо, однако, опредѣлить направленіе, котораго держались суда, желавшія пройти въ Красное море: очевидно, путемъ къ тому не могло служить устье рѣки, ибо посланные Хатшепсу стремились къ цѣли не черезъ Гибралтаръ и океанъ, а болѣе близкой, болѣе удобной и безопасной дорогой.

Изысканія, сравнительно недавно произведенныя англичанами Ардагъ, Спэйтъ и Бэртономъ, съ нѣкоторою достовѣрностью доказали, что берега Чернаго моря когда-то простирались на сѣверъ гораздо далѣе, чѣмъ теперь. Суэзскій заливъ кончался тамъ, гдѣ теперь — городъ Измаилія. Туда же въ древности доходилъ одинъ рукавъ Нила, держась болѣе или менѣе той линіи, по которой въ данное время пролегаетъ «прѣсный каналъ», связывающій рѣку съ озеромъ Тимсой. О существованіи почти одинаковой водной артеріи въ древности убѣдительно говоритъ также видѣнная нами вчера стѣна карнакскаго святилища, рисующая возвращеніе изъ похода фараона Сети I. Онъ останавливается, передъ вступленіемъ въ родныя предѣлы, у подобной именно вѣтви неистощимаго Нила, которая свободно могла существовать и въ болѣе древнюю эпоху. Вѣроятно, ею-то и воспользовались въ дни Хатшепсу для пропуска экспедиціи въ восточное море.

Подробности, одна другой любопытнѣе, изображены на памятникахъ Дэръ-эль-Бахри. Вотъ, напримѣръ, — сама страна Пунтъ. Египетская флотилія прибыла къ ней благополучно и стала на якорь. Плоскій берегъ рисуется покрытымъ густою растительностью. Коническая форма туземнаго жилья, — слегка напоминающаго юрты, — вѣроятно, въ силу почвенныхъ условій выдѣляется высоко надъ землей: дома покоятся на сваяхъ; попадать въ нихъ можно, только взбираясь по лѣсенкамъ, т. е. значитъ туземцы жили тамъ тогда точно такъ-же, какъ и теперь обставлены иные жители внутренней Африки. Размѣры изображеній, — здѣсь какъ и вездѣ на древне-египетской стѣнописи, — не пропорціональны. Корова, отдыхающая подъ деревомъ, непомѣрно велика; птица, спорхнувшая съ вѣтки чуть-ли не въ полъ-коровы. На этой каменной картинѣ выступаетъ даже мѣстная флора, состоящая, повидимому, изъ финиковыхъ пальмъ и благовонныхъ сикоморъ, произрастающихъ лишь вдоль рѣкъ, — изъ чего надо заключить, что маленькая египетская эскадра вошла въ какое-нибудь устье. Вода изображена зеленоватою, чѣмъ словно указывается на близость моря. Рыбы тоже совершенно другія, нежели въ Египтѣ.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ ФЛОТИЛІЯ.

Пояснительныя надписи крайне любопытны.

«Посланный царицы, со своею военною свитою, разставляетъ на низенькомъ столѣ подарки, привезенные изъ Ѳивъ Пунтскому повелителю: красивыя стеклянныя бусы, ожерелья, браслеты, парадный кинжалъ и топорикъ». Вглядываешься въ соотвѣтствующую картину: удивительная отчетливость и выразительность исполненія! Приготовленные въ даръ уборы окрашены въ желтый цвѣтъ: значитъ, были золотые. Начальникъ экспедиціи опирается на посохъ; воины, позади, вооружены копьями, топориками, большими щитами пѣхотинцевъ. Хотя привезенные предметы и разложены тутъ, какъ-бы въ даръ хозяевамъ края, но въ сущности это не совсѣмъ такъ: они получатъ заманчивыя египетскія приношенія только въ обмѣнъ на вожделѣнныя произведенія Пунта.

Слѣдующая картина столь же художественно выполнена. «На встрѣчу идутъ туземцы: вождь, его семья и подданные. Всѣ они держатъ руки слегка приподнятыми, въ знакъ обычнаго почтительнаго привѣтствія.» Туземная одежда ничѣмъ особенно не отличается отъ той, которая тогда была принята въ странѣ фараоновъ; только борода вождя по виду странно напоминаетъ бороды древне-египетскихъ боговъ и усопшихъ царей, какими ихъ принято было изображать. Вѣдь не считать же это простою случайностью? А такъ какъ происхожденіе принильскихъ культовъ и всего традиціоннаго пока еще очень загадочно и темно, — то невольно зарождается вопросъ: ужъ не съ юго-востока-ли заносились пришельцами, колонизировавшими Египетъ, сказочныя доисторическія основы его религіи и быта?

На одной картинѣ поражаетъ уродливостью и какою-то особенно безобразною толщиной жена туземнаго вождя, въ желтомъ платьѣ и со множествомъ украшеній. Лицо ея слегка татуировано. Незачѣмъ и причислять ее къ бушменскому племени, — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые археологи, — когда извѣстно, что внутри Африки подобная внѣшность вообще считается признакомъ женской красоты. Вѣроятно съ этой цѣлью, какъ нѣчто характерное, жена вождя и начертана въ Дэръ-эль-Бахри.

Тѣла жителей страны Пунтъ окрашены въ кирпичный цвѣтъ; волосы у нихъ черные, не курчавые. Намековъ на то, чтобы это были негры, положительно нѣтъ: наоборотъ, рѣчь идетъ скорѣе всего о народѣ, связанномъ съ египтянами узами крови и прошедшей совмѣстной жизни.

Что же гласятъ о дальнѣйшемъ гіероглифы? «Лучшіе люди Пунта приближаются, немного сгорбившись, съ опущенными головами, — какъ подобаетъ встрѣтить посланныхъ ея величества, — и вопрошаютъ ихъ: чѣмъ объяснить ваше прибытіе въ землю, незнакомую вашему народу? Не небесными-ли путями вы прошли сюда? Ужъ не приплыли-ли вы по морю, протекающему въ области небожителей? Несомнѣнно вы шли тою же стезею, которою идетъ солнце. Мы знаемъ, нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло оставаться недоступнымъ египетскому царю: если мы и живы, — такъ потому, что онъ дозволяетъ намъ дышать.»

Наивные инородцы, конечно, польщены доставленными подарками. «Изъ благодарности рѣшено нагрузить въ обратный путь всѣ пять иноземныхъ судовъ мѣстными богатствами.» По стѣнной живописи наглядно судишь о томъ, что за дѣятельность закипѣла послѣ завязавшагося съ жителями Пунта общенія. По несчастію, верхняя часть картины почти разрушилась: мелькаютъ ноги, свѣтится водяная полоса, — вотъ и все главное, до сихъ поръ уцѣлѣвшее.

Гдѣ не такъ губительно повліяло разрушеніе, — тамъ мѣстами можно вчитываться въ ясное повѣствованіе о нагрузкѣ судовъ. «Египтянами переносятся молодыя деревья въ

корзинкахъ, куда они пересажены съ корнями и землей. Это — тяжелая ноша: каждое такое насажденіе тащатъ по четыре человѣка.» Тутъ, сколько извѣстно, первая историческая попытка акклиматизировать чужеземныя деревья. «Туземцы въ свою очередь стараются: кто доставляетъ огромный кусокъ чернаго дерева, кто ведетъ обезьяну, кто жирафа.» Относительно обезьянъ любопытно, что одна порода названа «кафу» и названіе это сходно съ санскритскимъ «капи». Невольно спрашиваешь себя, что за связь могла быть между Индіей и Пунтомъ. . . Но вѣдь древность ревниво стережетъ ту или иную тайну, вѣдь древность чаще всего упорно молчитъ! На одной испорченной части стѣны, съ которой изчезли фигуры, только надпись гласитъ о нахожденіи слона въ числѣ отправленныхъ изъ Пунта животныхъ. Съ какою радостью должна была встрѣтить свою экспедицію любознательная Хатшепсу: цѣлый міръ рѣдкостей и диковинъ, цѣлое неисчерпаемое богатство!

Жизненная сила сохранившихся начертаній такъ велика, что по смыслу сжатыхъ, разбросанныхъ здѣсь и тамъ письменъ, наука даетъ возможность сродняться съ этимъ изчезнувшимъ міромъ. Для приданія наибольшей яркости картинамъ, надъ ними, — иной разъ вдругъ, — вырѣзаны надписи, вродѣ слѣдующей: «Крѣпче стой на ногахъ!» — восклицаетъ дюжій носильщикъ. «Не налегай такъ тяжело на мои плечи!» — отвѣчаетъ окликнутый.

Есть сцена, рисующая прощаніе египетскихъ посланныхъ съ обитателями Пунта. «По приказанію вождя, они принесли въ даръ огромное количество мѵра, массивныя золотыя кольца, много слоновыхъ клыковъ, чашу съ золотымъ пескомъ» и т. п. Мѣстный правитель имѣетъ на правой ногѣ не малое число плотно другъ къ другу прилегающихъ металлическихъ колецъ, похожихъ на тѣ, которыя носятъ Бонго внутри Африки. Надо было дождаться открытій знаменитаго путешественника Швейнфурта, чтобы поставить въ связь данныя его книги съ нѣкоторыми изображеніями въ Даръ-эль-Бахри, также какъ новѣйшимъ ихтіологамъ выпало на долю опредѣлить по этому же цѣнному источнику, какія имъ воспроизведены Красноморскія рыбы. «Посланный царицею Хатшепсу благодаритъ инородцевъ, приглашаетъ ихъ войдти въ его палатку, гдѣ, будто-бы по приказанію царицы, для нихъ приготовлено угощеніе: хлѣбъ, пиво, вино, мясо, овощи, и всякіе иные египетскіе припасы.» Слѣдуетъ вѣрноподданическое примѣчаніе: «Да будутъ ея величеству присущи здоровье, сила, жизнь!»

Есть, между прочимъ, картина и того, какъ происходила самая нагрузка: тутъ уже виденъ не берегъ, а только суда и соединяющія ихъ съ сушею, замѣтно наклоненныя сходни, — наконецъ, носильщики, втаскивающіе по нимъ свой грузъ. Три обезьяны преспокойно, какъ дома, расхаживаютъ по палубѣ, или садятся. Къ мачтѣ прислонена арфа. Что за странность! Вѣдь и теперь еще однородный по внѣшности инструментъ можно видѣть въ рукахъ иного каирскаго музыканта! Сбоку тянутся гіероглифы: «Суда полнехонько нагружаются чудесами страны Пунтъ: деревомъ, какое ростетъ лишь въ области небожителей, благовоніями, слоновою костью, зеленью, яшмою, рѣдкими собаками, шкурами пантеръ, наконецъ даже представителями туземнаго населенія съ женщинами и дѣтьми. Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ созданъ міръ, подобныя диковинныя сокровища не были пріобрѣтены ни однимъ царемъ.» Какой утѣхой должна была служить эта надпись для Хатшепсу!

«Пока часть судовъ грузилась, другія уже снялись съ якоря. Вѣтеръ надуваетъ паруса; подданные царицы благополучно отправляются обратно въ Ѳивы, на славу Амона, сокровеннаго бога.»

Находящійся предъ нами памятникъ не сохранилъ подробностей о моментѣ ихъ возвращенія, такъ какъ разрушеніе въ слишкомъ сильной мѣрѣ коснулось Дэръ-эль-Бахри. По временамъ довольно трудно пріискать объясненія къ нѣкоторымъ частямъ надписей и не знаешь, къ чему пріурочить иныя процессіи жрецовъ, солдатъ, судовщиковъ. Можетъ быть, эти послѣднія прямо и не относятся къ экспедиціи въ Пунтъ, а гласятъ исключительно о характерѣ освященія здѣшняго святилища. Если-же мѣстами художникъ и изобразилъ представителей того или другаго народа, платившаго дань Хатшепсу, то оно дѣлалось преимущественно съ цѣлью вообще ее прославить на стѣнахъ ея лучшаго архитектурнаго созданія. Въ числѣ данниковъ, нарисованныхъ при этомъ, вторично обращаютъ на себя вниманіе Пунтскіе жители, особенно бросающіеся въ глаза формой бородъ. Эти южане держатъ на плечахъ огромные сосуды, въ которыхъ долженъ быть золотой песокъ: но тогда вѣдь ихъ не поднять-бы одному человѣку?

Говоря о стѣнописи, нельзя не отмѣтить, что на ней отражается внѣшній видъ тогдашнихъ египетскихъ войскъ, и при этомъ различнаго рода оружія: даже полуодѣтые нубійцы, съ луками и трубачемъ впереди, и тѣ изображены.

Затѣмъ въ одномъ мѣстѣ начертаны царскія носилки, покоившіяся обыкновенно на плечахъ двѣнадцати силачей. У ручекъ кресла-престола — львиныя головы; тутъ-же близко виднѣются слуги съ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и два охотничьихъ леопарда, ведомыхъ сторожами на привязи.

На такихъ именно носилкахъ, именно такъ окруженная, Хатшепсу направлялась во дни своей славы къ храму Амона въ Дэръ-эль-Бахри. Гіероглифы описываютъ свиданіе «воплощеннаго бога-царицы» и ея «невѣдомаго, всемогущаго покровителя». Она говоритъ ему о своемъ желаніи приложить все попеченіе, чтобы въ святилищѣ находилось какъ можно больше требуемыхъ благовоній, которыя теперь можно получать непосредственно изъ Пунта. Амонъ поздравляетъ свою царственную дочь съ успѣхомъ экспедиціи и открываетъ Хатшепсу, будто онъ самъ, вмѣстѣ съ другими богами, сопутствовалъ пловцамъ, отправлявшимся на далекій, заманчивый югъ, гдѣ благоухаетъ муро.

«Амону приносится въ жертву быкъ.» На одной картинѣ изображена даже сцена закланія: можно различить алтарь, на который положены всякія приношенія (напримѣръ гусь, разной величины печенья и т. п.). Нѣсколько жрецовъ простерли, въ молитвѣ, свои руки, другіе заняты разрѣзываніемъ бычачьей туши на части. Внимательно вглядываясь во всѣ начертанныя лица, убѣждаешься, что они въ сущности не похожи другъ на друга, но отличаются извѣстнаго рода индивидуальностью.

Памятникъ въ Дэръ-эль-Бахри предусматриваетъ даже, что случилось послѣ возвращенія изъ Пунта: сокровища, привезенныя оттуда, были пожертвованы въ храмъ; тамъ имъ сталъ вестись счетъ, все подвергнулось тщательной описи и взвѣшиванію. Послѣднее, для большей точности, совершаетъ будто-бы самъ богъ письменности — Тотъ, олицетвореніе высшей премудрости и справедливости, главный разумный помощникъ въ борьбѣ съ началами мрака.

Покидая Дэръ-эль-Бахри, еще долго рисуешь себѣ въ воображеніи далекое время, породившее эти созданія, и смѣлую фигуру подвигнувшей ихъ царицы.

Эта египетская Екатерина II или Елизавета Англійская и со стороны внѣшности представляла любопытное явленіе. Эстетики давно оцѣнили по достоинству голову одной древней статуи, приписывавшуюся Тіи, женѣ фараона Аменхотепа III. Теперь исторіографія склоняется къ выводу, что оживленныя красивыя черты этого изваянія олицетворяютъ Хатшепсу.

Сопровождаемые, по прежнему, гурьбою маленькихъ туземныхъ дѣвочекъ-водоносицъ, съ бархатными глазками газелей, окруженные постоянно возростающей толпой мѣстныхъ торговцевъ древностями сомнительнаго происхожденія (какъ-то кусками мумій и ихъ раскрашенныхъ гробовъ, статуэтками, скарабеями и т. п.), Августѣйшіе путешественники подъѣзжаютъ къ развалинамъ «Рамессеума», гдѣ назначенъ довольно продолжительный привалъ и прислуга съ яхты торопливо накрываетъ завтракъ. Общее утомленіе отъ жары и обилія впечатлѣній постепенно сказывается въ притупленіи первоначальнаго вниманія къ осматриваемымъ достопримѣчательностямъ: Египетъ однообразенъ до крайней степени — не будучи завзятымъ археологомъ или спеціалистомъ-изслѣдователемъ, трудно обозрѣвать монотонные памятники принильской культуры, не испытывая невольнаго чувства скуки и пресыщенія. Только отдыхъ можетъ разогнать это тягостное настроеніе, — и потому всѣ спутники Ихъ Высочествъ радостно привѣтствуютъ остановку въ чертѣ древняго святилища, часть котораго нѣкогда служила драгоцѣннымъ книгохранилищемъ жречества и даже называлась «врачебницей души».

Среди массивныхъ столбовъ, изрытыхъ профилями оцѣпенѣлыхъ фигуръ, импровизирована «столовая» съ видомъ на равнину и горы, на собравшееся окрестное населеніе и обломки минувшаго величія. Веселый разговоръ, непринужденное оживленіе, шутливыя воспоминанія и дорожныя замѣчанія все громче слышатся межъ сумрачныхъ развалинъ. Толпа туземцевъ смѣлѣе придвигается къ трапезѣ Августѣйшихъ путешественниковъ. «Чубукчи» хедива, слѣдующіе за Ними по Верхнему Египту, подаютъ Ихъ Высочествамъ тѣ же самыя трубки (съ инкрустаціями), которыми правитель страны, уже въ первый день торжественнаго пріема въ Каирѣ, угощалъ Великихъ Князей.

Пора однако собираться мало по малу въ обратный путь за рѣку. По дорогѣ предстоитъ еще посѣтить нѣсколько памятниковъ.

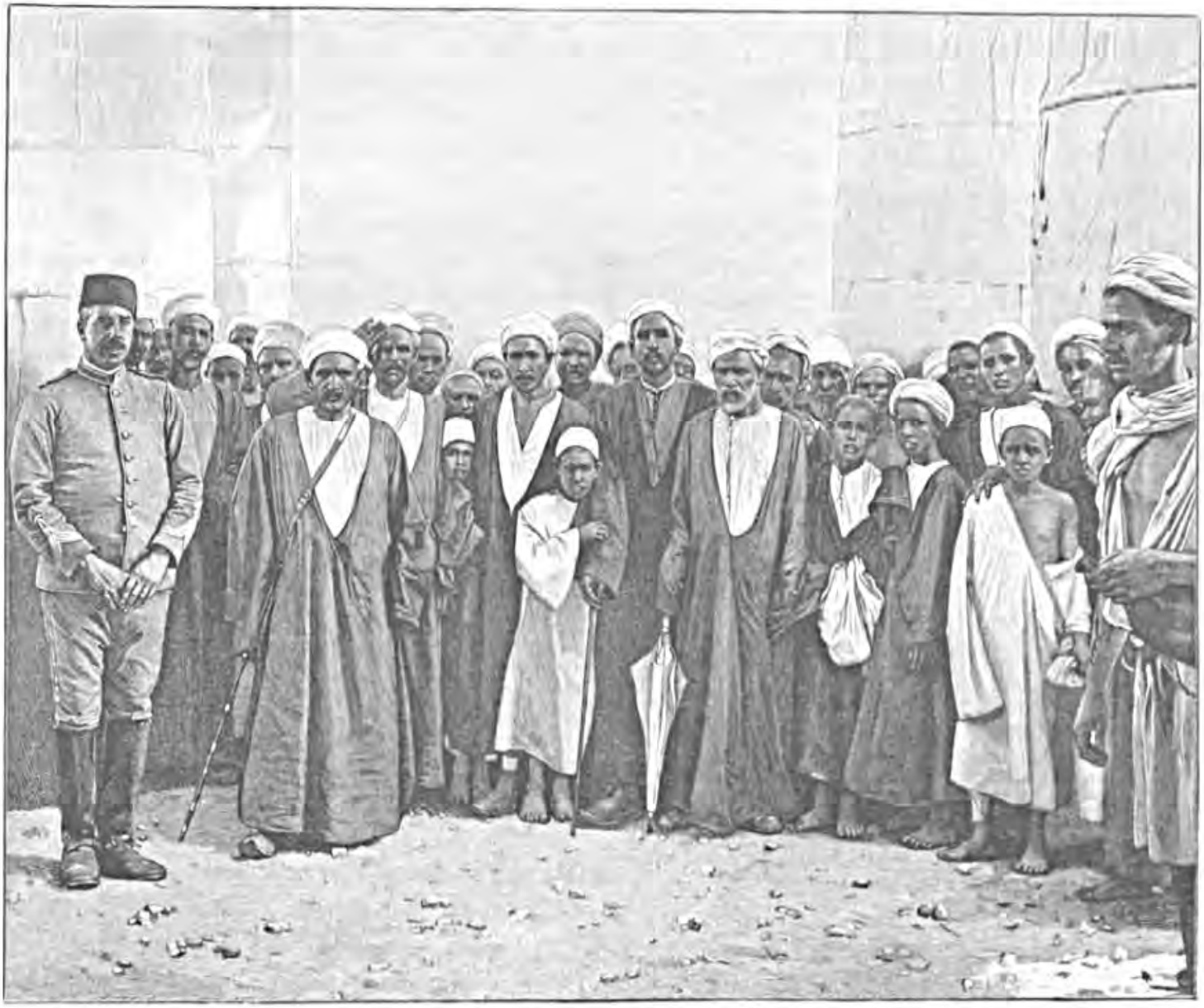
Передъ самымъ Рамессеумомъ, гдѣ длилась желанная полуденная остановка, лежитъ расколотый на части гранитный колоссъ, нѣкогда изображавшій царственнаго воителя, въ память чьихъ подвиговъ соорудился этотъ старинный храмъ. При фараонахъ одна изъ его дверей была золотая. Каменный восьмисаженный исполинъ у главнаго входа имѣлъ лицо въ сажень ширины, грудь въ 3½ сажени отъ плеча къ плечу, и т. д. Теперь отъ низверженнаго Рамзеса остаются обломки. Центральный залъ святилища, считавшійся мѣстомъ проявленія «сіяющей богини Хаторъ», служитъ цѣлью прогулокъ для туристовъ.

Благодаря наглядности уцѣлѣвшихъ надписей и изображеній представляется полная возможность уяснить себѣ побудительныя причины основанія Рамессеума, съ мыслью вѣчно чествовать духъ славолюбиваго царя.

Интересъ египетской исторіи, въ ея наидревнѣйшихъ и древнѣйшихъ періодахъ, усугубляется тѣмъ, что мы тутъ соприкасаемся не съ туманными преданіями, не съ отвлеченно-гадательными гипотезами, а стоимъ на совершенно реальной почвѣ, видимъ передъ собою великіе памятники нетлѣнной старины.

Лѣтописи принильскаго народа задуманы и начертаны въ грандіозныхъ размѣрахъ. Созерцая представляемое ими, ни минуты не сомнѣваешься, что соотвѣтствовавшая дѣйствительность и вправду была еще болѣе замѣчательна, чѣмъ сохранившіеся и дошедшіе до насъ остатки мѣстной культуры. Вотъ хотя бы и сегодня. . . Мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ литературно-историческихъ и художественныхъ созданій, которыя отражали въ себѣ старую туземную цивилизацію. Есть чему подивиться, есть во что внимательно и долго всматриваться.

Здѣсь, предъ нами, въ Рамессеумѣ, на стѣнахъ святилища, построеннаго въ честь бога Амона и въ память Рамзеса Великаго, тянется эпическое твореніе извѣстнаго египетскаго поэта Пентаура, восхвалявшаго побѣдную мощь знаменитаго фараона. Величина іероглифовъ, въ связи съ правильностью уцѣлѣвшихъ и разросшихся въ цѣлыя картины изображеній, положительно способна радовать взоры потомства, вмѣстѣ съ тѣмъ поучая его любопытнымъ характеромъ содержанія.



ГРУППА У РАМЕССЕУМА.

Египетское правительство тогда уже далеко не впервые прибѣгало къ громкому прославленію своихъ дѣяній (внѣ предѣловъ принильской страны). Еще ранѣе, напримѣръ, тоже случилось по отношенію къ подвигамъ необыкновенно энергичнаго брата Хатшепсу — царя Тотмеса III, который въ памяти роднаго народа справедливо считался славнѣйшимъ завоевателемъ, — особенно, если подумаешь, на сколько вѣковъ онъ предшествовалъ Александру Македонскому.

Неутолимая жажда героическо-романтическихъ приключеній вызывала этого фараона къ нескончаемымъ походамъ и мало по малу привела къ покоренію половины древнеклассическаго міра, такъ какъ честолюбивый властелинъ, увлекаясь смѣлыми замыслами,

чуть-ли не по прихоти ставилъ и мѣнялъ границы своего царства. При жизни Тотмеса III подобная внѣшняя политика увѣнчивалась полнѣйшимъ успѣхомъ. Стоило ему направиться на югъ, и бичу Ѳиванскихъ владыкъ становились покорными страны у экваторіальныхъ озеръ, куда еще только недавно попытались проникнуть европейскіе изслѣдователи. На сѣверѣ и востокѣ передъ силой Египта трепетали острова Эгейскаго моря и верховья рѣки Евфрата, и Сирія, и Месопотамія, и Аравія. Африканскія побережья Средиземныхъ водъ, Ливія съ ея довольно загадочными воинственными племенами, — все на западѣ, до нынѣшняго Алжира, опустошалось египетскимъ войскомъ, волей-неволей признавая грознаго фараона. Въ память выдающихся и незабвенныхъ походовъ этой отдаленной эпохи одинъ изъ современныхъ ей пѣвцовъ написалъ своего рода побѣдный гимнъ и начерталъ его на черной гранитной доскѣ, поставленной въ карнакскомъ храмѣ. Слогъ произведенія, несмотря на витіеватость древней грамматики, тѣмъ не менѣе очень поэтиченъ и составленъ въ чисто восточномъ вкусѣ. Ни риѳмы, ни размѣра нѣтъ; но за то есть ритмъ и, подобно пѣснямъ трубадуровъ и труверовъ, строеніе отдѣльныхъ частей симметрично, картины же изобилуютъ неожиданными сопоставленіями и параллелями. Слова, а иногда и цѣлыя фразы съ умысломъ повторяются, — послѣ нѣкоторыхъ перерывовъ, — придавая музыкальную прелесть всему произведенію.

Въ Рамессеумѣ развертывается, въ свою очередь, рядъ сценъ, гораздо болѣе конкретнаго содержанія, и потому-то чрезвычайно ярка и чрезвычайно красива связанная съ ними рѣчь. Сухое перечисленіе завоеваній Тотмеса тутъ смѣняется обрисовкой того, что случилось въ походѣ съ предпріимчивымъ и хранимымъ богами царемъ Рамзесомъ II.

Когда узнаешь, именно здѣсь, объ этихъ давно минувшихъ дняхъ — думается, что какъ-бы само прошедшее смотритъ на насъ съ высоты отмѣченныхъ имъ стѣнъ, — и притомъ что за прошедшее! Не жизненнѣе-ли даже оно знакомой съ дѣтства Иліады, если одинаково съ ней приближаетъ наше воображеніе къ той глухой старинѣ и хотя минутно роднитъ насъ съ тѣмъ, что проникнуто духомъ величія?

О чемъ же говоритъ твореніе Пентаура? Востокъ (мятежный Востокъ!), въ лицѣ нѣсколькихъ покоренныхъ до того племенъ и народовъ греко-малоазійскаго типа, сплотился противъ Рамзеса II, не страшится его мстительнаго наступленія, — напротивъ готовится встрѣтить и уничтожить усталыя отъ передвиженія египетскія войска. Но фараонъ идетъ по землѣ хананской, которая пока ему вѣрна, входитъ въ Сирію, высматриваетъ непріятеля. Послѣдній, при всей своей многочисленности, всетаки остерегается, всетаки не увѣренъ въ результатѣ открытаго сраженія, и потому подсылаетъ въ ненавистный станъ искусныхъ лазутчиковъ. Тѣ падаютъ ницъ передъ владыкой, говорятъ ему, будто они посланы частью раскаявшихся мятежниковъ, желающихъ возсоединиться со смѣлою ратью прежняго повелителя, и будто остальные отступили куда-то дальше на сѣверъ, за нынѣшній Алеппо... Рамзесъ торжествуетъ. Рамзесъ убѣжденъ въ справедливости подобнаго признанія. Окруженный лишь тѣлохранителями онъ устремляется впередъ.

Но въ руки солдатъ скоро попадаются новые лазутчики: ихъ бьютъ и заставляютъ сказать правду. Оказывается, что уже совсѣмъ близко находятся враги, намѣревающіеся внезапно напасть врасплохъ на царскую гвардію, которой одной немыслимо справиться съ противниками. Однако поздно. Отступленіе отрѣзано. Отовсюду наступаютъ и подавляютъ численностью туземные мятежники.

Фараонъ не пугается ихъ. Фараонъ самъ первый переходитъ къ нападенію. Шесть разъ прорывается онъ черезъ раставленныя ими въ боевомъ порядкѣ колесницы. Шесть разъ непріятель прогоняется къ сосѣдней рѣкѣ. Наконецъ еще подоспѣваютъ отставшія

ФАРАОНЪ ВЪ БОЮ.

египетскія войска, и побѣда безповоротно рѣшена. Вотъ въ сущности оставъ историческаго повѣствованія, изъ котораго могъ и долженъ былъ творить Пентауръ.

Что же мы видимъ на дѣлѣ? О чемъ собственно идетъ рѣчь? Пѣвецъ выбралъ именно тотъ моментъ, когда царя застигли врасплохъ, при неосторожномъ наступленіи малочисленнаго отряда. Гіероглифы краснорѣчивѣе иной позднѣйшей поэмы.

«Подлый вождь хиттитовъ и его союзники подкрались на встрѣчу фараону. Превосходно вооруженные, имѣя по три храбрѣйшихъ человѣка на каждой колесницѣ, они устремились на египтянъ. Первый натискъ былъ удаченъ. Тогда Рамзесъ, снаряжаясь въ сѣчу, облекся въ броню и, подобно разгнѣванному богу войны, погналъ, что есть мочи, своихъ огромныхъ коней прямо на ненавистныхъ и презираемыхъ иноплеменниковъ.»

Въ виду захватывающаго духъ интереса, который представляетъ этотъ исторически любопытный отрывокъ древняго произведенія, самая форма описанія мѣняется: лирическое настроеніе слушателей и зрителей должно сливаться и до нѣкоторой степени отождествляться съ настроеніемъ самого великаго царя. «Я былъ одинъ» — повѣствуетъ онъ: «ни одного изъ моихъ именитыхъ соратниковъ, никого изъ моихъ начальствующихъ стрѣлковъ или опытныхъ возничихъ не было со мною. Мои тѣлохранители покинули меня, бѣжали... Я остался одинъ, и тутъ-то я мысленно вознесся къ моему божественному отцу Амону: я-ли не слѣдовалъ согласно твоимъ велѣніямъ на всѣхъ путяхъ жизни? Я-ли не слушался тебя? Я-ли не воздвигалъ тебѣ храмовъ изъ крѣпкаго камня? Сколько тебѣ въ жертву приносилось десятковъ тысячъ быковъ, сколько рѣдкаго и благовоннаго дерева!! Всю вселенную заставлялъ я платить тебѣ дань. Взываю къ тебѣ, отецъ! услышь меня, воззри на мое бѣдственное положеніе! Я одинъ: всѣ народы земли сплотились противъ меня. Вокругъ нѣтъ ни моихъ пѣхотинцевъ, ни моей конницы. Я зову, и никто изъ нихъ меня не слышитъ. Но ты, Амонъ, изъ себя представляешь болѣе чѣмъ милліоны стрѣлковъ, болѣе чѣмъ сотни тысячъ всадниковъ Что передъ тобою мощь человѣческая? Ты сильнѣе всѣхъ!»

«Царь по прежнему одинокъ. Непріятель все ближе тѣснитъ его, — и вдругъ, о чудо! богъ Амонъ появляется рядомъ съ взывавшимъ, ведетъ его къ побѣдѣ, протягиваетъ ему руку, одобряетъ его голосомъ.»

«Таинственный спаситель говоритъ: я — твой отецъ, — помощь моя осязательнѣе, чѣмъ помощь сотенъ тысячъ людей. Я цѣню мужество. Я улицезрѣлъ твое неустрашимое сердце. Я доволенъ тобою... Теперь моя воля совершится.»

«... И Рамзесъ, съ воплемъ побѣднаго упоенія, начинаетъ метать стрѣлы направо и налѣво. Подъ копытами его коней въ дребезги разбиваются 2500 непріятельскихъ колесницъ. Низвергаемые воины даже не смѣютъ направлять оружіе на всесокрушающаго фараона. Дротики и копья не слушаются ихъ, — не имѣющихъ возможности бороться, спасающихся бѣгствомъ, стремглавъ падающихъ въ рѣку и исчезающихъ въ водѣ, какъ исчезаетъ крокодилъ. Истребляемые даже не могутъ въ себя придти отъ неудержимаго страха и смятенія, даже не оборачиваются на истребителя, а онъ ихъ все настигаетъ и губитъ...»

«Тогда восточныя племена и народы поняли, что неземное существо помогаетъ царю, и воскликнули: это не человѣкъ — среди насъ, это — какой-нибудь воплотившійся богъ! Бѣжимъ, — не то всѣ поголовно будутъ истреблены! И бѣжали они, и Рамзесъ мчался за ними, уподобившись пожирающему огню.»

Конецъ поэмы производитъ уже ослабленное впечатлѣніе. «Египетское войско приходитъ на поле брани, шествуетъ по безчисленнымъ трупамъ. Вездѣ — умирающіе,

вездѣ — потоки крови. Какъ могъ владыка одинъ совершить рядъ такихъ невѣроятныхъ подвиговъ? А онъ упрекаетъ своихъ, стыдитъ ихъ тѣмъ, что покинутый въ началѣ сраженія вступилъ въ небывалый поединокъ съ милліонами людей. Только добрые кони сослужили вѣрную службу, только они достойны вѣчной благодарности и награды: отвести ихъ во дворецъ! держать ихъ въ постоянной холѣ! кормить въ присутствіи самого царя!»

На слѣдующій день враговъ окончательно покорили и заключили съ ними мирный договоръ, по которому вскорѣ одна азіатская царевна была выдана замужъ за фараона.

Нельзя быть въ Рамессеумѣ, въ теченіе двухъ часовъ, и не распространиться хоть вкратцѣ о произведеніи Пентаура. Гдѣ-же въ немногихъ словахъ передать весь драматизмъ

У НѢКОГДА СВЯЩЕННЫХЪ ИЗВАЯНІЙ.

описываемаго легендарнаго положенія! Какъ поддѣлаться подъ утонченно-оригинальный слогъ творенія, украшающаго Рамессеумъ. Наши современные авторы не умѣютъ, да едвали и могли-бы такъ мыслить и говорить. Только тамъ, гдѣ пѣвцы стояли еще въ непосредственной близости къ народному культу, къ первобытнымъ вѣрованіямъ и къ міру сверхъестественныхъ явленій — только тамъ способна была сложиться и остаться въ назиданіе потомству подобная поэма. Насколько извѣстно, она воспроизведена на четырехъ уцѣлѣвшихъ памятникахъ (въ Луксорѣ, въ Абидосѣ около верхне-египетскаго мѣстечка Белльянэ, въ нубійскомъ храмѣ-скалѣ у Абу-Симбела на Нилѣ и здѣсь, близь Ѳиванскаго некрополя). Пятое изданіе, — безъ изображеній, — встрѣчается на стѣнахъ карнакскаго святилища. То, которое — въ Нубіи, наиболѣе грандіозно по размѣрамъ. Тамъ есть одна картина, занимающая площадь въ двѣ тысячи квадратныхъ футовъ, на которой высѣчено нѣсколько тысячъ фигуръ.

Кромѣ этихъ такъ-сказать каменныхъ лѣтописей насчитывалось еще множество воспроизведеній той-же поэмы на папирусѣ.

Египтологи обращаютъ вниманіе на одну уцѣлѣвшую въ Рамессеумѣ подробность: послѣ битвы изображенъ князь города Алеппо, вытащенный въ безсознательномъ состояніи изъ рѣки. Его держатъ головою внизъ, чтобы изо рта хлынула вода. Краски еще уцѣлѣли и можно различить, къ какому племени принадлежалъ пострадавшій: волосы и борода у него — со свѣтлымъ, рыжеватымъ оттѣнкомъ, глаза голубые.

Неровными тропинками направляется дальнѣйшій путь къ старому коптскому селенію Мединэтъ-Абу. Около одной древней постройки туземныя дѣти, собравшись въ кружокъ, провожаютъ Ихъ Высочества пѣніемъ.

Снова въѣзжаешь въ цѣлый лабиринтъ поколебленныхъ стѣнъ и башенъ, съ угрюмыми галлереями вокругъ дворовъ, среди которыхъ торчатъ подножія и обломки колоннъ. Нужны часы, чтобы хоть вскользь ознакомиться съ развалинами, нужны безконечные комментаріи, чтобы уяснить себѣ значеніе каждой части этихъ связанныхъ другъ съ другомъ и въ различное время воздвигнутыхъ сооруженій. Но день, отданный на посѣщеніе западнаго берега Ѳивъ, уже до того переполненъ многосложными наблюденіями, что нѣтъ ни силъ, ни желанья съ одинаковымъ вниманіемъ во все вникать: любознательность изсякаетъ мало по малу сама собой отъ чрезмѣрнаго и умственнаго, и физическаго напряженія.

Тѣмъ не менѣе памятникъ, высящійся передъ осматривающими его Августѣйшими путешественниками, въ общемъ поражаетъ своими очертаніями и вызываетъ въ памяти нѣкоторыя характерно-яркія подробности.

Такъ вотъ она — сокровищница царя Рампсинита! Здѣсь, въ числѣ драгоцѣнностей, хранились разныя магическія письмена. Обладаніе ими прельстило одного изъ надзирающихъ за стадами фараона. Каменьщикъ, участвовавшій въ построеніи зданія, выдалъ тайну, какъ проникнуть въ его сокровеннѣйшіе уголки. Захвативъ желаемое, первый сталъ вредить людямъ (при помощи чародѣйства), былъ схваченъ, судимъ и приговоренъ къ самоубійству. Послѣднее нерѣдко давалось тогда на выборъ уличеннымъ въ преступленіяхъ государственнаго характера, которыя, въ виду дворцовыхъ интригъ, случались весьма часто. Такой конецъ, вѣроятно, многими предпочитался столь же обычному лишенію носовъ и ушей.

Что же такое Мединэтъ-Абу? Дѣйствительно-ли это жилой чертогъ выдающагося владыки (какъ предполагали иные ученые) или же просто памятникъ въ честь его величія, гдѣ духъ Рамзеса III (коего могила осматривалась сегодня утромъ) могъ пребывать, упоенный собственнымъ блескомъ и непомѣрною роскошью? Трудно рѣшить, хотя второе толкованіе гораздо правдоподобнѣе. Египетскіе цари воздвигали только съ религіозными цѣлями каждое изъ своихъ нетлѣнныхъ сооруженій.

Видишь изображенія подъ разукрашеннымъ ими окномъ, откуда иногда будто-бы смотрѣлъ фараонъ, — изображенія сѣверянъ тевкровъ и пелазговъ, этрусковъ и сардинцевъ. Полуарійскія племена Малой Азіи и южной Европы находились тогда въ сильнѣйшемъ броженіи и передвигались вдоль всего Средиземнаго моря: съ тамошними коренными жителями они отчасти бились, имѣя опорный базисъ въ лагеряхъ съ телѣгами, въ которыя впрягались быки и гдѣ оставались семьи странствовавшихъ воиновъ, отчасти-же нападеніе производилось съ искусно управляемыхъ судовъ.

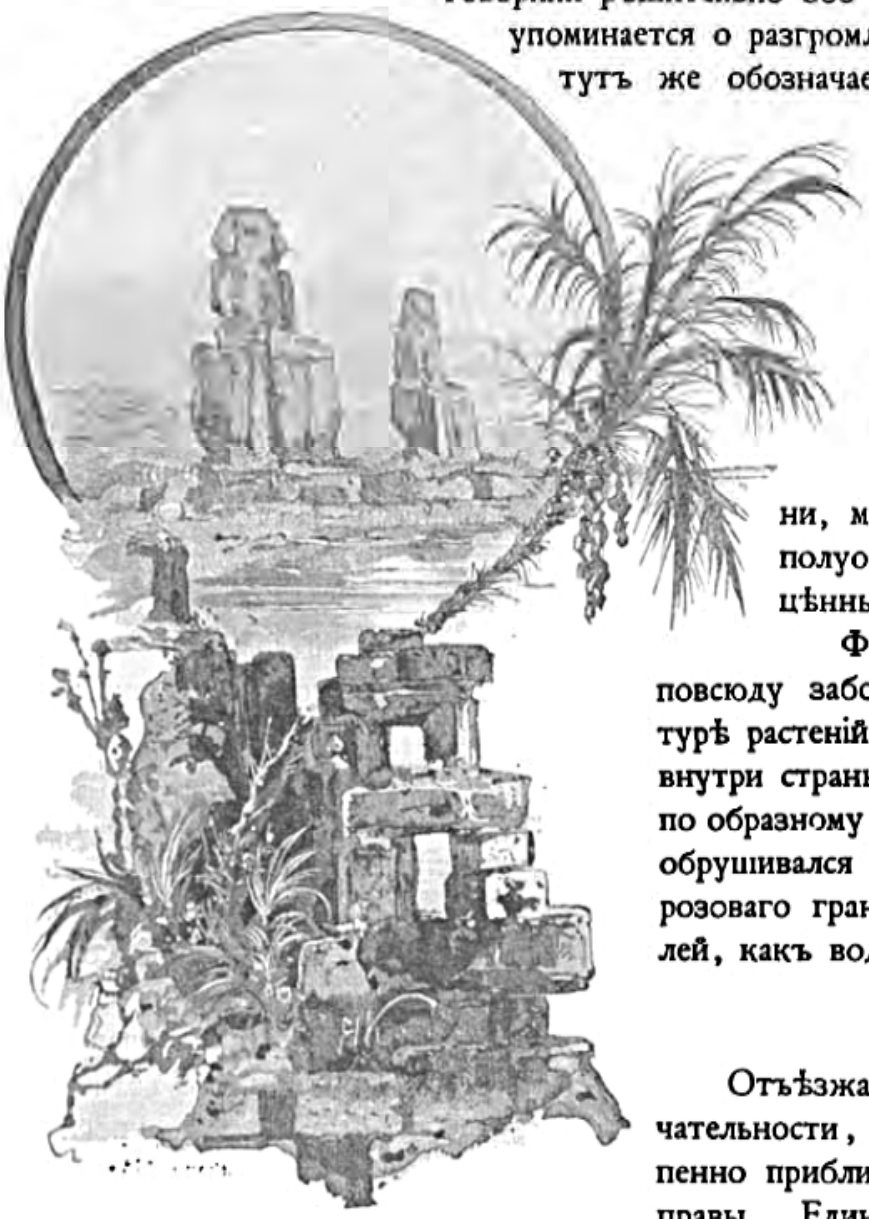
Здѣсь врѣзана въ камень картина впервые увѣковѣченнаго морскаго сраженія и варварскаго нашествія на Египетъ. Самъ Рамзесъ III мечетъ стрѣлы во враговъ. У нихъ

на головахъ уборъ изъ перьевъ, точно у краснокожихъ индѣйцевъ. Непріятели побѣждаются. Фигуры плѣненныхъ — подъ окномъ, на которое можетъ опираться фараонъ, — въ сущности должны какъ-бы служить наглядным выраженіемъ его торжества. Тамъ дальше, внутри трехъэтажнаго сооруженія, находятся помѣщенія со стѣнописью, повидимому изображающею обнаженныхъ сѣверянокъ — рабынь (съ красивымъ греческимъ профилемъ). Онѣ подносятъ цвѣты Рампсиниту, играютъ съ нимъ въ шашки, ухаживаютъ за царемъ.

Наивное міросозерцаніе того времени обусловливало, что письмена на постройкахъ говорили рѣшительно обо всемъ. Напримѣръ, въ Мединэтъ-Абу упоминается о разгромленіи западныхъ Ливійскихъ племенъ и тутъ же обозначается, сколько взято и какой именно добычи: 119 штукъ рогатаго скота, 115 мечей въ 5 аршинъ длины, 93 боевыхъ колесницы, 2310 колчановъ, 183 лошади и осла и т. д. Развѣ не удивительно, не забавно?

Наряду съ этимъ узнаешь, что въ сокровищницѣ хранились тяжелые мѣшки съ золотомъ, цѣлыя полосы серебра, лазоревые и зеленоватые камни, много мѣди (изъ рудниковъ Синайскаго полуострова), жертвенныхъ куреній, драгоцѣнныхъ статуй, сосудовъ, украшеній.

Фараонъ съ гордостью добавляетъ: «я повсюду заботился о разсадкѣ деревьевъ, о культурѣ растеній, о полной безопасности отъ разбоевъ внутри страны.» Когда же надвигались враги, онъ, по образному выраженію одного древняго памятника, обрушивался на нихъ подобно гигантской глыбѣ розоваго гранита: кровь ихъ смѣшивалась съ землей, какъ воды наводненія во дни разлива Нила.

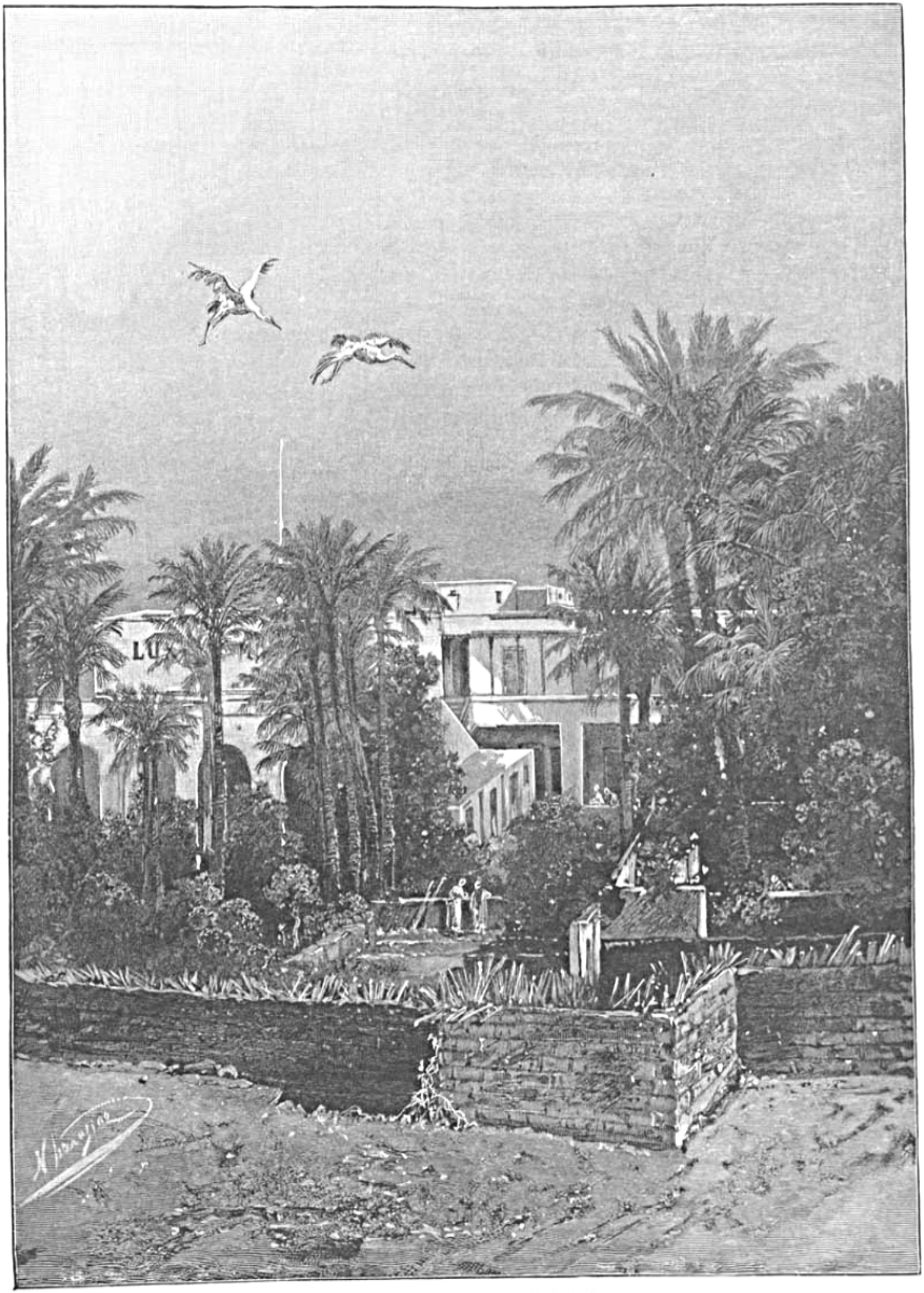


КОЛОССЪ МЕМНОНА.

Отъѣзжая и отъ этой стародавней достопримѣчательности, Августѣйшіе путешественники постепенно приближаются къ рѣкѣ, для обратной переправы. Единственная остановка по дорогѣ — у пресловутыхъ колоссовъ, когда-то украшавшихъ входъ въ безслѣдно изчезнувшее святилище Аменхотепа III-го. Они — изъ мокаттамскаго плитняка, изуродованы, довольно безформенны, вообще представляютъ печальное явленіе. Одноименный царю художникъ, воздвигавшій ихъ, отмѣчая фигуры своимъ рѣзцемъ, въ видѣ вызова грядущему предсказалъ обѣимъ статуямъ безсмертіе. Но послѣднее, — хотя и выпало имъ на долю, — тѣмъ не менѣе безславно.

Въ древности еще было иначе: одинъ колоссъ, разрушаясь, сталъ издавать странные пѣвучіе звуки, привлекшіе общее вниманіе, какъ нѣчто сверхъестественное.

Именитые римляне (даже императоры) посѣщали Ѳиванскій некрополь съ намѣреніемъ услышать эту жалобу титана. У классическихъ писателей сложилось преданіе, будто онъ



ГОСТИНИЦА ЛУКСОРА.

изображаетъ сына «Зари» — Мемнона, вождя эфіоповъ, сраженнаго Ахилломъ въ бою подъ Троею. Здѣсь, близь Ливійской гряды, павшаго героя по преданію ежедневно кропила раннею росою безутѣшно плачущая мать — и, словно въ отвѣтъ на ея горе, каменное изваяніе издавало не то вздохъ, не то слабое стенаніе. Прежде ихъ старались истолковать обманными пріемами жречества; но теперь это проще объясняется дѣйствіемъ утренней теплоты на влажныя трещины вдоль мнимаго Мемнона. При Септиміи Северѣ его реставрировали, и онъ навсегда умолкъ.

Для контраста съ омертвѣвшею стариной рѣшено закончить день среди оригинальной обстановки арабскаго обѣда (по мѣстному «эль-гхада»).

Ихъ Императорскія Высочества удостаиваютъ посѣщеніемъ жилище туземца, на семьѣ котораго вотъ уже тридцать лѣтъ лежитъ исполненіе обязанностей русскаго консула. Понятно, съ какимъ восторгомъ тамъ принята столь великая милость. По дорогѣ туда, — черезъ заросшій миртами и пальмами обширный садъ Луксорской гостинницы для пріѣзжихъ, — Наслѣднику Цесаревичу подносится букетъ отъ ея хозяина.

Пріемная комната (и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы кабинетъ) египтянина, почтеннаго пребываніемъ въ ней Августѣйшихъ путешественниковъ, отдѣлана на левантійски-европейскій ладъ съ портретами царственныхъ Особъ по стѣнамъ. Въ ожиданіи своеобразнаго угощенія, не видишь еще ничего характернаго, о чемъ бы стоило упоминать.

Вскорѣ появляются слуги съ металлическими кувшинами «ибрикъ» и большими тазами для омовенія рукъ. Эти тазы — «тиштъ» — съ двойнымъ дномъ: первое снабжено многочисленными отверзтіями, дающими стокъ водѣ. Каждому приглашенному подается полотенце «футà», которое должно служить на все время обѣда, такъ какъ ѣсть придется безъ вилокъ и ножей.

Затѣмъ Ихъ Высочества со свитой переходятъ въ другую комнату, гдѣ — уже при отсутствіи сидѣній — гости по восточному разсаживаются на полу, вкругъ маленькихъ и низенькихъ столиковъ (на подобіе табуретовъ), съ перламутровой инкрустаціею, орнаментомъ изъ слоновой кости и тонкою узорчатою рѣзьбой. Ради удобства располагаешься на коврѣ, подобравъ подъ себя ноги. За спину подкладывается высокая подушка.

Августѣйшіе путешественники и часть сопровождающихъ лицъ помѣщаются съ хозяиномъ у одного столика. Остальные весело садятся, — гдѣ попало, — у слѣдующихъ. Оживленное настроеніе дѣйствуетъ крайне живительно послѣ испытаннаго переутомленія.

Вереница слугъ ставитъ на табуреты передъ нами круглые и плоскіе массивные подносы. Кромѣ деревянныхъ ложекъ нѣтъ инаго прибора. Но когда объѣдешь Ѳивы, то немудрено ощущать здоровый аппетитъ и отнюдь не смущаться простотою туземнаго взгляда на вещи. Отъ вкуснаго ароматнаго супа въ фарфоровыхъ чашечкахъ — переходъ къ сочному жареному ягненку. Блюда быстро чередуются. По арабскому обычаю подобаетъ отвѣдать каждаго, но не выказывая при этомъ особеннаго предпочтенія никакому.

Довольно затруднительно, обѣдая такимъ образомъ въ первый разъ, услѣдить за двумя десятками мелькавшихъ кушаній и опредѣлить ихъ, — зачастую по одному запаху и цвѣту, — такъ какъ прикоснуться къ сладковатой снѣди пальцами, съ которыхъ не успѣлъ еще стереться жиръ, по непривычкѣ, очевидно, не рѣшаешься, — а домочадцы консула безъ малѣйшаго промедленья убираютъ поданныя миски и замѣняютъ ихъ новыми. Пища не слишкомъ горяча. Мясо обыкновенно мелко нарублено. При помощи хлѣба есть возможность справляться съ приглянувшейся ѣдой. Изъ-за любопытства, съ которымъ

относишься къ произведеніямъ незнакомой кухни, постоянно происходятъ юмористическіе эпизоды: казавшееся лакомымъ кусочкомъ на дѣлѣ выходитъ, по нашимъ понятіямъ, почти гадостью, — и наоборотъ, такъ что обладающіе гастрономическими наклонностями поминутно приходятъ къ неожиданнымъ открытіямъ. Чередованіе сладкаго съ прѣснымъ и острымъ упраздняетъ для туземцевъ всякую потребность въ винѣ за обѣдомъ. Послѣднимъ блюдомъ приносится рисъ, сваренный на молокѣ. Туземное угощеніе удалось на славу!

За трапезой у древнихъ египтянъ было обыкновеніе показывать присутствующимъ маленькое деревянное изображеніе раскрашенной муміи, для напоминанія о томъ, что ждетъ человѣка. По словамъ Геродота, ее носили межъ гостей, когда они уже успѣвали насытиться.

Это страшное воззваніе, обращавшееся къ людямъ въ моментъ наступающаго равновѣсія между силами тѣла и духа, давно, конечно, забыто въ Египтѣ. Здѣсь, положимъ, принято, какъ и вообще на Востокѣ, молчаливо и сдержанно держать себя за столомъ; но до столь утонченнаго варварства, наглядно заводить при этомъ рѣчь о смерти, современники хедивовъ, съ ихъ слегка эпикурейскимъ міровоззрѣніемъ, и въ мысляхъ не способны дойдти.

Въ концѣ обѣда, молодой племянникъ хозяина, Мустафа Саидъ, отъ глубины растроганнаго сердца произнесъ старательно имъ задуманное и, по мѣрѣ умѣнія, оформленное французское привѣтствіе Наслѣднику Цесаревичу.

Тихо на рѣкѣ. Близко къ полуночи. Пароходы у луксорскаго побережья погружены въ сонъ и мракъ. Подводя итогъ всему, что удивляло и чаровало въ теченіе дня, не можешь не признать долины погребенія царей и навѣянныхъ ею размышленій за самое яркое и величественное воспріятіе. До сихъ поръ ничего подобнаго, по грандіозности и по глубинѣ, не встрѣчалось еще на пути Ихъ Императорскихъ Высочествъ, — да едва-ли скоро и встрѣтится.

Развалины за Великокняжескою яхтой озарены мягкимъ лазоревымъ свѣтомъ луны, представляются одѣтыми въ снѣжно-ледянистую мерцающую ризу. Тѣни движутся по нимъ. Если только дать волю усталому воображенію, Богъ вѣсть, что почудится. Но къ чему станетъ мерещиться небылица, когда дѣйствительность окрестъ насъ полна невѣроятныхъ фактовъ, непостижимыхъ явленій?! Передъ очами впечатлительнаго туриста, посѣтившаго Бибанъ-эль-мулукъ, на первыхъ порахъ поминутно встаетъ угрюмый входъ въ «глубину», гдѣ напрасно хотѣли укрыться царскія муміи. Говорятъ, что какая-то изъ

нихъ, привезенная въ Каирскій музей, однажды подъ вечеръ случайно распеленалась, въ неподходящей для нея обстановкѣ, и, къ общему ужасу, съ нѣмою укоризной подняла руку надъ головой.

Безжизненная тьма причудливой гробницы!
Твой царственный покой нарушенъ и смущенъ:
Надъ тайною твоей склонились чьи-то лица,
Читая въ тишинѣ угаснувшихъ временъ.

Живыя письмена загадочнаго лона
Пытливому уму понятны и ясны:
Могилы уже нѣтъ — останки фараона
На зрѣлище толпѣ наукой отданы.

А онъ? ужель онъ спитъ, поруганный и плѣнный,
Среди тоскливыхъ стѣнъ заглохшаго дворца,
Въ бездушномъ блескѣ дня, гдѣ всякій дерзновенный
Коснуться можетъ рукъ, и груди, и лица, —

Тѣхъ грозныхъ рукъ, чья мощь въ бояхъ была побѣдна,
Груди, откуда свѣтъ струился на народъ,
Вѣнчаннаго чела, которое такъ блѣдно,
Какъ будто глубину паденья сознаетъ?

ДО ПОРОГОВЪ НИЛА
И
ВЪ МЕМФИСЪ.

Понедѣльникъ 19 ноября (1 декабря).

раткій отдыхъ. Мы все еще въ Ѳивахъ! (я предпочитаю, ради иллюзіи, выражаться такъ вмѣсто Луксора). Раннее утро и очаровательная окрестность... Положимъ, близкія горы кажутся обнаженными и черезчуръ отвѣсными, — положимъ, кое-гдѣ просвѣчиваетъ бурая пустыня; но лучи оживляютъ темнозеленую равнину и въ связи съ этимъ разцвѣтаетъ цѣлый особый міръ красокъ, совершенно новый для сѣверянъ.

Впрочемъ, здѣсь и восходъ, и закатъ одинаково поражаютъ. Нашихъ сумерокъ нѣтъ. Солнце быстро всплываетъ надъ горизонтомъ и столь же быстро исчезаетъ. Гдѣ грань между ночью и днемъ? Гдѣ вокругъ дѣйствительно кончается полоса культуры, чтобы уступить безплодью? Отъ него къ ней — одинъ шагъ, отъ мрака къ свѣту — почти одно мгновенье.

Въ шестомъ часу яхта «Фейзрабани» съ сопутствующею ей «Хэхіэю» дымятъ уже по направленію на югъ. Предстоитъ пройдти около ста верстъ противъ теченія для достиженія Эдфу, которое замѣчательно сохранившимся тамъ святилищемъ, — до того неприкосновеннымъ въ своей первобытной красотѣ и мельчайшихъ подробностяхъ, что посѣщеніе его (такъ сказать, съ эстетической точки зрѣнія) обязательно при обозрѣніи Верхняго Египта.

Известнякъ, входящій въ составъ возвышенностей, подступающихъ къ Нилу съ востока, смѣняется плитнякомъ, еще ярче, — но безъ прежняго золотистаго оттѣнка, —

ВЪ ДРЕВНЕМЪ СВЯТИЛИЩѢ.

и еще суровѣе отсвѣчивающимъ въ дневномъ сіяніи. У Эрмента, съ западной стороны, берегъ густо покрытъ сикоморами. Дальше мѣстность иногда опять представляется въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Послѣ завтрака — предположенная остановка у того мѣстечка, гдѣ нѣкогда съ необыкновенною торжественностью чтился Горусъ, сынъ бога Озириса, умерщвленнаго страшнымъ враждебнымъ ему божествомъ Сетомъ. Выступая пламеннымъ мстителемъ за отца и тоскующую мать, олицетвореніе свѣтлаго начала здѣсь, въ Эдфу, еще въ миѳическія времена ведетъ упорную борьбу съ силами мрака, какъ-бы являя собою образецъ долготерпѣнія, мужества и энергіи пришельцевъ изъ Азіи, углублявшихся для колонизаціи въ неподдававшуюся тогда никакой правильной культурѣ, почти непочатую глушь сѣверныхъ областей принильскаго побережья, безъ сомнѣнія населенныхъ лишь дикими и звѣроподобными автохтонами. Лучистый Горусъ, неутомимый борецъ, во всѣхъ религіозныхъ представленіяхъ и туманныхъ сказаніяхъ старины играетъ при этомъ роль защитника, покровителя, вождя добрыхъ духовъ и всегда, по первому призыву, готовъ устремиться на непризнающаго исконный пантеонъ (съ солнцемъ «Ра» во главѣ) и покровительствующаго инородцамъ бога Сета. Необъяснимымъ остается, почему этимъ именемъ тѣмъ не менѣе величались даже цари. Разгадка тайны затеряна въ древности.

Передъ взорами Августѣйшихъ путешественниковъ снова высятся стѣны одного языческаго святилища. Въ чертѣ нетлѣннаго сооруженія, переходя изъ доступныхъ толпѣ притворовъ кумирни къ полутемнымъ покоямъ болѣе сокровеннаго характера, невольно рисуешь себѣ приблизительную картину того, чѣмъ былъ въ дѣйствительности этотъ храмъ въ Эдфу, пока еще его оберегала и холила правительственная рука. Внѣшнему блеску туземнаго культа, конечно, въ значительной степени способствовало и то, какъ умѣли себя обставлять непосредственные слуги алтарей.

Египетскіе жрецы брили голову, одѣвались въ бѣлое и носили пурпурныя сандаліи. Въ знакъ сана черезъ плечо была перекинута леопардовая шкура. Старшіе между священнослужителями назывались «пророками». При капищѣ встрѣчались также жрицы, изъ коихъ нѣкоторыя считались искусными музыкантшами и происходили изъ царскаго рода. Убранство святилищъ отличалось необычайною роскошью. Драгоцѣнные индійскіе камни, чудные ковры и затканныя золотомъ завѣсы наполняли внутренность «жилища боговъ», гдѣ въ богатыхъ оправахъ изъ сафировъ и изумрудовъ арфы ждали прикосновенія къ вѣщимъ струнамъ.

Когда фараонъ приходилъ поклониться богамъ, его здѣсь встрѣчали трубнымъ гласомъ и барабаннымъ боемъ. Воплощенному на землѣ свѣтилу выносились для привѣтствія изображенія его предковъ — владыкъ, различныя религіозныя эмблемы, жертвенная утварь и т. д. Правитель страны могъ видѣть лелѣемыхъ въ кумирнѣ священныхъ животныхъ и лицезрѣлъ центральнаго кумира-властителя — подъ балдахиномъ, въ цвѣтахъ и повязкахъ, — окруженнаго опахалами и съ парусомъ въ рукахъ одного прислуживающаго жреца, какъ символомъ прохлады и радости.

Ихъ Высочества идутъ по безмолвному храму въ Эдфу, какъ-бы застывшему въ своей величественной неприкосновенности. Каждая черточка стѣнописи, каждая высѣченная въ камнѣ фигура и пояснительная надпись уцѣлѣли. Жизненныя основы древняго Египта исчезли, но осматриваемое нами сооруженіе окончено точно вчера и прошедшее

облекается воображеніемъ въ плоть и краски не подъ вліяніемъ жалкихъ развалинъ и могильныхъ обломковъ, а при созерцаніи незыблемо-могучей дѣйствительности.

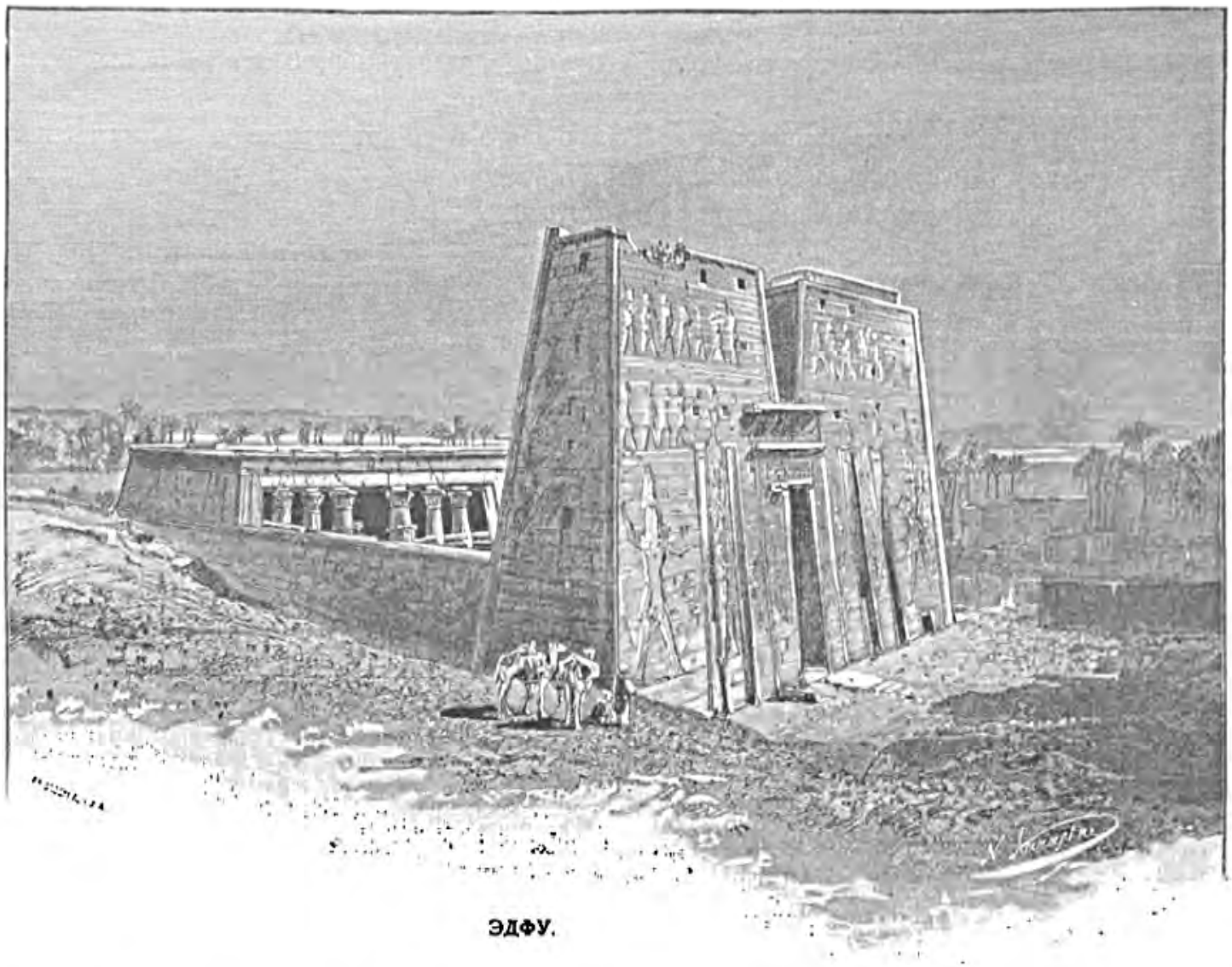
По старымъ папирусамъ есть возможность прослѣдить многія характерныя черты языческой обрядности и возстановить болѣе или менѣе полную картину культа боговъ въ святилищахъ. Нашъ русскій египтологъ Леммъ представилъ по этому предмету нагляднѣйшее научно-литературное описаніе. По утру, на зарѣ, очередной жрецъ входилъ въ сопровожденіи другихъ священнослужителей въ такъ называемый «чертогъ огня», гдѣ онъ ими высѣкался при произнесеніи необходимыхъ заклинаній; затѣмъ они брали курильницу и, зажегши благовонія направлялись въ главный запечатанный покой, вмѣщавшій изображеніе «Амона-Ра». Въ присутствіи кумира, священнодѣйствующіе благоговѣйно падали ницъ и, прикоснувшись лицомъ къ землѣ, начинали взывать къ дивному богу, моля и славословя его. Они натирали идола драгоцѣннымъ пахучимъ елеемъ, съ примѣсью меда, окуривали его и временно покидали (до начала процессіи, выходившей обыкновенно къ народу со святынею на рукахъ). Амона-Ра выносили въ закрытомъ ковчегѣ, одинъ ужъ видъ котораго поражалъ и умилялъ толпу вѣрующихъ! По возвращеніи въ храмъ торжественнаго шествія, жрецы опять приступали къ очистительнымъ обрядамъ, окропляли священное изображеніе поперемѣнно изъ черныхъ и красныхъ сосудовъ, обмывали его и окружали благовоннымъ дымомъ. Потомъ кумиръ облекали въ ткани бѣлаго, зеленаго, ярко-краснаго и темно-краснаго цвѣта. Туловище идола еще разъ умащалось рѣдкими мазями, а глаза бездушнаго лика подводились зеленою и черною краскою.

Внѣшній видъ статуи извѣстенъ. «Амонъ-Ра» изображался крѣпкимъ мужемъ съ пестрымъ уборомъ изъ перьевъ на головѣ, въ короткой, пышной одеждѣ, съ золотымъ ожерельемъ на шеѣ, съ широкими золотыми обручами на рукахъ и на ногахъ. Придаваемая богу голубая окраска свидѣтельствовала объ его связи съ лазурною твердью. Два бараньихъ рога посвященнаго ему животнаго иногда украшали голову дивнаго небожителя. Назвавшись его сыномъ, Александръ Македонскій (какъ Искандеръ Зулькарнейнъ) сталъ съ такими же аттрибутами героемъ восточныхъ легендъ и, обратившись въ нѣчто чисто миѳологическое, является и на монетахъ, и въ сказкахъ, подъ личиною таинственнаго «двурогаго» существа.

Обойдя храмъ, Августѣйшіе путешественники поднялись изъ его перваго входнаго двора, по узкой и темной, но удобной, лѣстницѣ въ 242 ступени, на одну изъ башенъ, подымающихся по обѣимъ сторонамъ лицеваго фасада. Широкая панорама развернулась передъ взорами Ихъ Высочествъ, полная контрастовъ и странно гармонирующихъ красокъ. Горячія плиты верхнихъ длинныхъ площадокъ сіяли какъ совершенно новыя: отверстія на нихъ во внутрь массивнаго сооруженія (служившія не проводниками свѣта во мракъ сокровенныхъ частей святилища, а только для испаренія жертвеннаго дыма) на половину прикрыты и увеличиваютъ иллюзію нетронутости цѣлаго. Тѣсно вблизи — феллахское жилье и цвѣтущая обработанная мѣстность; немного поодаль — песчаные пустыри: человѣкъ отсюда наглядно видитъ картину борьбы между плодородіемъ и безплодіемъ, видитъ и старается найдти разгадку разлада въ природѣ.

Хотя сохранившійся до нашихъ дней храмъ въ Эдфу (прежнемъ Атбо, что означало «прободаніе» побѣжденнаго здѣсь злаго бога Сета) воздвигнутъ и разукрашенъ во времена владычества Птолемеевъ, въ теченіе ста восьмидесяти лѣтъ прилагавшихъ не мало усилій, чтобы отчасти здѣсь поддержать или-же блестящимъ образомъ реставрировать египетскую

старину; но основа святилищу несомнѣнно положена гораздо ранѣе, въ такую эпоху, которую трудно и опредѣлить. Старѣйшій изъ мѣстныхъ боговъ Пта созидалъ уже тутъ кумирню въ честь солнца «Ра». Почему-то этотъ пунктъ на Нилѣ считался исходнымъ для ряда славныхъ и стремительныхъ походовъ бога Горуса противъ «князя тьмы». Описанія совершавшихся дѣяній и преслѣдованій, и ожесточенныхъ схватокъ съ врагомъ, конечно, проникнуты духомъ преданій, давно уже ставшихъ необъяснимыми; но они до такой степени характерны, что, при посѣщеніи Эдфу, какъ-то само собой становится понятна странная жизненность мѣстной древней религіи.



ЭДФУ.

Богъ «Ра» плыветъ по Нилу въ сопровожденіи свѣтлой дружины; сопутствующій ему Горусъ говоритъ, что видитъ вдали замышляющихъ коварство враговъ и, по приказанію верховнаго своего божества, устремляется на нихъ, въ видѣ крылатаго солнечнаго диска, ослѣпляетъ ихъ натискомъ, оглушаетъ нападеніемъ, — такъ что сторонники враждебнаго солнцу бога Сета въ безпорядкѣ и смятеніи начинаютъ сражаться другъ съ другомъ и истреблять другъ друга. Оставшіеся послѣ этого въ живыхъ кидаются въ воду, обращаются въ крокодиловъ и гиппопотамовъ и, въ такомъ видѣ, снова съ угрозой приближаются къ баркѣ бога «Ра» съ цѣлью его поглотить; но Горусъ и его соратники бдительно охраняютъ верховное божество и нещадно истребляютъ оборотней. Они бѣгутъ на сѣверъ, но лучезарный сынъ Озириса гонится за ними съ желѣзнымъ копьемъ

и съ цѣпью въ рукахъ и, гдѣ только настигнетъ быстро спасающихся отъ него, всюду истребляетъ противниковъ; преслѣдованіе продолжается все дальше и дальше, къ низовьямъ Нила. Враги «Ра» прячутся въ водѣ каналовъ, но и здѣсь имъ не укрыться отъ зоркаго Горуса.

Древне-египетскія надписи въ храмахъ педантично отмѣчаютъ, гдѣ имъ уничтожено 145 враговъ, гдѣ больше, гдѣ меньше. При одной удачной ловитвѣ Горусъ казнитъ на носу солнечной барки 380 сторониковъ Сета. Увидавши это торжество свѣтлыхъ началъ, послѣдній самъ выходитъ въ неистовствѣ на бой со своимъ непримиримымъ недругомъ, который однако его въ свою очередь одолѣваетъ, вяжетъ и приводитъ къ «Ра». Окончательно стереть Сета съ лица земли невозможно, потомучто онъ — существо безсмертное. Побѣды Горуса приводятъ лишь къ тому, что «князь тьмы» обращается въ змѣю, уползающую въ землю.

Невольно возникаетъ вопросъ, что есть общаго и родственнаго въ древнѣйшихъ ученіяхъ Египта и Ирана. На берегахъ Нила своеобразно рисовался и истолковывался вѣковѣчный, нескончаемый бой между Ормуздомъ и Аріманомъ.

Когда нужно, Горусъ въ моментъ борьбы принимаетъ, какую угодно, внѣшность: то онъ въ образѣ льва съ человѣческимъ ликомъ мчится за врагами въ нагорную пустыню, раздирая настигаемыхъ своими острыми когтями и вырывая у нихъ языки, то онъ выѣзжаетъ за противниками въ море и тамъ досаждаетъ супостатамъ. Но они пользуются ночною темнотою, при которой свѣтлый воитель перестаетъ что-нибудь различать даже вблизи, и ускользаютъ отъ погони. Затѣмъ, вскорѣ опять идетъ рѣчь о новыхъ козняхъ, о новыхъ столкновеніяхъ — на этотъ разъ гдѣ-то далеко на югѣ, въ Нубіи, на граняхъ страны фараоновъ, куда нѣтъ — нѣтъ и напирало по временамъ темнокожее некультурное населеніе Внутренней Африки. Тутъ уже Горусъ старается испепелить враговъ, — и это ему иногда удается.

Въ знакъ побѣды египтяне, какъ уже сказано, изображали на памятникахъ своего неутомимаго борца и хранителя въ видѣ крылатаго солнечнаго диска (хутъ или бехутъ), украшавшаго входъ въ святилище и, — подобно маленькимъ пестрымъ знаменамъ, которыя тамъ же развѣвались на шестахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ, — отгонявшаго всякое нечистое вліяніе.

Магическія средства не помогли. Иновѣріе и безвѣріе шагнули за бережно охранявшуюся черту дымящихся алтарей. Феллахи цѣлыми семьями поселились въ кумирнѣ. Мусульманскій умъ не безъ отвращенія, но всетаки суевѣрно чуждаясь насильственнаго истребленія, взглянулъ на развѣнчанныхъ боговъ, унизывающихъ внутренніе фасады храма въ Эдфу. Египтологи навѣдались сюда съ цѣлью копировать и разбирать научно-важные гіероглифы. Маррьэтъ добился приказанія хедива туземцамъ не обитать въ предѣлахъ археологически цѣннаго памятника, — и теперь онъ освобожденъ отъ сора, отъ загрязненія, отъ случайнаго вандализма.

На парапетѣ верхней башенной площадки, къ которому въ данную минуту прислонился Наслѣдникъ Цесаревичъ, ясными буквами начертана французская надпись въ память французской экспедиціи въ Верхній Египетъ при Бонапартѣ. Громкія и справедливогорделивыя слова! Отрицательный результатъ тяжелаго и опаснаго похода! Кромѣ крови, пролитой (у Луксора и во многихъ другихъ мѣстахъ) въ храбрыхъ схваткахъ съ арабами, получавшими подкрѣпленія изъ Мекки, кромѣ блестящихъ страницъ въ своей военной исторіи, кромѣ тщеславныхъ отмѣтокъ объ этомъ на камняхъ принильской старины, — сподвижники генерала Дэсэ ничего послѣ себя не оставили въ краю.

Убого лѣпятся вокругъ титаническаго святилища въ Эдфу глиняныя постройки феллаховъ-пигмеевъ. На плоскихъ крышахъ сушатся и хранятся всякіе запасы. Узенькими ленточками искрится здѣсь и тамъ вода каналовъ. Когда-то на берегу послѣднихъ приносились жертвы «змѣинымъ божествамъ», населявшимъ будто-бы эту сѣть орошенья и заботившимся о благополучныхъ лѣтнихъ разливахъ рѣки. Когда-то по ней самой скользили богатыя барки, перевозившія кумировъ, которые пріѣзжали въ гости другъ къ другу: напримѣръ, Горуса навѣщала изъ своего религіознаго центра богиня Хаторъ. Въ доказательство вражды къ злому Сету египтяне закалывали свиней, напоминающихъ его пособниковъ въ оболочкѣ гиппопотамовъ: иногда также убивался съ такою же цѣлью нелюбимый въ древности оселъ, бѣдное животное, столь пригодившееся впослѣдствіе потомкамъ этихъ ревнителей. Онъ считался нечистымъ, принадлежалъ къ тварямъ бога тьмы.

Хотя копты съ неодобреніемъ, а то прямо враждебно, посматриваютъ на дѣятельность множества американскихъ миссіонеровъ, а мусульмане такъ тѣ и вовсе не обращаются, — эти вторые всетаки имѣютъ нѣкоторый незначительный успѣхъ, сосредоточиваютъ свое главное вниманіе, если не на обращеніи, то на воспитаніи дѣтей.

Мы ѣдемъ теперь назадъ отъ святилища Эдфу къ пароходной пристани, находящейся отъ него на разстояніи какой-нибудь полутора версты, и въ дверяхъ одного дома Августѣйшихъ путешественниковъ привѣтствуетъ маленькая школа, организованная заѣзжими проповѣдниками. Такихъ разсадниковъ западнаго просвѣщенія на Нилѣ насчитывается около ста. При довольно быстрой ѣздѣ на неизбѣжныхъ осликахъ, въ облакахъ нестерпимой пыли, которая вообще — одна изъ отрицательныхъ сторонъ каждой верховой экскурсіи у Нила, не успѣваешь поближе всмотрѣться въ этихъ воспитанниковъ западной миссіи среди туземцевъ края.

Слѣдомъ за нашей скачущей, растянувшейся по улицѣ кавалькадою, — тяжелой, неуклюжей, размашистой рысью поспѣваютъ верблюды со всадниками — солдатами верхнеегипетской «конницы», тутъ намъ еще попадающимися въ первый разъ. На своихъ выносливыхъ животныхъ они свободно совершаютъ длинный переходъ степями, успѣшно высматриваютъ все окрестъ для нападенья, а въ случаѣ опасности отъ сильнѣйшаго противника спѣшиваются, прячутся за послушно ложащимися «кораблями пустыни» и, образовавъ изъ нихъ кругъ, отстрѣливаются отъ врага.

Видѣть этотъ оригинальный конвой въ непосредственно близкомъ разстояніи, конечно, было любопытно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не особенно удобно, принимая въ разсчетъ легкомысленную неустойчивость туземныхъ осликовъ, которые, съ непривычки носить на спинѣ европейца, — всѣмъ корпусомъ налегающаго впередъ, тогда какъ мѣстные жители сидятъ на задней части туловища, нерѣдко оступаются и валятся, увлекая всадника на землю. Такое непредвидѣнное паденіе случается и сегодня съ однимъ изъ лицъ свиты Августѣйшихъ путешественниковъ, — причемъ бѣжавшіе прямо за нимъ два огромныхъ верблюда чуть-чуть не наскочили на упавшаго. Къ счастью, все оканчивается вполнѣ благополучно и даже забавно.

Вторникъ, 20 ноября, (2 декабря).

Окрестность все болѣе и болѣе измѣняется, становится живописнѣе и глуше. Пустыня развертывается въ еще болѣе неотразимомъ и дикомъ величіи. Какъ рѣшались

углубляться въ нее, хотя бы и ради залежей изумруда, предпріимчивые землекопы царства фараоновъ!

Плитнякъ вообще не подступаетъ такъ близко и отвѣсно къ побережью Нила, какъ подступали постоянно на нашемъ пути известковыя возвышенности. Но за Эдфу зрѣлище мѣняется. Низкія горы сдвигаются у исторически извѣстнаго «прорыва» Сельзелэ, который съуживается тутъ до какихъ-нибудь полутораста или двухсотъ саженей. Расширенію русла способствовало въ древности, кромѣ натиска самихъ водъ, и то обстоятельство, что цѣлыя стѣны камня на этомъ мѣстѣ скалывались постепенно для производства различныхъ монументальныхъ построекъ. Еще и теперь, проѣзжая мимо, кажется, что различаешь ступени, ведшія къ неисчерпаемымъ каменоломнямъ. При нихъ процвѣтало множество судовщиковъ, сплавлявшихъ плиты на сѣверъ.

Когда-то здѣсь будто-бы протянуты были цѣпи черезъ рѣку, для огражденія Египта отъ вторженія эфіоповъ; но это, конечно, — сказка, вызванная однозвучностью древняго слова «каменная стѣна» и арабскаго слова «цѣпь».

Яхта «Фейзрабани» встрѣчаетъ у Сельзелэ сильное теченіе и, поборовъ его, выходитъ на разширяющійся изгибъ Нила, стелющагося дальше озерною гладью. Здѣсь въ сущности кончается настоящій Египетъ. Дальше, южнѣе, и въ эпоху фараоновъ уже чувствовалась безпокойная, не поддававшаяся полному сліянію окраина.

Начинается Нубія. Оба берега становятся все желтѣе и безлюднѣе, народъ темнокожѣе и обнаженнѣе, селенья и купы деревьевъ рѣже и меньше. Воздухъ недвижимъ. Солнце печетъ немилосердно. Жара достигаетъ, пожалуй, тридцати градусовъ по Реомюру. И слѣда нѣтъ феллахскихъ голубятень, феллахскихъ женщинъ, спускающихся за водой. День освѣщаетъ однѣ нагія скалы и свѣтлыя струйки песку, пробивающіяся сквозь ихъ разсѣлины. Багрянецъ заката отличается, какъ говорятъ, чѣмъ-то зловѣщимъ.

На крутой возвышенности стоитъ красивый древній храмъ (эпохи Хатшепсу и вплоть до Птолемеевъ) исчезнувшаго города Нуби (или Унби), въ устахъ грековъ извѣстнаго подъ названіемъ Омбосъ. Арабы, видя лишь развалины (комъ), наименовали мѣсто «Комъ-Омбу». Съ одной стороны его заноситъ вѣтеръ пустыни, уже засыпавшій глинобитныя постройки прежнихъ горожанъ, съ другой стороны внизу роется и подмываетъ береговую

черту почти безшумная рѣка. Богъ безплодія — ненавистный египтянамъ Сетъ — въ сущности царствуетъ теперь надъ этимъ обрывомъ и надъ всею унылой окрестностью. Близкое къ изчезновенію святилище воздвигнуто было въ честь бога Себака съ крокодиловою головой (одного изъ олицетвореній Сета) и въ честь его брата, но вѣчнаго противника Горуса. Оба культа какъ-то непостижимо уживались вмѣстѣ; но послѣдній не уберегъ своего алтаря. Время, смерть, разрушеніе оказались могущественне, чѣмъ начало гармоніи и процвѣтанія. Полоса безплодья со стороны Ливійской гряды — желтаго цвѣта, со стороны Аравійской — сѣраго. Узкій воздѣлываемый раіонъ принадлежитъ бедуинамъ племени Абабдэ. Здѣсь и тамъ видны туземцы, работающіе при помощи неуклюжихъ водочерпалокъ.

Довольно рѣдко въ однообразіи пустыря мелькаютъ финиковыя пальмы. Тускло-зеленые кустарники, съ какимъ-то свинцовымъ отливомъ, попадаются по временамъ. Безлюдье идетъ рука объ-руку съ отсутствіемъ растительности. Только телеграфная линія, бѣгущая вдоль берега, свидѣтельствуетъ о связи глухаго окрестнаго края съ образованнымъ міромъ.

Область темно-алаго гранита встаетъ передъ нами вдали. Зноемъ юга дышетъ совершенно отличная отъ Верхняго Египта страна. Правда, что Августѣйшіе путешественники отдалились уже отъ Каира на 900 верстъ!

Второй часъ пополудни. Постепенно открываются: слѣва окаймленный пустыней Ассуанъ, справа цвѣтущій островъ Элефантина, представляющій собою какъ-бы мозаику изъ яркой зелени, золотистаго песку и обожженныхъ солнцемъ скалъ. Тамъ нѣкогда находился коммерческій и политическій центръ Нубіи. Греческое оставшееся за нимъ названіе получилось какъ переводъ древняго слова «абу» (слонъ), ибо здѣсь прежде происходилъ крайне оживленный обмѣнъ слоновой кости, привозившейся изъ внутренней Африки, на разные товары сѣвера и востока.

Городская пристань по обыкновенію разукрашена въ честь Августѣйшихъ путешественниковъ. На берегу ожидаютъ представители власти: мѣстный губернаторъ Махеръ-бей, англійскій полковникъ Кэннингхэмъ (командующій тутъ же выстроеннымъ баталіономъ негровъ) и другіе. Ихъ Высочества идутъ по фронту почетнаго караула. Чернокожіе солдаты-суданцы, насчитывающіе въ своихъ рядахъ преимущественно освобожденныхъ рабовъ, одѣты въ темносиніе мундиры съ бѣлыми стоячими воротниками. Какъ говорятъ, эти сильные люди — отличные служаки. Британскіе инструкторы, завѣдующіе ими по всей Нубіи до Уади Хальфы (у вторыхъ пороговъ) не нахвалятся преданностью и исполнительностью своихъ «blacks.»

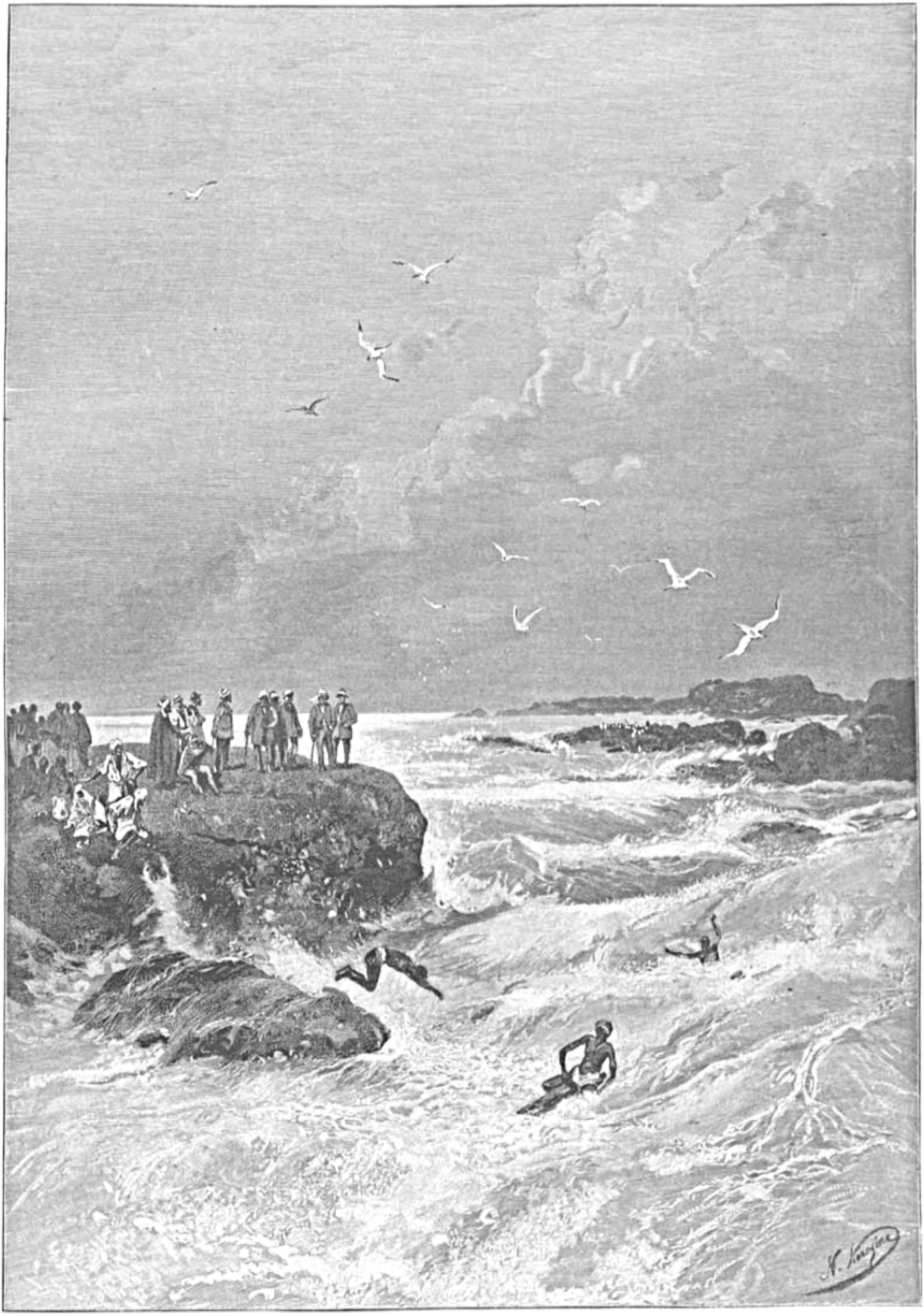
Пестрая толпа тѣснится по набережной Ассуана, въ надеждѣ поближе взглянуть на Великихъ Князей и королевича. Кого въ ней только нѣтъ! — восторженные греки, сосредоточенные копты, невозмутимые турки, феллахи, нубійцы, бедуины, негры... Бѣлый цвѣтъ одежды чередуется съ голубымъ и коричневымъ. Какіе-то дикари (чуть-ли не съ Краснаго моря) съ огненными глазами и могучею копной курчавыхъ волосъ, завязанныхъ на затылкѣ, рѣзче всего выдѣляются — среди своеобразнаго населенія. Туземныя женщины — въ темномъ, съ непокрытыми лицами, съ кольцами въ ноздряхъ и запястьями на ногахъ — дополняютъ, вмѣстѣ съ нагими ребятишками, оригинальную картину. Тогда какъ у здѣшнихъ мужчинъ голова выбрита и только на макушкѣ есть еще клокъ волосъ, заплетенный въ нѣсколько тонкихъ косичекъ, — таковыхъ цѣлыя десятки спускаются буклями, въ видѣ пробочниковъ, со щекъ и по шеѣ черныхъ представительницъ «прекраснаго пола.» Подобный головной уборъ, встрѣчаемый во многихъ мѣстахъ Внутренней

Африки, — видимо древняго происхожденія, ибо, уже судя по памятникамъ, нравился египтянкамъ въ давнія времена. Ассуанки бросаются въ глаза кромѣ того тѣмъ, что слегка татуированы, что края вѣкъ у нихъ натерты сурмянымъ порошкомъ, а руки отчасти окрашены въ оранжевый цвѣтъ посредствомъ листьевъ хэнны. Дочери Нубіи, кажется, мажутъ себѣ голову касторовымъ масломъ: это, въ связи съ остальнымъ сказаннымъ, рисуетъ ихъ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ для европейца.

Опоясанный пышными пальмами городъ довольно живописенъ. Томившійся здѣсь въ изгнаніи сатирикъ Ювеналъ во всякомъ случаѣ не въ правѣ былъ жаловаться на природу. Нилъ у конца пороговъ положительно величественъ. Пересѣкающія его русло исполинскія глыбы гранита издали чернѣютъ и сверкаютъ на солнцѣ, словно спины купающагося стада слоновъ. Группы разноплеменнаго люда, свѣтлые верблюды съ красными сѣдлами, рамки знойнаго африканскаго безлюдья вокругъ, — все ласкаетъ и очаровываетъ взоры.

Ихъ Высочества направляются по желѣзнодорожной линіи, — построенной на протяженіи всего нѣсколькихъ верстъ для безопасной доставки товаровъ, минуя катаракты, — къ знаменитому острову Филэ, вознесшему свои развалины на розовогранитномъ подножіи! За Ассуаномъ быстро начинается пустынное пространство, безотраднѣе «долины смерти» у Ѳивъ. Рельсовый путь идетъ легкимъ подъемомъ въ гору. Кое-гдѣ попадаются надмогильныя сооруженія, уже мусульманской эпохи. Между ними есть нѣсколько надъ прахомъ туземныхъ «святыхъ.» Затѣмъ мрачно стелется только красновато-желтый песокъ, надвигаются безформенныя возвышенности, съ дикими скалами, тѣснящими другъ друга: вся суровая окрестность даетъ представленіе о тѣхъ невыразимо тяжкихъ условіяхъ, при которыхъ здѣсь нѣкогда добывался для обелисковъ, саркофаговъ и прочаго мощный сіэнитъ, названный такъ по имени города, извѣстнаго грекамъ подъ именемъ Сіэны (арабскаго Ассуана). Оба слова произошли отъ древняго «Сунъ» (т. е. «вступленіе, входъ» въ страну), даннаго мѣстности изъ-за присутствія пороговъ Нила, который будто-бы именно тутъ, согласно ученію жрецовъ, пробивался на свѣтъ изъ подземнаго царства. Такъ думали вѣрующіе египтяне еще при Геродотѣ.

Переѣздъ отъ Ассуана къ пункту Шеллалю совершается въ двадцать минутъ. До посѣщенія острова Филэ, находящагося уже передъ нами, Августѣйшіе путешественники и свита, въ 2 большихъ лодкахъ, отправляются сначала внизъ по теченію, чтобы полюбоваться паденіемъ водъ съ прилегающихъ прибрежныхъ возвышенностей. Худощавые туземные гребцы (нубійцы — прирожденные судовщики, кормящіеся повсюду въ Египтѣ этимъ ремесломъ, благодаря скудости заработка въ родномъ краю) быстрыми веселыми взмахами бороздятъ рѣку. Они — въ сѣрыхъ войлочныхъ тарбушахъ, въ цвѣтныхъ рубахахъ съ широкими рукавами, въ ситцевыхъ жилетахъ, застегнутыхъ спереди множествомъ мелкихъ круглыхъ пуговицъ, въ шароварахъ и на босу ногу. Мѣстные жители называются «барабра» (множественное отъ «бэрбэри.») Это — «кушиты» древности, какая-то особенная расса, строго различающаяся и отъ негровъ, и отъ феллаховъ. Смуглость ея представителей зависитъ не отъ загара, который иногда гораздо сильнѣе опаляетъ поселянъ Ѳиваиды, а отъ причинъ органическихъ. Краснобурый шоколадной цвѣтъ кожи у нубійцевъ близко подходитъ къ окраскѣ обожженныхъ солнцемъ окрестныхъ скалъ. Между ними и населеніемъ есть что-то общее во внѣшности. Въ полярныхъ странахъ наблюдаются аналогичныя явленія присущей тварямъ бѣлизны: а гороховый оттѣнокъ лицъ у египтянъ между Эдфу и Ассіутомъ развѣ не напоминаетъ кофейнаго оттѣнка водъ самого Нила?



У ПОРОГОВЪ.

Наши «барàбра» необыкновенно типичны: высокій и прямой лобъ, тонкія брови, продолговато-узкій обликъ безъ выдающихся скулъ, толстыя губы, не прикрывающія зубовъ. У нѣкоторыхъ гребцовъ (смотря по примѣси южной или сѣверной крови) — волосы курчавѣе, носъ вдавленнѣе, оболочка глазныхъ яблоковъ — съ желтоватымъ отливомъ, или же напротивъ внѣшность — скорѣе феллахская.

При искусной греблѣ запѣвала правильнымъ ритмическимъ ходомъ звуковъ ободряетъ товарищей въ работѣ. Каждый разъ, когда пѣсня почему-нибудь обрывается, они съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ какъ-бы удивленія и удовольствія громко восклицаютъ: «а . . . а . . . а . . .». Въ крикѣ слышится и печаль, и чувство облегченія, и даже удаль.

Мы пристаемъ къ одному мыску съ отлогимъ подъемомъ, откуда виденъ во всей его далеко не отвѣчающей ожиданіямъ, но всетаки грозной силѣ катаракъ, игравшій такую роль въ воображеніи древнихъ. Стремнина мѣстами напираетъ на твердыни, дерзновенно преграждающія теченіе царственной рѣки, пѣнится, вздувается, образуетъ маленькіе водовороты. Стройныя пальмы и здѣсь киваютъ главами съ разбросанныхъ среди пучины каменистыхъ островковъ. Наряду съ ожесточеннымъ натискомъ волненія, перекатывающагося черезъ пороги, нѣтъ-нѣтъ и струятся спокойные, лазурно-ясные токи, какъ-будто совершенно чуждые окружающей борьбѣ и смутѣ. Это явленіе, пожалуй, — любопытнѣе самого катаракта, который въ сущности менѣе грандіозенъ, чѣмъ напр. паденіе Рейна у Шафгаузена. Извѣстность, пріобрѣтенная Ассуанскимъ катарактомъ, вѣроятно, въ значительной степени обусловлена относившимися до него сказаніями и невполнѣ, должно быть, точными описаніями. Иначе трудно объяснить, почему такъ дивились катаракту созерцавшіе его туземцы и чужестранцы. Всѣхъ ихъ, очевидно, особенно поражала картина единоборства несущихъ плодородіе водъ съ переступившею имъ путь каменною громадою, — единоборства, изъ котораго онѣ выходятъ побѣдительницами. Впрочемъ, легко пріискать и другую причину. Еще во дни Цицерона и Сенеки паденіе Нила у послѣднихъ пороговъ могло быть гораздо значительнѣе и шумнѣе, чѣмъ въ новѣйшія времена. Какъ-бы тамъ ни было, но уже и тогда окрестные жители славились (напр. по отзыву Страбона) искусствомъ плаванья въ опаснѣйшихъ мѣстахъ.

Въ данную минуту эти стройные, превосходно сложенные полудикари поперемѣнно спрыгиваютъ съ обрыва въ стремнину, появляются на ея поверхности, сидя верхомъ на бревнахъ, играютъ съ опасностью, по желанію легко пристаютъ къ берегу. Говорятъ, одинъ молодой англичанинъ попытался продѣлать такую же штуку, но его унесло и на смерть разбило о камни теченьемъ. Выйдя изъ воды и съ изумительною ловкостью карабкаясь по скользкому подножію утесовъ, барàбра неотвязно молятъ о бакшишѣ. Это слово — происходящее отъ персидскаго глагола «бахшиденъ» (дарить) — европейцу чаще всѣхъ другихъ словъ приходится слышать на Нилѣ. Но въ Нубіи оно особенно акклиматизировалось. Тамошніе жители такъ привыкли къ этому выраженію въ присутствіи «бѣлаго», что просятъ денегъ рѣшительно за все, даже когда нѣтъ тому ни малѣйшаго повода. Какой-то врачъ-иностранецъ, безвозмездно лѣчившій нубійцевъ, по прошествіи нѣкотораго времени осаждался своими же паціентами, требовавшими бакшиша: «за что»? — «Да вѣдь мы столько дней пили ваше лекарство»!

Лодки съ трудомъ подымаются вверхъ по рѣкѣ. Грозныя скалы то разступаются, то сдвигаются по сторонамъ. Ради ускоренія подъема, вдоль дикаго отвѣснаго побережья,

иные гребцы вплавь достигаютъ его съ толстыми веревками въ рукахъ и, притягивая насъ къ себѣ, помогаютъ медленному движенію противъ низвергающихся водъ, которыя, немного дальше, уже обращаются въ пучину. Смутный шумъ доносится еще отъ скрывшагося изъ виду катаракта.

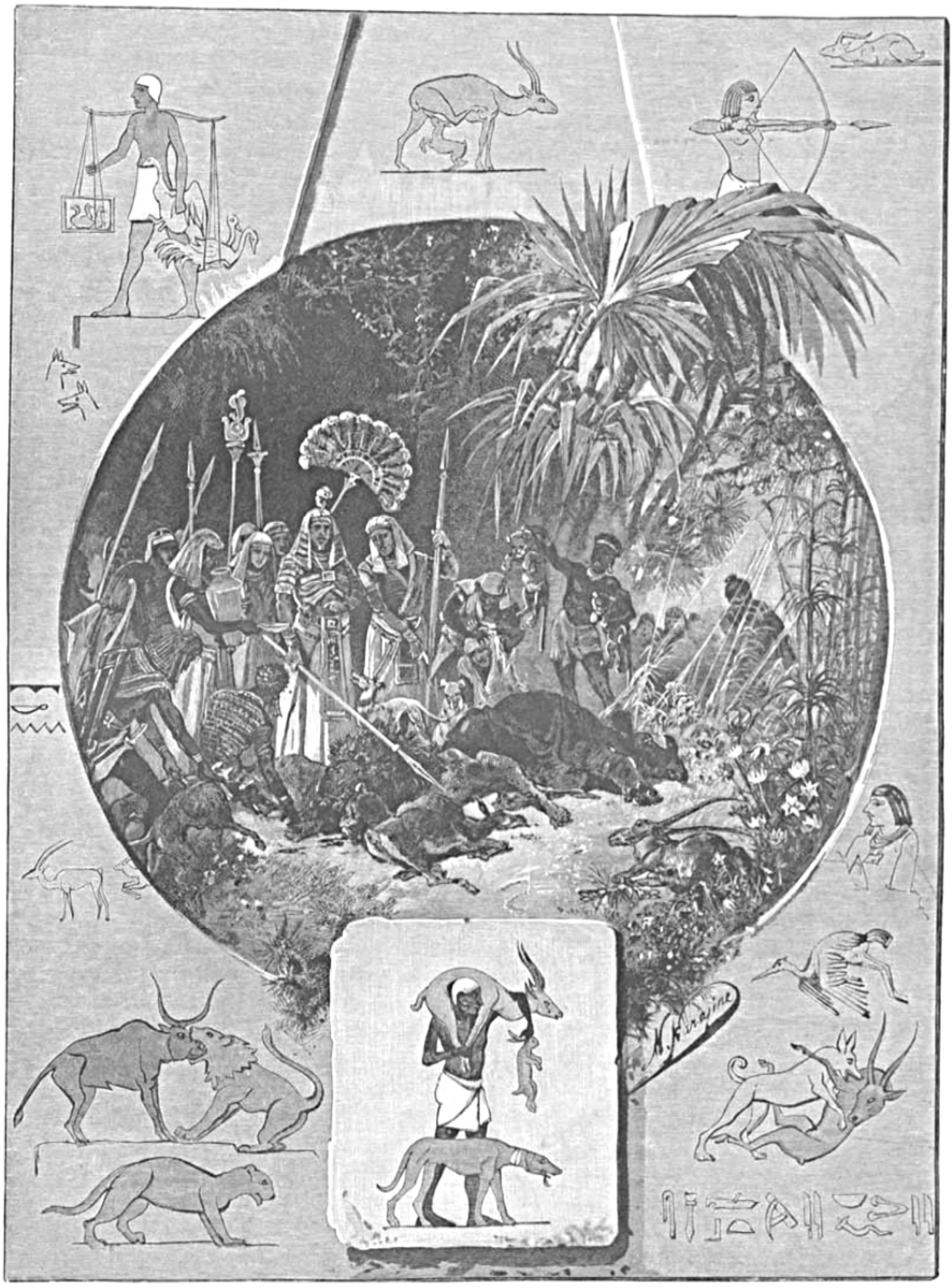
Приближаясь къ острову Филэ съ сѣверо-восточной стороны, невольно спрашиваешь себя, гдѣ же его воспѣтая издревле красота.

Камни. Рѣдкія пальмы. Развалины, успѣвшія уже повсюду пресытить и утомить взоръ. Груды обломковъ, хаотически наваленныхъ у побережья. Что-то дальше будетъ! Не рано-ли разочаровываться? И дѣйствительно, первое впечатлѣніе обманчиво. Туристъ по Нилу, опьяненный разнообразнѣйшими восхитительными впечатлѣніями, мало-по-малу становится черезчуръ требовательнымъ: причаливая къ Филэ съ его наиболѣе заглохшей и невзрачной стороны, еще не имѣешь права судить о цѣломъ островѣ, который вскорѣ открывается очамъ во всей своей безподобной красотѣ. Богиня Изида нашла себя лучшее изъ мыслимыхъ жилищъ. Здѣсь высился ея алтарь. Отсюда жрецы уносили ее по мраморнымъ лѣстницамъ къ богато разубранной баркѣ для посѣщенія благоговѣвшихъ передъ нею воинственныхъ степняковъ «блеммійцевъ», нѣкогда считавшихся грозою Ассуана. Пристань, откуда она отъѣзжала, не существуетъ уже больше. Обаяніе магическаго имени, занесеннаго вмѣстѣ съ ея культомъ въ дальніе уголки классическаго міра, потускнѣло, исчезло: богиня съ лотосомъ въ рукѣ, олицетворявшая скорбь природы при побѣдѣ мрака надъ свѣтомъ, смерти надъ жизнью и т. п., лишь незримо присутствуетъ среди возвеличивавшихъ ее стѣнъ. Красота — правда, что земная, но одухотворенная красота — осталась на нихъ какъ отраженіе неизгладимаго прошедшаго. Безшумными шагами обходишь уютный и сравнительно небольшой островъ Филэ, все глубже и сознательнѣе проникаясь трепетомъ неувядающей старины. Камни памятниковъ разсказываютъ свою вѣчно новую повѣсть.

Красноватаго цвѣта возвышенности мрачно опоясываютъ Нилъ. Теченіе вверхъ словно обрывается. Рѣка становится похожа на озеро. Обступающія развалины еще ярче выступаютъ при этомъ чарующею прелестью своихъ чисто греческихъ очертаній. Тутъ нѣтъ ничего, даже отдаленно напоминающаго суровое величіе карнакскихъ святилищъ: прекрасный цвѣтокъ, распустившійся въ глуши и льющій какъ гимнъ природѣ свое тихое мистическое благовоніе!. . .

Ихъ Высочества избрали на нѣсколько минутъ для отдыха самую возвышенную часть острова, откуда открывается восхитительный видъ на окрестность. Прямо впереди струится по угрюмой Эфіопіи нелюдимый, медлительный Нилъ. Тамъ фараоны, тяготившіеся оживленіемъ сѣверной столицы, на просторѣ отдавались охотничьимъ забавамъ, вкушали безмятежный покой среди тропической растительности, тѣшились варварскими набѣгами на чернокожую рассу, которая и въ тѣ отдаленныя времена поставляла неисчислимыхъ рабовъ.

Здѣсь, въ тишинѣ и въ уединеніи, на рубежѣ двухъ міровъ, все было посвящено молитвенной думѣ и религіозному созерцанію. Тутъ Изида оплакивала умерщвленнаго Сетомъ Озириса, предавъ дорогіе останки погребенію. Слезы богини, упадавшія въ Нилъ, заставляли его воды вздуваться для плодотворнаго орошенія страны. Таинственный «Хнему», покровитель мѣстности у катаракта, обладавшій способностью лѣпить человѣческія существа изъ глины, здѣсь собралъ и соединилъ въ одно цѣлое разрубленное на куски тѣло Озириса. Все кругомъ искони являлось загадочнымъ и плѣнительнымъ. Вѣроисповѣдныя распри, политическіе перевороты, быстрая смѣна вѣковъ и чередованіе



ФАРАОНЪ НА ОХОТѢ ВЪ НУБІИ.

воюющихъ народовъ, ничто въ сущности не клало отпечатка на мирное Филэ. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскій экспедиціонный отрядъ, дойдя до Шеллаля и видя признаки непокорности въ полуголыхъ «барàбра», сгоряча сталъ въ нихъ стрѣлять картечью. Бѣдные туземцы воочію имѣли случай убѣдиться, какъ гибельно можетъ быть для нихъ надвиженіе европейскаго вліянія и европейскаго просвѣщенія!

Любуясь окрестностью, Августѣйшіе путешественники довольно долго медлятъ среди необитаемыхъ, безмолвныхъ развалинъ. Изъ павильона, выстроеннаго при фараонѣ Нектанебо, — который изъ Нубіи черпалъ силы для борьбы съ покорившими Египетъ персами, — видны справа бурыя скалы острова Бигэ, впереди тоже пустынно-угрюмое побережье. Позади — громадные, подавляющіе своею величиною пилоны (стѣны древнеегипетскихъ сооруженій).

Покинувъ ихъ и снова переѣхавъ на лодкѣ къ пароходной пристани (у желѣзной дороги), Ихъ Высочества бѣгло осматриваютъ большую яхту хедива, на которой одно время предполагалось подняться дальше ко вторымъ порогамъ при Уади Хальфѣ. Вечеръ близится. Сейчасъ надо отправиться обратно въ Ассуанъ. Еще разъ прощаешься съ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Изиды, мелькнувшимъ передъ нами какъ сказочное, неземное видѣнье.

Что можетъ быть живописнѣе высокой храмовой террассы (на восточномъ берегу острова Филэ), какъ бы нависающей надъ рѣкой? При вечернемъ освѣщеніи памятники старины загораются мрачнымъ блескомъ, тѣни отъ нихъ ростутъ и доходятъ черезъ воду до черныхъ вулканическаго происхожденія утесовъ, хаотически нагроможденныхъ другъ на друга. Песокъ, желтѣющій межъ ними, издали кажется огненнымъ, золотымъ.

Передъ обѣдомъ Ихъ Высочества пѣшкомъ совершаютъ маленькую прогулку по городу на базаръ для покупки нѣкоторыхъ характерныхъ предметовъ, которыми изобилуютъ мѣстныя лавки. Тамъ особенно бросаются въ глаза вещи, привозимыя изъ Судана: во-первыхъ, оружіе (палицы изъ чернаго дерева, луки съ колчанами и стрѣлами, дротики, копья, кинжалы въ ножнахъ изъ змѣиной кожи, одѣвающихся на руку, щиты изъ кожи гиппопотамовъ и т. п.), а затѣмъ разныя цвѣтныя ткани, женскіе широкіе пояса изъ раковинъ, рога антилопъ, шкуры пантеръ, глиняная посуда и музыкальные инструменты.

Къ ночи фонарики на набережной и на палубѣ пароходовъ засвѣтились пестрыми огоньками. Кромѣ иллюминаціи зажженъ былъ фейерверкъ. При этомъ странно выдѣлялись на берегу «розовыя» фигуры нубійцевъ.

Среда, 21 ноября (3 декабря).

На обратномъ пути въ Каиръ... Сколько возможно было осмотрѣть и обдумать при кратковременномъ посѣщеніи страны, — осмотрѣно, обдумано: въ сущности весь край лежалъ и лежитъ раскинутымъ передъ путешествующими по Верхнему Египту, такъ какъ онъ занимаетъ лишь сравнительно узкую полосу вдоль береговъ, остальное же (за исключеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ) — область пустыни. Послѣ завтра мы вернемся въ Ассіутъ. До чего незамѣтно и быстро промелькнули дни во владѣніяхъ хедива!

Яхта «Фейзрабани» ускореннымъ ходомъ идетъ внизъ по рѣкѣ. Отдыхаешь отъ крайне напряженнаго состоянія духа при первоначальномъ ознакомленіи съ мѣстною глу-

бокою стариной. Въ головѣ роятся совершенно новыя, еще смутно сознаваемыя мысли; сопровождаемые мѣрнымъ всплескомъ сильно спавшихъ послѣ лѣтняго розлива водъ мы на яву вторично переживаемъ вѣщій и лучезарный сонъ, навѣянный древнею человѣческою культурой.

Жаркіе часы полудня по прежнему утомляютъ, но къ нимъ уже успѣваешь привыкнуть. Подернутая слабою мглою безцвѣтная, неприглядная даль перестаетъ привлекать усталое вниманье. Окрестности, видимыя чуть-ли не впервые, обманутому зрѣнію кажутся давно знакомыми и отчасти даже надоѣвшими. Только съ наступленіемъ малѣйшей прохлады, мечтательно-вялое настроеніе изчезаетъ и смѣняется бодрымъ, жизнерадостнымъ. Опять наслаждаешься путевыми впечатлѣніями, опять чувствуешь и цѣнишь своеобразную прелесть каждаго испытываемаго мгновенья.

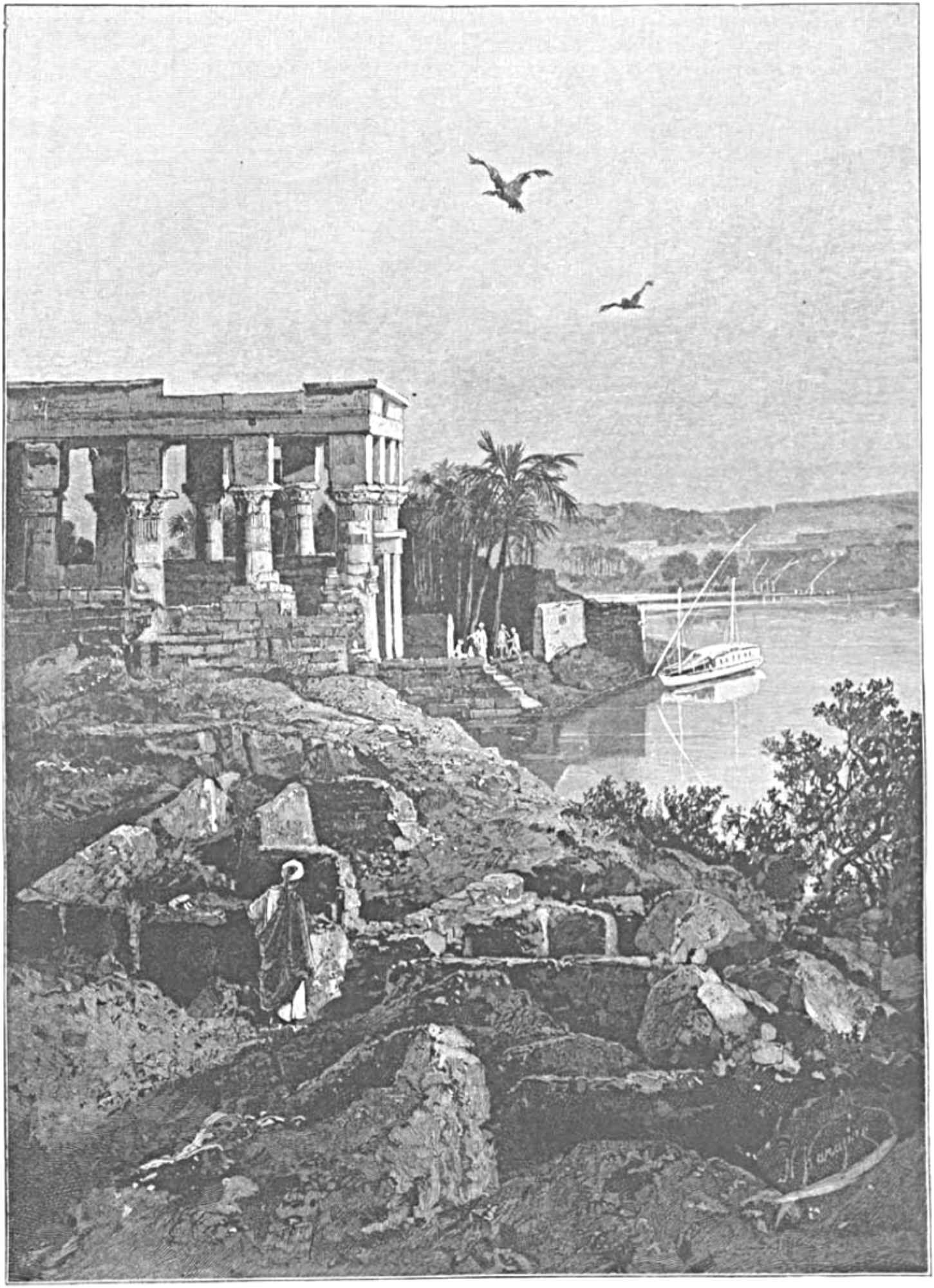
Вечеръ какъ-то подкрался незамѣтно. Рѣшено остановиться у берега, — гдѣ попало, — и переждать темноту.

Берегъ оказывается высокимъ, пустыннымъ. Темноголубымъ отливомъ струится рѣка. Изъ дальняго-дальняго жилья слабо доносится собачій лай. Прозрачность воздуха болѣе чѣмъ когда-нибудь не поддается описанію, придавая окрестнымъ предметамъ фантастическій характеръ. Вотъ подошелъ къ водопою, — съ противоположной стороны, — верблюдъ, поднялъ безобразную голову и уставился на востокъ. Темный силуэтъ странно выдѣляется на красноватомъ горизонтѣ. Вотъ появились какіе-то люди, — поселяне, дѣти. Послѣдніе сидятъ на буйволахъ и осликахъ. Стада мелкаго скота бредутъ передъ ними. Каждое очертаніе (кончая такими подробностями, какъ веревка или прутъ) ясно отпечатлѣвается на догорающемъ небѣ.

Вскорѣ все кругомъ поглочено мракомъ. Чтобы дать возможность нашему отставшему спутнику — пароходу «Хэхіи» скорѣе догнать и найдти яхту, на палубѣ посдѣдней зажигаются бенгальскіе огни. Ихъ Высочества сами свѣтятъ ими, съ верхняго яруса «Фейэрабани», на встрѣчу запоздавшему конвоиру, который, наконецъ, обрисовывается вблизи.

Семь часовъ. Обѣденное время. Августѣйшіе путешественники и свита, состоящая, — къ слову сказать, — въ данную минуту изъ 16 человѣкъ, садятся за столъ въ передней палубной каютѣ, блещущей тяжелымъ убранствомъ отъ избытка позолоты, рѣзьбы и живописи на стѣнахъ. Въ окна и двери проникаетъ все еще жаркое дыханье южнаго вечера. Кельнеры-швейцарцы, взятые, — по распоряженію владыки страны, — изъ лучшаго Каирскаго отеля, на все время пребыванія въ Египтѣ Ихъ Высочествъ, быстро служатъ за обѣдомъ, чтобы безъ промедленія можно было затѣмъ перейдти на отдыхъ и для куренія въ сосѣднюю гостиную, съ большими шелковыми диванами желтаго цвѣта, или же подняться наверхъ, надъ нею, на крытый тентомъ длинный помостъ. Тамъ, положимъ, восхитительно тянутся часы и въ теченіе дня, — но къ ночи, въ благодатномъ покоѣ верхне-египетской природы, нельзя и описать, какъ хорошо и незабвенно отражается на душѣ эта полная самыхъ невнятныхъ звуковъ и въ тоже время глубоко-однообразная тишина.

Мѣсяцъ долженъ подняться за рѣкой, но его что-то долго не видно. Наконецъ, за горами, обозначается красновато-блѣдный кругъ, точно ликъ гигантскихъ размѣровъ. Лунный свѣтъ рѣзко и ярко ложится широкою полосою на Нилъ: по бокамъ отъ нея — чернота, и только мѣстами, какъ золотыя рыбки, плещутся во влагѣ крупные отблески туманно мерцающихъ созвѣздій.



ФИЛЭ.

Тишина. Нѣтъ охоты ни двигаться, ни заняться чѣмъ-нибудь. Хотя по сходнямъ можно бы было сойдти на берегъ для прогулки, но темень съ одной стороны, а также и топкій подъемъ на прибрежную крутизну не располагаютъ къ тому, чтобъ хоть временно покинуть яхту. Съ каждымъ вечеромъ, проводимымъ въ необычной обстановкѣ, все больше и глубже сживаешся съ психическимъ строемъ Востока, понимаешь въ немъ многое, что издали казалось книжно-отвлеченнымъ и непонятнымъ, роднишься съ такою жизнью, о которой раньше и не помышлялъ. Напримѣръ, сегодня въ окружающей ночи, какъ не почувствовать, что хочетъ выразить мусульманинъ своими представленіями о джинахъ. . . Джины! эти странныя сказочныя существа, уже бывшія до сотворенія Адама, составляютъ нѣчто среднее между ангелами и людьми, созданы изъ огня, низко поставлены въ іерархіи духовныхъ силъ міра, способны всюду невидимо присутствовать, по волѣ принимать какой-угодно призрачный видъ, не только человѣческій, но и звѣриный, наконецъ, дѣлаться чудовищами. Смерть угрожаетъ и имъ, хотя жизнь джиновъ можетъ длиться цѣлыя столѣтія. Иные увѣровали въ исламъ, другіе (такъ-называемые шайтаны) нѣтъ: во главѣ послѣднихъ Эблисъ (сатана). У каждаго человѣка — свой джинъ, данный ему отъ самаго рожденія.

Взятое само по себѣ такое воззрѣніе ничего еще не говоритъ уму и сердцу. Тутъ, на Нилѣ, среди убаюкивающей природы, въ дымчатой сребротканной мглѣ, гдѣ передъ взорами нерѣдко плывутъ какія-то неопредѣленныя, почти безформенныя тѣни, — воображеніе свободно и непосредственно входитъ въ общеніе съ отголосками и видѣніями обступившей ночи, осязаетъ крылья дла полета въ область безхитростныхъ восточныхъ сказаній, откликается на ихъ величаво-простыя и задушевныя слова.

Четвергъ, 22 ноября (4 декабря).

Почти вся свита помѣщается на «Хэхіи», такъ какъ «Фейзрабани» красива и просторна съ виду, но не обладаетъ большимъ количествомъ каютъ, — насъ же много. Такое раздѣленіе, которое становится необходимымъ только на ночь, днемъ совершенно незамѣтно, такъ какъ съ утра, до отправленія въ путь, можно перейдти на яхту, а, въ часы завтрака, суда, кромѣ того, обязательно замедляютъ ходъ, для принятія послѣднею пассажировъ съ идущаго слѣдомъ парохода. При этомъ мы ежедневно имѣемъ случай наблюдать за неловкостью матросовъ-гребцовъ въ моментъ приставанія къ трапу. То лодку относитъ далеко въ сторону, то она разогнана слишкомъ впередъ, то ударяется носомъ о бортъ вмѣсто того, чтобы причалить сбоку.

Тоже неумѣнье справляться съ обычными дорожными препятствіями и случайностями сказывается, когда наталкиваешься на мель. «Фейзрабани» какъ-то удачно минуетъ мелководье, но глубже сидящій «Хехія» задѣваетъ за откосы и разъ даже не на шутку врѣзается въ песокъ, такъ что потребовалось не мало времени, чтобы его сдвинуть. Для этого у маленькаго экипажа, видимо, не хватало смышленности, которая вообще и повсюду такъ свойственна простому народу. Раздѣвшись, туземцы прыгали въ воду, плечами упирались въ судно, протяжно вскрикивали: «а. . . іа. . . Мхаммедъ!» и въ концѣ концевъ убѣждались, что сначала, до напряженной работы, надо было посмотрѣть, куда собственно направлена отмель, а теперь трудъ потраченъ не только безполезно, но и во вредъ дѣлу.

Къ вечеру передъ нами обозначаются сѣрыя глинобитныя постройки города Гиргэ, который такъ названъ въ честь Георгія Побѣдоносца, обожаемаго мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ и отчасти замѣнившаго въ народномъ міровоззрѣніи прежняго борца со зломъ — неутомимаго Горуса.

Зная о приближеніи на яхтѣ хедива православныхъ Великихъ Князей, совершающихъ плаванье на Востокъ подъ Георгіевскимъ флагомъ своего фрегата, какъ бы чувствуя, что «два Георгія» посѣщаютъ въ данное время прославляющій это имя и отмѣченный его подвигами край, горожане-копты торжественно вышли съ хоругвями на пристань, чтобы подобающимъ образомъ привѣтствовать Ихъ Высочества. Темный цвѣтъ одежды встрѣчающихъ странно гармонируетъ со строгой простотой молчаливо сердечнаго пріема. Надъ воздвигнутой на берегу тріумфальною аркой высится крестъ. Церковное пѣніе звучитъ и льется въ вечерѣющемъ воздухѣ.

Сегодня закатъ еще великолѣпнѣе. Солнечный дискъ, уплывая, отражается въ водѣ огненною полосою, которая съ одного конца, благодаря тамъ же отразившейся зелени берега, представляется ярко-изумрудною. Извилистый Нилъ размѣрами походитъ на заливъ. Дневное свѣтило оставляетъ послѣ себя сначала золотой цвѣтъ на небосклонѣ, потомъ оранжевый, зеленый, — и, наконецъ, свѣтлую, необъятную, невозмутимую лазурь.

Пятница, 23 ноября (5 декабря).

Снова тянутся берега страны, цвѣтущимъ состояніемъ издревле привлекавшей вниманіе иноземныхъ завоевателей. Только теперь, вторично окидывая взорами Верхній Египетъ, яснѣе и яснѣе представляешь себѣ обиліе даровъ, которыми его надѣлила природа. Здѣсь все говоритъ о человѣческой жаждѣ жить, вопреки всякимъ внѣшнимъ напастямъ и лишеніямъ, но подъ щедрымъ покровительствомъ матери-рѣки, которая — источникъ плодородія, изобилія и богатства. Пробивъ дорогу къ морю отъ сердца «чернаго» материка, Нилъ чѣмъ ближе къ устью тѣмъ заботливѣе кормитъ народъ, когда-то ему поклонявшійся, когда-то воздававшій ему чисто божескія почести. Сѣдая старина будто-бы допускала, при умилостивленіи или прославленіи его, принесеніе въ жертву людей. Подобно персидской княжнѣ, брошенной Стенькою Разинымъ въ кормилицу — Волгу, египтяне, благодарности ради, топили въ родной рѣкѣ красавицъ-дѣвушекъ. И тучными жатвами отзывался Нилъ на усиленныя моленія, на ужасные дары: наводненныя имъ поля и напоенная влагою почва свидѣтельствовали о благоволеніи могущественнаго старца.

Страна въ старину извѣстна была подъ различными наименованіями: «Та-мери» («возлюбленная страна»), «Нехи» («страна сикоморы»), «Хэмъ» (*черная* земля) и т. д. Отъ послѣдняго названія, пріурочиваемаго къ плодородію принильскаго края и цвѣту наносимаго рѣкою ила, произошло слово «химія», занесенное арабами въ Испанію и долгое время служившее для обозначенія «чернокнижной» науки о силахъ природы и вещества.

Покидая Верхній Египетъ съ его древними очагами глубокомысленной образованности и культуры, какъ-то сознательнѣе относишься къ исполинскому росту и развитію царства фараоновъ. Все, — что, при внимательномъ осмотрѣ Гизэсскаго музея, было только намекомъ на рядъ непостижимо-величественныхъ явленій, — въ данную минуту, на обратномъ пути, рисуется уже отчетливо и опредѣленно. Отраженіе отъ нихъ падаетъ на классическій міръ, котораго высшую ступень представляла Олимпія съ ея искусствомъ, и, странно сказать! между этими двумя видимо далекими областями духа сказывается нѣкоторое внутреннее сродство. Здѣсь, у разсадника первобытныхъ невозмутимо-ясныхъ знаній, Западъ началъ жить разумно-стройною и широко осмысленною человѣческою жизнью. Лучшіе эллины учились у мудрецовъ на Нилѣ. Посольство изъ Элиды именно въ Египтѣ испросило совѣта относительно установленія олимпійскихъ игръ. Подымаясь отъ позднѣйшаго

и сравнительно малаго къ старѣйшему и грандіознѣйшему, мы невольно раздвигаемъ свой кругозоръ, невольно приходимъ или должны приходить къ неожиданнымъ выводамъ и обобщеніямъ.

Время подъ вечеръ. Сейчасъ конецъ рѣчнаго пути. У Ассіута, — какъ уже раньше сказано, — особенно привлекательны вдоль берега огромныя, толстыя сикоморы съ ихъ иззеленобѣлой корой и темною, ближе къ вершинамъ, листвою. За ними уже, на ослѣпительно-яркомъ небѣ, которое не омрачено ни единымъ облачкомъ, всплываютъ главы мечетей и величаво-стройныя пальмы.

Двадцать однимъ пушечнымъ выстрѣломъ привѣтствуется возвращеніе сюда Высокихъ Гостей. Экстренный поѣздъ въ Каиръ ожидаетъ у пристани Августѣйшихъ путешественниковъ. Прощаясь, не безъ сожалѣнія, съ красивою окрестною страной, давшей намъ столько интеллектуальныхъ наслажденій, мы въ послѣдній разъ обѣдаемъ на яхтѣ «Фейзрабани». Рядомъ причалена къ берегу какая-то «дахабіэ», откуда нѣжно и сладостно доносятся звуки рояля. На душѣ накипаетъ тихое волненіе, просыпается безпричинная грусть: надо разстаться со всѣмъ тѣмъ, что стало наконецъ близкимъ и понятнымъ, — надо оторваться отъ созерцанія и думы для порывистаго слѣдованія впередъ, къ чуждымъ образамъ, къ новому очарованію. . .

Суббота, 24 ноября (6 декабря).

Седьмой часъ утра. Станція Бедрашэнъ. Три дромедара хедива (съ дорогими сѣдлами и попонами) приготовлены для экскурсіи Ихъ Высочествъ въ Мемфисъ и къ прилегающимъ пирамидамъ. Кромѣ того ожидаетъ цѣлая гурьба осликовъ и погонщиковъ.

Мы выѣзжаемъ, — слегка заспанные послѣ краткаго ночнаго отдыха въ вагонѣ, — на узкую дорогу, изгибающуюся черезъ какую-то деревушку, въ густой пальмовый лѣсъ, синѣющій передъ нами на весьма значительномъ протяженіи. Онъ выросъ и раскинулся тамъ, гдѣ нѣкогда блистала одна изъ важнѣйшихъ столицъ съ міровымъ значеніемъ.

Раскопки на мѣстѣ древняго Мемфиса, по всѣмъ признакамъ, должны дать громадный научный результатъ (вродѣ того, что получился въ Олимпіи). Еще въ XIII вѣкѣ извѣстный багдадскій врачъ Абдъ-эль-Латифъ, а въ XIV столѣтіи арабскій путешественникъ Абу'ль-Фараджъ видѣли здѣсь чудеса. Требовалось нѣсколько часовъ для обозрѣнія пространства, занятаго разными памятниками. Виднѣлись огромные пьедесталы, храмовыя стѣны изъ одной каменной глыбы, непонятныя мусульманамъ изображенія и т. п. Кладоискатели рылись повсюду и, между прочимъ, уродовали колоссовъ, думая, что это — чародѣи той же рассы, какъ и создатели города, и что они, пока цѣлы, мѣшаютъ открывать сокровища.

Въ старину послѣдній имѣлъ 26 верстъ въ окружности, занимая въ длину или ширину отъ пяти до десяти. Теперь, если многіе останки и сохранились, то прикрыты землей. Надъ ними, — точно цвѣты надъ могилой, — стройныя гигантскія пальмы поднялись гордыми главами и образовали цѣлый сонмъ древесныхъ исполиновъ, вообще въ Египтѣ не собирающихся въ такомъ количествѣ заразъ.

Живительный утренній воздухъ прозраченъ и душистъ. Тишина вокругъ ненарушимая. Мы, почти беззвучно какъ тѣни, движемся по мягкому бархатному песку. Среди разстилающагося по сторонамъ безлюдья и полнѣйшаго запустѣнья, вдали угрюмо просвѣчиваетъ цѣпь неуклюжихъ и поколебленныхъ временемъ пирамидъ. Проѣзжая на пути

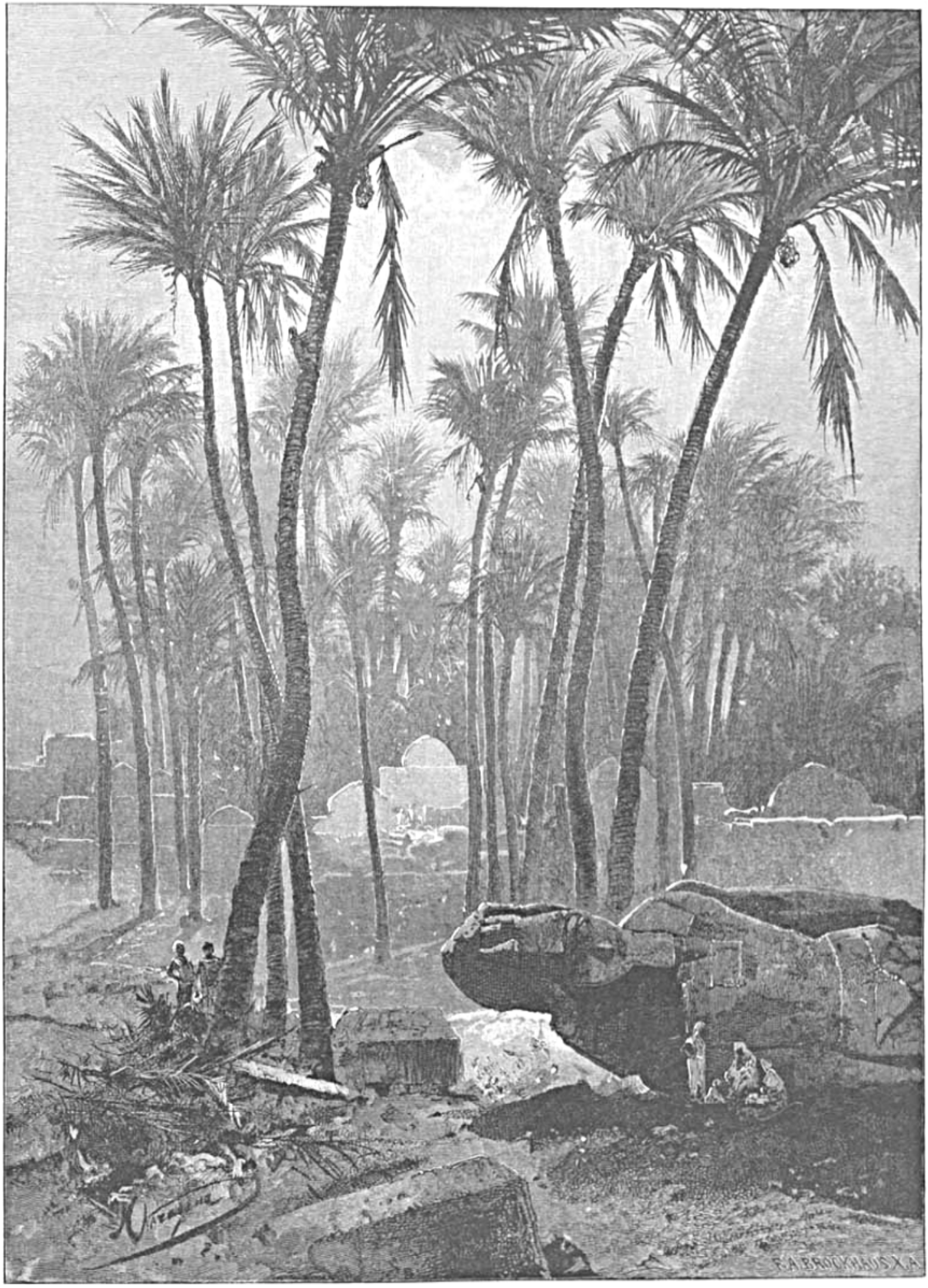
къ нимъ по этому неизмѣримому, засыпанному и полузабытому кладбищу древне-египетской архитектуры и прочихъ искусствъ, въ памяти естественно возникаютъ и мелькаютъ обрывки мыслей о туземной старинѣ.

Такъ вотъ она — первопрестольная столица одного изъ старѣйшихъ въ мірѣ государствъ! Холмики, покрытые щебнемъ и соромъ, илъ отъ недавняго наводненія, жалкія феллахскія хижины среди обломковъ, зеленыя пальмы надъ исчезающимъ прахомъ былаго величія, насмѣшливый взоръ пустыни на рубежѣ культурной полосы. . . И приходятъ на память слова пророчества Іереміи: «Мемфисъ будетъ разрушенъ, сожженъ, никто въ немъ не станетъ обитать.» Спрашивается: зачѣмъ для него, съ величайшими трудностями, добывались изъ-за рѣки матеріалы къ грандіознымъ сооруженіямъ? Надписи на скалахъ, за Ниломъ, до сихъ поръ гласятъ, кому это было нужно и сколько несчастныхъ тамъ выбивалось изъ силъ; но здѣсь, на мѣстѣ, былое величіе утрачено, развѣяно временемъ, не уцѣлѣло даже въ качествѣ значительныхъ памятниковъ старины. Причудливыя пирамиды у древнѣйшей столицы разрушаются. Могилы выдали или выдаютъ вѣковѣчную тайну. Какъ скучно и до чего ничтожно жить!

А вѣдь еще первые владыки и устроители Мемфиса съ успѣхомъ пытались анализировать дѣйствительность, уже въ эти почти доисторическія времена занимались медициной, анатоміей. Богъ врачеванія Имхотепъ означалъ «желанный» или «грядущій съ миромъ», имѣлъ прозвища «умиротворителя» и «благоликаго», изображался, какъ жрецы, съ бритой головой и со свиткомъ на колѣняхъ. Галенъ упоминаетъ о существованіи здѣсь цѣлой библіотеки, касавшейся искусства лѣченія. Оно, конечно, тѣсно связано было съ религіозными представленіями и обычаями, съ магіей и заклинаніями, но положительно имѣло реальную почву подъ ногами. Сынъ перваго здѣшняго царя Менеса — Атута («борецъ»), соорудившій мемфисскій кремль — былъ медикъ.

Въ этомъ же любопытномъ историческомъ районѣ высился храмъ бога Пта (или Фта), представителя всякой науки, письма, техники. Его святилище именуется даже «золотою кузницею». И дѣйствительно, съ зачатковъ древне-египетскаго быта, туземцы являются большими искусниками, за что ни возьмутся. Но получится-ли когда-нибудь ясный отвѣтъ, какъ у нихъ сложились и откуда вообще взялись подобныя знанія?

Дромадеры Ихъ Высочествъ и наши ослики выбрались, наконецъ, изъ пальмоваго лѣса и спѣшатъ въ гору, къ цѣпи раскинутыхъ на большемъ протяженіи пирамидъ. Между ними особенно бросается въ глаза наидревнѣйшая, такъ-называемая «ступенчатая» пирамида. Мѣстность, куда мы вступаемъ, называется, какъ и прилегающая къ ней деревня, Саккарою. Это — слегка искаженное древнее названіе, данное ей въ честь бога мертвыхъ «Сокара». Онъ же — Озирисъ, онъ же — Пта. Послѣдній проникаетъ собою все, относящееся къ Мемфису. Преданія, говорящія о покровительствѣ, которое оказывалось городу верховнымъ божествомъ округа, крайне своеобразны и отчасти поэтичны. Гдѣ, какъ не здѣсь, вспоминать объ иныхъ характерныхъ подробностяхъ туземнаго отжившаго культа?! Для примѣра можно остановиться хотя-бы на нижеслѣдующей. Ассирійскій царь Сенахерибъ, съ громаднымъ войскомъ, наступаетъ на Мемфисъ. Въ городѣ — смятеніе, приготовленія къ оборонѣ и встрѣчѣ въ открытомъ полѣ. Но въ ночь мыши прокрадываются во вражескій станъ, обгрызаютъ колчаны и стрѣлы, ремни у щитовъ. Подъ утро непріятель оказывается на половину безоружнымъ и съ урономъ бѣжитъ. Жрецы же воздвигаютъ въ честь прозорливаго Пта особенный кумиръ его «съ мышью въ рукѣ» и надписью: «глядя на меня, будьте богобоязненны!».



У ОСТАНКОВЪ МЕМФИСА.

Августѣйшіе путешественники, проѣхавши двѣ-три версты пустынею, приближаются къ домику, гдѣ когда-то жилъ и работалъ египтологъ Марьэтъ. Тутъ предположено отдохнуть, освѣжиться и затѣмъ уже приступить къ обзору главнѣйшихъ достопримѣчательностей Мемфисскаго некрополя.

Въ ожиданіи, когда экскурсія продолжится, само собою приходится бросить ретроспективный взглядъ на различные факты, тѣсно связанные съ прошедшимъ окружающей насъ мертвенной мѣстности, надо хоть вкратцѣ охарактеризовать дѣятельность ученыхъ, старавшихся въ него вникать и, такъ-сказать, намѣтившихъ сущность прежняго міросозерцанія.

Быть въ домикѣ Марьэта и не вспомнить объ этомъ мужественномъ и самоотверженномъ изслѣдователѣ, конечно, невозможно. Его продолжительное пребываніе среди окружающаго насъ въ данную минуту пустыря, — вдали отъ человѣческаго жилья, на рубежѣ области мертвыхъ, въ непосредственной близости отъ остатковъ древней культуры, — даже самимъ полудикимъ туземцамъ должно было представляться непонятнымъ и злоумышленно-таинственнымъ. Они, одно время, пришли къ убѣжденію, что здѣсь поселился великій чародѣй, которому для его волхованій необходимо сосѣдство гробницъ, куски мумій, плиты, покрытыя невѣдомыми письменами и т. п. — Когда же разнеслась вѣсть, что Марьэту иногда удается напасть на слѣдъ зарытыхъ въ землѣ сокровищъ, что золотые предметы, откапываемые имъ, плавятся для извлеченія средствъ для новыхъ раскопокъ, — то нашлись арабы, пытавшіеся убить и ограбить великаго французскаго ученаго. Поставленный въ необходимость отстрѣливаться отъ нападающихъ, онъ спасся только благодаря своей безбоязненности, атлетическому тѣлосложенію и суевѣрному страху, который онъ, всѣмъ своимъ существомъ, внушилъ окрестному населенію.

Простой домикъ, вмѣщавшій знаменитаго археолога, сиротливо выдѣляется межъ желтыхъ песчанныхъ холмовъ. Лучшая часть его (крытая веранда) грубо сколочена изъ досокъ и обнесена низкою, каменною стѣною. Именно здѣсь пока остановились Августѣйшіе путешественники. Только что вернувшійся изъ Франціи директоръ Гизэсскаго музея Грэбо нарочно выѣхалъ сюда для встрѣчи Наслѣдника Цесаревича.

Сейчасъ придется направиться по безлюдному, безплодному некрополю на осмотръ различныхъ гробницъ. Какъ ни мало тѣни даетъ убогое жилище, служившее пріютомъ Марьэту, — однако сознаніе, что надо къ нимъ идти пѣшкомъ, увязая въ мелкомъ, сыпучемъ, ослѣпительно бѣломъ пескѣ (притомъ идти подъ палящими лучами южнаго солнца) до того непріятно, что всѣ тутъ находящіеся какъ-бы невольно медлятъ передъ весьма въ своемъ родѣ любопытной экскурсіей.

Мы направляемся по значительному наклону къ пресловутому кладбищу быковъ Аписовъ, открытому безсмертнымъ основателемъ Гизэсскаго музея. Когда слышишь о томъ, что навело Марьэта на мысль искать здѣсь эту погребенную въ землѣ архитектурную достопримѣчательность и по какимъ признакамъ дѣйствительно удалось ее найти, — то удивленіе передъ прозорливостью и непреклонною твердостью человѣческаго генія само собою рождается и ростетъ. Даже египтологи, вродѣ Лепсіуса, утверждали, будто мѣсто, гдѣ хранились останки Аписовъ, давно безслѣдно изчезло, — и тѣмъ не менѣе Марьэтъ, вчитываясь въ Страбона, продолжалъ мечтать, что оно когда-нибудь найдется. У историка написано было приблизительно слѣдующее: «въ Мемфисѣ есть святилище, — въ мѣстности, до того песчаной, что вѣтры постоянно наносятъ цѣлые холмики праха и находящіеся тутъ сфинксы на половину зарыты въ немъ. Кто идетъ туда, — когда вихрится песокъ, — подвергается опасности быть засыпаннымъ.» На основаніи лишь столь шаткихъ данныхъ,

руководимый исключительно своимъ никогда его не обманывавшимъ чутьемъ выдающагося изслѣдователя, французъ-археологъ принялся за раскопки, несмотря на всѣ препятствія, не смущаясь ничѣмъ при стремленіи къ намѣченной цѣли. Голова какого-то сфинкса, подходившаго къ описанію Страбона, вскорѣ выглянула изъ песку. Пришлось невольно вспомнить, что и раньше, въ Каиръ и Александрію, доставлялись такія-же изваянія изъ здѣшней деревни Саккары. Это было для Марьэта Аріадниной нитью. Онъ отважился израсходовать на осуществленіе плана деньги, отданныя въ его распоряженіе французскимъ правительствомъ на покупку коптскихъ рукописей. Рабочіе понемногу освободили изъ-подъ затвердѣвшихъ наслоеній цѣлую аллею сфинксовъ. При этомъ песокъ не разъ обваливался и раскопки порою угрожали жизни работавшихъ. Греческій храмъ, украшенный статуями мудрецовъ, появился вскорѣ затѣмъ среди пустыря. Статуи Пиндара, Ликурга, другихъ поэтовъ и мыслителей выглянули на Божій свѣтъ, — и вдругъ аллея кончилась. . . Египтологъ, шедшій по ней къ желанному тайнохранилищу, очутился безъ указаній, какъ быть дальше. По счастью онъ скоро напалъ снова на утраченный слѣдъ, прорывшись нѣкоторое время въ землѣ, въ которой сначала болѣе нигдѣ не было видно засыпанныхъ сфинксовъ. Въ ноябрѣ 1861 года, поборовъ рядъ испытаній, мучительныхъ препятствій и сомнѣній, Марьэтъ побѣдителемъ вошелъ подъ могучіе своды подземелья, остававшагося въ теченіе вѣковъ сокровеннымъ отъ человѣческаго взора и гдѣ нѣкогда египетскіе жрецы хоронили священныхъ быковъ, которые почитались воплощеніемъ божества. Французъ-археологъ могъ еще различить, у входа туда, отпечатки ногъ кого-нибудь изъ покинувшихъ напослѣдокъ это гигантское могильное сооруженіе.

Изслѣдованія въ этомъ раіонѣ длились около четырехъ лѣтъ и доказали, что извѣстное подъ этимъ именемъ подземелье создано безъ опредѣленнаго плана, представляя собою загадочный лабиринтъ, гдѣ что ни шагъ, то натыкаешься на новое открытіе.

Пройдя массивныя и мрачныя ворота, Августѣйшіе путешественники вступаютъ въ одно изъ развѣтвленій бычачьяго кладбища, высѣченнаго въ скалѣ. Душно и жарко идти въ полумракѣ, среди котораго вереницами тянутся свѣточи, разставленные вдоль стѣнъ. Предположено посѣтить здѣсь сравнительно небольшую часть всѣхъ существующихъ подъ землей переходовъ, изъ коихъ, къ тому-же, многіе, бывшіе отрытыми, теперь снова занесены пескомъ. Онъ всюду, куда только можно, проникаетъ, преграждаетъ дорогу научнымъ изысканіямъ, многое поглотилъ, еще многое вторично поглотитъ.

Разъ что старина здѣсь отозвалась на вопросъ ученыхъ о значеніи осматриваемыхъ нами мавзолеевъ, — любопытно, прежде всего, вникнуть въ то, чѣмъ собственно обусловливалось столь странное погребеніе Аписовъ.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій древне-египетскаго культа было благоговѣйное отношеніе къ нѣкоторымъ животнымъ. Народъ мѣстами почиталъ крокодила, мѣстами кошку, мѣстами легендарныхъ птицъ и звѣрей, но особенно и больше всего быка. Въ Геліополисѣ это животное называлось Мневисъ. Въ Мемфисѣ чтился Апись. Суевѣрное возвеличеніе его столь-же старо, какъ и прошедшее туземной культуры.

Согласно воззрѣніямъ толпы, или молнія или лунный лучъ оплодотворялъ корову и божество являлось затѣмъ, на землѣ, въ образѣ рогатой твари. Особая примѣта служила для отысканія и опредѣленія священнаго быка въ мѣстныхъ стадахъ. Случалось, что жрецы годами не были въ состояніи найдти того, кто-бы, по внѣшнимъ сложнымъ примѣтамъ, соотвѣтствовалъ идеалу Аписа. Кто его находилъ, — получалъ въ награду огромное состояніе. На долю матери быка нѣкоторымъ образомъ простирался почетъ, ставшій удѣломъ избраннаго животнаго.

Его, насколько возможно, старались сначала сдѣлать ручнымъ, затѣмъ, при наступленіи перваго новолунія, везли на золотой священной баркѣ въ Мемфисъ и тамъ помѣщали въ святилищѣ бога Пта. Для прогулокъ быка былъ устроенъ дворъ; когда же онъ находился въ стойлѣ, — вѣрующіе старались заглянуть на него черезъ окошко.

Божескія почести, оказывавшіяся этому четвероногому, какъ-то даже странно описывать. Фараоны не щадили денегъ на то, чтобы окружить его культъ великолѣпіемъ. Александръ Македонскій, римскій императоръ Титъ признавали для себя полезнымъ принести жертвы Апису, который считался обладающимъ вѣщими свойствами и своеобразно предсказывалъ будущее. Когда онъ лизнулъ одежду одного извѣстнаго греческаго астронома, это значило, что послѣдній скоро умретъ, и такъ дѣйствительно случилось. Такое же указаніе прочли жрецы въ нежеланіи быка принять пищу изъ рукъ Германика. Ревъ животнаго предвѣщалъ иноземное завоеваніе. Вопрошавшіе Аписа о чемъ-нибудь загадывали, въ какой изъ своихъ покоевъ онъ послѣ того войдетъ. Если онъ именно туда входилъ, то, значитъ, получался утвердительный отвѣтъ, и наоборотъ. Въ его святилищѣ люди ложились спать въ надеждѣ видѣть полные значенія сны. Иногда быку предлагались вопросы и затѣмъ ждавшіе толкованія прислушивались къ голосу дѣтей, игравшихъ за стѣною храма, а изъ долетавшихъ отдѣльныхъ выраженій составлялось приблизительно подходящее къ дѣлу изреченіе. Когда Аписа водили среди народа, — сопровождавшіе быка юноши, находясь въ состояніи крайней эксальтаціи, пѣли и предсказывали. Дома Апису жилъ за пурпурными завѣсами, спалъ на мягкомъ ложѣ, ѣлъ и пилъ съ драгоцѣнныхъ металловъ.

До какой дикой необузданности долженъ былъ унизиться Камбизъ, чтобы поднять вооруженную руку на бѣдное безобидное животное и оскорбить священнѣйшія чувства покорно незлобиваго и по своему глубоко религіознаго населенія!

На быка Аписа молились; но если онъ слишкомъ долго жилъ (свыше двадцативосьмилѣтняго возраста, когда умеръ Озирисъ), — то одѣтые въ трауръ жрецы съ почетомъ вели къ Нилу рогатое воплощеніе бога и торжественно его топили.

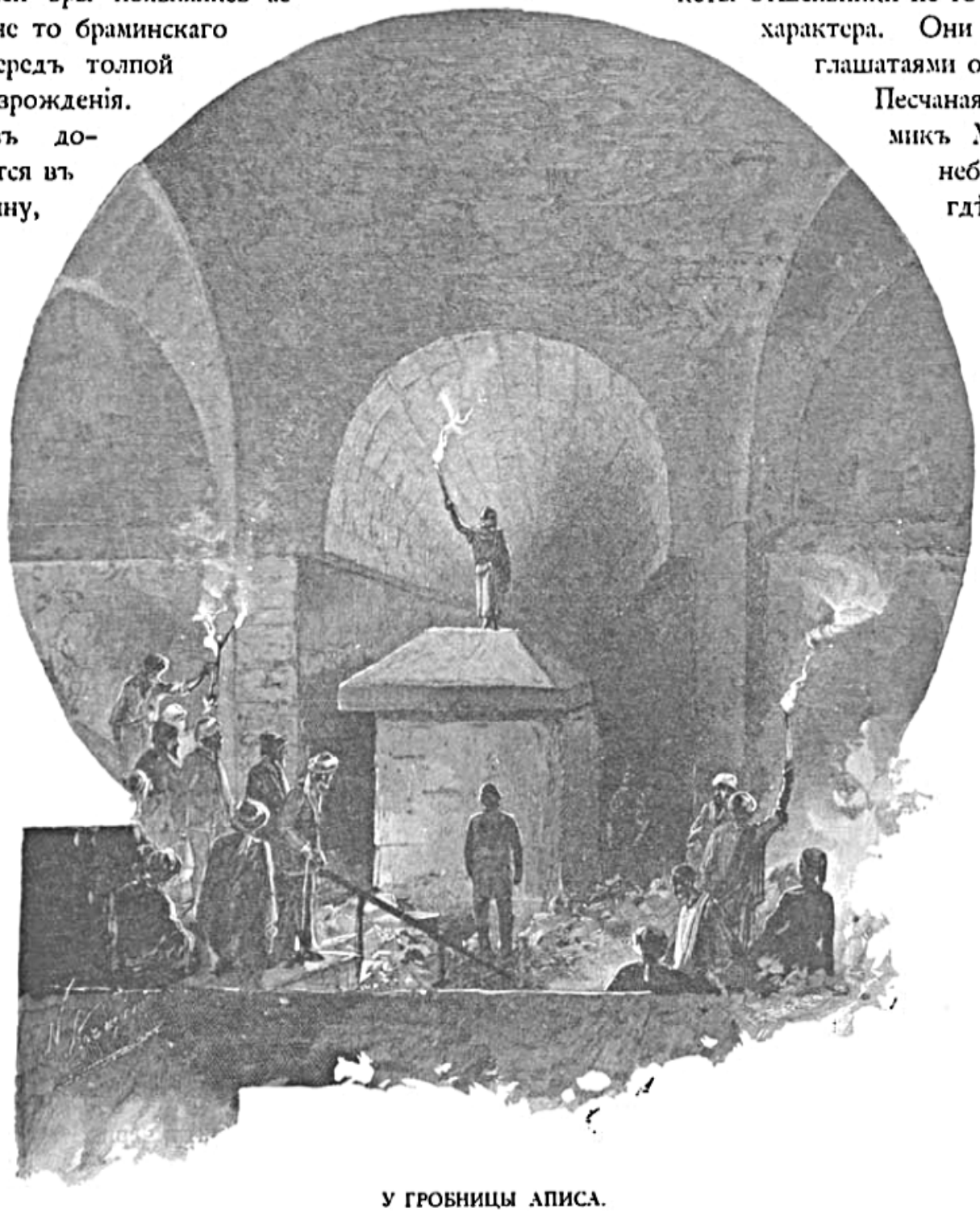
Умиравшихъ естественною смертью бальзамировали и хоронили съ несказанною пышностью, не щадя громаднѣйшихъ затратъ. Выдающіеся, по нравственному вліянію, жрецы изрѣдка удостаивались погребенія около Аписовъ.

Цѣлые ряды гробницъ въ соотвѣствующихъ ихъ величинѣ склепахъ возникали среди подземнаго кладбища. Вѣрующіе приходили сюда для поклоненія и вписывали свои имена на особыя оставлявшіяся здѣсь каменныя таблички (съ точнымъ обозначеніемъ дня, когда это случилось).

Ихъ Высочества обходятъ тусклые и жаркіе корридоры удивительнаго сооруженія. У одной огромной ниши, къ саркофагу, раззоренному грабителями и поруганному фанатиками — иновѣрцами, приставлена лѣсенка, по которой мы можемъ взобраться и бросить взглядъ во внутренность брони, долженствовавшей вѣчно охранять черное тѣло Аписа. Крышка гроба отодвинута. Куча каменьевъ наворочена на нея сбоку. Мумія животнаго изчезла. Сокровища, накоплявшіяся при ней, въ качествѣ благочестивыхъ даровъ, давно унесены неизвѣстными кладоискателями. Странная обстановка вокругъ положительно кажется чѣмъ-то легендарнымъ. Люди-великаны, создававшіе ее, представляются существами изъ какого-то невѣдомаго намъ міра.

Марьэтъ, было, попытался извлечь на свѣтъ одинъ изъ темногранитныхъ бычачьихъ саркофаговъ, — но и помощь пара, и различныя техническія приспособленія нашего вѣка не дали возможности это сдѣлать, — а между тѣмъ хорошо извѣстно, что древніе египтяне какъ-то ухитрялись приволакивать изъ Нубіи на сѣверъ, за сотни верстъ, столь громоздкія массы.

Отъ единственнаго въ своемъ родѣ кладбища обожествленныхъ тварей отъѣзжаешь въ недоумѣніи и раздумьи: гдѣ туземцы отдавались подобнымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, — тамъ духъ не могъ не искать протеста, не могъ не побуждать человѣка сознательнѣе углубляться въ себя самого. Этимъ объясняется, почему въ прилегающей мѣстности, еще до нашей эры появлялись аскеты-отшельники не то буддійскаго, не то браминскаго характера. Они выступали передъ толпой глашатаями обновленія и возрожденія. Песчаная дорога, миновавъ доспускается въ микъ Марьэта, котловину, небольшую гдѣ намъ



У ГРОБНИЦЫ АПИСА.

непосредственно предстоитъ посѣтить могилу египетскаго сановника Ти, жившаго нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашего времени. Онъ служилъ тремъ фараонамъ, пользовался ихъ неограниченнымъ довѣріемъ, получилъ даже въ жены, несмотря на свое неаристократическое происхожденіе, дѣвушку изъ царской семьи. Изучивъ подземелье, гдѣ погребенъ этотъ выдающійся египтянинъ, ученые по стѣнописи могли возсоздавать полную картину старѣйшаго быта. Въ гробницѣ («мастаба») Ти найдены его девятнадцать статуй.

Лучшая — на видномъ мѣстѣ въ музеѣ Гизэ. Покойный тамъ изображенъ человѣкомъ высокаго роста, въ желтомъ парикѣ, съ могучимъ тѣломъ блѣдно-кирпичнаго цвѣта. Выраженіе лица и вообще вся внѣшность удивительно напоминаютъ современныхъ феллаховъ.

Августѣйшіе путешественники спускаются, по глубокому песку, въ посмертное жилище египтянина (эпохи V-й династіи). Могильный мракъ отгоняется свѣтомъ магнія. Тонкія очертанія гіероглифовъ, нѣжность линій, при обрисовкѣ отдѣльныхъ многочисленныхъ фигуръ, участвующихъ въ той или другой сценѣ, еще совершеннѣе и замѣчательнѣе видѣннаго нами до сихъ поръ. Искусство, приложенное къ внутреннему убранству Ѳиванскихъ могилъ, едва-ли не ниже того, которое наблюдается въ осматриваемой нами гробницѣ, да, къ тому же, лишено реальности, и, поражая насъ фантастичностью образовъ, въ сущности остается загадочно-чуждымъ. Художники наидревнѣйшаго Египта обладали большими знаніями и дарованіями чѣмъ представители позднѣйшихъ царствованій. Согласно инымъ восточнымъ умозрѣніямъ вселенная, отраженная Первоисточникомъ немеркнущаго сіянія, по мѣрѣ удаленія отъ Творца омрачается грѣхомъ и мертвѣетъ: не то-ли самое произошло и съ духовною жизнью принильскаго народа?

Въ гробницѣ Ти Ихъ Высочества имѣютъ возможность разсмотрѣть цѣлый рядъ изображеній, отчетливо сгруппированныхъ по стѣнамъ. Напримѣръ, видны какъ-бы служанки съ разными предметами на головѣ; одна придерживаетъ клѣтку съ 4 голубями и несетъ гуся подъ мышкой, вторая тащитъ тяжелую корзину съ кувшинами, какіе и теперь еще въ употребленіи, третья — хлѣба, и т. д. При каждой — надпись съ ея именемъ.

Нельзя сказать съ точностью, насколько во мракъ склепа идеально пересаживался весь тогдашній хозяйственный строй. Быть можетъ, многое рисовалось лишь сообразно съ дѣйствительностью, но безъ прямаго отношенія къ челяди покойнаго.

Надъ фигурами женщинъ изображена сцена, какъ на ослахъ перевозится зерно. Передній покрытъ попоной съ бахромою. Впереди его сѣменитъ маленькими ножками преуморительный осленокъ. По серединѣ картины, тяжелая кладь начала сползать со спины животнаго. Провожатые — работники стараются помочь бѣдѣ. Кто подпираетъ ношу, кто удерживаетъ длинноухаго упрямца за морду, кто за хвостъ, точно и теперь въ иной узкой улицѣ какого-нибудь города на среднеазіатскомъ востокѣ, когда скученность толпы по временамъ положительно вынуждаетъ прибѣгать къ столь крутой мѣрѣ. У людей — нимало не африканскій типъ лица, а скорѣе все говоритъ за ихъ принадлежность къ кавказской рассѣ. Каждый слуга имѣетъ свою болѣе или менѣе оригинальную физіономію.

Хозяинъ выдѣляется среди нихъ, будучи нарисованъ гигантскаго роста, и именно: Ти очерченъ на хрупкой ладьѣ, при опасной охотѣ на гиппопотамовъ и крокодиловъ. Подчиненные его неустрашимо борются противъ чудовищъ, наводнявшихъ широко разливавшуюся рѣку, причемъ все кругомъ ея еще представляло довольно первобытную дебрь, едва тронутую человѣческой культурой.

Мы опять круто спускаемся подъ землю (къ другой гробницѣ) по узкому и крайне душному проходу въ могилу царя Унаса, жившаго тоже за нѣсколько тысячелѣтій. Она сравнительно недавно изслѣдована преемникомъ Марьэта — египтологомъ Масперо. Въ ней найдены остатки муміи, саркофагъ и любопытная стѣнопись, дающая хоть и смутное представленіе, что, по мнѣнію древнѣйшихъ египтянъ, творится съ душей, разставшейся съ тѣломъ.

Какъ-то жутко подумать, что гласитъ одна надпись въ гробницѣ царя: «не хорошо Унасу испытывать голодъ и не имѣть возможности ѣсть, чувствовать жажду и не пить.» Положимъ, мертвецу приносятъ дары, чтобы избавлять его отъ такихъ тяжкихъ лишеній. Положимъ, разныя магическія формулы должны ихъ облегчать. Но если всего этого недостаточно, тогда надо работать самому на томъ свѣтѣ, надо заниматься тамъ хлѣбопашествомъ. Легко-ли это бывшимъ фараонамъ? Тутъ является исходъ изъ затрудненія въ лицѣ «ушебти». Такъ назывались фигурки прислужниковъ, замуровывавшіяся въ могилу великихъ міра сего.

Впереди, послѣ прохожденія мытарствъ, Унасъ способенъ выше и выше подниматься въ іерархіи сверхъестественныхъ существъ, волшебною силою подчинить себѣ боговъ, присвоить себѣ нѣкоторыя изъ ихъ свойствъ и, наконецъ, взойдти, въ качествѣ новаго Озириса, на солнечный престолъ міроправителя.

Саккара осталась за нами. Величественный пальмовый лѣсъ надъ Мемфисомъ вторично принялъ Августѣйшихъ путешественниковъ. У двухъ поверженныхъ колоссовъ Рамзеса Великаго происходитъ кратковременная остановка. Оба они замѣчательны и размѣрами, и красотой исполненія. Одна статуя воздвигнута была царемъ-завоевателемъ у преддверья кумирни Пта, въ память своего чудеснаго избавленія отъ гибели, когда онъ, возвращаясь изъ похода, какъ-то ночью едва спасся отъ огня, при поджогѣ его ставки вѣроломнымъ братомъ. Передъ этимъ и одинаковымъ нынѣ исчезнувшимъ изваяніемъ въ древности устраивались «бои быковъ». Уцѣлѣвшая фигура, изъ свѣтлаго камня, принадлежитъ Британскому музею. Она долго лежала ничкомъ, — заброшенная, заливаемая наводненіемъ. Теперь ее повернули на спину, огородили: по деревянной лѣсенкѣ можно взобраться на мостикъ, надъ самымъ колоссомъ, прямо въ очи взглянуть величавому «божественному» лику и, прощаясь сегодня окончательно съ египетскою стариной, унести отсюда, какъ послѣднее глубокое впечатлѣніе, недвижно-холодный взоръ каменнаго фараона.

У СУЭЗА И ВЪ КРАСНОМЪ МОРѢ.

Воскресенье, 25 ноября (7 декабря).

Ихъ Высочества со вчерашняго утра кратковременно пребываютъ въ Каирѣ, въ томъ же дворцѣ принца Гуссейна. Зрѣлище, представляемое древнимъ и новымъ Египтомъ, близится къ концу. Занавѣсъ надъ нимъ тихо опускается. Дальній путь, увлекающій въ невѣдомую даль, яснѣе прежняго развертывается передъ воображеніемъ. Какъ-то даже жутко подумать, что насъ еще ждетъ.

Изъ Россіи получены благополучныя вѣсти, доходятъ сравнительно недавнія новости: къ свитѣ Великихъ Князей присоединился прямо изъ Петербурга пріѣхавшій докторъ Рамбахъ, прибылъ второй фельдъ-егерь съ дорогими для каждаго письмами. Дальше такое быстрое общеніе съ родиною станетъ немыслимо. Мучительно долго потянутся дни, а порой и часы, — въ ожиданіи какихъ-нибудь запаздывающихъ извѣстій. Но, и при полученіи ихъ, въ сущности въ душѣ останется прежняя тоскливая неизвѣстность.

Сегодня, къ ночи, Августѣйшіе путешественники простятся съ гостепріимнымъ правителемъ страны. Уже вчера днемъ, позавтракавъ дома въ Гизэ съ Ихъ высочествами, шведскою наслѣдною четою, Они были съ послѣднимъ визитомъ у хедива въ Абдинѣ.

Передъ обѣдомъ, долженствующимъ состояться тамъ-же около семи часовъ, Ихъ Высочества инкогнито, для покупокъ, посѣщаютъ базаръ. Время летитъ незамѣтно. Вотъ и вечеръ, вотъ и окончательный отъѣздъ изъ симпатичнаго дворца, служившаго памятнымъ мѣстопребываніемъ въ Каирѣ.

За столомъ у его высочества Тевфика-паши никого нѣтъ, кромѣ принца Гуссейна-паши, спутниковъ Наслѣдника Цесаревича, немногихъ сановниковъ и лицъ, входящихъ въ составъ русскаго дипломатическаго агентства въ Египтѣ.

Въ исходѣ десятаго хозяинъ края отправляется съ Гостями въ театръ (на Оперной площади). Избранное общество собралось здѣсь, чтобы проститься съ Августѣйшими путешественниками. Три гимна (нашъ, мѣстный и греческій) встрѣчаютъ прибытіе Ихъ Высочествъ.

Мы уже вчера видѣли въ здѣшнемъ театрѣ «Бокаччіо». Теперь идетъ «Petit Duc». Фески въ партерѣ, закрытыя рѣшетчатыми стѣнками ложи мусульманскихъ дамъ, Парижъ,

пересаженный въ опереткѣ на совершенно чуждую для него почву, — все странно вяжется съ разсказомъ о томъ, какъ въ Каирѣ возникло, при хедивѣ Измаилѣ, великолѣпное оперное зданіе и какъ въ немъ, въ присутствіи самого Верди, съ неслыханной роскошью ставилась «Аида».

Послѣ перваго акта «Petit Duc» бывшая въ Россіи m-me Bohrer, аккомпанируемая хоромъ, спѣла «Очи черныя».

Около полуночи Ихъ Высочества направляются по иллюминованнымъ, разукрашеннымъ улицамъ на желѣзнодорожный вокзалъ. Шумъ и блескъ проводовъ, оживленіе и торжественность прощальныхъ народныхъ привѣтствій не уступаютъ празднеству въ первый день въѣзда.

Станція переполнена провожающими. Длинная линія вагоновъ напоминаетъ о такихъ же уже пережитыхъ мгновеніяхъ неизбѣжнаго разставанья съ тѣмъ, что казалось такъ трудно оставить за собой. Августѣйшіе путешественники сердечно благодарятъ хедива и прощаются съ нимъ. На дебаркадерѣ вдругъ вспыхиваютъ и разгораются многочисленные бенгальскіе огни. Флаги, ткани, зелень и цвѣты выступаютъ вдоль ярко-озареннаго фасада. Паровозъ медленно приходитъ въ движеніе. Ужъ не сонъ-ли все это было, не сказка-ли «Тысячи и одной ночи»?

Понедѣльникъ, 26 ноября (8 декабря).

Утро. Половина девятаго. Такъ называемая «Terre Pleine», конечный пунктъ рельсоваго пути въ Суэзъ. Наша эскадра виднѣется вблизи. Узкою полоскою тянется къ морю какая-то насыпь, покрытая народомъ; среди воды мелькаютъ домики и деревья; окрестность кажется отчасти искусственнымъ насажденіемъ, вродѣ Портъ-Саида, создавшимся и развившимся исключительно ради канала.

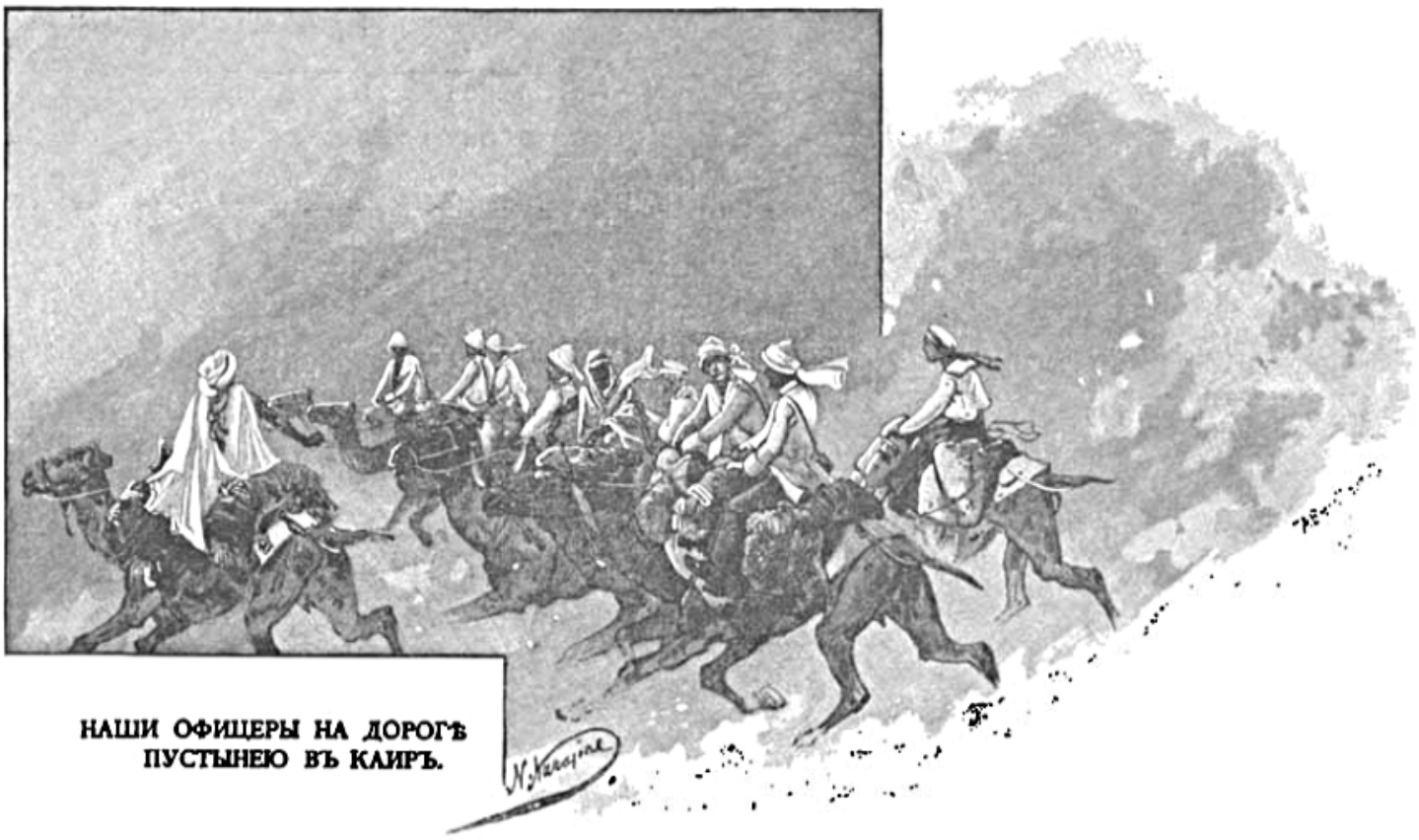
Для встрѣчи Ихъ Высочествъ выстроенъ караулъ отъ мѣстныхъ войскъ. Губернаторъ Мохамедъ Рашидъ-бей, русскій вице-консулъ Коста, консула другихъ государствъ, капитанъ надъ портомъ Уэстонъ-бей и т. д. ожидаютъ прибытія Августѣйшихъ путешественниковъ. Покидая свой экстренный поѣздъ, отличавшійся еще бо́льшимъ комфортомъ, чѣмъ предыдущіе (сегодня ночью египетскіе вагоны впервые освѣщены были электричествомъ; кромѣ того снопы свѣта лились отъ фонаря, прикрѣпленнаго передъ локомотивомъ и озарявшаго, по крайней мѣрѣ, 150 саженей впереди, въ то время какъ разставленные по всей дорогѣ костры тоже ярко освѣщали значительное пространство), Ихъ Высочества милостиво прощаются съ Ріазомъ-пашей (предсѣдателемъ совѣта министровъ, сопровождавшимъ Наслѣдника Цесаревича изъ Каира), съ греческимъ генеральнымъ консуломъ Аргиропуло, съ церемоніймейстеромъ Діа-беемъ и завѣдывавшей ночнымъ движеніемъ высшей желѣзнодорожной администраціей.

При громкихъ крикахъ привѣтствующаго населенія Ихъ Высочества переходятъ по насыпи къ катеру «Памяти Азова». Салюты съ нашихъ судовъ и пришедшаго сюда же изъ Портъ-Саида англійскаго военнаго судна «Scout» до основъ потрясаютъ Суэзское побережье. «Ура» матросовъ, стоящихъ по реямъ, громовыми раскатами встрѣчаетъ Великихъ Князей.

Георгіевскій судовой праздникъ, дома, на родномъ фрегатѣ. День тезоименитства Августѣйшаго мичмана, вернувшагося на свой постъ. Обѣдня, молебенъ въ батарейной палубѣ. Завтракъ въ каютъ-компаніи, за которымъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ

поднимаетъ бокалъ за здравіе кавалеровъ ордена св. Георгія, коихъ представителемъ, за столомъ, является одинъ изъ героевъ послѣдней войны, командиръ «Владиміра Мономаха» капитанъ 1-го ранга Ѳ. В. Дубасовъ.

Оживленный обмѣнъ воспоминаній и впечатлѣній между вернувшимися на фрегатъ и офицерами «Памяти Азова» занимаетъ бо́льшую часть времени до обѣда. Стоянка въ Суэзѣ, въ общемъ хотя и была скучна для послѣднихъ, но дала возможность нѣкоторымъ изъ нихъ совершить любопытную экскурсію на верблюдахъ въ Каиръ, выбравъ старую дорогу пустыней. Наши матросики отпускались на берегъ и, несмотря на то, что тамъ гуляли сотни нижнихъ чиновъ, выпущенныхъ на волю изъ однообразной служебной обстановки, даже англійская печать удостовѣрила добропорядочность ихъ поведенія. Только съ однимъ случилось несчастье. Онъ возвращался по желѣзнодорожному полотну, ведя пьянаго товарища. На встрѣчу шелъ паровозъ. Оттаскивая съ пути нетвердаго на ногахъ



НАШИ ОФИЦЕРЫ НА ДОРОГѢ ПУСТЫНЕЮ ВЪ КАИРЪ.

земляка, бѣдняга самъ былъ задѣтъ локомотивомъ и вскорѣ умеръ въ госпиталѣ. Это — первая и, Богъ дастъ, единственная потеря въ теченіе нашего плаванія на Востокъ.

Двѣ съ половиною недѣли мы будемъ теперь сживаться съ бытомъ нашихъ моряковъ при ихъ самоотверженномъ и продолжительномъ уходѣ на чужбину. Какъ ни ярко горятъ передъ нами картины Египта, какъ ни залетаешь мечтой въ улыбающіеся издали неизвѣстные края, — всетаки душа сладостно отдыхаетъ въ родномъ кружкѣ, подъ сѣнью русскаго стяга, подъ отголосокъ знакомыхъ и радующихъ сердце рѣчей, при отзывчивомъ настроеніи окружающихъ и пониманіи ими каждой дорожной думы, каждаго зародившагося чувства.

Вечеръ близится. Зеленое море мерцаетъ чешуей. Убогій коричневый парусъ арабской ладьи мелькаетъ на окаймленномъ горами заливѣ. Съ египетской стороны высится Джебель Аттака (съ нагими, но красиво изборожденными склонами) — туда, къ Азіи, тянутся горы Синайскаго полуострова. Тамъ изъ-подъ Моисеева посоха брызнула сквозь

каменную грудь живительная влага, тамъ вознесена къ небу твердыня, бывшая какъ-бы престоломъ еврейскаго вождя и мыслителя. Еще задолго до него египтяне строили въ этой же области крѣпости для подчиненія себѣ тамошнихъ кочевниковъ, пользовались Синайскими богатыми копями, врѣзывали въ скалы гіероглифическій слѣдъ своихъ дѣяній и побѣдъ.

Солнце опускается въ волны, сразу темнѣющія и принимающія темнолиловый цвѣтъ, между тѣмъ какъ западныя возвышенности вдругъ кажутся охваченными пожаромъ и расплавленными, а нѣдра ихъ словно состоящими изъ яхонтовъ, рубиновъ и аметистовъ.

Поздно и темно; но на фрегатѣ царствуетъ необычное веселое оживленіе: гости-офицеры наѣзжаютъ съ «Владиміра Мономаха» и «Запорожца». Суда иллюминованы, набережная переполнена народомъ, въ ожиданіи факельнаго шествія съ музыкой, устраиваемаго греческою колоніей.

Вотъ и оно блистательно прошло, вотъ и фейерверкъ, единовременно съ нимъ зажженный, отгорѣлъ надъ погруженною въ темноту густолиственною аллеей.

Въ каютъ-компаніи «Памяти Азова» долго еще не умолкаютъ разговоры, веселье и тосты. Моряки варятъ жженку. Составъ ея довольно загадоченъ и посвященные въ тайны ея изготовленія отмалчиваются, когда ихъ точнѣе распрашиваешь о ней. Крѣпкій напитокъ, впрочемъ, болѣе дѣйствуетъ на вкусъ чѣмъ на голову. Офицеры дружно и радостно окружаютъ сидящихъ съ ними Великихъ Князей. Десятки русскихъ сердецъ бьются однимъ біеніемъ, будучи въ тѣсной непосредственной близости Тѣхъ, чья безопасность и чье благополучіе поручено въ сущности всѣмъ и каждому изъ присутствующихъ. Молодое кипучее оживленіе проникаетъ товарищески обставленную праздничную пирушку. Участвовавшимъ въ ней долго будетъ памятно, какъ разгоралось и закончилось ликованіе на фрегатѣ въ день судоваго торжества.

Вторникъ, 27 ноября (9 декабря).

«Запорожецъ» долженъ возвратиться въ Пирей. Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ лодку, чтобы милостиво проститься съ командиромъ, офицерами и командой, и осчастливилъ ихъ подарками. Нашъ дипломатическій агентъ г. Кояндеръ и вице-консулъ Ивановъ, провожавшіе до Суэза, только-что откланялись. Мы снимаемся съ якоря; какая-то туземная шлюпка съ продавцами, предлагающими фрукты и овощи, торопливо отчаливаетъ отъ фрегата, который сопровождаемый «Владиміромъ Мономахомъ» плавно уходитъ въ широко раздвигающійся заливъ.

Море, по которому финикіяне, рискуя жизнью, устремлялись на очарованный и манящій сокровищами Востокъ, море, по которому эти послѣднія издавна привозились въ Египетъ даже китайскими мореплавателями, это море страшныхъ крушеній и сказочныхъ чудесъ разстилается передъ нами то бирюзовое, то изумрудное. Теперь оно потеряло обаяніе прежней сравнительной недоступности изъ-за коралловыхъ рифовъ и негостепріимно-грозныхъ береговъ. Опасныя мѣста тщательно намѣчены на картахъ, снабжены маяками, требуютъ усиленной бдительности и знаній. Переходъ по нему только томителенъ въ виду жары и однообразія очертаній суши, которая почти никогда не изчезаетъ съ горизонта.

Жуанъ де Кастро, посланный въ 1541 г. португальскими властями изъ Индіи, чтобы уничтожить у Суэза турецкую флотилію, первый изъ европейцевъ ознакомился съ трудностями плаванія въ здѣшнихъ водахъ и составилъ о нихъ обстоятельный отчетъ, впослѣдствіе дорого оцѣненный англичанами. Когда слышишь о мучительномъ зноѣ, испытываемомъ тутъ современными путешественниками, — хотя они окружены комфортомъ, защищены отъ лучей, въ изобиліи снабжены водою и т. д. — невольно спрашиваешь себя, что за выносливостью отличались эллины временъ македонскаго владычества, а потомъ и сподвижники Алмейды, если закованные въ броню, на далеко ненадежныхъ судахъ, они рѣшались довѣряться Красному морю.

Металлическій отблескъ исходитъ отъ раскаленныхъ волнъ. Тишина надъ просторомъ еще явственнѣе проявляется въ этомъ жестокомъ для взоровъ отраженьи. Пустынное гористое пространство виднѣется съ обѣихъ сторонъ нашего пути. Оставъ погибшаго корабля зловѣщею чернотой обрисовывается у безлюдно-угрюмаго побережья. Слѣва, въ лиловой мглѣ, подымается могучій хребетъ; но среди него едва-ли можно съ точностью опредѣлить вершину настоящаго Синая. Краснобурыя скалы торчатъ здѣсь и тамъ: бѣлый, какъ снѣгъ, песокъ вкрапленъ въ ихъ трещины и жилы, струится внизъ по обрывамъ или доползаетъ змѣиными изгибами до обнаженныхъ верхушекъ.

Вечеретъ. Что за дивное изчезновеніе дневнаго свѣтила! Пожалуй, такого великолѣпія еще не было и въ Верхнемъ Египтѣ. Сотни проэрачныхъ облачковъ воспламенились на пріютившей ихъ тверди. И она вспыхнула красками зари, и морская гладь преобразилась, ярко отражая ее. Небо, воды, земля, наши суда и даже лица человѣческія стали золотыми. Позолота вдругъ потускнѣла. Смѣна цвѣтовъ закончилась кровавымъ. Затѣмъ пепельный оттѣнокъ легъ на все окрестъ. Солнце умерло. Отъ его погребальнаго костра остается одна зола. . .

Среда — суббота, 28 ноября — 1 декабря (10—13 декабря).

Жарко! Этимъ словомъ выражается совокупность мыслей и ощущеній въ Красномъ морѣ. Положимъ, градусникъ не показываетъ чрезмѣрно высокой температуры. Но тутъ проявляется лишь несовершенство, съ которымъ люди способны опредѣлять окружающія явленія. На самомъ дѣлѣ зной необычайно силенъ, а главное до болѣзненности чувствителенъ. Отчего такой-же точно горячій воздухъ — напримѣръ, въ Италіи на берегу моря — не дѣйствуетъ столь разслабляющимъ образомъ на организмъ, а здѣсь гнететъ? Отчего только здѣсь, между Аравіей и Африкой (да, пожалуй, еще въ Персидскомъ заливѣ и у Сенегамбіи) жара, одинаковая по числу градусовъ не только съ тропическою, но и съ южно-европейскою, гораздо тягостнѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой части земнаго шара? То, что живописные берега пустынны и безплодны, что никакая рѣка не вноситъ своихъ струй въ это исключительно поставленное море, что наконецъ вѣтру негдѣ разгуляться на просторѣ, — еще не есть объясненіе; а сознаніе, будто находишься подъ свинцовою крышею средневѣковой венеціанской тюрьмы, вполнѣ осязательно и крайне тяжело. Какъ могутъ жить на мѣстныхъ маячныхъ островочкахъ приставленные къ ночнымъ свѣточамъ сторожа (греки, арабы) положительно загадка? Кромѣ безумной скуки, вѣдь должно же ими испытываться и физическое страданіе!

Погода кажется безвѣтренна, но это только кажется. Въ декабрѣ тутъ господствуютъ сѣверные вѣтра; но мы движемся впередъ такъ быстро, что воздушному попутному току воздуха не угнаться за разрѣзающимъ волны фрегатомъ.

Прозвище «Чермнаго», — данное морю туземцами, — хотя и обусловлено цвѣтомъ влаги въ иныхъ мѣстахъ, изъ-за окрашивающихъ ее подводныхъ растеній, — тѣмъ не менѣе красивѣе звучитъ, чѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ, такъ какъ этого оттѣнка путешественники, направляющіеся серединою Красноморскихъ водъ, не замѣчаютъ (развѣ только на зарѣ!).

Мы третій день въ морѣ. Рѣзкія очертанія желтаго Синайскаго хребта давно уже потонули вдали на востокѣ. Джидда, гавань Мекки, привлекающая ежегодно сотни тысячъ богомольцевъ, гдѣ-то по близости, на невидимомъ восточномъ берегу. Зной, которымъ дышетъ просторъ окружающихъ водъ, все усиливается и становится нестерпимымъ.

Нами пересѣченъ тропикъ Рака. Разслабляющій жаръ такъ-сказать проникаетъ все существо человѣка, убиваетъ энергію, ослабляетъ душевную дѣятельность, давитъ и жжетъ. Сначала начинаешь чувствовать отсутствіе аппетита, а затѣмъ является и отвращеніе къ ѣдѣ. Мучительная безсонница или исполненный жестокаго томленья безпокойный сонъ овладѣваютъ ночью, — днемъ же каждый часъ, отданный отдыху, только еще болѣе утомляетъ, только еще болѣе разстраиваетъ. Если взглянешь на море, водная поверхность, подобная разплавленному стеклу, нестерпимо ярко отсвѣчиваетъ въ дневномъ сіяніи. Ослѣпительный блескъ, утомляя взоры, порождаетъ невольное уныніе. Тамъ, на горизонтѣ, виднѣется Аравійская земля; но она не притягиваетъ вниманія, такъ какъ знаешь, что и за гранью тамошнихъ береговъ тянутся такія же ужасающія огненныя пространства, гдѣ солнце поглотило жизнь, гдѣ живутъ и сверкаютъ лишь раскаленные лучи. По временамъ кажется (если на мгновеніе забудешь о неотступно сопутствующемъ и близкомъ «Мономахѣ»), что пучина кругомъ мертва, что нашъ быстроходный фрегатъ не движется, что мы застываемъ въ оцѣпенѣлой влагѣ. Все какъ-будто спитъ подъ какимъ-то тягостнымъ гнетомъ; воздухъ замеръ; почти нечѣмъ дышать; всюду огни, перебѣгающіе по соннымъ волнамъ, точно сверхъестественная сила ихъ вяжетъ и чаруетъ.

Темно. Духота еще невыносимѣе: но мечта, очнувшись отъ удрученности, испытываемой въ теченіе дня, мало-по-малу устремляетъ воздушный полетъ къ звѣзднымъ мірамъ и въ область неизвѣданнаго.

Воды кругомъ преображаются. Новое море... Новыя созвѣздія! Сѣверъ отступилъ далеко назадъ; въ небѣ ясно обозначились причудливо мерцающія линіи Южнаго Креста. Уже второй день не видно Большой Медвѣдицы. Черная твердь, словно засыпанная неисчислимыми свѣтилами, ниже и ниже наклоняется надъ землею т. е. надъ окружающимъ насъ водянымъ просторомъ, просится въ душу и сквозь десятки милліоновъ верстъ льетъ свое неизсякающее алмазное сіяніе. Въ такую ночь забытье прерываемо видѣньями и смутными воспоминаніями. Внезапно и безпричинно пробуждаясь, съ лихорадочною тревогой, сразу не отдаешь себѣ отчета, гдѣ находишься: темная бездна увлекаетъ куда-то впередъ и, опять засыпая, сознаешь лишь одно, что безпомощно падаешь въ нее все глубже и глубже.

Передъ развѣтомъ, окончательно лишившись сна, выходишь на кормовой балконъ или на палубу, въ тщетныхъ поискахъ за свѣжимъ воздухомъ. Все море усѣяно свѣтящимися точками. Молочнаго цвѣта искристый слѣдъ змѣится за «Азовомъ». Невдалекѣ гигантскими мечтами темнѣетъ поспѣвающій за нами «Мономахъ».

Изъ его трубъ вылетаетъ какой-то синій дымъ, въ которомъ вихрятся несмѣтныя, на мгновеніе вспыхивающія искры.

Гдѣ-нибудь на горизонтѣ нѣтъ-нѣтъ и сверкнетъ цвѣтной огонекъ, — словно предупрежденіе далекаго маяка, словно фонарь окутаннаго темнотой встрѣчнаго судна. Но это не люди подаютъ о себѣ вѣсть: тамъ въ дали надъ пучиной всплываютъ или тонутъ неясно сверкающія звѣзды. Онѣ же роятся надъ головой, смотрятся съ купола небесъ въ необъятную влагу, еще какъ-бы насыщенную дневнымъ свѣтомъ, дробятся въ ней, сіяютъ странными переливами блеска — затѣмъ вдругъ начинаютъ блѣднѣть и гаснуть... Утро розовымъ, нѣжнымъ сіяньемъ касается волнъ. Море на нѣсколько минутъ оправдываетъ данное ему прозвище «Краснаго» — потомъ подергивается ровною, спокойною синевою. Кругозоръ раздвигается и опредѣляется вполнѣ. Ликъ солнца сейчасъ покажется надъ зеркально-тихою ширью.

Воскресенье, 2 (14) декабря.

Острова, попадающіеся на пути, поражаютъ безлюдьемъ и угрюмымъ видомъ своихъ коричневыхъ, черныхъ и оранжевыхъ утесовъ. Вулканическія силы оставили тутъ повсюду страшный слѣдъ подземной работы огня.

Съ западной стороны тянется по прежнему гористое африканское побережье. Иныя вершины тянутся въ высь, до удивительной степени уподобляясь пирамидамъ. На востокѣ туманно обрисовывается что-то бѣлое, безформенное. Это — какъ намъ говорятъ — арабскій городъ Мокка, славившійся вывозомъ кофе.

Впереди рѣзко обозначается высокая скалистая твердыня Перима, такъ находчиво занятаго англичанами въ моментъ, когда французы собирались водрузить на немъ свое знамя. Выходъ въ океанъ, Бабъ-эль-мандебскій проливъ, эти «врата горя (или слезъ)» на языкѣ арабскихъ мореплавателей, призывно встаютъ, суля за собою свободу полнаго простора и живительную прохладу.

Мы направляемся въ сравнительно самый узкій изъ двухъ рукавовъ, охватывающихъ англійскій островъ. Пріятный вѣтеръ дышетъ въ лице. Могучее теченье волнуется на встрѣчу фрегатамъ. Материки какъ-бы силятся сблизиться въ послѣдній разъ, разобщаемые природой, отодвигаемые враждебною стихіей.

Парусныя ладьи съ грузами, управляемыя чалмоносцами, мелькаютъ надъ властно всколыхнувшеюся влагою. Онѣ по типу какъ-бы начинаютъ быть переходнымъ звѣномъ къ китайскимъ «джункамъ», имѣя сравнительно низкій носъ и высокую корму. Гдѣ-то сбоку, налѣво, должна находиться французская территорія Шейхъ-Саидъ, откуда — при непреклонномъ намѣреніи стать твердою ногой, создать портъ и укрѣпиться — обладатели его смѣло угрожали бы Периму, пріобрѣли важную угольную станцію и способный развиваться коммерческій центръ съ гораздо бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ лежащій на противоположномъ берегу Обокъ.

Минуя проливъ, мы замѣчаемъ справа пароходъ, попавшій на рифъ изъ-за ошибки въ счисленіи. Около него работаетъ спасательный ботъ и тяжести перегружаются на барки.

«Память Азова» направляется на сѣверо-востокъ и поздно вечеромъ приближается къ Адену. На рейдѣ долженъ ожидать возвращающійся изъ дальняго плаванія крейсеръ «Адмиралъ Корниловъ». Онъ дѣйствительно находится въ глубинѣ залива и показываетъ свои позывные вспышками сигнальнаго огня.

АДЕНЪ.

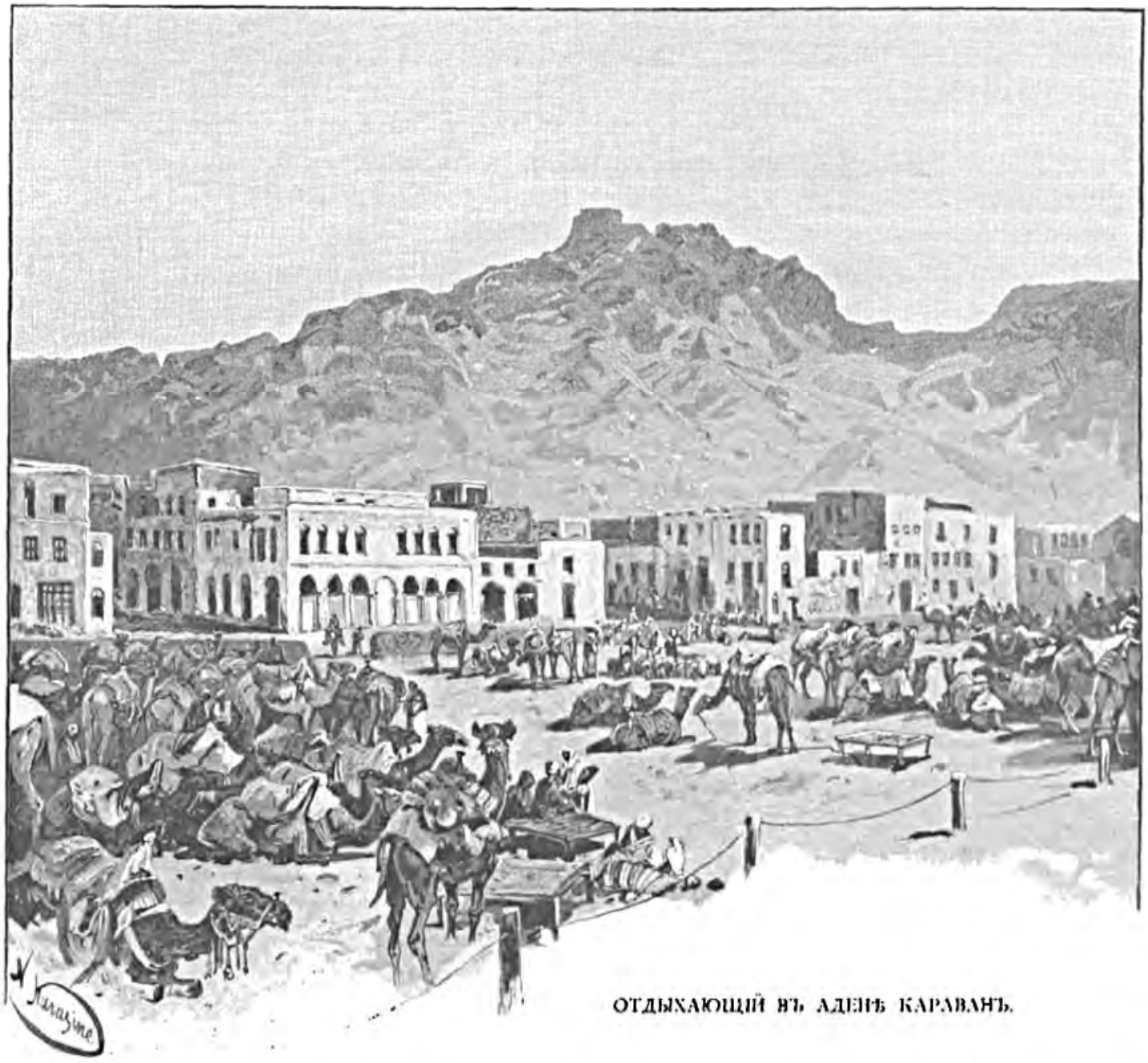
Понедѣльникъ, 3 (15) декабря.

Первый день во владѣніяхъ ея величества королевы Викторіи, и притомъ у города, который былъ первымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ въ ея царствованіе. Раннее утро. Флагъ еще не поднятъ. На фрегатѣ обычная чистка и суета.

Дико-величественныя горныя твердыни (Шамшанъ) подымаются надъ англійскимъ портомъ. Темныя, грозныя, изрытыя мрачными впадинами, онѣ говорятъ о внутреннихъ мукахъ пожираемой пламенемъ земли, выбросившей, наконецъ, на поверхность эти причудливо очерченныя, сухія и безплодныя громады. По одному мусульманскому преданію, гдѣ-то тамъ, на зубчатой вершинѣ, — могила Каина. Ужаснѣе мѣста для нея народная фантазія, видимо, не въ состояніи была пріискать. Съ противоположной стороны желтѣютъ столь же безотрадные и совершенно пустынные пески.

Крошечныя лодочки съ черномазыми мальчуганами (прикрытыми лишь передничкомъ и съ кожанными или желѣзными нарамниками) вертятся и шумятъ около насъ, наполняя воздухъ своими надоѣдливыми предложеніями достать изъ темнозеленой влаги брошенную за бортъ серебряную монетку (мѣдную не различишь въ водѣ). Если ее кинешь, они, на перегонку, по лягушечьи спрыгиваютъ въ море и пропадаютъ въ глубинѣ. Вскорѣ надъ волной появляется улыбающаяся рожица дикаря съ находкой въ бѣлоснѣжныхъ зубахъ. Иногда, въ дракѣ изъ-за нея, какой-нибудь утлый челночекъ, безъискусно выдолбленный изъ древеснаго ствола и управляемый небольшимъ весломъ, опрокидывается вверхъ дномъ. Но для плавающаго какъ рыба туземца это — только забава. Онъ его поворачиваетъ, ладонями вычерпываетъ воду и опять, какъ ни въ чемъ не бывало, разъѣзжаетъ передъ иностранцами, призывая ихъ благотворить его ловкости. Когда дѣлаешь видъ, что не замѣчаешь этихъ тунеядцевъ, они обижаются и начинаютъ скорѣе ревѣть чѣмъ пѣть подъ самыми окнами каютъ, подпрыгивая на своей скорлупѣ, щелкая зубами и ударяя въ тактъ весельными лопаточками. Нѣкоторые шмыгаютъ вокругъ фрегата просто верхомъ на бревнахъ. Дѣти солнца и пучины — мальчики сомалійскаго происхожденія, рождаемые туземными женщинами отъ временно проживающихъ здѣсь африканцевъ, выростаютъ на свободѣ какъ звѣрьки, питаются подаяніемъ, безобидной эксплоатаціей туриста-европейца и тѣмъ, что не боятся опасной близости акулъ. Положимъ, онѣ

отгоняются крикомъ, — положимъ, дальнозоркіе пловцы издали замѣчаютъ отвратительнаго врага, но все же гибель отъ него возможна и случается. Хорошо еще, если чудовище отхватитъ лишь руку или ногу. Изувѣченные маленькіе дикари тогда преспокойно продолжаютъ выгодное ремесло водолазовъ: недостаетъ однако, по остроумному выраженію одного французскаго писателя, чтобы отрѣзанная оконечность у нихъ постепенно отростала, точно лапка у пострадавшаго омара.



ОТДЫХАЮЩІЙ ВЪ АДЕНѢ КАРАВАНЪ.

Раздастся обычная утренняя команда: «флагъ поднять!» Звуки музыки оглашаютъ палубу «Памяти Азова». Тихій рейдъ сразу преображается. Громъ салютовъ, начиная отъ произведеннаго съ «Адмирала Корнилова», безумолчно перекатывается по морю до горъ и, отпрядывая отъ нихъ, наполняетъ окрестность оглушительнымъ эхомъ.

Аденскій губернаторъ (или точнѣе политическій резидентъ) со свитой пріѣзжаетъ на фрегатъ представиться Наслѣднику Цесаревичу. Затѣмъ Августѣйшіе путешественники отправляются на встрѣтившій Ихъ русскій крейсеръ (подъ командой капитана 1-го ранга Е. И. Алексѣева), гдѣ Его Императорское Высочество изволитъ произвести смотръ.

Оффиціальный съѣздъ на берегъ. Пристань разубрана флагами и тканями. На привѣтственной аркѣ съ надписью по русски: «Царевичу» — признаки тощей зелени. Власти встрѣчаютъ Гостей подъ навѣсомъ вродѣ шатра. Противъ выхода изъ него выстроенъ длинный почетный караулъ, а за нимъ, вдоль и вверхъ по скаламъ, живописнѣйшими, чрезвычайно эффектными группами расположились туземцы. Подъ ослѣпительными солнечными лучами, вскарабкавшись на голые утесы, удобно размѣстившись по коричневымъ камнямъ, они пестро скучились надъ крутизной — точно отдыхающія отъ полета диковинныя морскія птицы надъ затерянным въ океанѣ островкомъ. Кого только нѣтъ! Тутъ видны представители различныхъ народностей отъ Индіи до Занзибара и до почти недоступныхъ пустынь Аравіи: ея сыны съ огненными вдумчивыми очами и горделивою осанкой, стройные и могучіе сомали съ волосами, натертыми известкою и словно посеребренными или же окрашенными въ красный цвѣтъ, дюжіе негры, абиссинцы и всякіе африканцы съ падающими имъ на лобъ и на щеки густыми змѣйчатыми прядями, огнепоклонники-парсы изъ Бомбея, индусы-купцы джайнскаго толка (т. е. исповѣдующіе религію, по духу сродную буддизму) и т. д.

Надъ англійскимъ Аденомъ рѣзко и звучно гремитъ «Боже, Царя храни!» Пройдя по фронту почетнаго караула, Августѣйшіе путешественники — въ сопровожденіи губернатора и другихъ лицъ администраціи, конвоируемые индійскими копѣйщиками (въ красныхъ чалмахъ, темной одеждѣ и высокихъ сапогахъ) на небольшихъ ретивыхъ лошадяхъ — направляются со свитою къ туземному городу, отстоящему отъ европейскаго на восемь верстъ. Отличная, но лишенная тѣни дорога ведетъ туда, слегка извиваясь въ гору, гдѣ амфитеатромъ раскинулся потухшій кратеръ внушительной величины. Множество темноликихъ полицейскихъ въ желтыхъ головныхъ уборахъ со значками «А. Р.» разставлено на нашемъ пути, по которому поминутно попадаются пыльные ослики-водоносы, проворныя козы и овцы съ курдюками, перегруженные мулы и сухопарые верблюды. Послѣдніе мѣстами лежатъ цѣлымъ усталымъ караваномъ среди огромнаго занятаго вьюками двора или на площади. Въ угрюмыхъ рамкахъ окружающаго пустыря, недвижные и безобразные, они похожи на какихъ-то ископаемыхъ тварей неизвѣстнаго періода, неизслѣдованной эпохи.

Разныя строенія (фабрика для изготовленія льда, опрѣснители, гигантскіе угольные склады) тянутся здѣсь и тамъ параллельно побережью. Потомъ уже по сторонамъ дороги скучиваются крытыя цыновками хижины съ высыпавшимъ на улицу населеніемъ, состоящимъ въ данную минуту преимущественно изъ бабъ и нагихъ ребятишекъ. Это — гавань Маала, служащая туземцамъ. Яркое море съ арабскими каботажными судами (багала) стелется за нею, мерцая переливающимися оттѣнками. Дорога круче. Скалистыя твердыни суровѣе вблизи. Узкія врата ведутъ укрѣпленіемъ къ непроходимому съ виду ущелью. Очутившись въ тѣснинѣ, почти не замѣчаешь неба надъ собой. Стража отдаетъ честь. Спускъ за нимъ выводитъ на сравнительно ровную дорогу. Передъ глазами развертывается совершенно неожиданная картина оживленнѣйшаго восточнаго города, съ готическимъ храмомъ слѣва на возвышеніи, толпами народа, сбѣгающагося взглянуть на Великихъ Князей, бѣлыми домами арабской архитектуры, къ которымъ мы подъѣзжаемъ, и, что поразительнѣе всего, мрачными глыбами застывшей лавы надъ единственною въ своемъ родѣ окрестностью.

Дальше, наряду съ грязными жилищами, виднѣются довольно опрятныя лавки. Зеленыя узорчатыя заслонки оконъ, террассы, переполненныя тучными негритянками и статными бронзовыми женщинами библейскаго типа, масса перекликающихся людей, которые

стремятся вслѣдъ за экипажами, — все вмѣстѣ взятое представляетъ любопытное зрѣлище. Но едва-ли не любопытнѣе еще тотъ самый пунктъ земнаго шара, куда сегодня прибыли Ихъ Высочества. Мало мѣстъ достойно бо́льшаго вниманія съ культурно-исторической точки зрѣнія.

Аденъ уже съ глубокой древности славился своимъ торговымъ положеніемъ; о немъ, можетъ быть, упоминается въ книгѣ Іезекіиля (XXVII, 23) при обозначеніи мѣста (Эденъ), откуда купцами привозилизь на Западъ цвѣтныя восточныя ткани съ изящнымъ шитьемъ и ящички изъ кедроваго дерева. Находясь на южномъ берегу Счастливой Аравіи, сопредѣльно съ нынѣшнею провинціею Іеменъ, на пути, такъ сказать, коммерческаго и культурнаго общенія полуденныхъ и полуночныхъ странъ, Аденъ издавна долженъ былъ быть извѣстенъ и египтянамъ, и китайскимъ мореплавателямъ. Съ наступленіемъ нашей эры исторія его становится яснѣе. Въ IV-мъ столѣтіи императоръ Констанцій присылаетъ сюда пословъ для сооруженія христіанскихъ храмовъ. Когда же окружающіе язычники начали тѣснить христіанъ, то Аденомъ и смежною съ нимъ частью материка на нѣкоторое время завладѣли абиссинцы, понуждаемые къ тому стремленіемъ оказать помощь единовѣрцамъ. Затѣмъ край переходитъ въ руки персовъ-огнепоклонниковъ, потомъ къ мусульманамъ. Переходя сперва изъ-подъ власти халифовъ одной династіи подъ власть халифовъ другой, Аденъ въ X-мъ вѣкѣ сталъ процвѣтать подъ управленіемъ собственныхъ имамовъ. Торговля съ Индіей и Небесной имперіей (а косвенно черезъ Египетъ и съ Европой) крѣпла и развивалась. Но будучи лакомымъ кусочкомъ для болѣе или менѣе могущественныхъ сосѣдей, мѣстность постоянно мѣняла владыкъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ португальцы снарядили довольно значительную экспедицію, дабы овладѣть Аденомъ. Въ Свѣтлое воскресенье 1513 г. европейцы устремились на приступъ, однако съ большимъ урономъ были отбиты туземцами. Обладаніе свободолюбивымъ городомъ казалось, между прочимъ, желательнымъ и для египетскихъ мамелюковъ, и для ихъ враговъ-турокъ, и для португальскаго короля, такъ какъ въ то время на юго-западѣ Азіи разыгрывалась грандіозная борьба христіанскаго міра съ тамошнимъ кореннымъ, за право стать твердою ногой на индійскихъ и индо-китайскихъ побережьяхъ. При Сулеймане Великолѣпномъ турецкая флотилія хитростью овладѣла Аденомъ. Подойдя къ нему, она высадила на берегъ часть

ТУЗЕМНЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

матросовъ, подъ предлогомъ, что они — тяжело больные. Правитель Адена былъ приглашенъ на адмиральскій корабль, предательски схваченъ и повѣшенъ. Тѣмъ временемъ, захвативши городъ врасплохъ, завоеватели устроились въ немъ, прикрывшись сотнею пушекъ и достаточнымъ гарнизономъ. Хотя жители Адена и передались вскорѣ вслѣдъ затѣмъ португальцамъ, но высланный съ эскадрой изъ Египта Пери-паша снова захватилъ Аденъ и еще надежнѣе его укрѣпилъ. Въ теченіе десятковъ лѣтъ подданные царьградскаго падишаха не церемонились съ наѣзжавшими европейцами, арестовывали ихъ и даже бросали въ тюрьму появлявшихся здѣсь съ судами командировъ-англичанъ.

Постепенно турецкое вліяніе вездѣ въ Іеменѣ ослабѣло и край, перейдя по прежнему въ управленіе родныхъ имамовъ, сталъ терпѣть отъ внутреннихъ неурядицъ. Аденъ находился преимущественно въ рукахъ маленькаго арабскаго султана (округа Лахеджъ, племени Абдали, на которое, какъ на сравнительно маловоинственный родъ, нападали полудикіе разбойники-сосѣди, грабившіе при этомъ Аденъ). Подъ предлогомъ установленія порядка въ этой мѣстности, англійское правительство въ 1839 г. выслало сюда десантъ изъ 700 человѣкъ съ десятью пушками и захватило городъ. Важный торговый центръ, нѣкогда славившійся богатствомъ и многолюдіемъ, полъ-вѣка назадъ былъ найденъ занявшими его европейцами въ состояніи крайняго упадка и обѣдненія. Со свойственной имъ энергіей и дѣловитостью англичане быстро подняли значеніе Адена. Сначала жители ближайшихъ частей Аравіи сильно тяготились сосѣдствомъ «невѣрныхъ». Какой-то фанатикъ сталъ даже противъ нихъ проповѣдывать священную войну. Арабы пытались произвести нападеніе, но все это ни къ чему не привело и, когда англійское правительство назначило абдальскому вождю ежегодное жалованье, то неудовольствіе мало по малу улеглось. За извѣстную, ежегодно выдаваемую сумму ближайшіе къ Адену туземцы согласны давать пропускъ направляющимся сюда караванамъ. Такъ съ тѣхъ поръ и дѣлается: слѣдуя подобной же осмотрительной политикѣ на неспокойныхъ границахъ, могущественный народъ въ сущности платитъ дань мелкимъ племенамъ. Между тѣмъ, когда подумаешь о грозныхъ укрѣпленіяхъ, мимо которыхъ мы ѣхали изъ порта за кряжъ, отдѣляющій его отъ материка, когда скажешь себѣ, что орудій, направленныхъ на послѣдній, достаточно для отраженія дисциплинированныхъ войскъ, не говоря уже о полудикихъ арабахъ, — предупредительность аденскихъ властей, по отношенію къ инородцамъ-разбойникамъ, безъ сомнѣнія, характерна и поучительна.

Если вѣрить даннымъ одной недавно написанной и весьма разумной книги Поля Бонетэна (Bonnetain) о дальнемъ Востокѣ, туземное толпящееся теперь вокругъ насъ населеніе охотно переселилось бы отсюда въ Шейхъ-Саидъ, захоти только французское правительство твердо тамъ утвердиться и парализовать стратегическое значеніе Перима. Правда, у новаго центра пришлось бы искусственно создавать коммерческій портъ, а у Адена онъ по природѣ существуетъ отъ вѣка. Городу словно предопредѣлено быть въ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ его засталъ, напримѣръ, Марко Поло.

Лошади идутъ въ гору. Широкая котловина сдвигается намъ на встрѣчу. Предстоитъ осмотрѣть знаменитые такъ-называемые «tanks», грандіозные водоемы для храненія драгоцѣнной дождевой воды, спадающей съ возвышенностей при крайне рѣдкихъ здѣсь ливняхъ. Сооруженія эти ведутъ свое начало чуть-ли не съ VII вѣка, когда краемъ правили персы Сассанидской эпохи. Высказывалось даже предположеніе, что цистерны существовали уже при царѣ Соломонѣ (т. е. три тысячи лѣтъ назадъ) и что именно тутъ находилась неподдающаяся до сихъ поръ опредѣленію страна Офиръ, откуда въ Палестину доставлялись всякія драгоцѣнности Востока.

Передъ водохранилищами (къ слову сказать, почти лишенными воды отъ продолжительнаго бездождія) разбитъ садъ, если вообще такимъ именемъ можно назвать немногочисленныя насажденія, чахнущія въ пыли и жарѣ.

Передъ нимъ — арка съ привѣтственной надписью («Welcome to the Czarewitch»). Ихъ Высочества выходятъ изъ экипажа. Наслѣднику Цесаревичу подносится букетъ. Мало дающая тѣни дорожка довольно круто подымается вверхъ. Странно бросаются въ глаза надписи по-англійски и французски: «запрещается рвать цвѣты», когда съ виду растительность вообще здѣсь скорѣе отсутствуетъ. Но бѣдность аденской флоры, говорятъ, искупается ея оригинальностью. Ботаники, будто-бы совершенно искренно, интересуются ею и находятъ среди этихъ выжженныхъ скалъ около ста разновидностей.

Вотъ и знаменитые водоемы, въ нынѣшнемъ столѣтіи дошедшіе до полнаго упадка и съ большими затратами возстановленные англійскимъ правительствомъ. Они расположены одинъ надъ другимъ, соединены между собою, занимаютъ цѣлое дикое ущелье, уходящее въ горную высь. Воды въ цистернахъ очень мало, да онѣ, кажется, и наполняются-то разъ

ДОРОГА ИЗЪ ГАВАНИ ВЪ ТУЗЕМНЫЙ АДЕНЪ.

въ нѣсколько лѣтъ. Туземцы ею пользуются, но она гадка на вкусъ. Европейцы поэтому не пьютъ ни ее, ни ту колодезную воду, которая отчасти проведена, отчасти привозится для продажи изъ степи, а прибѣгаютъ къ заведеннымъ въ Аденѣ превосходнымъ опрѣснителямъ.

Мы ѣдемъ назадъ къ морю, избравши только болѣе дальній путь вдоль кряжа, опоясаннаго укрѣпленіями. Часовые и пушки, пушки и часовые постоянно обрисовываются по сторонамъ. Зычные звуки трубъ провожаютъ здѣсь и тамъ проѣздъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Синева залива сверкаетъ за уступами твердынь и обрывами. Экипажи затѣмъ углубляются въ душный и сѣрый тунель, тускло освѣщенный сверху вонючими керосиновыми лампами, и вскорѣ спускаются къ порту, откуда началась экскурсія.

До возвращенія на нашъ фрегатъ, который запасается углемъ, рѣшено принять завтракъ въ губернаторскомъ домѣ (Residency) и обѣдъ на крейсерѣ «Адмиралъ Корниловъ».

Направляясь къ первому, ѣдешь съ горы на гору.

Зданіе, отведенное представителю власти, — типичное индійское «bungalow», какихъ намъ придется увидѣть еще великое множество: одноэтажная постройка съ плоскою крышей на столбахъ и широкими верандами вокругъ просторныхъ и прекрасно обставленныхъ комнатъ. Въ нихъ царитъ легкій полумракъ, потому что цыновки, закрывающія фасадъ, вмѣстѣ со свѣтомъ пропускали бы черезчуръ много пыли и зноя.

Кромѣ свиты Великихъ Князей, къ завтраку приглашены старшіе офицеры и администраторы города. Аденъ въ сущности принадлежитъ уже Индіи, подчиненъ Бомбею, служитъ ей мѣстомъ ссылки. Всѣ разговоры вращаются около тэмъ, относящихся до нашего путешествія въ страну, гдѣ большинство собесѣдниковъ долго служило. Хозяинъ тамъ провелъ полъ жизни и убилъ, между прочимъ, огромное количество тигровъ.

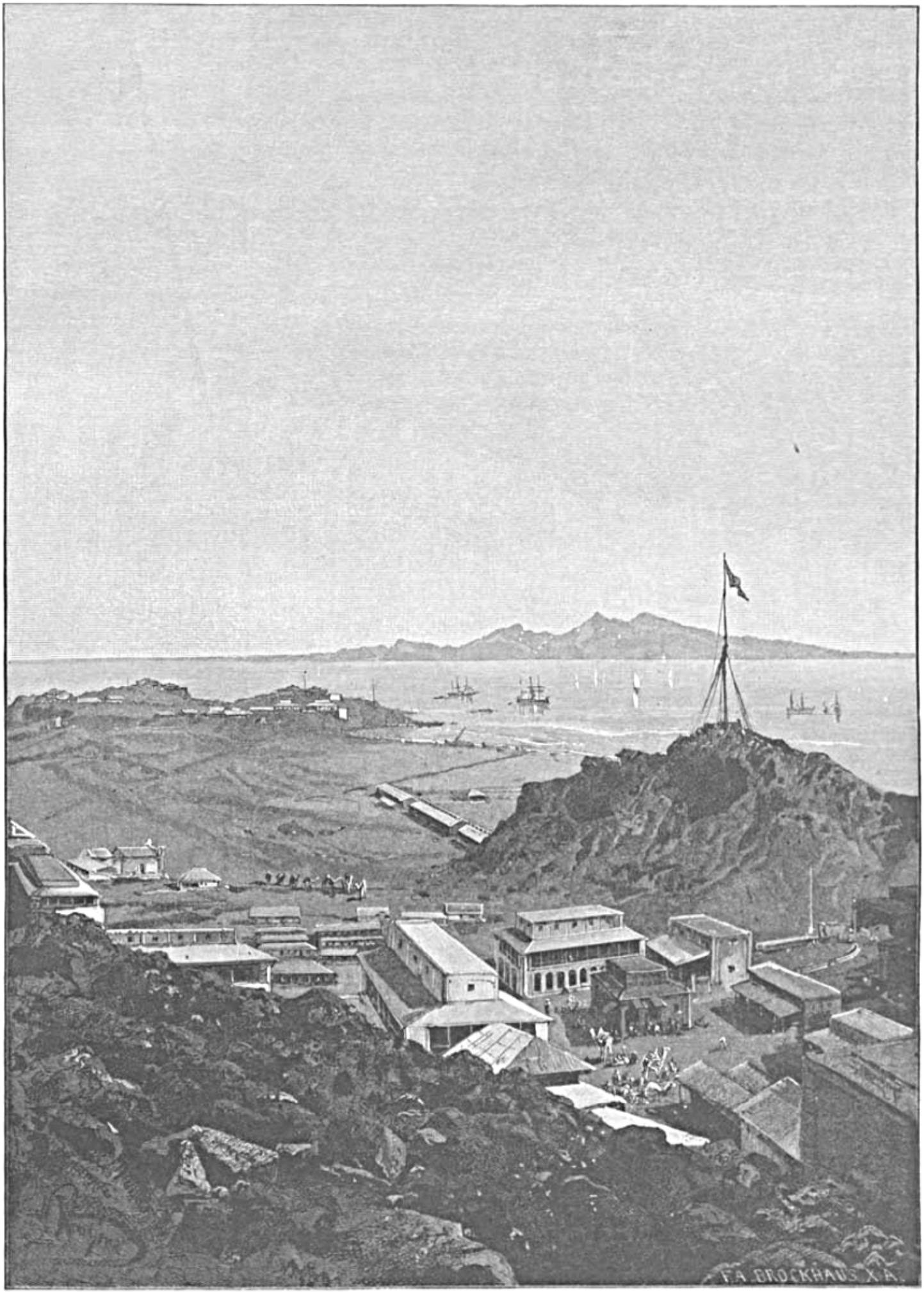
Туземные слуги въ чалмахъ, восхитительная прохлада, навѣваемая «панкою» (своего рода вѣеромъ, состоящимъ изъ обтянутой матеріею длиннѣйшей доски, повѣшанной высоко надъ серединой стола и приводимой слугами въ постоянное движенье), рѣчи новыхъ знакомыхъ, въ которыхъ слышится столько любопытныхъ и яркихъ подробностей о втягивающемъ въ себя Востокѣ, — все будитъ въ душѣ странное чувство удовлетворенія при видѣ этого Востока въ двухъ шагахъ отъ насъ.

Простившись съ семьей губернатора и пройдя по фронту выстроеннаго передъ домомъ почетнаго караула, Ихъ Высочества возвращаются на рейдъ.

Палуба и орудія наряднаго крейсера положительно блестятъ отъ бѣлизны и чистоты. Властное распоряженіе: «командѣ разойдтись!» только-что прогремѣло. Августѣйшіе посѣтители спускаются до обѣда въ свѣтлое и, несмотря на просторность кормовыхъ каютъ, чрезвычайно уютное и богато снабженное книгами помѣщеніе капитана Е. И. Алексѣева. «Адмиралъ Корниловъ» — его дѣтище въ полномъ смыслѣ слова, такъ какъ, пока онъ строился во Франціи, будущій командиръ самолично вникалъ во всѣ подробности созданья броненосца. Характерная красота послѣдняго, совершенно отличная отъ присущей болѣе грандіознымъ и строгимъ съ виду фрегатамъ «Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ», сразу бросается въ глаза какъ что-то новое и еще незнакомое.

Естественная радость служащихъ на крейсерѣ чувствовать себя соединенными съ эскадрой подъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича усугубляется присутствіемъ Ихъ Высочествъ (между прочимъ и сына обожаемой нашими моряками королевы Эллиновъ) среди офицеровъ, которымъ еще такъ неизгладимо памятно прошлогоднее плаваніе Наслѣдника Цесаревича по Средиземному морю на «Адмиралѣ Корниловѣ» передъ его уходомъ во Владивостокъ. Объ этихъ чувствахъ, проникающихъ и каютъ-компанію, и всю команду, капитанъ Алексѣевъ оченъ сердечно выражается во время обѣда, позволивъ себѣ, съ бокаломъ въ рукѣ, предложить встрѣченный громомъ привѣтствій тостъ за Е. И. В. Наслѣдинка Цесаревича.

Столъ накрытъ на палубѣ. Благодаря легкому вѣтерку, приходишь понемногу въ себя отъ обычной дневной жары. Лихо, хватая за сердце, льются пѣсни матросскаго хора. Темное небо сливается съ тихо вздыхающими океанскими волнами. Адская панорама Адена потонула въ тьмѣ. Забываешь, что отъ Россіи отдѣляетъ уже цѣлая бездна, что разстояніе



АДЕНЪ.

отъ дома все ростетъ и становится ужасающимъ: задушевные звуки родныхъ напѣвовъ развѣяли тоску, заглушаютъ невольную внутреннюю тревогу, заставляютъ погрузиться въ чисто стихійный порывъ беззавѣтнѣйшаго веселья, на которое вездѣ и всегда, даже въ самыя тяжелыя жизненныя минуты, способенъ только русскій человѣкъ. Зажигающій нѣгу въ груди, плѣнительный для слуха строй нашихъ простонародныхъ пѣсенъ дрожитъ въ ночномъ воздухѣ, яркимъ отголоскомъ будитъ въ насъ молчавшія струны, наполняетъ сердца слушателей и томленіемъ, и жалостью, и разудалой огненной жаждой извѣдать неизвѣданное.

. . . Отзвенѣли мощные, почти дикіе всплески пѣсенныхъ волнъ. Ихъ Высочества простились съ офицерами и молодцеватой командой крейсера. Катеръ отвалилъ по направленію къ «Азову». По бортамъ покидаемаго броненосца загораются бенгальскіе огни. Причудливо озаренныя фигуры обозначаются вдоль борта «Корнилова». Оглушительное, несмолкающее, напутственно-дружное «ура» гремитъ вслѣдъ Царскимъ Сыновьямъ.

Вторникъ, 4 (16) декабря.

Эскадра ждетъ прибытія новаго фельдъ-егеря на слегка запоздавшемъ пассажирскомъ пароходѣ. Пора сняться съ якорей. Въ виду громадности перехода въ Индію, не мѣшало бы имѣть въ запасѣ побольше времени.

ПРИБРЕЖНЫЕ ЖИТЕЛИ АДЕНА.

Лодки съ продавцами окружаютъ фрегатъ. Это — преимущественно крайне типичные евреи, появившіеся на здѣшнемъ побережьи чуть-ли не со временъ Соломона или, согласно другой версіи, нѣзжающіе сюда съ Малабарскаго берега. Ихъ спеціальность — покупка и сбытъ необдѣланныхъ страусовыхъ перьевъ. Кромѣ того, около судовъ снуютъ еще и продавцы кораловъ, раковинъ, плетеныхъ корзиночекъ, цыновокъ съ Мадагаскара, львиныхъ шкуръ и проч. Два грека привозятъ на «Память Азова», чтобы показать Августѣйшимъ путешественникамъ, выброшенное прибоемъ морское чудище странной формы и величины, вѣроятно, занесенное теченіями откуда-нибудь изъ антарктическихъ странъ.

Послѣ полудня наконецъ приходитъ желанный пароходъ съ везущимъ вѣсти изъ Россіи.

Фрегаты покидаютъ Аденъ. По мѣрѣ того какъ онъ скрывается за горизонтомъ, все суровѣе становятся парящія надъ океаномъ, какъ-бы отрѣшенныя отъ земли, зубчатыя фантастическія вершины сопредѣльныхъ городу скалистыхъ острововъ.

Среда, 5 (17) декабря.

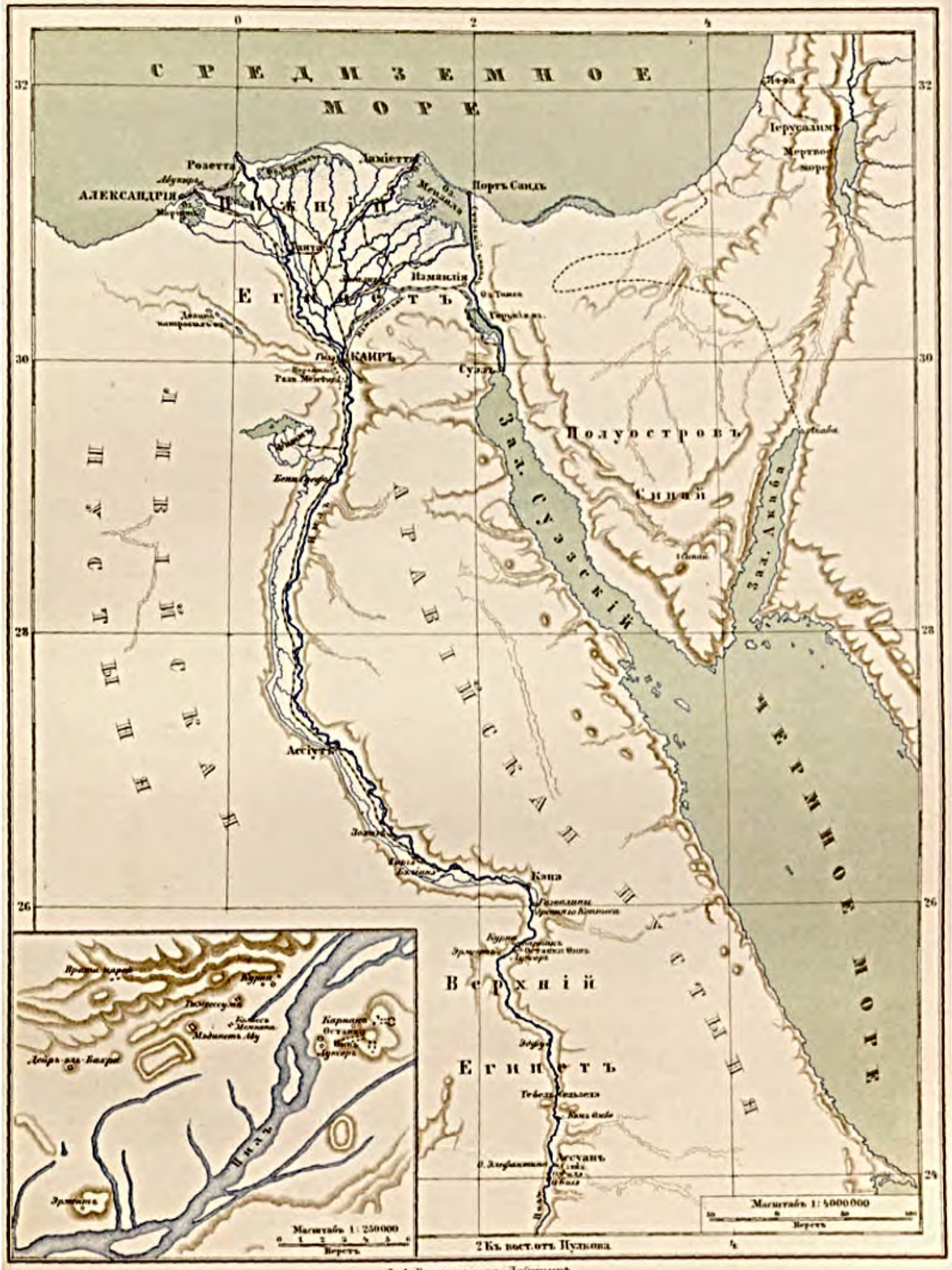
Время поздно къ вечеру. Завтра день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, которое всѣ совершающіе знаменательное плаванье отпразднуютъ на пути въ Бомбей, идя полнымъ ходомъ къ берегамъ плѣнительной страны, издревле притягивающей и чарующей чужеземцевъ. Радостно дышется среди морскаго приволья. Свѣжія, негаданныя силы закипаютъ въ груди. Какъ-то неизбѣжно проникаешься сознаньемъ нашей внутренней сплоченности и мощи на этомъ постепенно разширяющемся для ока окрестномъ пространствѣ, пожираемомъ быстрымъ бѣгомъ русскихъ военныхъ судовъ. Ночь не страшна впереди. Еще не проснувшаяся въ своихъ хрустальныхъ чертогахъ утренняя заря словно чувствуется въ предразсвѣтномъ мракѣ.

Небо янтарное въ тающей мглѣ отдаленья....
Искры всходящаго солнца на сонныхъ водахъ...
Краски вечерней зари при лучахъ торжества, возрожденья...
Отблескъ живой красоты на далекихъ прибрежныхъ горахъ.
Лаской зажегъ
Алый востокъ
Южную ясную твердь и загадочно-тихое море.

Ширь необъятнаго моря съ волшебной улыбкой привѣта...
Еле бѣгущія волны подъ грудью нѣмой кораблей...
Свѣтлый, глубокій просторъ надъ равниной лазури и свѣта...
Тайна великой Любви надъ блаженствомъ зыбей.
Отзвукъ какой-то невнятной священной печали
Есть въ неземныхъ голосахъ призывающей дали.

Даль голубая все выше и глубже манитъ:
Еле шумѣвшія волны давно отшумѣли,
Краски румяной зари отошли, отгорѣли, —
Алое утро изчезло, но день-самодержецъ царитъ:
Брызги огня ниспадаютъ съ вершины престола,
Рдѣютъ въ спокойныхъ волнахъ выраженьемъ Иного Глагола —
Яркой молитвой природы въ сліяньи съ Творцемъ.

ЕГИПЕТЪ.



Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигъ.

БОМБЕЙ И ЭЛЕФАНТА.

Полуденныхъ ночей дыханье огневое,
Кочующихъ валовъ движенье вѣковое,
Спокойный звѣздный блескъ — мятежный бѣгъ зарницъ. . .

Океанъ дышетъ. Гладкая поверхность неоглядныхъ водъ слабо и ровно вздымается озаренная свѣтомъ небесъ, отчужденная отъ далекой земли, невозмутимо-спокойная подъ одноцвѣтной лазурью. Кто не видалъ моря таковымъ, кто не чувствовалъ его соннаго жизненнаго трепета, кто не всматривался въ безбрежье простора и не вслушивался въ лѣнивую жалобу потревоженныхъ въ ихъ дремотѣ и засыпающихъ за кормою струй, — тотъ не знаетъ моря, тотъ не могъ его полюбить и къ нему привязаться, тому недоступно пониманіе многихъ божественныхъ красотъ окружающаго насъ міра. Если гдѣ-нибудь человѣкъ сознаетъ себя безконечно малымъ передъ Всевышнимъ, если гдѣ-нибудь изъ тайниковъ души зарождается незыблемое молитвенное упованіе, если гдѣ-нибудь смертный проникается благоговѣніемъ къ сверхъестественной мощи, разлитой въ косномъ по существу своему веществѣ, — такъ это главнымъ образомъ возможно и мыслимо при продолжительномъ плаваніи океаномъ, и притомъ не въ тѣ только дни, когда онъ взволнованъ, необузданъ и великъ, но лишь когда въ него смотрится Создатель съ проникнутой Его сіяньемъ тверди. Въ эти мгновенья небо и море — одно цѣлое. Никакой разладъ не омрачаетъ ихъ свѣтлаго союза. Богъ — въ огнѣ лучей. Ясная влага отразила въ себѣ необъятный куполъ вселенной.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Августѣйшій Братъ Великій Князь Георгій Александровичъ находятся на пути въ Бомбей. Время на фрегатѣ «Память Азова» проходитъ хотя и медленнѣй чѣмъ при постоянныхъ разъѣздахъ на сушѣ, тѣмъ не менѣе однако незамѣтно. Однообразный характеръ ежедневныхъ впечатлѣній нимало не утомляетъ, а даже даетъ нѣкоторый отдыхъ и духовнымъ, и физическимъ

силамъ, которыя въ Египтѣ были столь долго напряжены. Уже съ утра, просыпаясь задолго до подъема флага, ощущаешь потребность тотчасъ же, поднявшись на палубу или выйдя на кормовой балконъ, отдаться созерцательному настроенью. Неизмѣнно тождественный кругозоръ, — отмѣченный исключительно присутсвіемъ двухъ русскихъ фрегатовъ-конвоировъ, — и чаруетъ, и приковываетъ взоры. Легкія насыщаются цѣлебнымъ воздухомъ. Сердцу тѣсно въ груди. Душа такъ и рвется за эти грани невѣдомаго морскаго пространства, — ей бы только и рѣять по глубинамъ радостно улыбающагося поднебесья, — ее само собою тянетъ къ темному сказочному дну неизмѣримаго океана, гдѣ спятъ сномъ тысячелѣтій и грезятъ будущимъ туманнымъ пробужденьемъ запутанные въ густыхъ водорослях, населенные диковинными тварями, не знающіе ни прошедшаго, ни настоящаго материки.

СПЯЩІЕ МАТРОСЫ ВЪ ЖАРУ.

Еще рано. Въ каютъ-компаніи почти никого не видно. Только старшій офицеръ Оскаръ Адольфовичъ Энквистъ занялъ свое традиціонное мѣсто во главѣ безконечнаго, занимающаго цѣлую залу стола. Юркіе вѣстовые почти неслышно скользятъ по ней взадъ и впередъ, поминутно откликаясь на зовъ изъ окружающихъ ее жилыхъ помѣщеній: одинъ тащитъ воду, другой щетку, третій подносъ. Электрическіе звонки трещатъ немилосердно. Мягкій, глухой шумъ разсѣкаемыхъ волнъ, въ связи съ плавнымъ покачиваніемъ и рѣдкимъ вздрагиваніемъ идущаго усиленнымъ ходомъ броненосца, — отрывочныя рѣчи, доносящіяся съ верхней палубы сквозь открытые люки, — возбуждающіе нервную систему токи свѣта, движенія и жизни, которыми проникнутъ нашъ морской гигантъ, — все это воспринимается и переиспытывается какъ-то единовременно: и ново, и старо, и ощущается точно въ первый разъ, и давно знакомо.

Офицеры понемногу собираются къ утреннему чаю. Изъ буфета рѣзче долетаетъ громыханье посудой. Слитный судовой гулъ и звонъ становятся явственнѣе. Восемь часовъ. Всѣ торопливо устремляются наверхъ. Подъ звуки музыки, надъ кормой торжественно взвивается флагъ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца.

Въ столовой Наслѣдника Цесаревича, — которая помѣщается рядомъ съ кабинетомъ Его Императорскаго Высочества, въ кормовой части батарейной палубы, надъ каютъ-компаніей, — за утреннимъ чаемъ собранъ кружокъ лицъ, постоянно окружающихъ Августѣйшаго путешественника. Онъ Самъ, выйдя изъ опочивальни, обыкновенно проводитъ съ ними время до завтрака (до 12 ч.). Адмиралъ и командиръ занимаютъ за столомъ мѣсто около Великаго Князя. Прямо противъ Цесаревича, на противоположномъ концѣ стола — обычное мѣсто князя Барятинскаго. Въ промежуткѣ садятся Михаилъ Константиновичъ Ону, докторъ

ОРКЕСТРЪ НА ФРЕГАТѢ.

Рамбахъ, кн. Кочубей и Волковъ, кн. Оболенскій и я.

Необыкновенно похожіе портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, Престолонаслѣдника, Августѣйшаго генералъ-адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича и кромѣ того картина Наваринскаго сраженія украшаютъ довольно просторную каюту, служащую столовой, — съ которой мы такъ свыклись, изъ которой открывается такой восхитительный и грандіозный видъ на море.

Когда во время завтрака или обѣда наверху гремитъ музыка, панка мѣрно колышется надъ столомъ и обдаетъ сидящихъ прохладой, — въ эти минуты доступный отсюда широкій кругозоръ какъ-бы еще властнѣе раздѣляется, царственная обстановка пріобрѣ-

таетъ особую прелесть, путешествіе не только ощущается, но и развертывается по бокамъ панорамою неопредѣлимыхъ по оттѣнкамъ цвѣтовъ, играющихъ на поверхности неизмѣримаго водянаго простора. Это ясно видишь и сознаешь днемъ, — но въ темнотѣ, при полномъ почти отсутствіи освѣщенья извнѣ, окружающій тревожный мракъ представляется чѣмъ-то таинственнымъ. Окрыленный, точно сверхъестественною силою, фрегатъ врѣзается въ него, летитъ надъ ночной бездной, вноситъ въ нее и насъ, спокойно разговаривающихъ, безъ недоумѣнія вглядывающихся въ даль, и веселое общество офицеровъ, въ каютъ-компаніи подъ нами, откуда слышатся звонкіе молодые голоса, и сотни недавно разобравшихъ свои койки усталыхъ матросиковъ, засыпающихъ праведнымъ сномъ въ далекихъ моряхъ чужбины.

Послѣ утренняго чая, а также и послѣ завтрака Наслѣдникъ Цесаревичъ обыкновенно проходитъ или къ себѣ въ кабинетъ, или на кормовой балконъ, уставленный удобными сидѣньями или, — въ случаѣ вѣтра, волненья и чрезмѣрнаго зноя, — въ расположенную между столовой и этимъ балкономъ небольшую такъ-сказать «библіотеку», снабженную массивнымъ столомъ, узенькими диванчиками и книжными полками.

Сюда выходятъ двери каютъ адмирала, командира, М. К. Ону, Оболенскаго и Волкова (князь Барятинскій помѣщается за столовой, параллельно съ каютами Его Императорскаго Высочества, а докторъ, Кочубей, Гриценко и я живемъ внизу, около офицеровъ).

Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій Греческій, въ качествѣ несущихъ морскую службу совершенно наравнѣ съ прочими лейтенантами и мичманами, находятся, почти смежно съ каютъ-компаніей, въ маленькихъ каютахъ кормовой части фрегата. Отсюда есть трапъ наверхъ въ библіотеку. Ихъ Высочества въ свободное время подымаются черезъ нее къ Наслѣднику Цесаревичу. Тѣмъ же путемъ преимущественно поддерживается и постоянное сообщеніе нашихъ нижнихъ каютъ съ верхними.

Незадолго передъ полуднемъ Августѣйшему путешественнику приносятся на пробу матросскія щи. Старшій боцманъ присутствуетъ при томъ, когда Великій Князь изволитъ отвѣдать поданной Ему горячей пищи.

Къ столу Наслѣдника Цесаревича, на завтракъ и обѣдъ, поочередно приглашаются по три лица изъ числа офицеровъ «Азова». Августѣйшій мичманъ и королевичъ Георгій обыкновенно завтракаютъ и обѣдаютъ въ каютъ-компаніи, раздѣляя трапезу Брата только въ очередь, наравнѣ съ другими сослуживцами.

Время отъ часа до спуска флага проходитъ у насъ въ чтеніи, писаньи писемъ, бесѣдахъ и т. п. Дни чередуются съ такою лихорадочной быстротой, что ихъ почти не замѣчаешь и тщетно стараешься продлить (отчасти ради отдыха, отчасти съ цѣлью глубже подготовиться къ предстоящему большему путешествію по Индіи).

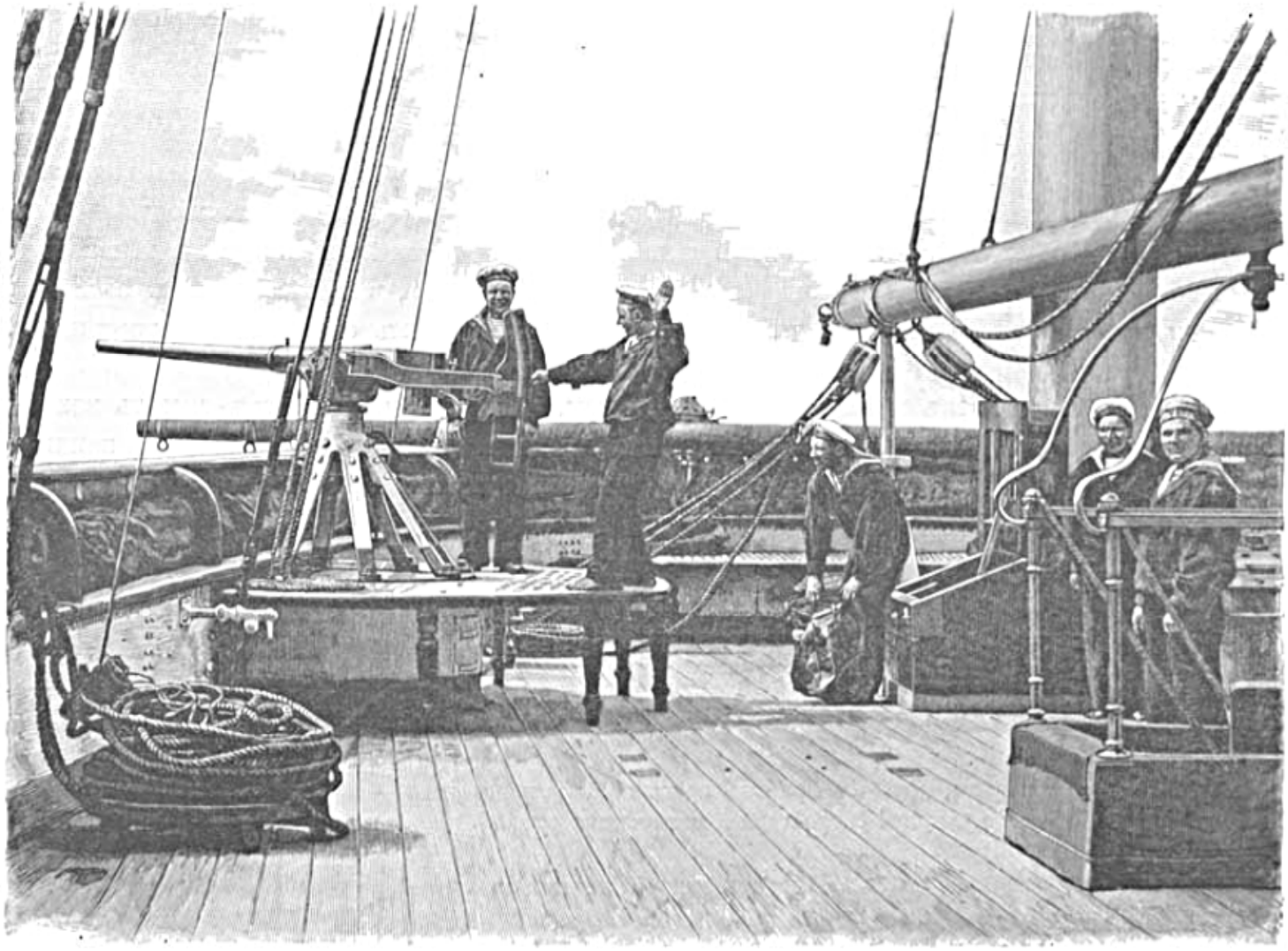
Наслѣдникъ Цесаревичъ изволитъ проводить почти каждый вечеръ въ каютъ-компаніи, гдѣ часто, далеко за полночь, звучитъ оживленная бесѣда, смѣхъ и говоръ воодушевляютъ молодежь, часъ за часомъ проходятъ какими-то свѣтлыми сновидѣніями.

За все время перехода въ Бомбей самымъ выдающимся событіемъ надо считать празднованіе эскадрою 6-го декабря 1890 г. Оно начинается съ умиляющаго утренняго богослуженія, въ батарейной палубѣ, передъ судовымъ образомъ Георгія Побѣдоносца. У аналоя — мощная фигура іеромонаха Филарета, невольно напоминающая о временахъ

Куликовской битвы, когда св. Сергій благославлялъ на брань съ врагами подобныхъ же русскихъ иноковъ — богатырей. Слѣва отъ алтаря — часовой, а немного подальше — хоръ пѣвчихъ. Справа — ходъ въ прилегающія къ кормѣ каюты Августѣйшаго именинника и Его свиты.

Около сложенныхъ музыкантами «Азова» инструментовъ — Ихъ Высочества, а по бокамъ — тѣсная толпа соучастниковъ плаванія, съ безконечнымъ числомъ матросовъ позади.

Открытое бирюзовое море развертывается по сторонамъ отъ насъ, за грозными приставленными къ борту орудіями.



ПРИ ОРУДІЯХЪ «ПАМЯТИ АЗОВА».

По окончанію службы производится салютъ по уставу, поднимаются стеньговые флаги и на обоихъ конвоирахъ Великокняжескаго фрегата одновременно обозначаются поздравительные сигналы, на которые Наслѣдникъ Цесаревичъ приказываетъ отвѣтить благодарностью и пожалованьемъ командамъ по чаркѣ водки. Такъ какъ, по случаю дня тезоименитства Его Императорскаго Высочества, къ завтраку приглашены всѣ офицеры «Азова», — то столы накрыты на ютѣ подъ живописнѣйшимъ зыбкимъ шатромъ изъ всевозможнѣйшихъ флаговъ какой-угодно національности. Это причудливо-пестрое убранство оставлено до ночи неприкосновеннымъ, потому что (послѣ обѣда, на которомъ по волѣ Наслѣдника Цесаревича присутствовали всѣ офицеры-именинники) участники плаванія опять собрались, въ восхитительной обстановкѣ полуденнаго торжества, пить чай

и смотрѣть на устраиваемое нижними чинами представленіе. Для потѣхи разыгрывается извѣстный «Царь Максиміліанъ», весьма странный трагикомическій и въ значительной степени сатирическій сюжетъ, котораго русскими матросами давно уже заимствованъ откуда-то изъ иностранныхъ флотовъ, радикально переработанъ нашими балагурами на новый ладъ, традиціонно передается изъ экипажа въ экипажъ, занесенъ даже въ столь отдаленныя мѣста, какъ Сургутъ на Оби, гдѣ эта пьеса считается въ обществѣ средствомъ отъ скуки.

Два «дѣда» съ длиннѣйшими искусственными бородами усѣлись на палубѣ, въ качествѣ музыкантовъ. Одинъ за однимъ стали подходить и говорить какія-то довольно неясныя, но всетаки по тону смѣшныя рѣчи (въ стихотворной формѣ), актеры одѣтые въ фантастически-мишурное платье военно-морскаго покроя, съ коронами на головѣ, при эполетахъ и орденахъ. По афишѣ узнаешь, что тутъ смѣшаны роли лицъ, повидимому не имѣющихъ, да и не могущихъ имѣть между собою ничего общаго. «Король Мамай», «Аника-воинъ», «Венера», «Змѣй-уланъ», «непокорный сынъ Адольфъ», «палачъ Брамбеусъ» (сильно смахивающій по внѣшности на кухоннаго мужика), «скороходъ-фельдмаршалъ», «докторъ-лекарь, онъ же и аптекарь», самъ «Максиміліанъ» (въ исполненіи нижняго чина Нестеренки), «смерть» въ простынѣ, «гусаръ», «арабъ» и т. д. зычными голосами, на распѣвъ, о чемъ-то заявляютъ, стучатъ холоднымъ оружіемъ и сапожищами, даже сражаются.

Передъ появленіемъ центральнаго лица пьесы, являются актеры, такъ-сказать возвѣщающіе объ его приближеніи. Для образца незатѣйливыхъ фразъ, забавляющихъ придвинувшуюся къ исполнителямъ толпу нижнихъ чиновъ, можно привести нѣкоторые случайные отрывки.

Входитъ казакъ.

Здравствуйте, друзья! Прибылъ донской казакъ сюда —
Скоро будетъ присяжный гусарикъ сюда.

Входитъ гусаръ.

Здравствуйте, друзья! Прибылъ присяжный гусарикъ сюда —
Ожидайте, друзья! скоро царя Максимильяна сюда.

Входитъ царь Максиміліанъ.

Здорово, друзья! За кого вы меня принимаете:
За Царя Русскаго, или Наполіона французскаго,
За короля шведскаго, или султана турецкаго?
Но нѣтъ, я — не Царь Русскій,
Не Наполіонъ французскій,
Не король шведской,
Не султанъ турецкой —
Изъ дальнихъ русскихъ странъ
Прибылъ грозный царь Максимильянъ.
Но не затѣмъ я къ вамъ прибылъ: пропалъ у меня сынъ Адольфъ 3 года...
Фу, что я вижу передъ собой! Для кого сей честнѣйшій тронъ
Такъ великолѣпно сооруженъ?
Не для меня-ли, царя Максимильяна?

Хоръ поетъ.

Для царя Максимильяна.

Онъ.

Я на сей честной тронъ сяду,
Всякъ встрепещетъ моего взгляду;
Поставлю пажей около трона
И буду судить по закону:
Винныхъ и невинныхъ, правыхъ и неправыхъ.
Но, если я не въ правѣ разсужу, то подыми меня орелъ подъ небеса,
Занеси меня орелъ за американскіе острова, и т. д. и т. д.

Злоупотребленіе цитатами изъ того, что говорится на спектаклѣ, было-бы, конечно, неумѣстно.

Фабула болѣе чѣмъ туманна; но наше благодушное настроеніе — въ позднемъ сумракѣ, среди тихо вздыхающаго океана — далеко не требовательно. Видъ «Мономаха» и «Корнилова», эффектно иллюминованныхъ электрическими лампами, — причемъ на передней мачтѣ перваго ярко свѣтится вензель Августѣйшаго именинника, а второй преображенъ въ огненный сверхъестественный корабль, — искусный подборъ пѣсенниковъ изъ команды «Азова», разнообразящихъ вечеръ звучными напѣвами, все вмѣстѣ взятое радуетъ, и бодритъ, и освѣжаетъ. Живой навѣсъ изъ цвѣтныхъ тканей слегка вздувается надъ головами сгруппировавшихся на ютѣ. Громадныя по ширинѣ, совершенно низкія волны слабо раскачиваютъ могучій, неукротимый въ своемъ бѣгѣ фрегатъ. Русская удаль бьетъ и кипитъ въ заунывной прелести иныхъ пѣснопѣній. На сердцѣ такъ сладко, и больно, и хорошо, что и конца-бы не хотѣлъ видѣть этой ночи съ ея говоромъ водъ, блескомъ огней, токомъ дружныхъ бесѣдъ и журчаньемъ замирающихъ пѣсенъ. . .

Шестой день въ морѣ. Эскадра уже близко отъ береговъ Индіи. По разсчету моряковъ «Азовомъ» въ общемъ пройдено, начиная съ Тріеста, весьма краснорѣчивое число миль, т. е. много свыше четырехъ тысячъ, и притомъ отъ одного Суэза, въ 10 сутокъ — три тысячи, почти заразъ, съ небольшимъ отдыхомъ въ Аденѣ.

Незамѣтная сперва качка усиливается. Океанъ всколыхнулся. Пустынное пространство окрестъ оживляется мало по малу маленькими парусными судами, смѣло разрѣзающими просторъ по направленію на западъ. И подумаешь, что подобныя же ладьи издревле служили однимъ изъ важнѣйшихъ звеньевъ между европейскимъ міромъ и странами дальняго Востока!

Въ небѣ — цѣлыя гряды облаковъ, передъ закатомъ окаймляемыхъ пурпуромъ и золотомъ, которые также ложатся на нѣжно-сиреневыя волны. Отражаясь въ нихъ, солнце воспламеняетъ эти первыя и, обращаясь въ какіе-то воздушные чертоги, нѣкоторыя наслоенія положительно кажутся лучезарными гриднями языческихъ боговъ. Море внезапно темнѣетъ. Полосы желтаго свѣта бѣгутъ отъ утопающаго дневнаго свѣтила и затѣмъ, какъ только оно скрылось, изъ розоватой мглы на мгновенье пробиваются зеленыя краски. Такъ-бы и воскликнулъ словами Тютчева:

Помедли, помедли вечерній день!
Продлись, продлись очарованье!

При восходѣ луны, широкая стезя стелется отъ нея по водному простору и какъ-будто снова теряется въ темной необъятной тверди: не такими-ли таинственными путями задумчивыя пери восходятъ до порога недоступныхъ имъ райскихъ жилищъ? Серебрянная ночь. . . Затканныя звѣздами волны. . .

«Мы завтра въ Индіи!» и сонъ бѣжалъ очей:
Я тщетно ждалъ ее въ ночи благоуханной —
Въ багряномъ золотѣ проснувшихся лучей
Встрѣчается заря съ землей обѣтованной, —
Гдѣ чарами любви овѣянъ небосклонъ,
Но страсть побѣждена тоской неизъяснимой,
Гдѣ ярко свѣтитъ жизнь, но все — какъ-будто сонъ
И дышетъ красотой, какъ смерть неотразимой.
Страна безумныхъ грезъ и окрыленныхъ думъ!
Призывно ты встаешь изъ синей бездны моря, —
Томительно звучитъ его унылый шумъ,
Разладу странныхъ чувствъ въ усталомъ сердцѣ вторя.
Предъ нами Индія!.. и святость, и покой
Здѣсь грезились мужамъ, презрѣвшимъ наслажденья:
Отъ вѣка ихъ народъ хранитъ все тотъ-же строй
И жаждетъ Божества, свободы, искупленья.
На рубежѣ земной печали и небесъ, —
Когда отъ долгихъ мукъ душа окаменѣла, —
Волшебный этотъ край зоветъ насъ въ міръ чудесъ,
Гдѣ область вѣчныхъ тайнъ и мудрость безъ предѣла.

Вторникъ, 11 (23) декабря 1890 г.

Восьмой часъ утра. Неопредѣленныя тѣни на востокѣ словно говорятъ объ индійскихъ пальмовыхъ лѣсахъ и довольно давно уже потерянной изъ виду землѣ.

Вершина какой-то дальней горы, похожая на обелискъ, выплываетъ изъ сумрака, гдѣ должны находиться знаменитыя естественныя твердыни западной Индіи — Гхаты. Новый Пронгскій маякъ высоко обрисовывается надъ самымъ южнымъ предмѣстьемъ Бомбея — надъ Колабою. Красивая цѣпь острововъ открывается прямо передъ нами. Черная непроницаемая туча еще не развѣявшагося утренняго тумана налегла на берегъ, съ сѣверо-запада, и съ одной стороны, слѣва, значительно застилаетъ видъ. Русская эскадра, замедляя ходъ, величаво направляется — кильватерною колонной, замыкаемою «Корниловымъ» — въ широкую гавань, гдѣ ей предстоитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма продолжительная стоянка. Три глухихъ береговыхъ выстрѣла возвѣщаютъ, что мы замѣчены.

До входа на рейдъ «Память Азова» принимаетъ лоцмана. Оказывается, что мѣстныя власти давно уже ждутъ появленія нашихъ почему-то ожидавшихся къ десятому судовъ. Такъ какъ часъ прибытія не дозволяетъ торжественному съѣзду на берегъ совершиться въ раннюю пору, до наступленія дневной жары, которая тутъ даже зимой достигаетъ двадцати градусовъ въ тѣни по Реомюру — то, очевидно, это обстоятельство нѣсколько испортитъ намъ первыя впечатлѣнія въ Индіи. Впрочемъ, и не взирая на него, сознаніе непосредственной близости Бомбея — такой шагъ впередъ въ области гигантскаго путешествія, что съ души незамѣтно скатывается бремя раздумья и сомнѣнья: тамъ, за синѣющими хребтами отдаленья — дѣвственный край Махабхараты и Рамаяны, прежнія владѣнія мужественныхъ и свободолюбивыхъ маратовъ, сокрушенное пришельцами царство Моголовъ и архитектурно-скульптурныя отраженья неувядающей старины!

Низкія ряды зданій, какіе-то склады и мастерскія тѣсно сдвигаются на плоскомъ и невзрачномъ городскомъ побережьѣ. Только башня выдвинувшейся къ морю церкви ап. Іоанна, въ память павшихъ при первомъ неудачномъ походѣ въ Афганистанъ, возносится надъ принявшимъ ихъ военнымъ кладбищемъ, около котораго, по словамъ путеводителя «Murray», ничего лучшаго не нашли помѣстить какъ домъ умалишенныхъ. Справа, словно

для контраста, возвышенные острова становятся все живописнѣе и живописнѣе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если человѣчество издревле чувствовало притягательную силу этихъ безподобныхъ по красотѣ горныхъ мысовъ и бухтъ, дѣлало ихъ средоточіемъ миѳическихъ преданій и окутанныхъ тайнами святилищъ, манило въ этотъ свѣтлый просторный заливъ утлыя ладьи средневѣковыхъ мореплавателей, а также и отважныхъ морскихъ разбойниковъ, вившихъ себѣ орлиныя гнѣзда на сосѣднихъ крутизнахъ. Съ приходомъ европейской цивилизаціи, — вражды или презрѣнья къ туземной культурѣ, утилитарныхъ воззрѣній на Божій міръ, дальнобойныхъ орудій и пара, — обаянье Бомбея едва-ли увеличилось. По крайней мѣрѣ, подплывая къ нему, скорѣе рисуешь въ воображеніи то, что было, чѣмъ то, что есть.

Вереница большихъ красно-синихъ бакановъ обозначаетъ избранный эскадрою фарватеръ. Съ востока и далеко на сѣверъ бѣлѣетъ множество рыбачьихъ парусовъ. Нѣкоторые недвижно замерли у прибрежныхъ обрывовъ. Очертанія одного острова, затонувшаго въ густой листвѣ, напоминаютъ спину верблюда.

Дымъ отъ салютовъ начинаетъ куриться здѣсь и тамъ. Испуганныя чайки кружатъ близь Царскихъ броненосцевъ. Почти черная облачная завѣса, сползавшая на городъ съ сѣверо-запада, все еще упорно держится въ моментъ нашего приближенія.

Говорятъ, тутъ есть не мало батарей на скалахъ. Два монитора съ вращающимися башенками составляютъ также главную силу обороны. Какой-то «устричный утесъ» (Oyster rock) защищаетъ будто-бы входъ на рейдъ. Но въ обступающей насъ трепетной мглѣ, при отвѣтѣ русскихъ орудій англійскимъ привѣтственнымъ выстрѣламъ, окрестность не ясна. Отчетливѣе прочаго обрисовываются лишь мачты и трубы стоящихъ на якорѣ судовъ. Мы — въ классической Гептанезіи Арріана, у ряда соединенныхъ нынѣ другъ съ другомъ острововъ, на которыхъ выросъ и создался современный огромный Бомбей, угрюмо сѣрѣющій намъ на встрѣчу.

Половина девятаго. Лоцманъ указываетъ намъ мѣсто якорной стоянки.

Командиръ королевскаго военнаго судна «Turquoise» — капитанъ Бракенбури (Brackenbury), какъ старшій на рейдѣ, за отсутствіемъ англійскаго адмирала, немедленно пріѣзжаетъ съ визитомъ на «Память Азова». Вслѣдъ затѣмъ съ берега являются представиться Государю Наслѣднику Цесаревичу назначенные состоять при Его Особѣ на все время пребыванія въ Индіи: извѣстный и у насъ писатель (авторъ книги «Russia»), искусный дипломатъ и бывшій секретарь прежняго индійскаго вице-короля лорда Дэффферина, сэръ Дональдъ Мэкензи Уолласъ, превосходно знающій по-русски, и полковникъ Бенгальской арміи Джерардъ, сопровождаемый двумя типичными туземными офицерами.

Въ половинѣ десятаго пріѣзжаетъ со свитой, засвидѣтельствовать свое почтеніе, Бомбейскій губернаторъ лордъ Гаррисъ. Въ одиннадцатомъ часу назначенъ оффиціальный, и притомъ окончательный съѣздъ на берегъ. Мы, по крайней мѣрѣ недѣль на пять, разстаемся съ дорогимъ «Азовомъ». Въ суетѣ дорожныхъ приготовленій не отдаешь себѣ вполнѣ яснаго отчета, что эти многіе дни въ сущности достанутся тяжелою цѣной страшнаго переутомленія, — не столько физическаго, какъ духовнаго, — что обратно къ эскадрѣ вернешься совершенно другимъ человѣкомъ, отъ подавляющаго разнообразія воспринятыхъ впечатлѣній. Въ сухопутное путешествіе снаряжается маленькій кружокъ, гораздо меньшій чѣмъ по Нилу. Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій

Александровичъ, чувствуя себя нездоровымъ, остается на фрегатѣ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Греческій изволятъ отправиться (въ Бомбей и дальше) съ кн. Барятинскимъ, М. К. Ону, докторомъ Рамбахомъ, тремя гвардейскими офицерами-ординарцами, акварелистомъ Гриценко и авторомъ этой книги.

Ранѣе чѣмъ потеряться среди чарующей новизны, ожидающей насъ черезъ нѣсколько минутъ, естественно хочешь собраться съ мыслями относительно побережья, на которое приходится ступить, и возстановляешь въ памяти всѣ тѣ весьма скудныя историческія данныя о немъ, которыя вообще въ Европѣ какъ-то мало извѣстны и затеряны въ сочиненіяхъ черезчуръ спеціальнаго характера.

До своего подъема на степень перваго по торговлѣ города въ Индіи, съ ежегодными оборотами въ 800 милліоновъ рублей, Бомбей долго былъ сравнительно маловажнымъ пунктомъ. Древніе мѣстные цари, кажется, цѣнили его и прилегающіе острова не столько за выгодное приморское положеніе, сколько за обиліе пальмъ. Въ XIV вѣкѣ францискан-скій монахъ Одорикъ Матіушъ (по происхожденію чехъ, выдающійся путешественникъ, едва-ли не равный Марку Поло) попытался насадить христіанскую вѣру въ этомъ районѣ, гдѣ сѣмена ея упали уже со втораго столѣтія нашей эры.

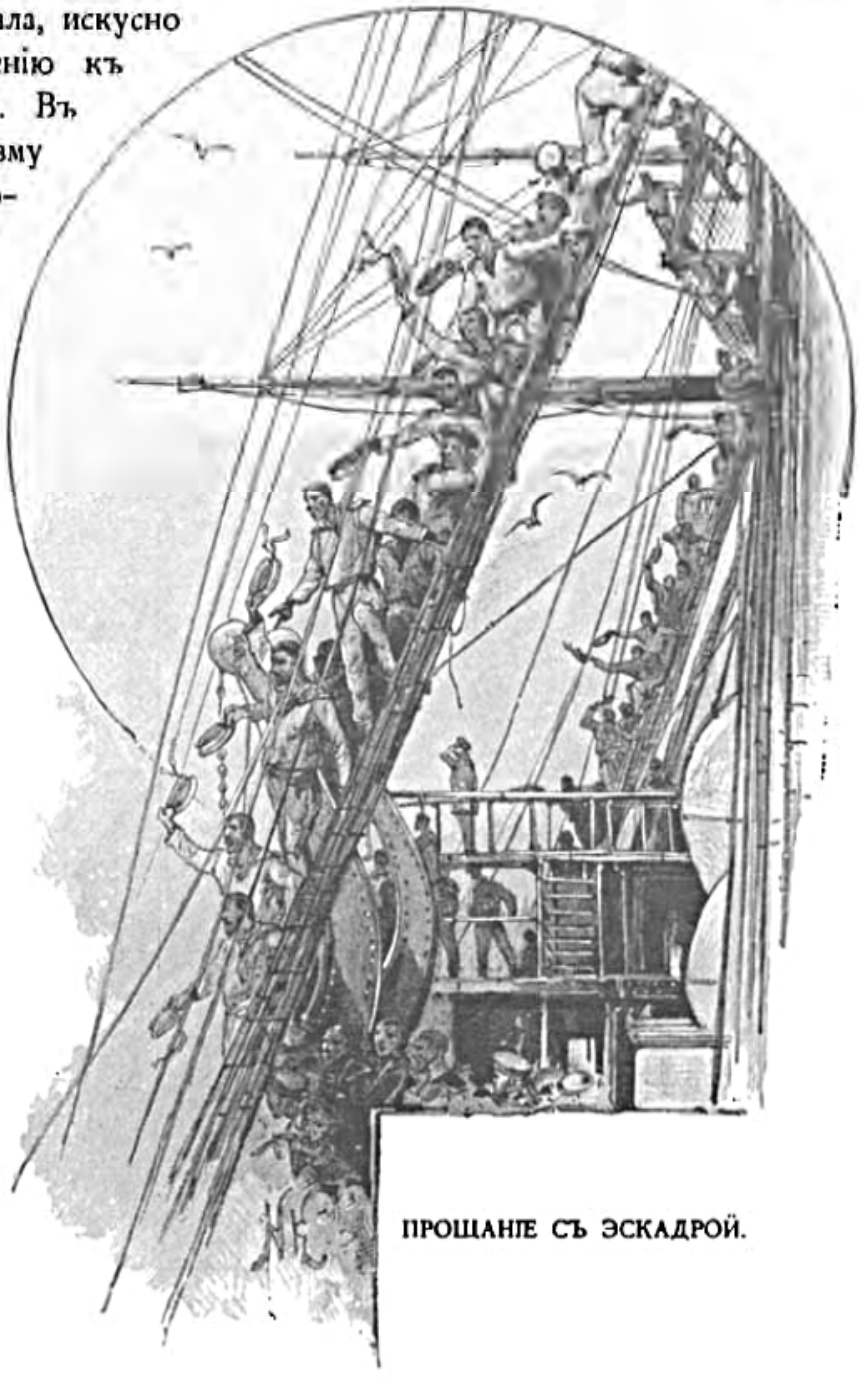
Въ первой половинѣ XVI столѣтія здѣсь начали селиться португальцы. Они воздвигали часовни на холмахъ и проводили къ нимъ тропинки для богомольцевъ. За неимѣніемъ стекла въ окна вставлялась прозрачная скорлупа гладко отполированныхъ раковинъ. «Ilha da boa vida» (островъ благоденствія) прозвано пространство, гдѣ теперь раскинутъ городъ, получившій современное искаженное маратское наименованіе отъ храма въ честь богини Мумбай (изъ санскритскаго Махима, «великая мать», супруга Шивы). Туземцы выговариваютъ Мамбэ или Бамбэ. Это слово ничего не имѣетъ общаго съ португальскимъ прозвищемъ «bom bahia» (отличная гавань).

Въ XVII вѣкѣ англичане стремятся къ обладанію Бомбеемъ, нѣсколько разъ безуспѣшно нападаютъ и наконецъ, получивъ его въ качествѣ приданаго Екатерины Браганцской, видятъ въ своихъ рукахъ центръ съ десятитысячнымъ населеніемъ, состоящимъ преимущественно изъ рыбаковъ и всякаго бѣглаго сброда. Изъ-за жестокой холеры оно внезапно таетъ. Мараты, особенно въ лицѣ своего знаменитаго князя Сиваджи и могущественнаго пирата Ангрія, въ теченіе 90 лѣтъ угрожаютъ гавани у входа. Потомки послѣдняго долго страшны даже и туземцамъ, а на европейскія военныя суда прямо охотятся, забирая ихъ въ плѣнъ. Голландцы тоже готовы напасть. Флотилія Могола, подъ начальствомъ адмирала — абиссинца, прямо ею овладѣваетъ на нѣсколько мѣсяцевъ и только усиленныя просьбы передъ императорскимъ дворомъ на сѣверѣ спасаютъ европейскую факторію отъ погрома. Съ португальцами — постоянные нелады, хотя при передачѣ мѣста присутствовалъ даже ихъ вице-король, посланный сюда въ 1662 г. съ эскадрою эрля (графа) Мальбору (Marlborough). Она страшно дорого обошлась казнѣ и потеряла изъ-за климата четыре пятыхъ команды.

Положеніе дѣлъ лишь медленно улучшается съ того времени, когда королевское правительство, тяготясь чрезмѣрными расходами, сопряженными съ обладаніемъ Бомбея, заблагоразсудило продать его эксплоатацію богатѣвшей тогда Остъ-индской компаніи. Будучи отрѣзаннымъ отъ материка, соединеннаго съ нимъ прилегающими островами, которые еще находились въ чужихъ рукахъ, англичане далеко не чувствуютъ себя твердо обосновавшимися въ своемъ новомъ колоніальномъ пріобрѣтеніи, да кромѣ того еще вынуждены платить сосѣдямъ весьма значительныя деньги за право ввоза товаровъ во внутреннюю Индію и вывоза оттуда. Нѣкоторыя неожиданныя обстоятельства въ сильной

степени помогаютъ новымъ хозяевамъ Бомбея. Напримѣръ, мараты такъ ожесточенно враждовали съ Моголомъ, что помѣшали его флоту захватить этотъ важный и для нихъ же самихъ опасный островъ, — голландская многочисленная эскадра непремѣнно-бы имъ овладѣла, не приди ему на помощь французская, т. е. военныя суда той именно націи, которая когда-то пользовалась громаднымъ престижемъ на Востокѣ и вліяніе которой тамъ убито именно Англіей. Потеряй тогда послѣдняя Бомбейскую гавань, — карта Индіи XVIII вѣка могла получить совершенно иной видъ.

Остъ-индская компанія, сначала, искусно повела здѣсь политику по отношенію къ туземному населенію этой мѣстности. Въ противоположность узкому фанатизму португальцевъ, насильственно распространявшихъ христіанство, англичане съ полной вѣротерпимостью стали воздѣйствовать на инородцевъ, предоставляя имъ наивозможно бо́льшую долю самоуправленія, не обременяя ихъ податями и т. д. Хотя Бомбей вскорѣ сдѣлался административнымъ центромъ тогдашнихъ британскихъ владѣній, откуда моремъ направлялись удары на обширную торговлю Могола и даже сіамскаго царя, — директора компаніи, засѣдавшіе въ Лондонѣ, радѣя исключительно о непосредственныхъ денежныхъ прибыляхъ, почти не заботились объ укрѣпленіи молодаго города, о платѣ наемнымъ солдатамъ и т. п. Только благодаря высокому патріотическому настроенію наѣзжавшихъ сюда (съ туманной родины) искателей наживы и приключеній, Бомбей уцѣлѣлъ, окрѣпъ, обратился въ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ пунктовъ во владѣньяхъ королевы. Въ концѣ XVII в. самымъ выдающимся губернаторомъ былъ Онжье (Aungier) изъ французской семьи гугенотовъ-эмигрантовъ. Онъ особенно гуманно относился къ туземцамъ и даже, будучи пуританиномъ, шире смотрѣлъ на вопросы свободы совѣсти чѣмъ тогда позволялось въ Англіи и чѣмъ его соотечественники теперь справедливо гордятся. Намъ со своей стороны стоитъ вспомнить, что при нашемъ движеніи на Востокъ, еще раньше того, мудрая политика Московскаго правительства въ принципѣ высказывалась за неприкосновенность религіи азіатскихъ подданныхъ (между прочимъ и монголовъ-буддистовъ, усвоившихъ чисто индійскую вѣру).



ПРОЩАНІЕ СЪ ЭСКАДРОЙ.

Половина одиннадцатаго. Гребной катеръ Государя Наслѣдника Цесаревича быстро и величаво выходитъ изъ густаго дыма новыхъ соединенныхъ салютовъ съ нашей прощающейся эскадры и съ англійскихъ военныхъ судовъ «Turquoise» и «Reindeer». Люди посланы по реямъ. Пятикратное «ура» гремитъ, вмѣстѣ съ музыкой, вслѣдъ Его Императорскому Высочеству. Не только броненосцы но и два монитора, «Magdala» и «Abyssinia», а также канонерская лодка «Brisk», большіе пароходы и яхточки на рейдѣ праздничнo разцвѣчены флагами. Разстояніе до пристани «Wellington Pier», въ силу обычая сохраняющей старое названіе «Apollo Bunder» (отнюдь не изъ-за какого-нибудь отношенія къ богу музъ, а по весьма прозаической причинѣ, что тутъ прежде въ огромномъ количествѣ продавалась мѣстная рыба «palla» или, по другому объясненію, отъ искаженнаю слова «palwa», какъ назывались грузившіяся здѣсь туземныя лодки) все уменьшается и уменьшается. Двадцать однимъ выстрѣломъ привѣтствуется Высокій Гость съ береговой «Saluting battery».

БОМБЕЙ И ОКРЕСТНОСТИ.

Вотъ и ступени каменной лѣстницы, подымающейся къ роскошно убранному пріемному шатру и устланной краснымъ сукномъ. Вотъ и начальникъ порта, капитанъ Гекстъ (Hext), уже пріѣзжавшій съ лордомъ Гаррисомъ на «Азовъ», ожидаетъ внизу приближающійся катеръ. Губернаторъ и сэръ Джорджъ Гривсъ (Greaves), командующій Бомбейскою арміею, направляются на встрѣчу Августѣйшимъ путешественникамъ. Ихъ Высочества входятъ въ пестротканную палатку гигантскихъ размѣровъ и сразу охвачены удивительно страннымъ зрѣлищемъ собравшейся здѣсь смѣшанной толпы оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ лицъ, почтительно разступающихся передъ Ними, по мѣрѣ того какъ лордъ Гаррисъ Имъ представляетъ главнѣйшихъ присутствующихъ: членовъ своего совѣта, генераловъ, правительственнаго политическаго секретаря Ли-Уорнера (Lee Warner), верховныхъ судей, консуловъ (австрійскаго, французскаго, италіанскаго, испанскаго, датскаго, шведскаго, персидскаго, турецкаго) и другихъ.

Пріемный шатеръ (Shamiana) красиво оттѣняетъ яркіе мундиры и цвѣтныя туземныя одѣянья. Темнокоричневыя съ золотомъ завѣсы живописно спускаются съ потолка и драпируютъ поддерживающіе его столбы, украшенные щитами и флагами, — которыхъ одинаковое множество прикрѣплено и надъ нашей головой. Длинный проходъ къ экипажамъ

окаймленъ растеніями и цвѣтами. Звуки «Боже, Царя храни!» слышатся у почетнаго караула отъ Глостерскаго полка. Изъ-за покрытыхъ алою матерією балюстрадъ на Гостей смотрятъ нарядныя дамы и блистающія драгоцѣнностями жены парсовъ, тогда какъ ихъ вліятельнѣйшіе мужья, отцы и братья, наравнѣ съ европейцами и нѣкоторыми передовыми по соціальному положенію мусульманами, сгруппировались ближе къ Великокняжеской свитѣ. Въ числѣ именитыхъ туземцевъ, находящихся на пристани, нельзя не назвать самостоятельныхъ вождей, управляющихъ каждый десятками тысячъ подданныхъ; тутъ и хозяинъ Вишалгара (маратскаго округа, подчинившагося англичанамъ въ исходѣ прошлаго столѣтія), и Джазденскій правитель (изъ очень древняго города въ Гуджератѣ), и начальникъ Инчалькаранджійскій. Архіепископъ довольно близкой къ Бомбею колоніи Даманъ, уступленной свирѣпыми маратами португальцамъ въ вознагражденіе за частые грабежи, тоже виднѣется въ толпѣ, олицетворяя собою ту совершенно отличную отъ британской громадную духовную силу, которая издавна пытается воздѣйствовать на Индію. Гдѣ-то около его преосвященства, говорятъ, присутствуетъ также родовитый индусъ раджпутской крови, Палитанскій князь Саматсингджи. Одно упоминаніе о мѣстѣ, откуда онъ прибылъ, невольно переноситъ мысли туда, гдѣ съ незапамятныхъ временъ, на священной горѣ Сатрунджайя, среди безчисленныхъ художественно орнаментированныхъ кумиренъ, послѣдователями джайнской религіи чтится достигнувшій божественнаго совершенства человѣкъ, по имени Адинатъ. Мы туда, въ область Палитану, не направляемся, — но стоило произнести имя ея, и оно уже есть «пролитой ароматъ», потому что въ воображеніи интересующагося индійскими древностями и архитектурными достопримѣчательностями, не видавшаго ихъ еще воочію и только собирающагося вкусить отъ созерцанія этихъ памятниковъ восточнаго искусства, при названіи края, который, благодаря имъ, сталъ знаменитъ, заманчиво ярко рисуются вдали всѣ тѣ чудеса мѣстной культуры, коими намъ теперь со дня на день придется наслаждаться.

Съ разныхъ сторонъ насъ окружаютъ англійскіе офицеры (Глостерскаго полка, IV-го стрѣлковаго, королевской артиллеріи, морскаго баталіона). Туземные представители города — съ ханомъ Бахадуръ Мурдэбаномъ во главѣ, — соорудившимъ блестящій пріемный шатеръ, — двигаются ко входу, бокъ о бокъ со свитой Наслѣдника Цесаревича. Его Императорское Высочество идетъ по фронту почетнаго караула и затѣмъ садится въ парадный экипажъ съ губернаторомъ, его военнымъ секретаремъ — полковникомъ Родсемъ (Rhodes) и кн. Оболенскимъ. Принцъ Георгій Греческій и остальные спутники Августѣйшаго Гостя ея величества королевы Викторіи размѣщаются по слѣдующимъ коляскамъ. Хотя на улицы, рано съ утра, высыпало много народа, и даже будто-бы немалое количество зрителей пришло издалека подивиться на картину посѣщенія Бомбея Русскимъ Великимъ Княземъ, однако повсюду — образцовый порядокъ, почти невозмутимая тишина и лишь постепенно разростающееся шумливое оживленіе. Населеніе естественно дивится неожиданнымъ для него и красивымъ мундирамъ Императорской гвардіи. Иные полуголые инородцы, — при видѣ мѣховаго убора Лейбъ-гусарской формы, среди окружающаго зноя, — прямо должны быть поражены. Тѣмъ не менѣе, для внѣшняго эффекта, трудно было-бы даже нарочно подыскать живописнѣе одѣяніе: южанамъ осязательно близокъ и понятенъ становится могущественный Сѣверъ, когда они видятъ его Представителя въ ментикѣ, отороченномъ бобрами. И прежніе владыки Пэнджаба являлись туземцамъ Индіи въ драгоцѣнныхъ гималайскихъ или даже сибирскихъ мѣхахъ.

Изъ открытыхъ губернаторскихъ экипажей ярко посвѣчиваютъ и горятъ на солнцѣ золотой и серебряный двуглавые орлы на каскахъ офицеровъ Коннаго и Кавалергардскаго

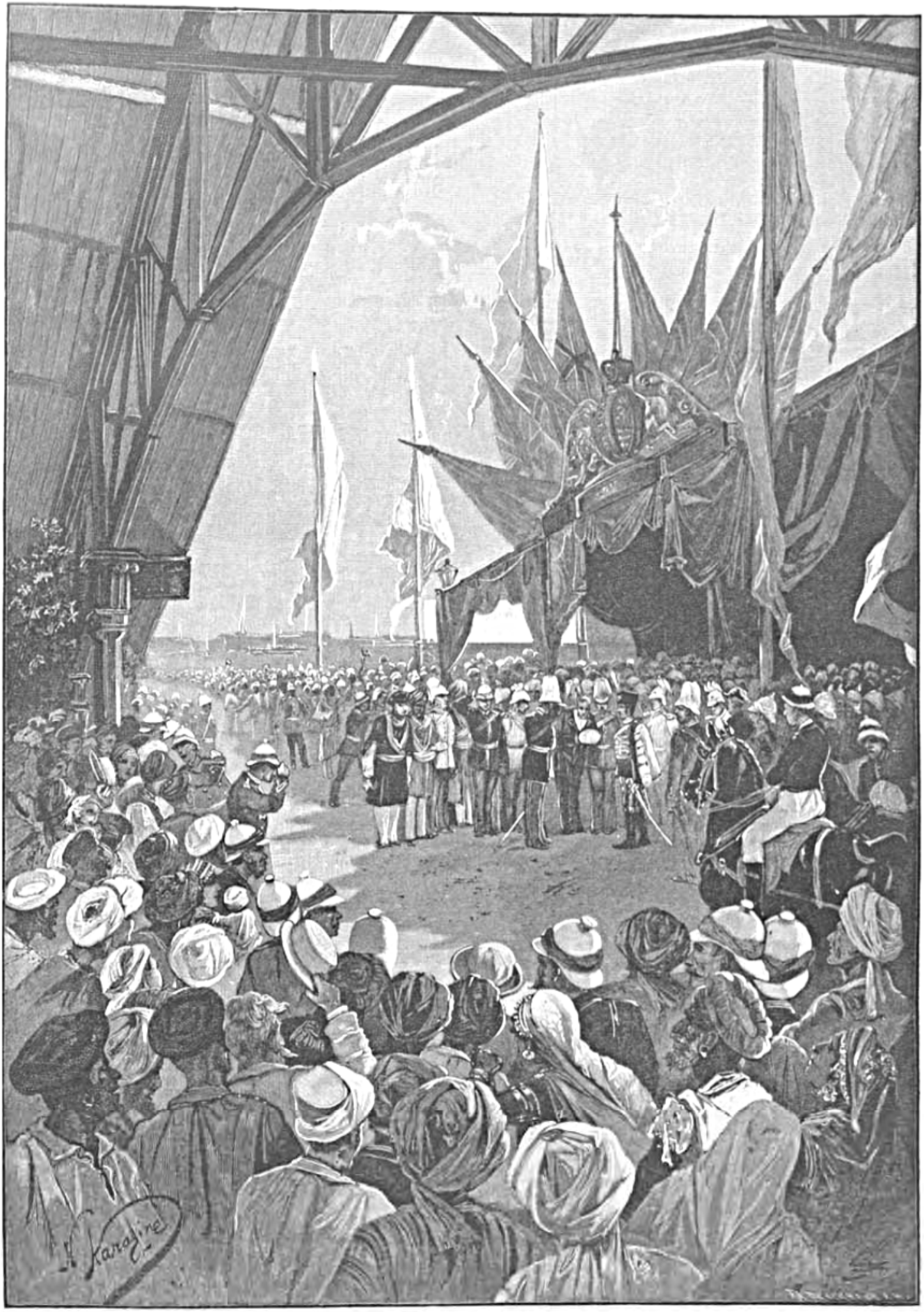
полка. Царственныя металлическія птицы, безъ сомнѣнія, вызываютъ въ толпѣ самые странные толки о томъ, мыслимо-ли вообще и безопасно-ли чужеземцамъ показываться, съ такими украшеніями на головѣ, — въ тропической странѣ, подъ жгучими полуденными лучами, — когда европейцы изъ-за возможности солнечныхъ ударовъ отнюдь не выходятъ днемъ иначе какъ въ сравнительно легкихъ пробковыхъ шлемахъ.

Шествіе довольно медленно направляется съ пристани къ такъ-называемому «Wellington Fountain». Личная охрана лорда Гарриса, состоящая изъ конныхъ чалмоносцевъ, подъ командой англійскаго офицера, вполнѣ гармонируетъ съ одеждой форейторовъ, управляющихъ четверкою, которая запряжена въ высокій и старомодный съ виду губернаторскій экипажъ. Окна и балконы, не говоря уже о тротуарахъ, запружены любопытными. Мѣстами нестройно слышатся привѣтственные крики. Характерныхъ типовъ, разнообразныхъ одеждъ, странныхъ мѣстныхъ повозокъ, — откуда на въѣздъ любуются зрительницы изъ болѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, — всего этого такъ много, что сначала нѣтъ красокъ и словъ, чтобы нарисовать Бомбей, какимъ онъ развертывается при первыхъ впечатлѣніяхъ.

Не безъ удивленія и едва-ли даже не съ разочарованіемъ убѣждаешься въ его слегка прозаической и черезчуръ европейской внѣшности. Зданія издали сѣрѣвшія неуклюжими громадами, поближе кажутся гораздо привлекательнѣе. Вотъ, напримѣръ, училище, въ средневѣковомъ стилѣ, для уроженцевъ Индіи, сооруженное главнымъ образомъ на щедрое пожертвованіе одного богача — парса въ память наилучшаго изъ прежнихъ губернаторовъ Бомбея. Вотъ массивный полужелѣзный «Esplanade Hotel». Около «Почты» (съ фасадомъ готическаго характера) мы сворачиваемъ по «Church Gate Street» на «Queen's Road». По дорогѣ что-то нигдѣ не видно флаговъ, обычныхъ при встрѣчахъ до сихъ поръ: таковые замѣчаются лишь у дома извѣстной греческой фирмы Ралли.

Движенье впередъ становится быстрѣе. Народныя толпы по сторонамъ рѣдѣютъ. Все кругомъ начинаетъ походить на предмѣстье, хотя это — еще самый городъ. Вскорѣ направо отъ насъ, параллельно засаженной деревьями улицѣ, выростаетъ длинная ограда, изъ-за которой какъ-будто доходитъ запахъ гари. Сразу вспоминаешь, что, судя по описаніямъ, здѣсь-то именно и находится мѣсто сожженія индусскихъ труповъ (чуть-ли не со временъ губернатора Онжье). Въ близкомъ будущемъ намъ, вѣроятно, придется присутствовать при совершеніи этого обряда, имѣющаго законное объясненіе и оправданіе въ климатическихъ условіяхъ страны. Врачи однако нападаютъ на Бомбейскія власти, зачѣмъ инородцамъ не воспрещается испепелять покойниковъ — по сосѣдству съ европейскими кварталами. Тутъ же, рядомъ съ языческимъ крематоріумомъ, нѣкій благочестивый мусульманинъ воздвигнулъ убѣжище для скопляющихся у гавани Мекканскихъ богомольцевъ (хаджи). Потомъ тянутся магометанское и христіанское кладбища. Нашъ путь изгибается вдоль берега большой морской бухты (по пространству, сравнительно недавно отвоеванному у волнъ), минуетъ парсійскую женскую школу и подымается въ гору на такъ называемый «Malabar Hill», — лѣсистый мысъ, устремленный на югъ, — служащій любимымъ дачнымъ мѣстопребываніемъ богатыхъ людей Бомбея, ибо сюда почти постоянно доносится живительный вѣтеръ съ синѣющаго безбрежнаго простора.

Двѣнадцатый часъ. Экипажи отъѣхали уже отъ пристани добрыхъ шесть верстъ, когда впереди, на холмистомъ поворотѣ, обозначаются бѣлаго цвѣта желѣзныя ворота, съ солдатами на часахъ. За ними виднѣется туземный почетный караулъ со знаменемъ и музыкой (отъ IV-го Бомбейскаго стрѣлковаго полка), подъ командой туземца-офицера. Ради оригинальности стоитъ упомянуть объ его имени и званьи (Subedar Mehta Harmehta). Русскій гимнъ гремитъ на встрѣчу Его Императорскому Высочеству.



ПРИБЫТІЕ ВЪ БОМБЕЙ.

На широкомъ и крытомъ навѣсомъ крыльцѣ губернаторскаго дома красиво разставлены неподвижные мѣстные слуги въ красной одеждѣ. Лордъ Гаррисъ спѣшитъ выйдти изъ экипажа и принять Высокаго Гостя. На лѣстницѣ Наслѣдника Цесаревича ожидаетъ лэди Гаррисъ съ секретаремъ мужа г. Эджерлеемъ. Понемногу, когда подоспѣваютъ слѣдующія коляски, лица свиты Августѣйшаго путешественника имѣютъ случай познакомиться съ г. Гардингомъ, вторымъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ, знающимъ по-русски, бывшимъ на службѣ въ С.-Петербургѣ и командированнымъ (одновременно съ Мэкензи Уоллассомъ) сопровождать Его Императорское Высочество по Индіи, — кромѣ того, съ молодыми адъютантами губернатора: капитаномъ Forbes и St. Léger Jervis.

Прослѣдовавъ въ оффиціально-торжественномъ поѣздѣ черезъ Бомбей, пора отдать себѣ еще болѣе ясный отчетъ, что̀ насъ собственно окружаетъ и что̀ за интересная часть Индіи затронута любопытнымъ продолженіемъ путешествія Ихъ Высочествъ.

Съ просторной террассы губернаторскаго дома на «Малабарскомъ холмѣ» открывается по истинѣ грандіозный видъ на только-что пройденный нами океанъ, на утопающій въ растительности хаосъ европейскихъ и туземныхъ зданій, — съ величавыми башнями, съ длинными открытыми галлереями вдоль фасадовъ, вообще съ мягкостью очертаній, какъ-бы тонущихъ въ лучезарной дали. Между городомъ и правительственной резиденціей, удостоившейся принять подъ свою кровлю Наслѣдника Цесаревича, стелются волны «Back Bay», такъ-называемаго обширнаго и притомъ мелкаго залива, врѣзывающагося въ ту часть суши, которая преимущественно занята новоотстраивающимся Бомбеемъ. Довольно спокойная гладь этихъ близкихъ водъ рѣзко отличается, сравнительно съ гаванью, отсутствіемъ крупныхъ судовъ, которыя цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, трубъ и высоко натянутыхъ парусовъ окаймляютъ собою разстилающееся за европейскими кварталами темносинее, сверкающее пѣною море. Вотъ она — эта Индія, воочію представляющаяся совершенно иною, чѣмъ грезилось при приближеніи къ ней, когда мечта, забывая о нивелирующемъ отпечаткѣ, ложащемся на всѣ широко развившіеся въ коммерческомъ отношеніи «приморскіе города», безпричинно рисовала себѣ ее чуть-ли не первобытною глушью, населенною загадочными народами, покрытою таинственными храмами, почти недосягаемою въ своемъ величіи и въ своей не имѣющей себѣ равной красотѣ. Взамѣнъ этого, первыя же впечатлѣнія, полученныя при проникновеньи въ гавань и до проѣзда европейски обставленными улицами къ жилищу лорда Гарриса, въ сущности отчасти даже способны были возбудить нѣкоторое невольное разочарованіе. Встрѣченное на пути сюда (на первыхъ порахъ) ни красками, ни образами отнюдь не превосходило и не устраняло на второй планъ еще свѣжихъ и яркихъ воспоминаній объ Египтѣ. Напротивъ того, — кромѣ типичныхъ физіономій туземцевъ, издали привѣтствовавшихъ или точнѣе съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматривавшихъ блестящій кортежъ, слѣдовавшій отъ пристани къ «Малабарскому холму», — ничто другое по дорогѣ не казалось особенно самобытнымъ, особенно живописнымъ или особенно проникнутымъ тою прелестью, которою дышала на каждомъ шагу незабвенная пока для насъ страна фараоновъ.

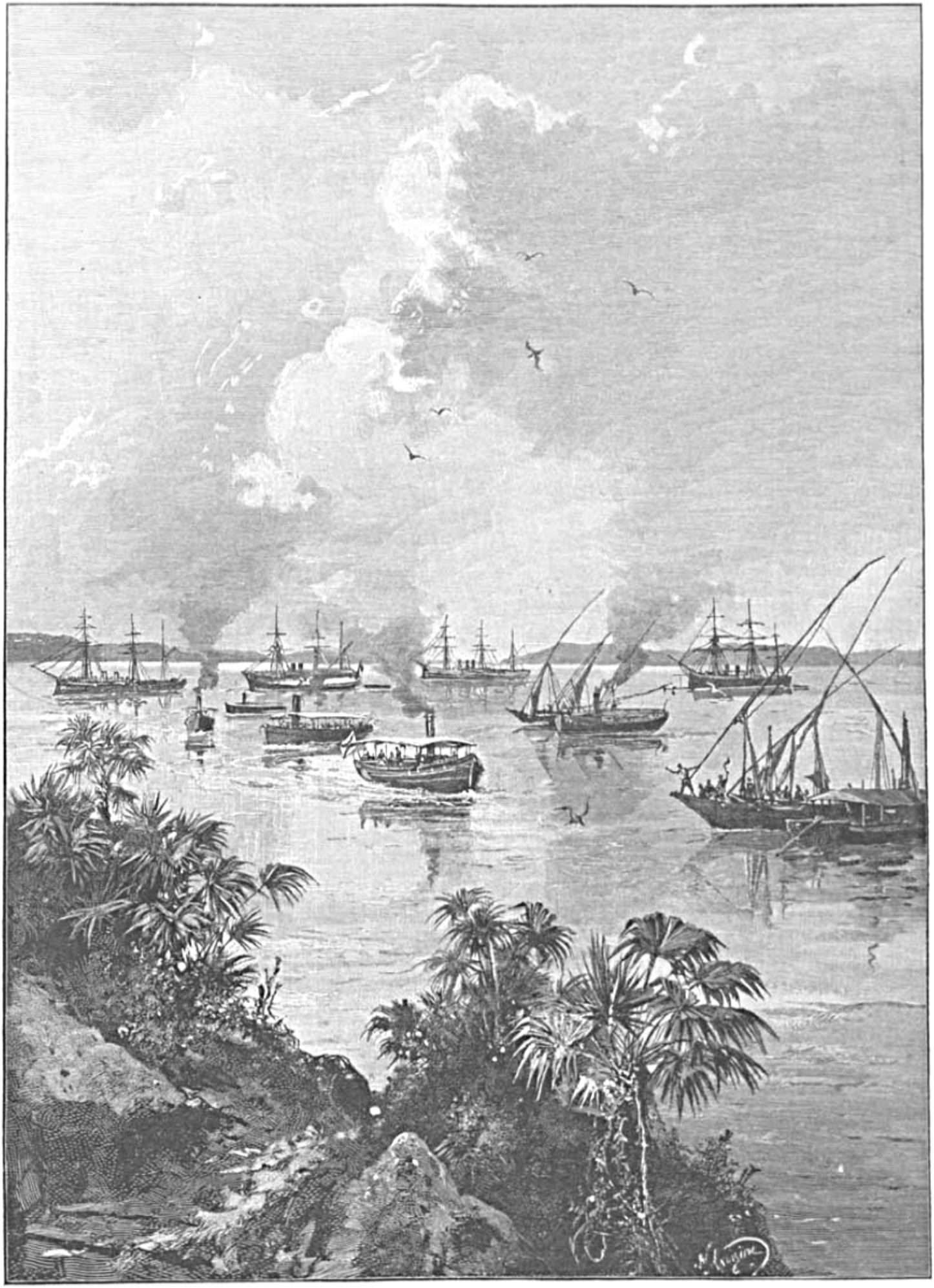
Теперь, придя въ себя отъ только-что полученныхъ многочисленныхъ воспріятій, понемногу уясняешь себѣ все видѣнное, такъ-сказать духовнымъ окомъ вглядываешься въ суть вещей вокругъ насъ и постепенно сознаешь, что въ воображеніи на самомъ дѣлѣ отразился цѣлый новый міръ, который именно и отличается тѣми замѣчательными

свойствами, что сначала не производитъ чрезмѣрно сильнаго впечатлѣнія, а затѣмъ все глубже и неотразимѣе втягиваетъ въ себя каждаго европейца. Кто разъ ступилъ на почву Индіи, кого хотя на короткое время коснулось ея обаяніе, тотъ никогда не забудетъ этого чуднаго края, съ его грустнымъ и на первый взглядъ малопригляднымъ населеніемъ, съ его младенчески-безмятежной общественной жизнью, съ его цѣломудренно-ласковой природой.

Тотъ домъ, гдѣ мы теперь находимся, безспорно, — одинъ изъ важнѣйшихъ правительственныхъ центровъ на земномъ шарѣ. Бомбейскій губернаторъ правитъ отсюда обширнѣйшимъ райономъ, населеннымъ двадцатью-пятью милліонами людей; ему подвластны туземныя княжества, соприкасающіяся съ мѣстнымъ президентствомъ или входящія въ черту его владѣній; до Белуджистана на сѣверъ доходитъ власть того администратора, которому англійскій народъ поручаетъ на западномъ берегу Индіи политически необходимѣйшіе округа имперіи ея величества королевы Викторіи. Главныя коммерческія сношенія Европы, а отчасти и Востока, съ прежнимъ царствомъ Великихъ Моголовъ производятся черезъ Бомбей. Побережье, два-три вѣка назадъ считавшееся въ экономическомъ отношеніи сравнительно ничтожнымъ, довольно безлюднымъ, нездоровымъ по климату и опаснымъ изъ-за близости пиратовъ, — въ данное время крайне густо населено, по возможности хорошо ассенизировано, обстроено и, пожалуй, даже укрѣплено. Во всякомъ случаѣ, безконечно далеко то время, когда не только европейцы, но и полудикіе туземцы являлись здѣсь съ моря соперниками и врагами англичанъ. Они, т. е. эти послѣдніе, по настоящему, недавно прочно утвердились на Бомбейскомъ побережьѣ. Какихъ-нибудь сто лѣтъ назадъ имъ еще не принадлежали, между прочимъ, ближайшіе къ городу острова. Если-бы счастье столь безумно не благопріятствовало въ Индіи (среди прошлаго столѣтія) соотечественникамъ Клайва и Уорренъ-Гастингса, то представляется большимъ вопросомъ, въ чьихъ собственно рукахъ находилась бы въ данную минуту судьба той неоглядной страны, къ бѣглому обозрѣнію которой вскорѣ изволитъ приступить Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Августѣйшимъ путешественникамъ отведены комнаты въ особомъ зданіи, рядомъ съ губернаторскимъ домомъ. Тутъ же въ саду, по близкимъ другъ отъ друга домикамъ, размѣщены лица свиты. Отъ парадной пріемной лѣстницы до крыльца Ихъ Высочествъ по дорожкѣ разостлано красное сукно. На время пребыванія Великаго Князя, у правительственной резиденціи поставленъ караулъ отъ Глостерскаго полка. Англійскій часовой расхаживаетъ передъ покоями именитыхъ Гостей. Два парса-репортера тоскливо бродятъ вокругъ нашихъ «bungalows», въ надеждѣ собрать какія-нибудь любопытныя свѣдѣнія. Послѣ двѣнадцати мы начинаемъ сходиться къ завтраку. Около столовой, — на верандѣ, выходящей въ садъ, — лежатъ газеты. Въ противуположность обычному тону британской печати — статьи, говорящія о прибытіи въ Индію Русскаго Престолонаслѣдника, крайне вѣжливы и даже сочувственны. Между посвященными Ему отдѣлами ласково привлекаетъ вниманіе удачный переводъ Лермонтовскаго «Паруса», который, быть можетъ, не безъинтересно привести по англійски для цѣнителей родной поэзіи, передаваемой на чужіе языки:

Glitters a white, a lonely sail,
Where stoops the grey mist o'er the sea —
What does his distant search avail?
At home, unfound, what leaveth he?



БОМБЕЙСКІЙ РЕЙДЪ.

Whistles the wind; the waves at play
Sport round the bending, creaking mast;
But not for Fortune does he stray,
Nor yet from Fortune flees he fast.

Neath him, like sapphire, gleams the sea;
O'er him, like gold, the sunlight glows —
But storms, ah! reckless, wooeth he,
As if in storms he'd find repose.

J. Pollen.

За завтракомъ, уже въ мелочахъ открывается новый міръ. Множество слугъ-мусульманъ чуть слышно скользитъ у столовъ, за которыми хозяева и гости разбились по группамъ. Пряная кухня. Изобиліе блюдъ на меню. Одуряющая дневная теплота, отъ которой лишаешься бодрой мысли и естественнаго аппетита. Нѣкоторые изъ чалмоносцевъ въ красномъ, съ бѣлыми кушаками, имѣютъ букву «Н» вышитою на груди. Оказывается, что здѣсь въ Индіи немыслимъ европеецъ безъ сопровожденія неотлучныхъ наемныхъ туземцевъ, которые ему, и только ему спеціально служатъ съ утра до ночи, особенно во время трапезъ, причемъ непремѣнно сами ходятъ за его ѣдой въ кухню, сами ему мѣняютъ тарелки и т. д. Образцовыми слугами считаются уроженцы Мерута (близь Дэли), и оттуда нарочно выписано для услугъ Ихъ Высочествамъ и лицамъ свиты нѣсколько типичныхъ мусульманъ, которые владѣютъ немного англійскимъ языкомъ, крайне старательны, нетребовательны и обладаютъ извѣстнымъ навыкомъ при путешествіи съ иностранными туристами.

Сквозь красивыя рѣзныя двери изъ чернаго дерева различаешь сосѣдніе пріемные покои губернаторскаго дома. На видномъ мѣстѣ въ столовой красуется портретъ императрицы Индіи. Два лица между присутствующими носятъ славное имя дѣятелей, отчасти предуготовившихъ ея величеству существующую монархію. Недалеки еще тѣ дни, когда положеніе англичанъ внутри страны было настолько критическимъ, что лишь энергіей борцевъ, вродѣ генерала (потомъ лорда) Гарриса, сокрушились важныя преграды на путяхъ къ господству. Послѣдній въ 1799 г. одержалъ побѣду надъ опаснымъ мусульманскимъ элементомъ въ предѣлахъ нынѣшняго Мадрасскаго президентства, который весьма легко могъ стать неотразимою угрозою, въ образѣ Майзорскаго кровожаднаго султана Типу, имѣвшаго на своемъ зеленомъ шелковомъ знамени красную руку. Обаяніе этого туземнаго правителя простиралось до такой степени, что брамины, при ведомыхъ имъ войнахъ, молили боговъ даровать торжество человѣку, всячески тѣснившему индуизмъ и оскорблявшему языческую религію. Англійское войско въ это время испытывало тяжелыя лишенія, ослабѣло и не разсчитывало на безусловный успѣхъ. Имъ оно обязано Гаррису.

Внукъ другаго не менѣе выдающагося вождя, ускорившаго для своего народа пріобрѣтеніе Пэнджаба, — молодой Гардингъ является вторымъ представителемъ фамилій, коихъ имена чтутся въ британской Индіи.

Жаркій день начинаетъ смѣняться сравнительной прохладой. Пестрыя толпы, еще незадолго собиравшіяся полюбоваться параднымъ въѣздомъ Наслѣдника Цесаревича въ Бомбей, успѣли отхлынуть съ улицъ. Его Императорское Высочество и принцъ Георгій Греческій, переодѣвшись въ статское платье — сопровождаемые губернаторомъ, свитою и нѣкоторыми лицами (въ томъ числѣ дамами) мѣстнаго общества — садятся у пристани

Аполло Бэндэръ на паровой баркасъ «Пчелу», приготовленный властями, и отправляются по заливу для прогулки, на сѣверо-востокъ. Такъ какъ участвующихъ въ ней довольно много, то инымъ приходится сопутствовать на другомъ пароходикѣ.

Наши три фрегата, съ которыми надо было разстаться для совершенія путешествія въ глубь Индіи, — огромные, грозные, недвижные, среди этой безконечно оживленной гавани, — рѣзко выдѣляются между прочими военными и коммерческими судами.

Нѣжноголубыя воды спокойно и слабо дышутъ, при чуть замѣтномъ предвечернемъ вѣткѣ. По мѣрѣ того какъ городской берегъ отдаляется, кругозоръ становится все шире и красивѣе. Поодаль обрисовываются таможенныя зданія и докъ квартала Мадзагаонъ. Острова, мысы, крутые поросшіе лѣсомъ обрывы виднѣются на довольно близкомъ разстояніи. За ними обрисовывается, по направленію къ материку, горная цѣпь. Зелень кругомъ составляетъ отрадный контрастъ съ незадолго передъ тѣмъ покинутымъ безплодіемъ Адена. Послѣ продолжительнаго морскаго перехода, земля какъ-то сдѣлалась желаннѣе и дороже. Чудная бухта, треугольникомъ сдвигающаяся къ сѣверу, конечно, въ свою очередь увеличиваетъ обаяніе. Причудливо очерченныя возвышенности по сторонамъ мѣстами кажутся укрѣпленными замками.

Пока еще смутно сознаешь и ощущаешь, что наконецъ началась настоящая Индія. Природа и освѣщеніе хороши, но не выше, чѣмъ въ Египтѣ, и не носятъ какого-либо характернаго отпечатка. Постоянно спрашиваешь себя: что-то впереди!

Отъ Бомбея до Элефанты — около шести морскихъ миль. Время бѣжитъ незамѣтно. Черезъ часъ можно уже достигнуть мѣста назначенія. Пароходики быстро идутъ по замирающей океанской волнѣ. Передъ нами — островъ, ранѣе называвшійся туземцами «Deva devi», т. е. островомъ боговъ (или, по другой версіи, divadiva «свѣтъ»), теперь же носящій прозаическое прозвище «Butcher's island». Тутъ устроена карантинная стоянка и раскинулся паркъ съ двумя уютными домиками. Дальше открывается цѣль поѣздки — Гарапури (городъ, или точнѣе мѣсто искусственныхъ пещеръ въ честь бога Шивы), гдѣ заросшіе кустарникомъ холмы скрываютъ одну изъ главныхъ достопримѣчательностей округа.

Таковыя же (только другаго характера) расположены здѣсь и тамъ близь пересѣкаемаго нами залива. Изъ нихъ наиболѣе любопытенъ Канхерійскій памятникъ, упоминающій о знаменитомъ проповѣдникѣ Будагошѣ, который распространялъ буддизмъ по Бирмѣ и Сіаму, а также о сохраненіи здѣсь въ одномъ пещерномъ храмѣ гонимаго брамінами «зуба Будды», впослѣдствіе перенесеннаго на Цейлонъ.

У Элефанты нельзя пристать къ самому берегу. Надо пробираться по длинной вереницѣ отдѣльныхъ скользкихъ камней, полосою вдающихся въ море. Пальмы спускаются ближе къ водѣ. Мѣстность почти безлюдна, угрюма. Довольно широкая лѣстница (съ сотнею ступеней), воздвигнутая набожными индусами (въ 1853 г. купецъ Карамси Ранмалъ пожертвовалъ на нее 10,000 рубл.), ведетъ по склону ближайшей возвышенности вдоль съуживающагося межгорья. Именно тутъ, на камняхъ — какъ говорятъ — любятъ грѣться на солнцѣ населяющіе эту мѣстность безчисленные гады. Сторожа ежегодно убиваютъ такимъ образомъ сотни змѣй. Онѣ, впрочемъ, удачно выбрали себѣ жилище — на островѣ, посвященномъ богу Шивѣ, который имѣетъ ихъ своими внѣшними аттрибутами.

Довольно утомительный подъемъ наверхъ вознаграждаетъ прекраснымъ видомъ, развертывающимся на море — съ его свѣтлыми, почти неуловимыми переливами и на тропически обрамленныя дальнія побережья, представляющія какъ-бы другое зеленое зыбучее море. Какъ хорошъ этотъ индійскій міръ! . .

По бокамъ у каменной тропы разростается лѣсъ. Ползучія растенія тянутся къ сплетающимся другъ съ другомъ деревьямъ. Темноствольныя пальмировыя пальмы вытягиваются, прямыя какъ струна. Лабиринтомъ корней и отростковъ раскидываются почтенные баньяны (Ficus indica). Исполинскими букетами распускаются бамбуки. Колючіе кактусы сплетаются въ непроходимыя изгороди. Мертвыя листья шуршатъ подъ ногами. Жарко идти. Лѣстница немного крута.

Отчего этотъ островъ прозвали Элефантой? Португальцы, впервые его открывшіе, нашли здѣсь черное шестисаженное изваяніе слона. Просуществовавъ вѣка, оно стало разрушаться. Путешественники прошлаго столѣтія описываютъ гигантскую фигуру, добавляя, что на спинѣ у нея есть изуродованное изображеніе, — должно быть, тигра; въ 1814 г. голова и шея животнаго, давшаго имя мѣсту, отвалились; спина треснула. Въ 50-хъ годахъ неуклюжіе останки увезены въ Бомбейскій общественный садъ.

Кромѣ нихъ оставались, еще на памяти европейцевъ, и другіе слѣды невыясненной старины, — напримѣръ: изчезнувшій теперь каменный конь, глубоко закопавшійся въ землю, затѣмъ обломки кумировъ, свалившіяся колонны, фундаменты построекъ, и т. д. Существуетъ весьма основательное предположеніе, что въ древности (до Р. Хр.) здѣсь существовалъ одинъ изъ городовъ обширнаго царства Мауріевъ, знаменитѣйшимъ правителемъ котораго былъ мудрый и вѣротерпимый Асока буддійскихъ преданій.

Августѣйшіе путешественники всходятъ на прекрасную террассу съ домикомъ, гдѣ, кажется, живутъ надзирающіе за памятниками. Подлѣ разставленныхъ близь него стульевъ (для собирающихся сюда на прогулку жителей Бомбея) стоитъ сильно попорченный идолъ, котораго пока не успѣли пріобщить къ археологическимъ коллекціямъ. . . А вотъ и самыя пещеры!

Три правильныхъ ряда массивныхъ столбовъ раздѣляютъ входъ въ «священную» скалу. Надъ нимъ низко свѣшивается густая зелень, испещренная цвѣтами. Дальше и глубже, въ голубоватомъ таинственномъ полумракѣ, видны покинутые алтари, странные боги, вдѣланныя въ базальтъ языческія сказанія. Постепенно вспыхиваетъ и опредѣляется сознаніе, что мы — на порогѣ браминской Индіи, что передъ нами наконецъ открывается малопроницаемый Востокъ, который не распался, — подобно видѣнному на Нилѣ, — а живетъ, движется, дышетъ, притягиваетъ наблюдателя.

Центральная пещера, — размѣрами около 400 кв. саженей, — пуста и крайне мрачна. Толпы молящихся и жрецы покинули ее по неизвѣстнымъ причинамъ: или изъ-за дождей, ее затоплявшихъ и разрушавшихъ черезъ трещины, или же въ виду нетерпимости безъ повода издѣвавшихся надъ нею португальцевъ. Послѣднее вѣроятнѣе. Странно слышать, что и теперь находятся защитники подобнаго вандализма. Недавно посланный папою въ эти края епископъ Залѣсскій (родомъ полякъ) въ слѣдующихъ выраженіяхъ печатно выразилъ свое одобреніе невѣжественному поступку: «сюда ударялись ядра европейцевъ-католиковъ для низверженія нечестивыхъ колоннъ. Поступавшіе такъ во имя вѣры были правы, такъ какъ уничтожали памятникъ языческаго искусства. Онъ считался и оригинальнымъ, и даже высокимъ, — тѣмъ не менѣе его надлежало и надлежитъ предать разрушенію». Именно такой антикультурный и антихристіанскій образъ дѣйствій объясняетъ однако, почему тутъ въ странѣ не удержалась нѣкогда могущественная Португалія. Индусы съ обычною робостью отшатнулись отъ безцѣльно-грубаго насилія. Капище заглохло. Только изрѣдка являются ревнители съ намѣреніемъ окрасить иные предметы культа и омыться въ маленькомъ водохранилищѣ, находящемся съ одной стороны главнаго храма, куда влага будто-бы проникаетъ изъ-подъ земли, отъ самаго священнаго Ганга, и

потому, — по убѣжденію туземцевъ, обладаетъ чудотворными качествами: напримѣръ не убываетъ, сколько ее ни черпай.

Мы вступаемъ подъ своды сравнительно невысокой пещеры. До потолка — около трехъ саженей. Части столбовъ не существуетъ. У нѣкоторыхъ уцѣлѣли только круглыя подушкообразныя верхушки, уродливо свѣшивающіяся надъ нами. Отсутствіе достаточнаго свѣта, сыроватая мгла вокругъ, загадочные облики совершенно чуждыхъ божествъ, — все говоритъ, на первый взглядъ, въ пользу пріютившейся здѣсь таинственности и располагаетъ вникнуть въ эту новую безмолвную область выступающихъ изъ камня идей. Гигантскіе барельефы какъ-бы прислонены къ стѣнамъ, смотрятъ куда-то впередъ застывшимъ нечеловѣческимъ окомъ. Естественно интересуешься узнать про значеніе каждой фигуры или группы, про смыслъ неестественнаго числа головъ, рукъ и ногъ. Воображеніе созидавшихъ мѣстную святыню, конечно, согласовалось съ общепринятыми первообразами кумировъ, — но тѣмъ удивительнѣе зарожденіе этихъ послѣднихъ, точность, съ которою они передавались и передаются неизмѣнными изъ поколѣнія въ поколѣніе.

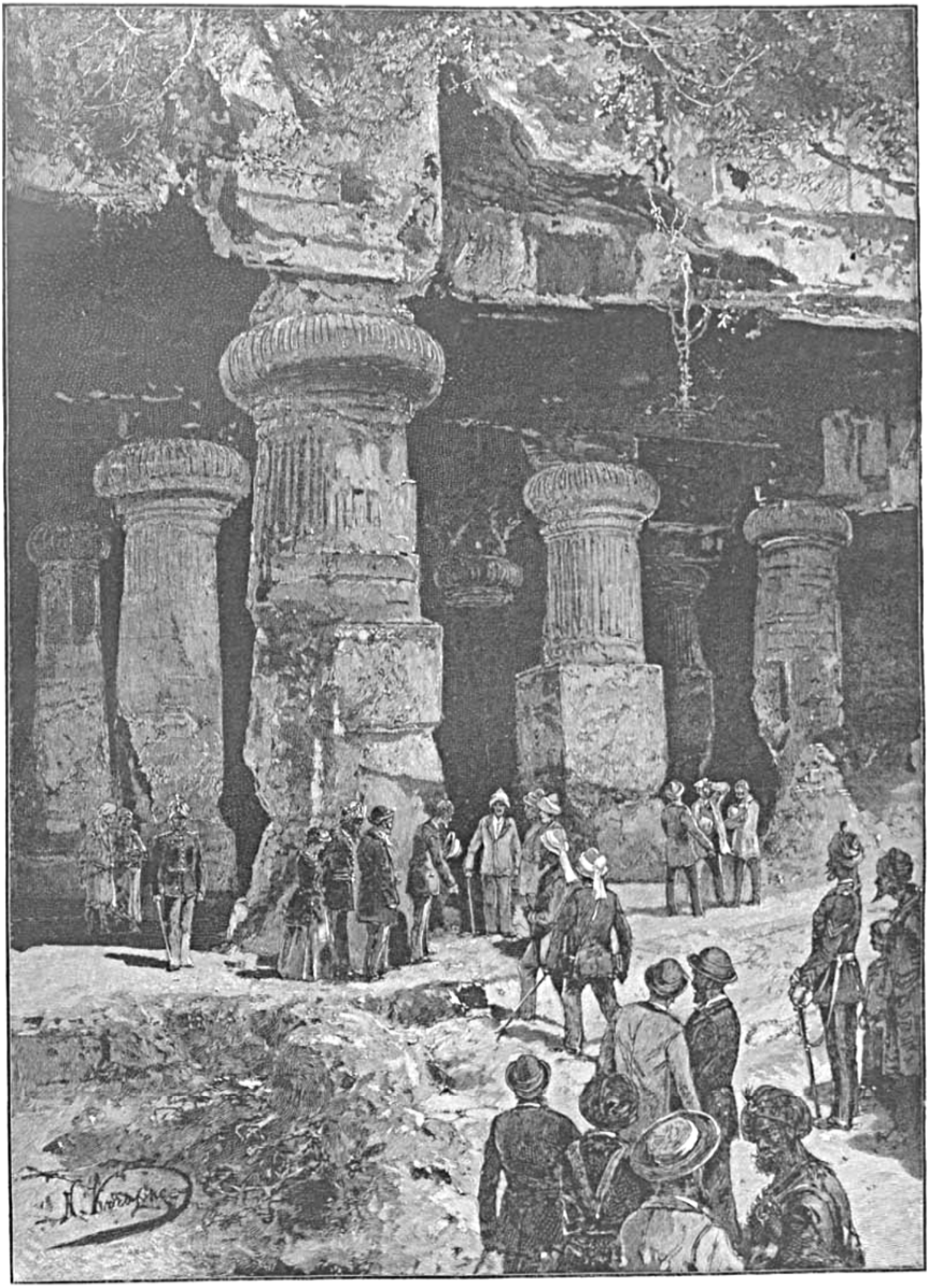
Наиболѣе бросается въ глаза такъ-называемое Тримурти (сочетаніе Брамы, Шивы и Вишну) въ отдѣльномъ трехликомъ изваяніи. Среднее — спокойно и безстрастно, второе — справа отъ него — грозно, третье — справа отъ насъ — радостно. Размѣры этихъ лицъ (почти безъ туловищъ и со странными головными уборами) способны произвести сильное впечатлѣніе даже на европейца, — особенно, если вглядываться въ подробности, отдѣлки разныхъ аттрибутовъ: лотоса, черепа, кобры. Нѣкогда Тримурти, вѣроятно, таилось за покровомъ, отдергивавшимся лишь въ праздничные дни.

Носы у двухъ главныхъ бюстовъ поломаны; нѣкоторыя статуи вообще исковерканы. Напрасно, по сторонамъ отъ входа, высились на стражѣ каменные привратники исполинской величины. Пришлые бѣлые люди со смѣхомъ коснулись кумирни божества-разрушителя, выдѣляющагося здѣсь рядомъ съ Брамой-Творцомъ и на другихъ скульптурныхъ произведеніяхъ, — такъ какъ пещера посвящена Шивѣ и никому иному. Онъ принимаетъ въ ней разные образы, по своему усмотрѣнію.

Такъ, налѣво отъ трехглавой группы, изваяна любопытная фигура, именуемая Ардханаришваръ: лѣвая половина тѣла — женская, правая — мужская, что должно служить олицетвореніемъ того же грознаго начала, которое опирается тутъ на миѳическаго оплодотворяющаго быка Нанди и вокругъ котораго виднѣются всякаго рода странности древнеиндійскаго пантеона: четырехликій Брама съ престоломъ, поддерживаемымъ пятью лебедями, Вишну со сказочной птицей Гарудой, слегка напоминающею орла, Индра на слонѣ и т. п.

Въ другомъ мѣстѣ изображены: громадный Шива, съ полумѣсяцемъ на головномъ уборѣ, и обрученная богу богиня Парвати. Небожители (меньшихъ размѣровъ) обступаютъ ихъ здѣсь. Дальше, — если обходить и осматривать пещеру, — они посыпаютъ цвѣтами эту же самую чету, возсѣдающую въ своемъ нагорномъ Гималайскомъ дворцѣ, при рожденіи сына.

У противоположной стѣны видно, какъ — подъ только-что упомянутымъ чертогомъ (Kailasa) — десятиглавый и многорукій Равана, царь Цейлона, властитель темныхъ демоническихъ силъ, изъ крайняго усердія къ вѣрѣ тщетно силится сдвинуть мѣстопребываніе превозносимаго имъ Шивы съ сѣвера на югъ. У грознаго бога — третье око на челѣ, откуда, въ случаѣ надобности, готово прорваться всепожирающее пламя. Онъ всюду, — гдѣ только ни является счастливымъ въ любви, неумолимымъ при побѣдѣ или аскетомъ, — всюду можетъ служить олицетвореніемъ злобы, мести, кары. Страшно подумать, чѣмъ его только ни рисовало разгоряченное человѣческое воображеніе.



ЭЛЕФАНТА.

Пещерный храмъ посвященъ Шивѣ. Слабые слѣды буддійскаго вліянія крайне спорны и смутны. Время происхожденія этого памятника индійской архитектуры и скульптуры археологами относится къ періоду отъ VIII до XII вѣка нашей эры. Брамины и художники, вѣроятно, сооружали кумирню на средства мѣстныхъ богачей-купцевъ. По преданію святилище создано туземными сказочными богатырями или же явилось позднѣе при опоэтизированномъ на Востокѣ Александрѣ Македонскомъ. Зороастръ, согласно туманнымъ преданіямъ, почерпнулъ у браминовъ Элефанты основы своего вѣроученія.

Согласно городскимъ обычаямъ, сюда съѣзжаются на пикники. И теперь накрытъ столъ, приготовлены прохладительные напитки и чай, шумятъ посудой и стульями. . .

Когда 15 лѣтъ назадъ въ Бомбеѣ гостилъ его высочество принцъ Валлійскій, — тутъ въ честь его, у подножія барельефовъ, устроено было торжественное ночное пиршество. Покинутое капище освѣтили красными, синими и зелеными бенгальскими огнями. Искусственное европейское веселье едва-ли гармонировало съ унынiемъ, навѣваемымъ окружающими изваяніями. Далеко не тотъ отпечатокъ наложила на нихъ старина. Въ прежнее время, все кругомъ было покрыто какой-то раскрашенной мастикой. Пахучія гирлянды свѣшивались съ потолка, боги блистали позолотой и драгоцѣнными камнями, свѣтильники поддерживались на алтаряхъ, факелы освѣщали придѣлы капища, жертвы приносились чему-то неизбѣжно-роковому, властному, ужасному, — что выше страстей и страданій, — брамины священнодѣйствовали, толпа благоговѣла. И вдрухъ, въ такой обстановкѣ — нашъ западный разговоръ, жизнь въ мгновеньи, кипучее отрицаніе тѣхъ началъ, передъ которыми индусъ падаетъ ницъ. . .

Кромѣ главной пещеры, есть еще небольшія, рядомъ съ нею и въ сторонѣ. Передъ одною изъ нихъ поставлены два базальтовыхъ леогрифа. На памяти португальцевъ тамъ существовалъ мраморный портикъ при одной кумирнѣ. Но разрушеніе идетъ, и ничего не остается. Красокъ нѣтъ. Хозяева отступились отъ наслѣдія предковъ. Идолы, наконецъ, омертвѣли.

Августѣйшіе путешественники спускаются внизъ къ болотистому побережью. Туземные ребятишки провожаютъ насъ бѣгомъ, предлагая купить цвѣты. Свѣжѣетъ. Прохладный вѣтеръ рябитъ морскую поверхность. Отъ заката она еще сохраняетъ розоватую окраску и точно вздрагиваетъ. Дрожь эта передается намъ, непривыкшимъ къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ и быстро почувствовавшимъ дневной жаръ въ Бомбеѣ. Мы идемъ къ полосѣ камней, составляющихъ нѣчто вродѣ пристани, и къ пароходикамъ. Быстро темнѣетъ. Очертанія расплываются. Элефанта остается позади, какъ безформенно-мертвая масса.

Вдали чернѣютъ и мигаютъ огнями суда. При трепетномъ дыханьи ранней ночи паруса туземныхъ лодокъ похожи на радостно раскинутыя крылья. Тихій лунный свѣтъ мало-по-малу прокрадывается на безмолвную землю и чуть слышно шумящее море. Оно движется со всѣмъ, что довѣрилось ему, куда-то впередъ къ невѣдомому простору. Гулко работаетъ машина нашего маленькаго парохода. Городъ близко. У пристани «Apollo» выступаетъ ярко освѣщенный королевскій яхтъ-клубъ. Едва хватитъ времени одѣться къ парадному обѣду въ губернаторскомъ домѣ, приготовиться къ новымъ впечатлѣніямъ на раутѣ и балу, на который, вѣроятно, приглашены представители и представительницы индійскаго Востока.

Седьмой часъ. На пути отъ городской пристани домой, нѣтъ-нѣтъ и вспомнишь, съ какимъ-то рѣзкимъ недоумѣніемъ: полумрачные своды языческой пещеры на заглохшемъ

островѣ, — нѣмыя изваянія, пытающіяся отдѣлиться отъ старыхъ стѣнъ, — чувства уныніе, возбуждаемыя этимъ страннымъ зрѣлищемъ запустѣлаго капища и того одиночества, въ которомъ пребываютъ потерявшіе значеніе кумиры.

За парадным обѣдомъ у лорда Гарриса, въ день вступленія Наслѣдника Цесаревича на индійскій берегъ, кромѣ обычной и новой свиты Его Императорскаго Высочества, присутствовали: Бомбейскій англиканскій епископъ (Mylne) съ супругою, генералъ Гривсъ, высшіе представители мѣстной власти (гг. Сарджентъ, Уэстъ, Причардъ), адмиралъ Басаргинъ со своимъ флагъ-офицеромъ, французскій консулъ (Pernet) и т. д. За столомъ провозглашены были установленные международнымъ этикетомъ тосты.

Послѣ девяти часовъ въ резиденцію на Малабарскомъ холмѣ стали съѣзжаться весьма многочисленные гости. Общей сложностью количество званныхъ лицъ простиралось до шестисотъ человѣкъ. Между прочимъ, пріѣхали и офицеры съ нашей эскадры.

Хозяинъ дома и лэди Гаррисъ попросили Великаго Князя оффиціально выйдти — съ шествіемъ изъ главныхъ приближенныхъ впереди — въ гостинную, обращенную сегодня вечеромъ въ танцовальный залъ. Блестящее общество сгруппировалось вокругъ Ихъ Высочествъ и губернаторской четы. За нѣсколько минутъ до десяти Наслѣдникъ Цесаревичъ открылъ балъ, вальсируя съ хозяйкой.

Крайне правдоподобное предположеніе найдти на раутѣ значительный туземный элементъ смѣнилось разочарованіемъ: гдѣ-то мелькомъ пришлось увидѣть одинокую и грустную фигуру объевропеившагося индуса, — начальникъ конвоя лорда Гарриса, рослый чалмоносецъ, въ полномъ отъ всѣхъ отчужденіи прогуливался по галлереѣ, выходящей въ садъ, — въ нѣкоторомъ родѣ яркимъ исключеніемъ являлись лишь два парса съ женами, на странную одежду которыхъ мы — новоприбывшіе не могли не обратить вниманія. Черноокія, блѣднолицыя (съ желтоватымъ отливомъ), съ прямымъ проборомъ на головѣ, накрытой шелковою цвѣтною тканью, онѣ красиво драпировали ея золотистыми каймами свои плечи и талію.

Еще недавно, согласно древне-иранскому воззрѣнію, женщины боялись показаться, при чужихъ, не только простоволосыми, но даже съ незавѣшеннымъ лбомъ. Мода упразднила обычай предковъ, предписывавшій между прочимъ также носить въ ноздряхъ золотыя кольца, какъ это водится у туземцевъ Индіи.

Въ числѣ избранныхъ парсовъ, приглашенныхъ на балъ, находится сэръ Джемшиджи Джиджибхай, внукъ извѣстнаго коммерсанта, разбогатѣвшаго отъ торговли съ Китаемъ и получившаго титулъ баронета за щедрую и осмысленную благотворительность. Современный представитель рода руководитъ всею единовѣрною общиною и въ знакъ особой награды отъ королевы имѣетъ орденъ «Star of India».

Роль, которую огнепоклонники или, пожалуй, точнѣе солнце-поклонники играютъ въ странѣ, во многомъ напоминаетъ положеніе евреевъ въ западной Европѣ. Впрочемъ, здѣсь есть и свои туземные послѣдователи Моисеева закона (происхожденіемъ изъ Месопотаміи) съ собственными Ротшильдами — милліонерами Сасунами во главѣ.

Въ перерывы между танцами, продолжавшимися за полночь, гости выходили въ садъ, освѣщенный гирляндами китайскихъ фонариковъ. Чудный теплый воздухъ (и это двѣ недѣли до Рождества у насъ!) предрасполагалъ къ живительнѣйшимъ мечтаніямъ. Сѣвъ на любую скамейку въ тѣни, можно было безконечно долго, безъ утомленья, вглядываться

въ группы гуляющихъ среди иллюминаціи. Въ особой полупалаткѣ раскинулся буфетъ. Вереница экипажей вытянулась за пламенѣющимъ огнями губернаторскимъ домомъ. Музыка таяла въ недвижномъ воздухѣ. Чужія нашему сердцу, какъ-то случайно мелькающія передъ взорами веселье и празднество въ англійскомъ Бомбеѣ оригинально и пестро завершали пятидесятый день путешествія Наслѣдника Цесаревича на Востокъ.

Среда, 12—24 декабря.

Просыпаешься въ настоящемъ индійскомъ «bungalow», типичномъ зданіи, въ какихъ здѣсь живутъ англичане. Рядъ просторныхъ высокихъ комнатъ превосходно вентилируется открытыми на смежную террассу окнами и дверями. Снизу, изъ-подъ нея, слабо слышится мѣрный плескъ разбивающагося о прибрежныя скалы моря. Сквозь свѣтлый постельный пологъ видишь индуса — слугу, осторожно ставящаго на стулъ около кровати поднось съ обычнымъ для европейцевъ въ краю раннимъ завтракомъ «chota hazini» (крѣпкимъ чаемъ, бисквитами и фруктами).

Свѣжій вѣтеръ дышетъ въ лице, если выйдти на безконечный, позолоченный солнцемъ каменный балконъ. Европейское жилище воздвигается всегда нѣсколькими ступенями надъ землей, чтобы вредныя почвенныя испаренія и гады не такъ легко проникали въ спальни. Густыя деревья переплелись вокругъ пріютившихъ насъ домиковъ. Часть океана растилается за ними, сверкая пѣнистыми гребнями волнъ. Самый городъ, гавань, эскадра незримы, — находясь въ другой сторонѣ. Наши суда еще близки, но уже чувствуется отрѣшенность отъ нихъ. Міръ Индіи сталъ между ними и нами.

Яркая проворная ящерица замерла на сосѣдней стѣнѣ. Прехорошенькая темная бѣлочка съ присущими только ей одной полосками поперекъ спины, — которыя, по преданію — слѣды пальцевъ языческаго божества, взявшаго звѣрька въ руки, — не торопясь перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку. Зеленый попугайчикъ съ уморительной важностью посматриваетъ изъ лоснящейся листвы. Убаюканная утреннею нѣгой природа. . . Засмотрѣвшаяся на пальмовыя рощи синева небесъ. . .

Наряду съ крайнимъ развитіемъ и укорененіемъ западной цивилизаціи на Бомбейскомъ побережьѣ, — почти въ двухъ шагахъ отъ губернаторской резиденціи (которая, къ слову сказать, заняла мѣстоположеніе древней разрушенной кумирни) и отъ роскошныхъ домовъ мѣстной плутократической знати исконные жители края, добродушно-консервативные индусы, будучи руководимы браминами, въ качествѣ народныхъ духовныхъ вождей, упорно продолжаютъ жить по своему, вѣрить и молиться по своему, смотрѣть на Божій міръ (словно тысячи лѣтъ тому назадъ) глазами . . . . взрослыхъ дѣтей. Такъ какъ впереди во время путешествія по Индіи и безъ того, вѣроятно, неразъ придется соприкоснуться воочію съ мѣстнымъ культомъ, съ мѣстными религіозными обычаями и странностями туземнаго богопочитанія, — то Ихъ Высочества не ѣздятъ осматривать на Малабарскомъ же холму извѣстный здѣсь храмъ Валкешваръ или Валукешваръ («песчаный владыка»), обязанный своимъ происхожденіемъ чудотворному пребыванію героя Рамы, остановившагося именно на этомъ мѣстѣ, при походѣ на Цейлонъ, куда, согласно древнему романтическому эпосу, похищена была Сита, жена этого богатыря незапамятныхъ миѳическихъ временъ, странствовавшаго затѣмъ повсюду въ поискахъ за похищенною подругой. Между прочимъ,

онъ забрелъ и сюда на «Malabar Hill», откуда теперь направлены на море угрожающія жерла англійскихъ пушекъ. Утомленный долгой дорогой герой захотѣлъ пить, но кругомъ нельзя было найдти прѣсной воды; тогда онъ выстрѣлилъ въ землю изъ лука и о чудо! тамъ, куда ударилась стрѣла, появился водоемъ. Сверхъестественное явленіе этимъ однимъ не кончилось. Обычный спутникъ и соратникъ Рама, богатырь Лакшманъ, ежедневно по воздуху доставлялъ ему, для поклоненія, эмблему Шивы «лингамъ». Молясь на него, Рама ободрялся къ новымъ поискамъ, къ новымъ подвигамъ. Однажды «лингамъ» не былъ доставленъ во время и смущенный герой самъ сдѣлалъ изъ горсти песка на Малабарскомъ холму эмблему Шивы. Съ тѣхъ поръ мѣсто свято чтится туземцами, стекающимися посмотрѣть на отмѣченное такими чудесами урочище: напримѣръ, когда показались португальцы, послѣдняя въ священномъ ужасѣ сама сбросилась въ море. Самый мысъ называется «Малабарскимъ», потомучто онъ издавна посѣщается малабарцами, жителями

ТУЗЕМНЫЙ ЭКИПАЖЪ ВЪ БОМБЕѢ.

болѣе южнаго западно-индійскаго побережья. Знаменитый вождь маратовъ — Сиваджи — тайкомъ отъ англичанъ приходилъ сюда ночью на поклоненіе.

Валкешварскою водою набожно омываются. Культъ грознаго Шивы окруженъ по прежнему таинственною обрядностью.

Это — одна изъ особенностей ближайшей къ намъ части Бомбея, но есть и другія, въ сущности гораздо болѣе своеобразныя и малодоступныя пониманію европейцевъ, — чему сейчасъ легко найдти примѣръ.

Покинувъ въ пятомъ часу губернаторскій домъ, для предначертанной, согласно программѣ, поѣздки въ прежнюю губернаторскую резиденцію Парель — гдѣ должно собраться, для представленія Наслѣднику Цесаревичу, избранное общество Бомбея — экипажи Августѣйшихъ путешественниковъ, лорда Гарриса и свиты катятся по великолѣпному шоссе, красивою гористою дорогою, проложенною вдоль верхняго приморскаго склона «Malabar Hill». На одномъ изъ ея поворотовъ намъ сразу бросаются въ глаза купы деревьевъ, на вершинахъ которыхъ цѣлой вереницей сидятъ и чистятъ клювы хищныя птицы изъ породы коршуновъ, питающихся падалью.

Кто изъ читавшихъ объ Индіи не слыхалъ объ извѣстныхъ «башняхъ молчанья» послѣдователей Зороастровой религіи? Онѣ существуютъ на Малабарскомъ холму съ давнихъ поръ (до прихода англичанъ). За ближайшей, на половину скрытою въ листвѣ оградой, прямо передъ нами, находится именно это мѣсто послѣдняго успокоенья солнцепоклонниковъ. Такъ какъ европейцамъ строго запрещенъ туда доступъ и присутствовать при обрядѣ, замѣняющемъ погребенье, немыслимо, — то безполезно и выходить здѣсь изъ экипажей, чтобы мелькомъ взглянуть за оградой въ саду на модель пресловутыхъ башенъ. Стоитъ проѣзжать мимо, чтобы достаточно о нихъ услышать, если хочешь составить себѣ ясное понятіе о томъ, какъ парсы хоронятъ своихъ мертвецовъ и что ихъ ждетъ въ этихъ башняхъ молчанья. Покойниковъ приносятъ сюда и сдаютъ особымъ жрецамъ; трупы кладутся на особаго рода металлическое рѣшето, надъ круглымъ отверзтіемъ башни; коршуны слетаются и терзаютъ желанную добычу, — а, по мѣрѣ того какъ кости очищаются отъ мяса, онѣ катятся внизъ, въ одну общую усыпальницу, гдѣ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ члены парсійской общины въ перемежку, безъ отличія пола, возраста и положенія находятъ ту же суровую всеобъемлющую могилу. Только въ видѣ исключенія какой-то богачъ устроилъ для себя особую башню.

Если хищныя птицы не сразу бросаются на новопринесенный трупъ, это считается дурнымъ знакомъ, знакомъ грѣховности умершаго. Иные туристы ставятъ парсамъ въ вину такое жестокосердое и какъ-бы дикое отношеніе къ усопшимъ родственникамъ и друзьямъ; но, кто знаетъ поближе причины, заставляющія солнцепоклонниковъ поступать такъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, съ той эпохи, когда крѣпнулъ и развивался Иранъ, тотъ съ естественной снисходительностью смотритъ на мнимо-изувѣрный обычай и находитъ извѣстнаго рода оправданіе своеобразнымъ дѣйствіямъ парсовъ. Ихъ религія говоритъ: «все, что составляетъ въ мірѣ основныя стихіи, — огонь, земля, вода и т. д. — нѣчто священное. Нечистый по существу своему трупъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ осквернилъ бы тѣ начала, которыя люди должны почитать и ограждать отъ возможнаго осквернения.» Разъ что коршуны склюютъ тлѣнную оболочку на оставѣ человѣка, разъ что кости упадутъ въ одну общую яму, уравнивающую все и всѣхъ, — стихіи остаются не тронуты разлагающимися веществами, а люди, по своему схоронившіе трупы, не совершили никакого тяжкаго грѣха. Отрѣшенныя отъ тлѣнной оболочки души направляются въ небо Ахура-Мазды, куда по грозному мосту испытаній «Тшинаватъ» спокойно проходятъ лишь истинно праведные. Добрыхъ, въ преддверьи рая, встрѣчаетъ удивительной красоты дѣвушка, воплощенье ихъ собственныхъ благихъ дѣлъ. Душа тогда преображается:

И всѣ радости жизни сначала
Передъ нею проходятъ опять,
И все то, что она испытала,
И все то, что должна испытать.
И лучами блаженства согрѣта,
И источникомъ жизни дыша,
Въ океанъ безконечнаго свѣта
Погружается мирно душа.

Кн. Цертелевъ.

Поясняя иноплеменникамъ эти предначертанія роднаго вѣроученія, парсы указываютъ, между прочимъ, и на то, что съ новѣйшихъ санитарныхъ точекъ зрѣнія благоразумнѣе и чище поступать такъ, какъ дѣлаютъ они, послѣдователи Зороастра, пріискивая такимъ путемъ исходъ изъ немаловажныхъ гигіеническихъ и нравственныхъ затрудненій. Образованные

европейцы, которые въ сущности едва-ли не черезчуръ скоро проникаются умиленіемъ передъ восточными умозрѣніями и толкованіями, начинаютъ уже въ литературѣ защищать обычай отдачи труповъ хищнымъ птицамъ. Логично отстаивающіе каждый свой парадоксъ, ловкіе, вкрадчивые солнцепоклонники находятъ теперь союзниковъ своимъ взглядамъ въ лицѣ нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ писателей. Послѣдніе, вѣроятно, потому и высказываются за парсовъ, что они краснорѣчиво объясняютъ и отстаиваютъ значеніе, придаваемое ими погребенью. Въ Тибетѣ и Монголіи до сихъ поръ буддисты выносятъ покойниковъ на возвышенности, оставляя ихъ тамъ на растерзаніе собакамъ, птицамъ и звѣрямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже принято, чтобы ближайшіе родственники сами разрубали на горной вершинѣ тѣло усопшаго и прямо на воздухъ бросали куски трупа подлетающимъ коршунамъ. Пишущіе о ламаизмѣ европейцы почему-то до сихъ поръ считаютъ звѣрскимъ и ужасающимъ такой образъ дѣйствій. Приди къ нимъ какой-нибудь европейски образованный тибетецъ съ своими объясненіями, чѣмъ руководятся туземцы за Гималаями, поступая именно такъ, а не иначе, — очень возможно, что завтра же европейскіе ученые заговорятъ о разумности и цѣлесообразности столь несложнаго и цѣлесообразнаго погребенія.

Парель. Здѣсь когда-то находился благоустроенный іезуитскій монастырь, откуда англійскія власти въ одинъ прекрасный день удалили отцовъ-монаховъ за политическую неблагонадежность. Воспользовавшись удобствами мѣста, обсаженнаго цѣлымъ паркомъ и гораздо болѣе уединеннаго чѣмъ прежняя губернаторская резиденція въ крѣпости у моря, администраторы Бомбея переселились сюда и до послѣднихъ годовъ пользовались массивнымъ зданіемъ временъ ордена, пока нездоровыя условія низменной почвы, на которой воздвигнутъ открывающійся передъ нами дворецъ, не принудили губернаторовъ искать лучшаго прибѣжища на Малабарскомъ холмѣ, постоянно овѣваемомъ вѣтромъ съ моря. Тамъ издавна селились наиболѣе зажиточные горожане Бомбея. Однако, еще въ пріѣздъ принца Валлійскаго, его королевское высочество чествовался въ Парелѣ, нынѣ запустѣломъ и заглохшемъ въ обыкновенные дни.

Множество приглашенныхъ (преимущественно туземцевъ) столпилось у подъѣзда Пареля. Августѣйшіе путешественники входятъ въ яркую огромную залу и сразу окружены именитыми представителями инородческаго элемента. Тутъ и видѣнный нами вчера князь Палитаны — Кумаръ Шри, и его высочество Шри Кешри Синги, Наванагарскій Джамъ (почти неограниченный правитель раджпутской т. е. воинской крови, владѣющій нѣсколькими стами тысячъ подданныхъ въ 500 в. къ сѣверо-западу отъ Бомбея: гордые соплеменники этого махараджи до послѣдняго времени истребляли свое потомство женскаго пола, за невозможностью породниться со столь же знатными семействами и для того чтобы не терпѣть безчестія имѣть дома дѣвушекъ, не нашедшихъ жениха).

Тучный юноша (лѣтъ восемнадцати), въ черномъ сюртукѣ и фескѣ, оказывается Ага Шахомъ, — удивительнымъ существомъ, которое почитается здѣшними богатыми мусульманами шіитскаго толка за воплощеніе или перерожденіе полулегендарнаго «горнаго старца», вождя прославленныхъ крестоносцами Ассасиновъ, мистически настроенныхъ убійцъ во имя вѣры. Ихъ вполнѣ миролюбивые преемники, составляющіе въ Индіи свыше 10,000 семействъ, переселились сюда изъ Персіи вслѣдствіе распрей прежняго Ага Шаха съ тамошнимъ правительствомъ и нажили тутъ торговлей съ Китаемъ и Сіамомъ огромныя богатства.

Около стоитъ Сачинскій ханъ — Навабъ Ява Насрулла, потомокъ пиратовъ абиссинскаго происхожденія, когда-то страшныхъ здѣшнимъ сосѣднимъ побережьямъ, но за дружбу съ англичанами получившихъ право оффиціальнаго привѣтствія 9 пушечными выстрѣлами со стороны властей.

Одно названіе страннѣе другаго слышится, если освѣдомиться о фамиліи собравшихся сюда лицъ неевропейскаго облика. Имена и прозвища такъ любопытны по звуку, что иныя положительно жалко было бы не привести: вотъ примѣры — Атмарамъ Тримбукъ Кхарка Рай Бахадуръ (все одно лице!), Бурджорджи Зорабджи Шрофъ, Бхагвандасъ Наротумдасъ, Бомонджи Курситжи Бандупвалла, Дамодердасъ Тапедасъ Варадждасъ, Швлалъ Моталалъ и т. д. и т. д. Даже русскому уху, привычному къ самымъ разнохарактернымъ фамиліямъ нашихъ азіатскихъ окраинъ, и то какъ-то не по себѣ, при произнесеніи всѣхъ «дасъ» и «джи».

Наибольшее число гостей состоитъ изъ парсовъ съ женами и дочерьми (въ ихъ пестрыхъ, нѣжноцвѣтныхъ одѣяніяхъ «сари»). Такъ какъ намъ все чаще и чаще приходится упоминать объ этихъ жителяхъ и жительницахъ Индіи, то наконецъ умѣстно подробнѣе сказать о нихъ нѣсколько словъ.

ТУЗЕМНЫЕ ТИПЫ БОМБЕЯ.

Переселеніе парсовъ въ Индію послѣдовало вскорѣ послѣ разгрома царства Сассанидовъ. Жители Персіи или приняли исламъ, или подчинились жестокимъ, унизительнымъ условіямъ своего дальнѣйшаго существованія язычниками на родинѣ, или бѣжали: сначала на островъ Ормузъ въ Персидскомъ заливѣ, а потомъ въ западную Индію, гдѣ одинъ преданный браманизму раджа человѣколюбиво принялъ несчастныхъ изгнанниковъ, разрѣшивъ имъ сохранить религію отцовъ, съ тѣмъ однако, чтобы они въ свою очередь отнюдь ничѣмъ не оскорбляли вѣры его подданныхъ. Тѣ согласились, постепенно свыклись со своимъ новымъ отечествомъ — полуостровомъ Гуджератомъ, слегка ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ и даже, когда мусульмане впослѣдствіе проникли въ пріютившую парсовъ страну, они наряду съ ея прочими обитателями храбро встрѣтили ненавистнаго врага. До прибытія въ Индію европейцевъ, солнцепоклонники не выдѣлялись особеннымъ образомъ среди мѣстныхъ кастъ и племенъ; понемногу же, ставъ посредниками въ торговыхъ сдѣлкахъ между иностранцами и туземцами, они честностью, аккуратностью и коммерческими способностями завоевали себѣ почетное мѣсто въ каждомъ изъ западно-индійскихъ приморскихъ городовъ. Параллельно

съ успѣхами англичанъ возростало и значеніе парсовъ. Они являлись крайне искусными судостроителями, промышленниками, банкирами, предпріимчивыми купцами и т. п. Сбытъ опіума въ Китай и широко поставленныя сношенія съ гаванями Небесной имперіи, умѣнье примѣняться ко всякимъ нуждамъ дня, наконецъ удачныя попытки выдвигаться при помощи самообразованія вскорѣ доставили парсамъ огромное благосостояніе, сдѣлали ихъ совершенно незамѣнимыми для англичанъ (даже при дальнихъ походахъ на Афганистанъ) и такимъ путемъ обусловили исключительное положеніе, занимаемое стотысячною общиною солнцепоклонниковъ въ имперіи королевы Викторіи. Къ чести парсовъ надо сказать, что ихъ отличительною чертою всегда была благотворительность, подчасъ достигавшая грандіозныхъ размѣровъ. Богачи-огнепоклонники жертвовали на всякаго рода филантропическія учрежденія, отнюдь не разбирая, кто изъ иновѣрцевъ будетъ пользоваться подобною щедро расточаемою помощью. Одинъ милліонеръ, за свою неизсякающую милостыню прозванный «Readymoney» (въ теченіе жизни онъ роздалъ около 2½ милл. рублей), жертвовалъ и на пострадавшихъ во время франко-прусской войны, и на католическія и на пресбитеріанскія школы, и на голодающихъ, и на больницы. Зная честолюбіе парсовъ, британскія власти всячески награждали и поощряли ихъ выдающихся представителей, стараясь по возможности приблизить ихъ до той почти недосягаемой въ соціальномъ отношеніи высоты, на которой стоитъ всякій человѣкъ въ Индіи, принадлежащій къ англо-саксонской расѣ. Тѣ же въ свою очередь старались и стараются отличиться, въ качествѣ хорошихъ юристовъ, инженеровъ, врачей. Даже молодыя дѣвушки изъ среды огнепоклонниковъ, поборовъ восточные взгляды на слабый полъ, начинаютъ успѣшно заниматься медициной, чтобы принести посильную помощь своимъ замкнуто живущимъ индійскимъ сестрамъ.

Прослѣдовавъ черезъ залу съ гостями, Ихъ Высочества выходятъ въ прилегающій къ старой резиденціи садъ, гдѣ на встрѣчу гремитъ нашъ національный гимнъ. Губернаторъ прислалъ сюда свой оркестръ.

Нарядная толпа туземцевъ устремляется за нами, наводняетъ дорожки, провожаетъ Наслѣдника Цесаревича до возвышенной, густо обсаженной деревьями террассы, находящейся въ немногихъ шагахъ отъ дома. Запущенный паркъ вокругъ, наслѣдье отцовъ-монаховъ, широко развертывается позолоченною вечернимъ освѣщеніемъ, но темною и глухою листвой. Эти разновидныя чалмы, эти сквозныя шелковыя ткани, этотъ почтительно-затаенный говоръ по сторонамъ ласкаютъ и взоръ, и воображеніе.

Вотъ скользнула среди яркихъ инородцевъ темная фигура католическаго духовнаго. Сразу какъ лучъ сознанья блеснуло прошедшее обступившаго насъ Пареля, — нѣтъ, не его одного, а всего окрестнаго края, который безъ вооруженныхъ португальцевъ и безоружнаго воинства Рима еще неизвѣстно когда открылся-бы европейскому вліянію.

Четыреста лѣтъ назадъ Васко-да-Гама, снабженный грамотами къ «великому восточному хану», по ошибкѣ прибылъ на Малабарское побережье и почти униженно просилъ мѣстныхъ князьковъ не отказываться отъ общенья съ Западомъ. Вскорѣ однако пришельцы, воодушевившись миссіонерскими цѣлями, въ качествѣ новыхъ крестоносцевъ осѣдаютъ въ странѣ, создаютъ въ городѣ Гоа столицу цѣлаго колоніальнаго государства, преисполненную роскоши, блеска и благолѣпія. Во главѣ просвѣтительнаго движенія становится св. Франциск Ксавье. Невѣроятные успѣхи сулятъ славное будущее . . . и все пошло прахомъ, потому что нечистые помыслы узко-клерикальнаго характера и злодѣянія лицъ,

долженствовавшихъ быть носителями христіанской идеи на Востокѣ, испортили дѣло первыхъ мудрыхъ португальскихъ патріотовъ и проповѣдниковъ. Религіозныя гоненія породили смерть и тлѣнъ.

. . . . . Августѣйшіе путешественники проходятъ обратно черезъ Парельскій дворецъ на сосѣднія лужайки, гдѣ разставлены стулья для почетныхъ гостей, между которыми особенно выдѣляются консула и офицеры съ нашей эскадры: начинаются любимыя здѣсь игры («tent-pegging» and «tilting at the ring»). Смуглые солдаты губернаторскаго конвоя скачутъ мимо насъ и ловко стараются пиками задѣть большія деревяшки на землѣ или качающееся кольцо. Намъ русскимъ, знакомымъ съ джигитовкою, зрѣлище не Богъ вѣсть какъ любопытно. Туземцы навѣрно представляютъ изъ себя превосходный элементъ для легкой кавалеріи, ибо отцы и дѣды присутствующихъ нижнихъ чиновъ являли этому неоднократное доказательство въ эпоху маратскихъ и сикхскихъ войнъ; но чтобы они, т. е. первые, могли развить въ себѣ природную лихость и ловкость, имъ какъ и вообще восточнымъ народностямъ нужна, пожалуй, казацкая выправка и сноровка.

Посмотрѣвъ на «tent-pegging», Ихъ Высочества возвращаются въ прежнюю резиденцію и, поднявшись по красивой мраморной лѣстницѣ во второй этажъ, бросаютъ мимолетный взглядъ на величественные верхніе покои.

Сумерки. Пусто и темно въ огромныхъ заброшенныхъ хоромахъ. Даже жутко идти словно вымершею палатой, гдѣ нѣкогда высился католическій алтарь (а потомъ англичане помѣстили билліардъ), гдѣ стекались — на поклонъ британскимъ властямъ и для подношеній — усыпанные драгоцѣнностями раджи и навабы, теперь же гулко и сиротливо звучатъ лишь торопливые шаги случайныхъ посѣтителей Пареля.

Мы — на просторномъ балконѣ. Вечеретъ. Въ саду внизу рисуются группы гуляющихъ гостей. Наслѣдникъ Цесаревичъ подошелъ и разговариваетъ съ представительнымъ туземнымъ офицеромъ, до сихъ поръ одиноко стоявшимъ въ сторонѣ. Тропическое солнце какъ-то безсильно падаетъ, скатывается за деревья. Тонкія пальмы, окаймляющія вышеназванную террассу передъ нами, точно вѣерами опахиваются своею изящною вѣерообразною макушкой. Воздухъ сыроватъ. Вдругъ становится свѣжо.

Въ ожиданіи отъѣзда домой, всматриваешься сквозь прозрачную постепенно сгущающуюся мглу и въ это сразу померкнувшее небо, и въ подернувшійся болотнымъ туманомъ близкій паркъ, и въ вереницы туземцевъ, съ любопытствомъ собравшихся подъ балкономъ. Солнцепоклонники составляютъ между ними наибольшое число. Ихъ такъ много здѣсь, они до того типичны, (одинъ, напримѣръ, худощавый старикъ съ большими сѣдыми усами отличается совершенно польскою физіономіей), что поневолѣ хочешь добавить къ сказанному о послѣдователяхъ Зороастра нѣсколько лишнихъ фактовъ, но далеко не лишнихъ соображеній.

Въ громадномъ Бомбеѣ парсы составляютъ сравнительно весьма малую долю населенія; но въ виду ихъ крайней зажиточности, удивительной замкнутости и солидарности, а главнымъ образомъ, въ виду ихъ умѣнья ладить съ англичанами, проникаясь поверхностно схваченными европейскими идеями и обычаями, — эти чужеземцы дѣйствительно играютъ огромную роль въ западной Индіи. Англичане безъ парсовъ, пожалуй, не вполнѣ были бы тѣмъ, что они есть, на Малабарскомъ побережьи. Парсы безъ англичанъ, — можно, не преувеличивая, сказать, — едва ли бы такъ замѣтно выдвинулись, едва-ли бы пользовались при другихъ властяхъ преобладающимъ значеніемъ. Оттого-то и на чувства солнцепоклонниковъ, по отношенію къ англичанамъ, надо смотрѣть подъ извѣстнымъ угломъ, нисколько не подозрѣвая искренности парсійскихъ симпатій, но находя имъ чисто

практическое объясненіе, какъ случайному факту, который имѣетъ мало общаго съ настоящимъ положеніемъ дѣла. Парсы — въ данное время коммерсанты: всѣ ихъ торговые интересы связаны съ великобританскими и только на этомъ, больше ни на чемъ не основаны громкія завѣренія солнцепоклонниковъ, что они чувствуютъ себя кровно соединенными съ Англіей, ею дышутъ, на нее опираются, ея политическими радостями и невзгодами проникаются и живутъ.

Когда заканчивалась достопамятная Крымская кампанія, когда наши чудо-богатыри страдали и умирали славною смертью на бастіонахъ Севастополя, когда въ Индіи тлѣлось и подготовлялось возстаніе сипаевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многихъ другихъ элементовъ индійскаго населенія, — парсы вдругъ проявили какія-то чрезвычайныя вѣрноподданическія чувства, совершали въ своихъ храмахъ особыя молитвословія за успѣхъ англійскаго оружія, произносили тѣ же заклинанія, которыя будто-бы произносились ихъ предками во время ирано-персидской монархіи, при войнахъ съ внѣшними врагами. Испрашивая у небесныхъ силъ помощи британскимъ войскамъ въ борьбѣ противъ русскихъ, парсы даже дошли до того, что установили день празднества въ память паденія Севастополя. Теперь, четверть вѣка спустя, подобное историческое воспоминаніе можетъ и должно, конечно, имѣть для насъ лишь анекдотическій характеръ, но съ фактомъ нельзя не считаться. Въ тусклой хроникѣ индифферентно-пассивныхъ отношеній большинства жителей Индіи къ внѣшней политикѣ англичанъ проявленія любви и восторговъ со стороны парсійской общины стоятъ совершенно особнякомъ и тѣмъ болѣе бросаются въ глаза своимъ не по разуму пылкимъ усердіемъ угодить и польстить современнымъ правителямъ страны.

Понятно, нечего и говорить, что со стороны Россіи огнепоклонникамъ никогда не было никакой обиды, не могло быть никакого пренебреженія къ ихъ вѣрованіямъ, никакой попытки чѣмъ-нибудь угрожать благосостоянію богатой парсійской общины. Какъ разъ въ то время около Баку, у огней, выбивавшихся изъ-подъ земли въ нефтяномъ районѣ, жалкіе гебры (выходцы изъ Персіи) мирно, никѣмъ не смущаемые молились пламенной стихіи. Вскорѣ затѣмъ наши войска шагнули въ предѣлы Туркестана, за Каспійское море, — и Россія присоединила къ себѣ тѣ именно края, гдѣ нѣкогда процвѣталъ культъ Зороастра, гдѣ раскидывался Иранъ въ его первобытныхъ и характернѣйшихъ основахъ, гдѣ наукѣ, — особенно археологіи, — предстоятъ цѣлыя неизмѣримыя области раскопокъ, находокъ и важныхъ открытій въ сферѣ тѣхъ вопросовъ, которые наиболѣе должны бы быть интересны самимъ парсамъ. Мервъ до сихъ поръ еще ждетъ своего изслѣдователя и истолкователя, — тотъ Мервъ, куда бѣжалъ отъ напиравшаго ислама послѣдній царь Сассанидской династіи Эздеджирдъ, унося туда съ собою священнѣйшее неугасимое пламя своей страны, своего народа. Отъ этого именно царя парсы ведутъ свое лѣтосчисленіе. Болѣе двѣнадцати вѣковъ этотъ Мервъ былъ во власти низвергнувшихъ парсійскую религію мусульманъ. Только теперь, при нашемъ неизбѣжномъ наступленіи въ Среднюю Азію, древній очагъ Зороастровой религіи освобождается отъ забвенья, открываетъ свое поле развалинъ археологамъ, между прочимъ призываетъ и западно-индійскихъ парсовъ обратить просвѣщенное вниманіе на нѣкогда великій персидскій городъ, въ окрестностяхъ котораго несомнѣнно уцѣлѣли еще многіе и многіе памятники глубокой Иранской старины.

Въ половинѣ седьмаго Ихъ Высочества возвращаются на «Malabar Hill» тѣмъ же путемъ, какъ и прибыли оттуда въ Парель (а именно: черезъ «Ridge», «Pedder Road» и

«Clerk Road»). Разстоянія здѣсь очень велики, такъ какъ городъ раскинутъ на болѣе значительномъ пространствѣ чѣмъ Лондонъ.

Въ темнотѣ по сторонамъ, по мѣрѣ приближенія домой, чрезвычайно симпатично выдѣляются освѣщенныя виллы богатыхъ солнцепоклонниковъ. Изъ тѣни густыхъ садовъ встаютъ уютныя терассы, заставленныя вазами, растеніями.

Сегодня за обѣдомъ — опять гости (между прочимъ: австрійскій, турецкій, персидскій и португальскій консула, командиры нашихъ судовъ и разные представители администраціи, а также издатели мѣстныхъ довольно вѣскихъ газетъ «Times of India» и «Bombay Gazette»). Вечеромъ является какой-то фокусникъ-туземецъ, не показывающій ничего любопытнаго, — особенно если ожидаешь видѣть что-либо сверхъестественное, какъ и подобало бы въ странѣ факировъ-чародѣевъ.

Съ огромной крытой веранды губернаторскаго дома, гдѣ происходитъ это представленіе, видишь вдали ослѣпительно-яркія вспышки Колабскаго маяка. Темное море, трепетно и слабо озаряемое гигантскимъ спасительнымъ свѣточемъ, будитъ въ сердцѣ тоскливо-сладостное мечтанье и чудится чѣмъ-то близкимъ, милымъ, роднымъ. Завтра, въ путь, за Гхаты въ Декканъ!...

Четвергъ, 13 (25) декабря.

Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи лишь 2—3 лицъ, ѣздитъ на «Память Азова» проститься съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, завтракаетъ въ каютъ-компаніи и затѣмъ, отбывъ съ фрегата на паровомъ катерѣ въ половинѣ втораго, вмѣстѣ съ лордомъ Гаррисомъ инкогнито совершаетъ прогулку по городу, касаясь между прочимъ и характерныхъ туземныхъ кварталовъ. Поэтому своевременно поближе вглядѣться въ разсадникъ европейской цивилизаціи на побережьи, довольно охотно ее воспринимающемъ и въ силу исключительныхъ условій призванномъ служить такъ сказать «вратами» въ молодую восточную имперію королевы Викторіи.

Развитіе и благоустройство Бомбея относится преимущественно къ послѣдней четверти столѣтія. Положимъ, онъ всегда отличался нѣкоторой живописностью, которую путешественники мало-по-малу привыкали цѣнить; но столица запада Индіи стала особенно замѣтно украшаться съ внѣшней стороны именно со второй половины нашего вѣка, когда Бомбей искусственно началъ богатѣть не по днямъ, а по часамъ, во время Сѣверо-американской междуусобной войны, когда въ Европу прекратился подвозъ необходимаго хлопка. Хлопокъ, на который въ Индіи тогда не обращали еще очень большаго вниманія и культура котораго далеко не стояла на высокомъ уровнѣ, вдругъ пріобрѣлъ неоцѣнимую важность въ глазахъ англо-индійцевъ, страшно вздорожалъ и громадными партіями сталъ доставляться на западъ. Городъ воспрянулъ. Люди, наканунѣ еще обладавшіе самымъ ограниченнымъ состояніемъ, на другой день просыпались почти милліонерами. Спекуляціи въ значительной степени способствовали подъему Бомбея; но, дойдя до извѣстной высоты, онъ, послѣ окончанія войны Сѣверныхъ американскихъ штатовъ съ Южными, вдругъ испыталъ множество банкротствъ и вообще всякихъ денежныхъ катастрофъ.

Какой-то римскій императоръ сказалъ про Римъ: «я засталъ его глинянымъ, а оставляю мраморнымъ.» Нѣчто аналогичное, въ сравнительно короткій срокъ, совершилось и съ Бомбеемъ. Онъ необыкновенно быстро, до неузнаваемости, преобразился въ эстетическомъ отношеніи, — и когда подробно вглядишься въ наполняющія городъ величественныя зданія — въ рамкахъ богатой южной растительности — то Бомбей, пожалуй, безъ

преувеличенья, можно было-бы назвать «городомъ парковъ и дворцовъ». Безшумно тѣсняющееся по улицамъ населеніе (такъ сказать собравшееся сюда едва-ли не со всѣхъ концовъ по крайней мѣрѣ азіатскаго материка), будучи разсматриваемо въ отдѣльности, являетъ собою такую любопытную смѣну одеждъ и лицъ, какой не найдешь нигдѣ. И то сказать! страна, насчитывающая до трехсотъ милліоновъ жителей, замѣчательна наиболѣе тѣмъ, что не представляетъ никакого органическаго цѣлаго; въ ней нѣтъ преобладающихъ народностей, сколько-нибудь мощныхъ туземныхъ элементовъ. Дробясь на тысячи долей, индійскіе подданные ея величества королевы взаимно другъ друга исключаютъ, потому что принадлежатъ къ разнороднѣйшимъ народностямъ и вѣрованіямъ, кастамъ и кастовымъ подраздѣленіямъ. Жители Индіи отчуждены другъ отъ друга рѣзкой противоположностью религіозныхъ убѣжденій и соціальныхъ взглядовъ. Страна изъ вѣка въ вѣкъ какъ бы осуждена, по природѣ вещей, дѣлаться поперемѣнно добычею иноземныхъ завоевателей. Эти послѣдніе, если приходятъ съ Сѣвера, то болѣе или менѣе ассимилируются съ покоряемыми здѣсь народами, теряютъ строго національную и вѣроисповѣдную самобытность, до нѣкоторой степени тѣсно сближаются съ новой родиной и какъ политическая единица тонутъ въ ней. Пришлецы же съ Запада, какъ насъ пока учитъ исторія, при невозможности и при нежеланіи сливаться съ подчиняемыми народами, въ концѣ концевъ тоже испытываютъ на себѣ туземныя культурныя вліянія и отнюдь не оказываются способными наложить на коренное населеніе свой рѣзко опредѣленный духовный отпечатокъ. Европейцы до сихъ поръ не въ состояніи были долго уживаться въ Индіи, пуская прочные корни на гигантскомъ полуостровѣ, который, подобно Китаю, едва-ли не долженъ считатся колыбелью всякой прочной цивилизаціи, всякаго ясно очерченнаго жизненнаго строя — всего того, однимъ словомъ, чѣмъ дышалъ и дышетъ непроницаемый Востокъ.

На улицахъ Бомбея видишь сухощавыхъ и длинныхъ арабовъ въ тяжелыхъ бурнусахъ и коричневыхъ чалмахъ, изнѣженно красивыхъ персіянъ, суровыхъ съ виду афганцевъ и белуджистанцевъ, негровъ, занзибарцевъ, маледивскихъ и лакедивскихъ островитянъ, бирманцевъ, малайцевъ, китайцевъ и т. п. Если къ нимъ еще прибавить мѣстныхъ жителей, то разнохарактерность обличья и одеждъ естественно станетъ на взглядъ еще гораздо ярче и поразительнѣе. Но это явленіе, какъ уже сказано, не слишкомъ рѣзко бросается въ глаза и далеко не проникнуто въ своихъ основахъ тѣми же отличительными чертами, которыя выступали столь рельефно, напримѣръ, при посѣщеніи Каира, гдѣ однако на каждомъ шагу, въ средѣ туземцевъ, мелькало огромное количество европейцевъ. Послѣднихъ значительно меньше на улицахъ Бомбея, гдѣ невообразимо-пестрая толпа вѣчнымъ прибоемъ колышется отъ ранняго утра до поздняго вечера.

Если углубиться въ восточные кварталы, то — какъ только изъ виду потеряется колоссальная университетская башня, царящая надъ европейскою частью города, воздвигнутая съ огромными затратами однимъ милліонеромъ-индусомъ Премчандъ Райчандъ, въ память своей матери Раджа Бай — вниманіе сразу приковывается къ крайне любопытной обстановкѣ. Высокіе дома (въ нѣсколько этажей, съ цвѣтными фасадами, узорчатыми балкончиками, маленькими рѣзными колоннами) сходятся, правда, куда ближе другъ къ другу чѣмъ зданія у пристани и около нея, но всетаки мѣстами даютъ еще достаточно проѣзда конно-желѣзной дорогѣ, представляющей въ своемъ родѣ единственное зрѣлище, — какъ способъ передвиженія, подобно желѣзной дорогѣ, заставляющій людей всевозможныхъ слоевъ общества преспокойно свыкаться со своимъ сосѣдствомъ на той же скамьѣ вагонной платформы, вопреки предписаніямъ кастовой нетерпимости и природной горделивой спѣси.

Сухопарые, длинные индусы въ красныхъ головныхъ уборахъ, съ кастовыми значками на лбу, — тучные солнцепоклонники въ темныхъ блузахъ съ глянцовитыми странными шапками (какими-то неуклюжими цилиндрами безъ полей), заимствованными отъ торговыхъ людей на новой родинѣ парсовъ въ Гуджератѣ, — богатые купцы съ цѣлыми такъ-сказать «пирамидами» муслина надъ челомъ, — простыя туземныя женщины съ непокрытыми лицами, съ корзинами навоза на головѣ, но въ изящныхъ запястьяхъ, кольцахъ въ ноздрѣ, серебряныхъ обручахъ на ногахъ, — водоносы «бисти», понуро бредущіе среди толпы, — почти голые золотисто-смуглые мальчуганы съ синими четками на шеѣ, — заѣзжіе мусульмане изъ Средней Азіи, — все это тѣснится межъ недоступныхъ «невѣрующимъ» индійскихъ храмиковъ съ ярко-безвкусною архитектурою, лавокъ съ матеріями, ввозными

УЛИЦА ВЪ ТУЗЕМНОМЪ БОМБЕѢ.

издѣліями и всякой всячиной, мастерскихъ съ различными мѣстными производствами и т. п. Введенныя при португальскомъ владычествѣ телѣги, запряженныя способными бѣгать рысью быками, съ полотнянымъ пологомъ на шестахъ (надъ сидящими въ этихъ повозкахъ, а также отчасти съ цѣлью ограждать отъ солнца самихъ животныхъ), экипажи состоятельныхъ парсовъ съ богато разодѣтой дѣтворой въ золототканныхъ шапочкахъ, крѣпкія иноземныя лошади конножелѣзной компаніи съ большими шляпами (точно у людей), для устраненія солнечныхъ ударовъ, — все это причудливо мелькаетъ передъ глазами, отнюдь необразуя въ памяти ничего связнаго, опредѣленнаго, органически-цѣлаго. Бомбей еще недостаточно индивидуаленъ, въ виду разноплеменности, а главное разнохарактерности его элементовъ, такъ что получить о немъ ясное представленіе на основаніи поверхностныхъ наблюденій (какъ напр. въ сравнительно однозвучномъ Каирѣ), пожалуй, прямо-таки невозможно.

Въ городѣ нѣтъ достопримѣчательностей и любопытныхъ зрѣлищъ (конечно, если не причислять къ первымъ конскій базаръ съ доставляемыми моремъ арабскими, персидскими и другими проникающими въ Индію съ сѣвера скакунами — или какую нибудь случайно замѣчаемую съ улицы парсійскую свадьбу).

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ГУБЕРНАТОРСКОЙ РЕЗИДЕНЦІИ.

Въ десятомъ часу вечера мы покидаемъ «Malabar Hill». Экипажи мягко катятся внизъ по нагорной дорогѣ, къ желѣзнодорожной центральной станціи «Victoria Terminus». Лунный свѣтъ ложится окрестъ на волны, на деревья, на окаймляющія шоссе каменныя глыбы, — словно готовыя сорваться со своего подножія и низвергнуться съ осеребренныхъ мѣсяцемъ густолиственныхъ склоновъ «Малабарскаго холма». Вокзалъ окруженъ массой народа, красиво иллюминованъ и декорированъ. Кромѣ властей Наслѣдника Цесаревича провожаютъ адмиралъ Басаргинъ и командиры русскихъ судовъ. Безчисленные сторожевые огни пылаютъ вдоль рельсоваго пути, по которому Великій Князь направляется за Гхаты.

ВО ВЛАДѢНІЯХЪ НИЗАМА.

Пятница, 14 (26) декабря.

Три четверти седьмаго. Отъ Бомбея насъ уже отдѣляютъ триста верстъ. Довольно большая станція Нандгаонъ (или Нандгамъ), откуда предстоитъ совершить продолжительную экскурсію въ мѣстечко Родзу около Эллорскихъ пещерныхъ храмовъ, издревле вызывающихъ изумленіе во всѣхъ, кто посѣщаетъ страну.

Ночь въ вагонахъ была проведена довольно спокойно, если не считать, что двухъ-трехъ изъ насъ, — запертыхъ въ полномъ отчужденіи отъ внѣшняго міра, — послѣ пряной англо-индійской кухни, жестоко мучила жажда. При каждомъ отдѣленіи находились въ достаточномъ количествѣ бутылки съ сельтерской водою и лимонадомъ, но сразу невдомекъ было, гдѣ ихъ искать въ нашихъ купэ..

Размѣщеніе лицъ свиты въ экстренномъ поѣздѣ болѣе или менѣе опредѣлено неизмѣннымъ, на все время передвиженій по Индіи. Кромѣ спальнаго вагона Ихъ Высочествъ и вагона-столовой, въ длинной вереницѣ прочихъ вагоновъ сопровождающіе Наслѣдника Цесаревича заняли свои отдѣленія преимущественно по двое: кн. Барятинскій съ М. К. Ону, Кочубей съ Волковымъ, докторъ Рамбахъ съ художникомъ Грищенко, Мэкензи Уоллесъ съ Гардингомъ, Оболенскій со мною. Полковникъ Джерардъ, на котораго возложена труднѣйшая и крайне отвѣтственная задача завѣдывать всѣмъ Великокняжескимъ путешествіемъ по Индіи, обыкновенно занимаетъ особое маленькое отдѣленіе, гдѣ даже въ дорогѣ, на полномъ ходу, диктуетъ депеши, отчеты и распоряженія одному индусу. Постоянная въ данное время свита увеличилась еще присутствіемъ двухъ англійскихъ офицеровъ (капитана Гровера, откомандированнаго отъ втораго полка Пэнджабской кавалеріи, расположеннаго въ Мерутѣ, и поручика Ньюнхэма изъ штаба въ Симлѣ). Оба они жили въ Россіи, знаютъ по русски, послѣдній вдобавокъ женатъ на москвичкѣ.

Такимъ образомъ насъ неотлучно сопровождаютъ 4 лица, владѣющихъ русскимъ языкомъ и понимающихъ все, о чемъ бы мы ни говорили. Для всякихъ услугъ (на случай покупокъ, краткихъ экскурсій и тому подобнаго) къ свитѣ присоединенъ еще мусульманинъ (Munshi Azizuddin), а также въ поѣздѣ находится нѣсколько человѣкъ весьма

представительныхъ сикховъ, взятыхъ полковникомъ Джерардомъ изъ его полка «Central India Horse», въ качествѣ опытныхъ охотниковъ (по мѣстному «шикари»). Хотя иные изъ нихъ въ туземныхъ офицерскихъ чинахъ, но это обстоятельство внѣшнимъ образомъ мало возвышаетъ ихъ надъ собратьями по оружію, такъ какъ не даетъ правъ общенья съ англичанами какъ равныхъ съ равными. Около нихъ размѣщены русская и упомянутая мѣстная прислуга. Число безсмѣнно участвующихъ въ путешествіи въ концѣ концевъ оказывается довольно велико (болѣе тридцати). Предстоитъ въ этомъ составѣ посѣтить главнѣйшіе центры страны, проѣхать тысячи верстъ, полтора мѣсяца быть въ почти непрерывной желѣзнодорожной суетѣ и неизбѣжномъ напряженьи.

Со станціи Нандгаонъ мы уѣзжаемъ въ двухъ высокихъ помѣстительныхъ шарабанахъ, на огромныхъ колесахъ. Они запряжены крѣпкими, рослыми лошадьми австралійской породы, каковыя тутъ, въ Индіи, вообще въ большомъ почетѣ, особенно для ремонта артиллеріи.

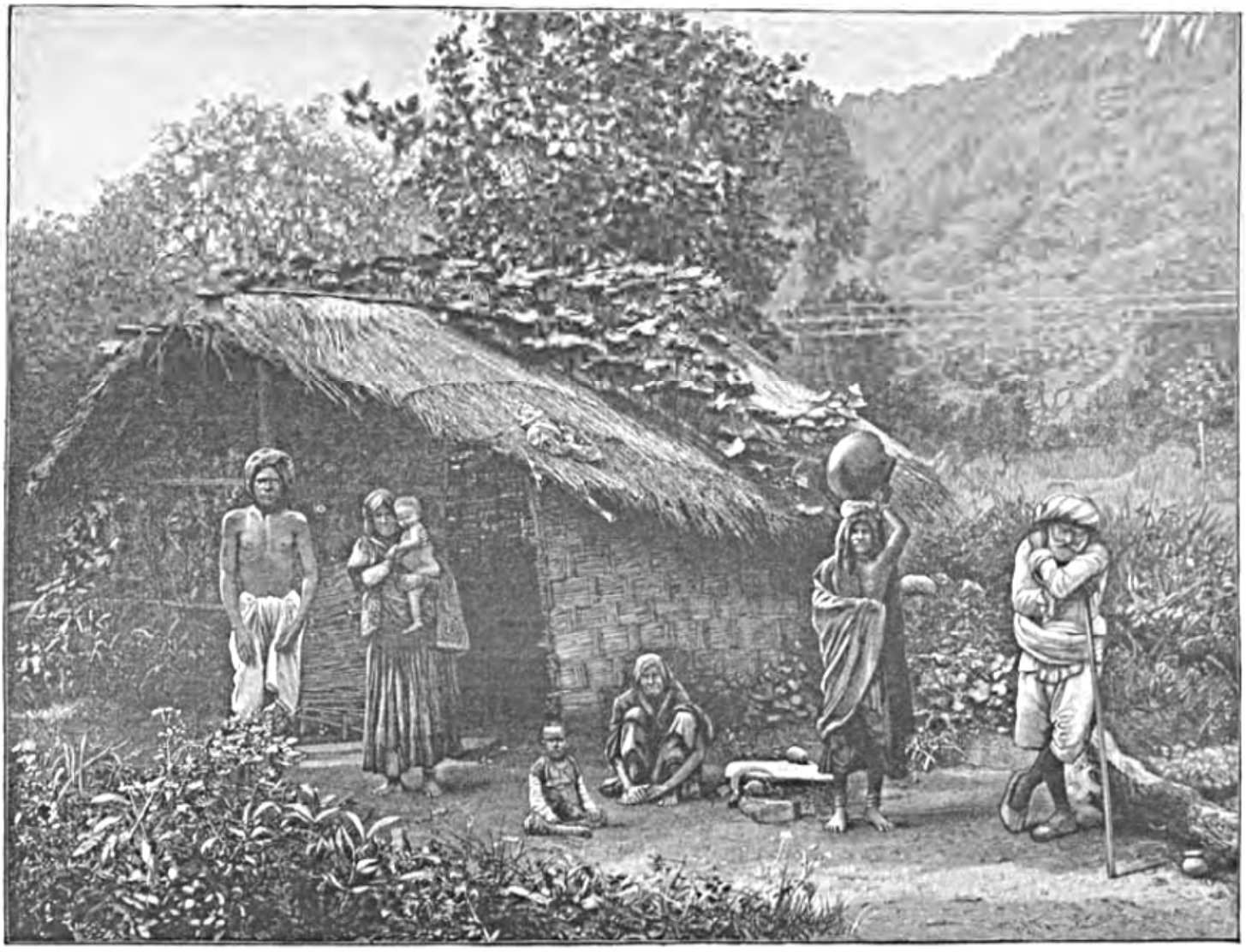
Дорога всего нѣсколько верстъ идетъ по англійскимъ владѣніямъ. Превосходнѣйшее шоссе изгибается вдоль древесныхъ изгородей слегка холмистою, неровною мѣстностью. Рядъ туземныхъ полицейскихъ окаймляетъ первоначально путь, на разстояніи какихъ-инбудь ста шаговъ другъ отъ друга.

Затѣмъ окрестности становятся глуше и невоздѣланнѣе. Начинаются владѣнія его высочества Низама. Дорога по прежнему хороша и видимо заново вымощена. Мы ѣдемъ по прямой линіи на главный городъ округа — Аурангабадъ, который именно по этому направленію поддерживаетъ постоянныя сношенія съ желѣзнодорожною линіей. Въ первомъ экипажѣ помѣщаются Ихъ Высочества, князь Барятинскій, М. К. Ону и старшія лица англійской свиты; во второмъ — докторъ Рамбахъ и мы всѣ остальные. Быстрая ѣзда въ непосредственной близости отъ Великокняжескаго шарабана дѣлается нестерпимой изъ-за густой пыли, встающей за нимъ. Мы тѣмъ не менѣе не отстаемъ, но черезъ какія-нибудь пять-шесть верстъ чуть не становимся жертвами непредвидѣнной катастрофы. У нашего втораго шарабана ломается колесо. Кочубей въ послѣднюю минуту успѣваетъ замѣтить бѣду и останавливаетъ экипажъ; не останови онъ его мгновенно — мы, при движеніи впередъ полнымъ алюромъ, непремѣнно попадали бы съ высокихъ сидѣній на камни и разбились бы въ дребезги. Къ счастью, за шарабанами ѣдетъ множество маленькихъ мѣстныхъ телѣжекъ съ багажемъ и прислугой. Кое-какъ размѣщаешься въ этихъ довольно удобныхъ повозочкахъ (тонгахъ или тангахъ) и такимъ образомъ продолжаешь путь. Великокняжескій экипажъ хотя и значительно опередилъ насъ, но тоже портится въ дорогѣ, въ виду своей необыкновенной тяжести и быстрой ѣзды, такъ что Ихъ Высочества, съ нѣкоторымъ запаздываньемъ, верхомъ прибываютъ на мѣсто назначенной трехдневной стоянки, въ Родзу.

Начиная отъ Нандгаона, туземное населеніе массами сбѣгается на всѣ пункты, гдѣ назначены перепряжки. Лицемъ къ лицу сталкиваешься съ мѣстнымъ простонародьемъ, да еще въ такой сравнительно глухой области, куда не особенно часто заглядываютъ иностранные путешественники.

Поразительно оригинальная толпа, въ молчаливо-сосредоточенномъ настроеніи, почтительно окружаетъ чужеземцевъ. Аурангабадскій округъ богатъ если не разновидными типами, то подраздѣленіями кастово-религіознаго характера, который накладываетъ свою печать на представителей каждаго толка, каждаго сословія, каждой сельской общины, къ

слову сказать, имѣющей издревле въ Индіи весьма важное значеніе. Такъ какъ низшіе классы не знаютъ затворничества женщинъ, введеннаго и привитаго высшимъ и отчасти среднимъ слоямъ воздѣйствіемъ суроваго ислама, столь рѣзко противоположнаго кореннымъ потребностямъ индусскаго и вообще арійскаго духа, — у деревень и въ деревняхъ масса дочерей Деккана близко подходитъ, вмѣстѣ съ ребятишками, къ нашимъ экипажамъ и подолгу не отрываетъ удивленно-застывшихъ взоровъ отъ гостей своего повелителя Низама, среди которыхъ, согласно стоустой молвѣ, находится Русскій Престолонаслѣдникъ.



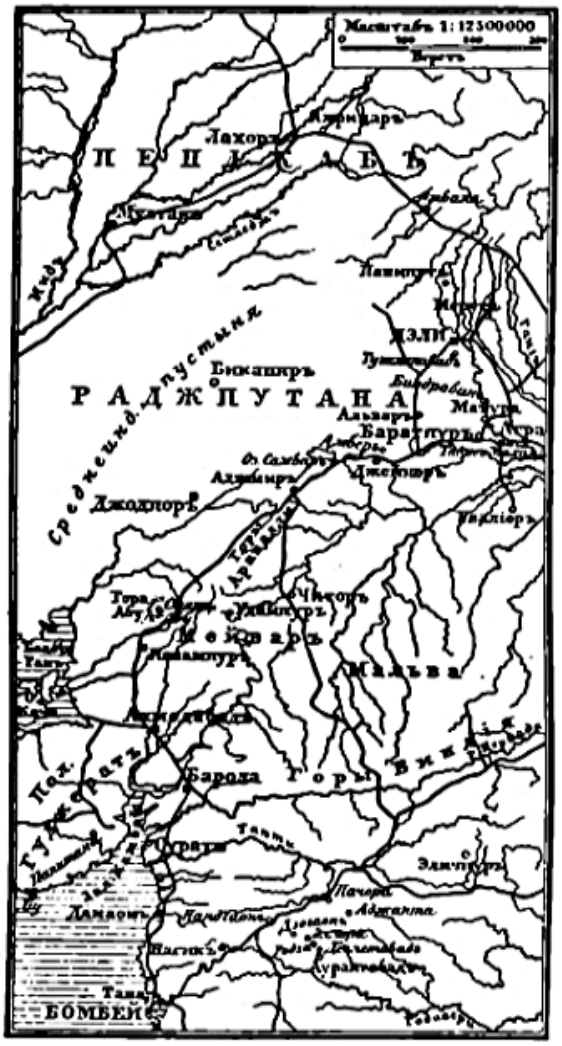
ТУЗЕМЦЫ НИЗШИХЪ КАСТЪ ВНУТРЕННЕЙ ИНДІИ.

Оказывается, что, благодаря чрезмѣрной распространенности и болтливости индійскихъ многочисленныхъ газетъ, служащихъ преимущественно эхомъ и отраженіемъ тѣхъ страстнымъ тономъ написанныхъ статей, гдѣ руссофобская часть англійской печати краснорѣчиво говоритъ о Россіи, ея боевыхъ силахъ, завоевательной политикѣ и т. п., мы крайне популярны повсюду въ странѣ и жители поэтому съ понятнымъ любопытствомъ стекаются по пути слѣдованія Его Императорскаго Высочества.

По возвращеніи обратно въ Европу большинству изъ насъ, безъ сомнѣнія, будетъ предлагаться довольно странный и праздный вопросъ, — любятъ-ли и ждутъ-ли русскихъ за Гималаями, какъ будто на это можетъ существовать какой-нибудь подходящій отвѣтъ. Народы дальнаго юга — какъ и вообще Востокъ въ его органической цѣлости — никого

кромѣ себя въ принципѣ не признаютъ, и отнюдь не жаждутъ иноплеменнаго вмѣшательства въ ихъ судьбу; но рядомъ съ тѣмъ нѣтъ земель на свѣтѣ, гдѣ бы населеніе легче свыкалось съ событіями историческаго порядка и глубже преклонялось передъ совершившимся фактомъ.

Итакъ, передъ нами настоящая, неприкрашенная вымыслами, колоритная и тѣмъ не менѣе убогая по внѣшности языческая Индія. Полунагіе смуглые люди съ испитыми лицами; выраженіе тихой вѣчной грусти въ очахъ; грубыя краски на лбу въ знакъ принадлежности къ шиваизму и вишнуизму, раздѣляющему поселянъ аурангабадскаго округа на противоположныя направленія; красный, грязно-желтый или даже изрѣдка темный цвѣтъ одежды; унылые звуки огромнаго рога, которымъ какой-то туземецъ въ толпѣ у одной перепряжки какъ-бы чествуетъ иностранцевъ-путешественниковъ, — все это такъ неожиданно-ново и до того несоотвѣтствуетъ представленіямъ о странѣ съ ея обитателями, что сразу и не свяжешь непосредственныхъ мыслей относительно обступившей насъ жизни.

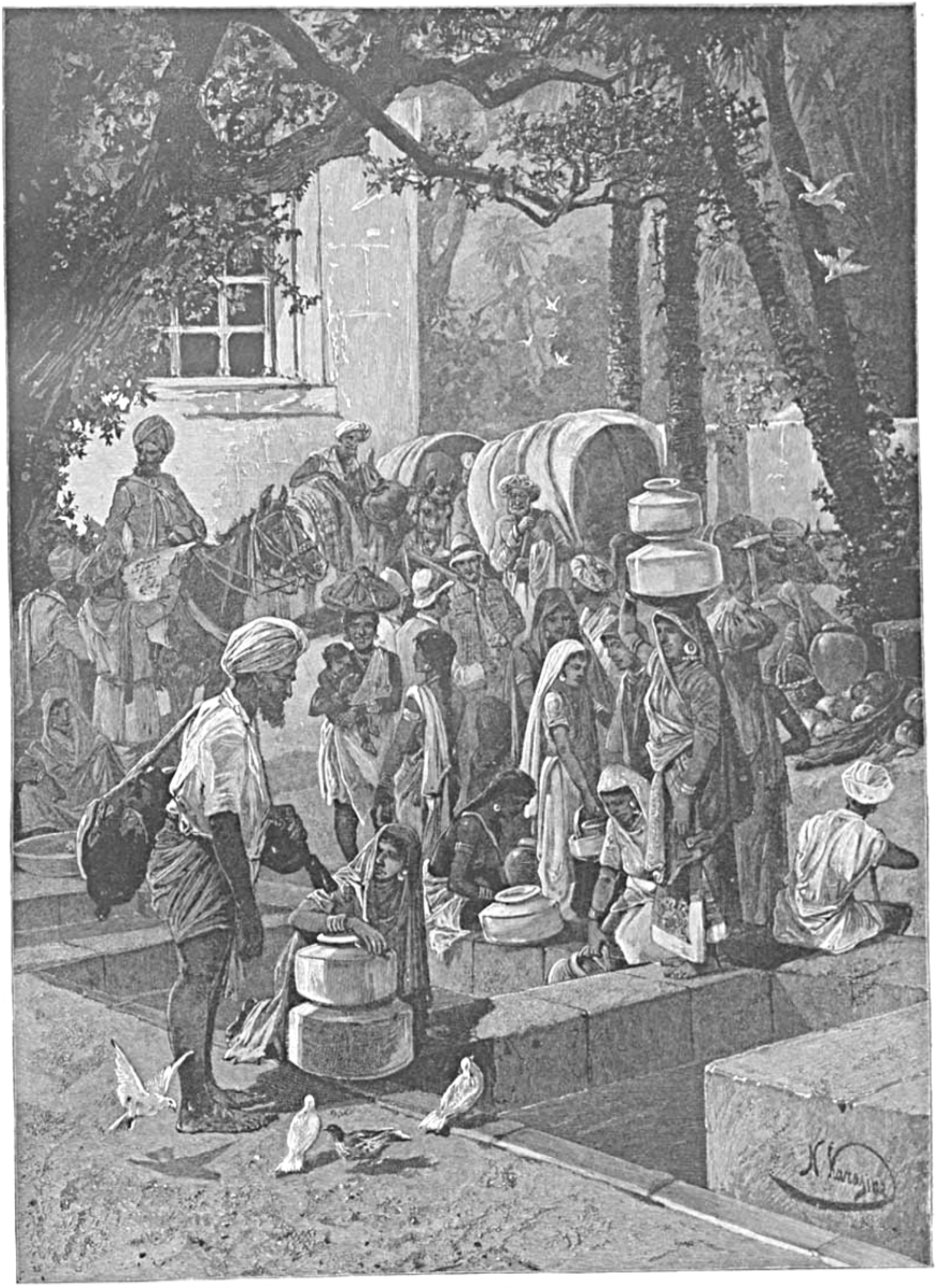


ЗАПАДНАЯ ИНДІЯ.

Чуждый Западу, но намъ — русскимъ, по простотѣ своей, глубоко понятный и родной міръ патріархально-несложныхъ обычаевъ, простодушнѣйшихъ суевѣрій и умозрѣній, — имъ держится, на немъ зиждется бытъ инородцевъ внутренней Индіи. Стоитъ почувствовать себя въ этой средѣ, — и немедленно сознаешь какъ-то само собой ихъ коренное духовное тождество напр. съ нашими мужичками. Обликомъ, цвѣтомъ одежды, вообще всякими неуловимѣйшими подробностями иные изъ окружающихъ подданныхъ Низама напоминаютъ русскихъ крестьянъ.

Когда европеецъ сталкивается на Востокѣ съ народными туземными элементами, они кажутся ему зачастую жителями другой планеты. То, что его или непріятно поражаетъ или прямо-таки ставитъ втупикъ, — русскому человѣку до того ясно и отчасти даже вполнѣ знакомо, что онъ и не даетъ себѣ труда анализировать, опредѣлять эту дѣйствительность: вѣдь наши предки и дѣды, наши средневѣковые купцы, уводимые кочевниками на чужбину полоненики и вольные казаки куда-только ни заходили, гдѣ-только ни осѣдали, съ какимъ-только бытомъ ни приходили въ соприкосновеніе, — и всетаки въ концѣ концевъ у насъ не выработалось никакого критическаго отношенія къ Азіи, потому что мы сами были ея существеннѣйшею частью, сами жили ея строемъ и ея интересами, уже географическимъ положеніемъ призывались стать главарями стихійныхъ силъ Востока, который лишь въ насъ и черезъ насъ могъ постепенно пробуждаться къ болѣе сознательному и высшему бытію.

На пути Великаго Князя въ Родзу попадаются на каждомъ шагу любопытнѣйшіе по внѣшности типы и сцены. Вотъ стоитъ дѣвушка съ тарелочкой: набожные индусы берутъ съ нея бѣлую глинистую краску для начертанія на лбу строго-условныхъ линій въ честь Вишну и его богини Лакшми, или Шивы. Первыя перпендикулярно идутъ отъ



НА ПЕРЕПРЯЖКѢ.

волосъ до бровей, пересѣкаемыя еще чертою у переносья, съ рѣзкою красною полоской по срединѣ. Вторыя, въ противоположность вишнуитскимъ, горизонтально расположены на челѣ. У иныхъ туземцевъ — слѣды краски на раменахъ, печати раскаленнымъ желѣзомъ на плечахъ и груди, лобъ натертъ обуглившимся передъ кумирами сандальнымъ деревомъ, отмѣченъ черными пятнами и т. д. Тучные брамины, перевязанные священными снурами, истомленно-апатичные сектанты новѣйшей формаціи (а въ Индіи, что ни шагъ, то расколъ и дробленіе религіозныхъ обществъ на непримиримыя подраздѣленія!), группы женщинъ съ цѣнными украшеніями въ ноздряхъ и кольцами на пальцахъ ногъ, совершенно голыя дѣти въ браслетахъ и съ четками на шеѣ . . . надо же, наконецъ, опомниться, что это — не видѣніе, не сонъ, не обманъ, но культурное по своему человѣчество, для котораго наше трезвое лѣтосчисленіе и скептически-заносчивое міросозерцаніе — несвязный и дерзновенный бредъ, лишенный даже глубины и поэзіи. . .

Вотъ подошелъ къ мѣсту перепряжки какой-то народный вѣроучитель: старикъ-аскетъ съ дико всклокоченными волосами и грязной косматой бородой, съ посохомъ и нищенской чашей однороднаго, должно быть, типа съ тѣми, куда еще со временъ полумиѳическихъ Буддъ ревнители посильной жертвы ежедневно клали свои обильныя приношенія. Тѣло этого страннаго инородца обсыпано пепломъ, едва прикрыто передникомъ, довольно отвратительно на видъ. Прехорошенькій ребенокъ жмется, какъ-бы подальше отъ насъ «бѣлыхъ», къ страшному юродивому страннику и смотритъ на пріѣзжихъ любопытно расширенными глазками инстинктивно недовѣрчиваго звѣрька. Бабы-водоносицы въ красныхъ волнистыхъ одеждахъ, запыхавшійся тузѳмный почтарь (почти обнаженный скороходъ съ легкою ношей на головѣ), спѣшившіеся солдаты низамскаго конвоя, сопровождающаго Августѣйшихъ путешественниковъ, шумливая толпа извозчиковъ, которыхъ огромное количество составляетъ, такъ сказать, багажный и транспортный поѣздъ въ экскурсіи Наслѣдника Цесаревича, — все это сливается въ пеструю массу и тѣмъ не менѣе до тонкости ярко выступаетъ каждымъ очертаніемъ въ отдѣльности, каждою характерною фигурой въ ея самобытности.

Большинство поселянъ — землепашцы (Кунби), представляющіе собою безобиднѣйшій, безотвѣтнѣйшій, крайне воздержный, терпѣливый, трудящійся и невѣжественный элементъ края. Современнымъ владыкамъ Индіи въ сущности легко править подобною темною и мягкою какъ воскъ массою. Счастливая семейная жизнь составляетъ (какъ говорятъ) удѣлъ этихъ людей, добрыхъ по природѣ и чрезвычайно гостепріимныхъ. Несмотря на любовь къ землѣ, они плохо ее воздѣлываютъ, небрежно пашутъ, не противодѣйствуютъ появленію плевеловъ. Обитающіе въ здѣшнемъ же округѣ инородцы другаго происхожденія (Пардази), при одинаковыхъ условіяхъ, достигаютъ гораздо лучшихъ результатовъ, потому-что какъ пахари и безсознательные агрономы внимательнѣе относятся къ своему тяжелому труду.

Кунбійскія женщины — олицетвореніе неистощимаго усердія и выносливости. Не одно домашнее хозяйство, но и полевыя работы и дальнія передвиженія — въ жару, пѣшкомъ — за покупками на базарахъ требуютъ большаго напряженія, — особенно отъ матерей, которыя часто вынуждены всюду таскать малютокъ за плечами.

По словамъ одного изъ ѣдущихъ съ нами англійскихъ офицеровъ, цѣнныя украшенія деревенскихъ ребятишекъ до послѣдняго времени соблазняютъ грабителей: на бѣдныхъ дѣтей нападаютъ и убиваютъ ихъ съ цѣлью воспользоваться драгоцѣннымъ металломъ. Теперь, конечно, благодаря бдительности властей и провинціальной полиціи, подобные случаи рѣже и рѣже. Однако не далеко время, когда разбои со звѣрскими

умерщвленіями вовсе не были рѣдкостью внутри страны. Извѣстнаго рода убійцы-душители (такъ называемые «thags» или «tuggees») смотрѣли даже на свою преступную дѣятельность какъ на нѣчто завѣщанное имъ божествомъ (Дургой или Кали, супругою Шивы). Преслѣдуя часть года мирныя занятія ремесленниковъ, они въ опредѣленные сроки, словно по призыву свыше, оставляли семью и жилища, сплочивались въ шайки единомышленниковъ, разнообразно одѣтыхъ и какъ-бы нечаянно столкнувшихся, затѣмъ шли на отвратительный промыслъ, замѣнявшій имъ иныя проявленія культа, и тогда уже не существовало пощады никому, кто только неосторожно попадался этимъ изувѣрамъ на пути.

У городка Родзы, по приказанію Низама, разбитъ цѣлый маленькій лагерь для желанныхъ Гостей. Среди него выдѣляется длинный павильонъ, отчасти долженствующій замѣнять гостиную, отчасти отведенный подъ столовую.

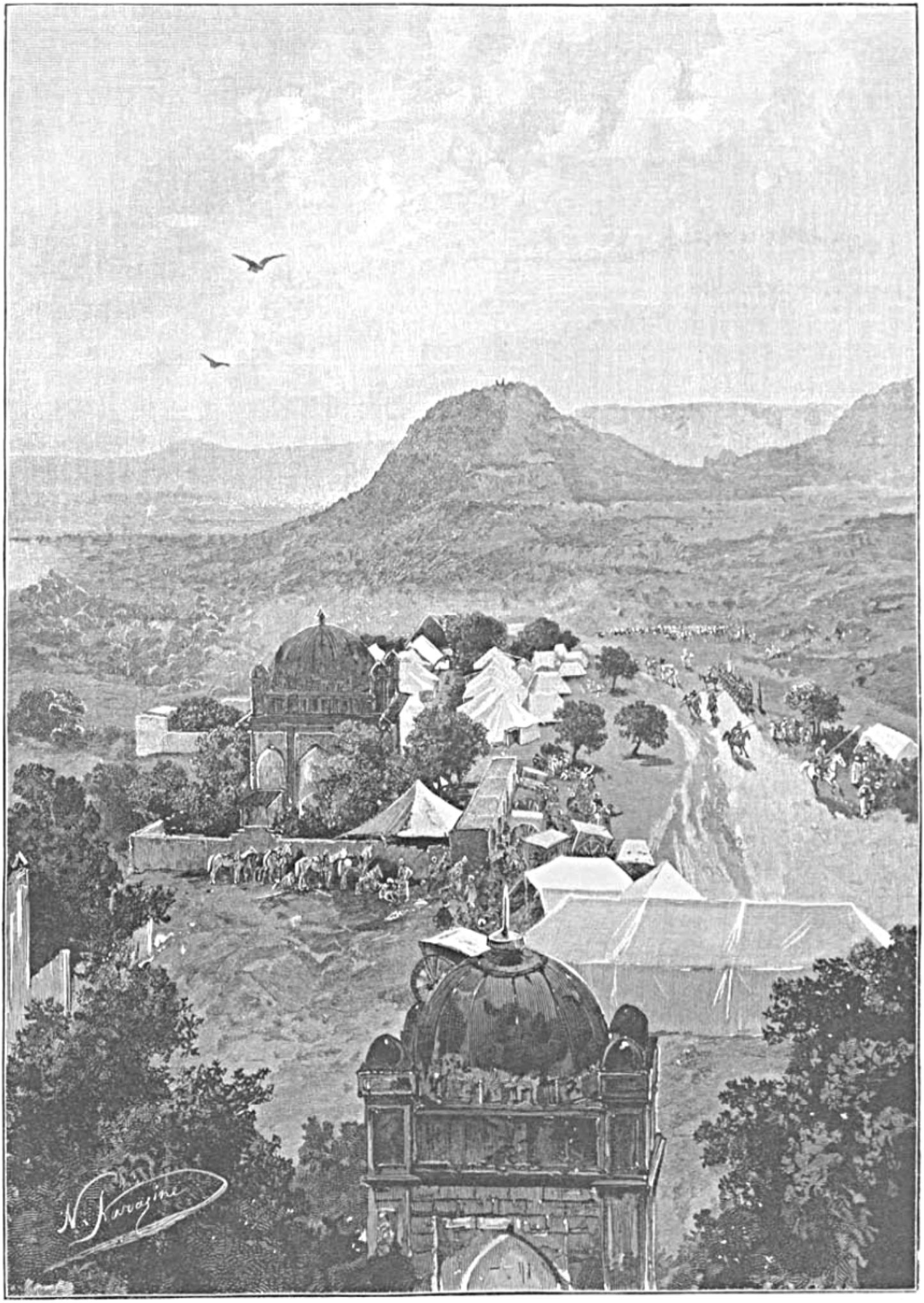
Передъ нимъ устроенъ открытый шатеръ-навѣсъ, гдѣ разставлены столы и рядъ удобныхъ сидѣній. Около — большія палатки Ихъ Высочествъ, лицъ свиты и тѣхъ мѣстныхъ служащихъ, которымъ поручено заботиться о блестящемъ пріемѣ Великаго Князя. На встрѣчу Цесаревича изъ туземной столицы выѣхали два министра и представители знати, англичане-распорядители и т. д. Караулъ наряженъ отъ молодцеватаго баталіона низамской пѣхоты, со знаменемъ и музыкой привѣтствовавшаго Августѣйшихъ путешественниковъ. Довольно утомительный переѣздъ изъ Нандгаона, благодаря задержкамъ въ дорогѣ оконченный лишь послѣ полудня, въ сущности давалъ бы сегодня право на полный отдыхъ до слѣдующаго утра, когда опять въ одинъ день надо будетъ охватить памятью и воображеніемъ множество наглядныхъ картинъ, говорящихъ о древней и средневѣковой жизни Деккана; но погода — восхитительная, часы нашего пребыванія въ краѣ сокращены до крайней степени: въ концѣ концевъ рѣшено безъ замедленія, исподволь приступить къ осмотру нѣкоторыхъ здѣшнихъ достопримѣчательностей.

Время къ вечеру. Пыль встаетъ на дорогѣ между нашимъ лагеремъ и городкомъ, возвышающимся неподалеку отъ него. Толпы любопытнаго народа, изъ котораго бо́льшая часть издалека собралась сюда съ разныхъ сторонъ, стремятся за Ихъ Высочествами, пѣшкомъ направившимися въ Родзу, для совершенія вечерней прогулки и для посѣщенія, если успѣется, могилы императора Аурангдзеба.

По мѣрѣ приближенія къ ней быстро темнѣетъ, такъ что нѣтъ никакой возможности наблюдать за тѣсно обступающими туземцами и получить представленіе о первомъ мѣстечкѣ во внутренней Индіи, куда прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Каменный помостъ подымается, у какой-то неясно темнѣющей мечети, на широкую площадку. Вокругъ нея, какъ говорятъ, погребены и нѣкоторые мусульманскіе «святые», и родоначальники Низамовъ, и самый грозный изъ Великихъ Моголовъ, носившій прозвище «Аламгиръ» («владыка міра») и отчасти занимающій въ исторіи Индостана такое же яркое, опредѣленное мѣсто (за свою жестокость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и государственную мудрость), какъ современникъ его великаго дѣда Акбара — царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

Мракъ опускается все шире и гуще на окрестныя строенія. Дымные свѣточи, — которыми жители Родзы пытаются освѣтить передъ Великимъ Княземъ здѣшніе въ архитектурномъ отношеніи отнюдь не выдающіеся религіозные памятники, — лишаютъ охоты ознакомиться въ полутьмѣ съ прилегающими могилами. Довольно сознанія, что въ двухъ



ЛАГЕРЬ У МѢСТЕЧКА РОДЗЫ.

шагахъ отъ насъ вѣчнымъ сномъ спятъ именитые представители мусульманской Индіи. Королевичъ Георгій надѣваетъ туфли, чтобы подойдти поближе къ гробницѣ Аурангдзеба. Она ровно ничѣмъ не замѣчательна и даже съ виду довольно неприглядна. Могущественный повелитель, правившій необозримою страною въ теченіе 49 лѣтъ, получавшій съ нея ежегодные доходы, примѣрно въ полтора милліарда рублей на нашъ теперешній счетъ, располагавшій постояннымъ войскомъ въ 500 тысячъ человѣкъ, воздвигнувшій въ своемъ любимомъ городѣ Аурангабадѣ восхитительный мавзолей, въ память обожаемой жены Рабія Даурани, — этотъ неограниченный въ желаніяхъ и страстяхъ восточный властелинъ, кончая бурную жизнь на 89 году отъ роду, пожелалъ, чтобы его, согласно предписаніямъ строгаго ислама, похоронили самымъ бѣднымъ и даже скуднымъ образомъ. Воля покойнаго была свято исполнена сыномъ и приближенными. Аурангдзебъ приказалъ израсходовать на свое погребеніе лишь небольшія деньги, вырученныя отъ распродажи собственноручно имъ изготовленныхъ шапочекъ. Другая сумма покрупнѣе, отъ сбыта тщательно сдѣланныхъ императоромъ копій Корана, на основаніи завѣщанія пошла въ пользу нищихъ. Надгробная плита надъ Моголомъ не прикрыта куполомъ мавзолея, раскаляется солнцемъ, омывается дождями. Единственнымъ ея украшеніемъ служатъ пахучія вѣтви одного низко надъ нею нависшаго дерева. Вотъ и все, что есть. Никакая надпись не обозначаетъ, чье бренное тѣло зарыто здѣсь на вѣчныя времена.

Погребенныя тутъ же рядомъ съ нимъ лица, напротивъ, окружены извѣстнаго рода пышностью. Такъ напр. на гробницѣ «сеида» Зайнудина, умершаго въ 1370 г., приведены священныя изреченія въ стихахъ. Дверь мавзолея убрана толстыми серебряными пластинками; ступени у него разукрашены старательно отполированными и причудливо оформленными камнями, которые занесены сюда въ видѣ приношеній и факирами, и богомольцами. Надъ могилой развѣшены яйца страусовъ. Одежда самого пророка Магомета хранится около нея и въ исключительные торжественные дни (въ каждомъ мартѣ мѣсяцѣ) показывается народу.

Кромѣ Зайнудина тутъ похороненъ и другой высокочтимый мусульманами «сеидъ», по имени Хазретъ Бурханудинъ, поселившійся у Родзы въ XIII-мъ столѣтіи, когда исламъ еще не успѣлъ вторгнуться въ строго языческій Декканъ. Упомянутый «святой» рѣшилъ направиться сюда съ 1400 учениками, дабы развѣдать страну и подготовить почву для задуманнаго мусульманами похода. Полководецъ, ставшій во главѣ послѣдняго, дѣйствительно нашелъ такимъ образомъ во вражеской странѣ помощь и опытъ хитрыхъ единовѣрцевъ. При могилѣ Хазрета Бурханудина правовѣрные хранятъ волоски изъ бороды «пророка», которые, согласно вѣрованію толпы, ежегодно все умножаются и умножаются. Но это чудо — какъ-бы второстепеннаго свойства, наравнѣ съ другимъ, въ которое вѣритъ толпа. Когда вскорѣ послѣ смерти праведнаго «сеида» гробница его пришла въ состояніе разрушенія и у живущихъ при ней послѣдователей не оставалось никакихъ средствъ къ существованію, — молитвы, обращенныя къ усопшему учителю, вызвали слѣдующее явленіе: изъ камней у могилы стали рости по ночамъ маленькія серебряныя деревца. Ихъ носили продавать на базаръ и въ скоромъ времени составили достаточную сумму, для поддержанія гробницы и для прокормленія ея охранителей. Затѣмъ чудо прекратилось и только изрѣдка подъ утро изъ помоста проступаютъ блестящіе ростки.

На возвратномъ пути въ лагерь, Наслѣднику Цесаревичу около мечети подводятъ коня; часть свиты тоже верхомъ покидаетъ Родзу. Ѣдешь пыльной дорогой къ бѣлѣющимъ впереди палаткамъ и какъ будто уносишь съ собою частицу той духовной атмосферы ислама, въ которой выростали и складывались историческія личности, подобныя

Аурангдзебу: съ одной стороны — несомнѣнная религіозность и радѣніе о благѣ управляемыхъ народовъ, съ другой стороны — крайняя нетерпимость къ чужимъ вѣрованіямъ и холодная жестокость при попраніи всего, чѣмъ люди нравственно цѣлы и живы.

Суббота, 15 (27) декабря.

Съ утра предстоитъ экскурсія въ окрестности Родзы, куда Августѣйшіе путешественники со свитой отправляются цѣлой кавалькадой въ 8 ч. 45 м. При проѣздѣ черезъ ворота (именуемыя «Nakkarkhana») въ концѣ мѣстечка, пріютившаго столькихъ славныхъ почившихъ мусульманъ, нѣсколько горожанъ, взобравшись въ павильончикъ на аркѣ, встрѣчаютъ Его Императорское Высочество нестройною туземною музыкой, — что здѣсь издавна принято, когда привѣтствіе относится къ высокопоставленнымъ гостямъ.

Первый историческій индійскій городъ, который Наслѣднику Цесаревичу приходится посѣтить послѣ Бомбея — Девлетабадъ — когда-то не лишенъ былъ извѣстнаго величія. Одно время онъ игралъ видную роль среди Деккана. Нѣкоторыя основанія для этого безъ сомнѣнія лежали въ характерѣ самой мѣстности, въ виду существованія здѣсь среди сравнительно широкой равнины одинокаго, величественнаго утеса-горы, гдѣ легко было создать неприступный кремль, съ цѣлью господства надъ окружающимъ краемъ.

Уже издали эта прежняя твердыня представляется весьма живописною и напоминаетъ, по очертаніямъ, не то гигантскій пчелиный улей, не то сахарную голову. Опредѣлить, кто собственно, въ какія эпохи правилъ окрестной страною, пока еще трудно, а подчасъ и невозможно изъ-за смутности древне-индійскихъ историческихъ данныхъ. Его прошлое становится яснѣе съ конца XII-го в. послѣ Р. Хр., когда тутъ воцарились раджи такъ называемой Ядавской династіи (скиѳскаго происхожденія), имѣвшей на боевыхъ знаменахъ изображеніе сказочной птицы Гаруды. Городъ тогда назывался Дэогири (или Дэвгиръ). Есть еще 2 версіи: Дэогаръ или Дхарагиръ. Мѣдныя доски съ дарственными записями, найденныя археологами въ здѣшнемъ районѣ, ясно передаютъ имена правившихъ раджей. Они недолго наслаждались въ своей столицѣ: въ исходѣ XIII вѣка знаменитый мусульманскій завоеватель Аладинъ Махмудъ, во главѣ восьми тысячъ всадниковъ, ворвался въ Декканъ и осадилъ нынѣшній Девлетабадъ. Хитрый полководецъ распустилъ слухъ, будто ведетъ лишь авангардъ громадной надвигающейся арміи. Иногда, для бо́льшаго обмана противниковъ, представитель магометанъ увѣрялъ, что поссорился со своимъ султаномъ и направляется въ южную Индію исключительно съ цѣлью предложить свои услуги туземнымъ князьямъ-язычникамъ. Въ Дэогири правилъ тогда раджа Рамчандра, у котораго, согласно народной молвѣ, хранились несмѣтныя сокровища. Аладинъ заставилъ индусовъ попрятаться за стѣны крѣпости, и такъ какъ они убѣжали туда, застигнутые врасплохъ, — то не успѣли запастись достаточнымъ количествомъ необходимыхъ при столь опасной осадѣ съѣстныхъ припасовъ. Самъ раджа въ это время едва только вернулся съ охоты, жена и сынъ его отсутствовали на какомъ-то богомольи и оплошавшіе горожане по ошибкѣ захватили съ собою въ дэогирскій кремль вмѣсто мѣшковъ съ зерномъ мѣшки съ солью, привезенные купцами съ побережья Конкана (гдѣ теперь Бомбей), и замѣтили бѣду, когда уже было поздно. Враги обложили богатыхъ плѣнныхъ туземцевъ громаднѣйшимъ выкупомъ, захватили множество слоновъ и лошадей, напугали своимъ успѣхомъ ближайшихъ индійскихъ князей, раззорили окрестности, пытками вынудили жителей показать, гдѣ скрыты какія-нибудь богатства, и въ результатѣ добились того, что побѣжденный раджа предложилъ заключить перемиріе, съ уплатою значительной дани, если мусульмане согласятся

уйдти. Его сынъ попытался двинуться съ войскомъ для отраженія ихъ отъ города, но потерпѣлъ жестокое пораженіе. Неизчислимое количество алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ, яшмы, жемчуговъ, золота, серебра, шелковыхъ тканей и прочаго досталось счастливымъ побѣдителямъ отъ раджи, обрадованнаго тѣмъ, что откупился еще столь незначительною цѣною. Аладинъ, между прочимъ, получилъ въ собственность нѣсколько ученыхъ слоновъ, которые, по средневѣковому обычаю, ловко умѣли владѣть мечемъ и стрѣлять изъ луковъ.

По уходѣ ненавистныхъ иновѣрцевъ, индусы въ Дэогири объявили себя независимыми. Рамчандра и его сыновья за это снова были разбиты, взяты въ плѣнъ, ограблены и торжественно привезены въ Дэли, гдѣ султанъ проявилъ къ несчастнымъ побѣжденнымъ великую милость, давши старому вождю титулъ «рай райянъ» (т. е. «царь царей») и право на обладаніе зонтомъ или балдахиномъ, считающимися на Востокѣ символами почета и власти.

Съ тѣхъ поръ отпущенный на свободу раджа уже отличался преданностью, — такъ что, напримѣръ, когда въ слѣдующемъ году мусульманская армія проходила мимо его крѣпости, направляясь противъ одного единовѣрнаго ему непокорнаго князя, Рамчандра всячески заботился о ней и снабжалъ ее припасами, заставляя свой народъ на базарахъ продавать пришлымъ солдатамъ все нужное по самой дешевой цѣнѣ.

Вскорѣ послѣ того невольно смирившійся и на половину развѣнчанный старецъ умеръ. Сынъ его, попытавшійся зажечь возмущеніе, погибъ. Сильный гарнизонъ, присланный изъ Дэли, занялъ Дэогири и другія укрѣпленныя мѣста Деккана. Скрытое недовольство продолжало однако волновать край. Гарпала, зять покойнаго Рамчандры, замышляя измѣну, притворялся и ожидалъ.

Благодаря интригамъ своихъ же вельможъ, Аладинъ скончался отъ яда. Пользуясь наступившею смутою, жители Дэогири вдругъ опять объявили себя независимыми отъ ига суровыхъ иновѣрцевъ: мусульманскій вождь, сынъ Аладина — Кутбуддинъ рѣшилъ на этотъ разъ никого не пощадить. Съ Гарпалы содрали кожу и прибили ее на воротахъ города. Ядавская династія Деккана прекратилась. Намѣстникъ, назначенный въ край, вскорѣ за неповиновеніе лишился ушей и носа. Область навсегда, неизмѣнно должна была стать полнымъ достояніемъ мусульманскихъ владыкъ.

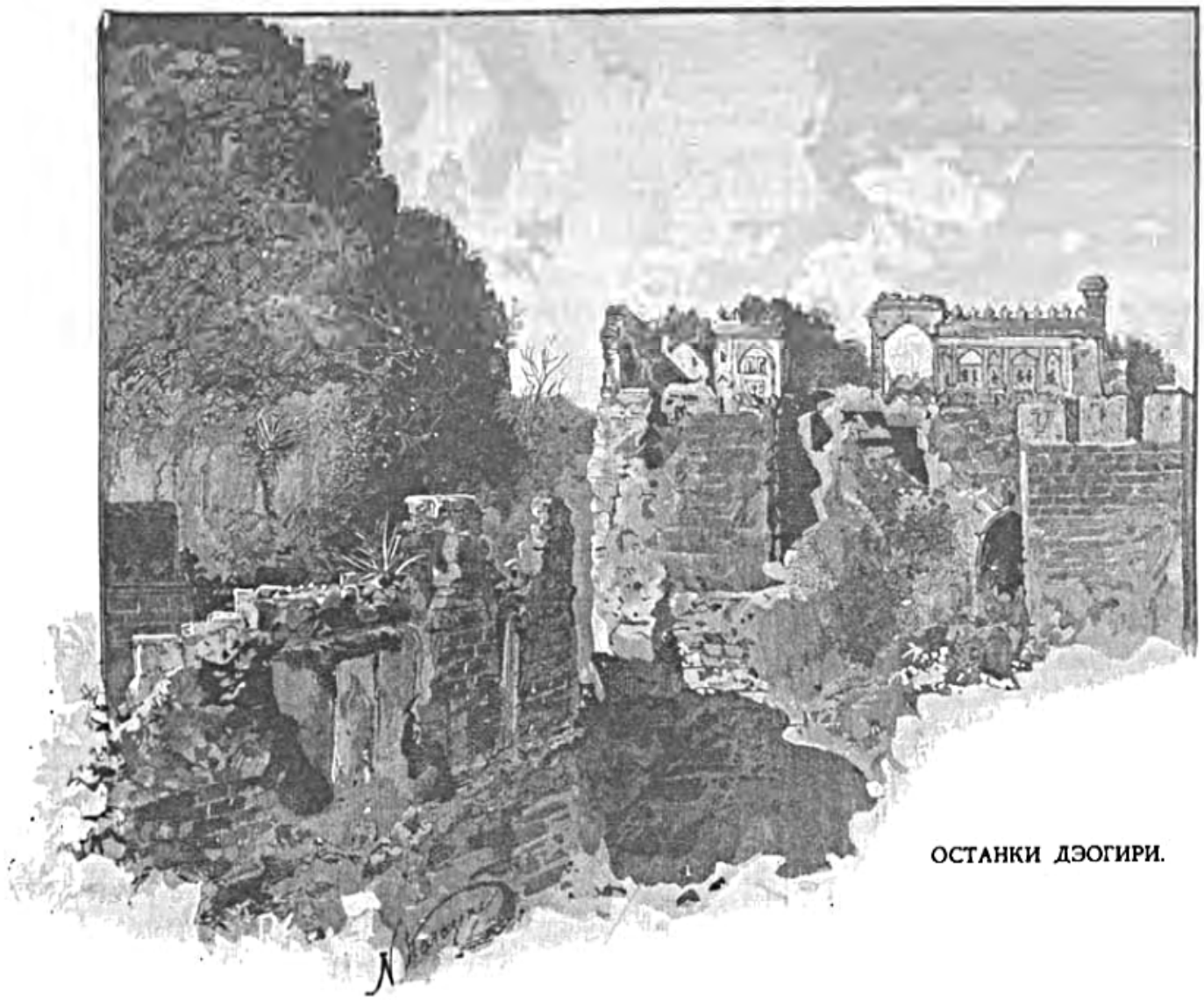
Одинъ изъ первыхъ же султановъ, окончательно воцарившихся въ странѣ, быстро возъимѣлъ довольно жестокое и фантастическое желаніе упразднить цвѣтущій Дэли и перенести столицу въ Дэогири, насильственными мѣрами переселивъ сюда сотни тысячъ напуганныхъ такимъ неслыханнымъ распоряженіемъ горожанъ, недвижимое имущество которыхъ, положимъ, скупалось казною.

Это случилось въ 1338 году при Магометѣ Тогхлакъ-шахѣ, приказавшемъ, чтобы въ три дня послѣ срока, даннаго на выселеніе, въ старой столицѣ не осталось ни одного человѣка.

Изъ-за холмовъ слѣва взвивается дымокъ надъ невидимымъ, но близкимъ городомъ Аурангабадомъ, когда-то (напр. даже еще въ прошломъ столѣтіи, до упадка французскаго вліянія во владѣніяхъ Низама) насчитывавшаго около полутора милліона жителей, теперь же страшно опустившагося. И выростающій передъ нами Девлетабадъ въ свое время былъ обширенъ и великъ; но жалкое впечатлѣніе получается объ его запустѣлыхъ предмѣстьяхъ, когда наша кавалькада проѣзжаетъ ведущими къ нимъ массивными воротами, вкругъ которыхъ почти непроходимый кустарникъ переплелся съ дикими яблонями, останки же прежнихъ построекъ и чрезвычайно толстыхъ стѣнъ темнѣютъ унылыми безобразными

грудами. Важный торгово-политическій центръ, существовавшій тутъ съ весьма давнихъ поръ назывался, вѣроятно, «Тагара» и поддерживалъ живѣйшія сношенія съ Западомъ, даже съ египтянами и греками. Раскопки въ окружающей мѣстности безъ сомнѣнія должны дать въ будущемъ цѣнный результатъ.

Въ средніе вѣка городъ получилъ прозваніе «крѣпости боговъ», а послѣ мусульманскаго погрома сталъ извѣстенъ подъ именемъ «мѣста сокровищъ или благополучія». Ни тѣхъ, ни другаго нѣтъ надежды найдти, приближаясь къ Девлетабаду, въ которомъ и насчитывается-то въ данную минуту не свыше 1200 душъ (семействъ гарнизона), да еще



ОСТАНКИ ДЭОГИРИ.

такихъ, что ютятся по лачужкамъ, тогда какъ бокъ о̀ бокъ съ ними сиротѣютъ полуразрушенные заглохшіе дворцы.

Купы деревьевъ, на поворотѣ дороги къ туземному кремлю, готовы пріютить въ свою густую тѣнь нашихъ лошадей. Ихъ Высочества подымаются въ гору черезъ извилистые переходы, соединяющіе рядъ постепенно возникавшихъ незыблемыхъ валовъ. Гдѣ темно (подъ мрачными низкими сводами, вмѣщавшими при безчисленныхъ осадахъ толпы воиновъ), тамъ поставлены фонари и, чтобы уничтожить въ спертомъ воздухѣ дурной запахъ, около нихъ положены куски благовоннаго дерева.

Высота громаднаго коническаго утеса, укрѣпленнаго древними тагарцами и дэогирцами, а затѣмъ при мусульманахъ обнесеннаго еще глубочайшимъ рвомъ, равняется

90 саженямъ. Путь наверхъ зачастую проложенъ прямо сквозь дикій камень. Зіяющія галлереи межъ ступенями каждой крутой тропы увеличиваютъ обаяніе, получаемое отъ мысли, чѣмъ этотъ грозный и таинственный замокъ долженъ былъ быть въ старину, когда здѣсь правили несмѣтно богатые раджи, когда ихъ наконецъ смѣнили губернаторы императоровъ въ Дэли и немилосердно взимаемая съ индусовъ тяжелая дань всего цвѣтущаго Деккана свозилась временно сюда, подъ защиту этихъ сѣдыхъ бойницъ и мшистыхъ окоповъ. Съ конца XIV в. и позднѣе окрестный край, коего коренные жители изъ-за притѣсненій нерѣдко убѣгали въ «jungle», т. е. малопроходимую глушь, сталъ сильно страдать отъ неурожаевъ. Цѣлые округа (особенно близь Девлетабада) бѣдствовали, умирали голодною смертью. Люди предлагали отдать себя въ вѣчное рабство за ломоть хлѣба, но никто его не уступалъ. Населеніе пожирало мясо собакъ, кости покойниковъ, истолченныя и смѣшанныя съ негодной мукой; случалось, что ближніе начинали убивать и поѣдать другъ друга.

Передъ тѣмъ какъ городъ достигнулъ выдающагося политическаго значенія, султанъ Тогхлакъ-шахъ, вздумавшій перенести въ Декканъ свою столицу, въ ущербъ пышному Дэли, на короткій срокъ дѣйствительно согналъ подъ посѣщаемый нами кремль необозримое количество народа. По преданію, только два убогихъ дэлійца (одинъ — слѣпой, другой — разбитый параличемъ) осмѣлились не исполнить царскаго велѣнія и спрятались въ искусственно упраздненномъ старомъ городѣ. Ихъ нашли и казнили: перваго въ теченіе сорока дней волокли въ Девлетабадъ, куда палачи, въ концѣ концевъ, притащили лишь ногу несчастнаго, втораго же (согласно среднеазіатскому обычаю, еще недавно примѣнявшемуся въ Бухарѣ) сбросили съ минарета. Правитель будто-бы почувствовалъ невыразимое удовлетвореніе, увидѣвъ гигантское Дэли мертвымъ и пустымъ: въ немъ истребили даже собакъ и кошекъ. Тысячи горожань погибли, не вынеся ужасовъ безпричинно-жестокаго изгнанія или суровыхъ дорожныхъ лишеній, хотя султанъ всячески заботился о подневольныхъ переселенцахъ и приказалъ, между прочимъ, всюду насаждать деревья по пути ихъ слѣдованія.

Ихъ Высочества поднялись на возвышенную террассу по серединѣ крѣпости-горы. Отвѣсный обрывъ виднѣется у нашихъ ногъ. Странныя руины индійскаго типа (вѣроятно, остатки какого-нибудь языческаго храма) наклонились сбоку отъ насъ надъ бездной. Во всѣ стороны отъ обособленной девлетабатской твердыни широкимъ полемъ развалинъ стелется равнина, опоясанная волнистою грядой холмовъ. Обозрѣвая сверху это огромное пространство, вполнѣ понимаешь, что тутъ въ прежнее время свободно умѣщалось многолюднѣйшее населеніе, смотря по роду занятій раздѣленное при Тогхлакъ-шахѣ на разные кварталы: въ одномъ жили войска, въ другомъ — чиновники, въ третьемъ — судьи (кази) и ученые, представители дервишскихъ орденовъ и факиры, въ четвертомъ — купечество, затѣмъ — ремесленники и т. д. Каждая часть города имѣла свои мечети, базары, мастерскія, водоемы и т. д. Власть султана доходила на югѣ до сравнительно дальнихъ побережій западной Индіи, окончательно покорить которыя ему помѣшало лишь появленіе холерной эпидеміи.

По волѣ владыки, между Дэли и Девлетабадомъ безконечными вереницами расположены были, отъ города къ городу, барабанщики. Что бы ни случилось, изъ-за чего на этомъ протяженіи стоило подать въ столицу вѣсть, они били дробь и перекаты ея, мгновенно передаваемые по линіи, быстро передавались отъ мѣста происшествія до царскаго дворца. На вершинѣ своего утеса Тогхлакъ-шахъ могъ спокойно грезить о завоеваніяхъ и внутреннихъ насильственныхъ реформахъ. Никакое возстаніе не казалось страшнымъ для

того, кто, основательно подготовившись, осѣдалъ въ здѣшнемъ кремлѣ. Если враги даже прорывались черезъ внѣшнія укрѣпленія, нападающихъ ожидали повыше непреодолимыя затрудненія. Во-первыхъ, скалы надъ главнымъ окружающимъ крѣпость рвомъ до того гладки, что по нимъ немыслимо взбираться, а кромѣ того одинъ изъ высѣченныхъ въ камнѣ проходовъ снабжался жаровней и желѣзной плитою, подъ которой постоянно поддерживался огонь, лишавшій, кого бы то ни было, возможности прорваться сквозь подобное адское пекло.

Въ царствованіе Великихъ Моголовъ старый Дэогири сугубо укрѣпили (особенно въ тѣ годы, что молодой Аурангзебъ былъ еще намѣстникомъ своего отца въ Декканѣ). Для обороны утеса приглашали англійскихъ и голландскихъ пушкарей. Искуснѣйшихъ между ними оставляли безсмѣнно на службѣ и возбраняли имъ даже возвращеніе на родину. Французскій путешественникъ Тавернье, написавшій любопытныя замѣтки объ Индіи, въ серединѣ XVII вѣка, встрѣтилъ тогда одного такого почетнаго плѣнника изъ Девлетабада (или, какъ онъ выражается, изъ Дултабада), откуда бѣднягу 16 лѣтъ уже не отпускали ни на шагъ и отпустили, наконецъ, лишь за то, что онъ ухитрился втащить на самую вершину твердыни огромное орудіе.

Наверху развѣвается теперь флагъ Низама и находится павильонъ, до котораго Ихъ Высочества не доходятъ изъ-за зноя: видъ на окрестности и пониже немного, тѣмъ не менѣе, грандіозенъ. Всюду въ зарослях громоздятся развалины, доступныя только хищному звѣрью, а затѣмъ на расчищенныхъ мѣстахъ тянутся нивы трудолюбивыхъ индусовъ, коихъ терпѣнію округъ искони обязанъ богатствомъ и плодородіемъ. Здѣсь, на возвышенности, прежніе владыки отдыхали лѣтомъ въ прохладныхъ роскошныхъ покояхъ. Отъ княжескихъ палатъ остается въ данное время угрюмый оставъ жилищъ съ одинокими голубыми или желтыми кирпичами. Медленно спускаешься съ царственнаго холма, гдѣ осаждаемые нѣкогда могли не смущаться ни штурмомъ, ни подкопами, ни «греческимъ» нефтянымъ огнемъ.

Въ чащѣ, захватившей большинство памятниковъ старины, у Девлетабада водятся кабаны и пантеры. Одну такую туземцы выслѣдили сегодня подъ крѣпостью и Наслѣдникъ Цесаревичъ направляется подъ гору на охоту.

Надъ зловѣщимъ крѣпостнымъ рвомъ, внизу, узкая лѣстница двадцатью ступенями спускается къ каменному мостику, перекинутому черезъ него. Послѣдній, какъ говорятъ построенъ лишь въ 70-хъ годахъ, — раньше же этого сообщеніе поддерживалось при помощи 3—4 бревенъ, которыя часто снимались. Подъемъ отсюда на противоположную сторону обрыва очень крутъ и такъ тѣсенъ, что даетъ проходъ лишь одному человѣку. Если бросить взглядъ назадъ, то на стѣнахъ твердыни видишь ясный слѣдъ искусной рѣзьбы на деревѣ и камнѣ, — видишь отверзтія, ведущія во внутренность какихъ-нибудь совершенно заглохшихъ подземныхъ палатъ, — видишь, наконецъ, у подножья сосѣднихъ скалъ, заплѣснѣлую стоячую воду: если въ нее бросить напр. коркой апельсина, зеленая отвратительная зацвѣть открывается, черные круги расходятся по ней и затѣмъ вдругъ все опять недвижно, мертво, дышетъ міазменнымъ испареніемъ недостаточно засыпанной могилы.

При выходѣ къ наружнымъ валамъ, Августѣйшимъ путешественникамъ подносятся фрукты, которыми славится Девлетабадъ: особенно цѣнится здѣшній виноградъ.

Комендантъ крѣпости (килледаръ), по приказанію Низама, спеціально заботится объ его произрастаніи.

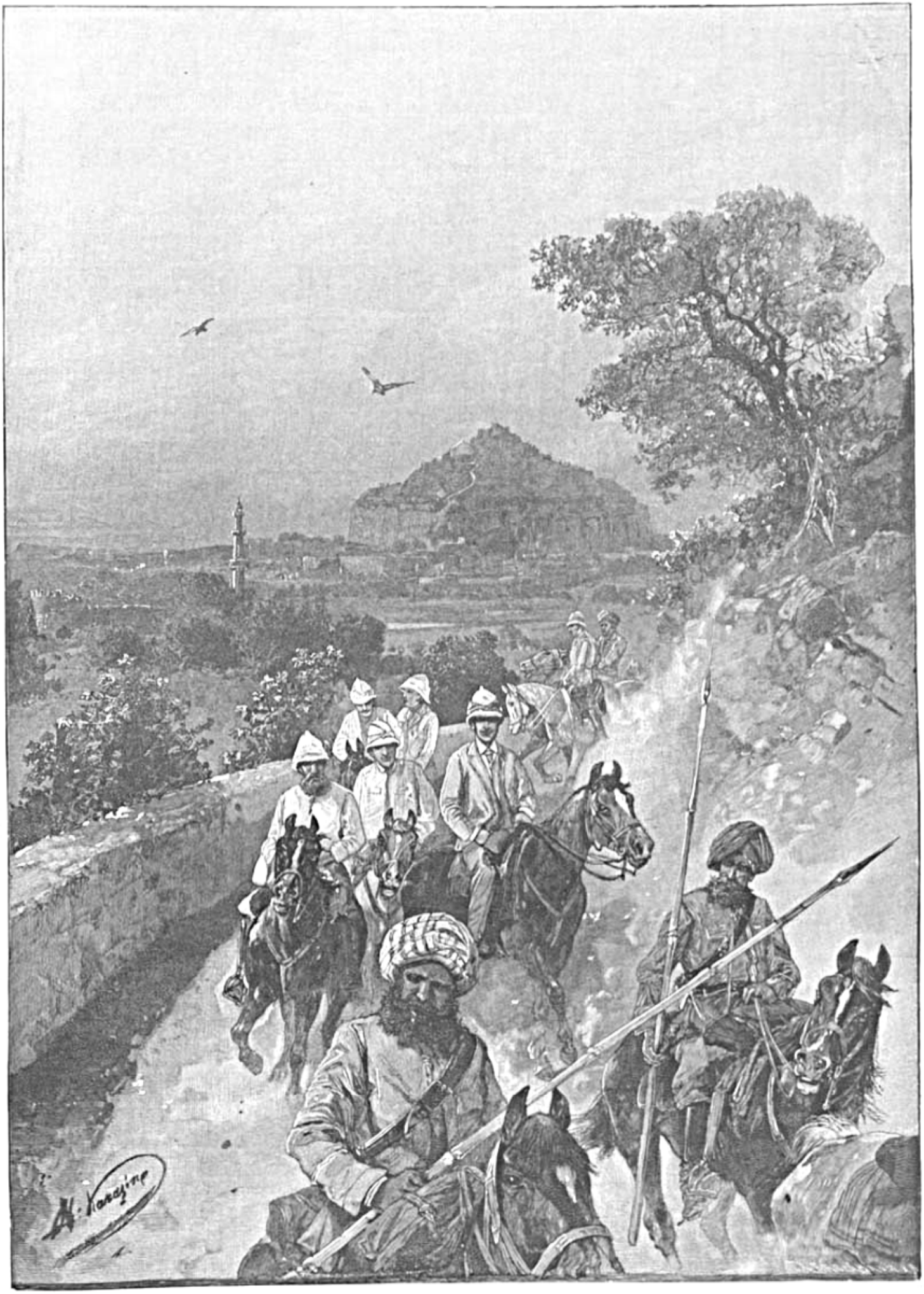
У нижнихъ воротъ кремля — громадная темная пушка съ ясными знаками ударявшихся въ нея ядеръ. На ней — надпись по персидски: «отлита арабомъ Магометомъ Гуссейномъ, начальникомъ арсенала.» Кромѣ того на орудіи начертано, что оно принадлежало «Абдулу Мозаффару Мохидину Магомету Аурангзебу Бахадуру Аламгиру Падишаху Гази». У дула приводятся: названіе пушки («разрушитель твердынь») и стихъ изъ Корана о непосредственной близости побѣды для «правовѣрныхъ».

МІРЪ ЭЛЛОРЫ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ со Своими спутниками возвращается живописною дорогою изъ Девлетабада въ Родзу, по направленію на юго-западъ. Если оглянуться назадъ, — покидаемая крѣпость, съ высокимъ минаретомъ у подножія твердыни, издали кажется еще строже по очертаніямъ и еще величественнѣе. Послѣдній ярко свѣтится, на солнцѣ вдали, синими изразцами, украшающими башню. Пространство, по которому проѣзжаетъ наша кавалькада, испещрено и окаймлено глухо заросшими развалинами очень и очень древняго политическаго центра Будда Ванти, отличавшагося поразительными размѣрами. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ кирпичи и камни его чертоговъ и капищъ служили неисчерпаемымъ матеріаломъ для сооруженія средневѣковыхъ ближайшихъ городовъ: словомъ, тутъ повторялось явленіе, тождественное, напримѣръ, съ постройкой арабскаго Каира изъ останковъ Мемфиса. До сихъ поръ (какъ у насъ въ Закаспійской области, въ чертѣ неогляднаго Мерва) послѣ сильныхъ дождей здѣсь часто отыскиваюхся интересныя монеты. Возникновеніе и завершенность смежныхъ съ Родзой Эллорскихъ пещерныхъ храмовъ, куда вскорѣ изволитъ отправиться Его Императорское Высочество, только и можно объяснить исконнымъ присутствіемъ въ этой мѣстности многолюднѣйшаго культурнаго населенія. О потребностяхъ его краснорѣчивѣе всего говорятъ частые и большіе водоемы, отчасти сохранившіеся по сторонамъ, въ листвѣ густаго низкорослаго лѣса.

Дорога круто подымается на возвышенности, отдѣляющія Девлетабадскую равнину отъ Родзы. Справа путь огороженъ толстою каменной стѣной, чтобы повозки не срывались съ крутизны въ глубокую падь. Ограда тутъ существуетъ давно, такъ какъ о ней упоминается въ книгѣ Тавернье, посѣщавшаго край слишкомъ два вѣка до нашего времени и перевалившаго тогда черезъ эту же гряду въ туземной телѣгѣ, запряженной быками. Животнымъ, должно быть, трудно втаскивать сюда тяжелую кладь.

На двухъ придорожныхъ столбахъ, по серединѣ подъема, значатся имена Аурангдзебовыхъ вельможъ, которые его умостили.



ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ДЕВЛЕТАБАДА.

Цѣпь бурыхъ неровныхъ холмовъ полукругомъ выдѣляется далеко за нами, за пропадающимъ изъ виду знаменитымъ утесомъ-крѣпостью, извѣстной населенію подъ названіемъ «Balla Hissar,» съ ея верхнимъ красивымъ павильономъ (Barradari). Прямо впереди, среди плодовыхъ деревьевъ и сѣрыхъ мавзолеевъ, развертывается грустная Родза, бѣлѣетъ лагерь, разбитый для Наслѣдника Цесаревича, и тусклымъ просторомъ стелется опускающееся по дорогѣ къ Нандгоуну плоскогорье.

Кавалькада быстро минуетъ могилы разныхъ славныхъ мусульманъ. На одну изъ нихъ обращается, между прочимъ, наше вниманіе: тамъ покоится сынъ абиссинской рабыни — Маликъ Амберъ († 1626), основатель Аурангабада и достигнувшій большой политической власти важный соперникъ Великихъ Моголовъ, съумѣвшій мудро править частью Деккана до его вторичнаго окончательнато покоренія войсками Дэлійскихъ императоровъ. Близко отъ этого знаменитаго дѣятеля схороненъ Танахъ-шахъ, царь пресловутой Голконды, нѣкогда блиставшей богатствомъ своихъ алмазныхъ копей. Развѣнчанный и плѣненный Аурангдзебомъ, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Девлетабадѣ, гдѣ до сихъ поръ указываются остатки занимавшагося имъ «китайскаго» дворца (Chini Mahal). Гробница теперь пуста и открыта случайнымъ посѣтителямъ. Англійскіе офицеры, состоящіе на службѣ Низама, обратили надгробный памятникъ въ «traveller's bungalow» (своего рода станцію для пріѣзжающихъ европейцевъ). Миновавъ его, Ихъ Высочества сходятъ съ коней около своихъ палатокъ, у которыхъ стоятъ Гайдерабадскіе часовые (въ красномъ съ бѣлымъ).

Въ маленькомъ смежномъ домикѣ, замѣняющемъ и гостиную, и столовую, собралась мѣстная знать. На завтракѣ присутствуетъ довольно много народа. Сочетаніе туземныхъ одеждъ и чрезвычайно оригинальныхъ головныхъ уборовъ съ чисто западнымъ характеромъ угощенія и обращенія видимо составляетъ лишь обычную особенность современной аристократической жизни въ Индіи.

Правящему Низаму, — котораго мы къ сожалѣнію не увидимъ, такъ какъ поѣздка въ Гайдерабадъ («городъ льва») не включена въ программу путешествія — теперь 25-ый годъ. Онъ получилъ на половину европейское образованіе, имѣлъ воспитателемъ англичанина, любитъ спортъ, подаетъ, какъ говорятъ, блестящія надежды. Послѣднее обстоятельство крайне любопытно, если принять во вниманіе, что молодой правитель стоитъ во главѣ юридически самостоятельнаго государства, охватывающаго сотню тысячъ квадратныхъ миль, съ десяткомъ милліоновъ пестраго населенія: мусульмане внѣшнимъ образомъ преобладаютъ среди него какъ военная знать, но наибольшая часть народа состоитъ изъ коренныхъ индусовъ, принадлежащихъ къ всевозможнѣйшимъ кастамъ съ разнохарактерными занятіями и стремленіями. Такъ какъ Низамъ въ сущности владѣетъ сердцемъ средней Индіи, то отъ этого князя и его блестящаго двора косвенно зависитъ немало сложныхъ вопросовъ не только внутренней мѣстной политики, но и внѣшней. Въ Гайдерабадскихъ владѣніяхъ сформирована своя маленькая регулярная и довольно значительная иррегулярная армія. Естественныя сокровища страны, благопріятное географическое положеніе, высокая степень престижа, которымъ Низамы пользовались за два столѣтія, неопредѣленность событій, отъ которыхъ зависитъ ближайшая судьба англо-индійской имперіи, — все вмѣстѣ взятое могло бы безспорно придать совершенно исключительный интересъ посѣщенію Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Гайдерабада и факту личнаго знакомства Его Императорскаго Высочества съ молодымъ властителемъ Деккана.

Что такое Низамъ? Почетный титулъ (нѣчто вродѣ вице-короля), дарованный предку нынѣшняго князя Великимъ Моголомъ, за рядъ неоцѣнимыхъ боевыхъ и другихъ заслугъ,

оказанныхъ этими дѣятелями императорскому дому въ Дэли. Намъ русскимъ довольно любопытно узнать, что Гайдерабадская династія происходитъ отъ выходцевъ изъ Средней Азіи, причемъ по женской линіи въ ихъ жилахъ — кровь самого «пророка» Магомета, а по мужской — перваго халифа Абубекра. Когда въ сѣверной Индіи царилъ Шахджэханъ, въ 1658 году къ нему прибылъ изъ Бухары тамошній «кази» Навабъ Абидъ Кули-ханъ, скоро стяжавшій славу, сдѣлавшійся министромъ и назначенный управлять важнымъ Аджмирскимъ округомъ. Побывавъ на богомольѣ въ Меккѣ, могущественный бухарскій выходецъ сталъ главнымъ сановникомъ при императорѣ Аурангдзебѣ. Въ 1687 г. при походѣ послѣдняго на извѣстный сказочными богатствами городъ Голконду, Навабъ Абидъ Кули-ханъ погибъ, идя на приступъ храбро обороняемой твердыни. Сынъ убитаго — Миръ Шахабуддинъ, переселившійся въ Индію изъ Самарканда (лѣтъ на десять позже отца) унаслѣдовалъ его званіе и достоинства. За успѣхи въ рыцарски настроенной строго языческой Раджпутанѣ, противъ строптивыхъ тамошнихъ князей, Моголъ наградилъ его титуломъ «хана», за побѣды же надъ грозными маратами даровалъ ему въ 1682 г. громкій титулъ «газіиддинъ хана бахадура».

Аурангдзебъ горячо любилъ и жалѣлъ своего вѣрнаго слугу. Когда тотъ былъ раненъ при какой-то вылазкѣ изъ одного сопротивлявшагося города, Моголъ написалъ пострадавшему военачальнику, что не чувствуетъ въ себѣ смѣлости придти и увидать его мученья.

Впослѣдствіе предокъ Низамовъ былъ поставленъ во главѣ четырнадцатитысячнаго отряда, для нанесенія чувствительныхъ ударовъ непримиримымъ маратамъ, побѣдоносно взялъ въ плѣнъ одного отважнѣйшаго горнаго вождя (по имени Санта Горпара) и послалъ его отрубленную голову суровому властителю въ Дэли. Ввѣренное Шахабуддину войско по качествамъ считалось въ то время образцовымъ и даже лучшимъ, чѣмъ императорское. Моголъ особенно цѣнилъ артиллерію, которую выставлялъ на войну его любимецъ-самаркандецъ. Послѣ смерти послѣдняго общій отзывъ гласилъ о немъ какъ о человѣкѣ, рожденномъ осиливать преграды и повелѣвать, а вмѣстѣ съ тѣмъ также какъ о выдающемся дѣятелѣ, съ такимъ пріятнымъ умомъ и обаятельнымъ характеромъ, что многіе въ Индіи удивлялись появленію подобнаго лица среди грубоватыхъ представителей Турана.

Внукъ бухарскаго выходца пошелъ по стопамъ дѣда и отца. Еще сравнительно молодымъ онъ получилъ отъ царя, — въ награду за подвиги — чуднаго арабскаго коня, сѣдло, расшитое жемчугами и самоцвѣтными каменьями, почетную саблю, всякіе другіе дорогіе подарки и наконецъ начальство надъ пятью тысячами вершниковъ. Стараясь не вмѣшиваться въ кровавыя междоусобія между преемниками Аурангдзеба, могущественный вельможа въ началѣ XVIII-го вѣка получилъ въ свое управленіе Декканъ и соотвѣствующій титулъ Низама (Nisamu-l-Mulk). Избравъ административнымъ центромъ городъ Аурангабадъ, вице-король посылалъ отсюда отряды для нанесенія урона главнымъ врагамъ ислама — маратамъ и постепенно (съ нѣкоторыми перерывами, такъ какъ Декканскаго намѣстника временно отзывали на сѣверъ) достигнулъ такой степени независимости, что связь съ Дэли и подчиненіе тамошнему двору само собою ослабли и потеряли прежнее значеніе. Крѣпость за крѣпостью сдавалась Низаму. Армія его росла не по днямъ, а по часамъ. Положеніе въ краѣ становилось почти царскимъ. Если Моголу и оказывались еще внѣшнія почести, то преимущественно изъ вѣжливости и отчасти лишь по необходимости. Какъ-бы съ цѣлью упрочить могущество своего важнѣйшаго вассала императоръ подчинилъ ему (правда, на короткій срокъ!) цвѣтущій Гуджератъ и область Мальву.

Предокъ Гайдерабадскихъ князей обладалъ тогда денежною казною въ десятки милліоновъ рублей и многомилліонными драгоцѣнностями. Чѣмъ была его столица, показываетъ уже одно число прежнихъ горожанъ въ Аурангабадѣ, равнявшееся иногда полутора милліонамъ душъ.

Располагая въ качествѣ союзниковъ солдатами, которыхъ дисциплинировали французскіе офицеры, и обладая хорошею для тѣхъ временъ артиллеріею, первые Низамы быстро вошли въ силу на югѣ и на юго-востокѣ, причемъ имъ не только удавалось неоднократно обращать въ бѣгство конныя полчища маратовъ, но и захватить въ нынѣшнемъ Мадрасскомъ президентствѣ одинъ важный центръ — Тричинополи.

Съ той поры, однако, много воды утекло. Англичане на дѣлѣ почти всевластны въ странѣ. Наслѣдникъ славныхъ среднеазіатскихъ выходцевъ потерялъ немалую долю значенія предковъ и долженъ, по настоящему, благословлять судьбу, что его не постигла участь, одинаковая съ Дэлійскими царями, раджпутскими вождями и маратскими воеводами. Индія политически мертва. Обаяніе ея блестящихъ дворовъ изчезаетъ. Она, въ сущности, напоминаетъ, образно говоря, лишенную смысла горделивую твердыню Девлетабада и кладбище «великихъ міра сего» — унылую Родзу.

МѢСТНОСТЬ У ЭЛЛОРЫ.

Несмотря на зной, Его Императорское Высочество подробно осматриваетъ подъ горою у лагеря полуразрушенныя кумирни, монастырскіе притворы и забытые алтари, стяжавшіе мѣстности заслуженную давнюю славу. Нѣтъ возможности, при кратковременномъ посѣщеніи ея, шагъ за шагомъ разсматривать, а тѣмъ болѣе описывать раіонъ древностей, надъ изученіемъ которыхъ работали выдающіеся знатоки туземной старины (напримѣръ: Бэргесъ, Фергюссонъ и другіе). Раньше внесенія въ дневникъ отрывочныхъ свѣдѣній и впечатлѣній о видѣнномъ и слышанномъ, пока Августѣйшіе путешественники обходили вереницу любопытныхъ языческихъ святилищъ, приходится бросить взглядъ на условія и цѣль ихъ созданія, на связанное съ нимъ прошлое окружающаго края, на необходимость глубже вникнуть въ таинственную жизненность этихъ намятниковъ, безъ пониманія которой сущность самой Индіи довольно загадочна и темна.

Декканъ въ древности назывался Дакшинапата («путь направо»), ибо пришедшіе въ страну арійцы изъ Пэнджаба шли къ востоку на Гангъ и поворачивали затѣмъ на югъ, изобиловавшій въ ту эпоху гигантскими лѣсами, населенный темнокожею рассою, представлявшій собою непочатую, дѣвственную глушь, куда въ свое время, тоже лишь постепенно, проникли и гдѣ не безъ труда осѣли среди дикарей племена такъ называемаго «дравидскаго» корня, — которыя признаются монголо-тюркскаго происхожденія и явились изъ-за Гималаевъ первыми представителями хоть какой-нибудь культуры, доведенной ими впослѣдствіе до весьма высокой степени. Новые переселенцы, вторгаясь въ области, занятыя дравидянами, многое могли у нихъ заимствовать, но параллельно съ тѣмъ стремились насаждать на чужбинѣ свои религіозные завѣты, передававшіеся у арійцевъ изъ рода въ родъ черезъ молитвенныя пѣснопѣнія и «вѣдѣніе» дѣдовъ (столь поздно пріобрѣтшія міровую извѣстность Веды!)

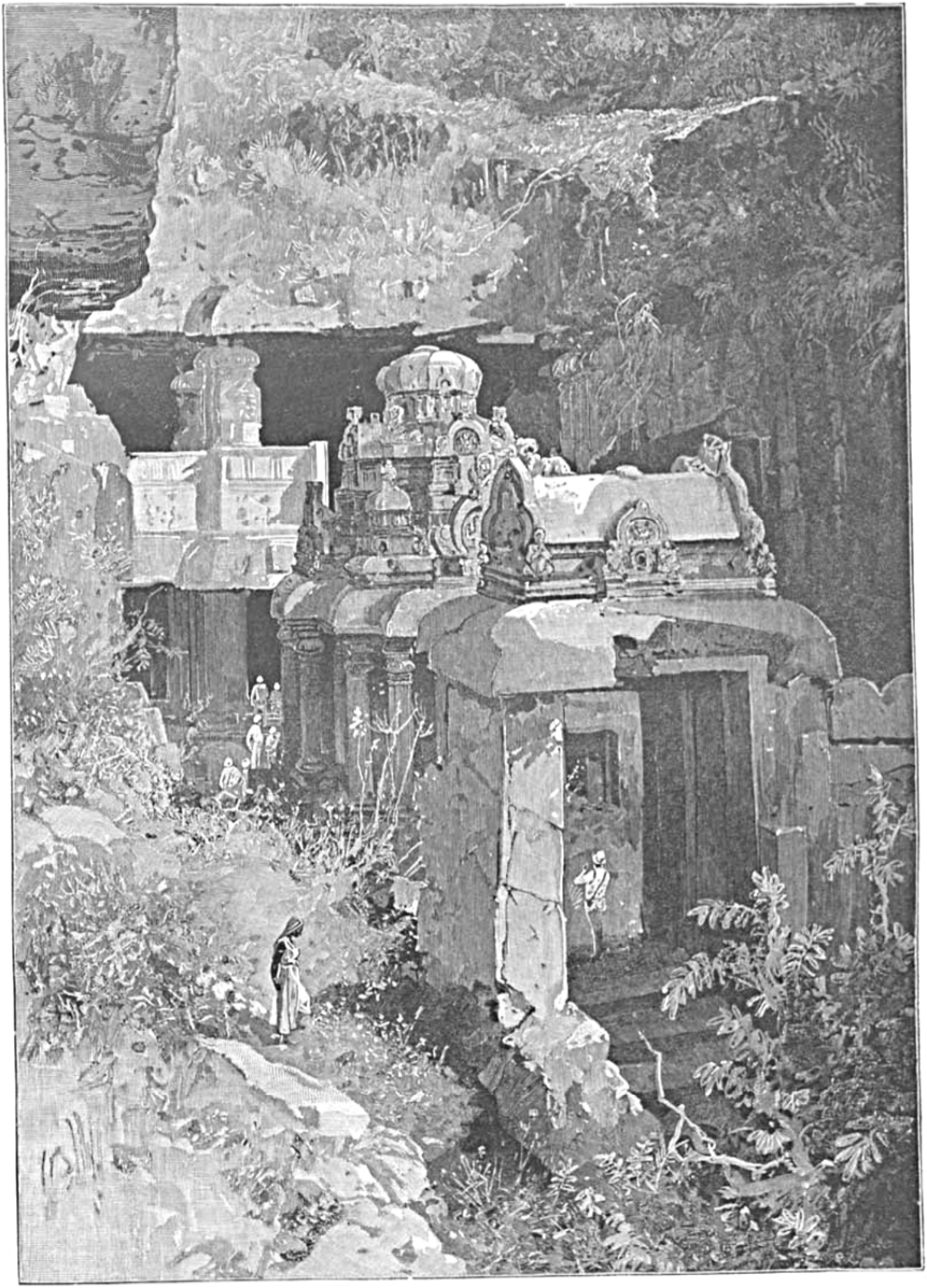
Древній Декканъ, согласно поэтическимъ сказаніямъ, вылившимся въ одно цѣлое, вродѣ Махабхараты и Рамаяны, служилъ иногда широкимъ полемъ дѣятельности такихъ легендарныхъ героевъ, какъ напримѣръ Рама, когда этотъ богатырь со своею женою Ситою, еще до ея извѣстнаго похищенія злымъ Цейлонскимъ царемъ, скитался по дебрямъ края и посѣщалъ дворы здѣшнихъ доисторическихъ владыкъ, имѣвшихъ эмблемами обезьянъ. Изъ одной этой подробности уже видно, какъ отдаленна и туманна эпоха, къ которой относится народная быль.

Въ другое полумиѳическое время яркими явленіями санскритскаго эпоса выступаютъ братья-богатыри Панду. Ихъ отецъ нѣкогда считался наслѣдникомъ области, простиравшейся около современнаго Дэли, но въ азартной игрѣ съ племянникомъ уступилъ ему права раджи и вскорѣ, по необходимости, удалился въ изгнаніе по направленію къ Деккану, гдѣ и родились его сверхъестественно могучіе царевичи. Когда они возмужали, то наполнили всю Индію вѣчною славою о своихъ подвигахъ.

Эти полубоги, по преданію, увидѣли однажды необъяснимый свѣтъ у возвышенности, надъ которой теперь стоитъ Родза, и, толкуя о томъ, что бы онъ могъ означать, замыслили, въ угоду небожителямъ, создать именно тѣ пещерные храмы, которые въ данное время тянутся передъ нами въ угрюмой скалистой грядѣ. Богъ Кришна помогалъ богатырямъ осуществить ихъ благія намѣренія. Снисходя къ ихъ мольбамъ, онъ чудесно продлилъ одну ночь, уравнявъ ее нѣсколькимъ столѣтіямъ, дабы, работая въ этотъ промежутокъ времени, братья окончили рядъ великихъ сооруженій и, прославивъ индійское искусство, поразили весь міръ быстротою исполненія. Замыслъ удался. Изумленные народы неоглядной окрестной страны признали волшебный даръ сыновей Панду. Храбрѣйшіе мужи стеклись въ скликаемую ими рать. Братья повели ее на сѣверо-западъ, гдѣ лежалъ ихъ отчій удѣлъ, и отвоевали его у родственника-правителя.

Эллорскія святилища остаются какъ-бы въ наслѣдіе отъ глубоко первобытной эпохи. Та ночь, которую Кришна ниспослалъ на міръ въ часы ихъ созиданія, отчасти вѣчно длится еще внутри необыкновенныхъ пещеръ, преисполненныхъ тайны и населенныхъ исключительно изваяніями.

Декканъ миѳа и глухаго сказанія собственно переступаетъ порогъ исторіи лишь въ правленіе кроткаго и милосерднаго буддиста Асоки, когда имъ широко раздвигались предѣлы его владѣній, но весь строй тогдашнихъ воззрѣній до такой степени былъ проникнутъ идеями доброжелательства къ живымъ существамъ, что даже военноплѣнныхъ царя немедленно отпускали на волю. По всей вѣроятности, именно при немъ (во всякомъ случаѣ, едва-ли раньше) послѣдователи Гаутамы Будды стали здѣсь высѣкать свои первые



ВХОДЪ ВЪ ПЕЩЕРНЫЙ ХРАМЪ.

молитвенные покои. Только впослѣдствіе могли явиться и дѣйствительно явились подражатели и соревнователи этихъ буддійскихъ зодчихъ и ваятелей.

Окаймляющая сосѣднее предгорье равнина, при ничтожномъ въ данное время мѣстечкѣ Эллорѣ, опоясываетъ одну изъ важнѣйшихъ археологическихъ достопримѣчательностей земнаго шара. Уцѣлѣвшіе тутъ памятники, безпристрастно говоря, должны бы въ художественномъ отношеніи вызывать гораздо больше вниманія и непосредственнаго интереса, чѣмъ однообразныя и одностороннія по характеру древности Египта, которыя, хотя и создавались фараонами въ силу гораздо благопріятнѣйшихъ условій, но въ концѣ концевъ свидѣтельствуютъ о порядочномъ безвкусіи ихъ строителей и объ отсутствіи у нихъ воображенія. Святилища и гробницы вдоль Нила гласятъ преимущественно лишь о связи туземныхъ царей съ небожителями, о побѣдахъ надъ внѣшними врагами, о мытарствахъ, претерпѣваемыхъ душами послѣ смерти и т. п. Эллорскіе храмы и пещеры служатъ, или точнѣе служили совершенно инымъ цѣлямъ. Полулегендарный человѣкъ, высѣкавшій въ камнѣ цѣлые подземные чертоги (съ барельефами, алтарями, кельями для монаховъ и т. д.) одушевляемъ былъ однимъ пламеннымъ непреоборимымъ стремленіемъ низвести въ созидаемыя имъ кумирни и монастыри не только образы и подобія обожаемыхъ имъ сверхъестественныхъ существъ, но и само божество, столь недосягаемое для древнеиндійскихъ мыслителей и аскетовъ, столь близкое и родное простому, полудикому, не мудрствующему лукаво народу.

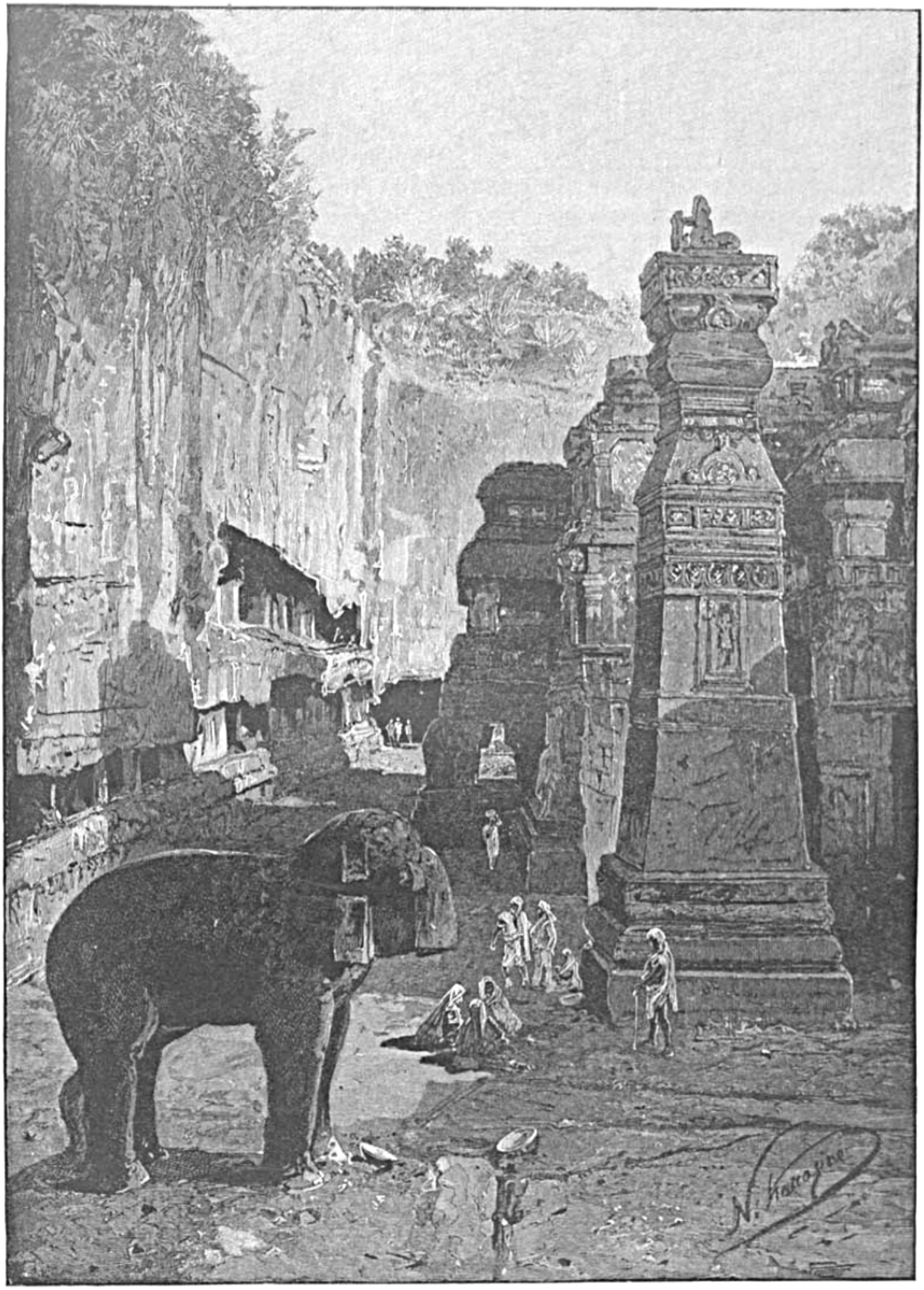
Декканъ издревле служилъ почему-то (вѣроятно, изъ-за благопріятныхъ климатическихъ условій) любимымъ мѣстопребываніемъ брамино-буддійскихъ отшельниковъ и сознательнымъ двигателемъ религій; избранные по духу мужи отдавались здѣсь созерцанію — съ отрѣшеніемъ отъ всего житейскаго, земнаго — спасались въ нелюдимыхъ мѣстностяхъ, среди малодоступныхъ ложбинъ и падей, изобиловавшихъ звѣрями, жаждали торжества воли надъ страстями и самоочищенія. Между пунктами, которые наичаще избирались подобнаго рода людьми, — для дальнѣйшаго воздѣйствія на глубоко набожную толпу мірянъ — Эллора занимала едва-ли не самое видное мѣсто. Преданія, относившіяся къ ней, коренились въ столь далекой и туманной старинѣ, что и теперь еще (начиная отъ просвѣщенныхъ браминовъ и кончая простодушнѣйшими поселянами) никто, кажется, не сомнѣвается, что развертывающееся передъ нами пространство искони было отмѣчено пребываніемъ здѣсь нечеловѣческихъ существъ — великихъ героевъ (Пандавовъ) и сверхъестественныхъ художниковъ, наконецъ, — даже нѣкоторыхъ помогавшихъ имъ боговъ.

Три религіи мирно уживались когда-то у Эллоры: браманизмъ, буддизмъ и джайнизмъ. Каждая оставила памятники своего творчества, — крайне самобытные, крайне цѣнные въ культурномъ отношеніи и, что всего удивительнѣе, хорошо сохранившіеся. Первенство въ дѣлѣ созиданія пещерныхъ храмовъ и монашескихъ жилищъ принадлежитъ будто-бы послѣдователямъ отрекшагося отъ соблазновъ царевича Гаутамы Будды. Наряду съ такъ сказать «подземнымъ» зодчествомъ буддійскихъ ревнителей (по мнѣнію ученыхъ) стали строить и джайнисты; послѣднимъ явился на поприщѣ строительнаго соревнованія растревоженный противниками браминскій міръ и надо ему отдать полную справедливость, что онъ произведеніями своей скульптуры и архитектуры не только превысилъ, но отчасти и затмилъ своихъ случайныхъ предшественниковъ. Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего страннаго. Браманизмъ въ сущности можетъ быть уподобленъ яркому дневному блеску, проникающему Индію. Огненныя идеи, коихъ носителями выступаютъ сплотившіеся въ могущественнѣйшую касту жрецы, въ творческомъ напряженіи естественно должны давать нѣчто столь же знойное по колориту, столь же непобѣдимо-величественное по

размѣрамъ и красотѣ, столь же вещественно-жизненное по размѣрамъ, какъ и то солнце, очагъ небесной теплоты, которому брамины молятся и которое свѣтитъ имъ со своей лазурной родины. Буддизмъ, совершенно отличный по характеру и существу, въ сравненіи съ браманизмомъ — скорѣе мягкій и трепетный лунный свѣтъ, ложащійся на отдыхающую отъ жара землю, проливающій исцѣленіе и радость на отуманенныя сновидѣніями сердца, рисующій будущее въ серебряной мглѣ полуночи. Джайнизмъ — нѣчто еще болѣе неопредѣлимое, будучи какъ-бы тою алмазною пылью, которая туманно мерцаетъ въ млечномъ пути. Основа этой религіи носитъ рѣзкій отпечатокъ чего-то не вполнѣ сложившагося, мистически неяснаго и лишеннаго реальной почвы. Между тѣмъ браманизмъ, при всей чудовищности и при всемъ гигантскомъ многообразіи порожденныхъ имъ образовъ, отнюдь не имѣетъ тѣхъ отрицательныхъ отчасти признаковъ, которыми отличаются буддизмъ и вѣра въ «Джиновъ» (т. е. поработителей въ себѣ грѣха и скверны, достигнувшихъ наивысшаго совершенства людей, служащихъ многимъ благочестивымъ индусамъ объектами культа и прообразами истиннаго поведенія).

У круто ниспадающаго подножія горы, съ которой Августѣйшіе путешественники спустились отъ Родзы, возвышается странная, причудливая скала. Чѣмъ ближе къ ней подходишь, тѣмъ непонятнѣе кажутся очертанія этой издали какъ-бы безформенной глыбы. Она поражаетъ симметричными неровностями поверхности и глубокими сквозными отверстіями, проникающими ее съ разныхъ сторонъ: однако, чѣмъ больше всматриваешься въ ея внѣшній видъ, тѣмъ яснѣе сознаніе, что это — пагода, притомъ не простая пагода, а знаменитый дворецъ бога Шивы «Кайласа». Передъ нами — памятникъ монолитическаго характера: все высѣчено изъ одной и той же колоссальной массы камня, искусственно отдѣленнаго отъ матери-горы. Часовенки, терассы, пирамиды, маленькія колокольни, лѣстницы, статуи, обелиски, львы, слоны, какъ стражи святилища... Какая волшебная сила вызвала ихъ къ бытію, вдохнувъ жизнь въ бездушную громаду? Размѣры сооруженія по истинѣ грандіозны. Одинъ дворъ вокругъ занимаетъ около полудесятины. Самъ по себѣ храмъ-утесъ измѣряется десятками саженей въ длину, ширину и высоту. Ужь если въ Европѣ дивятся терпѣнію убогаго китайскаго ремесленника, дѣлающаго рѣдкостныя бездѣлушки изъ кусочка слоновой кости, — то что сказать о художникахъ, пересоздавшихъ часть цѣлой холмистой гряды, съ цѣлью послужить своимъ богамъ и ослѣпить творчествомъ толпу ихъ пламенныхъ ревнителей? Спрятанныя въ тѣснинѣ, подъ горой, покинутыя многочисленнымъ жречествомъ и отчасти заглохшія кумирни въ своемъ величавомъ одиночествѣ и безмолвіи производятъ на зрителей сугубо сильное впечатлѣніе. Сколько ни всматривайся, скрѣпленіе камней незамѣтно. Ни одинъ на другой видимо не опирается. Они словно предвѣчно и органически связаны. Постройка по цвѣту отнюдь не отличается отъ всего ее окружающаго, будучи такой же коричневой, какъ и простирающаяся смежно съ ней, убѣгающая въ сосѣднюю равнину цѣпь возвышенностей. На стѣнахъ почти не видишь прикосновенія заботливой руки человѣческой. Люди — какъ-бы чужды этому загадочному созданію; оно точно само зародилось и встало среди однородной съ нимъ природы Деккана.

Но впечатлѣнія обманчивы: согласно даннымъ индійской археологіи, такіе же памятники существуютъ на открытыхъ мѣстахъ, и, между прочимъ, въ совершенно иной обстановкѣ — напр. на берегу моря. Подобный храмъ находится въ Мадрасскомъ президентствѣ — въ Махавеллипорѣ и принадлежитъ къ такъ-называемымъ сооруженіямъ «дравидскаго» архитектурнаго стиля, который въ сущности имѣетъ близкое соотношеніе съ ассиро-вавилонскимъ. Историческая связь пока неясна, но догадки о степени ихъ



КАЙЛАСА.

далеко не случайнаго сродства основываются во-первыхъ на исконномъ торговомъ общеніи Малабарскаго побережья съ Персидскимъ заливомъ и Месопотаміей, а кромѣ того на несомнѣнномъ прибытіи дравидянъ (неизвѣстными пока путями) съ далекаго сѣверо-запада. Въ Белуджистанѣ до сихъ поръ еще удержались элементы въ населеніи, у которыхъ разговорная рѣчь близка къ господствующему языку южной Индіи.

Ихъ Высочества проходятъ сквозь скалистый притворъ, отдѣляющій дорогу въ Нандгаонъ отъ самаго Кайласа («дворца Шивы»). Изваянія кроткой богини Лакшми на лотосѣ, грозноликіе каменные стражи-хранители (dwârapâlas) по обѣимъ сторонамъ кумиренныхъ вратъ, сдвигающаяся по бокамъ высь холмовъ наряду съ непосредственнымъ созерцаніемъ вырытой въ ихъ же сердцѣ художественной громады, — все это гораздо сильнѣе захватываетъ душу животрепещущимъ интересомъ, чѣмъ недавно видѣнныя пещеры Элефанты. Углубляясь въ болѣе подробный осмотръ главнѣйшаго изъ эллорскихъ архитектурныхъ чудесъ, положимъ, замѣчаешь здѣсь и тамъ образцы, подобные тѣмъ, что бросались въ глаза въ день нашего прибытія въ Бомбей (орнаментъ иныхъ столбовъ тождественъ съ элефантскимъ), но въ общемъ разница черезчуръ велика: тамъ зодчество не стремилось закружить посѣтителя въ лабиринтѣ своихъ низведенныхъ на землю вѣрованій и грезъ — тутъ, наоборотъ, каждый камень, каждая плита, каждый уголокъ дивнаго сооруженія проникнуты глубоко сокровеннымъ смысломъ, коренящимся въ доисторическомъ міровоззрѣніи, гласятъ о легендарныхъ подвигахъ и борьбѣ сверхъестественныхъ существъ, заставляютъ зрителя всматриваться и вдумываться въ такія загадки бытія, о которыхъ иначе не легко бы возникало и представленіе.

У входа во дворъ браминскаго святилища — изуродованная фигура гигантскаго слона: «бѣдный тысячелѣтній слонъ, тебѣ обломили хоботъ!». . .

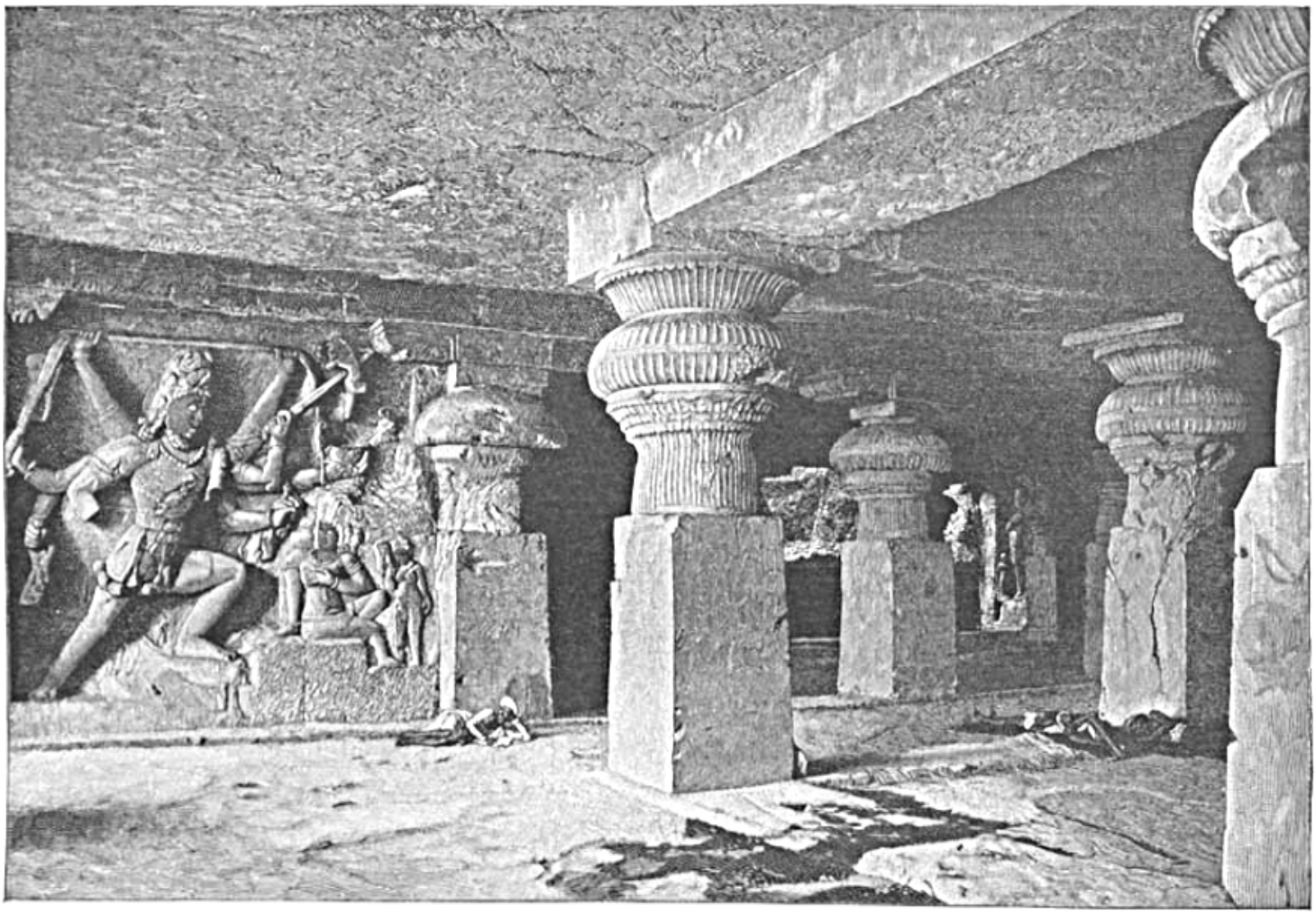
Кайласа иначе называется «Рангъ Махалъ». По мнѣнію археологовъ, капище воздвигнуто въ срединѣ VIII вѣка нашей эры. Преданіе гласитъ, что приблизительно полтора столѣтія спустя нѣкій больной раджа (по имени Элу), изъ среднеиндійскаго, нѣкогда цвѣтущаго города Эличпура, нашелъ здѣсь исцѣленіе у водоема, уцѣлѣвшаго до сихъ поръ у мѣстечка, названнаго впослѣдствіе Ируль или Эллорой.

Сооруженіе, осматриваемое въ данную минуту Августѣйшими путешественниками, состоитъ изъ четырехъ этажей. Всѣ они слегка незакончены въ отдѣлкѣ. Хрупкій мостикъ, перекинутый отъ центральнаго храма къ одному боковому придѣлу, обрушился.

Мы подымаемся на длинную галлерею, любуясь скульптурой по стѣнамъ. Рѣзьба въ скалѣ мѣстами такъ тонка, какъ будто бы она была деревянною. Своды, искусно высѣченные надъ нашею головой, изогнуты точно ребра. Работа ваятелей, украшавшихъ фасадъ зданія, воспроизводитъ сцены изъ Махабхараты и Рамаяны. При бѣгломъ обзорѣ памятника нѣтъ возможности останавливаться надъ деталями разныхъ мелкихъ, но сложныхъ группъ и хитросплетеніями орнамента. Набираешься общихъ впечатлѣній, ищешь чего-нибудь цѣльнаго по замыслу и исполненію.

Мы входимъ дальше и дальше въ храмъ — утесъ. Передъ глазами развертывается настоящій каменный пантеонъ, языческій міръ въ его причудливѣйшихъ и довольно грубыхъ формахъ. Вотъ четверорукая богиня Аннапурна («насыщающая») съ четками и чашей, бывшая радѣтельной хозяйкой Шивы, когда онъ, въ образѣ нищаго, скитался по землѣ. Вотъ Кришна съ раковиной и мечемъ, наступившій ногой на страшную гадину Калійю. Таинственно безмятежный Вишну изображенъ отдыхающимъ на огромной морской змѣѣ съ лотосомъ, произростающимъ изъ его чрева, и четвероликимъ Брамой, проявляющимся въ этомъ дивномъ цвѣткѣ. Тотъ же Брама виденъ еще иногда или верхомъ на

своемъ священномъ гусѣ, или съ трезубцемъ, лукомъ и колчаномъ въ качествѣ правящаго солнечною колесницей, запряженной олицетвореніями мудрыхъ Ведъ, на которой шестирукій Шива устремляется на борьбу противъ демона Тарака. На стѣнахъ Кайласа, что ни шагъ, всплываютъ новые образы, воплощенныя въ камень умозрѣнія: здѣсь божество, въ видѣ кабана, клыками пытается поднять сушу надъ поверхностью всеобъемлющихъ первозданныхъ водъ. Дальше получеловѣкъ-полуптица Гаруда, истребитель пресмыкающихся, тащитъ равнаго ему по силамъ небожителя Вишну на своей могучей спинѣ. Въ другомъ мѣстѣ послѣдній, подъ именемъ Нарасимха, представленъ съ львиной головой и свирѣпо разрываетъ нѣжными руками, въ запястьяхъ, лежащее у него на колѣняхъ жалкое тѣло



РАЗГНѢВАННЫЙ ШИВА.

одного полубога, испугавшаго и разгнѣвавшаго боговъ чрезмѣрнымъ могуществомъ и властолюбіемъ. Чѣмъ объяснить смѣсь наивности, глубокомыслія и ужаса?!

Согласно вѣрованіямъ простонародья, Шива нѣкогда кормилъ свою богиню и сыновей (Ганешу, бога мудрости и богатства, и Картикейю, бога войны), выпрашивая подаяніе въ одеждѣ факира. Но предавшись не въ мѣру страсти опьяняться, онъ пренебрегъ семейными обязанностями, такъ что его жена Парвати дошла до крайности и для утоленія голода пришлось даже съѣсть «крысу и павлина», — преданныхъ животныхъ, на которыхъ ѣздили вѣщія дѣти грознаго божества. Тогда богиня чарами добыла пищу, заставивъ ее изчезать изъ чаши мужа, какъ только туда опускалась обычная милостыня. Наконецъ Шива измученный, изнуренный добрелъ домой и, о чудо! былъ накормленъ прозорливой супругой, получившей за это прозвище Аннапурны. Въ неистовомъ восхищеніи

онъ прижалъ ее къ груди съ такою силою, что оба они слились въ одно существо двойнаго пола (Арданаришваръ), которое мы видѣли изображеннымъ на островѣ Элефантѣ и замѣчаемъ тоже здѣсь. Голова кружится отъ обилія и полноты миѳологическаго строго продуманнаго и совершенно непостижимаго матеріала...

Бытовыя особенности индійскихъ среднихъ вѣковъ случайно отразились тутъ и тамъ на внѣшней стѣнѣ капища: напр. изваяна рать, идущая въ бой... иные воины — на слонахъ, иные — на колесницахъ. Страница въ камнѣ изъ Махабхараты!

Едва успѣваешь запечатлѣть въ памяти подобную характерную картину древняго похода, какъ уже стоишь передъ колѣнопреклоненною фигурой изувѣрнаго десятиглаваго Цейлонскаго царя Равана, добровольно отсѣкающаго себѣ одну изъ головъ въ знакъ благоговѣйной жертвы кровожадному Шивѣ.

Вырѣзанные вдоль Кайласа кумиры самобытны и странны до невѣроятныхъ предѣловъ: у бога — солнца растутъ напр. лотосы изъ рукъ, а въ ушахъ у него — серьги. Другія божества въ діадемахъ, въ высокихъ тіарахъ и браслетахъ. Надъ нѣкоторыми группами изумительна тонкость рѣзьбы, передающей формы тропической растительности.

Августѣйшіе путешественники переступаютъ порогъ внутренняго центральнаго святилища, поднимаются въ верхній этажъ, внимательно обходятъ искусственно одухотворенную скалу. Низкій потолокъ могучаго по размѣрамъ храма нѣкогда, говорятъ, былъ украшенъ цвѣтными узорами, которые изчезли будто-бы вслѣдствіе отданныхъ Аурангзебомъ приказаній развести огонь въ чертѣ ненавистнаго ему капища. Но, можетъ быть, это — лишь народное тенденціозное сказаніе и дѣло проще объясняется небрежностью самихъ паломниковъ-язычниковъ позднѣйшей эпохи, подолгу остающихся здѣсь иногда подъ сѣнью глубоко чтимыхъ идоловъ и зажигающихъ по ночамъ пучки соломы, чтобы грѣться среди сырыхъ и холодныхъ плитъ, чтобы дымомъ отгонять насѣкомыхъ и отпугивать хищное звѣрье.

Поневолѣ наконецъ отрываясь отъ грандіознаго памятника временъ, сочетавшихъ творческій порывъ съ горячей искренностью простодушнѣйшаго вѣрованія, тихими шагами покидаешь Кайласъ и, миновавъ его притворъ, разсѣяннымъ взглядомъ окидываешь знакомую пустынную равнину за мѣстечкомъ Эллорой.

Пониже дороги изъ Родзы въ Нандгаонъ и слегка въ сторонѣ, стоитъ маленькій домикъ караульщиковъ, приставленныхъ къ пещерамъ Гайдерабадскимъ правительствомъ, съ цѣлью ихъ огражденія отъ окончательнаго упадка и отъ вандализма туристовъ. Въ послѣднемъ отношеніи отличаются парсы, страдающіе маніей вырѣзать свои имена на всемъ достопримѣчательномъ. Саларъ Джангъ, недавно умершій старшій министръ Низама, началъ просвѣщенно-ревниво оберегать древности роднаго края, соединилъ ихъ сравнительно удобными путями сообщенія съ желѣзно-дорожными станціями, реставрировалъ заглохшій доступъ во внутрь жилища боговъ, однимъ словомъ явилъ себя на высотѣ призванія, какъ образованный администраторъ.

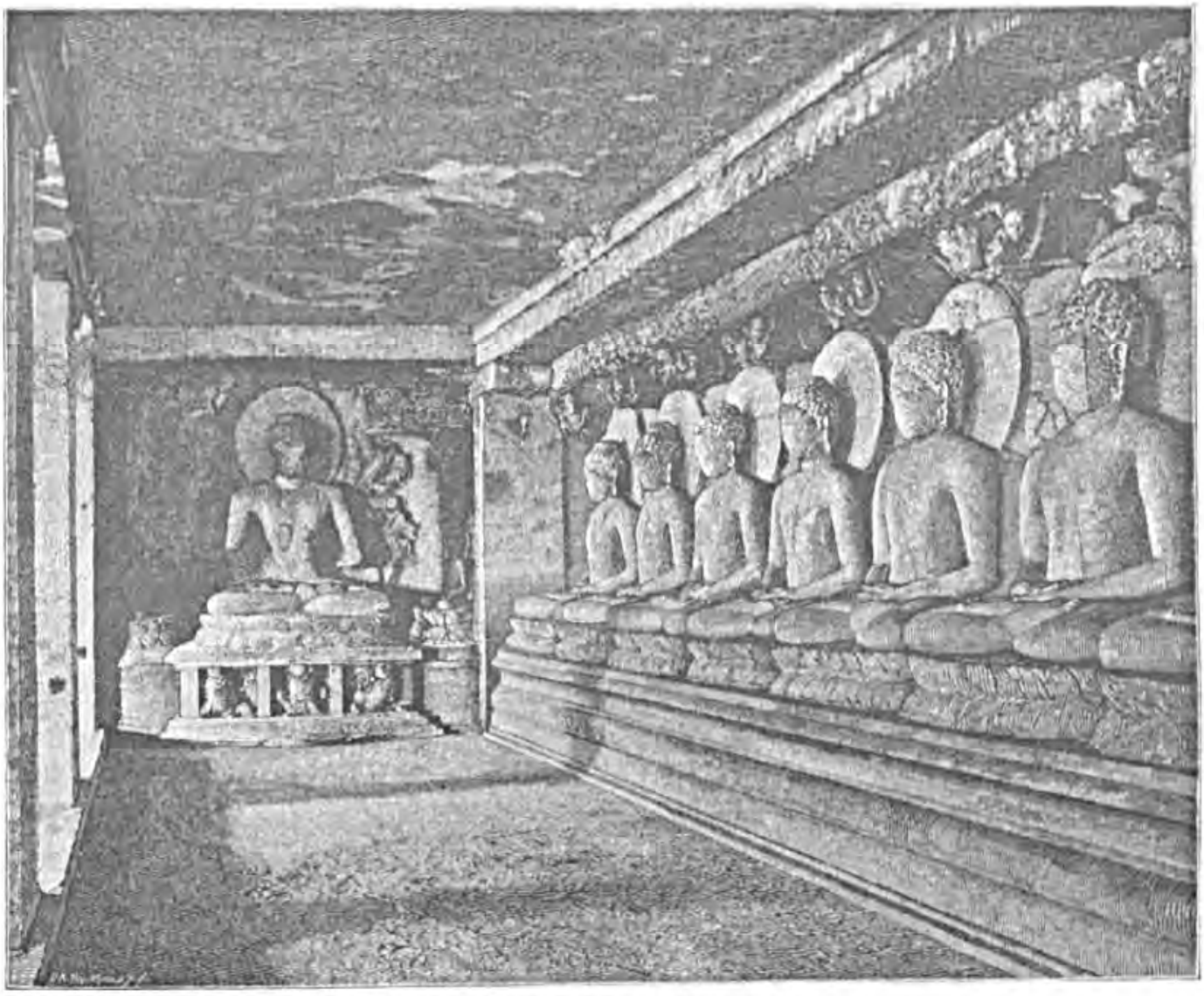
Довольно узкія тропы проложены сквозь кустарникъ къ самому подножію холмистой гряды. Намъ указываютъ влѣво отъ Кайласа рядъ другихъ святилищъ, которыя однако врядъ-ли есть возможность осмотрѣть въ какіе-нибудь два дня. Еще всецѣло подъ впечатлѣніями необъятнаго браминскаго пантеона и героическаго эпоса Индіи, мы бѣгло посѣщаемъ капища, сосѣднія съ «дворцомъ Шивы». По отзыву археологовъ, тутъ

любопытно слѣдить за видоизмѣненіями архитектурнаго стиля и скульптурныхъ особенностей, при постепенномъ переходѣ отъ старѣйшихъ буддійскихъ святилищъ къ позднѣйшимъ вишнуитскаго характера. Оттѣнки въ постройкѣ и ваяніи сперва почти незамѣтны. Лишь послѣ нѣкоторыхъ невольныхъ остановокъ передъ застывшими въ созерцанія кумирами «царевича-мудреца» внезапно отдаешь себѣ отчетъ, что находишься въ мірѣ совершенно иныхъ образовъ, въ области совершенно иныхъ окаменѣлыхъ мечтаній и возвышенныхъ стремленій. Тамъ — рядомъ, на рубежѣ небесъ, гдѣ древніе богатыри и полумиѳическія твари рельефно выступаютъ по стѣнамъ и тревожно сходятся съ богами устрашающей внѣшности, — даже камни, повидимому, проникнуты жизнью и трепетомъ не имѣющей ни конца, ни начала борьбы. Здѣсь, загадочно улыбаясь кроткими и отрѣшенными отъ земли очами, сидящій Будда смотритъ въ вѣчность сквозь золотистую мглу гигантской молитвенной пещеры. . . Она — трехъэтажна (почему и называется Тинъ-Талъ) и очень обширна по объему. Ихъ Высочества обозрѣваютъ ее, подымаясь по лѣстницамъ, высѣченнымъ въ скалѣ-кумирнѣ, созданной, должно быть, въ исходѣ седьмаго столѣтія послѣ Р. Хр. У фигуръ въ нишахъ — оригинальные аттрибуты въ сравненіи съ браминскими: преобладаютъ цвѣты, деревья, затѣмъ маленькіе магическіе жезлы (ваджра) и книги. Послѣднія составляютъ отличительную примѣту буддоподобнаго существа Манъчжушри, олицетворенія мудрости, которое, какъ извѣстно, воплощается и перевоплощается въ богдоханахъ. Источникъ неизсякающаго милосердія — Авалокитешвара, буддійское божество, чтимое до сихъ поръ преимущественно ламаитами, признаваемое какъ-бы верховнымъ покровителемъ и духовнымъ владыкой Тибета, высится тутъ же по близости у опустѣлыхъ жертвенныхъ плитъ. Кругомъ — Будды прошедшаго времени, Будды грядущаго времени (со странно сложенными пальцами приподнятыхъ рукъ). Надъ изваяніями — нѣчто вродѣ балдахина (chhatra). Чело ихъ украшено вѣнцами и распространяющимся по сторонамъ сіяніемъ. Одно изображеніе представляетъ безгрѣшнаго аскета, погруженнаго въ сокровеннѣйшія тайны созерцанія (джнана мудра), т. е. на степени обладанія премудростью. Въ сущности нѣтъ ни силъ, ни охоты продолжать обходъ памятниковъ, болѣе обстоятельное знакомство съ коими пріобрѣтало бы значеніе лишь при условіи, что ихъ изучаешь съ научной цѣлью. Разъ это не имѣется въ виду, всякое переутомленіе въ стѣнахъ любой изъ эллорскихъ «святынь» и нежелательно, и безполезно. Августѣйшіе путешественники оставляютъ ихъ, съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться на слѣдующій день. По дорогѣ, изгибающейся у Кайласа, за нами бредетъ грустный, полунищій старикъ-индусъ (вѣроятно, сторожъ при группѣ капищъ) съ ветхой англійской книгой въ красномъ переплетѣ: оказывается, что бѣдный туземецъ по ней (изданной десятки лѣтъ назадъ и, вдобавокъ, написанной скептикомъ-чужеземцемъ) оріентируется въ лабиринтѣ мрачныхъ чертоговъ, гдѣ его предки находили сердцемъ и умомъ усладу, надежду, врачеваніе.

Обѣды въ Родзѣ тянутся до поздняго вечера и отчасти носятъ оффиціальный отпечатокъ. Во главѣ встрѣтившихъ Наслѣдника Цесаревича Гайдерабадскихъ вельможъ находится типичный представитель мѣстной феодальной знати, родственникъ Низама — его министръ финансовъ, Навабъ Викаръ-уль-Умра Бахадуръ (крѣпкаго тѣлосложенія, среднихъ лѣтъ, съ угрюмымъ лицемъ туранца той эпохи, когда воинственная Средняя Азія вливалась въ индійскій міръ). При этомъ сановникѣ — его сынъ Навабъ Султанъ-уль-Мулькъ съ драгоцѣнными украшеніями надъ своего рода тарбушемъ (шапкой, напоми-

нающей высокія фески дворцовой стражи Хедива). Кромѣ того, изъ столицы прибылъ также сюда, для еще бо́льшаго почета, министръ внутреннихъ дѣлъ Навабъ Фатехъ Навазъ-Джангъ. Присутствіе еще нѣсколькихъ молчаливыхъ мусульманъ-аристократовъ Деккана (Низаму подвластны, между прочимъ, иные туземные раджи, но язычники не приглашены на блестящій пріемъ) — съ весьма независимой осанкой, въ узорныхъ кафтанахъ — въ свою очередь придастъ извѣстную прелесть обстановкѣ.

Мѣстный дворъ не пожалѣлъ никакихъ громадныхъ затратъ, чтобы Первенецъ Русскаго Царя нашелъ въ глухой Родзѣ полное восточное гостепріимство на европейскій



ВЪ БУДДІЙСКОМЪ ПЕЩЕРНОМЪ ХРАМѢ.

ладъ. Провизія, вина, ледъ привезены изъ Бомбея. Гигантстій обозъ (въ сотни лошадей), доставлявшій все нужное, попадался намъ на пути съ желѣзной дороги. Цѣлый штатъ прислуги беззвучно суетится у павильона-столовой. Наши спутники-англичане довольно косо поглядываютъ на одного своего соотечественника съ развязными манерами, который хлопочетъ у Великокняжескаго стола въ качествѣ буфетчика, что, по мнѣнію хозяевъ Индіи, не соотвѣтствуетъ престижу господствующей рассы.

Полковникъ Лэдлоу (мадрасской арміи) назначенъ здѣсь временно завѣдующимъ охраной. Крайне внимательный и общительный инженеръ Стивенсъ надзираетъ, по пору-

ченію туземныхъ властей, за благоустройствомъ встрѣчи. По его словамъ, если бы Цесаревичъ поѣхалъ въ Гайдерабадъ, и сказать нельзя, съ какимъ великолѣпіемъ, съ какою сказочною пышностью Его бы тамъ приняли.

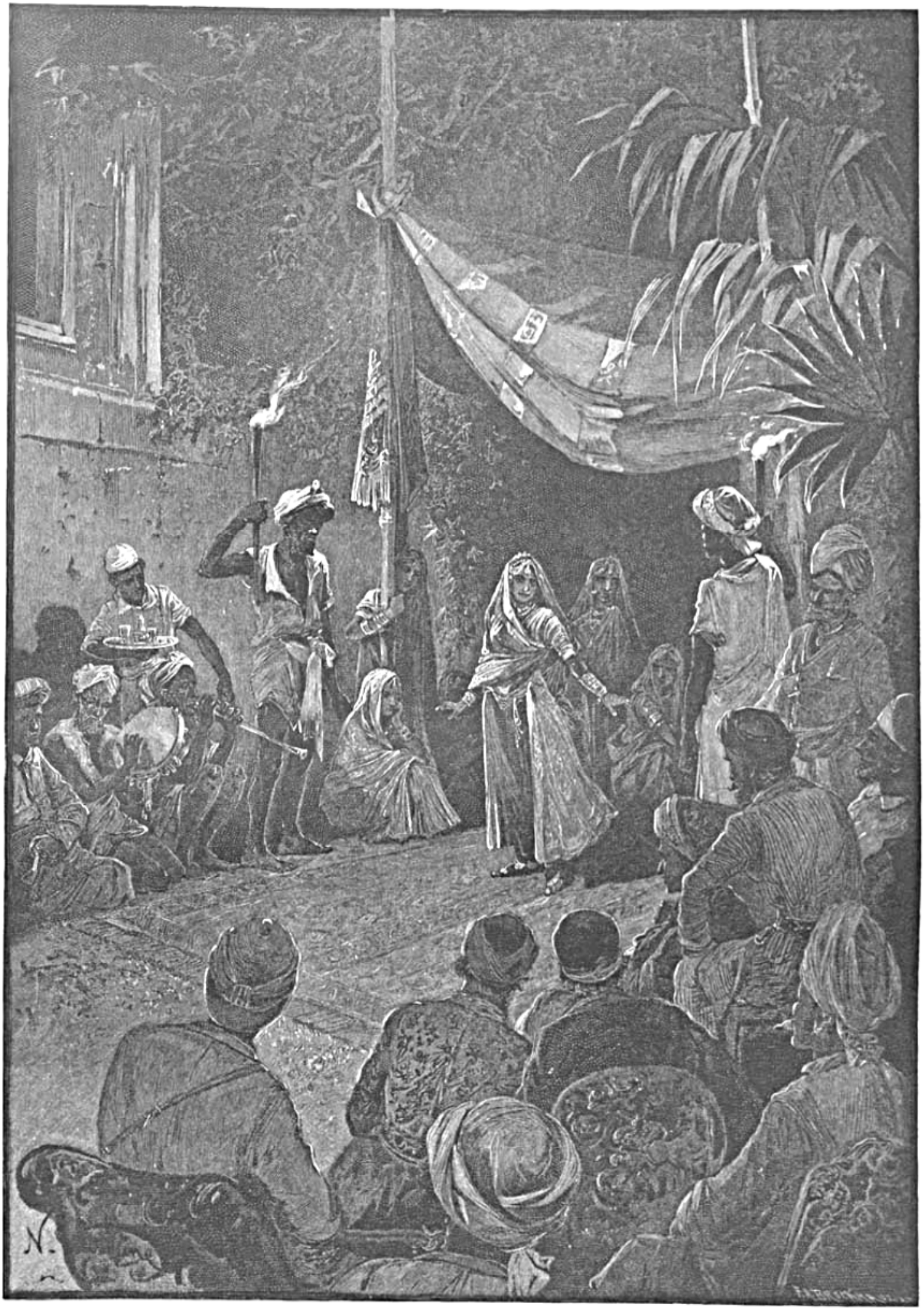
Изъ Аурангабада прибыло въ Родзу два-три офицера тамошняго англійскаго гарнизона, — между прочимъ, командиръ конной батареи, на австралійскихъ лошадяхъ которой Ихъ Высочества ѣхали отъ Нандгаона, и спеціально присланный корреспондентъ «Bombay Gazette».

Музыка туземнаго баталіона, выставившаго почетный караулъ, играетъ въ непосредственной близости павильона-столовой. Маршъ «Héroïque» Шуберта смѣняется увертюрой изъ «Жизни за Царя», вальсы «Изида» Остлера и «Сирены» Вальдтейфеля таютъ манящими звуками въ ночномъ воздухѣ, и тутъ же немедленно начинаютъ искриться легкомысленнымъ весельемъ попури изъ «Герцогини Герольдштейнской», изъ «Madame Angot». Тихимъ журчаньемъ разливается затѣмъ мелодія изъ Шубертовскаго «Am Meer». И это почти въ двухъ шагахъ отъ надгробной могильной плиты Великаго Могола, погребеннаго въ «священной» мекканской землѣ, нарочно для него привезенной изъ Аравіи!...

Викаръ-уль-Умра, сидящій за обѣдомъ рядомъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, провозглашаетъ тосты за королеву-императрицу, за Государя Императора и за Августѣйшихъ путешественниковъ. Три національныхъ гимна гремятъ въ отвѣтъ. Его Императорское Высочество пьетъ здоровье хозяина — Низама, причемъ, согласно обычаю, при провозглашеніи тоста, присутствующіе за столомъ гости громко повторяютъ заключительныя слова тоста «Highness Nizam».

Подъ широкимъ навѣсомъ-шатромъ, у обѣденнаго шалэ, пестрою группою скучились «баядерки». Онѣ еще не поютъ, не пляшутъ, неподвижно посматриваютъ на иностранцевъ, лѣниво оправляя одежду и ожерелья; но уже отъ одного внѣшняго вида этихъ плясуній сколько получается недовѣрія къ дутымъ восторженнымъ отзывамъ туристовъ, сколько прозы, сколько разочарованья! Невзрачныя, коричневыя, неуклюже затянутыя въ тяжелую дорогую ткань, облекающую ихъ съ ногъ до головы, онѣ производятъ далеко не эстетическое впечатлѣніе. Только порядочныя женщины имѣютъ право въ Индіи одѣваться прозрачно и легко. Притомъ высшіе классы незримы для ока постороннихъ, а видѣнное нами простонародье (бабы) положительно не обременено костюмомъ. Танцовщицы же, какъ представительницы свободной любви, издавна должны, по своему двусмысленному соціальному положенію, тщательно закрывать себѣ туловище, грудь и плечи. Фантазія художниковъ, рисующая ихъ воздушными полуобнаженными видѣніями, здѣсь на мѣстѣ теряетъ крылья, прикована къ довольно отталкивающей дѣйствительности, при дисгармоніи сопутствующей музыки (небольшаго барабана и грубой скрипки) не видитъ искры огня въ медленныхъ и холодно-размѣренныхъ тѣлодвиженіяхъ каждой пляшущей дѣвушки. Египетскія гавази и туземныя «nautch girls» (какъ въ Индіи принято называть баядерокъ) — сестры не только по профессіи, но и по традиціямъ воспринятаго искусства. Идея его — затаенная страсть, кажущееся равнодушіе, упоительно-сладкая нѣга и неутолимая по существу жажда любви, въ которую сердце извѣрилось и которая всетаки манитъ куда-то впередъ.

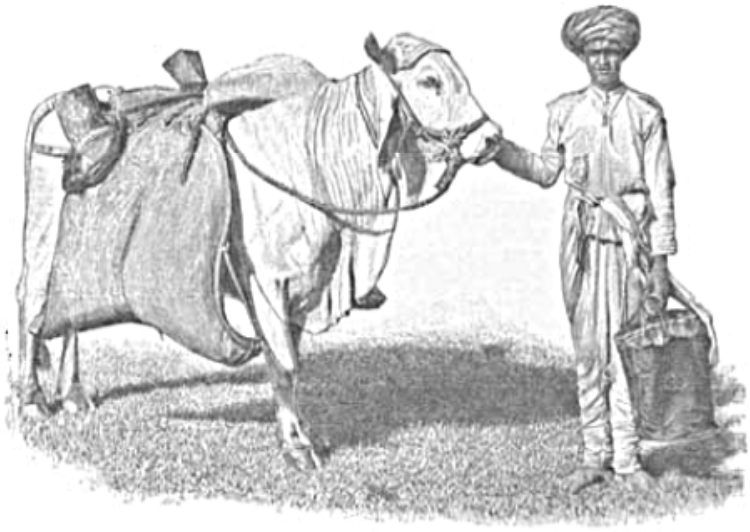
Несчастные безобразные факельщики (занятіе наслѣдственное, принуждающее цѣлыя поколѣнія исключительно свѣтить по ночамъ людямъ высшаго круга и тѣмъ снискивать себѣ скудное пропитаніе) съ устало-покорнымъ видомъ стоятъ по сторонамъ отъ плавно



ТАНЕЦЪ БАЯДЕРОКЪ.

покачивающихся, тихо плывущихъ къ зрителямъ и столь же неторопливо отступающихъ баядерокъ. Драгоцѣнности на нихъ позвякиваютъ, монисты колышатся на груди, маленькія граціозныя необутыя ноги безъ устали оттаптываютъ на твердомъ грунтѣ лагеря строго обычный, безучастный къ окружающему ритмъ. А надъ нами, надъ темною Родзой, пламенѣющая бездна небесъ опрокинулась безпокойно мерцающимъ куполомъ. Окрестная равнина замерла въ неясномъ отдаленьи, подъ вдумчивымъ ликомъ высоко взошедшей луны. Тѣни туземной толпы любопытныхъ перебѣгаютъ отъ луннаго мрака въ полосу нашего причудливо озареннаго параднаго шатра. Вотъ забили огненные фонтаны сказочнаго восточнаго фейерверка. На ближайшемъ холму, за мусульманскими мавзолеями, блестящими линіями заструилась иллюминація. По глубокой южной лазури стали взвиваться свистящія ракеты. Дождь мѣняющихся цвѣтовъ посыпался съ нихъ на развалины сосѣдняго городка.

Вотъ изъ темноты придорожнаго пространства, за нашими палатками, выше и выше началъ лѣниво подниматься горящій изнутри шаръ. Онъ сравнялся съ характерно очерченными изгибами далекихъ возвышенностей, заколыхался въ необъятномъ звѣздномъ просторѣ, подъ отвѣсными лучами бѣлаго мѣсяца, и затѣмъ нехотя, уныло повернулъ обратно на землю, словно на встрѣчу другому такому же шару, возносящемуся изъ густолиственной купы деревьевъ, за которымъ тянулись третій, четвертый, пятый, цѣлая небольшая вереница крылатыхъ огоньковъ, тщетно порывающихся проникнуть до заповѣдной тверди.



ВОДОНОСЪ.

Утро. Душистое, ясное, безвѣтренное утро. «Кхультабадъ» (райское мѣстопребываніе), какъ мусульмане иногда называютъ царство гробницъ — Родзу, дѣйствительно оправдываетъ свое ласкательное прозвище. Проснувшись почти на зарѣ, выходишь на зеленый лугъ, покато спускающійся отъ мавзолея Тана-шаха къ эллорскому подгорью. Тихо. Безлюдно. Только съ могилы того или другаго «праведника» долетаетъ глухой барабанный бой, которымъ потомки чествуютъ усопшаго, — да еще, гармонично позвенивая колокольчиками, въ нашу сторону тянутся двугорбые быки водоносовъ, съ рогами въ мѣдной оправѣ и кожанными мѣхами.

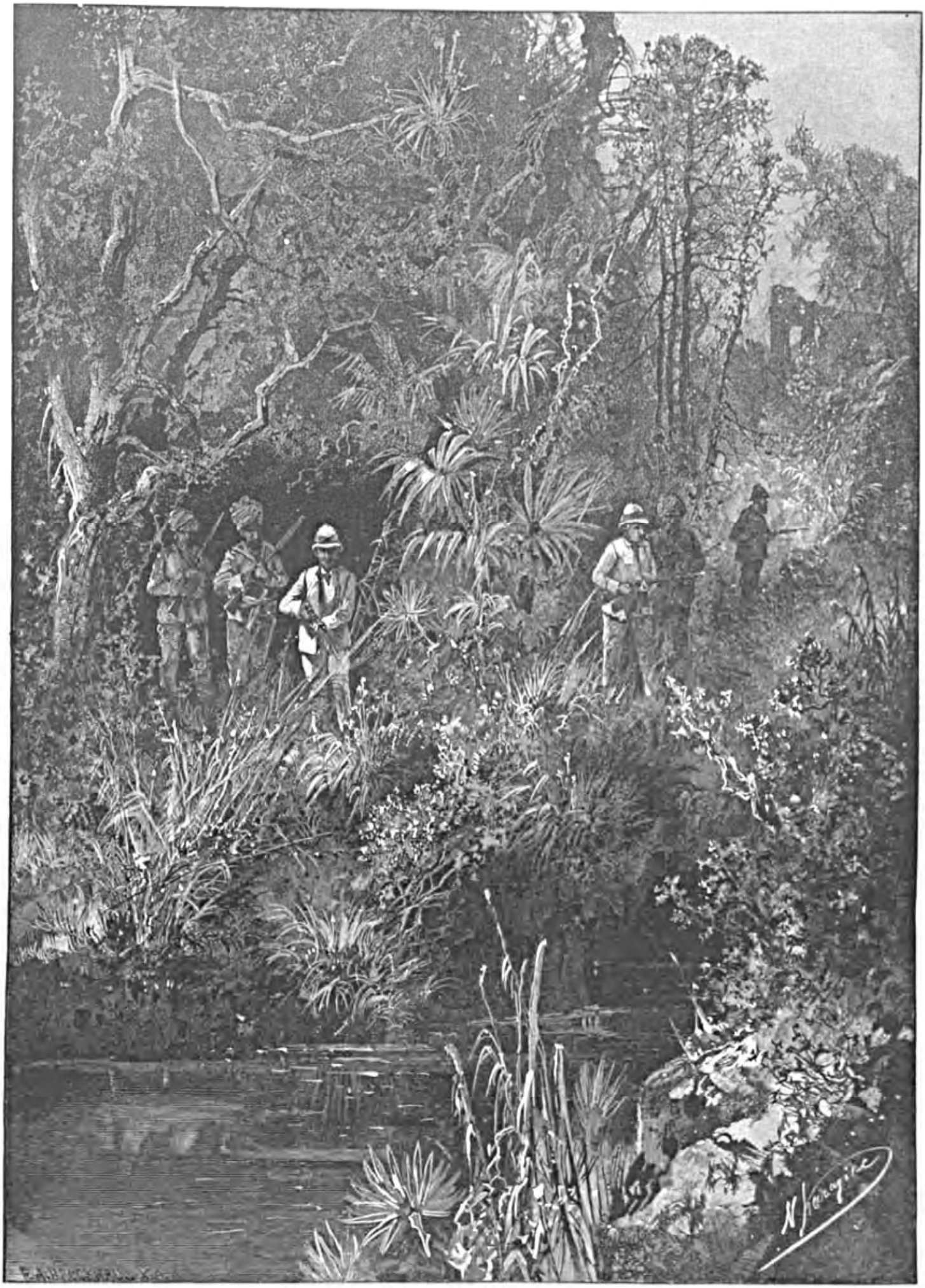
Ихъ Высочества со свитой ежедневно отправляются на охоту. Туземцы заботливо выслѣживаютъ крупную пантеру, неподалеку отъ лагеря. Наконецъ облава на нее удается. Звѣрь попадаетъ на цѣпь стрѣлковъ и, не добѣжавъ до того пункта, гдѣ стоялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, легко раненъ кн. Оболенскимъ и смертельно кн. Барятинскимъ. Убитое животное приносятъ къ палаткамъ, имъ любуются, сдираютъ съ него шкуру. Пока это происходитъ, художникъ Гриценко, раздѣляющій восторгъ Низамова министра — Наваба Фатехъ Навазъ Джанга, по отношенію къ первенствующей танцовщицѣ мѣстечка (смуглой, невзрачной дѣвушкѣ), которую мы видѣли пляшущей вчера и навѣрно увидимъ сегодня вечеромъ, тщательно рисуетъ съ нея портретъ у шалэ. Она пришла на сеансъ не одна, а въ сопровожденіи уродливой старухи-матери. При дневномъ свѣтѣ вся фигура закутанной

въ шелкъ и позолоту баядерки еще ярче выдѣляется среди полуевропейской обстановки параднаго шатра. Жемчугъ въ ноздрѣ, лоснящіяся волосы съ проборомъ, апатично-недоумѣвающій взорь заставляютъ, несмотря на нѣкоторую миловидность лишеннаго экспрессіи лица, повторить уже сказанное: или надо умышленно искажать правду, отзываясь объ артисткахъ этого глубокаго Востока, или лучше признать, что онѣ — женщины совершенно чужаго для насъ міра и только смыслъ ихъ напѣвовъ, ихъ мимики любви, символики ихъ движеній до извѣстной степени можетъ интересовать европейца.

Августѣйшіе путешественники вторично спускаются къ Эллорѣ, гдѣ — какъ намъ говорятъ — существуетъ, между прочимъ, знаменитая гробница какого-то мусульманскаго «святаго» . . . . . и притомъ у пещеръ, составляющихъ гордость индусовъ! Въ началѣ столѣтія, когда тутъ крѣпко сидѣли мараты, даже гарнизонъ, присылавшійся сюда въ селеніе, нарочно набирался изъ воиновъ раджпутской крови, чтобы достойно почтить округъ, создавшій — хотя и въ древности — рядъ чудесъ религіознаго искусства. Теперь не то. Обаяніе тускнѣетъ. Прозаическій взглядъ на вещи беретъ верхъ.

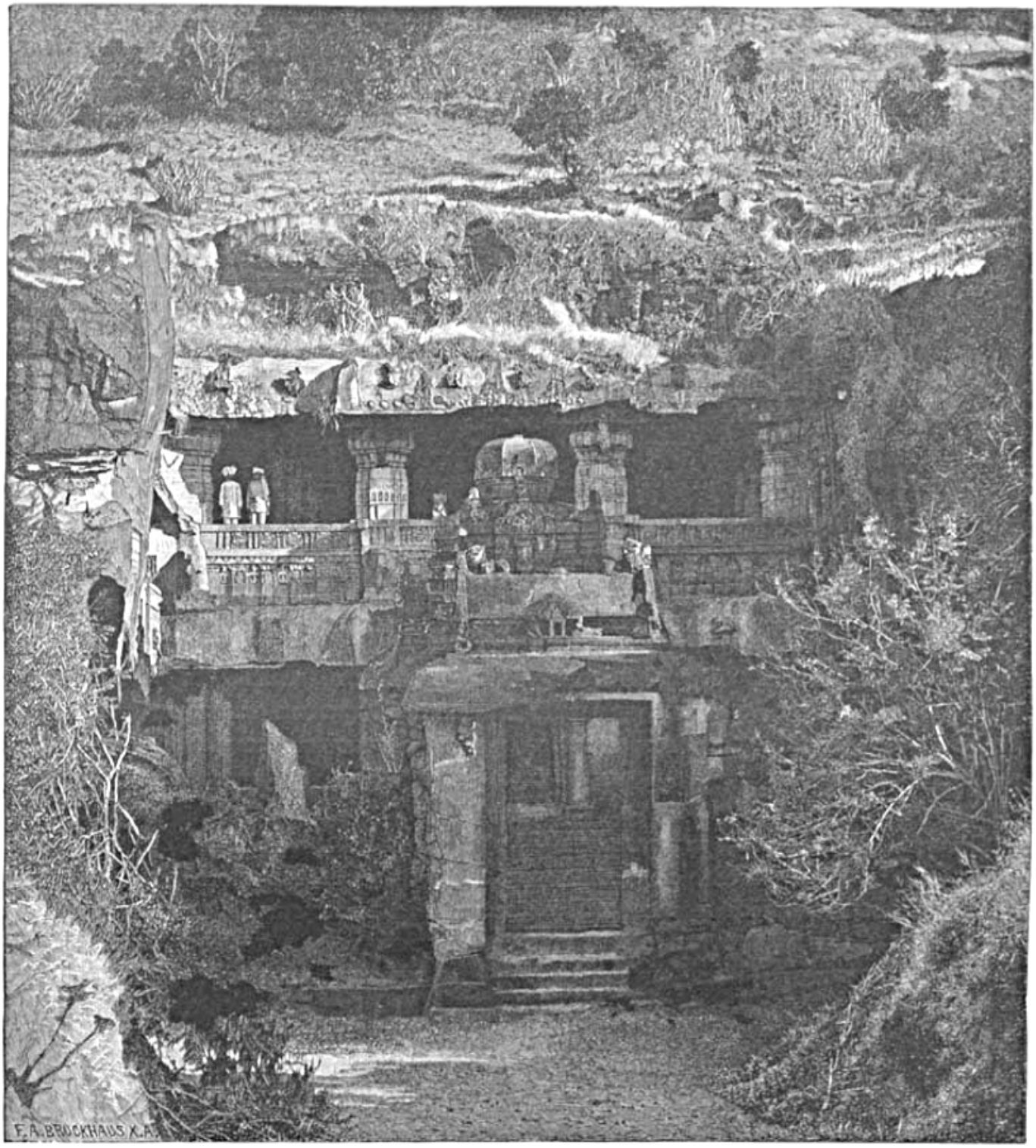
Среди глухихъ зарослей (кустарника и деревьевъ) сѣрѣютъ угрюмые выступы утесовъ, прикрывающихъ входы въ запустѣлыя капища и давно покинутые монастыри. Тому, кто обошелъ эту вереницу грандіозныхъ созданій древне-индійскаго зодчества, кто поперемѣнно — то вскользь, то мучительно долго — вглядывался въ безсмертное творчество невѣдомыхъ художниковъ, стремившихся низвести сюда съ небесъ свое божество и воплотить его въ камень на вѣчныя времена, — тому, послѣ посѣщенія всѣхъ этихъ почти доисторическихъ достопримѣчательностей, естественно почувствовать надъ своей душей дуновеніе эпохи, порождавшей столь пламенную вѣру и подобное творчество.

Для того чтобы его понять, нужно вообще мысленно перенестись въ далекое туманное прошлое окружающей насъ страны. . . Декканъ, — суровая, населенная бродячими дикарями лѣсная глушь, отсутствіе осѣдлой жизни, правильнаго общежитія и какого бы то ни было высшаго жизненнаго строя. Въ дремучія дебри постепенно проникаютъ бодрые духомъ арійцы, насаждаютъ здѣсь земледѣльческую культуру, строятъ городища, укрѣпляются противъ окрестныхъ упорно нападающихъ варваровъ, вносятъ въ медленно колонизируемый край и своихъ кумировъ, и свои вдохновенныя пѣснопѣнія. Нѣкоторыя части Деккана преображаются. Невдалекѣ отъ нынѣшней Эллоры, между Родзой и Девлетабадомъ, съ теченіемъ времени выростаетъ цѣлый богатый торговый городъ, въ которомъ безъ сомнѣнія процвѣтаетъ тогдашняя образованность и ключемъ бьетъ оживленіе, нѣкогда присущее многимъ древне-индійскимъ центрамъ, — въ счастливую эру, когда Индія еще была самобытной и находилась подъ патріархальнымъ правленіемъ полумиѳическихъ махараджей. Различныя религіозныя движенія возникали въ тѣ вѣка внутри страны и волновали всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ безусловно признать авторитета Ведъ и отказывался раболѣпно преклониться передъ горстью кичливыхъ первосвященниковъ-браминовъ, стремившихся монополизировать знаніе. Изъ населенія, всюду, одинъ за другимъ выступали самостоятельно мыслящіе проповѣдники и борцы за высшую, такъ сказать вселенскую правду. Они подвергали себя тяжелымъ искусамъ, мало по малу заручались слѣпымъ довѣріемъ современниковъ — наконецъ, будучи полуобожественными толпой, возвѣщали неисчисленнымъ послѣдователямъ и слушателямъ этическое ученіе, долженствовавшее дать страждущему міру врачеваніе души и конечное спасеніе. Къ числу такихъ



ВЪ ЦѢПИ СТРѢЛКОВЪ.

именно лицъ принадлежалъ, между прочимъ, и Будда. Нравственный переворотъ, которому онъ положилъ начало въ сердцѣ народовъ Азіи, въ сущности не представлялъ собою ничего новаго; такъ какъ заповѣди, провозглашенныя отрекшимся отъ земныхъ



У ЭЛЛОРСКОЙ ГРЯДЫ.

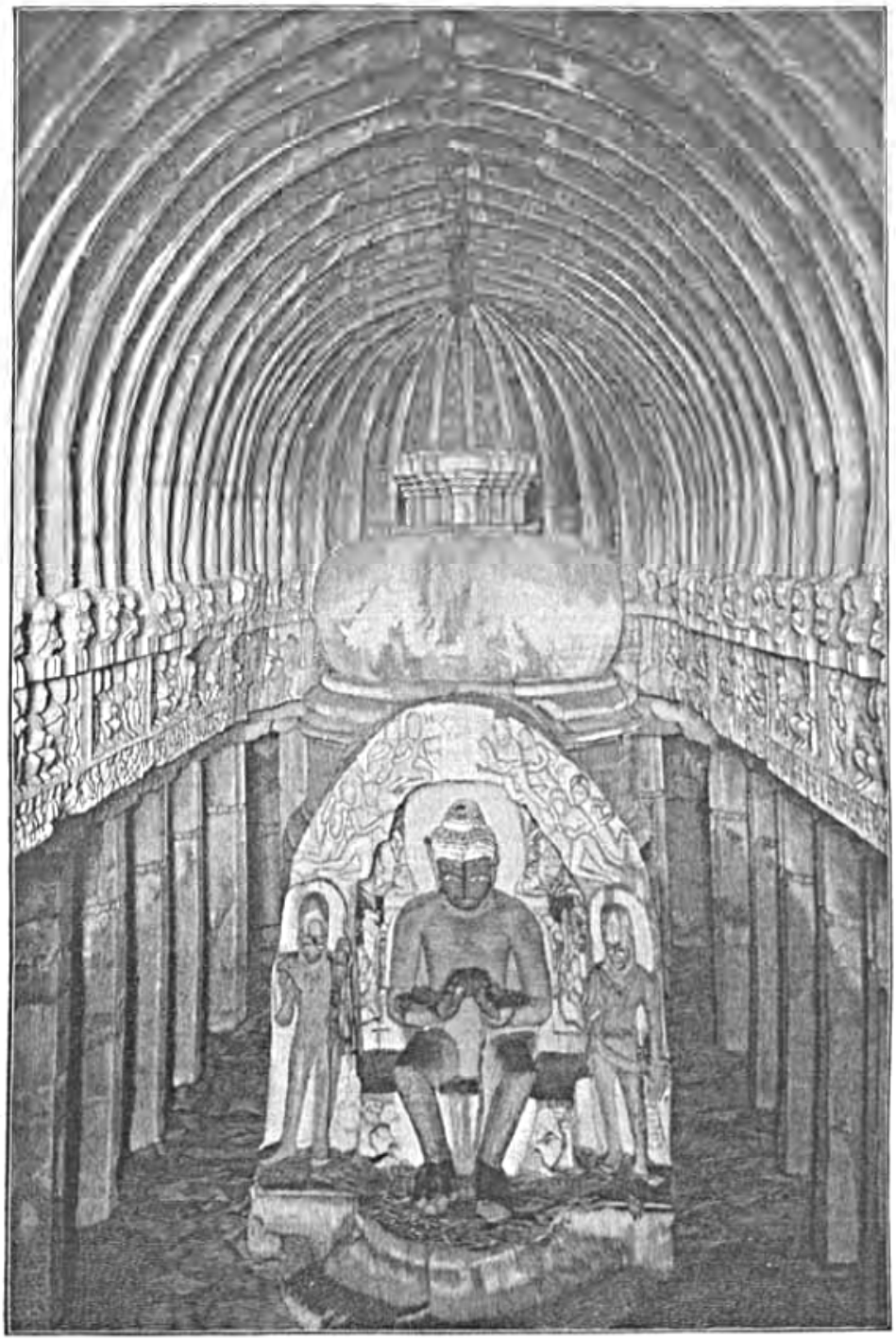
соблазновъ царевичемъ-мудрецомъ, искони знакомы были Индіи. Быстрый успѣхъ и ростъ буддійской монашеской общины, благодаря которой жаждущіе истины міряне осязательнѣе воспринимали отвлеченное содержаніе старой и довольно отчужденной отъ простаго народа религіи, объясняются отчасти отрицательнымъ вліяніемъ браминскихъ взглядовъ на жизнь и область духа. Когда центръ тяжести, въ смыслѣ воздѣйствія на

массы, вдругъ перешелъ изъ касты природнаго жречества къ основателю новой вѣры и его неутомимо дѣятельнымъ преемникамъ, — послѣдніе, дабы тверже захватить въ свои руки власть надъ крѣпко къ нимъ тяготѣвшимъ экзальтированнымъ населеніемъ, ради противовѣса браминскимъ происканъ и браминской обрядности невольно убѣдились въ необходимости призвать къ себѣ на помощь главнѣйшій элементъ въ развитіи всѣхъ религій: искусство! Тогда-то и стали возникать, одинъ за другимъ и притомъ одинъ другаго великолѣпнѣе по тонкости замысла и порыву воображенія, до сихъ поръ еще великіе памятники древне-буддійской архитектуры и скульптуры.

Будда былъ человѣкъ и слова его были исключительно проповѣдью простодушно-яснаго гуманизма; но, со смертью «учителя», народная толпа не могла обойдтись безъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ объектовъ культа. Какъ ни казалось свѣтлымъ ученіе мудраго царевича, — словами нельзя увлечь народъ, ищущій реальной почвы для проявленія благоговѣйныхъ чувствъ. Поэтому вожди первобытной буддійской общины обратились къ ваянію, чтобы хоть оно напомнило томящейся въ неизвѣстности массѣ послѣдователей фигуру самоуглубленнаго Будды, отошедшаго въ таинственную Нирвану. Явились статуи «учителя», — причемъ онъ преимущественно изображался въ позѣ созерцанія, или проповѣди, или наконецъ тихаго угасанія. Здѣсь, въ Эллорѣ, монахи-сторонники Шакья-Муни раньше всѣхъ другихъ вѣроучителей языческой Индіи стали выкапывать себѣ кельи для жилья и молитвы. Послѣднія мало-по-малу изъ отдѣльныхъ и случайныхъ убѣжищъ начали разростаться въ маленькіе монастыри. Около уединенныхъ и въ тоже время близкихъ къ осѣдлымъ пунктамъ пещеръ вскорѣ въ свою очередь появились мирные, просвѣтленные красотою иныхъ изваяній алтари, которымъ группы молящихся отъ полноты сердца несли въ даръ цвѣты, благовонія и злаки. Аскеты, замыкаясь въ тиши смежныхъ съ кумирнями покоевъ, повторяли изреченія Будды, размышляли и подавленные избыткомъ думъ вперяли невозмутимый взоръ на западъ, въ разстилающуюся передъ ними неоглядную лѣсистую равнину Деккана. Устремляя каменное око на вѣчно отверстую дверь своего общедоступнаго храма, изваянные въ скалѣ кумиры «учителя» тутъ же рядомъ чернѣли въ полумракѣ надъ своими львиными престолами. Искусственные львы, поддерживавшіе сидѣніе Будды, служили и служатъ эмблемами духа, мощнаго въ борьбѣ, твердаго передъ всевозможными препятствіями и царственнаго по самому существу своему. Такъ тянулись вѣка, пока браманизмъ не собрался съ силами и не потѣснилъ буддизма, пока не надвинулся исламъ и послѣдніе ревнители антибраминскаго вѣроученія не бѣжали отъ эллорскихъ капищъ, предавая забвенію такія «святыя» для нихъ мѣста, куда и теперь еще не безъ смущенья входитъ скептически настроенный европеецъ-путешественникъ.

Ихъ Высочества переступаютъ порогъ странной пещеры, извѣстной подъ именемъ «Вишвакарма» (какъ звали легендарнаго архитектора боговъ, будто-бы приложившаго свой небесный даръ къ ея созданію). Это — даже и не кумирня, вродѣ осмотрѣнныхъ раньше (здѣсь и на Элефантѣ), а прямо — небольшихъ размѣровъ соборъ (въ горѣ) со сводами, украшенный барельефами по стѣнамъ, и съ круглымъ куполообразнымъ массивнымъ памятникомъ (дагобой) въ углубленіи его, какой и доселѣ воздвигается буддистами всего міра въ ознаменованіе различныхъ «великихъ дѣлъ» достигшаго Нирваны мудреца. Передъ этою каменною твердыней мистическаго характера — гигантская фигура «учителя» съ двумя спутниками высится темной, строгой, подавляющей массой. Непроницаемая

тайна легла на его овѣянныя мглою красноватыя съ голубымъ и зеленымъ оттѣнкомъ черты, хотя день широкими, неровными волнами проникаетъ сверху черезъ трехстворчатое «венеціанское» окно надъ входомъ. Безмолвіе подземелья, причуды орнамента вдоль внутренней оболочки святилища, «лучъ, просящійся во тьму» (по геніальному выраженію Фета) у ногъ изваяннаго загадочнаго Будды . . . . . развѣ подобная картина когда-нибудь изгладится изъ памяти? Вокругъ его чела какими-то безплотными видѣніями врѣзаны въ камень небесные духи, словно слетѣвшіе вслушиваться въ вѣщую проповѣдь. Ночь и разсвѣтъ, тлѣнье жизни и вѣчность!



ВИШВАКАРМА.

У притвора, безъ боязни присматриваясь къ туристамъ, пестрыя ящерицы и столь же пестрыя бѣлки скользятъ по уступамъ фасада «Вишвакарма», грѣются въ солнцѣ на колѣняхъ того или инаго божества, окаменѣвшаго въ своей нишѣ, изрѣдка заставляютъ спорхнуть со столбовъ крыльца какого-нибудь замечтавшагося попугая. . .

. . . Мы идемъ по направленію на сѣверъ, узкою дорогой, далеко въ сторону отъ «Тинъ Тала» и «Кайласа», къ памятникамъ джайнской культуры. Старый тощій браминъ бѣжитъ вслѣдъ, вымаливая подаянія. Амфитеатромъ встаетъ цѣпь холмовъ вправо отъ Эллоры. Нѣсколько дикихъ длинноволосыхъ людей, совсѣмъ темнаго цвѣта, прикрытыхъ одними лохмотьями, попадаются намъ на пути, съ тяжелою ношею. Это — сравнительно недавно усмиренные «билы», исконные жители края, которые, гнѣздясь въ глуши на возвышенностяхъ, прежде наводили панику на округъ своими разбойничьими нападеніями. При Моголахъ они держались спокойно, но затѣмъ стали своевольнѣе. Мараты то позволяли имъ грабить, взимая съ нихъ только крупную дань за столь выгодное занятіе, то звѣрски начинали казнить инородцевъ, рѣжа носы, отдирая уши, прикладывая раскаленное желѣзо.

По преданію, этотъ народъ происходитъ отъ Шивы и смертной женщины, косй сынъ провинился передъ грознымъ отцемъ. Названіе племени связано съ дравидскимъ словомъ «билла» (лукъ).

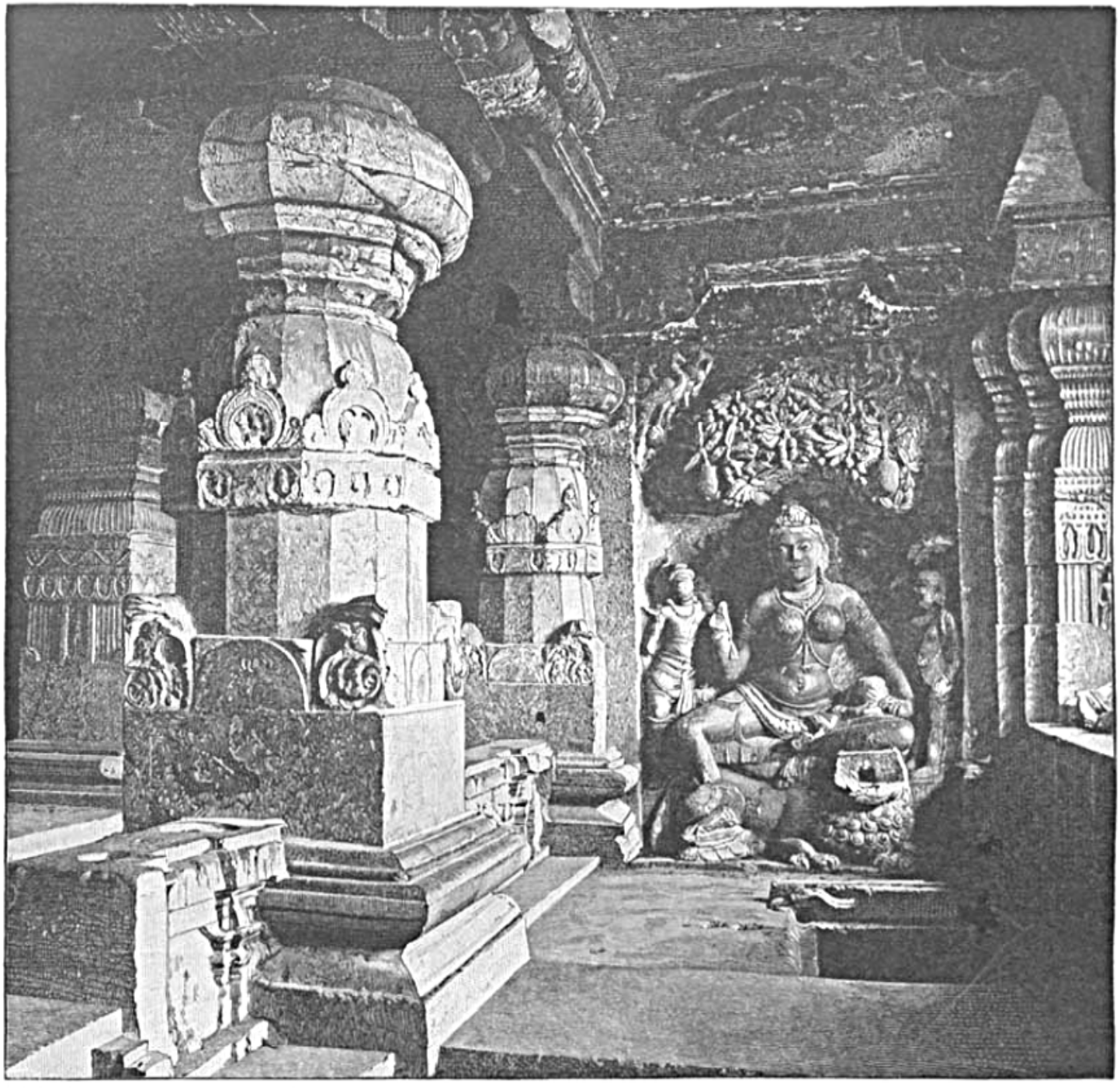
Встарь война велась и бабами «биловъ» умѣвшими ловко набрасывать петлю на врага.

Ихъ Высочества углубляются въ новый двухъ-этажный храмъ — утесъ (позднѣйшей эпохи чѣмъ уже осмотрѣнные нами). Онъ высѣченъ джайнистами, послѣдователями близко сродной буддизму и почти параллельно съ нимъ развившейся религіи, лишь въ концѣ текущаго столѣтія привлекшей вниманіе выдающихся оріенталистовъ. Смѣсь древнеарійскихъ образовъ съ идеальными воплощеніями антибраминскаго типа довольно рѣзко бросается въ глаза. Вездѣ, гдѣ возможно, изваяны нагіе аскеты, которыхъ вѣрующіе индусы (преимущество изъ торговыхъ сословій) чтутъ какъ «Джиновъ», т. е. людей, осилившихъ свою грѣховную немощь. Наряду съ тѣмъ на каждомъ шагу видишь украшенія, какъ-бы заимствованныя изъ туземной же символики или, пожалуй, для нея же джайнизмомъ впервые изобрѣтенныя, которыя полны орнаментальной красоты и сокровеннаго значенія. Таковы напр. осѣняющіе «святыхъ» зонты съ тройнымъ балдахиномъ, затѣмъ семиглавая змѣя, вставшая за престоломъ побѣдившаго плоть мудреца, колеса «нравственнаго ученія», приведенныя въ вѣчное движеніе духовными наставниками населенія и т. п.

Если подняться по лѣстницѣ во внутрь кумирни, именуемой «Indra Sabha» (дворъ Индры), то сразу наталкиваешься на его огромную каменную фигуру справа (подъ деревомъ съ птицами, верхомъ на своемъ прославленномъ въ миѳологіи слонѣ — Айравата), тогда какъ слѣва возсѣдаетъ на изуродованномъ львѣ богиня Индрани или, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые, Амбика, — одно изъ благодушно настроенныхъ олицетвореній жены Шивы.

Въ относительной прохладѣ пещернаго храма, отдыхая отъ перехода по жарѣ вдоль эллорской гряды, Августѣйшіе путешественники созерцаютъ каменную идеологію арійскаго религіознаго творчества. Два-три случайныхъ странника, видимо пришедшихъ издалека на богомолье, съ цѣлыми семьями (а молиться именно такъ, внѣ соображеній о пространствѣ и времени, до сихъ поръ способенъ только нашъ, да еще мусульманскій и вообще азіятскій Востокъ!), робко держатся въ сторонѣ, у притвора кумирни внизу. Маленькія дѣти благоговѣйно прикладываютъ ручки къ челу на порогѣ святилища. Какіе-то не то туземные монахи, не то просто бродяги (съ блуждающимъ взоромъ, съ бритыми головами, съ серьгами въ ухѣ, — ношеніе коихъ предписывается иными сектами подъ страхомъ изгнанія изъ касты) безучастно жмутся тамъ же по угламъ. Наверху, во второмъ этажѣ кумирни, куда взошли Ихъ Высочества, нѣтъ ни души и все тихо: только развѣнчанные боги наполняютъ свой царственный чертогъ, — да еще, если слабо ударишь по двумъ столбамъ въ глубинѣ величественнаго грота, то отъ нихъ отдѣляется необъяснимый пѣвучій звукъ, — какъ бы воплощающій тщетную жалобу прошедшаго о томъ, что исчезло и чего не вернуть! Громовержецъ Индра, сверкающее громами подобіе Зевса и Перуна, естественно наводитъ на мысль, чѣмъ было это божество Ведъ, когда арійцы, т. е. землепашцы, оратаи (отъ «аръ» — орать), проникая дальше и дальше въ Индію, воздавали ему наибольшія хвалы и жертвы. Кровоядные инородцы кругомъ считались непримиримыми недругами, исчадіями мрака, дикарями (kravya-ad). Свѣтило дня (Сурія) покровительствовало добрымъ въ борьбѣ съ ними. Но иногда, въ дождливое время года, тучи заполоняли небосклонъ, — въ бездорожьи ненастья страшнѣе и тяжелѣе становилось

пребываніе въ новомъ краю, — въ культѣ грозы праздновалось торжество огня надъ хаосомъ вещественнаго міра. Агни (по значенію собственно «двигатель» а потомъ уже «огонь») чтился создателями и носителями ведическихъ пѣснопѣній какъ нѣчто высшее и совершеннѣйшее между всѣми прочими отвлеченно задуманными небожителями (дивами). Богъ браминовъ — онъ являлся покровителемъ домашняго очага по возникающимъ вездѣ



ИНДРАНИ.

поселкамъ и весямъ (санскритское vis — группа сплотившихся воедино семействъ). Сильный въ бою Агни однако уступаетъ боевыми качествами своему близнецу — божеству касты воиновъ (кшатріевъ) — всесокрушающему Индрѣ. У того, — правда, ослѣпляющіе темножелтые глаза, семь языковъ безпокойно лижущаго пламени, колесница, запряженная красными конями. У этого — тысяча очей на тѣлѣ, змѣистая молнія въ десницѣ, мощный слонъ, попирающій всяческія преграды. Если онъ — царь грозы — дохнетъ на

нечестивыхъ «варваровъ», — ихъ ждетъ погибель, испепеленіе. Глядя на каменнаго индійскаго «громовержца» въ чертѣ древняго джаинскаго храма, съ одной стороны такъ и видишь Индру, парящаго надъ арійскими ратниками въ разгарѣ ихъ ночной битвы съ одолѣвающимъ врагомъ, такъ и слышишь ихъ молящій гимнъ къ началамъ свѣта и радости:

Геній побѣды, развѣй свои крылья надъ нами!.
Небо въ зарницахъ, и споритъ лазурь съ облаками —
Утро, далекое утро! когда ты придешь?
Прямо изъ бездны, — гдѣ нѣтъ ни полудня, ни ночи;
Гдѣ въ безграничномъ просторѣ у звѣздъ — негасимыя очи, —
Солнце, желанное солнце! когда ты блеснешь?

Съ другой стороны видишь того же Индру пониженнымъ въ циклѣ боговъ, передавшимъ свои перуны аскету-мудрецу, который повелѣваетъ природою и держитъ ее въ повиновеніи прежнимъ оружіемъ «громовержца» — магическимъ жезломъ (ваджрою), составляющимъ въ данное время принадлежность буддійскихъ жрецовъ на сѣверѣ. Индра развѣнчанъ, но стоитъ еще во главѣ райскихъ духовъ, принимаетъ въ свою обитель добродѣтельныхъ усопшихъ, самъ грѣшитъ и временно изгоняется изъ рая. А какъ хорошъ его рай (Сварга) на высотахъ легендарной горы Меру! Кто вкушаетъ отъ плода ростущихъ тамъ деревьевъ, можетъ вспомнить все, случившееся и пережитое въ безчисленныхъ прошедшихъ существованіяхъ. Цвѣты, благоухающіе тамъ, способны, будучи вплетенными въ волосы смертной женщины, навсегда сохранить ей любовь мужа. Чудеснымъ зодчимъ Вишвакармою построены на алмазныхъ столбахъ золотые дворцы бога Индры. И онъ, — это воплощеніе жизнерадостной мятежной воли, — тутъ въ утесѣ пригвожденъ къ стѣнѣ, упорно смотритъ на плѣненную въ двухъ шагахъ отъ него богиню наслажденья, представляетъ собою лишь богатый орнаментъ эллорской пещеры «Indra Sabha».

Въ ней, или гдѣ-нибудь около нея (согласно преданію) укрылась при первомъ нашествіи мусульманъ одна гуджератская княжна, раджпутской крови, по имени Дэвадеви, — невѣста царевича изъ Дэогира (Девлетабада), куда будто-бы отъ здѣшнихъ капищъ велъ и ведетъ въ крѣпость удивительный подземный ходъ.

Осаждавшіе ее тогда магометане пришли сюда отрядомъ подивиться на языческія сооруженія, о которыхъ уже встрѣчается ясное упоминаніе у извѣстнаго арабскаго географа Макризи. Они съ отвращеніемъ и священнымъ ужасомъ должны были отшатнуться въ браминскихъ кумирняхъ при видѣ Шивы, пляшущаго адскій танецъ надъ разрушающеюся вселенною, — при видѣ этого божества со скорпіономъ на груди и скелетами по бокамъ, между тѣмъ какъ человѣческіе черепа качаются у него на поясѣ, кобра обвивается вкругъ своего владыки, а онъ — хищный, кровожадный, неумолимый — пронзаетъ какую-то жертву остріями трезубца.

Тутъ, у джайнистовъ, даже суровые сыны ислама въ сущности не могли найдти ничего, чтобы одинаково оскорбляло ихъ религіозное чувство. Многіе фигуры аскетовъ сидѣли въ застывшей позѣ блаженнаго созерцанія, словно настоящіе мистики — «правовѣрные». Только Индра хмурился какъ и сегодня, на половину привставъ съ послушнаго слона, да черезчуръ земною лукавою улыбкой плѣняли черныя гладко отполированныя очи богини Индрани.

АХМЕДАБАДЪ.

Выѣхавъ 17 декабря изъ Родзы на охоту за антилопами «black bucks» (въ сопровожденіи части свиты) и переночевавъ въ мѣстечкѣ Дэогаонъ — приблизительно на полпути въ Нандгаонъ — Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ, 18 числа, на желѣзнодорожную станцію лишь далеко за полдень. Переѣздъ совершился Его Императорскимъ Высочествомъ въ простой туземной тонгѣ, запряженной неутомимо-бойкими декканскими пони. Эти лошадки играютъ и всегда играли большую роль въ краю, гдѣ издавна (до послѣдняго времени) вообще существовалъ огромный спросъ на коней, привозившихся сюда какъ изъ Аравіи, такъ и съ Персидскаго побережья. Теперь онъ падаетъ. Великолѣпіе внѣшней обстановки у инородческаго населенія мало-по-малу исчезаетъ. Воинственныя наклонности замерли. Необходимость имѣть образцовую конницу, для частыхъ походовъ, отходитъ въ область преданія.

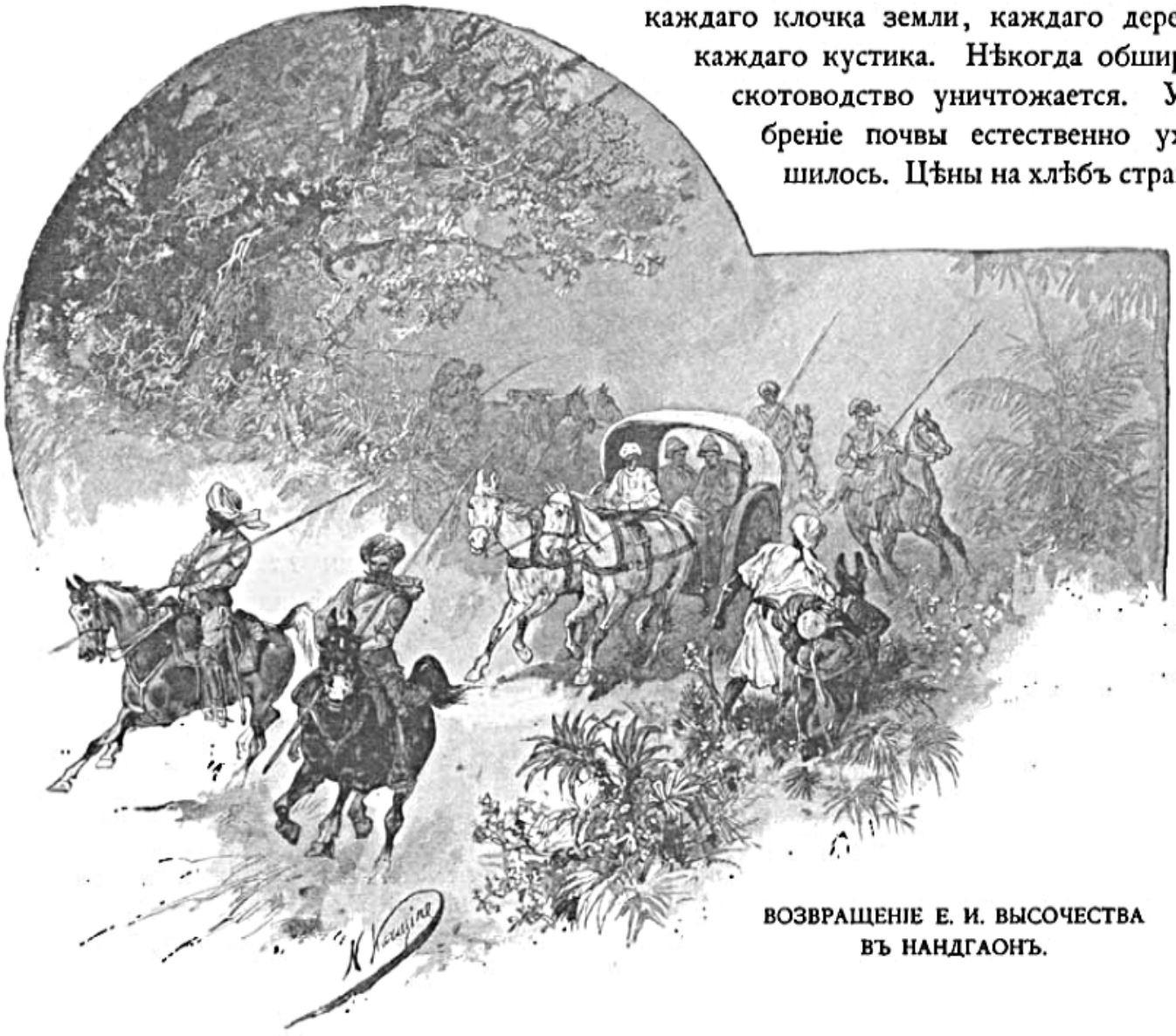
Конвоируя Августѣйшихъ Гостей Низама, статные сикхи (въ свѣтло-зеленыхъ живописныхъ мундирахъ, со значками на пикахъ) неотлучно скакали около Нихъ по знакомой уже намъ аурангабадо-нандгаонской дорогѣ, которая вскорѣ, вѣроятно, утратитъ прежній характеръ, — съ того дня, когда англичане приведутъ въ исполненіе планъ нѣкоторыхъ своихъ капиталистовъ пустить по ней паровикъ.

На желѣзнодорожной станціи, откуда предстояло вернуться въ Бомбей, Ихъ Высочества обѣдали въ залѣ, живописно украшенной рогами антилопъ.

До отбытія, обратно черезъ Гхаты, ночь была проведена въ вагонахъ Великокняжескаго поѣзда, гдѣ еще долго многимъ изъ насъ, можетъ статься, снились то мрачныя бойницы Девлетабада, то рядъ могильныхъ построекъ въ невозмутимо-спокойной Родзѣ, то входы въ подземныя капища черезъ дворики, среди которыхъ рѣзвятся зеленыя бѣлочки, между тѣмъ какъ одинокій коршунъ кружитъ надъ ними въ вышинѣ. . .

Туземецъ-фотографъ Низама, Лала-Динъ-Дайялъ, сдѣлалъ за эти дни двѣ дюжины превосходныхъ снимковъ, для увѣковѣченія въ Индіи различныхъ моментовъ посѣщенія Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Гайдерабадскихъ владѣній. Съ министромъ внутреннихъ дѣлъ на встрѣчу пріѣзжалъ образованный мусульманинъ-публицистъ Сеидъ Мухаммедъ Гуссейнъ

изъ Лэкноу, напечатавшій въ Лондонѣ — лѣтъ шесть тому назадъ — небольшую, но серьезную по замыслу книгу «Our difficulties and wants», цосвященную Гладстону. Тамъ неопровержимо-ясно выясняются: оскудѣніе сѣверо-западныхъ областей края, обѣднѣніе жителей, встарь не знавшихъ такой нужды какъ теперь, причины голодовокъ и т. д. И городское, и сельское населеніе равно нищаютъ: первое утратило былую зажиточность отъ паденія ремеслъ, въ виду упраздненія мѣстныхъ княжескихъ дворовъ и осуществленія фритрэдерскихъ принциповъ Альбіона, — второе впало въ крайность отъ уничтоженія просторныхъ сосѣднихъ джонглей — пастбищъ, отъ избытка законности въ распредѣленіи полей, отъ охраны раззоренными помѣщиками каждаго клочка земли, каждаго деревца, каждаго кустика. Нѣкогда обширное скотоводство уничтожается. Удобреніе почвы естественно ухудшилось. Цѣны на хлѣбъ страшно



ВОЗВРАЩЕНІЕ Е. И. ВЫСОЧЕСТВА ВЪ НАНДГАОНЪ.

поднялись, ничего однако не принося производителямъ. Прежде крестьяне платили, отнюдь не обременяя себя, долями жатвы и т. п. Нынѣ же они должны имѣть въ рукахъ деньги, трудно добываемыя и, вдобавокъ, не покрывающія необходимѣйшихъ расходовъ. Любопытныя данныя! печальный конецъ вѣка, завершившагося торжествомъ европейскаго вмѣшательства въ судьбы Индіи! Авторъ книги «Our wants» (да, впрочемъ, и не онъ одинъ) косвенно разспрашивалъ насъ и о Россіи, и о нашихъ порядкахъ, и о положеніи вещей въ русской Средней Азіи. Съ внѣшней стороны любой туземецъ, воспитанный и развитой какъ-бы на европейскій ладъ, — преданный слуга королевскаго правительства и либеральной Англіи, готовый urbi et orbi говорить о тѣхъ благахъ, что ею привнесены въ жизнь азіатовъ; но что у этого восточнаго замкнутаго люда таится на душѣ, не тяготится-ли

онъ, съ ненавистью въ сердцѣ, и навязаннымъ ему правомъ, и строго-систематической опекой, и разрушеніемъ излюбленныхъ основъ родной старины, — кто скажетъ, кто угадаетъ!? . .

19 декабря мы засвѣтло наконецъ пересѣкаемъ знаменитыя красотой своей Гхаты. Поѣздъ карабкается наверхъ по крутизнѣ, медленно спускается тутъ же около съ довольно обрывистаго склона, теряется въ цѣломъ сонмѣ сравнительно невысокихъ холмовъ, въ зимнее время года отличающихся тусклостью зелени и вообще какою-то странною мертвенностью. Путешественники, бывавшіе здѣсь въ пору обильныхъ дождей, напротивъ —

ДОРОГА ГХАТАМИ.

въ восторгѣ отъ шума потоковъ, сбѣгающихъ въ долины вдоль желѣзнодорожной линіи, отъ яркой листвы, обрамляющей тогда макушки и скаты горъ, отъ радостнаго оживленія, которымъ проникнута окрестность, выростившая и выдвинувшая на поприще исторической борьбы маратовъ-воиновъ, горцевъ-разбойниковъ, но защитниковъ независимой родины. Да, именно изъ подобной величественно-дикой глуши могли парить надъ остальною Индіей гордыя мечты безтрепетнаго «царя и воеводы» Сиваджи! Его походы сопровождались, конечно, опустошеніями и кровопролитіями, что было вполнѣ въ духѣ времени и даже отчасти аналогично съ характеромъ войнъ на Западѣ. Тѣмъ не менѣе цѣль враждебнаго отношенія къ окружающимъ народностямъ (особенно при подчиненіи ихъ исламу или вліянію корыстолюбивыхъ европейцевъ) оправдывалась какъ протестъ крайне живучаго и

бодраго индуизма. Вѣра въ браминовъ, въ религіозныя начала, завѣщанныя предками, и въ извѣстнаго рода народную самобытность — вотъ что одушевляло маратовъ и создавало изъ нихъ боевую силу, съ которою приходилось, — а, пожалуй, и еще придется, — считаться. Въ нихъ проявлялись нѣкоторыя чисто туранскія бытовыя черты, выражавшіяся не только въ необузданномъ свободолюбіи, но и въ другихъ характернѣйшихъ подробностяхъ: напр. маратскія женщины совершенно вольно (точно киргизки или монголки) вращались въ средѣ летучихъ отрядовъ, отправлявшихся для дальняго набѣга, лихо носились на конѣ, нипочемъ свыкались съ лишеніями и случайностями частыхъ перекочевокъ. Настоящій военный станъ этихъ горцевъ-непосѣдовъ напоминалъ собою не то стойбище гуновъ или Чингисхановой рати, не то гигантскій базаръ, на которомъ пестро раскладывали товаръ и бойко торговали предпріимчивые духанщики. Даже лавки въ такомъ лагерѣ назывались у маратовъ «доканъ», а широкія женскія покрывала «чадуръ» (чадрами) и т. д.: неправда-ли интересное обстоятельство? Если вообще, умѣло искать аналогій и сближенія между знакомымъ и роднымъ для насъ восточно-русскимъ міромъ и средне-индійскимъ (не говоря уже о Пэнджабѣ съ его Лахоромъ — «Казанью», съ его сикхами — «Запорожскою Сѣчью, тихимъ Дономъ или Яикомъ» и т. п.), то можно, безъ сомнѣнія, установить весьма вѣрную точку зрѣнія на степень нашей коренной духовной близости и однородности порожденныхъ ею историческихъ явленій.

На видимыхъ изъ оконъ вагона вершинахъ горъ не такъ давно вѣяло «золотое» знамя мѣстныхъ вождей. Теперь все пусто, угрюмо. . .

Отбывъ изъ Нандгаона въ 7 часовъ утра, Ихъ Высочества до полудня миновали Насикъ, центръ значительнаго округа (названіе — искаженіе санскритскаго «nasika» — носъ, который, согласно Рамаянѣ, отрубили здѣсь у сестры хищнаго цейлонца Раваны, похитившаго Ситу), и, углубившись въ Гхаты, останавливались около половины двѣнадцатаго, на завтракъ у Игатпури, станціи «Great Indian Peninsular Railway», расположенной высоко надъ уровнемъ моря. Въ четыре, неподалеку отъ Бомбея, при новой менѣе продолжительной остановкѣ въ Титвала, Августѣйшіе путешественники пили чай.

Затѣмъ опять пошли крутые подъемы и спуски, смѣлые изгибы и прямо проложенные віадукты, прорѣзанные черезъ необыкновенно твердый базальтъ тунели и гулкіе мосты — однимъ словомъ, постепенный прорывъ желѣзнодорожной линіи къ тропическому побережью, къ синѣющему морскому простору, откуда европейцы ее задумали (уже лѣтъ тридцать пять назадъ) и откуда ее энергично провели въ глубь страны.

Поѣздъ быстро идетъ вдоль тонущихъ въ пальмовой чащѣ низовинъ Конкана. Причудливо очерченные темные утесы, съ красноватымъ оттѣнкомъ, остаются далеко въ сторонѣ. Людный дѣятельный округъ развертывается за десятки верстъ отъ Бомбея. Жилье тѣснится къ жилью; алыя чалмы и повязки населенія горятъ на солнцѣ; стада бурыхъ овецъ и сѣрыхъ козъ бредутъ, въ перемежку съ буйволами, по убѣгающимъ въ лѣсную тѣнь гладкимъ и узкимъ дорогамъ. Хижины инородцевъ — рыбаковъ, у лѣниво плещущей влаги, заставляютъ угадывать близость океана.

Утомительной панорамой тянутся предмѣстья западно-индійской столицы. Наконецъ, въ половинѣ шестаго вечеромъ, — вотъ и пышный вокзалъ «Victoria Terminus», скорѣе напоминающій часть какого-нибудь безмолвнаго дворца, чѣмъ мѣсто каждодневной суеты и почти-что не смолкающаго движенія.

На станціи (согласно желанію Наслѣдника Цесаревича) — неоффиціальная встрѣча, краткая остановка частнаго характера для свиданія Августѣйшаго путешественника съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, по совѣту врачей все еще непокидающимъ «Азова», съ цѣлью примкнуть къ Брату на время любопытнѣйшихъ экскурсій черезъ Индію. Его Императорское Высочество изволилъ прибыть съ эскадры въ сопровожденіи адмирала Басаргина и командировъ судовъ.

Лордъ Гаррисъ — въ отсутствіи, ожидая Наслѣдника Цесаревича въ Ахмедабадѣ. За него, въ качествѣ старшаго англійскаго офицера, въ Бомбеѣ Высокаго Гостя привѣтствуетъ на дебаркадерѣ полковникъ Коллингвудъ съ нѣкоторыми представителями администраціи. Платформа, ведущая въ залъ I класса, устлана краснымъ сукномъ, украшена цвѣточными вазами, разубрана китайскими фонарями.

VICTORIA TERMINUS.

Обѣдъ — на тридцать приборовъ. Передъ каждымъ — маленькая прехорошенькая лампочка. Музыка играетъ въ сосѣдней галлереѣ. Толпа туземцевъ замѣтна вдали за рѣшетчатой оградой «Victoria Terminus». Грустно думать, что столь радостно и дружно начавшееся путешествіе омрачено нездоровьемъ Великаго Князя Георгія Александровича и что Братьямъ не дано пока вмѣстѣ любоваться красотами и памятниками обаятельнаго края, куда насъ сейчасъ опять умчитъ ночной паровозъ. Въ восемь сорокъ онъ трогается. Новая смѣна впечатлѣній, свѣжій токъ образовъ и красокъ, широко вливающихся въ душу. . .

Дальнѣйшія поѣздки по владѣніямъ Низама отмѣнены (за недостаткомъ свободныхъ дней и нѣкоторой отдаленностью заброшенныхъ въ глуши историческихъ достопримѣчательностей Деккана). Путь лежитъ въ Гуджератъ, съ тѣмъ чтобы за ночь миновать извѣстный въ міровой торговлѣ Сурат, — портъ, откуда европейцы разныхъ націй

энергично пробивали себѣ дорогу въ Индостанъ. Отчасти жаль, что мы не попадемъ въ Аджанту, славящуюся древностями, аналогичными эллорскимъ.

Четвергъ, 20 декабря 1890 (1 января 1891).

Рано утромъ, около шести часовъ Ихъ Высочества останавливаются на маленькой станціи Вишвамитри, близь рѣчки того же названія (по линіи «Bombay, Baroda and Central India Railway»), не доѣзжая столицы бародскаго князя — одного изъ потомковъ славнаго маратскаго дома, сохранившаго прозвище своего выдающагося по способностямъ и по храбрости предка Пиладжи — «Гэкваръ или Гэквадъ» («коровій пастухъ»). Сначала бародское княжество не ладило съ англичанами, особенно пока тамъ жилъ вольный строптивый духъ наемниковъ-арабовъ; но со времени возстанія сипаевъ отношенія внѣшнимъ образомъ улучшились. Въ 1875 г. тамошній правитель, обвиненный въ недоброжелательныхъ чувствахъ, былъ смѣщенъ. Молодой новый Гэкваръ, — «усыновленный англійской имперіей» (таковъ дѣйствительно его титулъ!), несмотря на происхожденіе по побочной линіи, — человѣкъ болѣзненный, мнительный, озабоченный постройкой гигантскаго великолѣпнаго дворца, но, кажется, и только.

Августѣйшіе путешественники направляются по другой небольшой желѣзнодорожной вѣтви (Gaekwar's State Railway), за двадцать верстъ, на станцію Киланпуръ, въ сопровожденіи политическаго резидента въ Бародѣ — генерала Прендергаста (Sir Harry Prendergast), полковника Джаксона, г. Литльдэля и еще двухъ-трехъ англійскихъ чиновниковъ.

При охотѣ на антилопъ впервые доводится увидѣть дрессированнаго для нея леопарда, такъ-называемаго туземнаго «чита» (Felis jubata). Его ловятъ, съ цѣлью приученія, уже въ извѣстномъ возрастѣ, когда звѣрь научился гоняться за добычей и настигать ее художественно-стремительнымъ прыжкомъ. Хищное и сильное животное привыкло отдыхать и рѣзвиться подъ тѣнью какихъ-нибудь излюбленныхъ деревьевъ, среди которыхъ индусы и разставляютъ капканы. Ущемивъ лапу, ловчіе искусно вяжутъ его толстыми веревками и одурманиваютъ, набросивши ему на голову покрывало. Несчастнаго плѣнника тотчасъ тащатъ къ людскому жилью, начинаютъ морить голодомъ и нарочно мѣшаютъ ему спать: напр. снявъ у него съ морды повязку и усадивъ его противъ улицы, по которой снуетъ народъ, всячески дразнятъ узника — то сбиваясь въ кучку, по нѣсколько человѣкъ, и какъ-бы готовясь съ ожесточеніемъ ринуться на него, то махая передъ нимъ платками, то оглушая его несмолкающею бабьею болтовней. Послѣднее средство наиболѣе дѣйствуетъ на испуганнаго «чита». Онъ смиряется и становится ручнымъ, — до такой степени покорнымъ и ручнымъ, что послушенъ и добръ какъ собака. Охотничій леопардъ гуляетъ со своими менторами по наводненнымъ толпою базарамъ (причемъ люди его нисколько не боятся, а только собаки при встрѣчѣ сердито ворчатъ), спитъ со стражникомъ на одной постелѣ, подъ однимъ одѣяломъ и т. п. Нерѣдко случается, что чита въ новой обстановкѣ совершенно забываетъ унаслѣдованныя имъ привычки для успѣшной ловли и теряетъ, между прочимъ, способность дикаго гигантскаго прыжка, благодаря которому онъ на волѣ такъ легко справляется со своей жертвой.

Сегодня однако Ихъ Высочества видятъ свирѣпый скокъ ручнаго леопарда. Его привезли къ мѣсту охоты въ телѣгѣ, съ завязанными глазами, осадили ее на сравнительно близкомъ разстояніи отъ пугливыхъ, но довольно беззаботныхъ антилопъ и вдругъ сорвали ему повязку: звѣрь въ мгновеніе ока встрепенулся, ожилъ, преобразился и съ

быстротою молніи метнулся впередъ. Поймавшему добычу или даютъ отвѣдать крови трепещущаго животнаго, которое онъ только-что загрызъ, впившись ему въ шею, или же лакомятъ даже кусочками его печени. Бародскую «чита» какъ-то очень быстро оттащили отъ жертвы и, снова лишивъ свѣта, увезли.

Въ общемъ, за сегоднишній день, въ предѣлахъ Гэквара убито 14 темныхъ антилопъ. Послѣ завтрака въ полѣ, Августѣйшіе охотники во второмъ часу возвращаются къ своему экстренному поѣзду, чтобы безостановочно слѣдовать въ Ахмедабадъ, такъ какъ князя, въ чьихъ владѣніяхъ происходила столь кратковременная остановка, въ данное время нѣтъ въ его столицѣ (да и въ смыслѣ достопримѣчательностей тамъ интересенъ лишь строющійся — на полуевропейскій, полуиндійскій ладъ — грандіозный дворецъ самаго махараджи и пушки изъ золота и серебра, съ драгоцѣнной запряжкой для таскающихъ орудія быковъ, въ арсеналѣ бародскаго княжества!), а кромѣ того княземъ Барятинскимъ послана молодому маратскому правителю депеша съ выраженіемъ благодарности отъ Имени Его Императорскаго Высочества за пріемъ, оказанный у Киланпура, гдѣ Высокаго Гостя привѣтствовали представители туземнаго населенія, увѣнчавшіе Его со спутниками цвѣточными гирляндами въ знакъ радушія и почета. Вагоны, предоставленные въ распоряженіе Наслѣдника Цесаревича у Вишвамитри, угощенье, «чита», загонщики — все было отъ Гэквара.

Мы ускореннымъ ходомъ несемся въ Ахмедабадъ. Окрестности съ виду становятся какъ-бы воздѣланнѣе и богаче. Лѣсистая равнина изобилуетъ большими обезьянами, которыя, ровно ничего не боясь, преспокойно сидятъ или рѣзвятся около полотна желѣзной дороги. Съ уморительными ужимками валятся онѣ съ деревьевъ (матки съ цѣпкими дѣтенышами за спиной), скачутъ, перегоняютъ другъ друга, вплотную подбѣгаютъ къ работающимъ поселянамъ. А кругомъ — знойный полдень, злачныя нивы, цвѣтущій край!

Провинція Гуджератъ — одна изъ самыхъ любопытныхъ, благоденствующихъ и яркихъ областей Индіи. Нѣкогда здѣсь обитали гуджары, потѣсненные затѣмъ дальше на востокъ, въ равнины Ганга.

Уже во дни сѣдой старины, на памяти эпическихъ сказаній арійскаго племени, оно воюетъ съ коренными жителями края, приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь — Ахмедабадъ. Археологическія изслѣдованія на смежномъ съ нимъ полуостровѣ Катіяварѣ (въ древней Саураштрѣ) даютъ полное основаніе заключать объ его давнихъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Месопотаміей, съ Аравіей и даже съ Египтомъ, притомъ задолго до Р. Хр. Греко-бактрійскіе цари Димитрій и Менандеръ простирали до этихъ предѣловъ свои исторически важныя завоеванія. Вскорѣ послѣ начала нашей эры, сюда также спустились ирано- и турано-скиѳскіе народы, единокровные тѣмъ Шакіямъ, изъ среды которыхъ вышелъ Будда. Эти новые пришельцы — Шакья-Синги («львы») назвали свою столицу «львинымъ городомъ», временно овладѣли всѣмъ тѣмъ обширнымъ краемъ, что нынѣ составляетъ Бомбейское президентство, покорили Цейлонъ и стали предпринимать счастливые морскіе походы къ островамъ индо-малайскаго архипелага. Буддизмъ несомнѣнно долженъ былъ процвѣтать среди Синговъ въ теченіе какого-нибудь періода; но такъ какъ, во-первыхъ, вслѣдъ за Шакіями пришли новые завоеватели изъ царства Сассанидовъ, исповѣдывавшіе религію Зороастра, а во-вторыхъ, и браминство, съ культомъ Шивы, имѣло значительную жизненную силу въ этой части Индіи, — то ея населеніе, кажется, удовлетворялось лишь

амальгамою противорѣчивыхъ вѣрованій, причемъ ни одно изъ нихъ до 5-го вѣка послѣ Р. Хр. не получало замѣтнаго преобладанія. Тогда же выросъ и окрѣпъ, подъ покровительствомъ туземныхъ владыкъ, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и параллельно съ тѣмъ крайне загадочныхъ видовъ индуизма: джайнизмъ. Его жрецы, облаченные въ бѣлое одѣяніе, окружили заколдованнымъ кольцомъ извѣстнаго гуджератскаго царя — Силадитію.

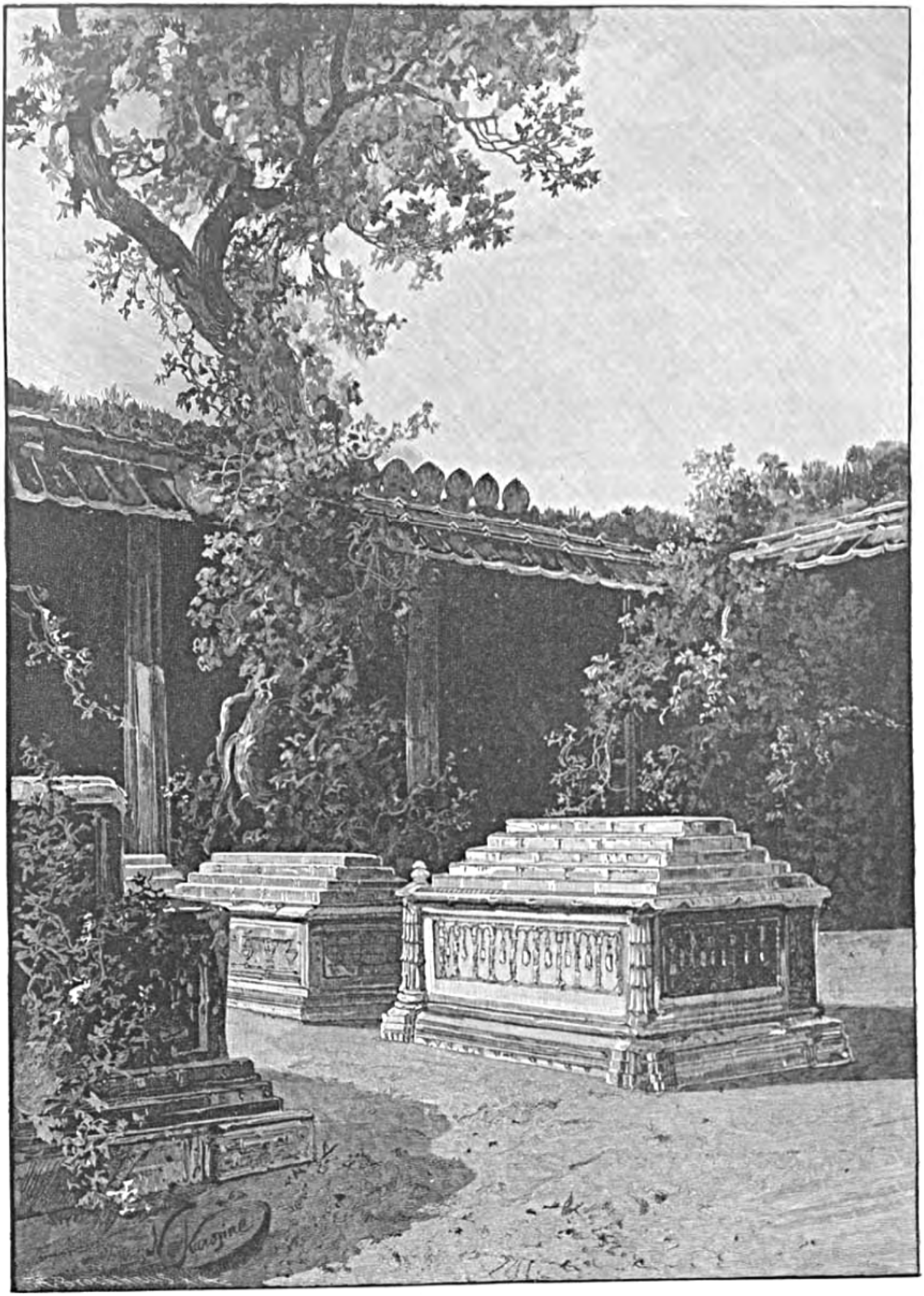
Фигура властителя того времени рисуется въ самыхъ странныхъ чертахъ. Онъ какъ личность, конечно, рѣзко выдѣляется среди полудикой дружины, между которой находятся нѣкоторые воины-пѣвцы; мирные подданные — землепашцы безропотно подносятъ ему въ даръ, изо дня въ день, плоды земные. Надъ царемъ принято носить багряный зонтъ, символъ власти. Золоченное солнце, въ качествѣ ореола, изображается повсюду за головою правителя: онъ же самъ украшенъ ожерельями изъ лучшихъ жемчуговъ, въ его запястьяхъ сверкаютъ алмазы.

Джайнскіе мудрецы съумѣли въ свою пользу настроить подобныхъ царей и, являясь такъ сказать хранителями первоосновъ туземнаго искусства, побуждали князей воздвигать (во славу признаваемой ими вѣры) храмъ за храмомъ, памятникъ за памятникомъ. До сихъ поръ — сколько рука разрушенія ни касалась монументальныхъ древностей Индіи — архитектурные остатки джайнизма особенно многочисленны, особенно замѣчательны въ историческомъ отношеніи и особенно достойны изученія. Когда въ страну пришелъ исламъ и, заливъ ее потокомъ крови, въ свою очередь захотѣлъ строить и создавать, — матеріаломъ и прообразомъ для завоевателей въ концѣ концовъ всетаки явились языческіе храмы, языческіе орнаменты (только безъ фигуръ), языческое пониманіе прекраснаго. Но объ этомъ потомъ. Часы показываютъ десять минутъ пятаго. На станціи города, куда плавно приближается Великокняжескій поѣздъ — парадная встрѣча, съ лордомъ и лэди Гаррисъ во главѣ властей. Рядомъ съ губернаторомъ — завѣдывающій Ахмедабадомъ (Commissioner) г. Джэмсъ и полковникъ Макъ Наутенъ (Mc Naughten), военный начальникъ округа. Кромѣ того — много вліятельныхъ туземцевъ.

Станція, какъ и вездѣ, красиво декорирована. Платформа устлана краснымъ сукномъ. Длинный почетный караулъ, нарочно привезенный изъ Бомбея, выставленъ Глостерскимъ полкомъ.

За коляской, въ которой изволилъ помѣститься Наслѣдникъ Цесаревичъ (съ лордомъ Гаррисомъ, г. Джэмсомъ и адъютантомъ губернатора капитаномъ St. Leger Jervis), выстраивается конвой изъ солдатъ-туземцевъ. Принцъ Георгій Греческій и лэди Гаррисъ садятся въ слѣдующій экипажъ. Толпы народа тѣснятся на пути Ихъ Высочествъ, — совершенно отличныя, по типу и одеждѣ отъ видѣнныхъ въ Конканѣ и въ Декканѣ, своеобразно-нестройныя въ своемъ порывистомъ желаніи примкнуть къ кортежу, ни на шагъ отъ него не отставать, запружая хотя и широкія, но мѣстами извилистыя улицы.

Мы въѣзжемъ въ «градъ Ахмеда», названный такъ по имени знаменитаго султана, царствовавшаго въ Гуджератѣ съ начала XV в. и здѣсь именно основавшаго свою столицу, разросшуюся впослѣдствіе до грандіозныхъ размѣровъ и даже будто-бы вмѣщавшую одно время около двухъ или трехъ милліоновъ жителей. Мѣстность, гдѣ раскинулся столь обширный политическій центръ средне-индійской мусульманской учености и мусульманскаго могущества, издревле бывала избираема средоточіемъ различныхъ городовъ раджпутской старины, когда смѣлые арійцы (касты воиновъ), вторгаясь въ край, мало-по-малу побѣждали тамъ и подчиняли себѣ туземцевъ-полудикарей, вскорѣ духовно-братавшихся съ пришельцами и составившихъ, заодно съ ними, рядъ небольшихъ независимыхъ владѣній, съ чисто языческимъ внутреннимъ строемъ, столь ненавистнымъ вторгнувшемуся затѣмъ сюда исламу.



ГРОБНИЦЫ СУЛТАНШЪ.

Послѣдній долго не могъ утвердиться въ странѣ, хотя грозные вожди, исповѣдывавшіе религію «пророка», неоднократно предпринимали въ Гуджератъ опустошительный походъ за походомъ, истребляли крѣпости «невѣрныхъ», заливали кровью индусовъ цѣлые округа, ругались надъ ихъ идолами и низвергали ихъ капища. Въ концѣ XIV столѣтія владыки въ Дэли убѣдились, что невозможно сломить духъ вражды и непокорства въ столь упорно консервативной и сравнительно отдаленной области и потому туда, съ чрезвычайными полномочіями, былъ назначенъ намѣстникомъ Зафаръ-ханъ, сынъ одного раджпута, отрекшагося отъ вѣры предковъ. Такъ какъ, почти единовременно съ тѣмъ, на сѣверную Индію обрушился Тамерланъ и разгромилъ со своими самаркандцами императорскую резиденцію мусульманскаго Индостана, то гуждератскій вице-король сразу почувствовалъ себя независимымъ и свободнымъ отъ Дэли. Ведя постоянную войну съ язычниками-сосѣдями, укрѣпляясь все болѣе и болѣе надъ останками взятыхъ приступомъ замковъ и городищъ, Зафаръ-ханъ постепенно сталъ настоящимъ хозяиномъ страны. Неустойчивый бранный станъ «намѣстника-воеводы» могъ и долженъ былъ утвердиться неподвижно, стать городомъ, стать политическимъ центромъ. Послѣ смерти этого выдающагося мусульманскаго вождя, когда бразды правленія перешли къ его внуку Ахмеду, — такъ и случилось: при немъ возникъ рядъ этихъ стѣнъ, вратъ и вообще всякихъ архитектурныхъ достопримѣчательностей, въ черту которыхъ въѣзжаютъ коляски Августѣйшихъ путешественниковъ. По преданію, основатель города потому избралъ данное мѣсто, что влюбился въ дочь вождя «биловъ» или «коліевъ», который владѣлъ тутъ укрѣпленнымъ холмомъ «Асавалъ», на развалинахъ какого-то очень древняго и величественнаго языческаго центра. Пророкъ Илія (по мусульмански Хизръ), спрошенный султаномъ Ахмедомъ, можно-ли приступить къ сооруженію нынѣшняго Ахмедабада, отвѣтилъ будто-бы утвердительно (въ томъ случаѣ, если среди «правовѣрныхъ» найдутся четыре человѣка, носящихъ имя Ахмедъ и неукоснительно повторявшихъ за всю свою жизнь установленную для вѣрующихъ вечернюю молитву). Таковыхъ нашлось четверо: самъ Ахмедъ, его учитель (одинъ благочестивый шейхъ) и еще два столь же своеобразныхъ праведника.

Такъ какъ окрестность представляла и даже отчасти до сихъ поръ представляетъ изъ себя (какъ мы могли убѣдиться изъ оконъ вагоновъ) громадный районъ руинъ, на половину затерянныхъ въ листвѣ, наглядно свидѣтельствующій о существованіи на этомъ мѣстѣ многихъ чертоговъ, храмовъ и памятниковъ глубочайшей старины, — то султанъ повелѣлъ, съ одной стороны приступить къ разрушенію послѣднихъ, дабы такимъ легчайшимъ путемъ добыть необходимѣйшій строительный матеріалъ, а съ другой стороны отрядилъ караваны за блестящимъ бѣлымъ камнемъ на близь лежащій полуостровъ Катіяваръ или въ округъ Аджмиръ и въ Раджпутану, откуда, какъ напр. изъ Джодпора, издавна доставлялся цѣнный синій мраморъ.

Торговля начала расти не по днямъ, а по часамъ, хотя у молодаго города не было ни близкой хорошей гавани, ни особенно благопріятнаго географическаго положенія. Но тѣмъ не менѣе слава его прогремѣла отъ Каира до Пекина. Начиная отъ коммерсантовъ Лондона и кончая голландскими торговыми домами на Явѣ, всюду съ XVI на XVII в. усиливалось желаніе вступить съ Ахмедабадомъ въ тѣсныя сношенія. Изъ внутренней Индіи туда свозились кони, оружіе, опіумъ, табакъ, хлопокъ и зерно. Цвѣтущія ремесленныя корпораціи осѣдали въ столицѣ Ахмеда; сукна, шелковыя ткани, золотая и серебряная парча, дорогія вышивки и проч., изготовляемыя тутъ опытными мастерами, во множествѣ сбывались и островитянамъ малайскаго архипелага, и на побережья восточной Африки, гдѣ туземцы охотно платили взамѣнъ чистымъ золотомъ. Въ Аденъ безпрестанно

приходили суда, везя товары изъ Гуджерата. Бухара, Хорассанъ, отдаленнѣйшія области Индіи въ свою очередь направляли сюда вереницы вьюковъ за вьюками: запыленные, измученные верблюды поминутно обгоняли у воротъ Ахмедабада понурыхъ быковъ, влекшихъ перегруженныя телѣги со всякимъ добромъ. Туда же отовсюду направлялись съ чужбины нетерпѣливо ожидаемыя внутри страны: мѣдь, ртуть, розовая вода, арабскіе скакуны, слоновая кость, янтарь, воскъ, кокосовые орѣхи, перецъ и вообще всякія пряности. Индо-Китай и Ява доставляли особенно много заморскихъ диковинокъ. Бирма присылала драгоцѣнные камни, мускусъ и т. д.

Упоенные въ то время своими быстрыми успѣхами португальскіе мореплаватели видѣли себя неразъ парализованными предпріимчивостью ахмедабадскихъ купцовъ, которые иногда даже побуждали инородцевъ дальняго Востока (или точнѣе отдаленнаго Юга) враждебно встрѣчать европейцевъ. Соотечественники Васко да Гамы изъ мести совершенно закрыли наконецъ мусульманскимъ кораблямъ доступъ въ Красное море и сурово потѣснили морскую торговлю Гуджерата. Такъ какъ династія султана Ахмеда дошла тогда до вырожденія, а Великій Моголъ Акбаръ захватывалъ въ свои сильныя руки весь Индостанъ, — то и благополучіе Ахмедабада, въ значительной мѣрѣ обусловленное существованіемъ пышнаго двора и правленіемъ мудрыхъ владыкъ края, замѣтно поколебалось и приблизилось къ упадку. Никогда не бывшіе спокойными автохтоны страны — билы, коли и мелкіе раджпутскіе князья — совмѣстно стали заниматься грабежами на большихъ дорогахъ, и всетаки, даже въ столь смутную пору, тысячи повозокъ, нагруженныхъ товарами, продолжали ежегодно поддерживать сношенія между Ахмедабадомъ и морскимъ берегомъ. Кредитъ мѣстныхъ купцовъ оставался очень значительнымъ не только по всей Азіи, но и въ Константинополѣ. Всѣ произведенія главнѣйшаго изъ материковъ, всѣ его національности были представлены въ столицѣ Гуджерата. Еще въ 1666 г. французскій путешественникъ Тэвено (Thévenot) нашелъ здѣсь громаднѣйшій складъ восточныхъ товаровъ, — причемъ и Дэли, и Лахоръ преисправно доставляли сюда свои лучшія сукна и прочія издѣлія.

Затѣмъ, въ теченіе полутора столѣтія, наступилъ застой; городъ сталъ бѣднѣть и умаляться; гавань Суратъ возвысилась, благодаря умѣлой политикѣ бойко тамъ торговавшихъ англичанъ и голландцевъ; разбои усилились внутри страны; набѣги маратовъ, въ связи съ возростаніемъ апатіи среди туземнаго населенія, когда-то понимавшаго искусство и цѣнившаго родную старину, въ свою очередь сдѣлали свое дѣло, доведя Ахмедабадъ, ко времени его окончательнаго занятія англичанами (лѣтъ 70 тому назадъ) до очень жалкаго состоянія.

Наслѣдникъ Цесаревичъ направляется осматривать столицу Гуджерата. Чѣмъ дальше подвигаешься отъ станціи къ центру города, тѣмъ гуще пестрыя толпы любопытныхъ, тѣмъ звучнѣе туземная рѣчь вокругъ нашихъ колясокъ, тѣмъ осязательнѣе дѣйствуетъ совершенно новая и довольно диковинная обстановка.

Дома — почти всѣ съ глухими, безвкусно размалеванными или же набѣло оштукатуренными фасадами на улицу. Только здѣсь и тамъ проступаетъ оригинальная и нѣжная, чисто мѣстнаго характера рѣзьба у оконъ и дверей или на балконахъ, которою издавна славится край. Внѣшность населенія отдаленно напоминаетъ, правда, Бомбей, — но какъ-то гораздо типичнѣе, самобытнѣе и притомъ однороднѣе по составу, несмотря на свою кажущуюся разобщенность. Индусы преобладаютъ надъ сравнительно выдающимся по численности мусульманскимъ элементомъ. Кого не встрѣтишь между ними! Соціально приниженный браминъ, довольствующійся ремесломъ повара, бокъ о бокъ

сталкивается съ высокомѣрнымъ, богато одѣтымъ купцомъ-магометаниномъ. Сосредоточенный ростовщикъ — джайнистъ, скромно теряется въ группѣ улавливаемыхъ имъ въ сѣти крестьянъ, — отчасти преданныхъ язычеству, отчасти же обращенныхъ когда-то насильно въ исламъ и величающихъ себя «маликами» (господами), въ виду владѣнія болѣе или менѣе значительными участками земли. Рослые, свѣтлолицые, съ огромными чалмами, въ плотно обтягивающихъ курткахъ, они невольно притягиваютъ взоръ.

Ихъ жены по костюму ничѣмъ не отличаются отъ женщинъ индусскаго простонародья (въ легкихъ тканяхъ розоваго и краснаго цвѣта, въ деревянныхъ браслетахъ). Смуглыя, почти черныя коліянки (кореннаго гуджератскаго племени) щеголяютъ запястьями изъ слоновой кости (по три на каждой рукѣ), а рядомъ — ихъ мужья, до сихъ поръ еще на половину обрѣтающіеся въ первобытномъ состояніи.

Чѣмъ щеголеватѣе одежда горожанъ, тѣмъ вѣроятнѣе ихъ принадлежность къ мусульманству, хотя вообще степень ихъ зажиточности ниже, нежели въ языческой средѣ Ахмедабада, которая однако относится къ роскоши гораздо отрицательнѣе. Главенство тутъ принадлежитъ послѣдователямъ джайнской религіи, играющимъ большую роль въ Гуджератѣ (въ силу ихъ трезвости, бережливости и богатства), несмотря на нѣкоторый открытый антагонизмъ со стороны такихъ же крёзовъ вишнуитскаго толка. У тѣхъ и другихъ, кромѣ вѣроисповѣднаго различія, — источникъ пререканій въ существованіи, — здѣсь въ городѣ, — «панджрапала» (убѣжища для больныхъ, замученныхъ и престарѣлыхъ животныхъ), жертвовать на который, по требованію джайнистовъ, браминская часть торгово-промышленнаго сословія не соглашается, въ принципѣ совершенно одобряя душеспасительныя цѣли подобнаго попеченія о безпомощныхъ тваряхъ. Въ центральномъ городскомъ пріютѣ изъ нихъ содержались еще въ 1875 г. (сколько теперь есть, мнѣ неизвѣстно): 265 коровъ и быковъ, 130 буйволовъ, 894 козы, 20 лошадей, 7 кошекъ, 2 обезьяны, 290 утокъ, 2,000 голубей, 50 попугаевъ, 25 воробьевъ и т. д. и т. д. На слѣпыхъ, хромыхъ, полудохлыхъ обитателей «панджрапала» ежедневно при этомъ расходовалось много сѣна, зерна и молока. Вишнуиты, торгующіе шелковыми издѣліями, отъ себя поддерживали аналогичное благотворительное учрежденіе. Мусульмане-шіиты, прежде платившіе на убѣжище для животныхъ, теперь отсылаютъ эти деньги юному Ага-хану, видѣнному нами въ Бомбеѣ, воплощенію «горнаго старца ассасиновъ». Мусульмане же сунниты охотнѣе жертвуютъ на содержаніе любой гробницы благочестивыхъ шейховъ.

Раньше и тѣ, и другіе вносили какую-нибудь опредѣленную сумму, непремѣнно по указанію представителя джайнской общины (такъ называемаго Нагаръ-Сетъ, своего рода городскаго головы), который въ свое время пользовался выдающимися полномочіями и блестящимъ положеніемъ. За то онъ, въ прошломъ столѣтіи, личнымъ вмѣшательствомъ спасалъ Ахмедабадъ отъ маратскаго погрома, — за то онъ умѣлъ добиться отъ бародскаго князя права имѣть паланкинъ, зонтъ и факелоносцевъ, что составляетъ въ Индіи привилегію лишь великихъ міра сего.

Теперь значеніе такого лица сильно умалилось. Его религіозныя обязанности заключаются лишь изрѣдка въ томъ, чтобы при страшныхъ засухахъ обходить городъ, проливая молоко для умилостивленія Индры.

Августѣйшіе путешественники въѣзжаютъ за черту массивныхъ стѣнъ, возведенныхъ средневѣковыми султанами. Онѣ представляются и пошатнувшимися, и запущенными. Пыль встаетъ на улицахъ отъ движенія народныхъ массъ. Въ Ахмедабадѣ насчитывается

свыше 150,000 душъ, и чуть ли не всѣ онѣ, да еще окрестные поселянс, собрались сегодня посмотрѣть на Высокаго Гостя.

Мы поворачиваемъ на главную базарную линію (Маникчокъ), издавна получившую прозвище по одному заживо погребенному индусу-волхву, который до тѣхъ поръ уничтожалъ чародѣйными пріемами всякія сооруженія мусульманъ, пока не былъ пойманъ и запрятанъ правителемъ въ узкій, длинный кувшинъ, гдѣ уже исчезала возможность шевельнуться.

Здѣшніе горожане съ очень древнихъ временъ живутъ въ обычной для Востока, но почти непостижимой для европейца религіозной атмосферѣ. Народъ вѣритъ, что еще въ миѳическія времена нѣкій аскетъ съ восторгомъ принесъ себя тутъ въ жертву для того, чтобы богъ Индра сдѣлалъ изъ его костей грозное оружіе противъ какого-то сказочнаго великана. Согласно воззрѣніямъ мѣстныхъ мусульманъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ сектантовъ), самъ воплощенный Махди нѣкогда былъ въ Ахмедабадѣ. Нѣкій персидскій мистикъ-чудодѣй, по имени Имамшахъ, еще на памяти достовѣрнѣйшихъ историческихъ свидѣтелей, творилъ здѣсь диво за дивомъ. Напр. султанъ, желая испытать силу праведника, посылаетъ ему молоко, смѣшанное съ ядомъ, но ядъ не дѣйствуетъ посылаетъ ему въ видѣ лакомаго блюда кошачье мясо, но, по вѣщему слову ясновидца, мерзкое кушанье обращается въ живую кошку посылаетъ ему наконецъ какую-то ѣду въ закрытомъ сосудѣ, приказывая сказать, будто въ немъ лежатъ розы, и что же! Имамшахъ беретъ приношеніе и дѣйствительно раздаетъ изумленнымъ присутствующимъ прелестные розовые лепестки. Онъ еще при жизни строитъ себѣ мавзолей, нанимая для работы коренныхъ туземцевъ («коліевъ»): всякій разъ, когда наступаетъ время расплачиваться, старецъ кладетъ на землю свою любимую подушку, садится и достаетъ изъ подъ нея сколько-угодно денегъ. Воры, изъ числа простодушныхъ очевидцевъ чуда, предполагая найдти тутъ какой-нибудь кладъ, ночью вскапываютъ и перекапываетъ все вокругъ, но ничего не находятъ. На другой день, по окончаніи обычныхъ работъ, Имамшахъ снова раздаетъ поденщикамъ ихъ плату, прибавляя однако на чай всѣмъ тѣмъ, кто напрасно потрудился въ ночное время.

Самъ султанъ даетъ этому праведнику въ жены свою дочь, и тѣмъ не менѣе мусульмане уже теперь не считаютъ себя послѣдователями и почитателями «святаго», а таковые состоятъ, въ наши дни, преимущественно изъ браминовъ, индусовъ-купцовъ, индусовъ-землепашцевъ. Въ ихъ лицѣ Гуджератъ еще какъ-бы чествуетъ человѣка, который по преданію умолилъ небо, послѣ трехлѣтней засухи, ниспослать на погибавшій край живительный дождь. Секта сторонниковъ Имамшаха имѣетъ своимъ главою одного ревнителя, отрекшагося отъ всякой земной тщеты, носящаго желтое одѣяніе и бѣлую чалму въ знакъ смиренія.

У тѣсно сдвинутаго неопрятнаго туземнаго жилья — остановка. Ихъ Высочества выходятъ изъ экипажей и подымаются переулкомъ къ мавзолею, гдѣ находятся бренные останки основателя Ахмедабада. Послѣ окружавшей суеты и оживленія какъ-то сразу стало тихо и грустно по сторонамъ, — точно холодомъ смерти повѣяло отъ усыпальницы тѣхъ, кто тутъ нѣкогда владычествовалъ и теперь скованъ непробуднымъ могильнымъ сномъ, который рисуется воображенію мусульманъ въ крайне странныхъ краскахъ и очертаніяхъ, — а именно: человѣкъ погребенъ, — по обычаю, безъ гроба, въ одномъ саванѣ, — засыпанъ землею, застылъ, но все еще чувствуетъ и сознаетъ. Вдругъ его роковое подземелье озаряется свѣтомъ. Два черныхъ ангела (Мункаръ и Накиръ) появляются около покойника, приказываютъ ему сѣсть и начинаютъ вести съ нимъ

таинственный, преисполненный значенія разговоръ: велики-ли его сокровеннѣйшіе грѣхи передъ Богомъ? заслуживаютъ-ли они прощенія и милосердія? каковы его оставшіяся никому неизвѣстными добрыя помышленія и праведныя дѣла?

Если въ общемъ итогѣ послѣднія представляютъ перевѣсъ надъ первыми, — дивное сіяніе исходитъ отъ чела строгихъ судей — небожителей. Въ могилѣ разливается благоуханіе, доносимое дуновеніемъ изъ рая. Умершій можетъ спокойно спать и грезить въ ожиданіи Страшнаго Суда. Но горе тому грѣшнику, кто не отвѣчаетъ въ утвердительномъ смыслѣ на пытливые вопросы ангеловъ возмездія. Они преображаются въ палачей нечестивца, истязаютъ и бьютъ его, такъ что вопли несчастнаго долетаютъ порою въ отдаленнѣйшіе уголки ада. Отвратительные гады обвиваются вокругъ трупа, лакомятся имъ — и нельзя вырваться, нельзя избавиться отъ нескончаемаго мученія!

Согласно воззрѣніямъ мусульманъ, окончательная судьба каждаго существа рѣшится въ дали вѣковъ, когда трижды прогремитъ труба, взывающая къ покаянію, возрожденію и осужденію. Твердь распаяется. Солнце померкнетъ. Звѣзды угаснутъ. Моря изсохнутъ. Хаосъ заполонитъ вселенную, — но души, отрѣшенныя отъ праха, постепенно станутъ соединяться съ прежними тѣлами. Создатель возсіяетъ среди нихъ, притекающихъ со всѣхъ сторонъ къ подножію Бѣлоснѣжнаго Престола. И многимъ простится, и многихъ ждетъ невыразимое страданіе.

Въ этихъ вѣрованіяхъ воспитывается и крѣпнетъ ревнитель завѣтовъ «пророка». Подобное настроеніе въ упорно-языческой странѣ любопытно, если подумаешь, что послѣдняя въ дѣйствительности впитала въ себя пришлую религію, чтобы съ помощью ея творить въ какомъ-то новомъ направленіи: напримѣръ, хотя бы здѣсь въ Ахмедабадѣ, мы стоимъ, такъ-сказать, на старой почвѣ индійскаго ислама, — а между тѣмъ какіе удивительные, чисто мѣстнаго характера узоры красятъ внѣшность ближайшаго мавзолея! до чего орнаментъ, усвоенный имъ, напоминаетъ архитектурное убранство капища! почему фасадъ зданія не носитъ ни малѣйшаго отпечатка зодческой руки, трудившейся (уже не говоря о Каирѣ), положимъ, надъ намятниками Родзы? Гдѣ и въ чемъ разгадка явленію?

Когда мусульманскій элементъ воцарился въ Гуджератѣ и захотѣлъ увѣковѣчить себя созданіемъ мечетей и гробницъ, ему на помощь пришло мѣстное — ненавистное исламу, но по существу своему непобѣдимое искусство. Отъ праха разрушенныхъ храмовъ, отъ подножія поруганныхъ кумировъ, отъ цѣлаго на половину упраздненнаго міра древнихъ образовъ, вѣрованій и возвышенныхъ стремленій человѣческаго генія поднялся какъ-бы нѣмой протестъ противъ бездушнаго вандализма пришлыхъ иновѣрцевъ. Арійскій Гуджератъ былъ побѣжденъ и униженъ, но творчество его сыновъ не могло, не хотѣло изсякнуть подъ напоромъ грубыхъ силъ непримиримаго врага. Улыбка туземной дѣвушки-язычницы соблазнила султана Ахмеда, рѣшавшаго, гдѣ ему воздвигнуть свою столицу: молчаливое, замкнутое въ себѣ покорство индусовъ смягчило сердце царя, и онъ именно имъ поручилъ осуществленіе своихъ архитектурныхъ плановъ, именно ихъ взялъ художниками и рабочими, — однимъ словомъ безусловно понадѣялся на вкусъ и на рвеніе гуджератцевъ, сдѣлавъ даже основою новаго кремля одинокую башню кумирни, въ которой раньше воздавались почести богинѣ Бхадра, олицетворенію жены Шивы. Любопытно имѣть все это въ виду, приближаясь къ мавзолею султана, вызвавшаго къ бытію Ахмедабадъ.

У входа въ это сооруженіе — 18 изящныхъ столбовъ. Оно — довольно внушительныхъ размѣровъ, съ куполомъ и ажурными окнами. Внутри покоятся лицемъ къ

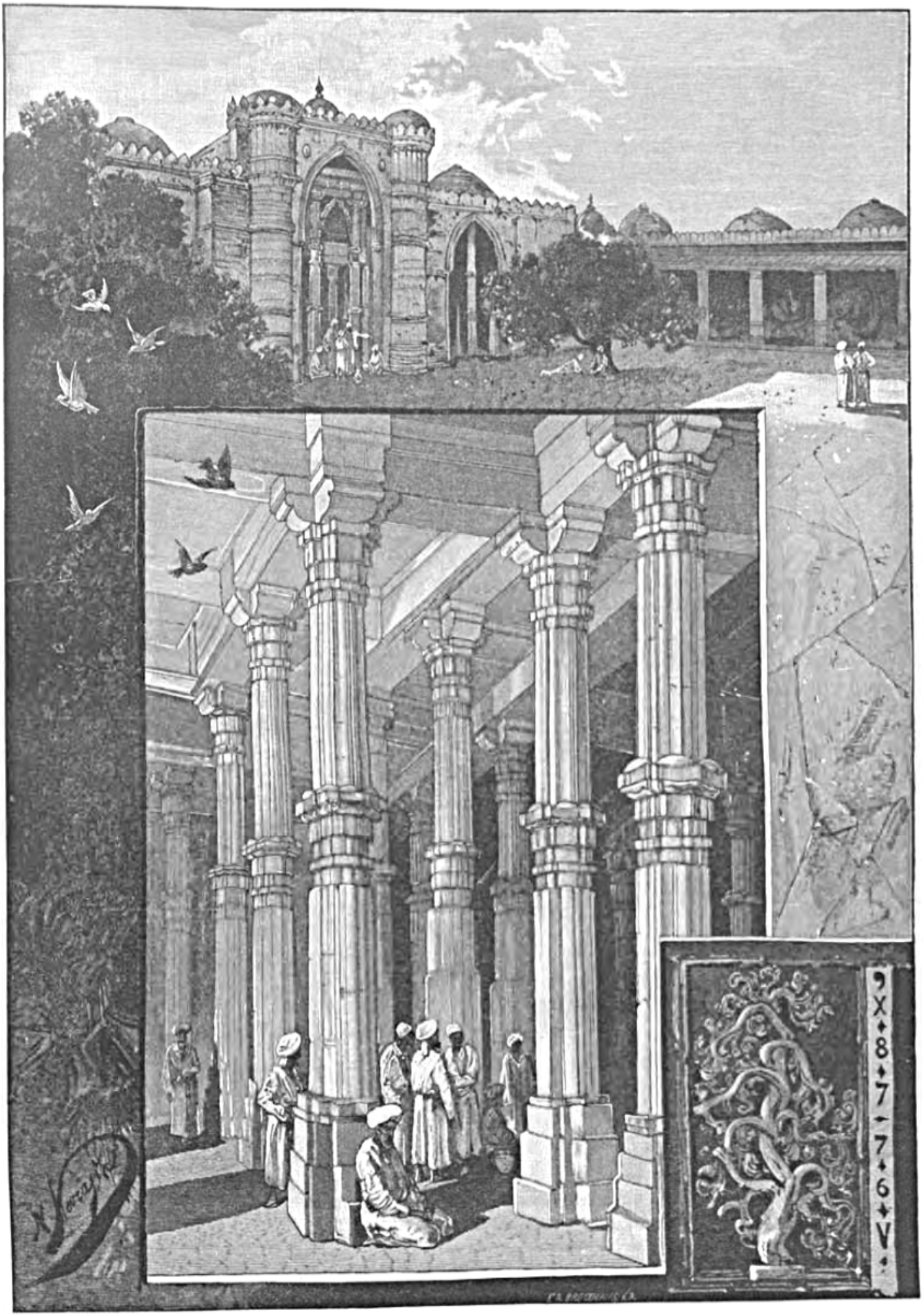
Меккѣ (подъ бѣлымъ мраморомъ и шелковою пеленой, осыпаемой цвѣтами) самъ Ахмедъ-шахъ по серединѣ, затѣмъ его сынъ Мухаммедъ-шахъ, за щедрость прозванный народомъ — «царь-бакшъ», златодатель, и отважный внукъ Кутбуддинъ-шахъ, а также Ахмедъ II и другіе члены царской семьи.

Помостъ выложенъ цвѣтными камнями; гробницы — съ лѣпными украшеніями. Надъ дверьми, съ юга, надпись отъ 1537 г. — «высокій памятникъ Ахмедъ-шаха, высотою спорящій со сводомъ небесъ, имѣлъ многихъ хранителей, поддерживавшихъ зданіе, — но пышнѣе всѣхъ позаботился объ его возстановленіи благотворитель рода человѣческаго въ нашемъ поколѣніи, богобоязненный Фархату'ль Мулкъ».

Радѣніе обусловливалось крайне религіознымъ настроеніемъ эпохи, когда правители лично занимались переписываніемъ Корана, съ цѣлью отсылать снимки въ Мекку и Медину, для публичнаго чтенія книгъ богомольцамъ (хаджи) — когда ежегодно туда же препровождались обильныя пожертвованія въ пользу бѣдныхъ и на счетъ казны снаряжались суда, безвозмездно доставлявшія путниковъ въ Аравію и обратно.

Гуджератскіе цари утверждали въ то время, что лишь по вступленію на престолъ имъ удавалось тщательнѣе вникнуть въ слова Магомета, ибо владыкамъ приходится болѣе размышлять и переиспытывать чѣмъ простымъ смертнымъ. Знакомясь съ обстановкой и вообще всею атмосферою тогдашняго придворнаго строя, съ его вельможами-воинами, переселящимися сюда изъ Хорассана, Самарканда и Турціи, какъ-то невольно чувствуешь себя въ отчасти родной средѣ, изъ которой выходили типы, напоминающіе то Рюриковича «Грозныя очи», то Калиту, то Ѳеодора Іоанновича, съ ихъ боярами-выходцами изъ Пруссъ и Литвы, изъ близкой Орды и дальняго Заволжья. Только въ нашихъ историческихъ дѣятеляхъ словно тѣснѣе олицетворяются и сливаются западныя начала съ восточными, словно выпуклѣе сквозитъ нарожденіе новой смѣшанной по крови, но оригинальной по духу рассы.

Султанъ Ахмедъ, столъ сурово державшій знамя ислама и ознаменовавшій себя многими жестокостями чисто фанатическаго характера (между прочимъ онъ запрещалъ даже мирнымъ, безпомощнымъ индусамъ — къ слову сказать, искусно разукрашавшимъ его же столицу — селиться въ предѣлахъ воздвигнутой имъ ахмедабадской крѣпости: язычники могли жить лишь въ предмѣстьяхъ города, освященнаго присутствіемъ «правовѣрныхъ шейховъ»!) послѣ смерти сталъ одинаково святъ въ памяти потомства подданныхъ-мусульманъ, и подданныхъ-браманистовъ: послѣдніе до сихъ поръ приходятъ вѣнчать его гробницу цвѣтами, единовѣрцы же видятъ въ немъ олицетвореніе мудрости, справедливости и чистоты душевной. Однако, если вѣрить нѣкоторымъ далеко не опровергнутымъ историческимъ показаніямъ, султанъ Ахмедъ въ молодости запятналъ себя передъ вступленіемъ на престолъ дѣдоубійствомъ, какъ-бы изъ мести за то, что правившій въ то время дѣдъ самъ подозрѣвался многими въ отравленіи роднаго сына — Татаръ-хана, отца Ахмеда. Характерны подробности перваго злодѣянія: старикъ, выпивая чашу съ ядомъ, подносимую мятежнымъ внукомъ, оставался невозмутимымъ и сказалъ ему: «зачѣмъ ты торопишься? царство все равно тебѣ бы досталось!» на что Ахмедъ отвѣчалъ словами Корана: «все въ жизни человѣка установлено рокомъ и, если близокъ часъ смерти, его нельзя ни ускорить, ни отсрочить . . .» Умирающій тогда опять заговорилъ: «прими къ сердцу мои послѣдніе совѣты! во первыхъ, не довѣряй тѣмъ, кто побудилъ тебя убить меня, ибо они — предатели; во вторыхъ, бойся хмѣля, такъ какъ онъ опасенъ для царей.»



ГЛАВНАЯ МЕЧЕТЬ ВЪ АХМЕДАБАДѢ.

Неправда-ли, интересна эпоха, въ разгаръ которой люди столь непосредственно дѣйствовали и съ такимъ величавымъ спокойствіемъ умѣли умирать? Говорятъ, впрочемъ, что и дѣдъ, и внукъ — оба за всю жизнь не могли заглушить въ себѣ голоса совѣсти, вслѣдствіе совершенныхъ преступленій.

Правленіе султана Ахмеда сравнительно ознаменовано было благоустройствомъ страны: въ его владѣніяхъ временно замерли смуты и насилія, въ теченіе многихъ лѣтъ въ цѣломъ краѣ случилось только два убійства. Такой порядокъ вещей объясняется историками, какъ результатъ царскаго неумолимаго правосудія. Когда однажды зять Ахмеда лишилъ кого-то жизни, и судьи (казіи) приговорили за это вельможу исключительно къ тяжелой денежной пенѣ, султанъ отмѣнилъ подобное лицепріятное рѣшеніе и приказалъ всенародно казнить своего близкаго родственника, послѣ чего даже тѣло его, на показъ толпѣ, провисѣло сутки на базарѣ.

Ахмедъ высоко чтилъ всякихъ благочестивыхъ шейховъ, всякихъ мусульманскихъ мистиковъ и богослововъ. По словамъ лѣтописи, когда онъ разъ невзначай пришелъ ночью къ одному такому «Божьему человѣку», — тотъ въ темнотѣ не узналъ царя и, принявъ его за своего слугу, велѣлъ подать себѣ воды для омовенія, — что Ахмедъ, какъ ревностный «правовѣрный», тотчасъ же поспѣшилъ исполнить, старецъ-же, увидавъ наконецъ, кто ему прислуживаетъ, отъ глубины сердца воскликнулъ: «будь благословенъ!»

Основатель Ахмедабада послѣ смерти получилъ въ Гуджератѣ прозвище «великаго владыки, которому прощены всѣ его грѣхи».

Стоя тутъ, у его покрытой шелковымъ платомъ надгробной плиты, такъ и уносишься воображеніемъ въ старину, когда Индостанъ еще и по духу, и по историческимъ явленіямъ имѣлъ немало общихъ чертъ со средневѣковой Русью. Кому изъ насъ не близки и не знакомы подобныя добродѣтели и мрачные порывы въ князьяхъ Удѣльнаго и Московскаго періода? Кто изъ нихъ не гнушался инородческихъ и басурманскихъ обычаевъ, оставаясь единовременно связаннымъ плотью и кровью, думами, грезами и чувствами съ тою международно-сложной и этнографически пестрой средой, которая созидала и закаляла нашихъ предковъ, укрѣпляя въ нихъ безсознательную *пріязнь ко всему восточному, къ идеаламъ «всечеловѣческаго» характера.* Вожди мусульманской «единобожеской» Индіи столь же мало какъ и мы, носители христіанскихъ идей на рубежѣ Европы и языческой Азіи, предчувствовали свое міровое призваніе постепенно обновлять послѣднюю и обновляться ею. Только историческій ходъ событій уже начинаетъ мало по малу свидѣтельствовать о параллелизмѣ явленій. Какъ позднѣйшій туранскій элементъ въ Индіи, амальгамируясь съ коренными туземными, почти незамѣтно для ока ткалъ въ красивое, крѣпкое цѣлое грубую пестрядь всего древне-арійскаго и дравидо-скиѳскаго, такъ и допетровская Русь слагала въ многоплеменнѣйшее тѣло свои полныя жизни и, притомъ, изумительно разнородныя основы. Наши предки, въ которыхъ еще безсознательно складывалась своеобразно высокая и гуманная національная идея, выразителями которой, вѣками позже, выступили лучшіе русскіе люди съ государственными взглядами и знаніями, — наши предки на словахъ и въ мелочахъ какъ-будто чуждались иноземщины и всякой иновѣрческой нечисти; но, въ сущности, широта и трезвость мысли всегда и всюду брали верхъ надъ предубѣжденіемъ и суевѣріемъ. Именно оттого и въ силу столь счастливыхъ свойствъ народнаго ума и характера Россія изъ понятія географическаго развилась въ динамическій принципъ свѣта и побѣды для Востока.

Средневѣковые мусульманскіе владыки умѣли царствовать и умирать. Славные на войнѣ и въ рукопашномъ бою, въ мирную пору многіе изъ нихъ, подобно знаменитому

халифу Гарунъ-аръ-Рашиду, тайкомъ обходили по вечерамъ пустующіе базары и уединеннѣйшіе закоулки своей столицы, чтобы прислушиваться къ толкамъ простолюдиновъ и узнавать нужду, чтобы вникать въ подробности творящихся злоупотребленій и обнародовывать затѣмъ, на утро, справедливо-мудрые указы. Когда же внутренній голосъ предупреждалъ о близкой кончинѣ, султаны спокойно къ ней готовились, трогательно прощались съ вельможами и челядью, просили у всѣхъ прощенья, отправлялись даже на болѣзненномъ одрѣ взглянуть въ послѣдній разъ на вѣрныхъ ручныхъ слоновъ и коней.

Отъ гробницы Ахмеда Ихъ Высочества переходятъ къ могиламъ его царицъ, отстоящимъ лишь на нѣсколько десятковъ шаговъ. Въ оградѣ, пріютившей этихъ почти невѣдомыхъ затворницъ гарема, господствуютъ необычайная тишина, невозмутимый покой, какое-то умиляющее душу оцѣпененіе. Кто и что онѣ были — схороненныя здѣсь султанши — даже и не любопытно себѣ уяснить: замурованныя въ одиночество восточныя красавицы, безъ мысли и порыва, рабыни рока и случайности, вырванныя изъ костенѣющихъ рукъ язычника-отца или брата гордыя раджпутскія княжны со звѣздными очами, профилемъ Дамаянти и Сакунталы, съ разбитой жизнью и похолодѣвшимъ сердцемъ!

На землѣ эти жены ислама ничего, конечно, не видѣли отраднаго и утѣшительнаго. За то послѣ смерти тутъ, надъ ихъ безвѣстнымъ прахомъ, какъ-бы разцвѣлъ совершенно особый міръ: голубая твердь улыбается маленькому тихому кладбищу, какъ внѣ всякаго сомнѣнія счастье никогда не улыбалось бѣднымъ царицамъ. Вдоль угрюмой стѣны, отдѣлившей ихъ отъ шумнаго города, чуть слышно воркуютъ зеленые гуджератскіе голуби. Нѣжнымъ перламутровымъ уборомъ пестритъ иной саркофагъ. На одномъ красуется персидская надпись. Въ лучахъ полудня бѣлый и черный мраморъ запущенныхъ гробницъ словно гармонируютъ рѣзкостью оттѣнковъ.

Прямо изъ области сладкаго вѣчнаго сна, которымъ объяты мертвыя султанши, — прямо отъ памятника женщинамъ-жертвамъ и матерямъ, ступаешь на широкій помостъ (съ водоемомъ по серединѣ), разстилающійся съ восточной стороны передъ грандіознѣйшей въ краю мечетью, куда — какъ и повсюду въ странахъ «пророка» — прекрасному полу нѣтъ непосредственнаго доступа, ибо представительницы его считаются существами низшаго порядка.

Въ общемъ размѣры ея не особенно значительны: но цвѣтъ-ли плитняка, изъ котораго она выстроена, или неопредѣленность освѣщенія придаютъ ей внушительную внѣшность, — только послѣдняя необыкновенно оригинальна и эффектна. Сотни столбовъ цѣлымъ свѣтлымъ лѣсомъ углубляются въ ослѣпительно яркое сооруженіе. Отъ большаго центральнаго купола по крышѣ расходятся закругленія уменьшающихся размѣровъ. Боковыя галлереи, съ начертаніемъ изъ Корана на стѣнахъ (вродѣ такой: «да будетъ благословеніе Божіе на Магометѣ и четырехъ первыхъ халифахъ») много увеличиваютъ силу впечатлѣнія.

Семьдесятъ лѣтъ назадъ, преддверье еще украшалось двумя стройными, художественно орнаментированными минаретами. Когда Ахмедабадомъ завладѣли англичане, вскорѣ произошло землетрясеніе, на половину низвергнувшее ненадежныя вышки, откуда звучалъ призывъ муэдзина. У порога, среди сверкающаго бѣлизною камня — темная полоса, согласно преданію подножіе джайнскаго кумира Парсваната, погребеннаго здѣсь умышленно — головою внизъ, чтобы «правовѣрные», вступая въ «домъ молитвы», могли

наступать на ненавистный объектъ идолослуженія. Поруганное изваяніе представляло древняго аскета, пользовавшагося покровительствомъ огромныхъ змѣй, которыя и изображались съ нимъ вмѣстѣ.

Противъ входа внутри, по арабски вырѣзаны на мраморѣ фона слѣдующія уясняющія смыслъ насилія слова: «эта просторная мечеть воздвигнута Ахмедъ-шахомъ, вѣрующимъ рабомъ Аллаха, ищущимъ милости Божіей. Лишь Онъ — благъ, лишь Ему подобаетъ поклоняться.» Время созданія — январь 1423 г.

Улица придвинулась къ величественной мечети и докучно опоясала ее невзрачными домами. Прежде иновѣрцамъ нельзя было бы войдти въ нее, безъ туфель на обуви: теперь доступъ свободенъ, — толпа равнодушна при посѣщеніи туристовъ, — узорчатыя цвѣтныя ниши, въ золотистой мглѣ молитвеннаго зданія, дороже и ближе сердцу чужестранца съ эстетическимъ развитіемъ, чѣмъ потомкамъ мусульманъ-завоевателей края.

Августѣйшіе путешественники опять садятся въ коляски, для слѣдованія по городу. Послѣдній, кажется, несомнѣнно настроенъ радушно. По крайней мѣрѣ привѣтствіе на аркѣ, около желѣзнодорожной станціи, гласило: «милости просимъ» — по крайней мѣрѣ выраженіе туземныхъ лицъ, при проѣздѣ, отражало и отражаетъ не одно любопытство, но какъ-бы и симпатію.

Намъ невольно бросаются въ глаза массивныя трехстворчатыя ворота (Тинъ Дарваза), игравшія нѣкогда роль въ исторіи Ахмедабада, какъ главный путь изъ предмѣстій въ крѣпость, гдѣ находился пышный дворецъ султана и куда на обсаженный пальмами, тамариндовыми, лимонными и апельсиновыми деревьями «Майданъ-шахъ» (такъ-сказать «Красную площадь») раболѣпно стекался въ извѣстные дни сонмъ блестящихъ дружинниковъ средневѣковаго Гуджерата.

Именно этой дорогой безстрашно направилъ своего коня четырнадцатилѣтній правнукъ Ахмеда — Махмудъ Бигура, когда мѣстная знать вздумала своевольничать, а онъ — съ гордымъ вызовомъ, почти безъ свиты, подъ «зеленымъ» зонтомъ, обнаживъ обоюдуострый мечъ — устремился протихъ нихъ. При маратахъ эти же врата, ради гаданья, обстрѣливались индусскими воиноначальниками: кто попадалъ пятью стрѣлами въ узкій верхній карнизъ, тому судьба сулила успѣхъ.

Крѣпкій здѣшній кремль, считавшійся встарь столь же неприступнымъ какъ напр. Кабулъ и Кандахаръ на сѣверѣ, именовался Бхадръ. Палаты царя или намѣстника отличались тогда сказочной роскошью, затмѣвавшею даже императорскую столицу. Недаромъ народная поговорка гласила, что «Дэли стоитъ на ячменѣ и пшеницѣ, Ахмедабадъ же на коралахъ и жемчугахъ». Гуджерату, правда, были въ то время подвластны 84 гавани.

Походы воинственныхъ подданныхъ Ахмедъ-шаха простирались съ одной стороны на сѣверъ, до Синда, обороняемаго искусными туземными стрѣлками, а съ другой на югъ, до группы острововъ, составляющихъ и окаймляющихъ нынѣшній Бомбей, гдѣ тогда тоже пытались стать твердой ногой индусскіе витязи изъ Деккана.

Стоило вообще какому-нибудь близкому или дальнему раджѣ прогнѣвить властителя, повелѣвавшаго въ Бхадрѣ, оттуда высылались десятки тысячъ отборнаго войска, — и всякое сопротивленіе, всякій дерзкій вызовъ безпощадно карались. Султанамъ иногда достаточно было незначительной вины (напр. жалобы ограбленнаго язычниками муллы, направлявшагося на богомолье въ Туркестанъ), чтобы двинуть рать противъ сосѣда-

иновѣрца, лишить его «золотаго» зонта и княжескихъ драгоцѣнностей, опустошить чужую землю.

Однако, наряду съ такими вспышками вражды, иной изъ царей Ахмедабада не прочь былъ имѣть министромъ умнаго брамина, наслаждаться неуловимыми прелестями древне-индійской пляски или музыки, наконецъ по своему чтить языческую Сарасвати, богиню знанія, драматическаго искусства и краснорѣчія.

Параллельно строились мечеть за мечетью, такъ что число ихъ достигало одно время до тысячи, какъ-бы во исполненіе словъ «пророка»: «кто искренно воздвигнетъ таковую, тому будетъ уготовлено особое жилище въ раю». И тѣмъ не менѣе въ XVII столѣтіи Селимъ-шахъ помѣстилъ на своемъ любимомъ балконѣ (у чертоговъ, блиставшихъ позолотой и живописью) изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи. Есть-ли возможность сопоставить и объяснить подобныя крайности? Онѣ положительно обусловливались аскетически-религіознымъ духомъ извѣстной эпохи. Напримѣръ, гуджератскій султанъ Махмудъ Бигура окружалъ себя съ молодости замѣчательными людьми. Изъ нихъ самымъ характернымъ считался нѣкто Маликъ-Мухаммедъ-Ихтіяръ. Стоитъ хоть вкратцѣ помедлить надъ этой личностью, чтобы представить себѣ болѣе или менѣе ясно своеобразное настроеніе, проникавшее тогда замѣтную часть обновленнаго мистицизмомъ индійскаго ислама. Когда султанъ Махмудъ воцарился, онъ пожаловалъ своего ближайшаго друга Ихтіяра званіемъ хана; но тотъ отказался отъ послѣдняго, говоря: «мое имя Мухаммедъ: какой санъ можетъ быть выше этого имени?» Принявши всетаки, противъ воли, султанскій фирманъ о своемъ утвержденіи въ высокомъ достоинствѣ, Маликъ всегда бережно хранилъ таковую грамоту.

Однажды онъ слѣдовалъ въ паланкинѣ по предмѣстьямъ Ахмедабада и случайно остановился отдохнуть подъ деревомъ, около котораго какой-то мулла, сынъ знаменитаго и «святаго» шейха, обучалъ мальчугановъ. Вельможа вступилъ съ нимъ въ разговоръ и оба вдругъ до такой степени понравились другъ другу, что сановникъ рѣшилъ отречься и отъ всего ненужнаго ему внѣшняго почета, и отъ давно постылой роскоши, дабы стать другимъ человѣкомъ. Вернувшись домой, Маликъ отпустилъ на волю рабовъ, отдалъ замужъ рабынь, возвратилъ султану коней, слоновъ, и богатства, коими пользовался по его милости. Дворъ изумился. Цѣлый городъ пришелъ въ смятеніе. Правитель подумалъ, ужъ не оскорбилъ-ли кто-нибудь Малика и не этимъ-ли истолковывать странностъ его поступковъ. Но тотъ ему сказалъ: «до сихъ поръ я служилъ только тебѣ, въ будущемъ я не хочу служить никому.»

Остальные царедворцы попытались уговорить Ихтіяра прійдти въ себя. Онъ же позвалъ брадобрѣя, велѣлъ себѣ обрить всю голову и брови, затѣмъ послалъ за женою и объявилъ ей: «можешь возвратиться къ своимъ роднымъ, если хочешь снова выйдти замужъ». Она изъявила желаніе слѣдовать за нимъ. Тогда онъ сказалъ: «принеси свои украшенія и брось ихъ, надѣнь платье любой служанки и уйдемъ отсюда». . Шейхъ принялъ ихъ обоихъ и принялся учить Малика той премудрости, которою самъ обладалъ.

Ѣдучи однажды съ охоты, султанъ лично увидалъ, какъ его прежній приближенный раболѣпно исполняетъ всякую тяжелую и грязную работу для своего духовнаго наставника, напр. носитъ ему воду изъ отстоявшей на нѣкоторомъ разстояніи рѣки Сабармати, протекающей у Ахмедабада. Народъ дивился, глядя на подобное глубочайшее смиреніе и побѣду надъ собою. Ихтіяръ вскорѣ сталъ святымъ въ глазахъ толпы. Шейхъ, убѣдившись въ этомъ, передалъ ему (въ наслѣдіе) свое выдающееся положеніе въ краю. Маликъ нехотя принялъ его и, чтобы какъ-нибудь повліять на ревнителей, отовсюду стекавшихся къ

нему за благословеніемъ и совѣтами, по временамъ смущалъ ихъ неожиданными требованіями: положимъ, начиналъ посѣщать его богачъ, верхомъ на добромъ конѣ, — праведникъ до тѣхъ поръ настаивалъ, пока гость не дарилъ лошади бѣднымъ и, очевидно, на первыхъ порахъ опасался снова явиться на поклонъ. Тѣмъ же способомъ Маликъ умѣлъ отвадить многихъ состоятельныхъ людей, не любившихъ исполнять его вѣчнаго призыва щедро дѣлиться съ неимущими. Слава новаго «старца» отъ этого только росла и росла.

Про него или про кого-то другаго въ Ахмедабадѣ сложилось даже преданіе, будто устоять противъ пламеннаго краснорѣчія такихъ мужей въ концѣ концевъ никто не могъ: царедворцы умаливали самихъ султановъ не идти на проповѣдь мистиковъ, чтобы ихъ не заслушаться, чтобы не отказаться отъ власти и не вступить въ ряды «правовѣрныхъ», избравшихъ путь подвига и просвѣтленія.

Въ старой крѣпости теперь почти не сохранилось достопримѣчательностей. Прежній дворецъ сначала былъ обращенъ маратами въ арсеналъ, а потомъ англичанами въ тюрьму, гдѣ заключенные добываютъ себѣ хорошія деньги изготовленіемъ прочныхъ пеньковыхъ ковровъ.

Августѣйшіе путешественники съ живѣйшимъ интересомъ осматриваютъ окна, вдѣланныя надъ валомъ мусульманскаго кремля и составлявшія нѣкогда фасадъ мечети Сиди Сеида (одного раба, достигнувшаго въ Ахмедабадѣ и власти, и богатства). Въ то время множество невольниковъ легко выбивалось на дорогу почестей и чисто историческаго вліянія. Востокъ вообще (особенно же міръ ислама) постоянно слѣдовалъ демократическимъ принципамъ, и купленный слуга въ сущности искони считался, да и теперь (вопреки мнѣніямъ ученыхъ конгрессистовъ и филантроповъ на Западѣ) считается членомъ семьи хозяина, — человѣкомъ, а не вещью, — предметомъ попеченія для добраго и разумнаго владѣльца. Поэтому-то среда рабовъ и выдѣляла такъ часто въ Африкѣ и Азіи государственныхъ дѣятелей и даже султановъ. Въ Гуджератѣ вольноотпущенники нерѣдко славились затѣмъ громкимъ успѣхомъ на войнѣ, — неслыханно-широкимъ прямо русскимъ гостепріимствомъ, — роскошью, съ которой они одѣвали свою челядь въ бархатъ и парчевыя ткани, оправляя ей оружіе въ настоящее золото.

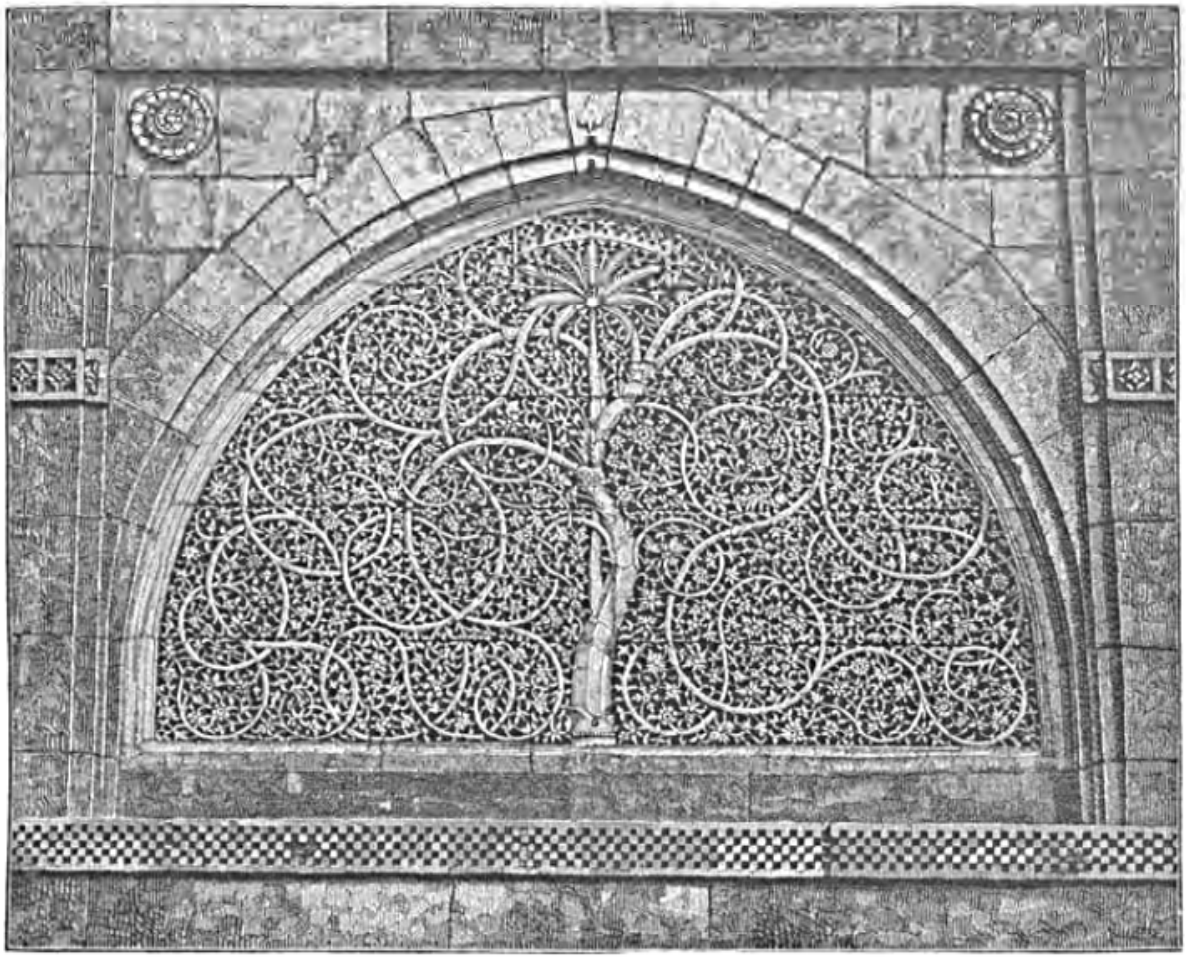
Къ числу такихъ именно лицъ могъ и долженъ былъ принадлежать строитель мечети (нынѣ обращенной въ правительственное учрежденіе, послѣ того какъ ее осквернили мараты), къ рѣзнымъ окнамъ которой только что изволили приблизиться Ихъ Высочества. Отъ прежнихъ пяти остаются четыре. Подходя подъ нихъ по неровному песчаному возвышенію, высоко надъ землей видишь изумительнѣйшее художественное подражаніе растительному царству, сотворенное изъ мрамора нѣжнымъ и воздушнымъ рѣзцемъ невѣдомаго гуджератскаго маэстро. Какая-то американская компанія завела въ Ахмедабадѣ мастерскую, гдѣ изготовляются образцы подобной рѣзьбы, для отправки за океанъ. Оригиналы представляютъ площади въ полторы квадратныхъ сажени. Маленькія пальмовыя деревца изящно вплетены въ ажурный камень дѣвственной бѣлизны, словно искушаютъ саму природу Индіи божественною законченностью формъ, заставляютъ забыть, что повсюду кругомъ, въ столицѣ края — запустѣніе и прахъ старины: уцѣлѣло, свѣтится и блистаетъ чистотой одно искусство!

Дорога городомъ изгибается въ сторону отъ прежней крѣпости. Туземные кварталы, — мѣстами представлявшіе сплошную массу домовъ, которая еще недавно дѣлилась на однородно-замкнутые околодки, до кровопролитія враждовавшіе даже по временамъ съ сосѣдями, принадлежавшими къ другимъ ремесленнымъ цехамъ, — разростаясь вширь и вкось, постепенно теряютъ свою живописную внѣшность, при переходѣ въ менѣе

густо заселенные участки. Гдѣ-то тутъ по близости расположенъ былъ почти доисторическій Асавалъ, основанный «билами».

У полуразрушенной лѣстницы, ведущей къ весьма красивой мечети и смежному мавзолею, Августѣйшіе путешественники снова покидаютъ экипажи. Оба сооруженія носятъ имя Рани Асни, вдовы султана Махмуда Бигуры (XVI столѣтія), — причемъ «домъ молитвы» считается «жемчужиной» среди архитектурныхъ достопримѣчательностей Ахмедабада.

Красный плитнякъ послужилъ матеріаломъ зданія. Причудливый, индусскій по характеру и выполненію орнаментъ лѣпится по стѣнамъ, пышными складками обвивается вокругъ тонкихъ и сравнительно низкихъ минаретовъ, — куда, вдобавокъ, во внутрь



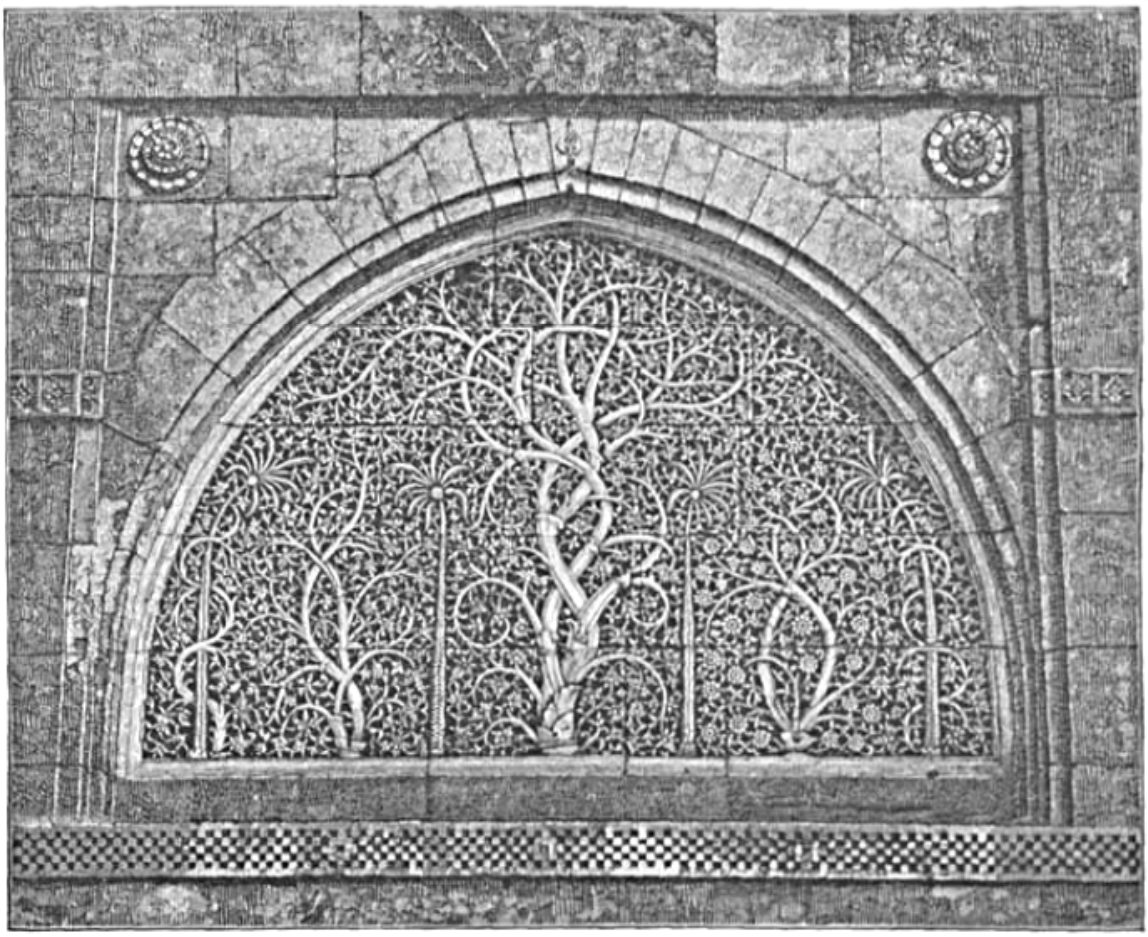
ОКНО ВЪ УПРАЗДНЕННОЙ МЕЧЕТИ СИДИ СЕИДА.

какъ-бы умышленно нѣтъ доступа муэдзину, приглашающему «правовѣрныхъ» на единеніе съ Аллахомъ, — крупнымъ узоромъ врѣзается въ каменную грудь одиноко стоящаго памятника, достойнаго лучшей участи.

Обычныхъ въ такой постройкѣ арокъ не существуетъ, если не считать какой-то малозамѣтной боковой. Двѣнадцать изящнѣйшихъ колоннъ подпираютъ крышу. Солнечный блескъ не проникаетъ до холодныхъ плитъ мечети, а только отражается въ ней страннымъ лучистымъ сумракомъ, который краснорѣчиво говоритъ воображенію объ эпохѣ, когда два діаметрально противоположныхъ начала (реализмъ ислама и экзотизмъ брамино-джайнскаго ваянія) вошли въ случайный союзъ: дорогое кружево лѣпной работы язычниковъ явилось какъ-бы дополненіемъ простодушно-ясному предначертанію ислама «славить Бога благости и силъ, не сотворяя себѣ кумира».

Рядомъ — массивная и довольно неуклюжая гробница Рани Асни. На кровлѣ ея, нахохлившись, сидятъ противные коршуны, слетающіе сюда съ недалеко отстоящей парсійской «башни молчанія». Передъ самой оградой, на улицѣ, торчитъ безобразный фонарный столбъ. Въ крошечныхъ грядкахъ, между мечетью и могилами, сохнутъ цвѣточки. Проза жизни на каждомъ шагу беретъ верхъ!! . . . .

Коляски катятся по мягкому и пыльному шоссе — за черту города, въ полосу изобилующихъ деревьями ахмедабадскихъ предмѣстій. Время близится къ вечеру. Жара спадаетъ. Не пора-ли Ихъ Высочествамъ отдохнуть послѣ охоты, послѣ ночнаго переѣзда отъ Бомбея, наконецъ послѣ ознакомленія съ древностями гуджератскаго стиля? Повидимому, нѣтъ. Насъ еще куда-то везутъ, еще что-то хотятъ показывать, — мнѣ, записы-



ОКНО ВЪ МЕЧЕТИ СИДИ СЕИДА.

вающему и запоминающему важнѣйшія подробности Великокняжескаго путешествія, мало-по-малу всякій новый храмъ или склепъ, всякая пещерная кумирня начинаютъ казаться личными врагами.

Впрочемъ, сегодня утомленіе вызвано исключительными обстоятельствами, — главнымъ же образомъ обусловлено желаніемъ строго придерживаться программы слѣдованія по Индіи (что крайне трудно въ виду недостатка времени!).

Доведя до конца осмотръ наиболѣе выдающихся мусульманскихъ древностей, Августѣйшіе путешественники вдругъ вступаютъ въ соприкосновеніе съ міромъ языческаго искусства и языческой святыни, — притомъ собственно не тѣхъ, что мы видѣли въ уже сравнительно омертвѣвшихъ формахъ, подъ сѣнью эллорской гряды, — но язычества своеобразно-живаго, крѣпкаго, стойкаго, и насчитывающаго извѣстное число послѣдователей.

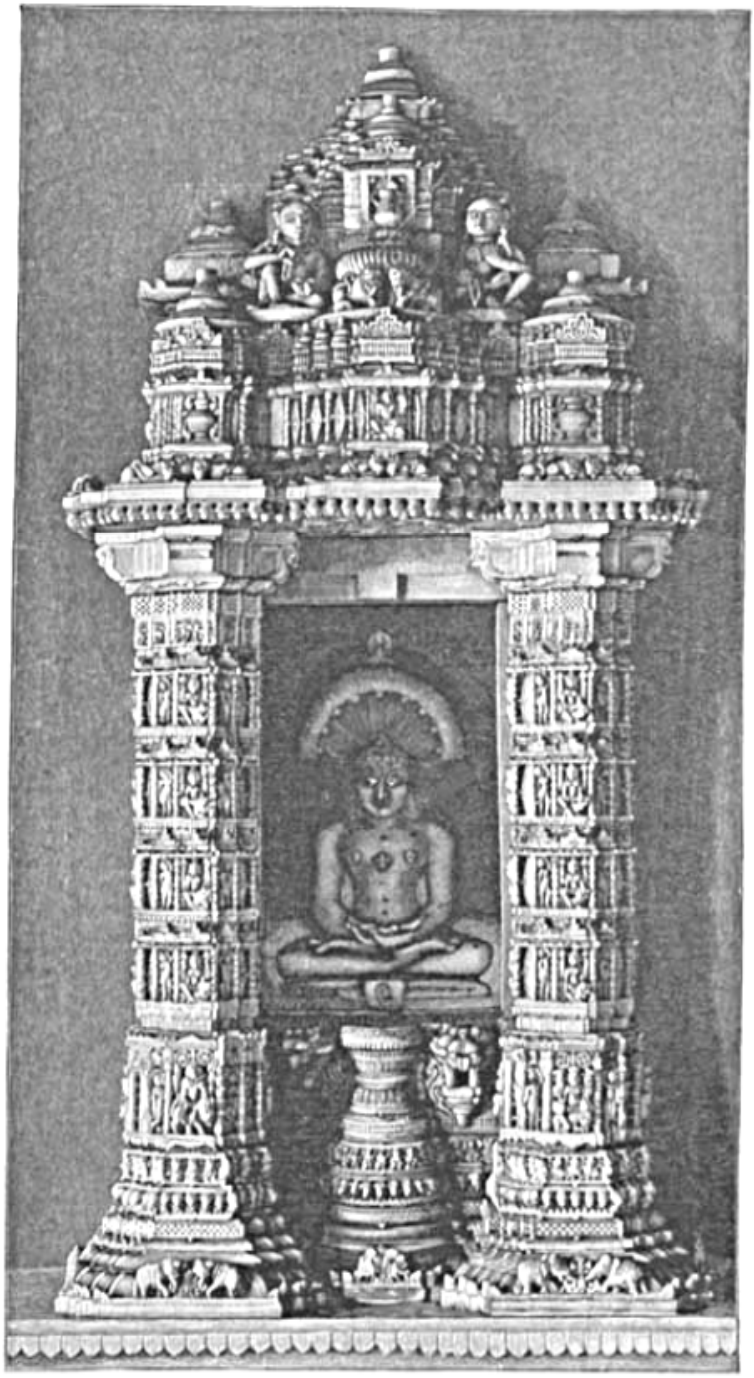
Коляски Ихъ Высочествъ, проѣхавъ «дэлійскими» городскими воротами, по дорогѣ въ лагерь поворачиваютъ направо, — за высокую каменную ограду — въ широкій усаженный деревьями и хорошо вымощенный дворъ, откуда направляется тропа налѣво, къ оригинальному крыльцу, у джайнской кумирни, построенной въ 40-хъ годахъ на весьма значительныя средства (до милліона рублей), отпущенныя мѣстнымъ богачемъ Хати Сингомъ. Надъ созданьемъ ея потрудился художникъ Прэмчандъ Сэлатъ, который, хотя и пытался придать сооруженію — въ отношеніи стиля и орнамента — всѣ характерныя свойства, вообще присущія преимущественно джайнской архитектурѣ и скульптурѣ, но къ несчастью не въ состояніи былъ приблизиться къ идеалу прежнихъ памятниковъ однороднаго зодчества. Тѣмъ не менѣе, всматриваясь въ этотъ храмъ, убѣждаешься, что гуджератскіе каменьщики и рѣзчики до сихъ поръ еще сохранили или, точнѣе, силятся сохранить традиціи древняго индійскаго творчества.

Въ кумирню нельзя войдти, не снявъ сапогъ или не надѣвъ поверхъ обуви нѣчто вродѣ синихъ бархатныхъ полусапожекъ. Таковъ туземный законъ. Туфли, приготовленныя для Высокихъ посѣтителей, уже лежатъ у порога. Взоръ разсѣянно скользитъ по миѳологическимъ фигурамъ, высѣченнымъ вдоль стѣны и преддверья, и по стройному ряду столбовъ, украшающихъ притворъ и крыльцо. Гладко отполированный камень ведетъ во внутрь сравнительно небольшаго капища, гдѣ на алтарѣ возсѣдаетъ закутанный въ покрывало «Джинъ», т. е. мудрецъ, достигшій освобожденія отъ всякихъ земныхъ узъ, благодаря побѣдѣ духа надъ страстями и грѣшными стремленіями. Кумирня посвящена Дхарманату, одному изъ 24 главныхъ джайнскихъ «святыхъ», называемыхъ Тиртанкарами. Существованіе этихъ легендарныхъ лицъ, по преданію, обставлено было всевозможными чудесами, возвѣщалось человѣчеству множествомъ предсказаній, преисполнено тайны и поэзіи. Согласно священнымъ книгамъ общины индусовъ, вѣрующихъ въ Джиновъ, послѣдніе считались и считаются своего рода міроправителями (Чакравартинъ), которые, хотя и отрѣшены въ данное время отъ суетныхъ помысловъ и вторженія въ смуту земной жизни, но тѣмъ не менѣе въ свое время прошли (въ качествѣ тварей, демоновъ и боговъ) черезъ нескончаемую вереницу болѣе или менѣе тяжкихъ и свѣтлыхъ, мучительныхъ и счастливыхъ перерожденій, раньше достиженія высокой степени совершенства и непогрѣшимости. Каждый Джинъ прежде чѣмъ уйдти въ Нирвану (или, какъ джайнисты выражаются въ Мокшу, блаженнѣйшее загробное бытіе) непремѣнно родится въ благородной семьѣ касты воиновъ, — но отнюдь не въ другой, потому что даже рожденіе въ браминской средѣ было бы для него своего рода униженіемъ.

Джайнская религіозная община, въ ея средневѣковомъ и современномъ составѣ, сложилась преимущественно изъ раджпутскихъ элементовъ, которые (подъ натискомъ ислама, чувствуя себя выбитыми изъ колеи и не будучи въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе прежними занятіями независимо-боеваго характера) постепенно перешли къ предпріимчивости торговой и, отличаясь богатыми дарованіями, вскорѣ пріобрѣли въ цѣлой Индіи (или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея важнѣйшихъ областяхъ) выдающееся значеніе какъ милліонеры-купцы, какъ сборщики податей, ростовщики и т. п. Джайнистамъ до того казалось невозможнымъ допустить, чтобы какой-нибудь Джинъ воплотился не въ родѣ кшатріевъ, а въ иной кастѣ, что съ однимъ такимъ «побѣдителемъ плоти» въ моментъ зачатія случилось даже чудо — а именно: когда онъ зародился у матери-браминки, богъ Индра впалъ въ крайнее негодованіе и не находилъ словъ выразить, до чего подобная аномалія противна законамъ природы и духа. Дабы парализовать несчастную случайность, тотъ же Джинъ, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ, зачался и у одной парицы, которая

разрѣшилась имъ въ Декканѣ. Мальчикъ оказался послѣднимъ изъ 24 Джиновъ, явился на свѣтъ подъ именемъ Махавира (въ VI или V столѣтіи до Р. Х.) и рожденіе его ознаменовалось событіями вѣщаго характера. Обѣ женщины, беременныя Джиномъ, видѣли четырнадцать сновъ, изъ коихъ каждый превосходилъ предъидущій сокровенностью и знаменательностію, служа такъ-сказать неопровержимымъ доказательствомъ, что въ близкомъ будущемъ люди узрятъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное существо; 108 мудрѣйшихъ старцевъ истолковывало подобные сны; браминскій богъ богатства — Кувера прибылъ со всѣми своими слугами и разными духами, живущими въ нѣдрахъ земли, въ тотъ дворецъ, гдѣ ждали рожденія Махавиры.

Въ этотъ достопамятный день настоящій дождь золота, серебра, алмазовъ, ожерелій и нѣжныхъ благоухающихъ цвѣтовъ посыпался на чертогъ, гдѣ воплотился Джинъ. Онъ вступалъ въ міръ, окруженный цѣлымъ штатомъ главныхъ индійскихъ боговъ, при радостныхъ кликахъ населенія.



ИЗОБРАЖЕНІЕ ДЖИНА.

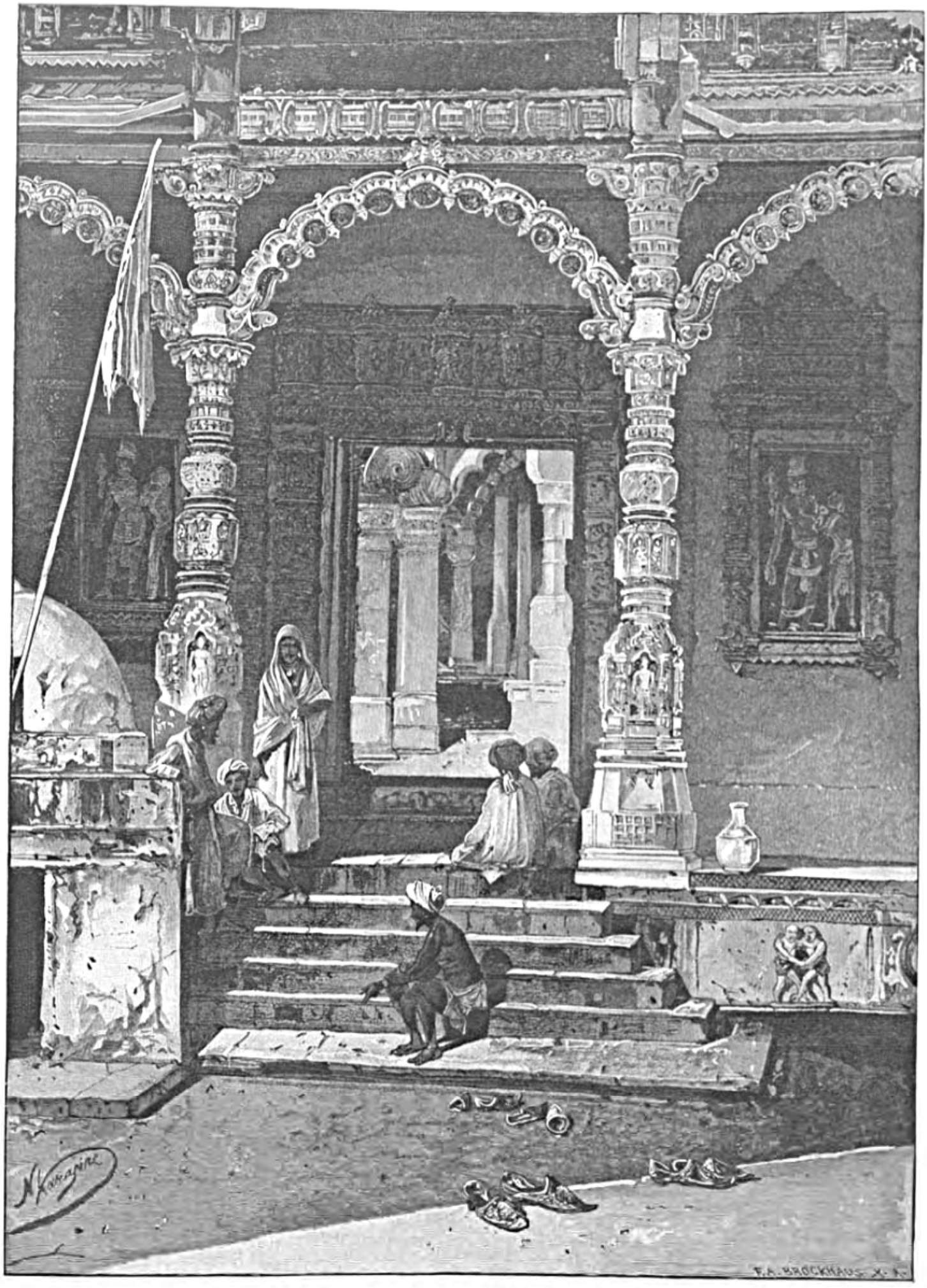
Задолго-задолго до того, Махавира былъ благочестивымъ поселяниномъ, за добродѣтель взятымъ на небо, но возродился потомъ браминомъ, чувственнымъ и суетнымъ, что, очевидно, мѣшало прогрессировать въ ряду существъ. Ставши какъ-то индійскимъ княземъ, будущій праведникъ по злобѣ убиваетъ одного изъ своихъ придворныхъ, и въ наказаніе попадаетъ въ адъ, послѣ чего еще долженъ пробыть нѣкоторое время въ тѣлѣ льва. Извѣдавъ немало различныхъ послѣдующихъ скитаній, душа Махавиры ищетъ воплощенія въ образѣ царя и онъ благополучно правитъ 2,800,000 лѣтъ; наконецъ, когда ему міръ становится противнымъ, прежній владыка впадаетъ въ аскетическое настроеніе, и кается, и борется съ собою въ теченіи 10 милліоновъ годовъ, за что уподобляется Индрѣ. Но, вознесясь къ жилищамъ древняго громовержца, Махавира даже тамъ, среди райскихъ обителей, не способенъ возгордиться — омываетъ собственноручно кумиры предшествовавшихъ Джиновъ, приноситъ имъ въ даръ благовонія и путемъ неусыпнаго бдѣнія надъ своимъ внутреннимъ міромъ достигаетъ возможности родиться въ послѣдній разъ. Въ окончательной, совершенной оболочкѣ Махавира съ дѣтства прилежно учится и ростетъ добрымъ, кроткимъ, послушнымъ, трудолюбивымъ.

Хотя и предназначенный для осуществленія высшихъ цѣлей бытія, онъ отнюдь не желаетъ огорчать родителей отреченіемъ отъ престолонаслѣдія и самопогруженіемъ въ бездны индійской премудрости; нѣтъ, онъ — напротивъ — живетъ обыкновенною жизнью царевичей: въ извѣстномъ возрастѣ женится, предводительствуетъ войсками, безпрекословно исполняетъ всѣ желанія отца и матери. Когда же они однако умираютъ, Махавира вдругъ сознаетъ, что ничто на землѣ до сихъ поръ его не могло удовлетворить, и уходитъ на подвигъ, на рѣшительную борьбу съ самимъ собою. Боги, люди, демоны съ музыкой провожаютъ его, покидающаго стогны родной столицы. Путь его усыпанъ цвѣтами, отовсюду слышатся клики: «джая, джая! побѣда, побѣда!» Выйдя изъ своего царскаго паланкина, снявъ съ себя богатые покровы и украшенія, Джинъ надѣваетъ скромную одежду, принесенную ему Индрой, отпускаетъ отъ себя всѣхъ сопровождающихъ царедворцевъ и начинаетъ умерщвлять въ себѣ плоть, нѣсколько дней подъ рядъ не прикоснувшись ни къ единой каплѣ воды. Мало-по-малу даже рубище кажется ему излишнимъ, — собственное тѣло ему сперва ненавистно, потомъ безразлично: ни вѣтеръ ни дождь, ни холодъ, ни жаръ — ничто на него не дѣйствуетъ. Равнодушный безусловно ко всему, что составляетъ для простыхъ смертныхъ предметъ утѣхи или страданія, замкнувшись въ продолжительнѣйшее молчаніе, исключительно думая о сложнѣйшихъ вопросахъ и тайнахъ жизни и смерти, Махавира чувствуетъ себя наконецъ подготовленнымъ выступить съ проповѣдью. Двадцать девять лѣтъ подъ рядъ онъ обходитъ индійскіе «грады и веси». Число учениковъ и сторонниковъ ростетъ у него не по днямъ, а часамъ: и брамины, и буддійскіе мудрецы вступаютъ съ нимъ во вражду и споры. Джайнизмъ пускаетъ корни въ населеніи и принимаетъ тѣ основныя формы, которыя удерживаются имъ еще и до нашихъ дней.

Кумирня, въ которую вошли Ихъ Высочества, почти пуста. Только четыре привратника (въ видѣ любопытнаго факта нельзя не отмѣтить, что таковыми — для омовенія джайнскихъ изображеній и наблюденія за чистотой — обыкновенно нанимаются члены браминской касты) точно тѣнь слѣдуютъ за нами, — да двѣ-три женщины изъ простонародья, съ цвѣтами въ рукахъ, въ умиленіи поглядываютъ на алтарь, гдѣ возсѣдаетъ Джинъ: ему въ сущности не нужны ни приношенія, ни моленья. Міряне («шраваки», слушатели) сами себя такъ-сказать успокоиваютъ, чествуя отрѣшенное отъ желаній всесовершеннѣйшее существо.

Въ Индіи насчитывается значительно болѣе милліона послѣдователей джайнской религіи. Въ зародышѣ оно существовало (какъ уже сказано) нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и, можетъ быть, даже до зарожденія «исторической» буддійской общины. Когда послѣднюю, по достиженію ею на родинѣ разцвѣта и могущества, — отчасти поколебало браминство и жестоко потѣснилъ исламъ, джайнисты (приблизительно съ VI на IX вѣкъ нашей эры) внѣшнимъ образомъ, въ свою очередь, сдѣлали много уступокъ религіознымъ обычаямъ индуизма.

Сколько-нибудь характернымъ основателемъ толка, — какъ чего-то уже до извѣстной степени опредѣленнаго — считается въ древности Парсванатъ (подобно Буддѣ — изъ княжескаго рода, и выросшій въ «священномъ» Бенаресѣ). Живя аскетомъ, скудно одѣваясь, онъ — при всемъ своемъ подвижничествѣ — не пріобрѣлъ особеннаго вліянія на народъ. Ученики Джина пребывали въ полунеизвѣстности, до появленія среди нихъ, черезъ 250 лѣтъ, выдающагося вождя Махавиры (что буквально значитъ «великій герой»). Буддійскія преданія, тибетскія книги до сихъ поръ упоминаютъ о непріязни нежду послѣдователями Шакья-Муни и «злыми еретиками-ниргрантами» (т. е. древнѣйшими джайнистами),



У ВХОДА ВЪ ДЖАЙНСКУЮ КУМИРНЮ.

которыхъ послѣдній ихъ учитель, между прочимъ, обязалъ (изъ презрѣнія къ человѣческимъ предразсудкамъ) ходить обнаженными.

Англичане естественно воспретили, насколько возможно, такую вольность и теперь многіе ревнители раздѣваются, только садясь за ѣду, но большинство джайнистовъ уже не считаетъ для себя обязательнымъ этотъ стародавній обычай.

Джайнское ученіе гласитъ, что жизнь не имѣетъ ни начала ни конца.

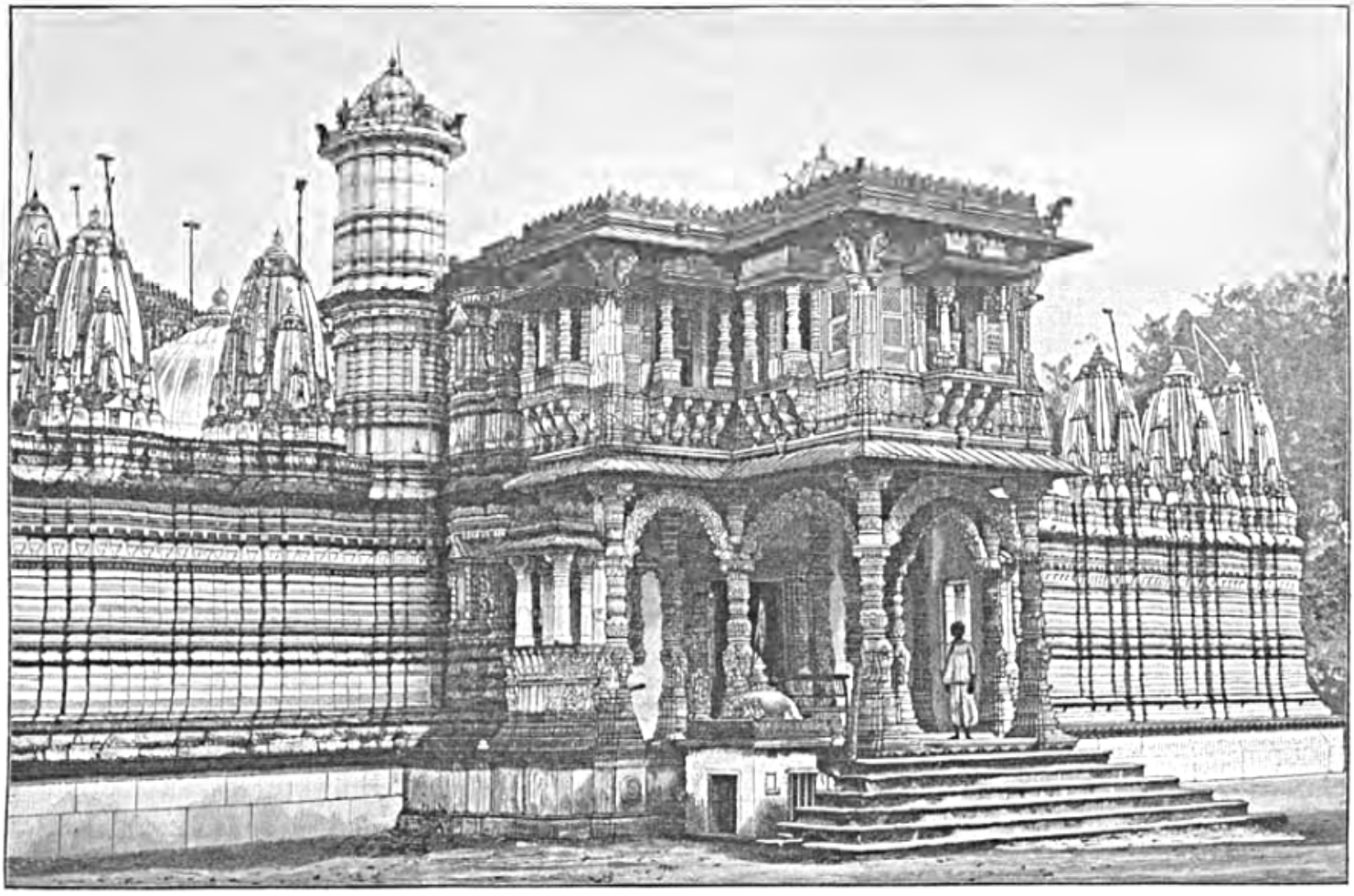
Безчисленныя души осквернены веществомъ и соблазномъ, то погрязаютъ все ниже и ниже, то совершенствуются, достигая блаженства въ небесахъ. Но послѣднее состояніе еще не представляетъ цѣли для мудреца. Ему должны стать безразличны и небо, и земля, и адъ: страданія и радость, добро и зло, столь условно понимаемыя человѣчествомъ, всѣ тайны, прелести и обольщенія жизни, постепенно теряютъ въ глазахъ Джина когда-то присущее значеніе. Онъ до смерти обращается какъ-бы въ изваяніе, съ недвижимымъ безстрастнымъ ликомъ взирающее на міръ. И такому вдругъ воплощенію отрѣшенности отъ праха служатъ и молятся, стремятся угождать въ помыслахъ и дѣлахъ благотворительности тучные, расплывшіеся, плосколиціе купцы-джайнисты, которыхъ мы уже видѣли такое множество на нашемъ пути!

Они наиболѣе боятся хоть и невольно убить что-либо живое, вѣерами обмахиваютъ сидѣніе раньше, чѣмъ на него опуститься, и т. д. и т. д. Здѣсь, въ Ахмедабадѣ, у нихъ при «панджрапалѣ», убѣжищѣ для животныхъ, есть, судя по разсказамъ, особый уголокъ, гдѣ кормятся паразиты-насѣкомые, причемъ, по собственному почину или за плату, иной туземецъ подвергаетъ себя пыткѣ высидѣть ночь среди кишащихъ на немъ вшей и однородной мерзости. Правда, его предварительно дурманятъ, чтобы, лишившись терпѣнія, онъ не вздумалъ давить своихъ маленькихъ кровожадныхъ мучителей.

По бокамъ отъ центральнаго кумира, украшеннаго драгоцѣнностями, расположены еще два сходныхъ съ нимъ Джина. Вдоль галлереи, окружающей цѣлый дворъ — за главнымъ алтаремъ на каждомъ шагу — часовенки, въ которыхъ сумрачно высятся изъ-за рѣшетчатаго уединенія небольшія фигуры различныхъ джайнскихъ «святыхъ», которые отличаются другъ отъ друга исключительно эмблемами (чинха), какъ-то: черепахой, носорогомъ, слономъ, лошадью, змѣей, ланью, быкомъ, обезьяной, луной, магическимъ жезломъ (ваджрою), лотосомъ, раковиной, кречетомъ и т. п. знаками, выгравированными на пьедесталѣ всѣхъ этихъ изваяній, застывшихъ въ позѣ созерцающаго или ожидающаго милостыни Будды. Надъ куполами миніатюрныхъ капищъ посвѣчиваютъ странныя копьеобразныя острія, вродѣ громоотводовъ.

Августѣйшіе путешественики направляются широкой тѣнистой дорогой, ведущей въ губернаторскій загородной станъ. Прежде, когда Ахмедабадъ утопалъ въ зелени, многія предмѣстья были столь же богаты деревьями, какъ и принявшая наши коляски красивая аллея, соединявшая средневѣковой кремль съ Шахи-багомъ (дачей-дворцемъ, созданьемъ роскоши и прихоти Моголовъ). Согласно преданію, гдѣ-то тутъ по близости во первыхъ — одинъ мрачный надмогильный памятникъ, куда въ извѣстные дни приходитъ самъ Сатана, а во-вторыхъ — еще ограда удивительнаго кладбища, явившагося въ силу необычайнаго чуда четыреста лѣтъ тому назадъ: мусульманскій подвижникъ, Хазретъ Муза

Сухагъ, молитвами спасавшій Гуджератъ отъ засухъ, до того страдалъ, видя себя вѣчно окруженнымъ то богомольцами, то любопытными, что одѣвался женщиной и кутался въ покрывало. Чувства нелюдимости и глубокаго смиренія усугубились, когда султанъ лично явился какъ-то разъ просить «святаго» о заступничествѣ передъ Всевышнимъ. Муза сталъ горячо молить, чтобы земля скрыла его въ своихъ нѣдрахъ и вдругъ! дѣйствительно началъ въ нее опускаться. Правитель приказалъ рыть почву, гдѣ дервишъ исчезъ, но его голова неожиданно показалась на поверхности въ совершенно другомъ мѣстѣ и тоже ушла внизъ. Принялись копать и тамъ, смотрятъ: — Муза ростетъ изъ новаго наслоенія. Такъ повторилось раза четыре. Тогда царь воскликнулъ: «надо принести въ даръ цвѣты у великой могилы!» Муза опять появился и запретилъ это дѣлать.



ДЖАЙНСКОЕ КАПИЩЕ.

Пять гробницъ отмѣчаютъ, гдѣ онъ выходилъ изъ-подъ земли. Старое вѣтвистое дерево «чампа», около нихъ, поднесь увѣшивается стеклянными браслетиками. Жертвуютъ преимущественно женщины, жаждущія материнства. Если вѣтви какъ-бы сами собой наклоняются и какъ-бы нанизываютъ на себя приношеніе, въ этомъ видится доброе предзнаменованіе.

Послѣдователи Музы носятъ женское платье и кольца въ ноздряхъ.

Группа палатокъ въ губернаторскомъ лагерѣ не велика, расположена полукругомъ вдоль широкаго изгиба шоссе, обрамлена газономъ, по которому тянутся цѣлыя гирлянды фонариковъ, и неуклюжими останками какихъ-то древнихъ построекъ. Шатры Ихъ

Высочествъ составляютъ средоточіе маленькаго искусственнаго стана, жить въ каковыхъ англичане привыкли въ Индіи (и при холодѣ, и въ жару).

За обѣдомъ (сегодня, надо напомнить, здѣсь и на Западѣ празднуется Новый годъ) въ центральной «шаміанэ», гигантской гостиной-столовой изъ тканей — много гостей (все представители мѣстнаго европейскаго общества) и, между прочимъ, французскій художникъ Моро съ женой, пріѣхавшій сюда набираться свѣжихъ и яркихъ впечатлѣній. Одно только пугаетъ на этомъ Востокѣ нашихъ артистовъ: современная живопись, въ лицѣ ея талантливѣйшихъ представителей fin du siècle, слишкомъ ищетъ реализма, котораго окружающая насъ тутъ

НА ОЗЕРѢ КАНКАРІИ.

дѣйствительность не признаетъ, будучи тѣмъ не менѣе сама смѣсью жгучихъ красокъ, чувственныхъ образовъ, — отчасти грубыхъ и рѣзкихъ, а подчасъ даже и чудовищныхъ очертаній. Иностранецъ, желающій проникаться правдою сложной туземной жизни и однородной съ нею природы (ради возсозданія ихъ путемъ творчества), обыкновенно не въ состояніи проникнуться ими въ полной мѣрѣ, а такъ какъ пришлецы издалека (да еще особенно парижане!) на это, конечно, не способны, — то неотразимое вліяніе мѣстной красоты и мѣстнаго искусства должно по нимъ скользить, не входя въ ихъ плоть и кровь, ничего въ сущности не говоря ихъ сердцу и фантазіи. Когда-то Западъ дозрѣетъ или

точнѣе разовьется до знанія и оцѣнки отсталаго Востока?! Безъ нея же и художественное проникновеніе въ его чары и тайны недостижимо.

Поздній вечеръ. Скоро десять. Августѣйшіе путешественники изъявили согласіе совершить довольно продолжительную прогулку въ коляскахъ на озеро «Канкарія» близь города, носящее это названіе отъ слова «kankar», известнякъ, въ которомъ при Кутбуддинъ-шахѣ, около 1450 г. искусственно создался значительнѣйшій въ Индіи водоемъ, — имѣющій до $1^{3}/_{4}$ версты въ окружности, — съ великолѣпнымъ кіоскомъ и садомъ по серединѣ, куда съ высокаго берега до сихъ поръ ведутъ лѣстница и каменный мостъ, въ данное время залитые огнями иллюминаціи, подобно всему окрестному парку, разукрасившемуся въ честь Сѣвернаго Гостя.

Дорога сюда изъ лагеря — очень пыльная. Правда, что цѣлыя толпы туземцевъ съ радостнымъ шумомъ бѣгутъ за Великокняжескимъ экипажемъ. При Моголахъ Ахмедабадъ иронически именовали «Гардабадъ» (городъ пыли). Теперь, вечеромъ, это прозвище невольно приходитъ на память.

У спуска къ озеру горятъ и переливаются надписи надъ аркой: буквы «N. A.» и черезчуръ уже лаконическое привѣтствіе «пожаловать»! Группы разодѣтыхъ инородцевъ живописно расположились вдоль широкаго помоста, соединяющаго побережье съ островомъ, пламенѣющимъ какъ-бы въ нѣкоторомъ отдаленіи. Но въ дѣйствительности онъ близокъ. Ихъ Высочества, въ сопровожденіи губернатора и свиты, быстро переходятъ на него, подымаются на просторную кровлю прежняго увеселительнаго павильона, любуются рѣдкимъ зрѣлищемъ, представляемымъ темною сонною влагой, оттѣненной еще болѣе сумрачнымъ покровомъ отовсюду надвигающагося лѣса, среди которыхъ змѣится, и вьется, и трепещетъ изящными бѣлыми линіями: то нескончаемая вереница фонариковъ на деревьяхъ, то веселая вспышка фейерверка, то отражающіеся въ глубоко прозрачной водѣ переливы свѣта, бѣгущаго въ полнѣйшую тѣнь и нигдѣ ее не обрѣтающаго. Ярко иллюминованныя лодки тихо плывутъ надъ озеромъ здѣсь и тамъ. На особыхъ плотахъ сверкаютъ пирамидки плошекъ. Дебелые парсы съ любопытствомъ окружаютъ насъ на верхней платформѣ удачно задуманнаго кіоска и даже не смотрятъ на безпокойную стихію, которая имъ такъ свята и дорога, — на праздникъ огня, устроенный въ память посѣщенія Ахмедабада Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

ДЖОДПУРЪ И АДЖМИРЪ.

Пятница, 21 декабря (2-го января).

Начиная отъ полудня, въ главной парадной палаткѣ развертываются тюки, снуютъ носильщики, туземные купцы выкладываютъ разнообразный товаръ, рѣдкостными восточными издѣліями наполняется импровизированный базаръ, — въ двухъ шагахъ отъ ставки Его Императорскаго Высочества.

Столица Гуджерата, гдѣ мы все еще находимся (отъѣздъ назначенъ въ 4 часа 20 минутъ), издавна славится ремеслами и артистическимъ вкусомъ кормящагося ими населенія. Когда-то тутъ жили чуть-ли не лучшіе мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, лучшіе ткачи, рѣзчики (на деревѣ, камнѣ и изъ слоновой кости) и т. п. Спросъ на всѣ издѣлія былъ громадный, во-первыхъ ради вывоза во внутрь страны и за море, — чего теперь нѣтъ, такъ какъ наплывъ дешевыхъ вещей съ Запада убиваетъ мѣстныя производства, а во-вторыхъ, благодаря пышности, которою любили обставляться индійскіе дворы и вельможи, что въ данное время тоже не соотвѣтствовало бы средствамъ большинства именитѣйшихъ туземцевъ: прежде деньги зачастую безмѣрно взимались съ народа, но оставались въ Индіи — нынѣ налоги на видъ гуманнѣе и легче, однако богатства края мало по малу изсякаютъ или уходятъ на чужбину, высасывающую съ пассивнаго Востока его жизненные соки, наводняющую его худшими предметами своей промышленности, подрывающую общее благосостояніе инородцевъ, которые на взглядъ и счастливы, и довольны, и ограждены отъ старыхъ внутреннихъ неурядицъ.

Оговорюсь на примѣрѣ. Бародскій Гэкваръ, занимая болѣе независимое положеніе, ежегодно покупалъ въ Ахмедабадѣ одного шелка и сукна на 800,000 рублей. Съ той минуты, какъ блескъ этого маратскаго князя сталъ меркнуть, гуджератскіе торговцы отчасти лишились почвы подъ ногами. Иные искуснѣйшіе ремесленники остаются совершенно безъ работы или же влачатъ жалкое существованіе. Новѣйшій серьезный историкъ Гуджерата (Sir Edward Clive Bayley), по странной случайности бывшій родомъ изъ С.-Петербурга, сознавалъ, насколько это ненормально, и призывалъ соотечественниковъ-англичанъ обратить вниманіе на естественный, но роковой упадокъ ремеслъ въ нѣкогда цвѣтущемъ

краю. На извѣстной «Colonial and Indian Exhibition», а потомъ и на Глазгоусской международной выставкѣ, и на Берлинской спеціальной «Ausstellung indischer Kunst-Gegenstände» въ 1881 г. раздавались авторитетные голоса за поддержку индійскаго художественнаго производства.

Ахмедабадское купечество принесло на продажу въ губернаторскій лагерь множество самыхъ разнохарактерныхъ вещей (между прочимъ, немало и всякой дряни).

Рядомъ съ тонкой и нѣжноцвѣтной «шалью» («шала» по санскр. означаетъ «полъ» или «комнату», обыкновенно увѣшивавшуюся тканями), покупателю улыбается дивно исполненная рѣзьба вдоль шкатулки чернаго дерева или на крышкѣ благовоннаго сандальнаго ящичка. Фигурки боговъ, хитросплетенія листвы, каррикатурныя подобія крупныхъ животныхъ, — все сюда переселилось подъ импульсомъ узкаго по своему горизонту туземнаго творчества. Прочный коверъ, изготовляемый заключенными въ здѣшній тюремный замокъ, свободно умѣщается бокъ о бокъ съ холоднымъ оружіемъ, у котораго безподобный клинокъ блистаетъ дорогою насѣчкой. Уродливая ширма, съ нарисованнымъ на ней цѣлымъ языческимъ пантеономъ, ничуть не пугаетъ размѣрами маленькіе изящные костяные ножи для разрѣзанія бумаги, продающіеся (тутъ же около) сидящимъ на корточкахъ невозмутимо-спокойнымъ индусомъ. Остальные купцы этимъ качествомъ не отличаются и страшно надоѣдаютъ приставаніемъ. Надо, впрочемъ, имъ отдать справедливость, — что пока еще у нихъ есть чѣмъ похвастаться. Однѣ шитыя золотомъ и серебромъ шелковыя матеріи (Kincob) что за восторгъ! Нити драгоцѣнныхъ узоровъ положительно спорятъ красотой съ зеленымъ и краснымъ отливомъ убраннаго цвѣтами и тварями фона. Знатоки установляютъ тождество между характеромъ этихъ роскошныхъ издѣлій и отличительными признаками столь прославленныхъ на Западѣ (въ средніе вѣка) сицилійскихъ вышивокъ, искусство изготовленія которыхъ принесено арабами изъ разрушеннаго царства Сассанидовъ. Вожди ислама вѣдь даже въ Испанію пересадили цѣлыя колоніи иранцевъ! Нѣтъ ничего удивительнаго, если среди послѣднихъ насчитывались и ремесленники изъ Индіи.

Орнаментировка тканей въ Ахмедабадѣ въ высшей степени любопытна. Всюду пробивается, какъ-бы отъ избытка силъ, водометомъ листьевъ и развѣтвленій излюбленное восточными художниками «древо жизни», аналогичное съ тѣмъ, что высѣчено на мраморѣ среди развалинъ Ниневіи. Оно произростаетъ изъ вазъ, оттѣняемыхъ мягкимъ цвѣтомъ свѣтлаго шелка, по которому онѣ вытканы, окруженныя жизнерадостными красными попугаями и волнистыми стеблями лилій. Оторвешься отъ созерцанія этой тончайшей работы, и видишь у ногъ еще болѣе кропотливую и неимовѣрно-добросовѣстную, а именно: мозаику, вкрѣпленную въ столики и сидѣнія, въ коробки для храненія перчатокъ, въ палки и т. п.

Отбывъ при салютѣ изъ Ахмедабада, Ихъ Высочества останавливаются въ 8 часовъ 15 минутъ на обѣдъ въ Паланпурѣ, гдѣ угощеніе предложено мѣстнымъ правителемъ, имѣющимъ титулъ «диванъ сахибъ». Онъ — мусульманинъ, потомокъ авганскаго выходца при Моголахъ. Родъ его выдвинулся при императорѣ Акбарѣ (въ XVI столѣтіи). Диванъ (что собственно значитъ «верховный сановникъ») повелѣваетъ округомъ съ двумя стами тысячъ жителей.

За столомъ этотъ полураджа (по костюму и привычкамъ) сидитъ около Наслѣдника Цесаревича и видимо приходитъ въ радостное смущеніе, когда Его Императорское Высочество самолично предлагаетъ ему принять участіе въ обѣдѣ. Диванъ никогда не ѣстъ съ европейцами, но сегодня дѣлаетъ исключеніе, къ немалому удивленію присутствующихъ.

Въ 9 ч. 10 минутъ Великокняжескій поѣздъ трогается дальше. Въ вагонѣ душно и темно; ѣдкій запахъ цвѣтовъ, которыми паланпурскій князь увѣнчалъ своихъ гостей, проникаетъ весь воздухъ вокругъ и слегка кружитъ голову. Завтра мы будемъ въ Раджпутанѣ! Названіе это до такой степени чуждо и слуху, и заурядным познаніямъ европейца, что передъ вступленіемъ въ предѣлы этой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной страны нельзя не сдѣлать краткаго отступленія.

Многіе-ли на Западѣ читали, кто такое — раджпуты?

Историки и этнологи до сихъ поръ спорятъ по вопросамъ объ ихъ происхожденіи. Вѣрнѣе всего, что они — потомки почти неопредѣлимыхъ по племенному составу скиѳскихъ народностей, широкимъ моремъ разливавшихся между степнымъ югомъ не существовавшей Россіи и сѣверно-индійскими равнинами. Полчища наѣздниковъ, надвигавшихся сюда, — съ сѣвера, на берега Ганга, — быстро браманизировались, при сліяніи съ пришедшими ранѣе того воинами-арійцами, и въ виду своихъ исключительно боевыхъ наклонностей требовали зачисленія себя въ касту кшатріевъ, т. е. «благородныхъ» ратниковъ, гордившихся призваніемъ искусно владѣть оружіемъ, въ отличіе отъ прочихъ болѣе мирныхъ слоевъ населенія.

Главнымъ центромъ владычества новой рассы долго были: царственный Дэли и могущественный городъ Канауджъ. Будь они единодушны, мусульманство не такъ бы стремительно восторжествовало въ языческой Индіи; но обычная среди раджпутовъ рознь погубила ихъ князей и населеніе. Дэли обратился въ очагъ пришлаго ислама; потомки же славнаго канауджскаго махараджи ушли въ изгнаніе, на края суровой пустыни Марваръ, къ которой мы въ эту ночь все ближе и ближе придвигаемся. Послѣднее наименованіе значитъ «область смерти» и пріурочивалось съ давнихъ поръ къ огромнымъ пустырямъ, охватывающимъ часть внутренней и сѣверной Индіи. Раджпутскіе пѣвцы подъ сокращеннымъ словомъ Мару подразумѣваютъ только владѣнія, объединенныя подъ властью Джодпура, куда вышеупомянутые изгнанники переселились и гдѣ разцвѣлъ особый міръ, съ оригинальнѣйшей исторіей, разнообразнѣйшими преданіями, горячимъ пыломъ и блескомъ старины. Пришельцы прозвали себя «раторами» — отъ «ратъ», спины бога Индры, который считается такъ-сказать ихъ общимъ праотцемъ. Вдадыки этого избраннаго воинственнаго племени возводятъ еще кромѣ того свои генеалогическія записи до лучезарнаго героя Рамы, въ связи съ чѣмъ и раджпутскіе витязи не прочь величать себя «равудъ-ванза» или «сурія-ванза» (дѣтьми солнца). Туда-то именно, въ ихъ странную столицу, и лежитъ нашъ ночной путь.

По Индіи вообще разсыпано множество раджпутскихъ элементовъ и существуетъ нѣсколько удѣловъ бо́льшей или меньшей величины. Важнѣйшимъ, по чистотѣ крови и глубоко патріотическому одушевленію, признается Мейваръ, съ малоприступной твердыней Удейпуръ, куда мы не заглянемъ. Выдающуюся роль въ экономическомъ отношеніи играетъ Джейпуръ, включенный въ маршрутъ Наслѣдника Цесаревича. Насколко первое княжество издревле славилось непоколебимымъ мужествомъ своихъ сыновъ, настолько второе скорѣе отличалось изнѣженностью и податливостью обитателей, параллельно со стремленіями къ матеріальному совершенству.

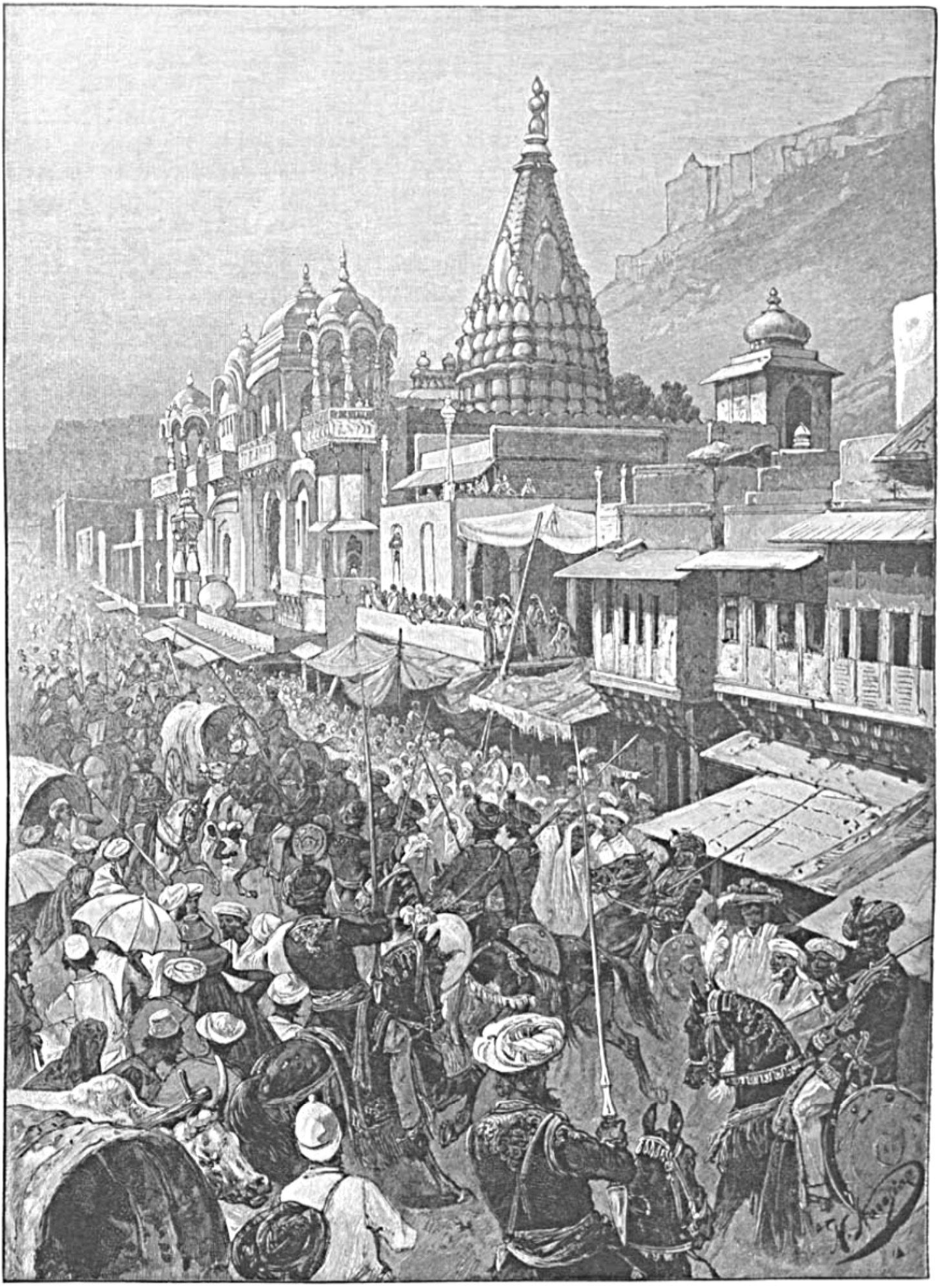
Раджпутскіе витязи историческихъ временъ, съ ихъ вѣчной экзальтаціей и мистическимъ міросозерцаніемъ, стоятъ совершенно отдѣльно въ жизни роднаго полуострова. Около каждаго изъ нихъ легенда сливаетъ свои лучи въ таинственный ореолъ. Что ни подробность, то пища для цѣлой поэмы. Немудрено, если мѣстные пѣвцы (по туземному «бардай») въ своихъ вдохновенныхъ твореніяхъ, составляющихъ богатую литературу, щедро

пользуются столь цѣннымъ матеріаломъ и въ назиданіе потомству создаютъ рядъ героическихъ типовъ, изъ коихъ одинъ другаго краше, одинъ другаго самобытнѣе. Конечно, умозрѣніе этихъ лицъ съ нашей европейской точки зрѣнія и дико, и мрачно, — но, когда ихъ представляешь себѣ въ рамкахъ индійскаго быта и борьбы съ безпощаднымъ внѣшнимъ врагомъ, всякая рѣзкая черта преображается въ нѣчто человѣчное и заслуживающее оправданія. Напр. одинъ раджа, жестоко тѣснимый мусульманами, ѣдетъ лишь въ сопровожденіи оруженосца въ непріятельскій станъ: князя туда впускаютъ, не зная, кто — онъ. Раджпутъ проситъ свиданія съ военноначальникомъ и, въ тотъ моментъ, что мусульманскій генералъ принимаетъ гостя въ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ жилища, случайно замѣчаетъ, какъ кошка, подкравшись на сосѣднемъ деревѣ къ птичкѣ, вмѣстѣ съ нею падаетъ внизъ. У неустрашимаго раджи тотчасъ зрѣетъ дерзкая рѣшимость сдѣлать тоже самое. Онъ хватаетъ иновѣрца за горло и увлекаетъ черезъ окно, причемъ оба падаютъ, — но раджпутъ, благодаря своей ловкости, убиваетъ врага, смявши его подъ себя, затѣмъ садится на коня и незамѣтно исчезаетъ. На утро малочисленные язычники идутъ въ атаку на сильнѣйшую армію завоевателей и она, лишенная главы, въ смятеніи бѣжитъ. Возьму другой примѣръ, свидѣтельствующій о подъемѣ духа въ средѣ раджпутскихъ родовъ. Какой-то князь, посѣщая другаго, удивляется, почему въ его городѣ не видно памятниковъ, которые принято ставить въ честь женъ, обрекшихъ себя на сожженіе при трупѣ мужа: «неужели у васъ не было вдовы изъ именитой семьи, гдѣ соблюденіе подобнаго обычая для женщины обязательно? Если такъ, то я готовъ сейчасъ же выдать сюда замужъ любимую сестру, чтобы она по смерти супруга взошла на его погребальный костеръ и показала, какъ презираетъ смерть доблестная дочь Раджпутаны!» Выше всего на свѣтѣ ставя коня и мечъ, почти такъ-сказать поклоняясь идеѣ войны и ничѣмъ неукротимой отваги, раджпуты и смерть — друзья. Возвращающихся съ поля битвы зачастую встрѣчаютъ жены бойцевъ, готовящіяся сгорѣть, въ случаѣ господинъ ихъ погибъ, — но раньше онѣ вопрошаютъ, какъ онъ сражался, многихъ-ли враговъ убилъ, подослалъ-ли подъ себя коверъ мертвыхъ вражескихъ тѣлъ. Если да (а вѣдь иначе и быть не можетъ!), вдовы радостно кидаются въ пламя на свиданіе съ дорогимъ усопшимъ, который уложилъ въ рукопашной свалкѣ столькихъ недруговъ, что вокругъ него самого въ минуту кончины некому было ни дивиться на храбреца, ни страшиться умирающаго.

Суббота, 22 декабря (3 января).

Рано утромъ Августѣйшіе путешественники, подъ грохотъ салюта, встрѣченные на джодпурской станціи самимъ махараджею съ его дворомъ и англійскимъ резидентомъ (такъ сказать совѣтникомъ-опекуномъ при туземномъ князѣ), и направляются въ устроенный для Нихъ обширный лагерь, слегка въ сторонѣ отъ города. Мѣстныя войска, — при звукахъ русскаго гимна, впервые гремящаго въ Раджпутанѣ, — привѣтствуютъ Его Императорское Высочество. Впечатлѣнія въѣзда въ его предмѣстья до того глубоки, что и записывать даже трудно, въ послѣдовательномъ порядкѣ, какія чувства и мысли всплываютъ въ расширяющемся сознаніи.

Джодпуръ! Настоящая, почти (можно сказать) доисторическая Индія, — та Индія, о которой каждый изъ насъ, невольно — безсознательно грезилъ на яву, читая отрывки изъ Рамаяны и Махабхараты, — тотъ индійскій строй, въ которомъ обрисовалась фигура легкомысленнаго Наля, съ его чисто славянскимъ характеромъ, и наряду съ тѣмъ удивила міръ идеальною самоотверженностью возвышенно-чистая княгиня Дамаянти.



УЛИЦА ВЪ ДЖОДПУРѢ.

Глубоко-религіозный и патріархальный бытъ этой старины зародился какъ разъ въ то время, когда мѣстная древность еще не знала подавляющаго владычества двухъ могущественныхъ и превозносимыхъ слѣпой массою боговъ, — мрачнаго Шивы и милосерднаго Вишну. Сейчасъ глазамъ открылась самобытно яркая Раджпутана, ничего не имѣющая общаго съ пестрымъ торговымъ Бомбеемъ или съ полумусульманскимъ — полудикимъ Декканомъ, мелькнувшимъ на нашемъ пути къ покинутымъ святынямъ Эллоры, — средневѣковая рыцарская Раджпутана, противъ которой столь долго и тщетно боролся, о которую такъ часто разбивался исламъ, утвердившійся однако въ Гуджератѣ. . . Неужели все это стало осязательно и доступно? Неужели въ теченіе послѣднихъ часовъ мы дѣйствительно, воочію увидимъ народъ и культуру, уцѣлѣвшихъ на грани міровыхъ переворотовъ, сохраняя чистоту крови и духовную неприкосновенность?

Владыка края, ведущій свое тщательно составляемое родословіе отъ солнца, отъ миѳическаго центральнаго героя древнѣйшихъ туземныхъ сказаній, только недавно покинулъ шатеръ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича. Стоило вглядѣться въ нѣсколько дикое, величаво-сосредоточенное лицо смуглаго красавца-князя, въ простомъ бѣломъ одѣяніи, — безъ всякихъ драгоцѣнныхъ украшеній, отличавшихъ сопровождающую его свиту, — стоило увидать, какъ онъ, при входѣ въ помѣщеніе Высокаго Гостя, скинулъ башмаки у порога и *босикомъ* прошелъ на отведенное ему почетное сидѣнье, и сразу пришлось почувствовать себя въ совершенно новой, негаданной, удивительной атмосферѣ.

Близко къ нашему лагерю подступаетъ грозная солончаковая пустыня, окаймляющая Джодпуръ. Отраженіе ея суровости какъ-бы застыло на воинственныхъ лицахъ пріѣзжавшаго съ махараджею конвоя. Онъ весь посвѣчивалъ золотомъ оружія и конскаго убора; копья и щиты отборныхъ всадниковъ горѣли и трепетали жаркимъ блескомъ дневнаго свѣтила; по всему стану, по мѣрѣ ихъ слѣдованія, распространялось какое-то тихое и радостное сіяніе. . . Они уѣхали, и надо привести въ порядокъ свои мысли, — въ ожиданіи момента, когда удастся глубже бросить взоръ на заманчиво-странныя условія окружающей жизни.

Джодпуръ тянется на разстояніи 350 верстъ въ длину и на 200 слишкомъ въ ширину. Изъ всѣхъ княжествъ Раджпутаны, которыя намъ предстоитъ посѣтить, онъ — самый большой по объему, но параллельно съ тѣмъ довольно скудно населенъ, насчитываетъ не свыше двухъ милліоновъ жителей и въ этомъ отношеніи занимаетъ второе мѣсто въ ряду индійскихъ государствъ древняго характера. Правитъ тутъ старшій потомокъ главы воиновъ племени раторовъ, пришедшихъ на рубежъ здѣшней пустыни въ исходѣ XII вѣка, изъ разрушающагося Канауджскаго царства (на сѣверѣ). Внукъ тамошняго послѣдняго властителя, по имени Сиваджи, сначала явился сюда съ дружиною, имѣя лишь въ виду посѣтить нѣкоторыя притягивающія индусовъ-богомольцевъ «святыни». Такъ какъ въ то время по сосѣдству съ однимъ городомъ развилось множество разбойниковъ, брамины упросили знатнаго пришельца заступиться за нихъ и сѣсть на княженіе въ округѣ. Сиваджи изъявилъ согласіе и постепенно утвердился въ чертѣ нынѣшнихъ джодпурскихъ владѣній, хотя столицею сперва продолжительно былъ другой пунктъ — Мандоръ (верстахъ въ шести отсюда) и, несмотря на необыкновенную храбрость, раторамъ далеко не скоро удалось точно означить предѣлы своей земли. Только въ XIV столѣтіи князь Чанда выказалъ особенную мощь, а внукъ его Джода въ 1459 г. перенесъ столицу на то мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, и далъ ей свое имя (пуръ или поръ по туземному значитъ городъ). Въ слѣдующемъ столѣтіи раторы начинаютъ вести ожесточенную борьбу противъ захватившихъ сѣверную Индію Моголовъ; но это, очевидно, ни къ чему не служитъ, такъ какъ силы неравны.

Дальнозоркій и обаятельный императоръ Акбаръ лаской старается привлечь джодпурскихъ раджпутовъ на свою сторону и, конечно, успѣваетъ. При этомъ, вопреки мусульманскому духу нетерпимости, члены дома Моголовъ (царевичи и цари) берутъ себѣ въ жены раторскихъ княженъ, не стѣсняя ихъ въ исполненіи обрядовъ родной вѣры, завоевывая себѣ симпатіи ихъ воинственно настроенной и способной на беззавѣтную преданность родни, пользуясь наконецъ ея боевыми услугами, какъ наилучшимъ орудіемъ для проведенія своей завоевательной политики на гигантскомъ индійскомъ полуостровѣ. И джодпурцы вѣрой-правдой служатъ императорамъ, чьихъ соли они вкусили, до самозабвенья жертвуютъ собой и бьются съ врагами царственныхъ Дэли и Агры. Старѣйшіе, до безумія гордые князья Раджпутаны нерѣдко ссорятся изъ-за этого съ унижающими якобы свой родъ владыками Джодпура, отказываютъ имъ въ брачныхъ союзахъ, пренебрегаютъ единовѣрцами, осмѣлившимися протянуть руку общему, коренному, ненавистному врагу, т. е. чужестранцу болѣе низкаго происхожденія и болѣе грубой религіи.

Только впослѣдствіе, когда среди потомковъ Акбара возвысился фанатичный, жестокій, коварный Аурангзебъ (погребенный въ знакомой намъ Родзѣ) — только тогда, благодаря опустошительному нападенію, произведенному этимъ Моголомъ на джодпурскія владѣнія, раторское племя (несчастное, обманутое и поруганное!) заслужило милость родовитѣйшихъ индійскихъ князей, и снова стали возможны браки между отдаленными другъ отъ друга враждою древне-аристократическими родами.

Вскорѣ исламъ потерялъ прежнюю грозную силу, но сравнительно малочисленнымъ раджпутамъ пришлось признать другую, тоже унизительную власть — власть маратовъ, которые хотя и были одномыслящими язычниками, но все же находились въ нѣкоторомъ понятномъ пренебреженіи у гордыхъ воиновъ, искони привыкшихъ первенствовать въ браминскомъ мірѣ.

Гваліорскій князь (Синдія) покорилъ Джодпуръ, обложилъ его ежегодной данью въ 600,000 р. и отнялъ у него богатый и укрѣпленный городъ Аджмиръ, куда мы отсюда поѣдемъ.

Въ 1803 г. англичане впервые вступили въ сношенія со здѣшнимъ правительствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ они простерли на княжество свой протекторатъ, а въ 1839 г. заняли городъ войсками. Около того времени старая династія угасла и пришлось выбирать властителя изъ младшей, побочной вѣтви (Идарской линіи, утвердившейся въ Гуджератѣ), вскорѣ дѣйствительно найденнаго и признаннаго туземными феодалами (такъ-называемыми «такурами»). Августѣйшіе путешественники теперь — въ гостяхъ у сына его, начавшаго править послѣ смерти отца, лишь съ 1873 г.

Правящій князь, еще смолоду при отцѣ, заботился о благоустройствѣ страны, уничтожалъ разбои; теперь же повсюду начинаетъ торжествовать правосудіе, подавлены междоусобія дворянъ, устроены правильныя почтовыя сообщенія, погашены займы, накоплена запасная казна, ассигновано свыше полутора милліона рублей на созданіе громаднѣйшаго искусственнаго озера и т. д. Махараджа вообще считается большимъ любителемъ техники, вѣчно занятъ сооруженіемъ водоемовъ, — въ которыхъ дѣйствительно нуждается населеніе; — при помощи инженера Хома провелъ въ свою столицу (хотя узкоколейную) желѣзную дорогу. До того сообщеніе съ этимъ центромъ было крайне затруднительно и рѣдко кто рѣшался проникать сюда на слонѣ или верблюдѣ при относительномъ бездорожьи и обязательномъ многоверстномъ переходѣ пустыней. Оттого-то, вѣроятно, про Джодпуръ почти ничего не писано и до смѣшнаго мало извѣстно въ европейской литературѣ.

ДЖОДПУРСКІЙ КРЕМЛЬ.

Утромъ, въ 8 часовъ, махараджа Джасвантъ Сингъ лично довезъ Е. И. Высочество съ вокзала до лагеря въ своей оригинально-старомодной, высокой и просторной коляскѣ (съ желтою обивкою), запряженной четверкою. Послѣ одиннадцати маленькій царь Марвара (гордо величаемый «раджъ раджъ ишвара» — царь царей), въ сопровожденіи резидента (полковника Powlett) и двухъ англійскихъ офицеровъ изъ свиты Наслѣдника Цесаревича, пріѣхалъ въ нашъ станъ съ визитомъ къ Ихъ Высочествамъ. Сверкающую драгоцѣнностями ближайшую родню хозяина-гостя (между знатными мѣстными раджпутами только одинъ братъ и министръ правителя — Sir Pertap Singh — одѣтъ по-европейски) усадили по старшинству на рядъ сидѣній, разставленныхъ vis-à-vis съ нашими, тогда какъ Августѣйшіе путешественники и махараджа сѣли рядомъ на особыя почетныя кресла, лицемъ ко входу въ палатку.

Согласно священному традиціонному обычаю, за обмѣномъ привѣтствій слѣдуетъ при прощаніи увѣнчать посѣтителей гирляндами цвѣтовъ (хотя бы искусственныхъ, перевитыхъ мишурою). Джасванта Синга, въ памятный для него сегодняшній день, собственноручно украшаетъ Первенецъ Бѣлаго Царя. Остальнымъ гостямъ одѣваетъ гирлянду на шею кн. Барятинскій. На спеціальномъ блюдѣ приносится «панъ» (исконное угощеніе въ видѣ тщательно свернутыхъ пахучихъ листьевъ и кусочковъ бетеля для жеванья).

Послѣ краткаго перерыва Ихъ Высочества въ свою очередь ѣдутъ въ загородный дворецъ махараджи отдать ему визитъ. При этомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и офицеры свиты — въ русской военной формѣ.

Внѣшность княжескихъ палатъ весьма невзрачна. Лишенное всякой восточной красоты угрюмое зданіе воздвигнуто на песчанномъ обнаженномъ пригоркѣ, огороженномъ сѣрою стѣной. Во дворѣ отдыхаютъ мохнатые буйволы. Крутой подъемъ ведетъ къ крыльцу, гдѣ у порога ожидаетъ вождь раторовъ. Онъ принимаетъ въ неуютной и съ пестрымъ безвкусіемъ убранной комнатѣ, въ которую свѣтъ падаетъ съ верхнихъ стѣнъ изъ-подъ потолка. Среди полуевропейской обстановки какъ-то еще рѣзче бросается въ глаза сумрачно-замкнутое лицо хорошо сохранившагося пятидесятилѣтняго махараджи съ черною какъ смоль густою бородою, красивыми чертами, никогда не преображаемыми улыбкой, строгой и благородной осанкой, — фигура, словно выдвинутая изъ мрака тысячелѣтій туземной древности олицетвореніемъ настоящаго индійскаго властителя и духовидца. Мѣстныя князья — всецѣло подъ вліяніемъ браминовъ и религіозныхъ умозрѣній и, не въ примѣръ простой массѣ, чаще будто бы посѣщаются небожителями, тѣнями предковъ и мудрыхъ жрецовъ, а также таинственными предзнаменованіями. Сыновья царственныхъ раторовъ ростутъ (или, по крайней мѣрѣ, росли въ старину) до полнаго возмужанія, въ отчужденіи отъ женщинъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ законоучителей. Изъ подобной школы, очевидно, должны выходить цѣльныя натуры, отмѣченныя всѣми стихійными качествами роднаго народа.

Глядя на современнаго махараджу, такъ и видишь передъ собой его великаго предка и тезку Джасвантъ Синга († 1678), который знаніемъ, могуществомъ и коварствомъ причинилъ не мало горести и обиды фанатичному Моголу Аурангзебу, пытавшемуся всячески задобрить ненавистнаго ему язычника, дружившаго съ его братомъ-соперникомъ. Императоръ назначилъ джодпурскаго князя вице-королемъ Гуджерата и генералиссимусомъ индійскихъ войскъ, отправлялъ его по временамъ съ одинаковымъ успѣхомъ и въ непокорный

Декканъ, и въ Авганистанъ, — но дикій раторъ не вѣрилъ двуличному Моголу и вѣчно ему старался вредить, пока наконецъ самъ не умеръ въ безутѣшной скорби, — вдали отъ Марвара, въ Кабулѣ, — славно прокняживъ сорокъ два года. Незадолго до того, среди снѣжныхъ вершинъ чужбины, скончались отъ походныхъ лишеній взрослые сыновья махараджи, а при дворѣ погибъ мучительной смертью его любимый многообѣщавшій сынъ Прити Сингъ, облекшійся въ *отравленный* почетный халатъ, присланный гордому раджпуту Аурангзебомъ.

Для характеристики правящаго съ 1873 г. джодпурскаго князя достаточно сказать, что у него есть духовникъ (гуру), обставленный большою пышностью; но вмѣстѣ съ тѣмъ особый дворецъ отведенъ еще духу прежняго брамина-наставника. Въ стѣнахъ страннаго чертога никто не живетъ: только въ главной залѣ золотой балдахинъ какъ-бы трепещетъ воздушною тканью надъ ложемъ давно почившаго.

Послѣ завтрака Ихъ Высочества направляются пустынною дорогой, изгибающейся къ крѣпости, стороной отъ города и лагеря. Здѣсь и тамъ мелькаютъ кумиры, вправленные въ скалу. Величественный утесъ съ его постройками, вознесшійся надъ Джодпуромъ, все ближе и ближе. Мы оставляемъ экипажи и пѣшкомъ подымаемся въ гору. Тутъ невольно приходится сдѣлать необходимое отступленіе.

Кто только ни распространялся о сожженіи вдовъ, бывшемъ прежде въ обычаѣ у индусовъ! Большинство авторитетныхъ голосовъ на Западѣ, конечно, враждебно относилось къ этому варварски ужасному обряду. Уступая общественному мнѣнію, англійскія власти постепенно положили препону и конецъ тому, что въ глазахъ народа долго считалось и возвышеннымъ, и священнымъ, и необходимымъ, но никогда не имѣло обязательной силы и преимущественно было такъ-сказать актомъ свободной воли овдовѣвшихъ.

Когда идешь по крутому подъему джодпурскаго величаваго кремля и видишь на воротахъ, окованныхъ желѣзными остріями (противъ натиска боевыхъ слоновъ), вдѣланныя въ камень серебряныя руки — когда видишь ихъ и знаешь, что это — эмблемы рукъ туземныхъ подвижницъ «сати», т. е. отдавшихъ себя пламени, чтобы соединиться съ любимымъ усопшимъ, — въ такія минуты извѣстное чуть-ли не со школьной скамьи о страшномъ обыкновеніи браминскаго міра съ необыкновенною ясностью представляется воображенію и рисуетъ обрядъ гораздо болѣе понятнымъ и человѣчнымъ, чѣмъ онъ издали казался по книгамъ, которыя далеко неполно истолковываютъ, почему та или иная женщина старой Индіи находила нужнымъ и неизбѣжнымъ слѣдовать за прахомъ мужа на костеръ.

Время зарожденія обычая трудно опредѣлить, но онъ во всякомъ случаѣ относится къ эпохамъ доисторическимъ. Названіе «сати» («вѣрная»), по видимому, получила впервые богиня Парвати, жена Шивы. Она добровольно сама себя сожгла, изъ-за огорченій, испытанныхъ мужемъ. Брамины долго пытались доказывать, что обрядъ былъ знакомъ еще ведаическому періоду, однако оріенталисты не находятъ ни одного текста, который бы служилъ этому подтвержденіемъ. Максъ Мюллеръ говоритъ, что всѣ письменныя доказательства, приводимыя индусскимъ жречествомъ въ пользу крайней древности обычая — ничто иное, какъ явный и грубый подлогъ.

Какъ бы тамъ ни было, взглядъ на идеальную вдову до того привился къ туземному, языческому населенію, до того нравился толпѣ и возбуждалъ въ ней столько чувствъ

благоговѣнія, что и помимо вліянія браминовъ каждая глубоко вѣрующая женщина (а другихъ Азія не знаетъ) чаще всего отдавала себя пламени съ трепетомъ восторга, но не страха. Выкупавшись, она наряжалась въ лучшія одежды, обращала взоры на сѣверъ и востокъ и, — призвавъ въ свидѣтели своего благочестиваго поступка восемь миѳическихъ хранителей различныхъ областей вселенной, а также солнце и мѣсяцъ, воздухъ, огонь, эфиръ, землю и воду, свою собственную душу, бога Яму (правителя въ парствѣ тѣней), ночь и день, сумерки и нравственное начало (совѣсть), — затѣмъ спокойно всходила на погребальный костеръ. Ближайшіе родственники, — напримѣръ сынъ, — приближались къ нему съ зажженнымъ факеломъ, намѣреваясь воспламенить дрова, какъ только добровольно умирающая произнесетъ послѣднія установленныя религіею заклинанія.

Приносившая себя такимъ образомъ въ жертву дѣлала это не только ради собственнаго спасенія и загробнаго блаженства, но главнымъ образомъ ради того, чтобы доставить дорогому усопшему неисчислимыя блага въ будущемъ мірѣ, въ связи съ полнымъ искупленіемъ и прощеніемъ содѣянныхъ грѣховъ. На этотъ счетъ краснорѣчивѣе всего выражаются индійскіе тексты. «Подобно тому какъ укротитель змѣй принуждаетъ пресмыкающихся выползать на его зовъ изъ земли, точно также и сати путемъ самоуничтоженія извлекаетъ духъ покойнаго мужа изъ ада, гдѣ онъ мучится.» «Умирая около роднаго для нея тѣла, вдова тѣмъ самымъ проливаетъ сіянье святости на своихъ предковъ съ материнской и съ отцевской стороны, и даже на предковъ того, кто въ этой земной оболочкѣ былъ ея супругомъ и повелителемъ.» «Вдова-сати возносится съ мужемъ въ область блаженства, въ царство бога Индры. Если покойный совершилъ даже ужаснѣйшее изъ преступленій, мыслимыхъ для индуса, т. е. убилъ брамина, не исполнилъ долга благодарности, посягнулъ на своего друга и т. д., онъ всетаки спасенъ подвигомъ жены.»

Первый исторически достовѣрный случай вдовьяго самосожженія относится къ 1176 г. Ея имя — Санджогата. Она была дочь царя священной раджпутамъ области Канауджъ, разгромленной мусульманскимъ нашествіемъ, и вышла замужъ за послѣдняго туземнаго царя Дэли, по имени Притви, котораго выбрала себѣ въ мужья на одномъ изъ прежнихъ рыцарскихъ турнирахъ, бывшихъ въ обычаѣ, пока среди раджей еще глубже держались вѣковыя преданія. Женихъ Санджогаты считался врагомъ ея отца, на она тѣмъ не менѣе заочно полюбила храбраго вождя, и противъ родительской воли бѣжала съ нимъ. Къ этому времени на Индію обрушился снова всесокрушающій исламъ. Сопротивляющіеся индійскіе правители одинъ за другимъ погибли. Санджогата, узнавъ о гибели мужа, не пережила разлуки и велѣла зажечь вдовій костеръ.

Наряду съ повторяющимися случаями добровольнаго самосожженія, — отчасти, быть можетъ, вызваннаго даже не любовью къ покойному супругу, а просто нежеланіемъ влачить тяжкое и позорное существованіе вдовы, которыя въ индусскомъ обществѣ зачастую пользуются общимъ презрѣніемъ, — несомнѣнно и то, что брамины и родственники иногда также силой заставляли женщинъ умирать всенародно, въ назиданіе толпѣ. Бѣдную жертву тогда прямо дурманили наркотическими средствами, втаскивали на приготовленные для ея казни дрова и даже привязывали ее къ столбу, чтобы она не выскочила изъ пламени.

На богобоязненное, впечатлительное населеніе обрядъ, очевидно, имѣлъ большое вліяніе. На мѣстѣ, означенномъ такою «благочестивою» смертью, нерѣдко воздвигались молитвенные памятники.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія англичане начали вмѣшиваться во внутреннія дѣла индусскихъ обществъ и понемногу стали противиться совершенію обряда: напримѣръ, строго запрещалось приносить топливо для погребальнаго костра, если же

чья-нибудь вдова непремѣнно настаивала на томъ, чтобы обречь себя на такую кончину, ей предоставлялось право собственноручно соорудить себѣ костеръ.

Замѣчательный знатокъ Индіи — полковникъ Слиманъ, дѣятельность коего относится къ концу 30-хъ годовъ, въ своихъ мемуарахъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ онъ однажды запретилъ поселянамъ принимать участіе въ обрядѣ «сати», когда какая-то старуха-вдова, во что бы то ни стало, рѣшилась его совершить и, не находя ни въ комъ желаемой поддержки, въ глубочайшемъ горѣ отказалась отъ ѣды и питья. Согласно обычаю одинаковый постъ наложили на себя и ея ближайшіе родственники, такъ какъ поступить такимъ образомъ вмѣняется имъ религіей: они въ сущности должны до тѣхъ поръ воздерживаться отъ пищи, пока вдова или умретъ въ огнѣ, или, сознательно отказавшись отъ подвига, вернется въ лоно семьи.

Дѣти и внуки вдовы отчасти собрались вокругъ Слимана, умоляя его сдаться на желаніе несчастной, отчасти же обступили ее саму и убѣждали ее отказаться отъ упорнаго намѣренія; но она продолжала стоять на своемъ и сѣла на скалистомъ берегу рѣки Нербуды. Солнце немилосердно пекло старуху; холодъ мучилъ ее ночью. Полуобнаженная, истомленная волненіемъ и недостаткомъ питанія, она продолжала сидѣть безконечные часы и въ тупомъ отчаяніи чего-то ждать. Наконецъ, видя, что англичанинъ-администраторъ не соглашается, изступленная вдова совершила надъ собою актъ самоотреченія отъ костра и мѣстнаго закона, а именно: она надѣла красную чалму и сломала на куски свои запястья, этимъ навсегда лишивъ себя права вернуться домой. Рѣшившуюся на подобное страшное дѣяніе всѣ туземцы обязаны бываютъ счесть погибшей и отчужденной отъ людей. Слиманъ трогательно описываетъ душевное состояніе старухи въ теченіе нѣсколькихъ дней, когда она продолжала питать незыблемую увѣренность, что рано или поздно возсоединится съ своимъ старикомъ молодою и прекрасною, въ райскомъ существованіи. Передъ тѣмъ какъ дать свое согласіе, полковникъ попытался еще разъ убѣдить ее, говоря, будто самъ поплатится за ея суевѣрное упорство, такъ какъ англійское правительство не терпитъ ужасовъ вродѣ «сати». Онъ увѣрялъ ее, что въ случаѣ, если она передумаетъ, ей до конца жизни будетъ оказываться полный внѣшній почетъ, она заживетъ въ холѣ и довольствѣ, и т. д. Но старуха только слабо улыбалась, слыша всѣ эти доводы, и повторяла: «мой пульсъ пересталъ биться, на землѣ я располагаю только немногими частицами праха, который хочу смѣшать, какъ можно скорѣе, съ пепломъ мужа.» Тогда наконецъ англичанинъ-администраторъ позволилъ вдовѣ совершить обрядъ. Родственники повели ее счастливую и радостную на костеръ. Ея послѣднія слова, — предъ тѣмъ какъ войдти въ пламя, были: «зачѣмъ мнѣ пять дней не позволяли соединиться съ тобою, о мой супругъ!» И затѣмъ, бросивъ горсть цвѣтовъ въ огонь, она совершенно спокойно вошла въ него, — какъ-бы отдыхая, откинулась навзничь и безъ малѣйшаго признака страданій уснула въ заклубившемся дыму.

Религіозная экзальтація индусовъ до такой степени велика, что среди нихъ подчасъ случаются совершенно необъяснимыя явленія. Одна старуха явилась въ семью, гдѣ былъ покойникъ, и заявила, что должна сгорѣть съ нимъ на кострѣ, потому что была его женою въ прежнемъ существованіи, жила съ нимъ въ священномъ городѣ Бенаресѣ и уже трижды совершала обрядъ «сати» въ предшествовавшихъ перерожденіяхъ. Такъ какъ у этой женщины еще живъ былъ ея земной мужь и даже суевѣрные туземцы имѣли полное основаніе усумниться, сознательно-ли она говоритъ и дѣйствуетъ, — ей, конечно, былъ

предложенъ вопросъ: почему же, несмотря на великіе подвиги духа ея, она тѣмъ не менѣе была разлучена со своимъ обожаемымъ супругомъ? Старуха, нисколько не смутившись, объяснила причину: она будто-бы по ошибкѣ подала соли нищему-брамину, просившему дать ему истолченнаго сахару и за это онъ ее покаралъ, заставивъ возродиться въ низшей кастѣ. Такъ какъ у покойника въ свою очередь была жена, которая не хотѣла уступить чужой женщинѣ свое мѣсто на кострѣ, — возгорѣлся споръ, кому же оно подобаетъ. Когда мертваго испепелили одного, настоящая вдова преспокойно осталась въ живыхъ, но мнимая, такъ-сказать идеальная вдова съ грустью взяла отъ костра горсть пепла и, вернувшись домой, убѣдила своего мужа и его брата помочь ей совершить надъ собою обрядъ самосожженія, что они и сдѣлали. Надъ прахомъ ея вѣрующіе соорудили впослѣдствіе храмъ, — отецъ же покойника, духовной женою котораго она будто-бы была, взялъ на себя расходы по обычнымъ въ такомъ случаѣ поминкамъ.

По статистическимъ даннымъ, — послѣ изданнаго правительствомъ въ 1812 г. закона, уряжающаго самый обрядъ совершенія «сати», — народъ въ Бенгаліи недоумѣвалъ . . . и ропталъ, видя число женъ, добровольно рѣшившихся принесть себя въ жертву съ умершими мужьями. Оно настолько замѣтно стало увеличиваться, что чуть-ли не утроилось въ теченіе четырехъ лѣтъ, причемъ на самоубійство обрекались не только старухи, но и молодыя женщины. Около 1830 г. энергичный запретъ властей окончательно остановилъ (по крайней мѣрѣ, явное) совершеніе обряда, но тайно онъ конечно практиковался и, вѣроятно, въ глуши практикуется до нашихъ дней. Напримѣръ, еще въ 1880 г. цреданъ гласности одинъ такой случай.

Десятки рукъ, вдѣланныхъ въ камень у воротъ сумрачнаго джодпурскаго кремля, отмѣчаютъ вѣрныхъ до гроба княгинь, сошедшихъ отъ терема этой дорогой въ часъ слѣдованія къ огненной могилѣ изъ благовоннаго дерева, хлопка и камфоры, куда — на ладьѣ, съ открытымъ лицемъ и обнаженными ногами — раторскіе мужи несли своего царя. И жутко, и грандіозно. . .

Для подъема на крутизну Наслѣднику Цесаревичу подаютъ оригинальныя носилки съ серебрянными павлинами по бокамъ. Эти птицы, посвященныя семиглавому богу войнъ Кумарѣ, издревле считаются любимыми геральдическими эмблемами раджпутовъ, которые неизмѣримо раньше западныхъ рыцарей имѣли гербы. Послѣ крестовыхъ походовъ павлинъ получилъ символическое значеніе и для европейскихъ феодаловъ, украсивъ щиты знаменитыхъ витязей. Перья его развѣвались на иныхъ шлемахъ въ наши средніе вѣка, — подобно тому, какъ сегодня онѣ виднѣются на остроконечныхъ, причудливо закрученныхъ рудо-желтыхъ чалмахъ махараджевой родни, сопровождающей по крѣпости Августѣйшихъ путешественниковъ.

У одного поворота, вдоль бойницъ, выставленъ рядъ старинныхъ пушекъ, отбитыхъ у мусульманскаго врага, и разложены пирамиды ядеръ: вся эта нѣкогда грозная оборонительная сила раторской твердыни въ данную минуту служитъ простымъ археологическимъ орнаментомъ обсыпающагося вала.

Выше и выше вьется горная тропа межъ сдвигающихся многоэтажныхъ построекъ, запущенныхъ дворцевъ и молебенъ, — межъ тусклосѣрыхъ стѣнъ съ замурованными дверями и балкончиками, съ глухими зелеными ставнями, съ живописной рѣзьбой на пестрыхъ кровляхъ и по отштукатуренному фасаду. Недвижно и безлюдно въ орлиномъ гнѣздѣ потомковъ «свѣтила дня». Только шаги замираютъ подъ сѣнью величавыхъ коричнево-

золотистыхъ теремовъ и лѣнивая струя горячаго воздуха колышетъ концами шарфовъ на нашихъ каскахъ, предохраняющихъ отъ солнца.

Этими узкими переходами подымались и спускались, — подъ багрянымъ зонтомъ — при грохотѣ гигантскихъ барабановъ (накара), предшествуемые и окруженные рындами (съ золотымъ и серебряннымъ оружіемъ) цари пустыни, владыки свободнаго Марвара, по размѣрамъ равнаго и теперь цѣлой Ирландіи.

Каждый изъ нихъ вращался здѣсь въ средѣ своихъ горделивыхъ дворянъ (важнѣйшими кланами были Чампавунтъ и Кумпавутъ) какъ princeps inter pares, ибо всѣ раджпуты считаютъ другъ друга единоправными братьями по крови. Въ роковые предсмертные часы опасности (передъ лицемъ ислама), воспламененные ненавистью къ нему и алкавшіе славной гибели избранные раторы кидались отсюда на полчища Моголовъ, когда Джодпуръ осаждался императорами Акбаромъ и Аурангзебомъ, а пѣвцы призывали храбрецовъ «алыми лотосами плыть къ солнечному чертогу по океану битвы, — подъ музыку копій и щитовъ, при вспышкѣ молній отъ мечевыхъ ударовъ, радуясь зрѣлищу, какъ Шива мастеритъ себѣ четки изъ человѣческихъ череповъ».

Тутъ же въ кремлѣ принимались, изъ сопредѣльныхъ странъ, совокупностью туземнаго рыцарства, — исключительно во имя чести и религіи, безъ малѣйшаго страха накликать на себя мщенье и бѣду, — царственные бѣглецы, отказать коимъ въ убѣжищѣ и гостепріимствѣ равносильно было бы святотатству. Черезъ эти же семь пройденныхъ нами вратъ отъѣзжали навсегда на чужбину, — согласно неотвратимому приговору раджпутской общины, — черезчуръ грѣшные и своевольные княжичи-изгои. Имъ подводили чернаго коня, на нихъ надѣвали простѣйшій кафтанъ, вѣшали на спину такой же щитъ и на поясъ мечъ, — затѣмъ убѣждали удалиться, не питая злобы къ родному краю.

Но по временамъ въ чертѣ джодпурской крѣпости случались и тяжкія драмы совершенно инаго характера. Родственникъ ополчался на родственника-сонаслѣдника. До самозабвенія преданный феодалъ вдругъ изъ-за обиды становился мятежникомъ, и его приходилось, залучивъ въ западню, умерщвлять почти изъ-за угла, внутри открывающихся передъ нами дворовъ, — вродѣ того какъ Мехмедъ-Али въ Каирѣ истребилъ мамелюковъ. Захваченные врасплохъ раторы и тогда просили только объ одномъ, чтобы ихъ били холоднымъ оружіемъ, а не пулей издалека. Родовитѣйшимъ подавалась чаша съ ядомъ, и они безтрепетно подносили ея къ губамъ, — лишь бы кубокъ смерти былъ золотой — не глиняный.

Если раторы-феодалы питали привязанность къ своему вождю, — нѣтъ тѣхъ лишеній и опасностей, на которыя бы они не шли. Трогательнымъ примѣромъ можетъ служить беззавѣтная преданность нѣкоего Джаго (въ прошломъ столѣтіи). Онъ занималъ должность наставника при дѣтяхъ правящаго князя. Враги лишили послѣдняго власти и принудили бѣжать въ Джайпуръ. Вѣрный же соплеменникъ отправился въ Декканъ собирать войско для возстановленія своего повелителя на престолѣ. Новый махараджа пишетъ дѣятельному Джаго: «розовый кустъ, чьимъ араматомъ ты упивалась, о пчела! поблекъ: остаются одни шипы и ни одного лепестка — лучше не стремись къ нимъ!» Добровольный изгнанникъ отвѣчаетъ: «пчела оттого именно и стремится къ обнаженному розовому кусту, чтобы весна вернулась и онъ опять разцвѣлъ.»

Лѣтописи Раджастана повѣствуютъ, между прочимъ, и о такомъ безумно-отважномъ поступкѣ: императоръ въ Дэли спрашиваетъ Джасвантъ Синга, рѣшится-ли кто-нибудь изъ его дружинниковъ войдти безъ оружія въ клѣтку огромнаго тигра. Родовитѣйшій воинъ (изъ клана Кумпавутъ) выражаетъ на это согласіе (съ цѣлью удивить и пристыдить

Мадрасская группа Наследника Цесаревича со спутниками по Индии.

мусульманъ), спокойно входитъ въ зловѣщее обиталище звѣря и со столь ужаснымъ взглядомъ говоритъ ему: «о тигръ Могола! дерзни напасть на тигра изъ владѣній джодпурскаго махараджи», что хищный царь джонглей отворачиваетъ голову и отползаетъ въ сторону — раторъ же удаляется, такъ какъ раджпуты не дерутся съ обратившимися въ бѣгство.

Маленькій сынъ современнаго правителя, премилый и очень бойкій одиннадцатилѣтній мальчикъ, сразу подружившійся съ принцемъ Георгіемъ Греческимъ, вмѣстѣ съ дядьями показываетъ Августѣйшимъ путешественникамъ достопримѣчательности роднаго кремля.

Ихъ Высочествами обозрѣваются предметы оружейной палаты, гдѣ скоплены разнороднѣйшіе образцы средневѣковыхъ доспѣховъ, рѣдчайшихъ клинковъ и ружей, — гдѣ рядомъ съ классическими полуторасаженными копьями бойцевъ-кшатріевъ красуются золоченные узорчатые щиты Пэнджабской работы, — гдѣ любители старины могли бы часами изучать характернѣйшую отрасль туземнаго производства, пока ее не убилъ англійскій «Arms Act» послѣ мятежа 1857 г., въ значительной мѣрѣ препятствующій инородцамъ носить или хранить оружіе. Ясно, что и спросъ на него быстро падаетъ.

Затѣмъ нами осматривается сокровищница махараджи, справедливо считающаяся едва-ли не первою въ Индіи. Тамъ собрано богатствъ на десятки милліоновъ рублей. Знатоки ювелирнаго дѣла нашли бы тутъ широкое поле для наблюденій, чѣмъ дорожатъ мѣстные дворы въ смыслѣ красоты уборовъ, какими самоцвѣтными каменьями обладаетъ раджпутскій Востокъ, что за pendant къ дрезденскому «Grünes Gewölbe» существуетъ въ малоизвѣстной глуши Марвара.

Въ одномъ дворѣ съ этими такъ-сказать музеями крѣпости находится «гади», — небольшая бѣлая плита, представляющая своего рода тронъ, сѣвъ на который законные потомки Джоды становятся царями.

Въ громадномъ кремлевскомъ дворцѣ, воздвигавшемся постепенно вереницею славныхъ раджей, передъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ открывается рядъ давно опустѣвшихъ залъ и опочиваленъ съ одинокими престолами, шелково-волнистыми ложами, многочисленными столбами, подпирающими низкіе потолки, стѣнною живописью на миѳологическіе сюжеты, зеркалами и безвкусно распредѣленной позолотой. Чѣмъ древнѣе иной чертогъ, тѣмъ онъ краше и оригинальнѣе.

Изъ одной мрачной комнаты, съ затхлымъ спертымъ воздухомъ, крытый выступъ съ запыленными окнами неожиданно развертываетъ оригинальную панораму принявшаго насъ города и близко къ нему придвинувшейся грязнобурой пустыни. Кумиры, водоемы, бѣлые домики крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, узкія улицы терассами подымающагося въ гору жилья, темные отвѣсные склоны твердыни, — на которую мы взошли, — почти полное отсутствіе зелени и культуры, суровая цѣпь возвышенностей, уходящая въ мглу безлюднаго отдаленья да, кругозоръ вождей раторскаго племени всегда долженъ былъ быть отмѣченъ печатью неудовлетвореннаго душевнаго состоянія! Не оттого-ли и слагался здѣсь буйный типъ искателей новизны и приключеній, окрылявшихся неустрашимыми мечтами вѣчно жить войной, вѣчно грезить сраженіями, вѣчно бредить блаженствомъ очнуться въ язычески яркомъ раю, куда настоящаго индійскаго героя въ моментъ смерти обязательно возносятъ прекрасныя валкиріи.

Велика заслуга шотландца Тода (James Tod), хорошо изучившаго Раджпутану и впервые повѣдавшаго о ней образованному міру хоть что-нибудь связное и опредѣленное.

Только будучи на мѣстѣ, можно понять, какіе клады поэзіи страна таитъ въ нѣдрахъ своего населенія и своей замыкающейся въ гордомъ молчаніи древности, — несмотря на то, что и джайнскими общинами, и княжескими родами бережно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе окруженныя ореоломъ святости книжныя записи стародавнихъ временъ.

Послѣднія, внѣ сомнѣнія, полны и умиляющей прелести, и несравненнаго мужества, и глубокихъ ужасовъ, порождать каковые способенъ лишь мистическій Востокъ. Напримѣръ, вотъ мы стоимъ у постели прежнихъ махараджей, на которой они будто-бы неразъ вскакивали по ночамъ, тревожимые отвратительнымъ видѣніемъ. Одинъ джодпурскій правитель обезчестилъ дочь какого-то брамина (а брамины Марвара исповѣдуютъ религію грознаго Шивы, ѣдятъ мясо, пьютъ вино, отнюдь не отличаются мягкосердечіемъ подобно своимъ собратьямъ — вишнуитамъ); тогда до изступленія разгнѣванный отецъ собственноручно ее убилъ, вырылъ яму и, призывая проклятія на обидчика, принесъ богамъ огненную жертву изъ разрубленнаго на части тѣла дѣвушки. Для усиленія смысла такой нечеловѣческой мести, онъ рѣзалъ еще куски отъ самого себя и злорадно бросалъ ихъ въ жадно разгоравшееся пламя, куда наконецъ ринулся въ свою очередъ, съ крикомъ: «до свиданія, раджа! Мы встрѣтимся черезъ три года и три дня. .»

Мучимый угрызеніями совѣсти, тотъ дѣйствительно умеръ въ назначенный срокъ, а преемники долго вслѣдъ затѣмъ ожидали посѣщенія мстительной тѣни, — именно въ счастливые моменты жизни, когда имъ улыбались любовь и успѣхъ.

Послѣ обѣда, на которомъ присутствовали всѣ европейцы съ женами, обитающіе въ предѣлахъ Джодпура, Августѣйшіе путешественники (согласно обычаю) присутствуютъ на грандіозномъ «nautch», начинавшемъ уже порядкомъ надоѣдать у Родзы. Сегодня, впрочемъ, обстановка болѣе фантастична и краски болѣе жгучи. Не менѣе двухъ или трехсотъ танцовщицъ отдѣльными группами занимаютъ гигантскій шатеръ, съ одной стороны заставленный сидѣніями на своего рода невысокой эстрадѣ, — съ другой же вмѣстившій множество факелоносцевъ, льющихъ трепетный и мглистый свѣтъ на цѣлое море парчи и шелку, медленно колыхнувшееся передъ нами подъ звуки унылой музыки, гдѣ каждый переливъ дышетъ грустью и тяжелымъ разладомъ. Печально-безстрастныя лица мѣрно кружащихся баядерокъ, такъ-сказать автоматическая грація ихъ движеній, жаркій вечеръ на краю раскаляемой солнцемъ пустыни, усыпляющее разнообразіе впечатлѣній за послѣдніе нѣсколько часовъ, — все роднитъ насъ съ Индіей, гдѣ пока (на мой взглядъ) еще не воцарилась мертвящая жизненная проза, — гдѣ люди и природа, добро и грѣхъ, аскетическое настроеніе и погоня за суетой суетъ еще не застыли въ условныхъ рамкахъ какого-то преждевременно одряхлѣвшаго, черезчуръ сознательнаго развитія.

Воскресенье, 23 декабря (4 января).

Утромъ Ихъ Высочества ѣздятъ на охоту за кабанами, и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ убито ихъ нѣсколько штукъ.

Вернувшись къ себѣ въ лагерь, Августѣйшіе путешественники кратковременно отдыхаютъ. Тишина и нѣга, разлитыя окрестъ, положительно предрасполагаютъ къ живительному покою.

Межъ двумя безконечно длинными, сходящимися другъ съ другомъ линіями палатокъ тянется площадь газона, бьютъ фонтаны, бѣлѣетъ чей-то бюстъ, выдаются размѣрами: «шаміанэ», гдѣ вчера происходилъ «nautch», обѣденный шатеръ и помѣщеніе Августѣйшихъ путешественниковъ.

Послѣднее состоитъ изъ спаленъ при маленькомъ деревянномъ шалэ, дворика съ навѣсомъ и сидѣніями по серединѣ, и наконецъ изъ парадной гостиной (съ мебелью, крытой желтымъ сатиномъ, золотыми стульями, причудливыми ширмами, часами и столиками, на которыхъ лежатъ альбомы, иллюстрирующіе край).

КАБАНЫ, УБИТЫЕ Е. И. ВЫСОЧЕСТВОМЪ.

Близь входа въ этотъ пріемный залъ прислонены велосипеды, — вѣроятно, въ чаяньи, что кто-нибудь изъ европейцевъ прибѣгнетъ къ такому способу передвиженія.

Еще вчера, передъ наступленіемъ сумерокъ, сюда къ Великокняжескому шатру пришли смуглые страннаго вида люди, — какъ оказалось профессіональные борцы, состоящіе на службѣ махараджи. Они преимущественно вербуются въ Пэнджабѣ и въ правѣ проявлять свое искусство лишь съ разрѣшенія нанимающаго ихъ.

Очутившись въ присутствіи Ихъ Высочествъ, они сбросили съ себя верхнюю одежду и обнаженные до пояса поклонились Августѣйшимъ зрителямъ, — а затѣмъ, ударяя въ

ладоши и ладонями въ грудь, съ дикимъ глухимъ вскрикиваніемъ вступали въ состязаніе, заключавшееся въ томъ, чтобы бросить противника на спину. Темныя, словно изъ бронзы отлитыя фигуры атлетовъ (ихъ собралось человѣкъ до десяти) съ необыковенной стремительностью и проворствомъ нападали и отпрядывали, сшибались на бѣгу и незыблемо стояли, давя противника въ объятіяхъ или ровняясь гибкостью и силой съ исполинами древеснаго міра тропиковъ. Чѣмъ дальше разгоралась борьба, среди этихъ гимнастовъ-самородковъ, тѣмъ замѣтнѣе становилось преобладаніе двухъ-трехъ невзрачныхъ на первый взглядъ крѣпышей надъ высокими борцами, которымъ бы должна была легко достаться побѣда.

У арены борьбы, для насъ — русскихъ составляло любопытное явленіе видѣть, съ какимъ вниманіемъ всматривался въ зрѣлище столкновенія туземныхъ силачей сопровождающій Государя Наслѣдника Цесаревича по Индіи дюжій казакъ Топорченко, къ сожалѣнію, носящій здѣсь гражданское платье. Богатырски сложенный, онъ свободно справляется одинъ съ нѣсколькими очень сильными людьми и, вѣроятно, съ бо́льшей connaissance de cause чѣмъ остальные присутствующіе наблюдалъ за могучей потѣхой.

Сегодня, послѣ охоты и завтрака, Ихъ Высочества, отойдя пѣшкомъ въ сторону отъ лагеря, долго любуются игрой въ «поло», участниками коей выступаютъ на кровныхъ коняхъ братья махараджи, подобно всѣмъ раджпутамъ отличные наѣздники.

Они же (въ томъ числѣ и юный наслѣдникъ Джасвантъ Синга, и сэръ Мэкензи Уоллесъ въ качествѣ извѣстнаго любителя всякихъ физическихъ упражненій) съ гикомъ носятся по ристалищу, задѣвая пиками деревяшки съ земли или на полномъ скаку стараясь перерубить привѣшенное къ шесту туловище козла.

Въ промежутки между различными состязаніями и непосредственно по ихъ окончанію, Высокихъ Гостей забавляли фокусники. Одинъ вытаскивалъ изъ корзинки змѣю и безбоязненно тормошилъ ее, недовольно вытягивающуюся и шипящую, — изрыгалъ пламя, при каждомъ выдыханіи и т. д. Другой показывалъ дрессированную козу, на которой разъѣзжала уморительная обезьянка въ мундирѣ, третій — попугая, заряжающаго крошечную пушку и стрѣляющаго изъ нея.

Такихъ сценъ намъ еще, навѣрно, не мало придется увидѣть дальше, внутри страны, — поэтому слишкомъ медлить надъ ними едва-ли стоитъ.

Поздно вечеромъ его высочество махараджа Джасвантъ Сингъ пріѣзжаетъ къ нашему главному шатру проводить Наслѣдника Цасаревича на желѣзную дорогу. Въ послѣдній разъ блестятъ передъ нами въ полутьмѣ серебряная упряжь и серебряные колокольчики на лошадяхъ княжескаго экипажа.

Понедѣльникъ, 24 декабря (5 января).

Аджмиръ, куда въ семь съ половиной утра изволилъ прибыть Е. И. Высочество, принадлежитъ къ живописнѣйшимъ уголкамъ земнаго шара.

Основанный у подножія высокой естественной крѣпости-холма, — на берегу озера, имѣющаго верстъ шесть въ окружности, — городъ съ очень давнихъ временъ служитъ важнымъ средоточіемъ власти и торговли межъ княжествъ окрестной Раджпутаны. Народныя религіозныя легенды и сказанія исторически-связнаго характера одинаково сплетаются вокругъ названія, ведущаго свое начало отъ раджпутскаго вождя Аджа (изъ

знаменитаго племени чаухановъ). Онъ сперва пытался, во II столѣтіи послѣ Р. Хр. соорудить себѣ кремль на сосѣдней «Змѣиной горѣ» (Нагъ-пахаръ), но злые духи еженощно разрушали воздвигаемое днемъ. Тогда-то правителемъ и было рѣшено свить неприступное гнѣздо на крутомъ склонѣ открывающейся передъ нами возвышенности (Тарагаръ — «звѣздной твердыни»), а подъ нею раскинуть пригороды, по направленію къ огибающей ее широкой долинѣ.

Когда уже въ VII в. арабскій полководецъ Мухаммедъ Касимъ дерзнулъ ворваться въ Индію, аджмирскій раджа находился въ числѣ патріотовъ, быстро ополчившихся на ненавистнаго «иновѣрца». Но встрѣченный первыми мусульманами дружный отпоръ не спасъ края. Въ 1024 т. свирѣпый султанъ Махмудъ Газневидъ, идя съ сѣвера на богатѣйшій языческій храмъ Сомнатъ въ Гуджератѣ, по дорогѣ разгромилъ жилища и кумирни мирныхъ горожанъ Аджмира: только засѣвшіе на утесѣ какимъ-то чудомъ отбились и впослѣдствіе жестоко отомстили врагу, возвращавшемуся съ безцѣнной награбленной добычей. Мѣстные раджпуты заманили его въ близкую пустыню, и тамъ тысячи магометанъ погибли отъ жажды.

До окончательнаго торжества «людей Корана» надъ передовыми очагами древней туземной вѣры, могущественныя дэлійскія владѣнія объединились съ аджмирскимъ княжествомъ подъ державой того же царя, — за что ихъ временно ждала печальнѣйшая участь, въ связи съ обращеніемъ въ рабство большинства покоренныхъ.

Несмотря на неоднократныя дальнѣйшія попытки къ возмущенію, несмотря на внезапные захваты города чауханами, удейпорцами и джодпорцами въ XIII, XV и XVI столѣтіи, онъ преимущественно сталъ мусульманскимъ центромъ и обстроенный при Моголахъ, освященный преданіями о жизни благочестивыхъ «правовѣрныхъ», — на могилу одного изъ коихъ даже ходилъ на богомолье (пѣшкомъ отъ Агры) мудрѣйшій императоръ Акбаръ, — вскорѣ занялъ выдающееся мѣсто въ ряду культурныхъ пунктовъ Раджпутаны.

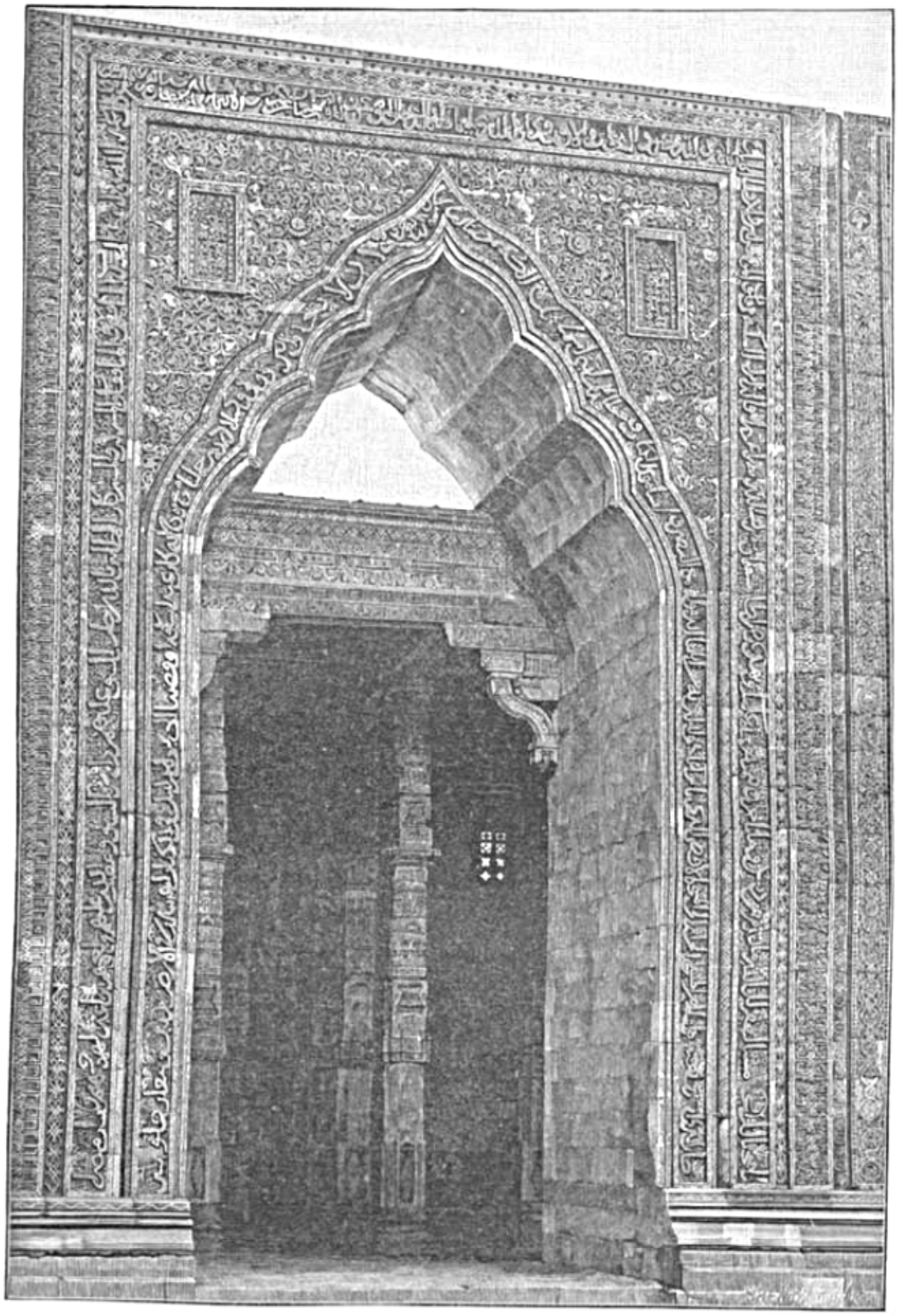
Въ 1818 г. англичане получили его изъ маратскихъ рукъ (Гваліорскаго Синдіи) и хорошимъ управленіемъ настолько расположили къ себѣ жителей, что въ страшную годину возстанія сипаевъ тутъ не замѣчалось опасности, равной испытаннымъ въ другихъ областяхъ. Баталіонъ, сформированный въ Аджмирѣ изъ полудикихъ коренныхъ туземцевъ племени мэръ (Mhair), остался вѣренъ европейцамъ и спасъ крѣпость, хотя вокругъ пылалъ мятежъ и невдалекѣ находились взбунтовавшіеся солдаты бенгальской арміи.

Съ 1842 г. здѣшній округъ, составляющій наиболѣе возвышенную часть Индостана, слитъ со смежнымъ мэрварскимъ подъ властью главнаго политическаго агента, вѣдающаго дѣлами окрестныхъ раджпутскихъ княжествъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ изволитъ въ данную минуту пребывать въ домѣ полковника Тревора, занимающаго этотъ крайне щекотливый постъ.

Послѣ завтрака — осмотръ города, съ его довольно широкими улицами, на которыхъ пестрѣетъ празднично пріодѣвшаяся толпа. Минуя любопытныя, но въ эстетическомъ отношеніи мало замѣчательныя «святыни» стекающихся сюда на поклоненіе мусульманъ, Ихъ Высочества посѣщаютъ лучшій памятникъ средневѣковаго зодчества, красящій предгорье, до подъема за черту туземныхъ жилищъ, и носящій характерное прозвище «Arhai-din-ka-jhompra», такъ какъ зданіе будто-бы «сооружено въ теченіе двухъ съ половиною

сутокъ». Нѣкогда оно было джайнскою кумирней, но въ 1236 г. осквернено иновѣрцами, передѣлавшими ее въ мечеть и построившими впереди арку въ духѣ воинствующаго ислама, — съ гигантскими куфическими надписями, окаймившими ея смѣло очерченный изгибъ. Знатоки мавританскихъ архитектурныхъ достопримѣчательностей Каира, Сиріи и Персіи утверждаютъ, что аджмирскій «домъ молитвы» красотою поспоритъ со многими ему подобными (по основному замыслу, но не по исполненію).



ЗНАМЕНИТЫЙ ПАМЯТНИКЪ АДЖМИРА.

Происхожденіе названія спорно: одни говорятъ, что богачъ-индусъ пожертвовалъ на созданіе капища въ честь любимаго Джина лишь колоссальный барышъ отъ своихъ торговыхъ оборотовъ за 60 часовъ, — другіе же доказываютъ, что въ столь краткій срокъ уничтожены явные слѣды идолослуженія, когда завоеватели изъ Дэли обращали чужой храмъ въ сборный пунктъ «правовѣрныхъ». Вообще трудно сказать, какъ понимать въ Индіи хронологическія опредѣленія: времени для туземцевъ нѣтъ — года можно считать днями, дни толковать годами . . . . . счастливая страна, блаженное міровоззрѣніе!!

Если взойдти по широкимъ лѣстницамъ на высокую засаженную деревьями террассу, передъ входомъ въ «Архэдинкаджомпра», — взоры долго медлятъ съ восхищеніемъ на уцѣлѣвшихъ отъ языческаго періода колоннадахъ: каждый столбъ по отдѣлкѣ разнится

отъ другаго, а ихъ — нѣсколько сотъ. Верхняя часть постройки обвалилась. Примысленные къ ней минареты упали. Осиротѣлыя ниши въ глубинѣ зданія до сихъ поръ говорятъ о торжествѣ ислама. Да впрочемъ, не обрати онъ этой кумирни въ мечеть, отъ памятника навѣрно не оставалось бы и обломковъ. Теперь же, около него, постепенно отрываютъ то барельефъ, то идола, то плиту съ потускнѣлыми начертаніями.

Осматриваемый нами «домъ молитвы» признанъ таковымъ при дэлійскомъ султанѣ Альтамшѣ. Для приданія сооруженію большихъ размѣровъ и великолѣпія, онъ, должно

УЦѢЛѢВШІЕ СТОЛБЫ ДЖАЙНСКАГО СВЯТИЛИЩА.

быть, велѣлъ притащить сюда многія колонны изъ мѣстныхъ окончательно разрушенныхъ капищъ.

Въ данную минуту англійскія власти заботливо относятся къ старому храму-мечети, но еще не такъ давно она находилась почти въ полномъ пренебреженіи. Одинъ начальникъ здѣшняго округа, въ своемъ рвеніи встрѣтить вице-короля съ подобающею торжественностью, поставилъ ему, при въѣздѣ въ городъ, тріумфальную арку и ничего умнѣе не придумалъ, какъ подпереть ее изящными столбами, вырванными изъ «Архэдинка-джомпры». Соотечественники, очевидно, осудили въ печати подобный вандализмъ.

У памятника всего замѣчательнѣе дивные узоры на потолкѣ, гдѣ онъ только сохранился неприкосновеннымъ. Если бы составить альбомъ орнаментовъ Индіи, за копіями лучшихъ образцевъ слѣдовало бы обращаться въ Аджмиръ.

Красивымъ паркомъ ѣдемъ мы затѣмъ къ обширному зданію, такъ называемому училищу лорда Мэо (Earl of Mayo), которое создалось въ семидесятыхъ

НА БЕРЕГУ АНА-САГАРЪ.

годахъ съ цѣлью давать здѣсь образованіе исключительно дворянскому юношеству Раджпутаны. Туземные князья пожертвовали на подобное начинаніе капиталъ въ шестьсотъ слишкомъ тысячъ рублей. Правительство ассигновало кромѣ того ежегодную субсидію этому своего рода раджпутскому «Итону», въ стѣнахъ коего потомки самобытно-дикихъ воиновъ и раджей должны отчасти воспитываться, точно великобританская молодежь. Во главѣ училищнаго совѣта, включающаго именитыхъ жертвователей, номинально считается вице-король, помощникомъ предсѣдателя состоитъ главный политическій агентъ для окрестныхъ княжествъ. Въ данное время школой управляетъ полковникъ (Colonel Loch), хорошо знакомый съ внутреннимъ бытомъ края и степенью развитія присылаемыхъ сюда мальчиковъ. Обучать ихъ, а тѣмъ болѣе перевоспитывать крайне трудно, ибо многіе физически зрѣлы, имѣютъ дома женъ, всецѣло находятся подъ сильнымъ вліяніемъ семейныхъ воззрѣній и народныхъ предразсудковъ, — да, вдобавокъ, не ждутъ никакого прока въ будущемъ отъ образованія,

усвоеннаго чисто внѣшними способами, разъ что даже таковое не можетъ дать лучшимъ инородцамъ правъ гражданства, существующаго напр. въ Россіи. Вѣдь въ англо-индійской имперіи немыслимы мусульмане-генералы, буддисты въ офицерскихъ чинахъ, иновѣрческій и по крови не русскій элементъ на отвѣтственныхъ государственныхъ постахъ, — однимъ словомъ широко-гостепріимное и братское отношеніе ко всѣмъ, чьи дѣды или кто самъ принятъ подъ Высокую Государеву руку?!

Наслѣдникъ Цесаревичъ обходитъ классные залы любопытнаго «Mayo College». Ученики (отъ тринадцати и до двадцати лѣтъ!) одѣты въ бѣломъ, повязаны пестрыми чалмами и носятъ драгоцѣнныя украшенія. Комнаты зданія, — гдѣ собственно занимаются, — громадны. По сторонамъ отъ него разсѣяны маленькіе домики со спартански скромнымъ убранствомъ, жилье юныхъ раджей и знатныхъ раджпутовъ. Каждое строеніе отличается своеобразной архитектурой и гармонично бѣлѣетъ въ обступающей его густой листвѣ.

ДЖАЙПУРЪ И АЛЬВАРЪ.

Вторникъ, 25-го декабря (6-го января).

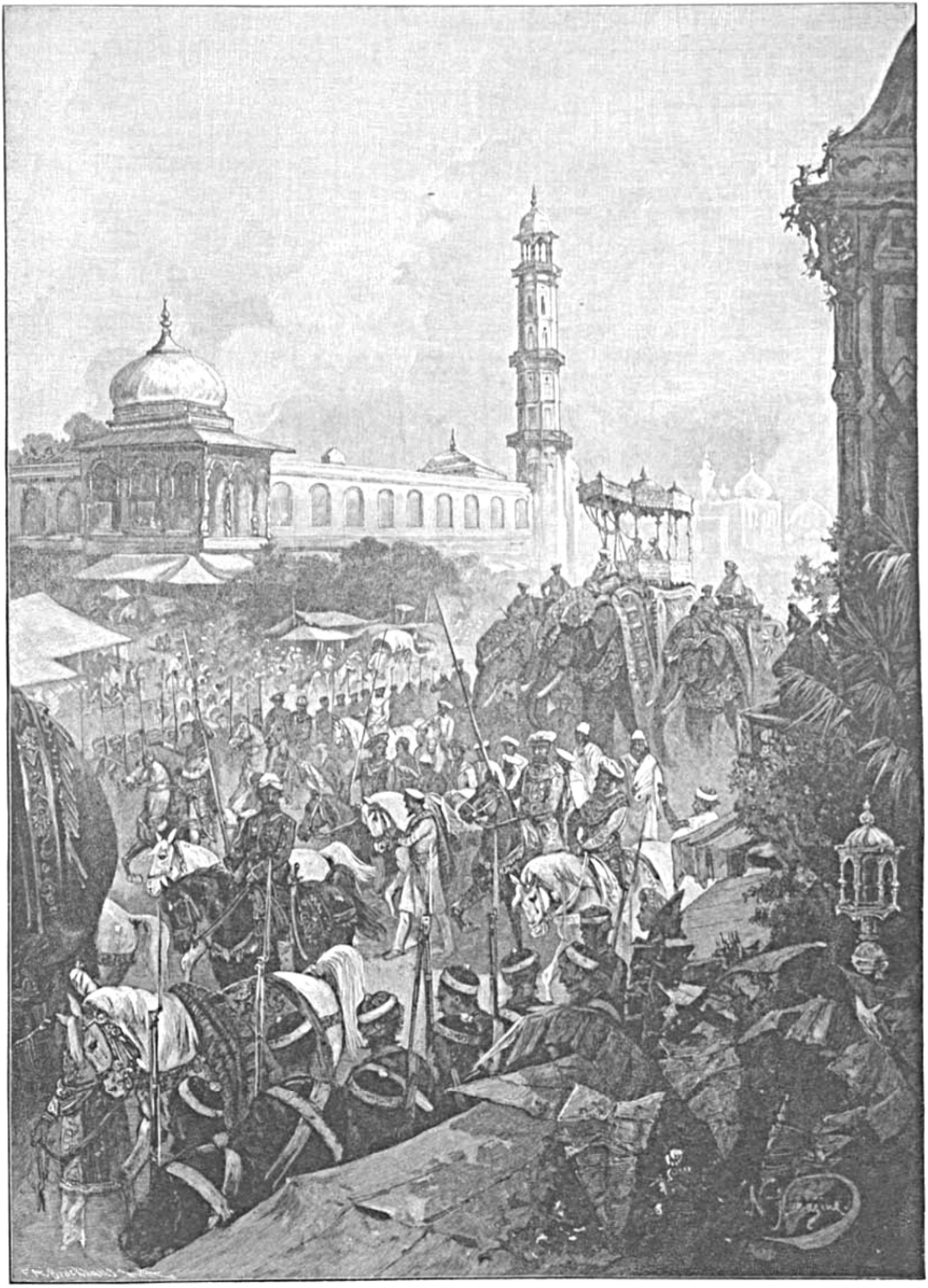
Зеркальною гладью стелется у Аджмира историческое озеро «Ана Сагаръ», своимъ происхожденіемъ и наименованіемъ обязанное запрудамъ мѣстнаго раджи IX столѣтія, который назывался Ана. Много событій произошло на берегу этого мирнаго водохранилища. Въ расцвѣтѣ могущества здѣсь любили отдыхать Моголы. Мраморныя палаты этихъ суровыхъ владыкъ до сихъ поръ отражаются въ ясной озерной влагѣ. Здѣсь они жили надеждами на великое будущее. Здѣсь императоръ Джахангиръ (босоногій, сидя на престолѣ, съ ручными ланями по бокамъ) беззаботно принялъ въ декабрѣ 1615 г. перваго англійскаго посла съ подарками — сэра Томасъ Ро.

За горой, вблизи отсюда, лежитъ священнѣйшее для индусовъ озеро Пушкаръ, гдѣ высится единственный въ цѣлой странѣ храмъ самого Брамы. Окрестности проникнуты таинственностью связанныхъ съ ними религіозныхъ сказаній. Исполнено особенно глубокаго смысла народное вѣрованіе въ силу аскетическаго подвига, которымъ одинъ миѳическій царь сталъ превыше жрецовъ и небожителей.

День Рождества Христова Наслѣдникъ Цесаревичъ проводитъ въ тишинѣ у аджмирскихъ водъ. Дома — праздникъ, разгаръ зимнихъ увеселеній а у насъ впереди — нескончаемый путь полуденными краями, нѣкотораго рода духовное переутомленіе, которое неизбѣжно все должно расти и расти, смѣна дорожныхъ думъ, развертывающихся все шире и ярче: Индія, ты насъ покоряешь!

Среда, 26-го декабря (7-го января).

Поѣздъ Великаго Князя приближается къ раджпутскому «городу побѣды» (Джайпуръ). Онъ созданъ главными единокровными соперниками раторовъ — многочисленнымъ и вліятельнымъ племенемъ «кучваха», коего вожди считаютъ себя прямыми потомками героя Рамы. Занимая экономически процвѣтающую область, во многомъ издавна опередившую Марваръ, они представляли при Моголахъ и теперь еще представляютъ образецъ



ВЪѢЗДЪ ВЪ ДЖАЙПУРЪ.

двора, не чуждаго прогрессивныхъ вѣяній вѣка, но бережно сохраняющаго характернѣйшіе признаки родной старины.

Опять торжественная встрѣча, съ махараджею во главѣ. Высокій валъ, опоясывающій городъ, прорѣзанъ глубокими двойными вратами, куда мы и направляемся. Англійское «добро пожаловать!» (Welcome) гигантскими бѣлыми начертаніями красуется сбоку на скалистомъ склонѣ горы, называемой «Нахаргаръ» (тигровой твердыней). Босоногіе солдаты, въ красныхъ мундирахъ старомоднаго покроя, разставлены шпалерами на пути Наслѣдника Цесаревича. Орудія, на рудожелтыхъ колесахъ, запряжены быками. Арабскіе скакуны, съ искусственно красивымъ изгибомъ головы, держатся рядомъ въ поводу: цвѣтныя ожерелья и металлическія цѣпочки наброшены имъ на шею, чепраки шиты золотомъ, яркія повязки и серебряные обручи надѣты на ноги выведеннымъ на показъ лошадямъ. Болѣе двадцати слоновъ ожидаетъ Гостей и свиту Его Императорскаго Высочества. Нескладная военная музыка, силящаяся воспроизвести русскій гимнъ и «God save the Queen», глухо слышится по сторонамъ. Въ кольчугахъ и шлемахъ средневѣковаго образца тянется по дорогѣ длинная вереница всадниковъ, напоминающихъ отчасти конвой джодпурскаго князя.

Каждый такой раджпутъ отъ рожденія принадлежитъ къ древней (нынѣ, конечно, утратившей прежнее значеніе) кастѣ кшатріевъ, члены которой не признавали никого себѣ равнымъ и находили нужнымъ преклоняться только передъ браминами, выступавшими во всеоружіи таинственныхъ знаній. Любой такой воинъ до сихъ поръ считаетъ себя человѣкомъ, по крови и по достоинству близкимъ правящему махараджѣ. Гордые, мужественные, они верхомъ, — съ копьями и щитами, — такъ и кажутся выхваченными изъ кипучей дѣйствительности давно погасшихъ столѣтій, когда Индія еще формировалась въ благодатную страну, ставшую вѣчной приманкой для чужеземцевъ. Эти типичныя, пестро и странно одѣтыя, сумрачныя фигуры всадниковъ — на Августѣйшемъ пути въ «городъ и по городу побѣды» — какъ-то мало подходятъ къ розовымъ, залитымъ ласковыми лучами солнца, улыбающимся въ блескѣ дня улицамъ туземной столицы. Окрестъ насъ — на возвышенностяхъ — мелькаютъ еще башенки, словно воспоминанія феодальной эпохи; но вокругъ, по близости, несмотря на всю своеобразность индусской архитектуры, эти отжившіе свой вѣкъ рыцари мирной Раджпутаны, — на полукровныхъ коняхъ, въ своихъ красныхъ чалмахъ, съ расчесанною на двое большою бородою, какъ-то торчкомъ расходящейся въ стороны, едва-ли подходятъ къ общей картинѣ спокойнаго оживленія и безмятежнаго довольства, любопытства и незатѣйливой простоты, которая теперь видимо царитъ въ сравнительно молодомъ, порвавшемъ болѣе тѣсныя связи съ древнимъ міромъ, коммерчески важномъ и цвѣтущемъ Джайпурѣ.

Городъ производитъ сильное впечатлѣніе въ виду нѣжныхъ свѣтовыхъ оттѣнковъ, трепещущихъ на его розовой поверхности. Высокія стѣны, окружающія его, — ворота, открывающія доступъ изъ пригорода къ правильно распланированнымъ улицамъ, — дома, храмы, павильончики, — все кажется окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ. Ни одна черная точка не выдѣляется на этомъ восхитительномъ фонѣ; ничего европейскаго не видно на горожанахъ и всемъ присущемъ имъ довольствѣ, — хотя городъ существуетъ лишь полтораста лѣтъ и развился скорѣе подъ вліяніемъ новѣйшихъ вѣяній цивилизаціи. Вотъ еще одно изъ доказательствъ, какъ стойко и самобытно держится старины туземный строй, насильственно не поколебленный въ своихъ здоровыхъ основахъ.

Чередуясь съ тяжелыми повозками, — ослики и верблюды бредутъ черезъ густыя толпы пѣшеходовъ, снующихъ по улицамъ. Всюду, рядомъ съ праздничнымъ оживленіемъ,

замѣтенъ обычный торгъ. Волны народа то и дѣло прибиваютъ къ широко раскинувшимся, подъ бѣлыми навѣсами, лавкамъ мѣстнаго зажиточнаго купечества. Чего тамъ только нѣтъ! шитыя серебромъ туфли, около — цѣлыя груды банановъ и апельсиновъ, разрисованные боги, красныя и голубыя ткани туземнаго производства и т. д. Въ противоположность мусульманскимъ городамъ, гдѣ такъ узки улицы, гдѣ такъ избѣгаютъ солнца, гдѣ такъ любятъ сумракъ и тѣнь, лишь украдкой сочетающуюся съ лучами солнца, — тутъ, въ этомъ первомъ большомъ индійскомъ городѣ, который мы посѣщаемъ, все напротивъ рѣзко и опредѣленно бросается въ глаза, выпукло и наглядно до послѣдней возможности.

Наслѣдникъ Цесаревичъ, сидя съ махараджею въ своего рода драгоцѣнныхъ носилкахъ «ховда» (отъ арабскаго «haudaj» — сидѣніе на верблюдѣ) подъ балдахиномъ, на спинѣ богато разубраннаго слона, обозрѣваетъ улицы «города побѣды». Громадное животное съ раскрашенной головой и укороченными клыками въ золотой оправѣ, за которымъ мѣрно шагаетъ рядъ почти одинаковыхъ исполиновъ, на половину задрапировано тяжелой парчевой попоной; на ней же лежатъ еще бархатныя подушки. Совершенно особеннымъ представляется міръ Божій съ высоты ручнаго колосса, издревле служившаго индійскимъ царямъ и правителямъ воплощенною эмблемою превосходства и власти.

При плавномъ и сначала довольно непріятномъ покачиваніи, съ которымъ онъ равнодушно и медлительно шествуетъ среди ничтожной передъ нимъ толпы, равняя сѣдоковъ со вторыми этажами издали розовыхъ, вблизи же грязно-сѣрыхъ построекъ, — постепенно начинаешь сознавать всю двойственность явленій на землѣ, которыя съ одной стороны какъ-бы давятъ размѣрами и дивятъ безподобною внѣшностью, а съ другой — до разочарованія умаляются отъ непосредственнаго разсмотрѣнія ихъ.

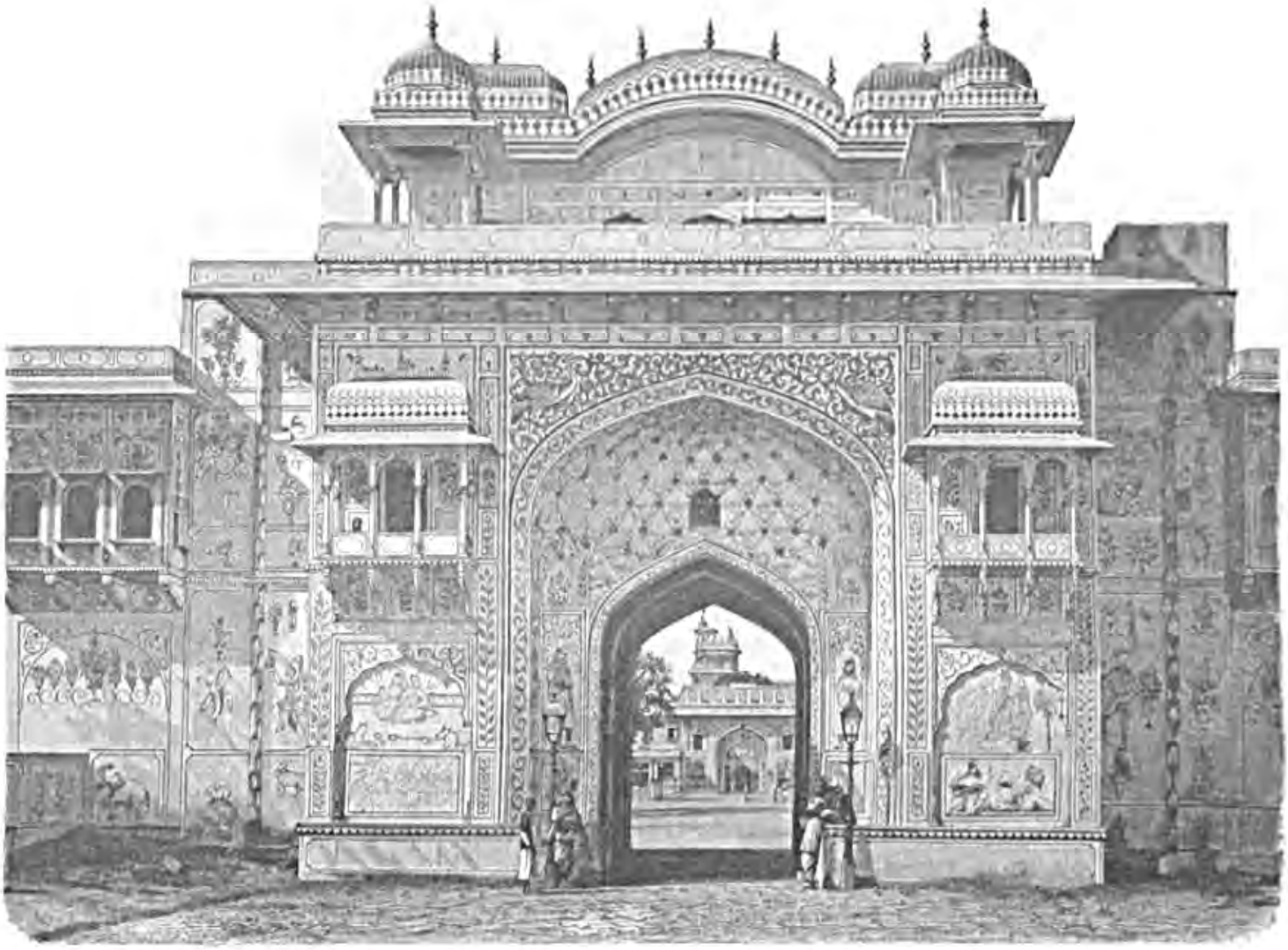
Длинная прямая улица ширится вдоль храмовъ и дворцевъ. Семиярусныя княжескія палаты, у которыхъ надъ главнымъ въѣздомъ во дворы вдѣланъ небольшой кумиръ, идутъ чередой за девяти-ярусным сооруженіемъ, такъ-называемымъ «чертогомъ вѣтра» (Хава махалъ), куда токи свѣжаго воздуха свободно проникаютъ сквозь искусно расположенныя отверстія въ глухихъ стѣнахъ.

Стаи безчисленныхъ голубей рѣютъ надъ яркимъ Джайпуромъ. «Священныя» коровы, пожертвованныя богамъ и неприкосновенныя для индусовъ, пробираются водоворотомъ уличнаго движенія. Тише и лѣнивѣе ступаютъ величавые, празднично разубранные слоны. Прослѣдовавъ городомъ, мы вторично минуемъ его отжившій свое время красноватый валъ съ башнями и бастіонами, съ намалеванными на немъ изображеніями животныхъ и пресмѣшныхъ европейскихъ солдатъ. Августѣйшіе путешественники садятся въ экипажи и, простившись съ махараджею, направляются въ «Residency» (домъ политическаго агента — г. Пикока); его высочество — туземный владыка вскорѣ пріѣзжаетъ сюда съ визитомъ.

Мѣстныя окрестности похожи на оазисъ, образуя рѣзкую противоположность съ обнаженными горными склонами по бокамъ. Избытокъ растительности вызванъ попеченіями англійскихъ резидентовъ, — понимавшихъ, насколько обильная листва необходима этому индійскому Дармштадту съ его правильно распланированными околодками и жилищами, съ его безусловно не восточнымъ отсутствіемъ закоулковъ и тѣни, съ его красивыми зданіями, но черезчуръ не историческимъ отпечаткомъ.

Созданіе «города побѣды» относится къ 1728 г., когда здѣшнимъ раджпутскимъ племенемъ «качваха» (черепахъ) въ теченіе 44 лѣтъ правилъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ, князей и полководцевъ періода Моголовъ — Джай Сингъ II, въ знакъ особаго отличія получившій отъ императора титулъ «Сэваи» (одинъ *съ четвертью*), что по тогдашнимъ понятіямъ должно было выражать его достоинства сравнительно съ другими царедворцами, принимая послѣднихъ за простую единицу.

Преданный этому махараджѣ, просвѣщенный и талантливый джайнистъ Вѣдіадуръ (изъ Бенгаліи) побудилъ его основать столицу на равнинѣ, — тогда какъ прежняя



ДВОРЦЕВЫЯ ВРАТА.

исконная (Амберъ) находилась по сосѣдству въ горахъ. Здѣсь образовался центръ знанія и гуманизма, въ индостанскомъ смыслѣ, т. е. смѣсь ирано-арабской культуры съ древнетуземной и наслоеніемъ чего-то европейскаго. Огромнѣйшія богатства скопились въ рукахъ джайпурскаго двора, ибо его качвахи, выставлявшіе до тридцати тысячъ воиновъ подъ свое «пятицвѣтное» знамя, то усмиряли Декканъ, то дрались за Дэли на афганской границѣ, то (изъ вѣрности Моголу) проливали кровь въ далекомъ Ассамѣ, — а тѣмъ временемъ «городъ побѣды» разростался и хорошѣлъ. Кипучее торговое оживленіе связывало его со многими областями страны.

Хотя благодѣтельная въ извѣстныхъ отношеніяхъ «Pax Britannica» и дала ей небывало продолжительное внутреннее спокойствіе, — но было бы, по свидѣтельству самихъ

англійскихъ писателей, заблужденіемъ думать, будто коммерческое дѣло въ ту эпоху стояло ниже и подвергалось гораздо бо́льшимъ опасностямъ, чѣмъ въ XIX в. Знатокъ исторіи Раджпутаны — Тодъ говоритъ, что и въ разгаръ грабительскихъ войнъ и жесточайшихъ неурядицъ «караваны», — ведомые особымъ сословіемъ людей, такъ-называемыми чарунами, — какъ ни въ чемъ не бывало, передвигались по охваченной смутами центральной Индіи. Населеніе считало этихъ вожатыхъ «священными личностями», на которыхъ рѣдко кто дерзалъ нападать, — въ случаѣ чего они отчаянно защищались, подъ конецъ иногда убивая себя съ женами и дѣтьми, дабы потомъ изъ могилы мстить хищнымъ врагамъ.

Знаменитый дипломатъ и эпикуреецъ Джай Сингъ выше всего на свѣтѣ (даже выше осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ и наклонностей къ кутежу) ставилъ занятія астрономіей. Не удовлетворяясь качествами инструментовъ, бывшихъ хотя бы въ употребленіи у царственнаго звѣздочета Улугъ-бега въ Самаркандѣ, качвахскій махараджа изобрѣлъ усовершенствованные, при помощи коихъ производилъ столь точныя наблюденія, что и новѣйшіе математики изумлены. Онъ соорудилъ обсерваторіи въ Джайпурѣ, Бенаресѣ, Дэли, Матурѣ, — по его приказанію на санскритскій переведенъ Эвклидъ, собрана великолѣпная библіотека. Радѣя о человѣчествѣ, основатель «города побѣды» повсемѣстно, гдѣ только могъ, построилъ великое множество караванъ-сераевъ: надо помнить, что убѣжденно-милосердные индусы вообще испытываютъ потребность часто молиться «за плавающихъ и путешествующихъ»!

Со смертью мудраго махараджи столица его постепенно пришла въ упадокъ отъ неспособности и безсмысленной расточительности преемниковъ, отъ маратскихъ нашествій и долгаго упорства вступить въ дружбу съ каждодневно усиливавшимися англичанами. Осторожные качвахи, — первые, вопреки кореннымъ раджпутскимъ обычаямъ, отдавшіе въ замужество Моголамъ своихъ княженъ, — послѣдніе въ Раджастанѣ согласились признать протекторатъ европейцевъ. Хвала и честь! Въ данную минуту джайпурцы быстро воспринимаютъ блага цивилизаціи, обзавелись превосходной больницей (въ память лорда Мэо) и тюрьмой, образцевымъ училищемъ и школой для художниковъ, газовымъ освѣщеніемъ, водопроводами и т. п. Прозорливая щедрость правителей и колоссальныя богатства осѣвшихся тутъ купцевъ обѣщаютъ городу блестящую будущность. Однако пишутъ, будто его постепенно заноситъ песками.

Наслѣдникъ Цесаревичъ сейчасъ намѣренъ отправиться съ отвѣтнымъ визитомъ къ туземному князю. На широкой терассѣ резидентскаго дома торговцы разными дорогими ожерельями мѣстнаго издѣлія, аляповатыми бронзовыми божками и старымъ оружіемъ, нарочно теперь изготовляемымъ для сбыта туристамъ, только-что перестали приставать съ предложеніями взглянуть на принесенныя рѣдкости и всевозможный бракъ.

Упраздненный дворецъ «Residency», гдѣ изволили остановиться Ихъ Высочества (свита живетъ около, въ палаткахъ) — приблизительно въ четырехъ верстахъ отъ городской стѣны. По дорогѣ къ ней намъ попадаются странныя повозки съ цвѣтными балдахинами, запряженныя бѣлыми одногорбыми быками, подъ длинными красными попонами, съ рогами въ зеленой оправѣ. У одной хижины сидитъ быстроокій ручной леопардъ, дружелюбно прижавшись къ своему сторожу. Страшный индусъ-факиръ, выпрашивая подаянія, кричитъ и размахиваетъ руками вслѣдъ нашимъ экипажамъ.

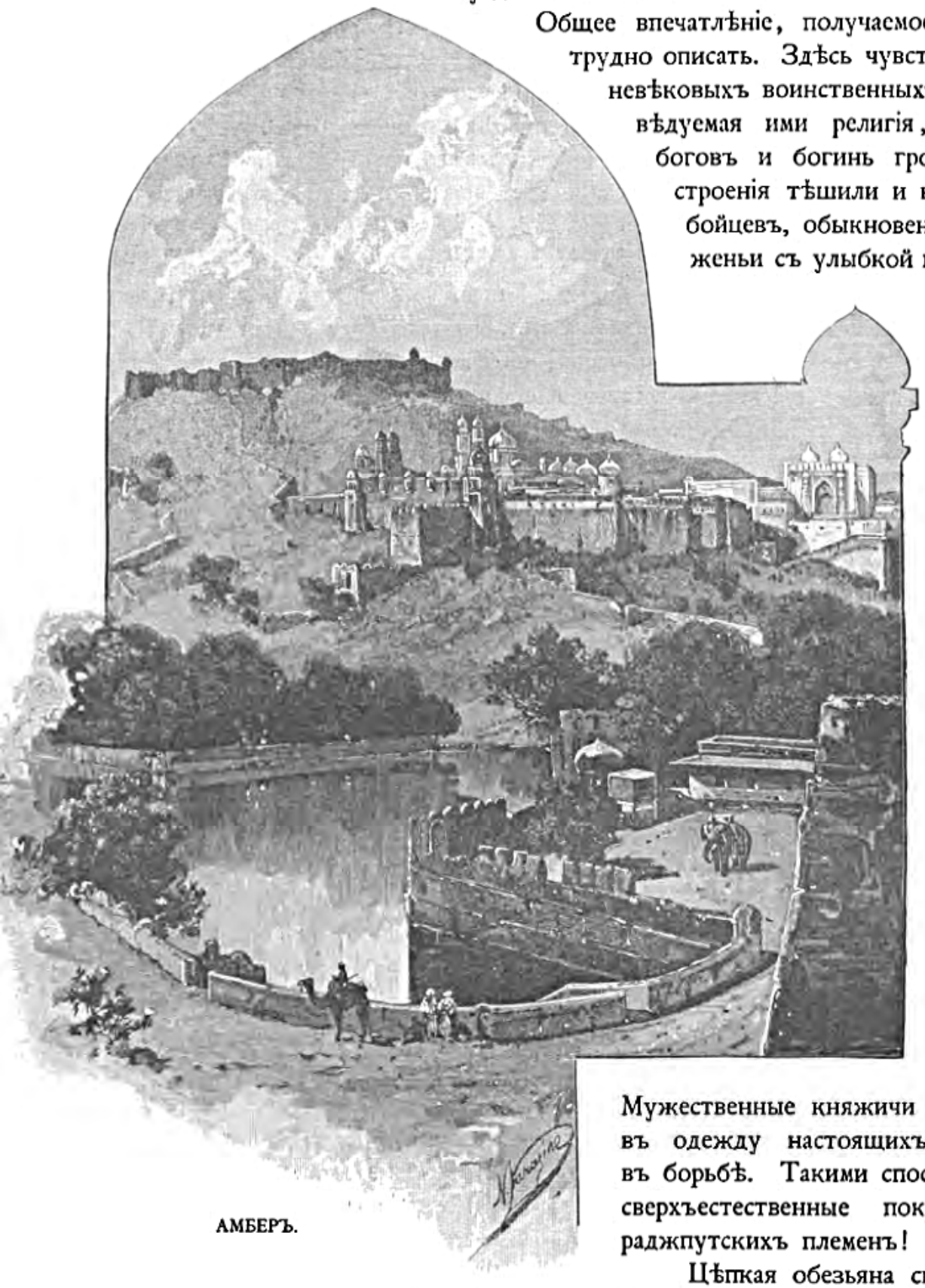
У палатъ махараджи — тѣсная молчаливо привѣтствующая толпа. Приходится проѣхать черезъ два двора и затѣмъ войдти въ пріемный залъ на столбахъ, открытый на три стороны, — гдѣ обмѣнъ вѣжливостей, разсаживаніе гостей по старшинству, увѣнчаніе гирляндами и врученіе «пана» съ окропленіемъ розовой водой (аттаръ) совершенно тождественны съ имѣвшими мѣсто въ Джодпурѣ. Только обстановка здѣсь — какъ-бы торжественнѣе. Больше почтительной знати видно за пышнымъ кресломъ джайпурскаго молодаго правителя, надъ которымъ слуги держатъ и опахало (чамра или чаори) изъ хвоста яка, съ золотой ручкой, и павлиньи перьи, и булаву. Однимъ словомъ «дурбаръ», — что по туземному означаетъ парадную встрѣчу и засѣданіе великихъ міра сего, — сегодня представляется намъ во всемъ великолѣпіи.

Послѣ полудня — поѣздка на тигровую охоту, по сѣверо-восточному направленію. Шоссейный путь идетъ къ возвышенностямъ. Отдалившись въ коляскахъ за городъ на пять верстъ, надо пересѣсть на приготовленныхъ верховыхъ лошадей и торопиться переваломъ въ мрачную и не особенно обширную долину, преисполненую дикаго величія и своеобразной красоты, — точь въ точь караванная тропа за китайскимъ городомъ Калганомъ, между южной чахарской Монголіей и Пекиномъ. Но тамъ масштабъ грандіознѣе и вершины плотнѣе застроены пресловутою «Великою стѣною», тогда какъ здѣсь лишь отпечатокъ бо́льшей суровости наложенъ на мѣстность, долго служившую центромъ качвахской дѣятельности.

Странное сочетаніе красокъ приковываетъ взоры. Желтобурыя пятна вкраплены въ изъелено-сѣрую поверхность окружающей холмистой гряды «Кали-кхо». Зубцы какихъ-то причудливыхъ полуразрушенныхъ замковъ розовѣютъ на высотахъ, гдѣ нѣсколько вѣковъ раскидывалась столица области — Амберъ, издревле носящая это названіе или какъ сокращеніе отъ имени Амбика, жены Шивы, или отъ Амба (мать вселенной), которой съ незапамятныхъ временъ поклонялись коренные обитатели края — «Мины» или «Мэны», доселѣ составляющіе важный элементъ простонародья. Они, самостоятельно управляясь родными князьями, занимали до X вѣка нашей эры пространство между Аджмиромъ и рѣкою Джумной; но затѣмъ пришли раджпуты, и для туземцевъ наступили черные дни.

Желтая полоса песковъ, изобилующихъ въ окрестностяхъ Джайпура, — коего подданные-землепашцы исключительно тяжелымъ трудомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе и ревностно озабочены вопросомъ объ орошеніи, — тянется спорадически вдоль дороги мимо упраздненнаго и пустыннаго стараго города. Мшистыя стѣны изрѣдка даютъ просвѣтъ сѣрымъ и грустнымъ колоннадамъ эллинскаго характера. Орлы и коршуны парятъ надъ безлюдьемъ и омертвѣніемъ словно чарами окованнаго фантастическаго дворца на вершинѣ далекой горы, — а онъ, какъ-бы погруженный въ мучительное раздумье о прошедшемъ, смотрится съ могучей крутизны въ недвижно-темное прозрачное озеро у ея

подножья, откуда по временамъ аллигаторы высовываютъ отвратительную голову ил
безбоязненно (ихъ считаютъ священными тварями) вползаютъ на берегъ расположенна
на этихъ водахъ островка, — гдѣ махараджи, по преданію, занимались магіей въ одном
уединенномъ павильонѣ.



АМБЕРЪ.

Общее впечатлѣніе, получаемое издали отъ Амбер
трудно описать. Здѣсь чувствуешь, чѣмъ для сред
невѣковыхъ воинственныхъ индусовъ была испо
вѣдуемая ими религія, въ которой образ
боговъ и богинь грознаго, кроваваго на
строенія тѣшили и вдохновляли бардовъ
бойцевъ, обыкновенно умиравшихъ въ сра
женьи съ улыбкой на лицѣ. Стоило, напр
врагамъ потѣснить
довести до крайност
гарнизонъ какой-ни
будь крѣпости, осаж
даемые суевѣрно ви
дѣли въ этомъ явны
признакъ гнѣва с
стороны заступника
божества. Ночью чья
то бѣлая тѣнь на
клонялась надъ кня
жескимъ ложемъ
жаловалась: «Я го
лодна! утолить мен
можетъ только жарка
кровь твоего рода
твоихъ сыновей, — д
еще притомъ такихъ
которые выходили б
въ сѣчу съ царско
діадемой на челѣ». .
И велѣнье алчнаг
призрака безпреко
словно исполнялос
Мужественные княжичи поочередно облекалис
въ одежду настоящихъ правителей и гибл
въ борьбѣ. Такими способами умилостивлялис
сверхъестественные покровители отдѣльных
раджпутскихъ племенъ!

Цѣпкая обезьяна скользнула передъ нам
средь кустарниковъ. Спѣсивый павлинъ (ихъ же въ Раджпутанѣ великое множество!
распустилъ, на пригорочкѣ рядомъ, свой сапфирный хвостъ. Смуглая баба съ дитятею; —
вся въ красномъ и синемъ, со стекляными браслетами на тощихъ рукахъ, — прижалас
къ придорожнымъ утесамъ, пропуская кавалькаду. Сколько выраженія въ таком

сосредоточенномъ энергичномъ лицѣ! Недаромъ туземныя пѣсни и преданія повѣствуютъ о женскомъ самопожертвованіи въ старину, достойномъ и умиленія и ужаса. Что сказать, хотя-бы о слѣдующемъ? Кормилица качвахскаго новорожденнаго князя нянчитъ и холитъ его нѣжнѣе своего собственнаго ребенка. Внезапно на дворецъ производится нападеніе. Недруги всюду ищутъ случая убить младенца-престолонаслѣдника. Она же рѣшается украсить сынишку жемчугами и платьемъ раджи, сознательно предаетъ его палачамъ, — но когда подмѣнъ удался и царственный питомецъ спасенъ, несчастная мать вонзаетъ себѣ въ сердце ножъ, восклицая: «мнѣ надо торопиться на тотъ свѣтъ, чтобы покормить моего маленькаго . . . .».

Встрѣченная баба еще любопытна тѣмъ, что невольно напоминаетъ какъ девятьсотъ лѣтъ назадъ именно сюда пришла въ простонародномъ одѣяніи пугливой изгнанницы княгиня первенствующаго тутъ нынѣ племени «черепахъ». Во время отдыха этой индійской Агари кобра стерегла и осѣняла своими кольцами малютку.

Инородцы «мэны» приласкали чужеземку. Глава ихъ усыновилъ даже ея подростающаго отрока; онъ же, побывавъ затѣмъ въ цвѣтущемъ Дэли, набралъ дружину раджпутовъ и воцарился надъ нежелавшими признавать его коренными обитателями области, обагривъ руки съ крови своихъ пѣстуновъ и благодѣтелей.

ЗА АМБЕРОМЪ.

Мы скачемъ мимо этихъ безмолвныхъ памятниковъ минувшаго. Убогое жилье высится на пути Ихъ Высочествъ. Вкругъ Амбера прозябаютъ въ значительномъ количествѣ брамины, постоянно обходящіе районъ чертоговъ и развалинъ: въ извѣстные часы дня тамъ приносится въ жертву жадной синетѣлой Кали (супругѣ Шивы) неукоснительно доставляемая жрецамъ черная коза.

Угрюмая долина, за чертою прежней столицы, сначала сильно съуживается, ведетъ вдоль лѣсистыхъ обрывовъ и кончается спускомъ въ равнину, окаймленную холмиками и

убѣгающую въ ширь густыхъ джонглей, гдѣ прячутся тигры. Четыре изъ нихъ сегодня утромъ заѣли нарочно въ виду приманки привязанную для нихъ корову.

Высохшія рѣчки попадаются на дорогѣ. Высокая трава заслоняетъ даль, откуда можетъ показаться звѣрье. Масса народа, который изъ любопытства собрался на опасную потѣху (тамаша) именитыхъ «сахибовъ» (господъ) пестрыми кучками покрываетъ низкія возвышенности, прямо противъ деревянныхъ охотничьихъ платформъ, куда надо взойдти по узенькимъ шаткимъ лѣстницамъ, чтобы сверху во время доглядѣть каждаго хищнаго «скотобоя», хоронящагося въ непроходимой чащѣ зарослей, откуда мы уже находимся въ немногихъ шагахъ.

Соскочивъ съ коней, Августѣйшіе путешественники и свита направляются болотистыми топкими тропинками вдоль ложбины, оцѣпленной загонщиками и приноровленными для облавы терпѣливыми слонами. Нервы напряжены ожиданіемъ невиданнаго зрѣлища. Полуденный воздухъ утомительно дѣйствуетъ на дыханіе. Сопровождающіе Его Императорское Высочество статные сикхи держать ружья наготовѣ у первой ступени избранной для Него удобной центральной вышки. Наслѣдникъ Цесаревичъ всходитъ на нее вмѣстѣ съ испытаннѣйшимъ въ Индіи стрѣлкомъ — полковникомъ Джерардомъ. Остальные участники карабкаются по двое на платформы лѣвѣе и правѣе. Докторъ Рамбахъ, Гардингъ, художникъ и я, въ качествѣ безоружныхъ, не отыскиваемъ себѣ пристанища и, очутившись въ непосредственной близости джонгля на какомъ-то пригоркѣ, съ совершенно понятнымъ любопытствомъ высматриваемъ тигровъ.

Такъ проходятъ минуты двѣ — три. Вдругъ оглушительная нестройная восточная музыка раздается за кустарникомъ и травой поодаль. Крики и ревъ толпы, гиканье облавщиковъ, рѣзкій «трубный» гласъ понукаемыхъ вожаками чрезвычайно осторожныхъ слоновъ, — все смѣшивается съ барабаннымъ боемъ и должно наводить панику на притаившееся гдѣ-то звѣрье, чтобы оно скорѣе ринулось отсюда на волю и попалось подъ выстрѣлъ Сѣвернаго Гостя.

Сегодня — вторая не лишенная эмоцій охота. Цѣпь около Родзы, въ ожиданіи пантеры, представляла, правда, отчасти болѣе опасности, — такъ какъ это животное крайне мстительно и не прощаетъ ранившему его или давшему по немъ промахъ, — но параллельно съ тѣмъ и гораздо менѣе интереса, потому что позиція безъ кругозора обусловливала слишкомъ случайный характеръ встрѣчи съ «непріятною и неуживчивою кошкой». Тутъ же охотникамъ открывается просторъ для наблюденія. Внимательнымъ окомъ озираютъ они гибкій безцвѣтный тростникъ джонгля, гдѣ словно что-то колышется. вѣтерокъ-ли шелеститъ, или звѣрь крадется? пытливое ожиданіе кажется безконечнымъ!

Несмотря на систематическое надвиженіе облавы къ центру зарослей, чтобы выгнать врага прямо противъ вышки, занятой Великимъ Княземъ, — тигры уползли въ сторону и запрятались въ болотѣ, неподалеку отъ насъ — пѣшихъ туристовъ, какъ-бы обреченныхъ на растерзаніе.

Вотъ и загонщики слегка угомонились, и слоны лѣнивѣе мнутъ потревоженное логовище ненавистныхъ тигровъ. Неужели ничего не будетъ? Можетъ-ли статься, что хищники ушли? Вдругъ, на разстояніи полутора десятка саженей отъ платформы, гдѣ стали князья Барятинскій и Оболенскій (имъ обоимъ ужасно везетъ на охотахъ!) тихо выступаетъ громадный царь индійскихъ джонглей. Выстрѣлъ второй бѣшеный прыжокъ въ нашу сторону и опять никого не замѣтно: только туземцы принимаются съизнова неистово орать и бить въ барабаны. Заросли трещатъ отъ свѣжаго напора

облавщиковъ. Другой маленькій тигръ выскакиваетъ на ту же вышку и тотчасъ же падаетъ, сраженный мѣткою пулей. Надо искать перваго подстрѣленнаго хищника. Но низменная чаща кустарниковъ, переплетенныхъ съ длинною травой, безмолвнѣе могилы: не уснулъ-ли тамъ и взаправду мощный «полосатый скотобой», наводившій горе на окрестность? Съ необычайной осторожностью обшариваютъ туземцы всю ложбину, — и снова нечеловѣческій ревъ оглашаетъ ее, точно на нихъ бросился третій тигръ, точно людей рвутъ на части, точно невѣроятное несчастіе приключилось съ загонщиками. На этотъ разъ мы слышали вопль торжества. Шумныя толпы, въ легкихъ прозрачныхъ одѣяніяхъ, бѣгутъ къ мѣсту, гдѣ издохъ первый смертельно раненный звѣрь. Пестрое многолюдье обступило его. Невзрачный джайнистъ, съ шапочкой венеціанскаго дожа, накло-

ПАНТЕРА У РОДЗЫ.

нился надъ трупомъ. Страшные глаза уже не грозятъ. Откинувшись на бокъ, зіяя пастью, онъ — теплый, мягкій, мало окровавленный, удивительно красивый и спокойный — все еще внушаетъ къ себѣ смѣшанное чувство вражды и уваженія.

Небольшая зала со столбами, занавѣшенными темноалою тканью. Звуки штраусовскаго «Bei uns z'Haus» переливаются за нею. Въ палатахъ джайпурскаго князя — въ честь Наслѣдника Цесаревича парадный обѣдъ, на которомъ присутствуютъ одни европейцы. Къ концу его, передъ тостами (за Государя Императора и Его Императорское Высочество, за королеву Викторію и короля Эллиновъ) является хозяинъ (самъ «раджъ раджъ Индра», какъ принято величать владыкъ, создавшихъ Амберъ). Придти раньше значило бы нарушить

этикетъ. Принять участіе въ трапезѣ съ иновѣрцами или даже людьми иной касты равносильно совершенію тягчайшаго проступка въ соціально-религіозномъ отношеніи, за который полагается исключеніе изъ послѣдней съ принятіемъ виновнаго обратно лишь цѣною почти непосильной денежной пени и путемъ унизительныхъ очищающихъ обрядовъ. Приверженность индусовъ къ тому, что уже такъ-сказать отъ вѣка установлено, до невѣроятнаго велика: если, напр. нищій простолюдинъ готовитъ себѣ на улицѣ пищу и хотя бы тѣнь прохожаго чужаго человѣка упала на нее, варево отбрасывается, какъ нечистое.

Джайпурскій махараджа Сэвай Мадхао Сингъ, сто сороковой потомокъ по прямой линіи отъ героя Рами, не говоритъ по англійски. Его «диванъ» (главный совѣтникъ) — Рао Бахадуръ Канти Чандра Мукарджи, маленькій старикъ съ чрезвычайно умнымъ лицемъ, за него произноситъ спичъ, содержащій поздравленія Дорогому Гостю и выраженія удовольствія, что русскіе именно здѣсь, въ качвахскихъ владѣніяхъ, испытали успѣхъ на тигровой охотѣ. Надо добавить: туземцы любятъ не безъ гордости вспоминать, какъ принцъ Уэльскій тоже тутъ убилъ перваго тигра, зимою 1876 г.

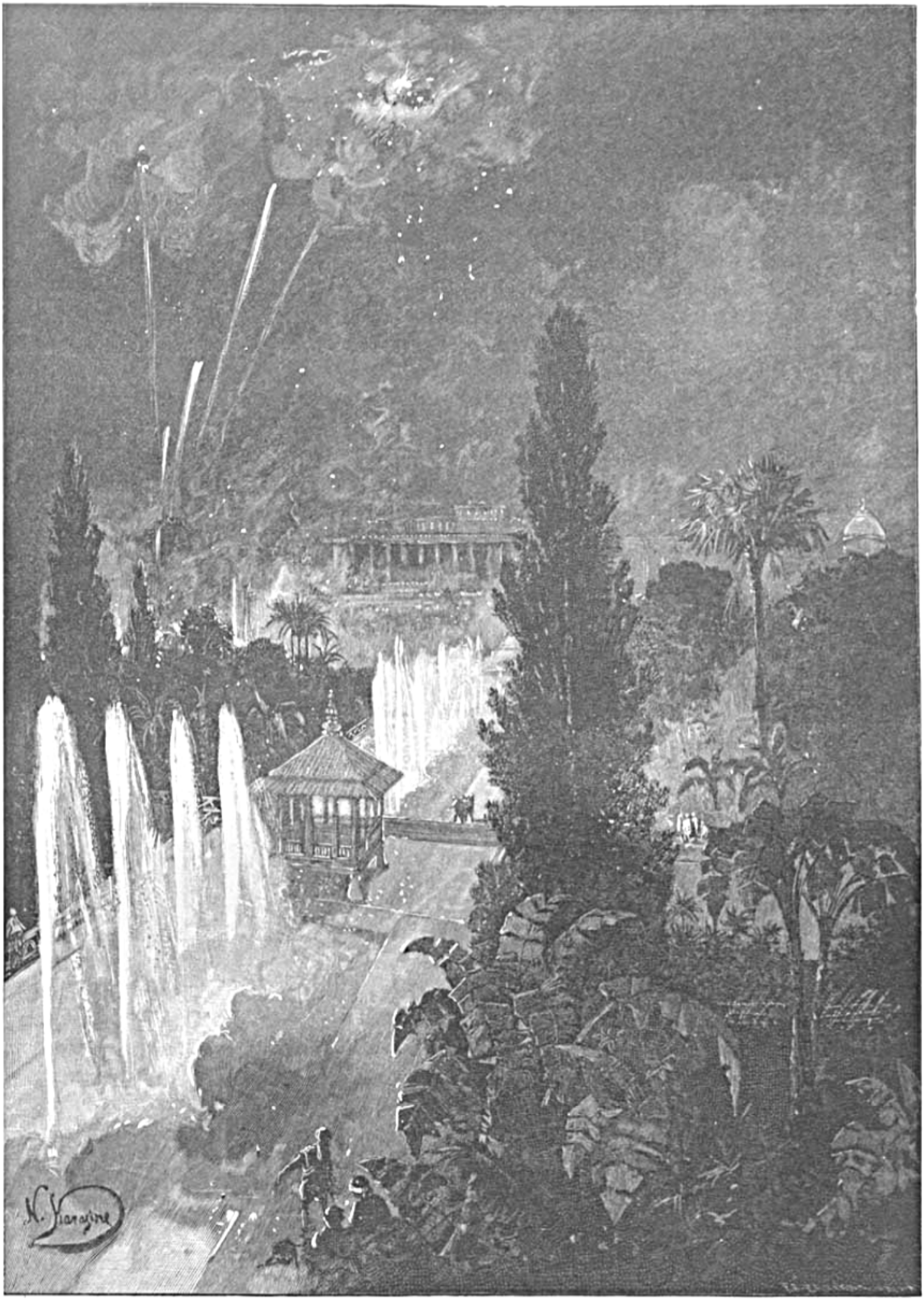
Вечеромъ — еще два памятныхъ зрѣлища. Сначала — неизбѣжный «научъ» среди зданія, вродѣ манежа. Потомъ — фейерверкъ въ дворцовыхъ садахъ.

Множество баядерокъ, несмотря на великолѣпіе своего костюма и присутствіе между ними нѣсколькихъ весьма изящныхъ фигуръ, всетаки скорѣе утомляетъ, чѣмъ веселитъ. Кто привыкъ безпрестанно видѣть этихъ танцовщицъ, мало по малу сживается съ настроеніемъ, въ которое погружаютъ себя азіаты, цѣлыми часами просиживающіе въ оцѣпенѣломъ созерцаніи знакомой монотонной пляски. Пусть она не отличается страстными порывами, — пусть въ созвучной ей музыкѣ нѣтъ искръ священнаго огня: за то обѣ онѣ — воплощенная тоска и Sehnsucht міровой лирики, за то онѣ — отраженіе преходящей Майи (марева явленій) въ морѣ вѣчнаго покоя. По временамъ забудешься, и воочію, такъ сказать, осязаешь настоящій глубокій Востокъ. Вотъ одна плясунья сложила свое воздушное изумруднаго цвѣта покрывало въ подобіе инструмента, употребляемаго заклинателями змѣй. Губы ея какъ будто что-то шепчутъ. Мелодія незатѣйливаго оркестра наигрываетъ чарующій призывъ. Звуки точно вздрагиваютъ, извиваются и ползутъ. Дѣвушка же надуваетъ щеки, притворяется дудящей въ свернутыя складки мягкаго «сари», нетерпѣливо движется или нехотя отбѣгаетъ, словно отъ приближенья гадовъ, стекающихся на гласъ волхва.

Обступающія баядерки плавно равняются по сторонамъ искусницы, увлекаютъ ее и сами шумно выступаютъ впередъ. Опять видишь холодныя сверкающія очи, видишь маски безъ улыбки вмѣсто молодаго вдумчиваго чела, — бездушный драгоцѣнный уборъ, предназначенный для зрѣнія.

Широкая галлерея надъ выходомъ въ темный паркъ. Ощутительно-рѣзкая ночная прохлада. Иллюминованныя аллеи, купы деревьевъ и цвѣтниковъ.

Мелкими звѣздочками сыплются съ неба неугомонныя ракеты. Изборожденная ими твердь быстро заволакивается упорною мглою. Все чаще и чаще вспыхиваютъ огоньки воспламеняемыхъ транспарантовъ и колесъ. Непріятный запахъ пороха распространяется по саду. Но взоры прикованы къ темнотѣ, гдѣ о каменный бѣлоснѣжный помостъ, окаймляющій водоемы, жизнерадостными струями прядаютъ въ вышину и разбиваются въ пыль неизсякающіе золотые фонтаны.



ПРЕОБРАЖЕННЫЕ САДЫ МАХАРАДЖИ.

Четвергъ, 27 декабря (8 января).

Хотя отсюда до Бомбея довольно далеко, въ Джайпуръ пріѣхали съ эскадры командиръ «Владиміра Мономаха», капитанъ 1-го ранга Дубасовъ, и еще два-три лица. Изъ числа ихъ мичманъ Бахметевъ съ «Азова» даже участвуетъ сегодня утромъ, съ сэромъ Мэкензи Уоллесомъ, въ любимой англо-индійской забавѣ «pig-sticking», заключающейся въ томъ, что кабановъ гонятъ и колютъ пиками съ коня. Этотъ видъ спорта представляетъ не мало опасности и часто, если ловко не управиться съ испуганной лошадью, разсвирѣпѣвшій звѣрь вонзаетъ въ нее клыки и ранитъ всадника. На неровной кочковатой мѣстности нерѣдки случаи смертельнаго паденія на полномъ скаку, при настиженіи добычи или при стремительномъ убѣгѣ.

Въ городскомъ дворцѣ махараджи, передъ завтракомъ, новыя зрѣлища. На обширный дворъ съ крытой эстрадой, заставленной сидѣніями, приводятъ на безкровный бой разныхъ животныхъ. Бараны, съ причудливо изогнутыми рогами, сталкиваются лбомъ, подпрыгиваютъ и опять, глупо махая головой, сшибаются съ глухимъ трескомъ на скаку. Птицы ожесточенно дерутся другъ съ другомъ. Дикія козы и буйволы вступаютъ въ борьбу. Но нѣтъ и слѣда тѣхъ ужасовъ, которые сравнительно недавно творились въ Индіи на аренѣ, гдѣ носороги, гладіаторы и хищное звѣрье смѣшивались въ обезображенную бьющуюся массу. Здѣсь твари, во-первыхъ, не злы а кромѣ того сторожа разлучали сражающихся, чуть только они слишкомъ распалялись.

Уморительнѣе всего были схватки крошечныхъ щетинистыхъ кабанятъ. Ихъ приносили и понемногу стравливали. Поросята хрюкали, сердились, пищали, накладывали лапы на противника, — точно обнимая его, и затѣмъ, попавъ вторично на руки своего привратника, успокоенно прижимались къ его груди.

Ихъ Высочества идутъ прелестными садами махараджи въ боковыя зданія княжескихъ палатъ. Ступеней наверхъ, куда намъ указываютъ дорогу, не существуетъ: полъ незамѣтнымъ наклоннымъ подъемомъ приводитъ во второй ярусъ, соединенный особыми выступами съ павильономъ, изъ котораго владыки Джайпура наблюдаютъ за битвой слоновъ. Эта привиллегія дана въ странѣ лишь царямъ и могущественнѣйшимъ правителямъ.

Передъ нами цѣлое поле, окруженное тучами зрителей. Иные вскарабкались на деревья, другіе — на кровлѣ домовъ, остальные тѣснятся въ отдаленьи, уповая на скорость ногъ — въ случаѣ какой напасти. Четвероногій исполинъ — на свободѣ и поражаетъ крайне смирной внѣшностью. Другой — тутъ же около, въ загонѣ, мечется и рычитъ, прикованный за лапу короткою цѣпью. Наконецъ его выпускаютъ на волю, колоссовъ дразнятъ и доводятъ до столкновенія. Два «одушевленныхъ холма» ударяются туловищами и клыками. Люди бѣгутъ съ пиками и петардами разогнать ожесточающихся слоновъ. Но они и сами — себѣ на умѣ, поворачиваются къ публикѣ спиной и рѣзвою рысью дружно убѣгаютъ за черту арены, явно не желая продолжать состязанія и не питая никакой взаимной антипатіи.

Передъ обѣдомъ — посѣщеніе извѣстнаго джайпурскаго музея, создавшагося по иниціативѣ знатока Раджпутаны и ея ремеслъ, военнаго врача Hendley, играющаго здѣсь немаловажную роль даже въ политическомъ отношеніи. Напримѣръ, когда прежній махараджа умеръ бездѣтнымъ (таковъ ужъ удѣлъ большинства изъ нихъ), онъ передъ смертью — именно по совѣту и выбору Хэндлея — неожиданно усыновилъ одного угоднаго британскимъ властямъ дальняго юнаго родственника (нынѣ правящаго), которому

пришлось вырости въ бѣдности и во снѣ не снилось, что онъ со временемъ призванъ княжить надъ качвахами.

Не довольствуясь существованіемъ у нихъ ремесленно-художественной школы, не лишенной значенія и будущаго, — мѣстный дворъ согласился ежегодно отпускать щедрыя средства на такъ-называемый «Economic, Educational and Industrial Art Museum». Сначала, въ 1882 г. Джайпуръ устроилъ торгово-промышленную выставку для того, чтобы привлечь на себя вниманіе и показать, какъ много таланта и трудолюбія свойственно индусамъ-подданнымъ туземныхъ государствъ; затѣмъ три года тому назадъ послѣдовало открытіе и самого музея. Съ этого достопамятняго дня въ стѣнахъ его перебывало уже до 2½ милліоновъ посѣтителей. Любознательность и любопытство ихъ объясняются тѣмъ, что тамъ дѣйствительно есть чѣмъ полюбоваться.

Копіи съ драгоцѣнныхъ иллюстрацій разрисованнаго при Акбарѣ «Razmnamah» (древнеэпическихъ твореній Индостана въ ново-иранской отдѣлкѣ), живописное изготовленіе коихъ обошлось тогда чуть-ли не въ полъ милліона рублей, развѣшены въ центральномъ корридорѣ; картины Китая, Японіи, Ассиріи, Халдеи и Египта чередуются съ имитаціей античныхъ фресокъ изъ аджантскихъ пещеръ Деккана; коллекція оружія (различныхъ эпохъ) съ богатой насѣчкой служатъ нагляднѣйшимъ объясненіемъ, какими путями шло развитіе сложнаго орнамента, пока онъ еще почти всецѣло примѣнялся къ предметамъ боеваго характера; затѣмъ идутъ тщательно подобранные снимки съ индійскихъ монетъ (за двѣ тысячи лѣтъ) съ картами и хронологическими таблицами прошлаго страны. Тутъ же около красуются немногочисленныя фотографіи египетскихъ древностей и женская мумія, которую нашъ знакомецъ Бругшъ-бей прислалъ сюда изъ Каира; образчики рѣзьбы на деревѣ, камнѣ и слоновой кости, астрономическіе приборы великаго Джай Синга, этнографически важныя головы (изъ папьэ-машэ) типичнаго туземнаго населенія, въ причудливо повязанныхъ чалмахъ и съ кастовыми знаками на челѣ; ткани и ковры, фарфоръ и глиняная посуда, мраморные божки, цвѣтные виды замѣчательнѣйшихъ мѣстъ Индіи и т. д. и т. д. Верхній этажъ музея предназначенъ для геологическихъ, минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій; но этотъ отдѣлъ до сихъ поръ не вполнѣ законченъ.

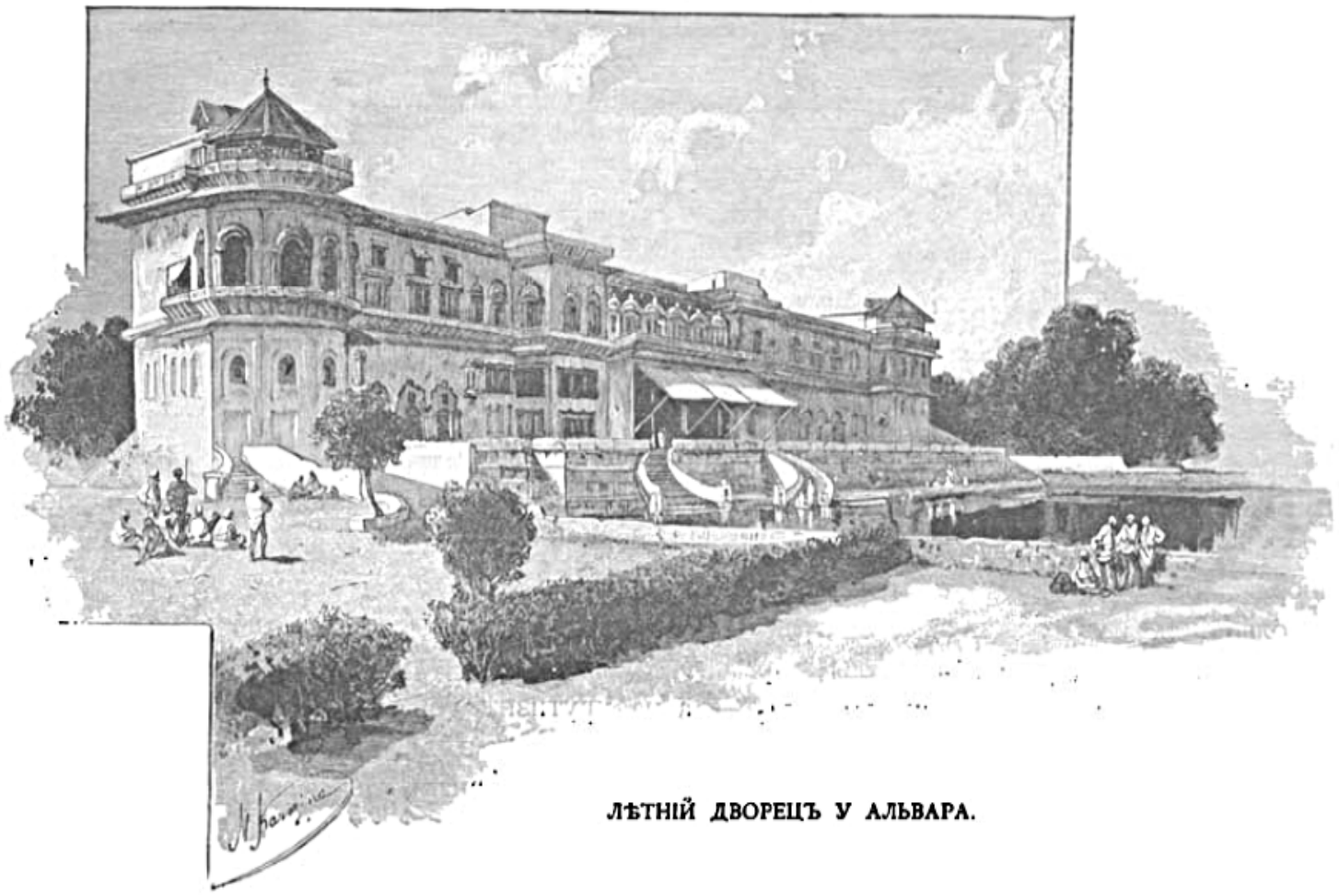
Докторъ Рамбахъ ѣздитъ осмотрѣть здѣшній госпиталь. Между паціентками тамъ особенно поражаютъ несчастныя жертвы ревности съ откушенными носами, которые, будучи вновь приставленными и пришитыми, довольно скоро срастаются или замѣняются искуственными. Законъ строго караетъ мужей за подобное звѣрство. Но оно — въ обычаѣ и, такъ какъ женщины носятъ въ ноздряхъ кольца съ жемчугами, то обезображенныя ноздри не слишкомъ бросаются въ глаза. Пострадавшія обыкновенно и не жалуются на мучителей. Хардингъ по этому поводу разсказываетъ намъ, что однажды на страшные бабьи вопли въ какомъ-то домѣ сбѣжался народъ: видятъ молодуху съ окровавленнымъ лицемъ, ея мужа, тещу и еще нѣсколькихъ сосѣдокъ, ползающихъ въ поискахъ за чѣмъ-то въ углахъ комнаты. «Безносая» злополучная женщина отчаянно плачетъ, но не о томъ, что откушенъ носъ, а о томъ, что онъ (неизвѣстно гдѣ) упалъ и затерялся.

Пятница, 28 декабря (9 января).

Восемь утра. Альваръ. Мѣстный махараджа Мангалъ Сингъ и политическій агентъ, полковникъ Абботъ, встрѣчаютъ Его Императорское Высочество на станціи. Почетный караулъ выставленъ туземными войсками княжества. Коляска, запряженная четверкою, и

конвой дожидаются у вокзала. Августѣшіе путешественники направляются въ приготовленный для нихъ «лѣтній загородный дворецъ». Радушный хозяинъ сопровождаетъ до него Гостей и затѣмъ уѣзжаетъ. Долго слышутся въ окружающемъ густолиственномъ паркѣ мѣрные молодецкіе шаги удаляющагося съ музыкой отряда, который привѣтствовалъ Наслѣдника Цесаревича въ моментъ прибытія къ палатамъ, гдѣ намъ — согласно программѣ — предстоитъ прожить два дня.

Въ сущности тутъ уже — порядочная глушь Индіи, — центръ, куда рѣдко кто заворачиваетъ, — продолженіе и дополненіе Джайпура, но на совершенно другой ладъ. Альваръ представляетъ собою передовой постъ Раджпутаны, въ довольно незначительномъ разстояніи отъ Дэли, который когда-то съ нимъ былъ связанъ узами родства и общностью



ЛѢТНІЙ ДВОРЕЦЪ У АЛЬВАРА.

культуры, а впослѣдствіе, со времени мусульманскаго ига, постоянно испытывалъ мужественныя нападенія обитавшихъ тутъ «міосцевъ», коренныхъ жителей края (съ примѣсью арійской крови касты воиновъ).

Округъ Мэватъ, — гдѣ находится Альваръ, сравнительно поздно ставшій столицей, — упоминается уже языческими бардами. Иные изъ мѣстныхъ раджпутовъ приняли исламъ, но продолжали быть грозою для дэлійскихъ властителей, простирая ночные набѣги джонглями до стѣнъ твердыни «правовѣрныхъ», — такъ что султаны велѣли вырубить лѣсъ и разрѣдить чащу зарослей по направленію къ холмамъ, среди которыхъ пролегаетъ теперь желѣзнодорожный путь изъ Пэнджаба во внутреннюю Индію. Безпокойную же знать, руководившую походами на императорскую резиденцію, надо было привлечь на свою сторону, — и, дѣйствительно, мэватскіе князья вскорѣ, въ качествѣ вліятельныхъ царедворцевъ, появляются при дворѣ въ Дэли, пользуются междоусобіями престолонаслѣдниковъ,

дружатъ съ бѣглыми рабами и разбоями держатъ въ страхѣ тамошнихъ богатыхъ горожанъ. Когда смѣлый тимуридъ Баберъ вторгается и глубоко проникаетъ въ страну, могучій отпоръ альварцевъ составляетъ для него весьма чувствительную преграду.

Послѣ цѣлаго ряда превратностей судьбы они въ прошломъ столѣтіи подпадаютъ подъ управленіе даровитаго потомка вѣтви качвахскаго княжескаго рода — Партапъ Синга, который въ ущербъ Джайпуру расширилъ себѣ удѣлъ, при помощи преданнаго клана «наруковъ» и союзниковъ — маратовъ. Крѣпостью Альваръ (собственно «Альпуръ», твердыня) — на высокомъ холмѣ, прямо передъ нашими окнами — владѣли тогда полуразбойники («джаты») древнескиѳскаго происхожденія. Партапъ Сингъ взялъ ее осадой, удержалъ и постепенно отложился отъ родной столицы (Джайпура). Умирая бездѣтнымъ, раджа намѣтилъ въ преемники дальняго сородича Бахтаваръ Синга, потому что изъ числа привезенныхъ на выборъ малолѣтнихъ сверстниковъ онъ единственный не набросился на игрушки, показанныя мальчикамъ, а взялся за положенные рядомъ щитъ и копье.

Лишь съ 1870 г. въ княжествѣ живетъ постоянный англійскій резидентъ.

Ихъ Высочества отправляются съ отвѣтнымъ визитомъ къ махараджѣ. Дорога въ городъ и дворецъ подымается въ гору. Узкія, превосходно вымощенныя улицы засыпаны народомъ. Кровли, балкончики, лавки пестрятъ разнообразнѣйшей массой. Между нею даже выдѣляются полуголые татуированные дикари, съ обликомъ встрѣченныхъ въ Декканѣ «биловъ». На женщинахъ (въ коричневомъ, желтомъ и синемъ) наброшены покрывала, унизанныя мерцающими на солнцѣ стеклышками.

Грохотъ салюта, предъ воротами замка, заставляетъ горячихъ лошадей Великокняжескаго экипажа испуганно стать на дыбы. Сумрачными сводами зіяетъ ходъ въ черту дворца. Хозяинъ выходитъ на встрѣчу Гостямъ. Пройдя немного шаговъ, попадаешь въ небольшой дворъ и, на первыхъ порахъ, въ себя не можешь прійдти отъ восторженнаго изумленія. Бѣлыя стѣны ограды, красные мундиры караула, мраморная лѣстница съ кіосками надъ террассой пріемнаго зала, — а на крутизнѣ горы впереди, уходя въ золотую высь лазурнаго неба, развалины оплота блиставшихъ здѣсь нѣкогда правителей
око расширяется отъ красоты и блеска, тѣнистая «дурбарная» галлерея манитъ укрыться отъ солнечнаго зноя: въ нашемъ путешествіи есть эстетическія эмоціи, которыя нельзя забыть!

Игрушечное царство, именуемое Альваромъ и насчитывающее всего 800,000 жителей, получило еще отъ дэлійскаго двора право пользованія эмблемами высокой власти, драгоцѣнными изображеніями «рыбъ» (Махи Маратибъ), которыя выносятся въ торжественныхъ процессіяхъ вмѣстѣ съ кумирами четы качвахскихъ предковъ (героя Рамы и его супруги Ситы). Для вящаго эффекта четверка слоновъ впрягается въ парадную двухъярусную повозку князя, обитую парчей.

Изъ пріемной залы Августѣйшіе путешественники идутъ во внутренніе покои дворца. Туземный правитель хорошо знаетъ по англійски и самъ опредѣляетъ на каждомъ шагу достопримѣчательности своей зимней резиденціи.

Его Высочество Савай Мангалъ Сингъ Бахадуръ, номинально числящійся въ спискахъ англо-индійской арміи, лишь въ прошломъ году получилъ званіе махараджи, хотя правитъ княжествомъ уже съ 1877 г. Онъ родился въ 1859 г., учился одно время въ аджмирскомъ училищѣ лорда Мэо, до страсти любитъ коней и охоту.

Малые размѣры осматриваемаго чертога искупаются роскошью отдѣлки. Живопись по стѣнамъ обрамлена серебромъ и зеркалами, сливающимися въ мягкую игру лучей. Взглянешь изъ оконъ — волшебное видѣніе! Возвышенности угрюмыми громадами заслонили даль. Водоемъ у княжескихъ палатъ окруженъ изящными храмиками, бѣлоснѣжными постройками, ореоломъ таинственности, которой можетъ быть и нѣтъ, но которая словно паритъ сегодня надъ нимъ, въ союзѣ съ безмолвіемъ и полуденною лаской.

Самобытностью стиля, узорныхъ арокъ и столбовъ привлекаетъ вниманіе мавзолей Бахтаваръ Синга, извѣстнаго главнымъ образомъ за свою непомѣрную жестокость по отношенію

ПЕРЕДЪ ДУРБАРНОЙ ГАЛЛЕРЕЕИ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

къ мусульманамъ-факирамъ: онъ рѣзалъ имъ уши и носы, наполнялъ сосуды кусками человѣческаго мяса и отсылалъ ихъ ненавистнымъ иновѣрцамъ въ Дэли, оскверняя кромѣ того мечети и гробницы шейховъ, такъ что просто безумная вражда просыпалась въ населеніи Пэнджаба противъ изступленнаго язычника. Этотъ самый раджа задумалъ созданіе смежнаго съ его нынѣшнимъ мавзолеемъ водоема, въ виду страшнаго голода, свирѣпствовавшаго тогда въ Раджпутанѣ. Рабочіе отовсюду, издалека стали стекаться въ Альваръ. Между прочимъ, пришли нѣкоторые марварцы и зоркій Бахтаваръ Сингъ подмѣтилъ, что они ежедневно откладываютъ часть получаемаго за трудъ хлѣба въ пользу явившагося съ ними сельскаго «пѣвца» и его семьи. Оказалось, что онъ, будучи богатымъ, все роздалъ нуждающимся односельчанамъ и теперь съ ними скитается въ заботѣ о пропитаніи, они же изъ благодарности не даютъ ему трудиться и кормятъ его по мѣрѣ силъ.

Твердыня на горѣ основана раджпутами рода «никумпа», который лишился ея по причинѣ мести одной вдовы изъ простонародья, коей сынъ ими былъ принесенъ въ жертву богинѣ Шивы. Несчастная мать дала возможность магометанамъ тайкомъ проникнуть въ крѣпость и перерѣзать оплошавшій гарнизонъ.

Въ XVI столѣтіи на этихъ самыхъ возвышенностяхъ подвизался великій индійскій аскетъ и чудодѣй Лалъ Дасъ, неприкосновенный ни для змѣй, ни для тигровъ, подымавшійся въ позѣ созерцанія на воздухъ, учившій народъ добродѣтели и способамъ освободиться отъ перерожденій.

Слуги (челы) — или точнѣе «доморощенные рабы» при княжескихъ хоромахъ — открываютъ намъ двери въ маленькій туземный «эрмитажъ».

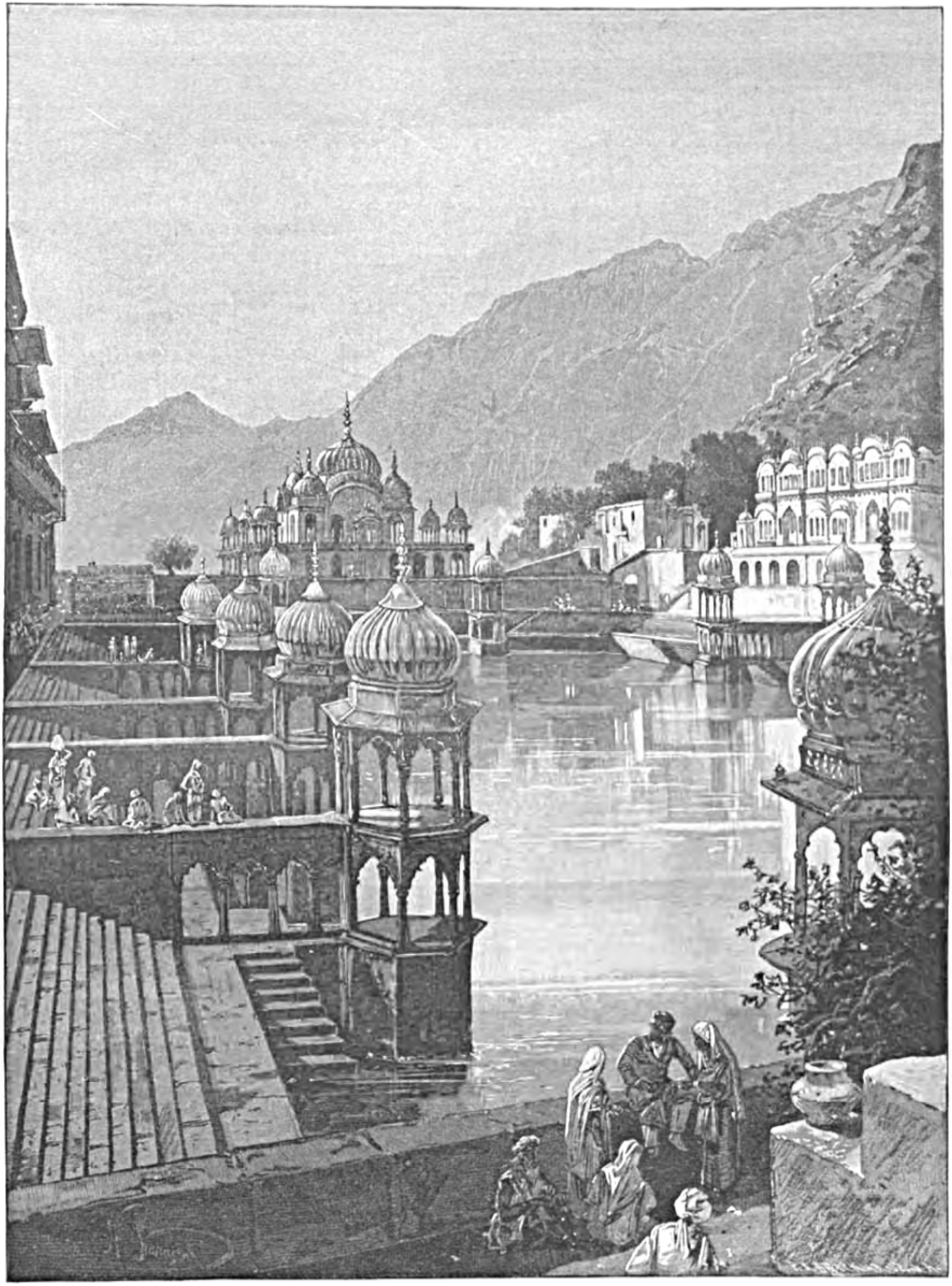
Коллекціи альварскаго махараджи оцѣниваются въ двадцать милліоновъ рублей. Извѣстный знатокъ индійскихъ производствъ, военный врачъ Холбейнъ Хэндлей, написалъ объ его вещахъ цѣлую роскошно изданную книгу, отпечатанную на средства самого князя, велѣвшаго напр. своему постоянному художнику Будѣ снять для этого копіи съ особенно любопытныхъ дворцевыхъ картинъ.

Сегодня дворцевыя рѣдкости выставлены около пріемной галлереи. Важнѣйшія собраны при Бани Сингѣ, правившемъ въ 50-хъ годахъ. Какъ оружейная палата (Sillah khana) такъ и сокровищница (Toshah khana) Альвара представлены совокупностью предметовъ, которыми здѣсь гордятся. Изумрудная и рубиновая чаши, жемчуга и алмазы, эмаль тончайшей джайпурской работы и бездѣлушки изъ слоновой кости красуются рядомъ съ десятками превосходнѣйшихъ мѣстныхъ и персидскихъ клинковъ съ золотыми рукоятками. На одной саблѣ — надпись: «произведеніе Амалъ Мухаммедъ Садикъ Кабульскаго». Возлѣ положены тяжелые шлемъ и кольчуга, копье и мечъ какого-то прежняго раджи.

Въ отдѣлѣ достопримѣчательностей включены сочиненія на санскритскомъ языкѣ, арабскія и персидскія рукописи, творенія Саади въ богатѣйшей артистической отдѣлкѣ. «Гулистанъ», снабженный безподобнѣйшими рисунками, обошелся казнѣ чуть-ли не въ 50,000 рублей. Хранители альварскаго музея придаютъ однако еще бо́льшее значеніе побывавшему даже на джайпурской выставкѣ столу, въ которомъ искусно сдѣланъ подъ гладко отполированною поверхностью токъ серебристыхъ струй съ пересѣкающими ихъ словно живыми рыбками.

Вечеръ близко. Отведенная Августѣйшимъ путешественникамъ загородная резиденція удивительно своеобразна въ своемъ величавомъ безмолвіи. Зала во второмъ этажѣ, — куда входишь не по лѣстницѣ, а по незамѣтно наклонному подъему, чтобы хозяину можно было въѣзжать къ опочивальнѣ верхомъ — съ пестрымъ орнаментомъ и неуклюжими люстрами, желтыми тканями съ голубою оборкой на аркахъ и красными занавѣсями на окнахъ. Взглянешь на роскошный паркъ передъ ними, — непосредственно у входной открытой «дурбарной» галлеріи широкая дорожка ведетъ къ спуску, подъ которымъ находится небольшой водоемъ и мраморный выступъ надъ нимъ съ тремя скамейками. Альварскія предмѣстья зеленѣютъ за темными купами деревьевъ. Все безлюдно вокругъ насъ. .

Дворецъ среди садовъ какъ-будто затонулъ,
Прозрачна синева надъ яркою землею:
Далекій городъ стихъ, и замеръ, и уснулъ
Благоухающей прощальною зарею.



ВОДОЕМЪ У ПАМЯТНИКА БАХТАВАРЪ СИНГА.

Суббота, 29 декабря (10 января).

Поѣздка на охоту въ окрестности (на юго-западъ отъ столицы княжества), гдѣ мирно плещется длинное озеро Силисиръ, созданное для ихъ обводненія раджею Бани Сингомъ въ 1844 г.

Свыше 12 верстъ приходится мчаться въ просторныхъ шарабанахъ по отличному шоссе, дважды перепрягая быстрыхъ лошадей. Затѣмъ ждутъ слоны, и надо, растянувшись въ линію, медленно направиться въ джонгли.

НА ОХОТѢ У АЛЬВАРА.

Наслѣдникъ Цесаревичъ, держа ружье наготовѣ, изволилъ помѣститься въ плетеной простой «ховдѣ» съ полковникомъ Джерардомъ. Сзади шествуетъ ручной гигантъ, везущій доктора Рамбаха и неразлучную съ нимъ походную аптечку. Глушь, въ которую углубляешься, становится все лѣсистѣе и непроницаемѣе по сторонамъ. Увѣренно-ровнымъ шагомъ движутся царственныя животныя, погоняемыя гортаннымъ окликомъ сидящихъ на ихъ головѣ «махаутовъ» (вожаковъ), вооруженныхъ особыми острыми крючьями, чтобы наносить ими удары въ темя лѣнивымъ и непослушнымъ, — причемъ просто жаль видѣть кровь выступающею на толстой прорубленной кожѣ

бѣдныхъ терпѣливыхъ слоновъ, въ то время какъ пѣшіе провожатые колоссовъ колютъ ихъ еще сзади узкими пиками. Не удивительно, если умныя и памятливыя твари иногда мстятъ обидчикамъ и въ свою очередь караютъ послѣднихъ смертью за несправедливо-дурное обращеніе.

Невозмутимая тишина разлита въ природѣ. Густыя заросли постепенно отдѣляютъ другъ отъ друга участвующихъ въ охотѣ. Осторожные исполины то всходятъ на бугорочки, то такъ-сказать сползаютъ въ поросшія кустарникомъ ложбинки. Вѣтки, переплетшіяся съ терніями, загораждаютъ дорогу и вынуждаютъ низко пригибаться къ грязно-сѣрой спинѣ слоновъ.

Беззвучная чаща поглотила наше шествіе альварскими пустырями. Чувствуешь себя точно потерянным въ притаившейся листвѣ. Стоитъ взлетѣть бабочкѣ или упасть желтому мертвому листку, какъ вниманіе обостряется и опять чутко вслушиваешься въ малѣйшій шорохъ, въ самый неуловимый отголосокъ или глухой шумъ издалека.

День выпалъ не изъ счастливыхъ. Послѣ очень продолжительнаго скитанія по живописнымъ долинамъ, межъ низкихъ холмовъ, всѣмъ отрядомъ сдѣланъ привалъ, въ немногихъ шагахъ отъ старой заброшенной кумирни. Съ запасныхъ вьюковъ сняты съѣстные припасы. Краткій отдыхъ ободряетъ къ новымъ поискамъ и ожиданіямъ, не выскочитъ-ли хоть какой-нибудъ звѣрь (тутъ же обыкновенно встрѣчается немало тигровъ и пантеръ); но прогулки глубже въ лѣсъ тѣмъ не менѣе ни къ чему не приводятъ. Гамъ облавы спугиваетъ оттуда (правда, на одно мгновенье) крошечное стадо антилопъ и онѣ беззаботно выбѣгаютъ на склоны сосѣднихъ возвышенностей, но, заслышавъ преждевременный выстрѣлъ и грозный безконечный раскатъ его эхо въ горахъ, козочки вихремъ уносятся въ тайну джонглей.

Поздно. Скоро закатъ. Махараджа появляется, съ конвоемъ раджпутовъ, на легконогихъ туземныхъ верблюдахъ. Пора въ обратный путь.

ВЪ ЦАРСТВЕННОМЪ ДЭЛИ.

Имя, вплетенное въ благоухающій вѣнокъ поэзіи, прозванной «Индія» — имя, превосходящее славой и очарованіемъ большинство историческихъ городовъ Азіи, спорящее древностью съ очагами міровой культуры и жизненнаго подъема, — долговременное средоточіе величайшихъ сокровищъ вселенной и неизреченныхъ бѣдствій почти стихійнаго характера, хотя и вызванныхъ честолюбіемъ того или другаго завоевателя ты — передъ нами, бѣдная, замученная вражескими нашествіями первопрестольная столица Пэнджаба! неужели твои дни взаправду сочтены (въ смыслѣ упадка и гибели окружающихъ тебя памятниковъ)? Что въ самомъ дѣлѣ за участь можетъ ждать городъ, стоявшій на высшей ступени земнаго могущества и многократно низвергнутый въ прахъ иноземною рукой? Англичане поддерживаютъ, конечно, для видимости престижъ сильно имъ насолившаго въ 1857 г. центра Моголовъ, всенародно объявили здѣсь среди ряда торжествъ 1877 г. о превращеніи «Her Majesty the Queen» въ «Kaisar-i-Hind» т. е. «Queen — Empress of India», шаблонно пишутъ о Дэли, любятъ съ гордостью вспоминать, какъ имъ досталась и какъ имъ не дешево далось отстоять «матерь индо-арійскихъ городовъ», но и только. Особенныхъ симпатій новые хозяева края естественно не питаютъ къ туземцамъ, доказавшимъ неразъ свою непріязнь и тяготящимся наступающимъ оскудѣніемъ: ремесленники нищаютъ, спросъ на мѣстныя издѣлія прогрессивно исчезаетъ за неимѣніемъ своей покупающей и заказывающей знати; дворцовыя палаты, средневѣковые мавзолеи и гигантскія сооруженія обречены быть предметомъ пустаго любопытства туристовъ. Судьба иногда жестоко шутитъ не съ одними отдѣльными людьми, а съ цѣлыми поколѣніями!

Воскресенье, 30 декабря (11 января).

Наслѣдникъ Цесаревичъ ровно въ 8 часовъ утра встрѣченъ на станціи мѣстными европейскими властями, съ генераломъ (Sir John Hudson) и главнымъ администраторомъ округа во главѣ. Почетный караулъ выставленъ отъ «Royal Irish Fusiliers».

Расположенный внѣ городскихъ стѣнъ «Ludlow Castle» (кажется, бывшій раньше католическимъ монастыремъ) приготовленъ на время пребыванія Ихъ Высочествъ. Въ столовой, среди разныхъ огромныхъ старинныхъ портретовъ, привлекаетъ особенное вниманіе

КАШМИРСКІЯ ВОРОТА И КРЕМЛЬ.

лордъ Лэкъ, завоеватель этой столицы Индостана въ 1803 г.

Послѣ завтрака Августѣйшіе путешественники направляются осматривать достопримѣчательности Дэли въ періодъ владычества Моголовъ. Насъ прямо везутъ сначала къ извѣстнымъ по исторіи мятежа сипаевъ «Кашмирскимъ» воротамъ, самое существованіе которыхъ въ данное время составляетъ предметъ боевой гордости и славы англійскаго народа. Когда тамъ, за гранитными валами, укрѣпленными незадолго до того знаніемъ его-же собственныхъ ниженеровъ, засѣли цѣлыя скопища вооруженныхъ туземцевъ, — генералъ Никольсонъ отрядилъ смѣльчаковъ взорвать эти послѣднія, чтобы осаждавшая городъ небольшая отлично дисциплинированная британская

армія могла затѣмъ свободнѣе проникнуть туда и затопить въ крови оборонявшихся даже воспоминанія о дерзко-строптивомъ духѣ, охватывавшемъ въ ту пору темное инородческое населеніе. Нѣсколько «бѣлыхъ» офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а вмѣстѣ съ ними, — что всего удивительнѣе, — и пэнджабскихъ солдатъ-наемниковъ, почти на вѣрную смерть пошли къ «Cashmere Gate» и самоотверженно исполнили съ успѣхомъ приказанія начальства.

Положительно грустно проѣзжать мимо подобныхъ памятниковъ недавняго довольно еще загадочнаго прошедшаго, пока экипажи катятся къ упраздненнымъ чертогамъ и заглохшему жилью мѣстныхъ императоровъ, коихъ потомокъ, случайно облеченный призракомъ власти въ 1857 г., суровымъ изгнаніемъ искупилъ свирѣпый протестъ индусовъ и мусульманъ противъ гуманно настроенной, но чуждой и несимпатичной имъ опеки европейцевъ.

Очутиться въ чертѣ дворцовыхъ построекъ, — о великолѣпіи которыхъ вотъ уже два вѣка гремѣла, да и теперь, замолкая, гремитъ міровая молва, — весьма радостный и неизгладимый моментъ въ жизни непосредственно изучающаго Востокъ. Какъ ни парадоксально утверждать, однако едва-ли подлежитъ спору, что только отъ извѣстнаго рода знакомства съ внѣшней исторической обстановкой и отъ налагаемой на подобныя впечатлѣнія couleur locale въ значительнѣйшей мѣрѣ зависитъ степень прочувствованнаго пониманія событій съ ихъ бытовыми основами. Нельзя широко судить о «королѣ-солнцѣ», не посѣтивъ Версаля. Нельзя вѣско говорить о «неподвижномъ» строѣ Китая, не окинувъ окомъ величаваго Пекина. Нельзя оцѣнить и вдуматься въ минувшее сложнаго новомусульманскаго Дэли правнуковъ Тамерлана, если не войдешь въ тронную залу ихъ частныхъ аудіенцій (Diwan-i-Khas) и не ступишь на холодный помостъ, среди коего прежде возвышался золотой престолъ, украшенный распущенными павлиньими хвостами изъ драгоцѣнныхъ камней и стоившій десятки милліоновъ рублей, пока его не вывезъ изъ этихъ разграбленныхъ палатъ повелитель Ирана Надиръ-шахъ. . .

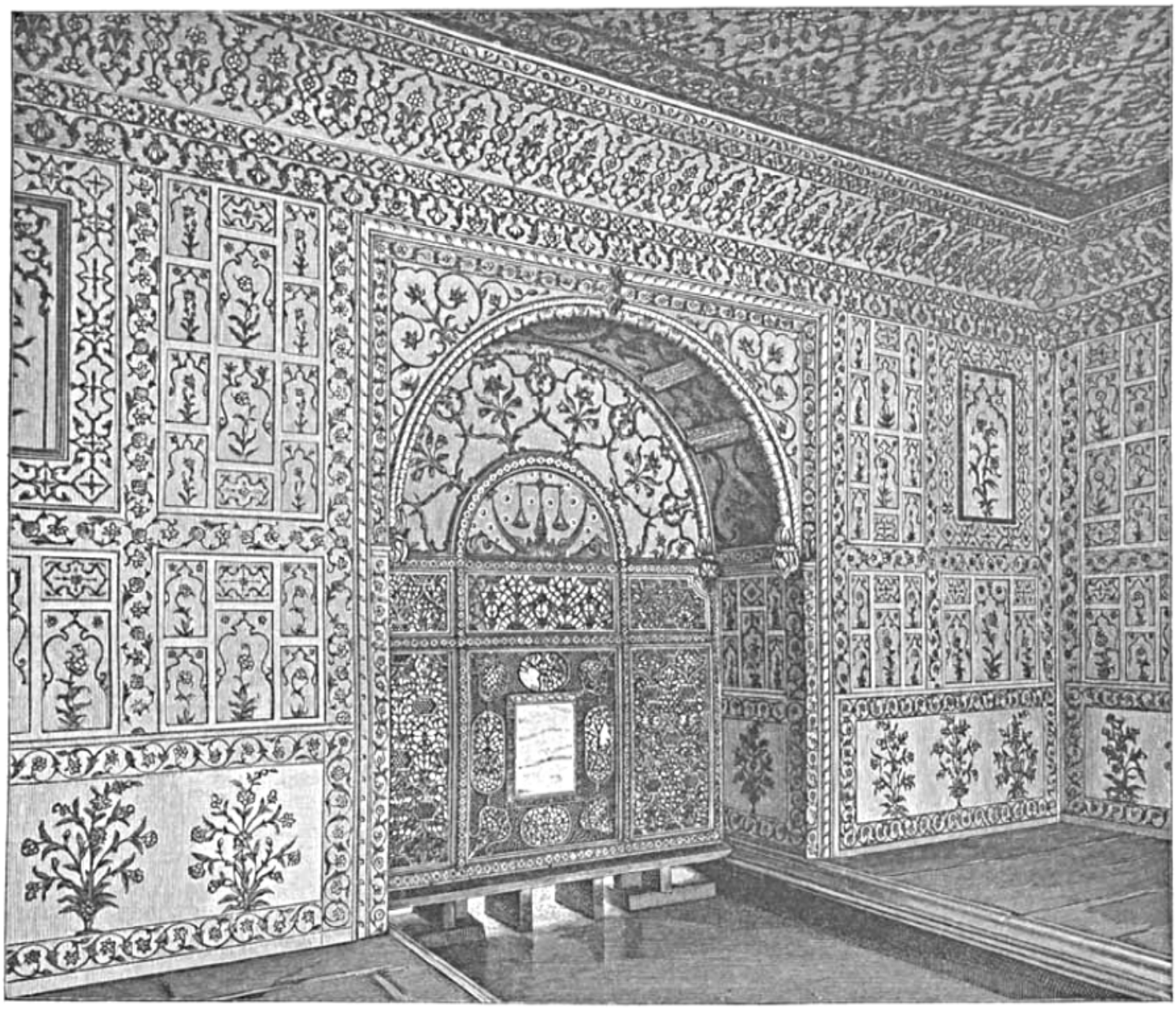
. . . . А вѣдь тутъ по угламъ открытой на три стороны галлереи, куда мы пришли, красовались гордыя и безумно-смѣлыя письмена:

«Если есть рай на землѣ, — онъ здѣсь, онъ здѣсь, онъ здѣсь!» Дохнула смерть — и его не стало!

Камни, узоры и краски тѣмъ не менѣе точно сберегли жизненный трепетъ и отраженіе отлетѣвшихъ дней: находясь въ сферѣ ихъ незамѣтно-таинственнаго воздѣйствія, нѣтъ-нѣтъ и сознаешь осязательнѣе, что отошло въ вѣчность, чѣмъ оно въ сущности было и чего не вернуть. Разверись же и встань передъ нами, краснорѣчивая воплощенная лѣтопись могущества Моголовъ!

Семнадцатое столѣіе. Дэли безконечной вереницы султановъ — на половину въ развалинахъ. Внукъ Акбара — императоръ Шахъ-Джаханъ рѣшаетъ воскресить прежнюю столицу, но избираетъ мѣстомъ грандіозныхъ построекъ не площадь, занятую предыдущими смежными другъ съ другомъ и, такъ сказать, одноименными городами, а именно тотъ раіонъ, гдѣ теперь — крѣпость, дворцовая ограда и мечети. Громаднѣйшія деньги ассигнуются на возсозданіе и усовершенствованіе возобновляемой столицы. Прозябаніе, отчасти равное небытію, смѣняется кипучимъ оживленіемъ. «Джаханабадъ» начинаютъ величать туземцы свой новый политическій центръ, и такое прозвище въ простонародьи сохраняется понынѣ.

Сюда, въ этотъ хмурый по характерной внѣшности и блестящій по роскоши кремль, ежедневно стекались въ шумной процессіи эмиры (омра) и раджи, — намѣстники, вельможи и независимые по положенію языческіе князья-полководцы. «Владыка вселенной» проснулся! «Властелинъ надъ властелинами» удостоилъ царедворцевъ лицезрѣнія и ласковаго наклоненія головы! «Олицетворенное правосудіе» гнѣвается! Такими приблизительно соображеніями и помыслами руководствовались спѣшившіе во дворецъ.



ЭМБЛЕМА ПРАВОСУДІЯ (MIZAN-I-INSAF) ВЪ ЧЕРТОГАХЪ МОГОЛА.

Тихій бой барабановъ и звонъ кимваловъ доносился постоянно до слуха Могола. Стража встрѣчала привѣтствіями сановныхъ подданныхъ — гостей, въ часы ихъ прибытія на поклонъ своему государю. И вотъ онъ являлся среди нихъ, усталый отъ гаремныхъ интригъ и сладкой истомы: въ златотканной кисейной чалмѣ, съ безцѣннымъ топазомъ въ видѣ украшенья, — въ шитой шелками бѣлой атласной одеждѣ и туфляхъ на босу ногу, царь Индостана садился на осыпанный самоцвѣтными камнями «павлиній» тронъ. Сынъ или любимый евнухъ опахивалъ повелителя: сосредоточенный, строгій и безстрастный, какъ чело слѣпаго изваянія, онъ иногда подолгу утомлялъ присутствующихъ молчаливою сдержанностью своихъ взоровъ и тѣлодвиженій.

Подчасъ въ такой сіяющій отъ игры алмазовъ волшебный чертогъ вводили озадаченнаго иноземца-посла или какого-нибудь покореннаго туземнаго вождя. Море искусственно-яркаго свѣта, почтительно согнувшаяся мусульманская или же горделиво-осанистая раджпутская знать, застывшая поза монарха, — все вмѣстѣ взятое ослѣпляло и наполняло страхомъ. Отъ Абиссиніи и узбекскаго Самарканда, отъ шерифовъ Мекки и персидскаго двора присылались посольства съ подарками въ Дэли и Агру.

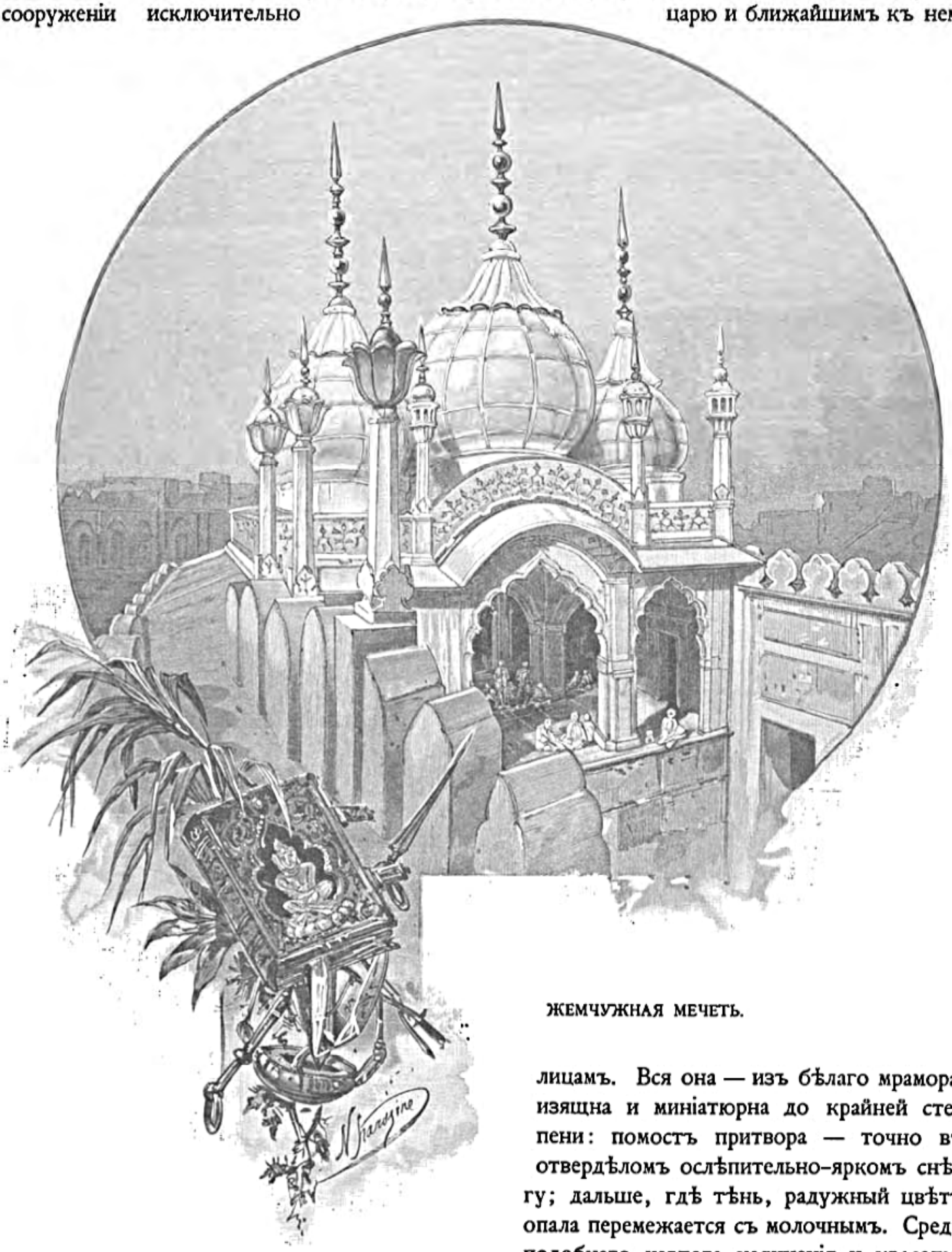
Такъ шли года, пока враги-сѣверяне черезъ Афганистанъ не ворвались въ Индію и не перерѣзали большинства дэлійскихъ горожанъ, унося съ собою на сѣверъ неисчислимую казну, отстоять которую отъ бѣшенаго нашествія слабый потомокъ мощныхъ туранцевъ уже оказывался не въ силахъ.

Ихъ Высочества внимательно обходятъ остатки богатыхъ могольскихъ палатъ. Стѣны съ инкрустированными цвѣтами и птицами, мраморные бассейны съ изсякшими водометами и токами студеной влаги, запустѣлые терема, гдѣ въ иные дни незримо вершалась судьба цѣлыхъ племенъ, народовъ и поколѣній, — отчего это судьба все умаляетъ или же заставляетъ пережить само себя?

У ПРЕСТОЛА ВЪ DIWAN-I-AM.

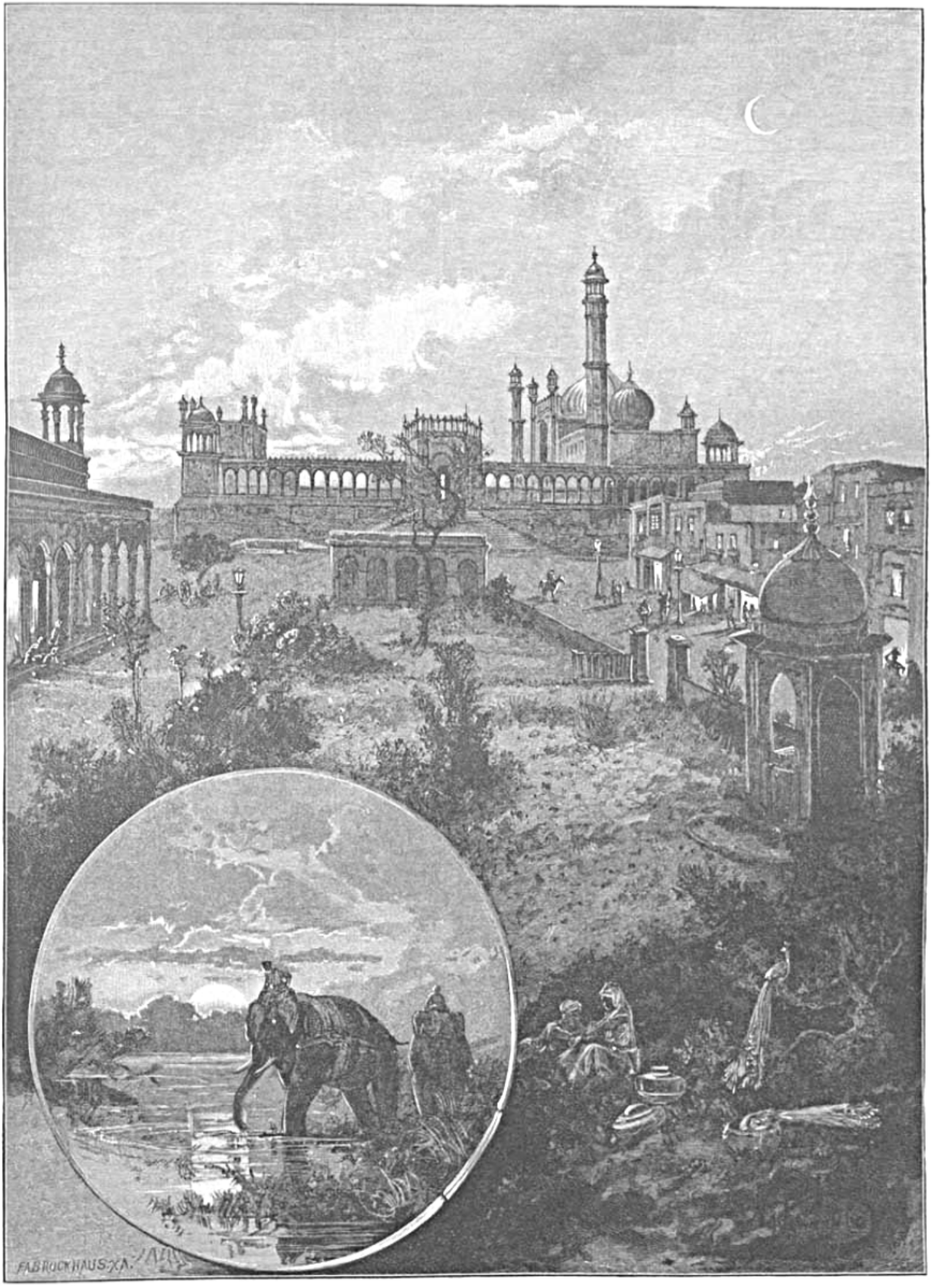
Въ расположенной смежно съ гаремами просторной залѣ общественныхъ аудіенцій (Diwan-i-Am) съ бо́льшимъ количествомъ столбовъ, поддерживающихъ крышу галлереи, Августѣшіе путешественники входятъ, по боковой лѣстницѣ въ стѣнѣ, на узенькую площадку за рѣшеткой, откуда Моголъ въ извѣстные часы тоже ежедневно являлся царедворцамъ и даже населенію. За мѣстомъ для престола и донынѣ сохранилась вдѣланная въ мраморъ искусная мозаика, по преданію — работа бѣглаго европейскаго мошенника-ювелира (Austin de Bordeaux).

На маломъ разстояніи отъ центра когда-то пышныхъ палатъ, Ихъ Высочествамъ показываютъ такъ-называемую «Жемчужную» мечеть, предназначенную служить при ея сооруженіи исключительно царю и ближайшимъ къ нему



ЖЕМЧУЖНАЯ МЕЧЕТЬ.

лицамъ. Вся она — изъ бѣлаго мрамора, изящна и миніатюрна до крайней степени: помостъ притвора — точно въ отвердѣломъ ослѣпительно-яркомъ снѣгу; дальше, гдѣ тѣнь, радужный цвѣтъ опала перемежается съ молочнымъ. Среди подобнаго чертога уединенія и красоты, благоговѣйныя думы могли окрыленнѣе



СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ ВЪ ДЭ-ЛИ.

и чище возлетать ко Всевышнему, чѣмъ изъ многолюднаго всенароднаго сборища «правовѣрныхъ» въ оградѣ главнаго дэлійскаго «дома молитвы» (Jumma Masjid).

Туда-то, именно къ ней, мы и направляемся, покинувъ дворцовыя постройки. Причудливо, но съ необыкновенною отчетливостью выдѣляются позади насъ, на синевѣ полуденнаго неба, нѣжно очерченныя башенки и бойницы потерявшей въ данное время всякое стратегическое значеніе твердыни Моголовъ.

Широчайшими ступенчатыми терассами подымаешься въ грандіозный по размѣрамъ дворъ «Джума Мэзджидъ» (соборной мечети, сзывающей по пятницамъ на установленное богомоленіе). Темнокрасный мѣстный плитнякъ, въ сочетаніи съ бѣлымъ и отчасти чернымъ мраморомъ, составляютъ ея матеріалъ, который вообще тутъ употребляется для разнообразнѣйшихъ памятниковъ индо-сарацинской архитектуры.

Около одного боковаго павильона простодушные муллы за скромный бакшишъ предъявляютъ иностранцамъ рѣдкіе и почитающіеся святынею предметы: волосъ изъ бороды Магомета, башмакъ (Kafsh i Mubarak) «пророка» и писанный подъ его диктовку четкій Коранъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ входитъ по внутренности минарета на вершину «Jumma Masjid». У самыхъ ногъ, далеко внизу видишь длинную «Серебрянную улицу» (Чанди-Чаукъ), красящую городъ богатѣйшими лавками и вѣчнымъ базарнымъ оживленіемъ. Когда англичане захотѣли обсадить середину ея деревьями, купцы ходатайствовали не сажать нѣкоторыхъ древесныхъ породъ, у которыхъ, согласно туземному повѣрью, листва очень чутка и болтлива, такъ что листья способны, слыша, какъ клянутся и обманываютъ продавцы, передавать о томъ божествамъ и накликать на виновныхъ возмездіе.

За лабиринтомъ переулковъ и бѣдныхъ жилищъ желтѣетъ мутная Джумна; сѣрыя скалы торчатъ средь песчаной, непривѣтной равнины. На вышку взобрался вмѣстѣ съ нами какой-то степенный горожанинъ (представитель потомковъ униженнаго царскаго рода) и глазъ не сводитъ съ Наслѣдника Цесаревича, устремившаго взоры на грустную столицу Индостана.

Понедѣльникъ, 31 декабря (12 января).

Утромъ предпринимается продолжительная экскурсія въ окрестности Шахджаханабада. Пространство вокругъ него, занятое развалинами, уцѣлѣвшими памятниками и безформенными останками прежнихъ наслоенныхъ другъ надъ другомъ городовъ, охватываетъ десятки квадратныхъ верстъ и въ археологическомъ отношеніи составляетъ богатѣйшую область изслѣдованія.

Огромные шарабаны катятъ насъ, такъ-сказать, «равниною смерти и забвенія». Купола мавзолеевъ съ яркими цвѣтными изразцами, неуклюжія груды камня и разорванныя гряды валовъ, густолиственная растительность или же знойная поверхность пустырей мелькаютъ по сторонамъ дороги, справедливо сравниваемой нѣкоторыми туристами съ «Via Appia». Ѣдкая сѣрая пыль клубится отъ нашей быстрой ѣзды. Прахъ безславнаго прошлаго какъ бы мѣшается съ отраженіемъ великихъ могилъ, которыхъ пока еще не коснулось полное разрушеніе. Громкія историческія названія! отголосокъ неясныхъ легендъ! цѣпь событій, уходящихъ въ бездушную тьму тысячелѣтій!

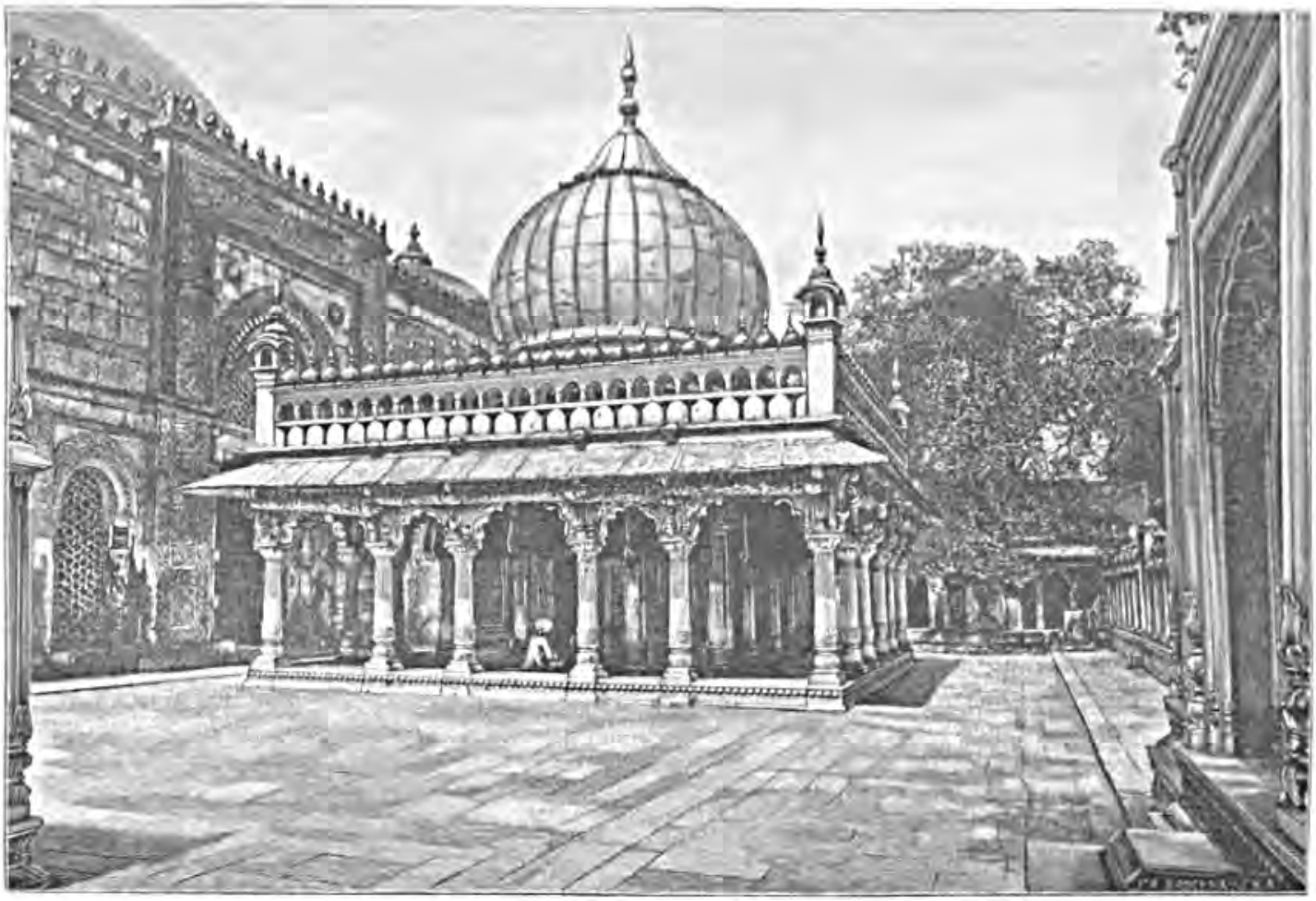
Августѣйшіе путешественники приближаются къ зданію, издали похожему на «домъ молитвы». Это — надгробный чертогъ, поставленный своему повелителю вдовою императора Хумаюна («счастливаго»). Рѣдко чье имя было въ бо́льшемъ несоотвѣтствіи съ жизнью и судьбою того, кому оно было дано. Сынъ отважнаго тимурида Бабера, покорившаго часть Индіи, онъ смолоду потерялъ отцовское наслѣдіе и долго скитался на чужбинѣ, пока кончина узурпаторовъ не дала возможности второму Моголу вернуться сюда назадъ. Но и позднее воцареніе не оказалось долговременнымъ. Углубившись однажды въ чтеніе, среди особо для того устроенной библіотеки, Хумаюнъ хотѣлъ подняться до полки, гдѣ лежала нужная ему рукопись, оступился и при паденіи на каменный помостъ до безпамятства разбился. Скорбная Хамида Бани Хаджи Бэгумъ соорудила по близости отъ этого

ГРОБНИЦА ХУМАЮНА.

мѣста (за оградой, въ чертѣ которой раскинулся паркъ) грандіозную царскую усыпальницу. Тутъ схоронены и супругъ строительницы, и многіе другіе потомки Тамерлана. Подъ сводами фамильнаго склепа укрывался Бахадуръ Шахъ (послѣдній императоръ Индостана) послѣ неудачнаго возстанія сипаевъ. Англійскій офицеръ арестовалъ его и царевичей — именно у могильной плиты ихъ предка, повлекъ юношей въ мятежный городъ и тамъ на улицѣ хладнокровно застрѣлилъ.

На терассѣ величественнаго мавзолея, сложеннаго изъ свѣтлаго мрамора и розоваго плитняка, угрюмая гробница отмѣчаетъ мѣсто погребенія султана Дары, старшаго изъ несчастныхъ сыновей Шахъ-Джахана, которые всѣ погибли отъ вѣроломства брата Аурангзеба. Законный наслѣдникъ, упомянутый Дара, — подававшій блестящія надежды, гуманный, вѣротерпимый и широко образованный, — сначала былъ подвергнутъ издѣва-

тельству (его связаннаго возили по Дэли на хромомъ и убогомъ слонѣ, — при плачѣ индусовъ, стекавшихся на возмутительное зрѣлище), потомъ осужденъ за пристрастіе къ язычеству (онъ, между прочимъ, первый велѣлъ перевести на персидскій языкъ глубокія по замыслу Упанишады) и умерщвленъ. Окровавленную голову на золотомъ блюдѣ принесли извергу-брату. Дабы убѣдиться, нѣтъ-ли ошибки или обмана, Аурангзебъ заставилъ ее тщательно обмыть, вглядѣлся въ ненавистныя черты и послалъ плѣненному престарѣлому отцу, который любилъ Дару. Злополучный монархъ, получивъ ящикъ, обрадовался, усматривая въ этомъ добрый знакъ сыновней жалости и раскаянія. Можно себѣ представить, какія чувства проснулись у него въ груди, при вскрытіи ужасной посылки!



МОГИЛА НИЗАМЪ-УДЪ-ДИНА.

Цѣлое уединенное кладбище на небольшомъ пригоркѣ. Рядъ мусульманскихъ надгробныхъ плитъ, сосредоточенныхъ около одной — главнѣйшей.

Дѣйствительно, по серединѣ высится мавзолей (дарга) Низамъ-удъ-дина Аулія, — таинственнаго общественнаго дѣятеля, жившаго въ XIII—XIV столѣтіи. Мистикъ и чародѣй, прорицатель, представитель общины далекихъ «ассасиновъ» и (по видимому) основатель индійскаго туггизма (организованнаго разбоя и убійства съ религіозными цѣлями), — это лицо съ разныхъ точекъ зрѣнія интересно, какъ предметъ изученія для историковъ страны и какъ объектъ для оригинальнѣйшей поэмы. Ему, почитаемому за «святаго», при жизни построили мечеть, чтобы онъ въ ней отдыхалъ и тамъ же былъ преданъ землѣ, но онъ отказался отъ такой чести. Лишь въ XVII вѣкѣ надъ нимъ всетаки соорудили мавзолей, у коего мы стоимъ.

Рядомъ съ «шейхомъ», — покоющимся подъ камнемъ, на который (согласно обычаю) наброшено красно-зеленое выцвѣтшее покрывало, — погребенъ современный ему и дружный съ нимъ эпикурейски настроенный пѣвецъ — эмиръ Хозрой, чье имя гремѣло при 7 султанахъ и теперь еще славится по всей Индіи. Великій Саади приходилъ будтобы въ Дэли изъ Персіи, исключительно руководимый желаніемъ познакомиться съ нимъ.

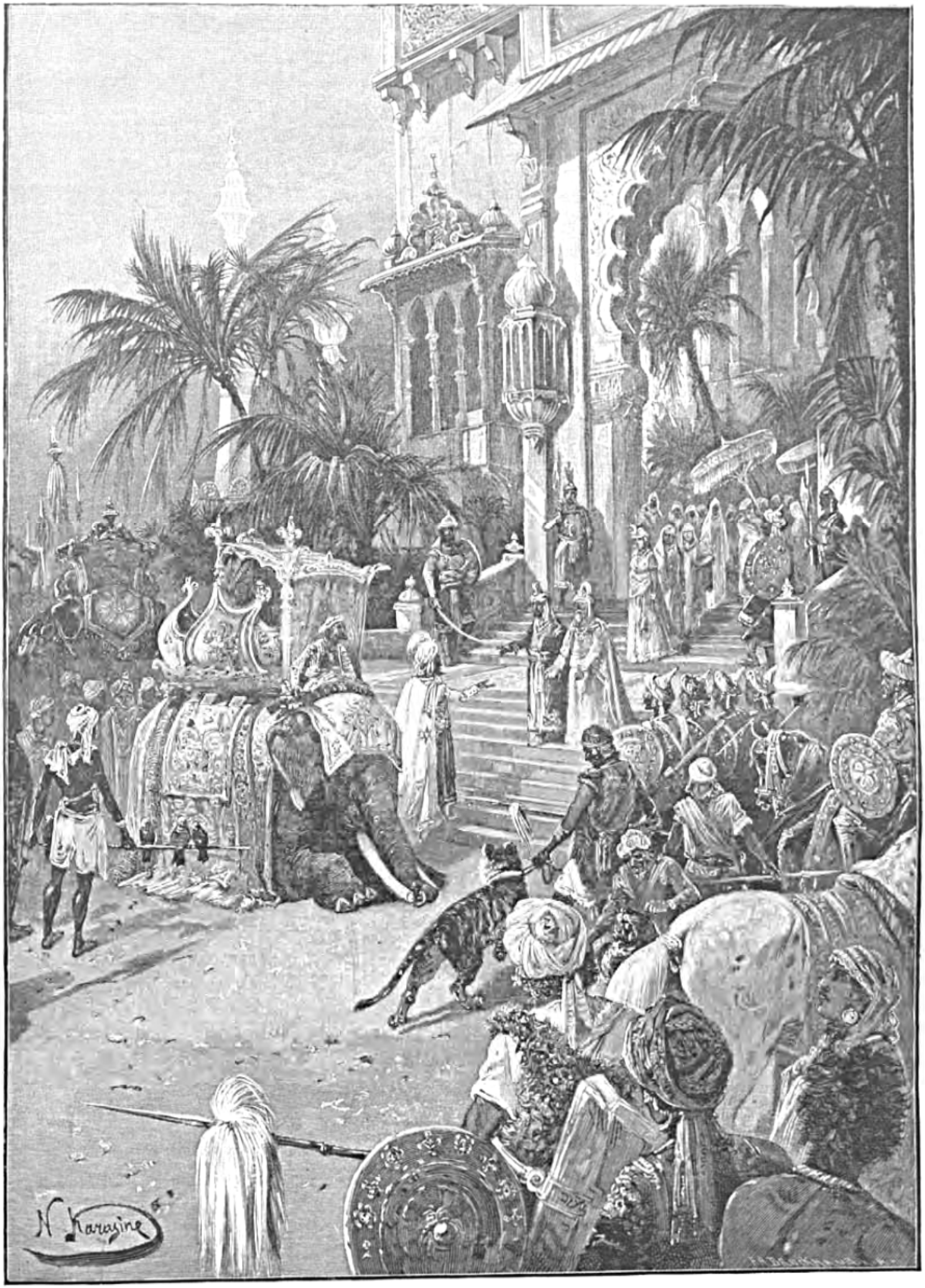
Старое дерево, по преданію тоже существующее полтысячи лѣтъ, свѣсилось близь мѣста, гдѣ — прахъ Низамъ-удъ-дина. Мраморная рѣзьба надъ нимъ потемнѣла отъ времени, что положительно придастъ мрачный отпечатокъ памятнику волхва, почему-то ставшаго угоднымъ населенію.

Прозябающіе въ бѣдности потомки сестры этого человѣка (самъ онъ не былъ женатъ) служатъ проводниками среди окружающихъ могилъ.

Ихъ — довольно много, ибо въ теченіе 500 лѣтъ сюда приносили одѣтыхъ саваномъ именитыхъ мусульманъ и мусульманокъ. Между послѣдними особенно выдѣляется гробница Джаханары Бэгумъ, дочери Шахъ-Джахана. Замѣчательная красавица собой, убѣжденная сторонница Дары, она посвятила жизнь несчастному отцу, лишенному престола Аурангзебомъ. Отказывая женихамъ, нѣжно заботясь объ узникѣ-старцѣ, изнывавшемъ въ постылыхъ ему палатахъ Агры, царевна послѣ его кончины переселена была въ Дэли враждебнымъ ей братомъ-правителемъ и, вѣроятно, отравлена. Воплощенное смиреніе и самопожертвованіе — дѣвушка просила не ставить надъ ея тѣломъ никакого пышнаго памятника, мотивируя это тѣмъ, что подобное украшеніе излишне для того, кто «нищъ духомъ» и кто учился у факира Хистъ (изъ Аджмира). Надъ прахомъ Джаханары — надпись по арабски: «Богъ — настоящее бытіе и возрожденіе.»

Около единоплеменной царевны спитъ послѣднимъ сномъ отстрадавшій Моголъ Мухаммедъ-Шахъ, при которомъ персидское войско неслыханнымъ образомъ опустошило столицу Индостана. Когда Шахъ Надиръ отдалъ приказаніе нещадно все рѣзать и жечь, онъ удалился въ ближайшую мечеть и тамъ ожидалъ, пока побѣжденный врагъ умолитъ его смягчить безчеловѣчное велѣніе. Какъ тихо на загородномъ кладбищѣ замираютъ голоса и шаги! Какою сладостною тишиною и какимъ врачующимъ сердце примиреніемъ вѣетъ отъ разнороднѣйшихъ начертаній и полузабытыхъ могильныхъ плитъ, подъ которыми — давно совершившееся тлѣніе, надъ которыми — Божье солнце, улыбающееся небо и творческій лучъ!

Въ нѣсколькихъ шагахъ за этой оградой, межъ высокихъ и мрачныхъ стѣнъ чернѣетъ водоемъ, коего студеная влага считается цѣлебной (со дня произнесенія надъ нею Низамъ-удъ-диномъ чудесныхъ заклинаній) и привлекаетъ для купанья многочисленныхъ богомольцевъ. Мальчики изъ окрестнаго жилья искусно спрыгиваютъ въ нее со значительной высоты, ухитряясь не ушибаться. Такимъ продѣлкамъ они, очевидно, учатся съ малыхъ лѣтъ. Сегодня (послѣ предстоящаго намъ завтрака, подъ сводами гробницы Адамъ-хана, звѣрски умерщвленнаго Акбаромъ за вспыльчивый нравъ, — одинаковымъ способомъ какъ Стенька Разинъ казнилъ астраханскаго воеводу князя Прозоровскаго, въ два пріема сбросивъ его съ крѣпостнаго вала) Августѣйшимъ путешественникамъ покажутъ еще болѣе глубокій водоемъ, вродѣ узкаго колодца, куда жители сосѣдней деревеньки Мировли безбоязненно кидаются со страшной крутизны и затѣмъ вылѣзаютъ на свѣтъ, дрожа отъ холода, но усмѣхаясь и протягивая руку за подаяніемъ.



ДЭЛИ ПРИ ДРЕВНИХЪ ЦАРЯХЪ.

Ихъ Высочества ѣдутъ далѣе надземнымъ лабиринтомъ развалинъ, въ черту прежнихъ языческихъ твердынь. Тутъ все охвачено запустѣніемъ и только нетронутый ржавчиною незыблемый желѣзный столбъ, воздвигнутый по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ назадъ, горделиво говоритъ объ эпохѣ, когда въ Индостанѣ владычествовали непобѣдимые раджи, до того увѣренные въ своемъ могуществѣ и вѣчномъ покровительствѣ судебъ, что допускали возможность связи этого памятника съ нѣдрами земли, гдѣ имъ будто-бы пронзена голова царя змѣй, дарующаго власть и неистощимую силу. Одинъ мѣстный правитель хотѣлъ убѣдиться, такъ-ли на самомъ дѣлѣ, и рабочіе съ необычайными трудностями извлекли конецъ гигантскаго столба, къ ужасу присутствовавшихъ оказавшійся покрытымъ кровью. Брамины тотчасъ предрекли любопытному нечестивцу гибель царства и тучу бѣдъ.

Исламъ дѣйствительно вскорѣ одолѣлъ гяуровъ. Надъ равниной, — пестрѣвшей кумирнями и дворцами раджпутовъ, — встали мечети, раздался призывъ муэдзиновъ, поднялся въ недосягаемую высь каменный минаретъ, по внѣшности заслуживающій названія башни. Разные султаны сооружали ярусъ за ярусомъ. Сѣрый гранитъ, красноватый плитнякъ съ нѣжными оттѣнками и бѣлый джайпурскій мраморъ явились богатымъ матеріаломъ для зодчихъ той эпохи. Индусы до сихъ поръ убѣждены, что этотъ въ основѣ приписываемый полководцу Кутбуддину «Kutb Minar» существовалъ и ранѣе, какъ излюбленная вышка языческой царевны, любовавшейся отсюда рѣкою Джумной.

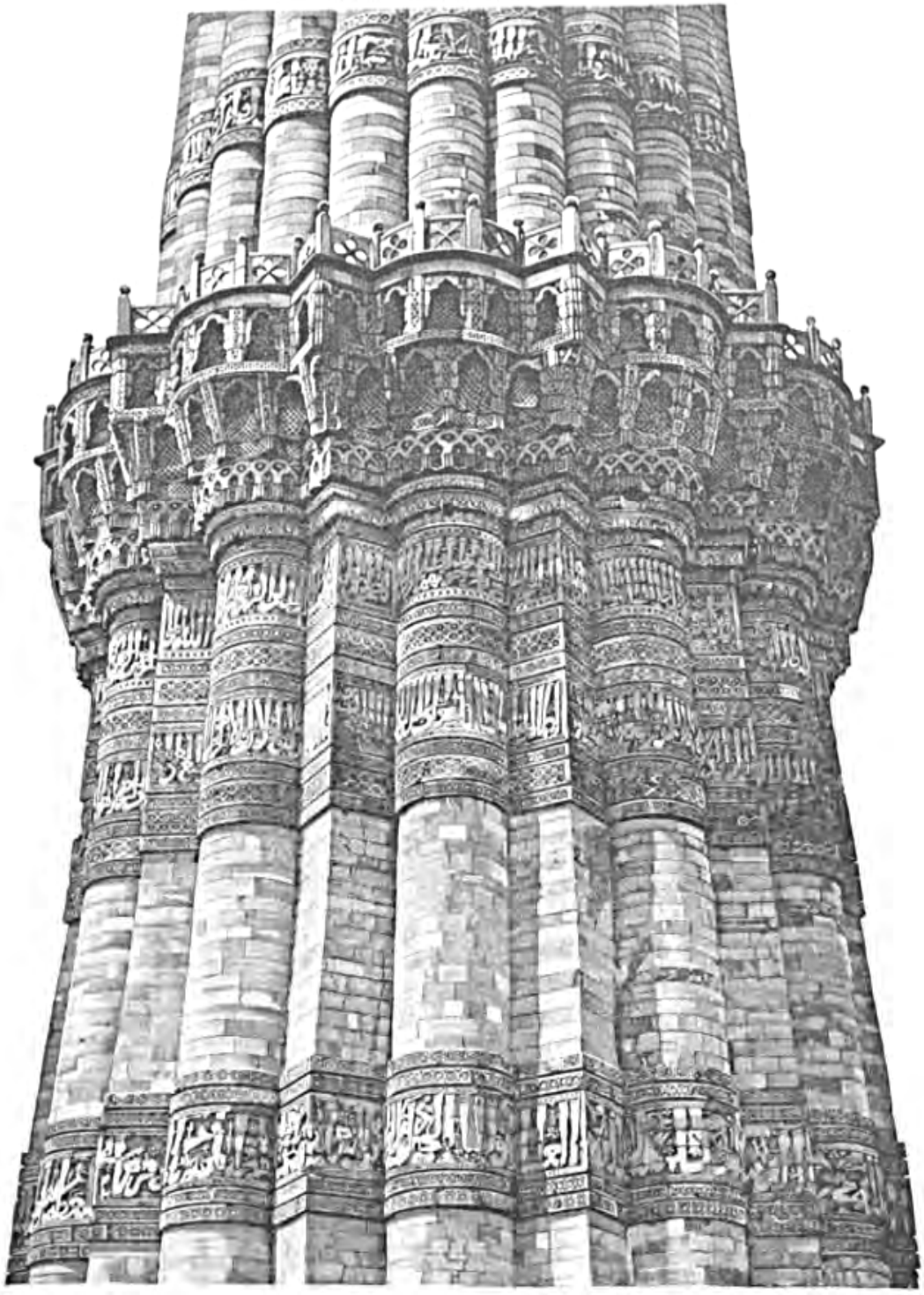
Девяносто девять именъ Аллаха и хвала строителямъ украшаютъ въ данное время внѣшнія стѣны обостряющагося къ верху широкаго минарета. Августѣйшіе путешественники восходятъ на него по безконечной лѣстницѣ въ 378 ступеней, освѣщаемыхъ окнами и дверями на маленькіе балконы. Дойдя до вѣнца башни и окинувъ взорами необъятные останки безсмертнаго Дэли, положительно чувствуешь себя подавленнымъ картиною померкшей славы и пережившаго забвенье величія, которое какъ-бы почило на прахѣ руинъ. Тамъ, въ туманной дали, развертывается знаменитое поле сраженій (Панипатъ), гдѣ издревле, съ момента сказочныхъ раздоровъ Махабхараты, неоднократно рѣшалась судьба Индіи и ея многострадальныхъ народовъ. Всѣ завоеватели прошли этими нивами утучненными безпощадною рѣзней. Не надо и напрягать воображенія, чтобы представить себѣ грозный ропотъ происходившихъ здѣсь сѣчъ, когда эпическій древне-арійскій герой Арджуна, идя на врага, вслушивался въ тайны объясняемыхъ ему богами умозрѣній, а чуждый иллюзій и метафизики Тамерланъ на томъ же мѣстѣ складывалъ пирамиды изъ череповъ и костей.

За оба дня своего пребыванія въ номинальной туземной столицѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ внимательно знакомится съ производствами города. Купцы свезли въ «Ludlow Castle» (тоже одинъ изъ пунктовъ ожесточенной борьбы въ годину возстанія сипаевъ) лучшій товаръ, превосходнѣйшіе образцы ювелирныхъ работъ, тканей и прочаго, чѣмъ Дэли гордился въ дни расцвѣта и побѣдъ.

Цѣлая огромная комната завалена принесенными на продажу заманчиво красивыми вещами. Такого выбора, такого изящества и (слѣдуетъ добавить) такихъ дутыхъ цѣнъ еще не было нигдѣ на нашемъ пути.

Первенство (въ смыслѣ вкуса и оригинальности) приходится тутъ отдать шелковымъ издѣліямъ. Затѣмъ достойны упоминанія и похвалы миніатюры, исполняемыя на слоновой кости. Туземцы, тщательно рисующіе на ней сцены и лица періода Моголовъ, суть

потомки художниковъ, подвизавшихся нѣкогда при императорскомъ дворѣ и унаслѣдовавшихъ это искусство отъ предковъ за три столѣтія. Теперь на такой трудъ мало ощущается спроса. Путешествующіе иностранцы неохотно покупаютъ лишенные для нихъ историческаго значенія черезчуръ своеобразные bibelots, а такъ какъ навыкъ мастеровъ



ОРНАМЕНТЪ КУТАБЪ МИНАРА.

передается отъ отцевъ къ сыновьямъ, зачастую составляя семейную и цеховую тайну, то возможно и полное исчезновеніе нѣкоторыхъ производствъ, за отсутствіемъ поощренія и покупателей.

Брамины, зоркіе стражи интересовъ духовно опекаемаго населенія, въ теченіе послѣдней четверти вѣка понимаютъ причины и результаты упадка иныхъ прикладныхъ знаній и ремеслъ. Слишкомъ прямо обращать на это вниманіе народа не ловко: нужны уловки и

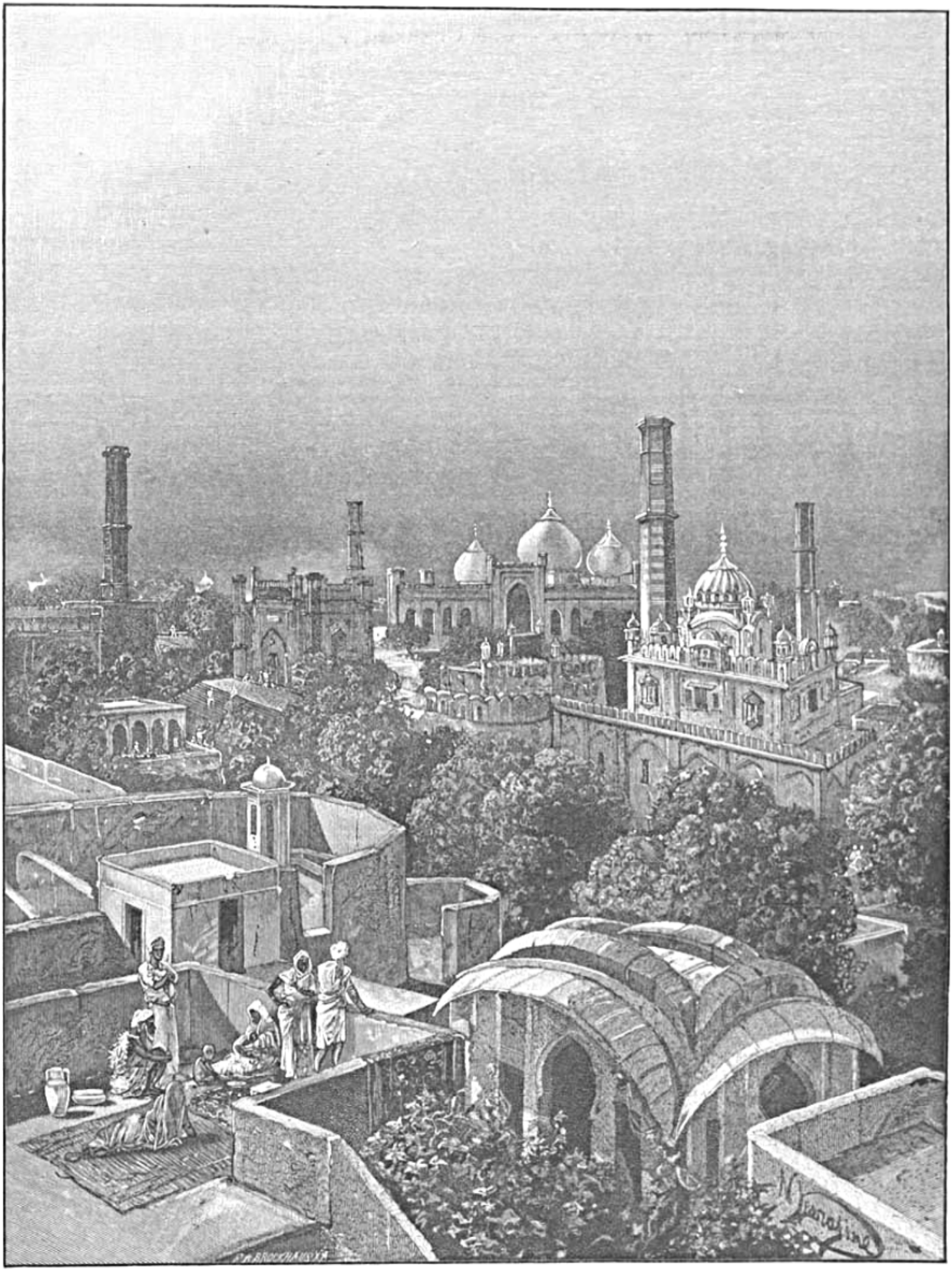
остроумныя средства возбуждать тревогу. Сочиняются такъ-сказать «баллады» полурелигіознаго содержанія (съ воззваніями къ богамъ о дарованіи благополучія и произнесеніемъ имени ея величества королевы), причемъ большинство строфъ однако, распѣваемыхъ на базарѣ спеціально туда командируемыми странниками, исключительно порицаетъ въ саркастическомъ, юмористическомъ и патетическомъ тонѣ ввозимые изъ Европы товары. Сэръ Джорджъ Бэрдвудъ напечаталъ въ «Times» и «Атенеумѣ» двѣ подобныхъ импровизаціи весьма тенденціознаго характера. Какъ оказывается, пѣвцы внушаютъ на каждомъ шагу тѣснящейся у лавокъ толпѣ, что «дуновеніе бѣдности вѣетъ надъ краемъ». «Чужеземцы богатѣютъ, мы же нищаемъ. Остерегайтесь, пока не поздно, — иначе нашихъ тружениковъ ждетъ погибель.»

ОТЪ ПЯТИРѢЧЬЯ ДО ГАНГА.

Вторникъ, 1 (13) января 1891 г.

Новый годъ встрѣченъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ вагонѣ, на пути въ Лахоръ. Передъ отходомъ поѣзда со станціи Мэрутъ (гдѣ вспыхнуло главное возстаніе 1857 г. и откуда родомъ большинство нашихъ слугъ-мусульманъ: Раимбакасъ и другіе) русская свита и кромѣ того сэръ Мэкензи Уоллесъ съ Хардингомъ собрались въ салонномъ отдѣленіи Ихъ Высочествъ и здѣсь, подъ шумъ колесъ, съ бокалами въ рукахъ принесли поздравленія Августѣйшимъ Гостямъ ея величества королевы-императрицы. Равнинами Пэнджаба въ данную минуту на сѣверъ мчится ночной паровозъ, уносящій Великаго Князя въ царство развѣнчанныхъ сикховъ. Можетъ-ли быть высшій залогъ взаимнаго довѣрія двухъ могущественныхъ европейскихъ народовъ и лучшее доказательство миролюбія Россіи?

Двѣнадцатый часъ пополудни. Лахоръ. Генералъ-губернаторъ окраины (Sir John Lyall), командующій войсками (Sir Hugh Gough), римско-католическіе прелаты, много должностныхъ лицъ и дамъ ожидаютъ Е. И. Высочество на убранномъ флагами и зеленью дебаркадерѣ, гдѣ длинный почетный караулъ выставленъ отъ Уильтшайрскаго полка и Пэнджабскими волонтерами. Раньше чѣмъ сѣсть въ экипажъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ (подъ звуки русскаго гимна) идетъ по фронту караула. Бенгальскіе копѣйщики строются конвоемъ за коляской Великаго Князя. Двадцать однимъ пушечнымъ выстрѣломъ привѣтствуетъ столица Пятирѣчья прибытіе Престолонаслѣдника въ сѣверо-западную часть Индіи. На пути въ крѣпость и оттуда въ «Government House» растянуты шпалерами наемныя войска (горкинцы и сикхи), считающіяся самими англичанами за лучшій оплотъ британскаго могущества въ странѣ. Первые привлекаются на службу изъ Нэпаля: низкорослые, но крѣпкіе, и чрезвычайно выносливые, до безумья отважные и преданные дѣлу войны, эти горцы монгольской крови удивительно напоминаютъ намъ — русскимъ совершенно одинаковые типы въ рядахъ нашей арміи. Выдающійся царь сикховъ — Ранджитъ Сингъ уже девяносто лѣтъ назадъ утилизировалъ горкинцевъ какъ превосходный боевой элементъ и этимъ же правителемъ (по совѣту французскихъ офицеровъ-инструкторовъ изъ числа бившихся подъ знаменами Бонапарта) его же собственные единовѣрцы сформированы въ



ЛАХОРЪ.

баталіоны, ибо прежніе способы сражаться легкими кавалерійскими отрядами справедливо признаны были устарѣлыми и не цѣлесообразными, когда стала извѣстна стойкость пэнджабскаго воина-крестьянина въ пѣшемъ строю.

Англійскіе администраторы только воспользовались чужими мыслями и чужимъ опытомъ, вербуя себѣ отличныхъ солдатъ изъ инородческой среды.

Лахоръ, конечно, живописенъ по своему восточному колориту, но высказать о немъ что-нибудь особенное, при безпрестанно повторяющихся описаніяхъ того или другаго города Азіи, довольно трудно, — кромѣ развѣ замѣчанія, что улицы узки, а переулки прямо-таки представляютъ непроходимую трущобу, — жители тождественны съ нашими закаспійцами и туркестанцами и, двигаясь среди туземнаго жилья, невольно чувствуешь себя перенесеннымъ въ предѣлы роднаго Сѣвера: да и какъ здѣшнимъ горожанамъ, между которыми зачастую мелькаютъ характерныя фигуры сартовъ и туркменъ, не отличаться сходствомъ съ туземцами Средней Азіи?! Вѣдь съ той поры какъ Лахоръ (или, точнѣе, по старому Лохаваръ, skr. Lohawarana) основанъ по преданію сыномъ героя Рамы — Лохомъ, Иранъ и Туранъ, въ теченіе тысячелѣтій катили черезъ Пятирѣчье вѣчный токъ своего племеннаго и культурнаго воздѣйствія на заманчивую Индію. Мудрено-ли видѣть нагляднѣйшіе результаты подобнаго прибоя иноземныхъ началъ, которыя, — къ слову сказать, — тогда же съ одинаковой силой отражались и на Руси?

«Дворецъ зеркалъ» (Шишмахалъ), основанный здѣсь при Моголахъ и любопытный еще во дни Ранджитъ Синга, съумѣвшаго стать мудрымъ вождемъ разрозненныхъ, но въ совокупности могущественныхъ сикхскихъ общинъ (misls), теперь заглохъ. Какихъ-нибудь два — три поколѣнія до насъ передъ этимъ властителемъ трепеталъ южный Авганистанъ и склонялся Кашмиръ, англичане же не на шутку заискивали въ дружбѣ, опасаясь фантастическаго похода Наполеона I и казаковъ за рѣку Индъ.

Въ угрюмыхъ и безвкусныхъ по отдѣлкѣ хоромахъ короткое время таилась судьба Пятирѣчья. Прозорливые брамины и мусульмане, будучи совѣтниками расположеннаго къ нимъ иновѣрца-правителя, помогали ему искусно вести внѣшнюю политику. Между ними главную роль игралъ даровитый Факиръ Азизуддинъ, родомъ изъ Бухары, гдѣ и понынѣ живутъ представители той же фамиліи.

Передъ упраздненными царскими палатами — небольшой арсеналъ, гдѣ Ихъ Высочества мимоходомъ осматриваютъ шлемы, латы и кольчуги, бывшія въ употребленіи среди пэнджабцевъ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія и даже позже. На кирассахъ полковъ, обучавшихся французскими генералами (Allard, Ventura, Court) сохранились орлы. Маленькія орудія, возившіяся на спинѣ верблюдовъ, показываются рядомъ со святынею воинственныхъ туземцевъ: круглымъ щитомъ изъ кожи носорога и острой сѣкирой Говиндъ Синга, — «десятаго» и послѣдняго «гуру» (наставника) вѣрующихъ сикховъ, дѣйствовавшаго въ исходѣ XVII в. Затѣмъ Августѣйшіе путешественники спускаются съ площадки верхняго кремля и вступаютъ въ глухой дворъ, гдѣ тотчасъ слѣва находится гробница замученнаго тутъ въ тюрьмѣ Арджуна, — тоже сикхскаго учителя, проповѣдывавшаго триста лѣтъ назадъ и завѣщавшаго единоплеменникамъ книгу «Adi Granth» литературный и религіозный памятникъ совершенно особеннаго значенія. Тутъ какъ-бы воплотился этическій протестъ, — съ Махавиры и Будды никогда, впрочемъ, не спавшій въ нѣдрахъ индійскаго духа, — противъ чрезмѣрно странныхъ и узкихъ притязаній браминства, рѣзко отдѣлившаго

область культа отъ области познанія, вслѣдствіе чего народъ, тяготившійся одною обрядностью, но не подпускаемый къ источникамъ воды живой, изнывалъ подъ игомъ кастовыхъ предразсудковъ и строгихъ бездушнѣйшихъ предначертаній, какъ думать, чѣмъ заниматься, на что уповать. Убѣжденно-смѣлые реформаторы безпрестанно выдѣлялись (да и теперь выдѣляются) средою глухо недовольныхъ. Они собирали группы послѣдователей и временно обособлялись; но рано или поздно эти послѣдніе неизбѣжно впитывались обратно въ безразличную массу и тонули въ морѣ относительнаго индифферентизма и слѣпаго преклоненія передъ волею исконныхъ жрецовъ.

Кабиръ, Нанакъ и много имъ подобныхъ лицъ обошло средневѣковую Индію съ проповѣдью огненнаго пантеизма, истолкованнаго толпѣ на понятномъ для нея нарѣчіи. Арджунъ собралъ въ однородное цѣлое (на языкѣ Гурмукхи) собственныя мистическія изрѣченія и глубокіе по замыслу стихотворные отрывки своихъ предшественниковъ того же направленія (между прочимъ, въ Ади Грантъ включены строфы двухъ маратскихъ поэтовъ Деккана). Твореніе «гуру» улыбнулось сикхамъ. Они узрѣли въ немъ откровеніе небесъ, окружили книгу и драгоцѣнныя копіи съ нея царскимъ благолѣпіемъ, стали даже воздавать ей божескія почести.

Насъ вводятъ въ мавзолей Ранджитъ Синга, сооруженный надъ «мѣстомъ сожженія» (Samadh) его трупа. Мраморныя арки не придаютъ ни малѣйшей красоты угрюмому зданію, гдѣ на каменномъ возвышеніи (противъ входа) положена окутанная покрываломъ доска, на которой (какъ намъ говорятъ) изображены 12 лотосовъ натуральной величины, принявшихъ пепелъ самого царя и 11 женщинъ, взошедшимъ за его прахомъ на погребальный костеръ.

Тутъ же, на уродливой кровати — бережно завернутый въ ткани Ади Грантъ. Привратникъ опахаломъ сгоняетъ съ него докучливыхъ мухъ. Три сикхскихъ духовныхъ лица, сидя на полу, подъ звуки тоскливой музыки напѣваютъ что-то мрачно-воинственное. Но вниманіе поглощено не этой обстановкой, а тѣмъ осязательнымъ фактомъ, что здѣсь, какихъ-нибудь 50 лѣтъ до нашего посѣщенія, нѣсколько цвѣтущихъ человѣческихъ жизней оборвано рокомъ въ силу страшной случайности. «Сати» Ранджитъ Синга не добровольно умерли со своимъ повелителемъ. Солдаты притащили ихъ къ его тѣлу изъ дворца, грубо сняли съ нихъ ожерелья, вырвали золотыя кольца изъ ноздрей и звѣрски принудили несчастныхъ къ самосожженію.

Въ зрѣлищѣ не было буквально ничего, чтобы хоть отдаленно напоминало мужество раджпутскихъ героинь, сознательно уходившихъ въ иное бытіе за обожаемыми мужьями. Изъ тѣхъ каждая достойна удивленія, но не жалости. Изъ тѣхъ каждая — олицетворенный порывъ въ небо Индры и языческія обители блаженства.

Пылающій факелъ царица безстрашно беретъ
И съ гордой улыбкой бросаетъ въ душистыя смолы —
И чара видѣній предъ окомъ духовнымъ встаетъ:
Огонь заструился и смерти проснулись глаголы.

Нетлѣнное царство обрѣтшихъ блаженство тѣней!
Сліянье покоя, и счастья, и блеска, и свѣта!
Купаются въ пламени вдовы великихъ раджей,
Какъ грѣшные боги въ священныхъ озерахъ Тибета..

ЛѢСЪ ВЪ ТРЕВОГѢ.

Среда, 2 (14) января.

Денъ посвященъ утомительной поѣздѣ въ Чанга Манга, за 78 верстъ отъ Лахора. На слонахъ предпринимается новая охотничья экскурсія въ заросли, изобилующія дичью и звѣрьемъ. Умные колоссы еще осторожнѣе обыкновеннаго прокладываютъ себѣ дорогу и минуютъ обрывистыя мѣста.

Около 10 часовъ вечера, послѣ большаго обѣда (какъ и вчера) въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, обращенномъ въ таковой изъ надгробнаго мусульманскаго памятника значительныхъ размѣровъ, Августѣйшіе путешественники отправляются въ «Montgommery Hall», огромное зало для собраній торжественнаго характера, выстроснное въ память извѣстнаго пэнджабскаго администратора. Множество богато одѣтыхъ туземцевъ (преимущественно мелкихъ раджей) сгруппировано въ залитой свѣтомъ грандіозной залѣ. Иные удостоиваются быть представленными Е. И. Высочеству, встрѣченному на порогѣ «Hall» звуками «Боже, Царя храни!» Между инородческими вождями наиболѣе выдѣляется правитель округа Капуртала, имѣющій въ общемъ (за услуги британскимъ властямъ) до полумилліона подданныхъ.

ПЭНДЖАБСКІЕ ФАКИРЫ.

Предстоитъ видѣть дикій авганскій танецъ «Khattak dance». На открытомъ воздухѣ сыро и холодно. Въ садахъ отведена лужайка, среди которой пылаетъ костеръ: бородатые и суровые наемные солдаты племени «африди», съ отточенными саблями въ рукахъ, образуютъ вокругъ него вереницу медленно вертящихся и посвѣчивающихъ оружіемъ демоническихъ фигуръ. Крики вырываются у нихъ изъ груди, по мѣрѣ того, какъ пляска разгорается, — клинки сіяютъ и съ поражающей быстротой движутся въ странномъ багровомъ полумракѣ. Подъ навѣсомъ параднаго шатра Наслѣдникъ Цесаревичъ долго любуется единственною въ своемъ родѣ картиною. Она лицами и боевымъ складомъ напомнила намъ дорогой, отдаленный Сѣверъ!

Четвергъ, 3 (15) января.

Августѣйшіе путешественники утромъ, при салютѣ, покидаютъ Лахоръ, въ сопровожденіи сэра Lyall и генерала Gough. Въ одиннадцать часовъ — прибытіе на станцію Амрицаръ. Почетный караулъ выставленъ отъ Мэнчестерскаго полка. Конвой отъ «16 Bengal Cavalry» и парадный экипажъ ожидаютъ Е. И. Высочество. Коляски для свиты присланы капуртальскимъ раджею.

Богатый торгово-промышленный центръ, куда мы въѣзжаемъ, до сихъ поръ является средоточіемъ религіозной жизни сикховъ. Ранджитъ Сингъ сломилъ непокорство здѣшнихъ самостоятельныхъ вождей, но болѣе чѣмъ кто-либо озабоченъ былъ мыслью какъ изукрасить находящійся тутъ храмъ, къ которому въ данную минуту направляются Августѣйшіе путешественники.

Населеніе устроило Имъ крайне радушный пріемъ. Двѣ привѣтственныхъ надписи сдѣланы по русски.

Передъ тѣмъ чтобы спуститься со входной терассы сикхскаго святилища къ омывающему ее довольно обширному водоему, величаемому вѣрующими «прудомъ безсмертія», мы надѣваемъ широкіе и мягкіе цвѣтные полусапожки поверхъ обуви.

Молельня воздвигнута на участкѣ, отведенномъ при Акбарѣ одному «гуру» по имени Рамъ Дасъ. Двѣсти лѣтъ позже авганцы осквернили ее, окропивъ кровью буйволовъ, и взорвали. Вожди «сикховъ» (что собственно значитъ «послѣдователи, ученики») мало по малу опять собрались и укрѣпились въ Амрицарѣ.

Насъ ведутъ бѣломраморною набережной и по каменному мосту, соединяющему ее съ островкомъ, гдѣ высится «золотой храмъ», обитый позолоченной мѣдью при Ранджитъ Сингѣ, когда на убранство купола, подъ которомъ чтится и читается Ади Грантъ, не жалѣлись никакіе расходы, а внутренность молитвеннаго зданія, кромѣ живописи, разукрашалась еще и мозаикой, и цвѣтными камнями, вырванными изъ мусульманскихъ мавзолеевъ.

Стѣны нижняго покоя пестрятъ узорами. По серединѣ — сѣдалище съ открытой «священной» книгой. Опахало колышется надъ ней. Нѣсколько старцевъ-пѣвцевъ («гранти»), съ вдохновленными взорами, заунывно бормочутъ исполненныя экстаза слова, какими также исписанъ фасадъ чертога, сооруженнаго въ честь Ади Гранта. Ихъ Высочества подымаются наверхъ, — въ красивый павильонъ, откуда яснѣе видна обстановка «водоема безсмертія», т. е. рядъ зданій, занимаемыхъ пэнджабскими князьями, благоговѣющими передъ Амрицаромъ, — затѣмъ переходятъ обратно на набережную, гдѣ среди тѣсно сдвигающейся толпы, польщенной пребываніемъ Наслѣдника Цесаревича у «святыни» сикховъ, сейчасъ произойдетъ такъ-называемое «крещеніе» новыхъ членовъ туземной религіозной общины. Она собственно состоитъ изъ лицъ, добровольно принимающихъ въ зрѣломъ возрастѣ извѣстные обѣты. До принятія ихъ, сыновья единомышленниковъ «десяти гуру» не считаются принадлежащими къ великому братству (Khalsa), быстро образовавшему въ Пэнджабѣ воинственный, гордый и почти непобѣдимый народъ.

Число сикховъ въ Индіи колеблется около двухъ милліоновъ. За послѣднее время трезвыя идеи первыхъ «учителей» недостаточно удовлетворяютъ темную массу послѣдователей, которая преимущественно набиралась изъ низшихъ кастъ, жаждавшихъ равенства и соціальнаго значенія: женщины легко подпадаютъ подъ вліяніе браминовъ, свыкаются съ пышной языческой обрядностью и увлекаютъ своимъ рвеньемъ родню мужескаго пола, такъ что все меньше и меньше является желающихъ посвящать себя на служеніе

«Ади Гранту». Говиндъ Сингъ, умирая, сказалъ воинству: «Новаго наставника у васъ не будетъ. Божество (Акалъ) да хранитъ нашъ союзъ! Духъ же религіозныхъ вождей будетъ отнынѣ воплощаться въ священной книгѣ Арджуна.» Пока кровавая борьба съ мусульманствомъ распаляла и тѣшила пэнджабскихъ крестьянъ, сикхизмъ могъ разсчитывать на выдающееся будущее. Теперь времена не тѣ: вѣроученіе столь исключительнаго характера должно постепенно уступать свое мѣсто болѣе жизненнымъ и древнимъ.

Тѣмъ любопытнѣе хоть мелькомъ видѣть обрядъ, называемый «пáхулъ», — самое существованіе котораго черезъ сотню — двѣ лѣтъ станетъ, пожалуй, анахронизмомъ.

Ихъ Высочества подошли къ старому туземному храму (Akal Bungah) съ позолоченнымъ куполомъ и озолоченными рѣшетками на выступающихъ окнахъ втораго этажа. Нѣсколько молодыхъ людей пьютъ воду, служившую ихъ воспріемнику для омовенія, ею же кропятъ себѣ голову: посвящающій даетъ имъ цѣловать мечъ, льетъ на него воду и брызгаетъ на волосы нарождающихся сикховъ. Этой влаги они тоже обязаны отвѣдать, — такъ какъ въ ней предварительно кинжаломъ растолченъ сахаръ, причемъ произнесены мистическія формулы.

Испивъ воды, посвящаемые и совершающій обрядъ должны воскликнуть: «Wah! Guruji ka Khalsa!» (Да будетъ дарована побѣда братству нашихъ гуру!), и вкусить пищи изъ общаго сосуда.

Принимающіе званіе настоящихъ «учениковъ» получаютъ прозвище «синги» (львы), не стригутся и не брѣются, непремѣнно хранятъ при себѣ холодное оружіе и гребешекъ, носятъ узкіе и короткіе штаны по колѣно и т. д.

Когда Августѣйшіе путешественники обозрѣвали «золотую молельню», духовныя лица намъ давали въ руки на память крошечныя книжечки, копіи съ Ади Гранта (что значитъ «первая книга»). Чѣмъ же она такъ замѣчательна, если очаровывала толпы фантастиковъ и одушевляла, сплотивъ въ могучее цѣлое, исторически важную республику (союзъ отдѣльныхъ общинъ Пэнджаба) съ сотнями и сотнями тысячъ отборныхъ бойцевъ, — по мнѣнію англійской печати лучшихъ въ Азіи.

Основа умозрѣній Арджуна — пантеистическій принципъ. Богъ наполняетъ вселенную, но обманчивый міръ (майя) не касается священной сущности вещей. Она неприступна, неосязаема, разлита повсюду, самобытна и совершенно отдѣльна отъ всего. Предвѣчная сила (свѣтъ) проникаетъ явленія и параллельно съ тѣмъ безучастна, неподвижна, отождествима съ полнѣйшею «пустотой», — что однако не мѣшаетъ набожнымъ гуру молиться ей:

«Ты для меня — отецъ, и мать, и братъ, —
Ты — мой хранитель на всѣхъ путяхъ жизни; —
Подъ Твоимъ покровомъ мнѣ невѣдомы горести и опасенія».

Одинъ отрывокъ Ади Гранта категорически говоритъ:

«Если кто нагъ, слабъ и голоденъ, оставленъ ближними и не видитъ исхода, — пусть только подумаетъ о Богѣ, и обрѣтетъ нужное.»

«Найдти Всевышняго всякій человѣкъ можетъ въ собственной груди.» Душа разсматривается Арджуномъ какъ scintilla animae divinae. Страданія объяснимы тѣмъ, что душа такъ-сказать «питается» (!) послѣдствіями совершенныхъ ею ранѣе того дурныхъ дѣлъ.

«О сердце! Сможешь-ли ты переправиться на другой берегъ бытія, — когда передъ тобою — океанъ яда?» Извѣстнаго рода фатализмъ свойственъ міровоззрѣнію сикховъ. Оттого-то они въ практическомъ отношеніи и дѣйствуютъ обыкновенно еще порывистѣе

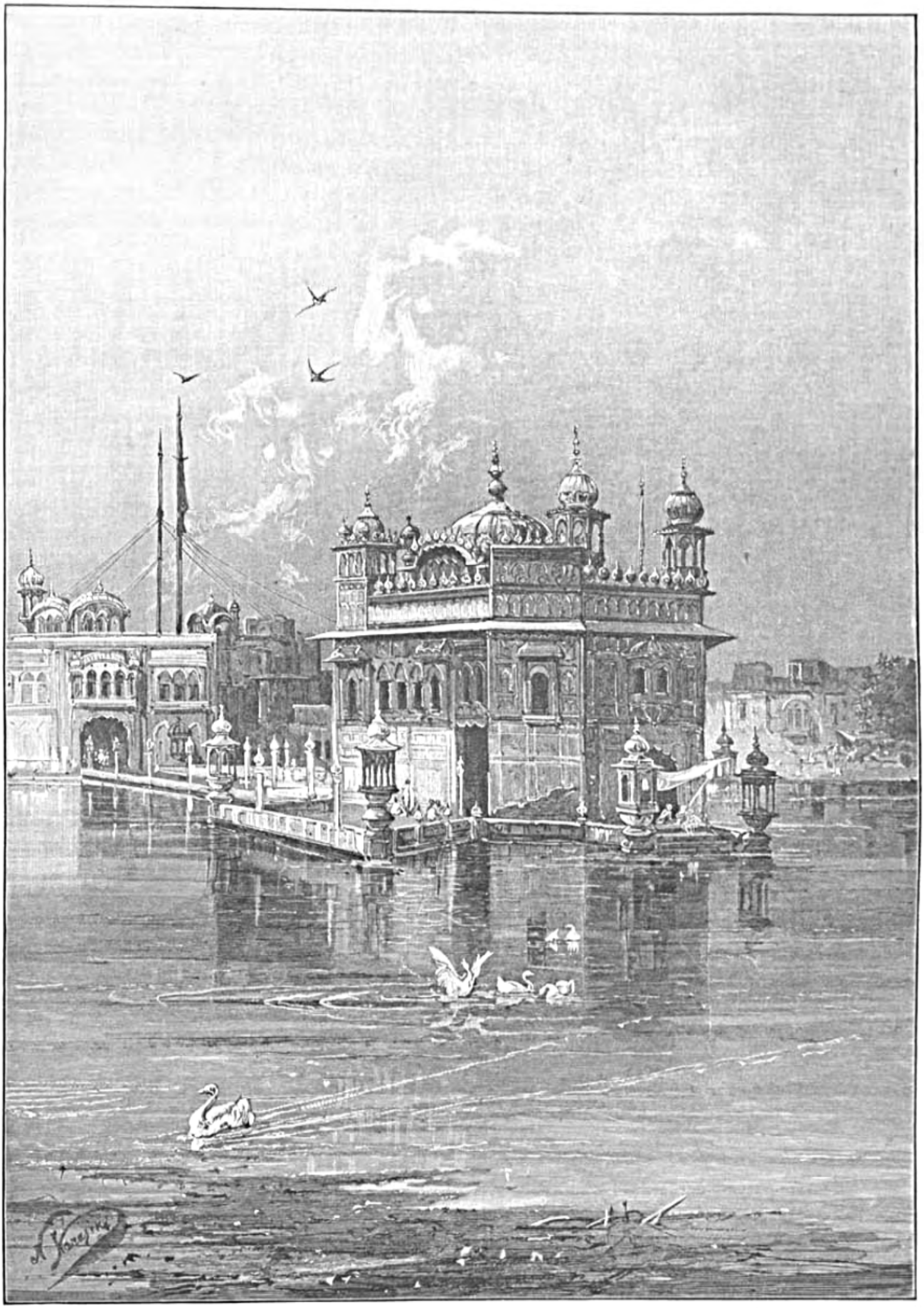
и неуклоннѣе чѣмъ мусульмане. По наряду съ этимъ поразительная глубина чувства ключемъ бьетъ въ лирическихъ изліяніяхъ вѣщаго Гранта.

«О Безконечный! вѣдь если бы я не грѣшилъ, то Твое имя не звучало бы: Очиститель грѣховъ?!» До воплощенія въ образѣ человѣка твари проходятъ безчисленное число формъ и рожденій, но только послѣдній даетъ право и возможность вознестись мыслями и стремленіями до идеала, освобождающаго все смертное отъ дальнѣйшихъ скитаній и мукъ, внѣ области конечнаго блаженства и нравственнаго успокоенія. Сикхизмъ, какъ истинное дитя индійской метафизики, признаетъ Нирвану, ищетъ ея, вѣритъ въ благодатную побѣду нашего «я» надъ узами соблазна и тлѣнія.

Послушаніе духовному наставнику почитается вѣрнѣйшимъ средствомъ совершенствованія. Онъ можетъ научить, какъ вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ Божествомъ и, воздѣйствуя чисто магически на воспринимающаго «святое» ученіе, прямо черезъ ученика вліять также на его ближнихъ. Когда познаваніе послѣдняго дойдетъ до подобной высокой степени, ему не требуется никакихъ внѣшнихъ очистительныхъ пріемовъ, чтобы подыматься въ небеса: «кто слышитъ, и любитъ, и хранитъ имя Божье, — тотъ, такъ сказать, купается въ своемъ сердцѣ точно въ священномъ водоемѣ.»

Ихъ Высочества на нѣсколько минутъ заходятъ и въ «Akal Bungah», гдѣ Имъ показываютъ мечъ, которымъ рубился Говиндъ Сингъ, — несчастный гуру, до того ненавистный Аурангзебу, что этотъ Моголъ велѣлъ заживо схоронить его дѣтей. Кромѣ разнаго, такъ или иначе прославленнаго оружія и сосудовъ, употребляющихся при обрядѣ «пахулъ», храмъ ничего особеннаго не содержитъ. Только еще рельефнѣе становится внутренній ростъ и настоящій обликъ сикхизма въ центрѣ его главныхъ святынь. Надъ драгоцѣнными для вѣрующихъ коллекціями стоитъ могучая фигура туземнаго монаха-воина (акали) въ характерномъ темно-синемъ одѣяніи, съ желѣзными браслетами на рукахъ и необычайнымъ головнымъ уборомъ изъ отточенныхъ дисковъ и ножей: сикхи прошлаго столѣтія искусно метали ихъ во время боя. Секта «акали», безбрачныхъ изувѣровъ, бывшихъ въ тягость собственнымъ вождямъ и народу, теперь фактически существуетъ въ весьма скудномъ числѣ представителей, но еще при Ранджитъ Сингѣ состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ строптивыхъ человѣкъ (своего рода янычаръ Пэнджаба) съ ультра-демократическимъ направленіемъ. Они вѣчно опьянялись опіумомъ или другими веществами, носили тяжелыя косы, спали со своими страшными колючими чалмами на головѣ (такъ-сказать арсеналомъ холоднаго оружія и гнѣздомъ паразитовъ).

Покидая «Amrita Saras» (водоемъ безсмертія), Августѣйшіе путешественники опять проходятъ его набережной, мимо самого страннаго факира, какого мы до сихъ поръ видѣли въ Индіи. Большинство изъ нихъ производило скорѣе отталкивающее впечатлѣніе, отличалось отъ толпы развѣ только грязью и юродствомъ Этотъ же народный мистикъ, здѣсь въ Амрицарѣ, какъ-то рѣзко выдѣляется индивидуальностью: онъ сидитъ на каменномъ помостѣ, у стѣны, — опустивъ или изрѣдка вскидывая чудные глубокіе глаза, въ которыхъ свѣтится умъ и тишина духа. Длинныя и густыя пряди волосъ падаютъ на плечи созерцателя. Лицо его до того благообразно и привлекательно, что можно бы имъ подолгу любоваться. Кто онъ: посторонній-ли посѣтитель придѣловъ «Золотаго храма» или какой-нибудь сикхъ-сектантъ новѣйшей формаціи, я не успѣлъ выяснить.



ЗОЛОТОЙ ХРАМЪ ВЪ АМРИЦАРѢ.

Во всякомъ случаѣ въ немъ не было ничего дикаго и хаотичнаго, чѣмъ охотно гордились доводившіе себя до изступленія послѣдователи Говиндъ Синга. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ, — взятый въ плѣнъ мусульманами, — по ихъ требованію, чувствуя неизбѣжность конца, безтрепетно собственноручно зарѣзалъ своихъ двухъ сыновей и затѣмъ сознательно дозволилъ пытающимъ его звѣрямъ (въ образѣ солдатъ изъ дэлійскаго войска) медленно отрывать у себя раскаленными щипцами куски мяса отъ дымящагося, содрогающагося тѣла. Не слишкомъ ли много безцѣльнаго героизма и сверхъестественной зачерствѣлости?

Передъ тѣмъ какъ покинуть Амрицаръ (около часу пополудни) Ихъ Высочества заѣзжаютъ на фабрику ковровъ и шалей, которыми городъ особенно славится, несмотря на обширность его прочихъ торговыхъ производствъ и ежегодныхъ торговыхъ оборотовъ. Дѣло ведется мусульманами-выходцами изъ Кашмира, но здѣшніе рабочіе по качествамъ, а матеріалъ по добротѣ уступаютъ тому, чѣмъ извѣстенъ тамошній рынокъ.

Въ девятомъ вечера, во время обѣденной остановки, Великій Князь привѣтствуемъ на станціи Умбала почетнымъ карауломъ и русскимъ гимномъ, нигдѣ еще не гремѣвшимъ съ такою плавностью и величавостью какъ сегодня.

На утро предстоитъ пересадка въ маленькіе, узенькіе вагоны побочной желѣзнодорожной вѣтви (Hathras Road-Muttra).

Пятница, 4 (16) января.

Матура, родина Кришны, угасшій очагъ буддизма и до нынѣ священный городъ для безчисленнаго числа туземцевъ, стекающихся смыть съ себя грѣхи въ струяхъ Джумны (Ямуны). Древность пункта въ лучахъ легенды неоспорима, но достовѣрныя данныя о немъ получаются лишъ съ 1017 г. при разгромѣ его знаменитыхъ капищъ султаномъ Махмудомъ изъ Газни. Двадцать дней длилось опустошеніе мѣстности. Между несмѣтной добычей, особую приманку составляли серебряные и золотые кумиры съ рубиновыми очами и самоцвѣтными дорогими украшеніями. Болѣе ста верблюдовъ потребовалось, чтобы ихъ увезти.

Дэлійскій владыка Сикандаръ Лоди (1488—1516) столь же сурово поступалъ съ матурскою святынею язычниковъ, разрушая памятники ненавистнаго мусульманамъ многобожія. Уцѣлѣвшіе храмы обращались въ караванъ-сараи или училища, гдѣ молодежь знакомилась съ письменностью ислама. Каменные идолы отдавались мясникамъ (т. е. самымъ отвратительнымъ нечестивцамъ во мнѣніи индусовъ, чтущихъ корову), чтобы куски изваяній служили при взвѣшиваніи. Бритье головъ и бороды язычникамъ запретили, а также и купанья въ рѣкѣ. Аурангзебъ рѣшилъ уничтожить наименованіе Матура, замѣнивъ его «Ислампуромъ» или «Исламабадомъ».

Эти жестокости рисуются тѣмъ въ худшемъ свѣтѣ, что по простодушному вѣроученію издалека сюда стекающихся богомольцевъ сутки, проведенныя на родинѣ Кришны, важнѣе для спасенія души чѣмъ года, посвященные пребыванію и молитвамъ въ исполненномъ благодати Бенаресѣ.

Оріенталисты до сихъ поръ не могутъ хорошо разобраться въ вопросѣ, кто — Кришна и что считать ядромъ его сложнаго миѳа. Несомнѣнно, кажется, одно: въ незапамятныя времена къ Джумнѣ прикочевали пастушескія племена (Ядава), основали царство,

имѣя столицей Матуру, и за какія-то необычайныя качества обожествили царевича изъ своей среды — темноликаго Кришну (надо замѣтить, что и Будда вышелъ изъ народности скиѳскаго происхожденія и какъ не аріецъ иногда изображался почти чернымъ). Доброе ядавское божество приглянулось окрестному населенію на громадномъ районѣ. Брамины, держась исконной тактики осиливать духовнаго врага принятіемъ его въ собственный пантеонъ, тоже сдѣлали и съ кришнаизмомъ, который съ той поры пріобрѣлъ еще больше обаянія для народныхъ массъ: поклоняясь Кришнѣ, «аватару» (воплощенію) Вишну, вѣрующіе славословятъ торжество добраго жизнерадостнаго начала надъ унынiемъ и отчаяніемъ, которыя отчасти и, пожалуй, въ черезчуръ значительной мѣрѣ преобладаютъ въ пессимистическомъ міровоззрѣніи индусовъ. Кришна веселъ, шаловливъ, отмѣченъ чисто человѣческими слабостями и страстями, заступается за слабыхъ чего же еще искать толпѣ?

Одаренное даромъ наполнять вселенную счастьемъ и восторгомъ, божество Матуры любило вдохновлять сладкозвучной игрой на свирели животныхъ и птицъ, пастушекъ и поселянъ, даже неодушевленные предметы. Когда же на все и всѣхъ подѣйствуетъ трепетъ наслажденія, — Орфей преображается въ строго-вдумчиваго проповѣдника нравственности, въ своего рода Будду, прозрѣвшаго тщету земныхъ тревогъ, въ олицетвореніе безстрастія и самоограниченія. Въ очахъ Кришны, напоминающихъ два дивныхъ лотоса, только что мерцали чары любви и призыва къ грѣховнымъ упоеніямъ, — но вдруъ отъ того же властно притягивающаго лика вѣетъ дуновеніе чего-то инаго, высшаго, свободнаго отъ мірской скверны и тьмы страстей: загадочное сверхъестественное существо, непостижимые извивы пламеннаго умозрѣнія!

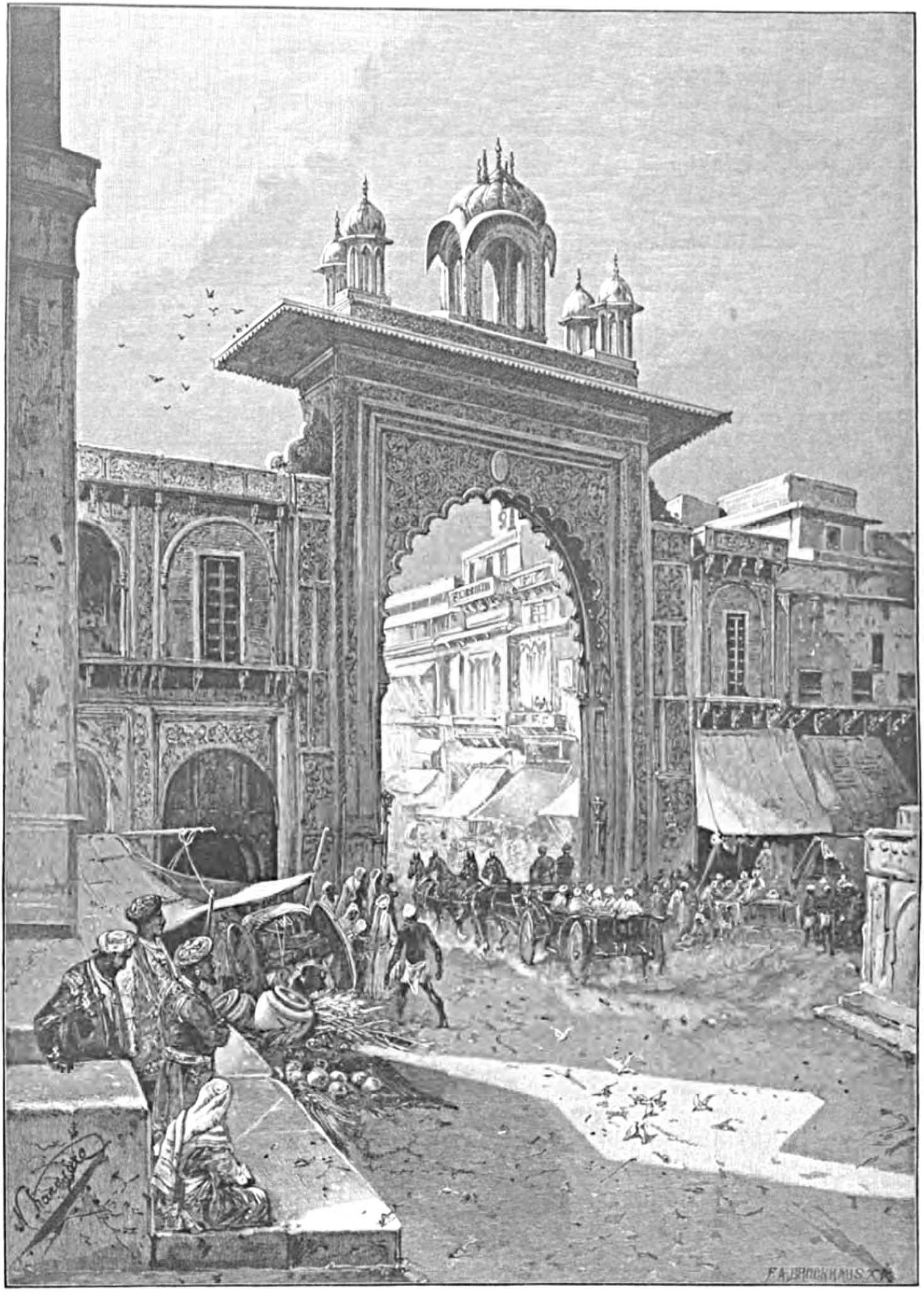
Наслѣдникъ Цесаревичъ милостиво принимаетъ на сегодня приглашенніе офицерскаго собранія расположенныхъ въ Матурѣ «King's Dragoon Guards» на завтракъ и на обѣдъ. Въ промежутокъ между ними Августѣйшіе путешественники отправляются въ экскурсію къ мѣстечку Биндрабанъ, въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, куда мы прибыли.

Названіе происходитъ отъ туземнаго слова «бринда», обозначающаго священное въ глазахъ народа ароматическое растеніе (Ocymum sanctum), которое тутъ прежде находилось въ необычайномъ изобиліи, пока этотъ пунктъ являлъ собою густой джонгль («банъ»), а не вереницу храмовъ, опоясанныхъ жильемъ, съ неисчислимыми богомольцами, стекающимися сюда на поклоненіе.

Теперь чаща расчищена и среди зелени, ласкающей око — въ противоположность окрестному песчаному пустырю — кумирни, сложенныя изъ краснаго джайпурскаго плитняка, создаются одна за другой щедрыми жертвами близкихъ и отдаленныхъ ревнителей.

Ихъ Высочества проѣзжаютъ въ экипажѣ, запряженномъ четверкою, мимо нѣсколькихъ многоэтажныхъ капищъ съ замкнутыми оградами. Язычники неохотно открываютъ доступъ иностранцамъ въ глубь зданій, отведенныхъ культу боговъ. По преданію, императора Акбара ввели съ завязанными глазами въ какое-то биндрабанское святилище и показали ему тамъ такія невѣроятныя чудеса, открыли столь сокровенныя тайны, что Моголъ въ глубочайшемъ изумленіи дозволилъ раджамъ и населенію возвеличивать мѣстечко, какъ и чѣмъ хотятъ.

Августѣйшіе путешественники подымаются на холмъ, гдѣ расположена угрюмая башня кумирни Маданъ Моханъ, обязанной своимъ происхожденіемъ слѣдующему случаю.



ВЪ ГОРОДѢ МАТУРА.

Купецъ везъ въ Агру дорогіе товары рѣкою Джумною, струящеюся тутъ внизу, прямо передъ нами. Барка сѣла на мель и никакими усиліями не удавалось стащить ее въ теченіе трехъ дней, пока не обратились съ молитвой къ Кришнѣ. Тогда она сама собой поплыла. Благодарный хозяинъ воздвигнулъ на побережьѣ упомянутый храмъ.

Неприкосновенныя для вѣрующихъ большія обезьяны въ припрыжку бѣгутъ за нами по кровлямъ ближайшихъ зданій, на лету ловя кидаемые имъ апельсины. Два-три факира сидятъ у тусклыхъ стѣнъ, окружающихъ Маданъ Моханъ, равнодушно глядя по сторонамъ. Одинъ до того вчитался въ лежащую у него на колѣняхъ книгу, что даже не поднялъ глазъ, когда кто-то изъ сопровождающихъ англичанъ положилъ ему руку на плечо. Другой (нищій съ виду), сидя у воды, подъ огромнымъ зонтикомъ, вкопанномъ въ землю, даже и не подумалъ нагнуться, когда ему подъ ноги бросили рупію.

Мѣсто, гдѣ онъ отдыхаетъ, называется «Kali-dha Ghat» и свято чтится индусами, такъ какъ здѣсь въ миѳическія времена Кришна попралъ голову змѣя Калійя, вышедшаго изъ рѣчной глубины и дерзнувшаго вступить въ борьбу съ непобѣдимымъ богомъ.

На двухъ связанныхъ между собою лодкахъ импровизированъ такъ-сказать помостъ съ десяткомъ сидѣній, чтобы Ихъ Высочества могли хоть вскользь посмотрѣть на Биндрабанъ съ самой Джумны. Зрѣлище ново, но не любопытно, потому что толпа на пристаняхъ и лѣстницахъ, опускающихся къ рѣкѣ, только движется съ шумнымъ оживленіемъ, слѣдуя за нашимъ идущимъ по теченію паромомъ, и не совершаетъ никакихъ моленій въ неурочный часъ, у священныхъ струй, по которымъ невредимо пронесенъ былъ, въ періодъ дождей и грознаго разлива водъ, младенецъ Кришна.

Еще въ Матурѣ Августѣйшимъ путешественникамъ показывали сегодня забавную мѣстную игрушку, именуемую «Vasudeva Katora» и памятующую чудесное избавленіе «новорожденнаго бога» отъ вѣрной погибели. Царь страны, въ качествѣ индійскаго Ирода, истреблялъ крошечныхъ дѣтей, получивъ предсказаніе, что родится мальчикъ, имѣющій уничтожить его самого. Отецъ понесъ маленькаго спящаго Кришну черезъ рѣку. Стоило его ножкамъ коснуться влаги, и она отступала, не дерзая подняться до объятій спасающаго сынишку отца, — не только отступала, но и переставала стремительно течь, давая ему возможность легко переправиться въ бродъ.

Мѣдная игрушка, видѣнная нами, изображаетъ тазикъ и сидящаго въ немъ человѣчка съ ребенкомъ на колѣняхъ. Когда туда наливаешь воду, она едва успѣваетъ дойдти до него, какъ внезапно выливается сквозь отверстіе сбоку.

На противоположномъ мѣстечкѣ и необитаемомъ берегу Джумны отдыхаютъ черепахи, чернымъ бревномъ лежитъ аллигаторъ, горячій воздухъ безлѣсной равнины дышетъ намъ оттуда въ лицо. Ихъ Высочества вновь входятъ въ черту Биндрабана, издали смотрятъ на богатое капище, воздвигаемое джайпурскимъ махараджею, мелькомъ посѣщаютъ одну старую и массивную кумирню XVI столѣтія. Наискосокъ отъ нея, по другую сторону широчайшей улицы, пестрѣетъ гигантская пирамидальная постройка «сетовъ» (милліонеровъ) Матуры, обошедшаяся имъ въ 4,500,000 рублей. Тамъ ежедневно изобиліе кушаній подносится Кришнѣ и затѣмъ распредѣляется между сотнями бѣдняковъ. Тамъ

находится знаменитое училище санкритовѣдѣнія и туда строжайше запрещенъ доступъ иновѣрцамъ. Послѣднее обстоятельство не вызвано исключительно нетерпимостью по отношенію чужой религіи, а больше обычаемъ. Тѣ же «сеты» недавно пожертвовали крупную сумму на сооруженіе католической церкви близь вокзала желѣзной дороги.

Языческій храмъ, въ который мы вошли, замкнутъ въ своихъ внутреннихъ отдѣлахъ. «Богъ спитъ», объясняютъ привратники: «и дверей въ алтарь нельзя пока отворить».

При настояніи они позвякиваютъ въ колокольчикъ, будятъ незримаго кумира и медленно отворяютъ порталъ, ведущій въ интереснѣйшее обиталище бога. Но впереди совершенно темно, ничего не различить, въ бездушномъ мракѣ какъ-будто кто-то причудливо высится и опять расплывается въ очертаніяхъ.

Суббота, 5 (17) января.

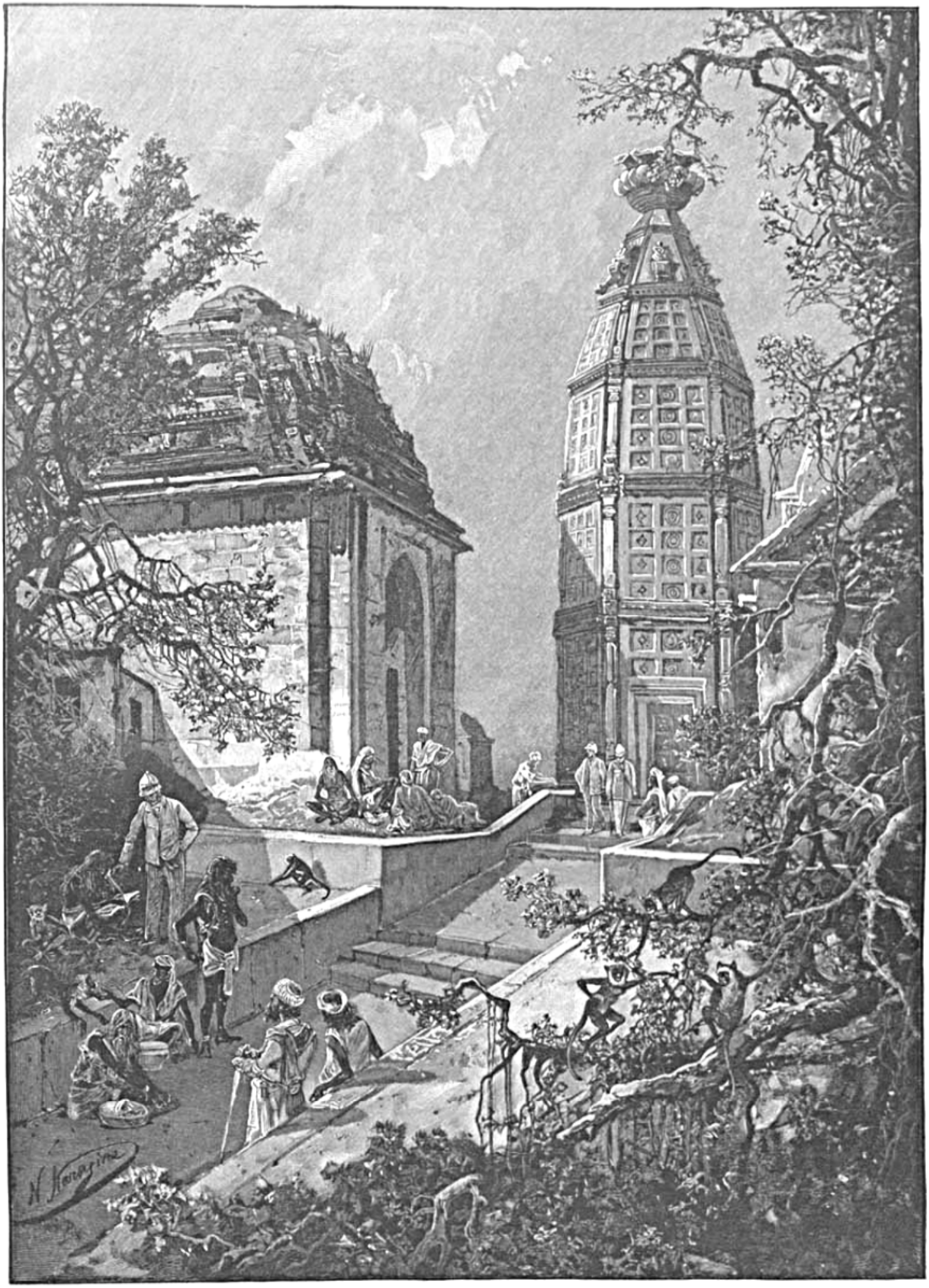
Восемь утра. Агра. Парадная встрѣча военными и гражданскими властями. Декорированный дебаркадеръ. Буртпорскій махараджа въ числѣ собравшихся для торжественнаго пріема. Почетный караулъ со знаменемъ и музыкой выставленъ отъ Лейнстерскаго полка. Кромѣ того у станціи выстроены волонтеры. Когда, прослушавъ русскій гимнъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ садится въ экипажъ, грохотъ салюта привѣтствуетъ Его Императорское Высочество при въѣздѣ въ любимый городъ Моголовъ.

Впечатлѣнія и дни чередуются съ такою поразительною быстротою, дополняя другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сливаясь въ черезчуръ сложное цѣлое, что летучимъ путевымъ замѣткамъ все труднѣе и труднѣе вырабатываться во что-либо связное и безукоризненно ясное. «Дальше! дальше!» торопитъ дорожное волненіе: «это еще не прослѣжено, тамъ-то упущены изъ вниманія серьезнѣйшія подробности, съ тѣмъ-то и тѣмъ-то надо бы глубже познакомиться, но поздно .» сознаешься себѣ на каждомъ шагу.

Кто въ общемъ описывалъ Дэли, тому мало остается сказать объ Агрѣ. Городъ и крѣпость его — сравнительно изъ молодыхъ. Возвышеніе ихъ началось съ Акбара и закончилось при Аурангзебѣ. Прошлое памятниковъ и чертоговъ этой временной императорской резиденціи безусловно совпадаетъ и тѣсно связано съ политическими дѣяніями, успѣхами и невзгодами главнѣйшихъ Моголовъ. Повторять ихъ болѣе или менѣе извѣстную исторію, ставя ее въ соотношеніе съ агринскими достопримѣчательностями, нѣтъ причины. Въ путешествіи бываютъ минуты, когда, чѣмъ безсознательнѣе относишься къ воспринимаемой панорамѣ яркихъ явленій, тѣмъ глубже она вліяетъ на душу и тѣмъ неотразимѣе отражается въ памяти. Говорить, вспоминая о томъ, историческими именами, и фактами, и годами заразъ утомительно и тяжело: зачѣмъ комментаріи, если сама дѣйствительность краснорѣчивѣе любаго восторженнаго описанія и лишь художникъ способенъ хоть отдаленно передать черты видѣнія, мелькнувшаго и улыбнувшагося, какъ сонъ.

Августѣйшіе путешественники посѣщаютъ палаты стараго кремля съ его традиціонными Диванъ-и-амомъ, Диванъ-и-кхазомъ, — «Жемчужною» мечетью, которая красотой и размѣрами, пожалуй, превосходитъ дэлійскую, — безмолвными покоями и терассою, выходящею на Джумну. По серединѣ — два престольныхъ возвышенія: бѣлое и черное. На послѣднемъ — трещина, будто бы образовавшаяся потому, что на тронъ Могола сѣлъ узурпаторъ: джатскій вождь, случайно захватившій городъ.

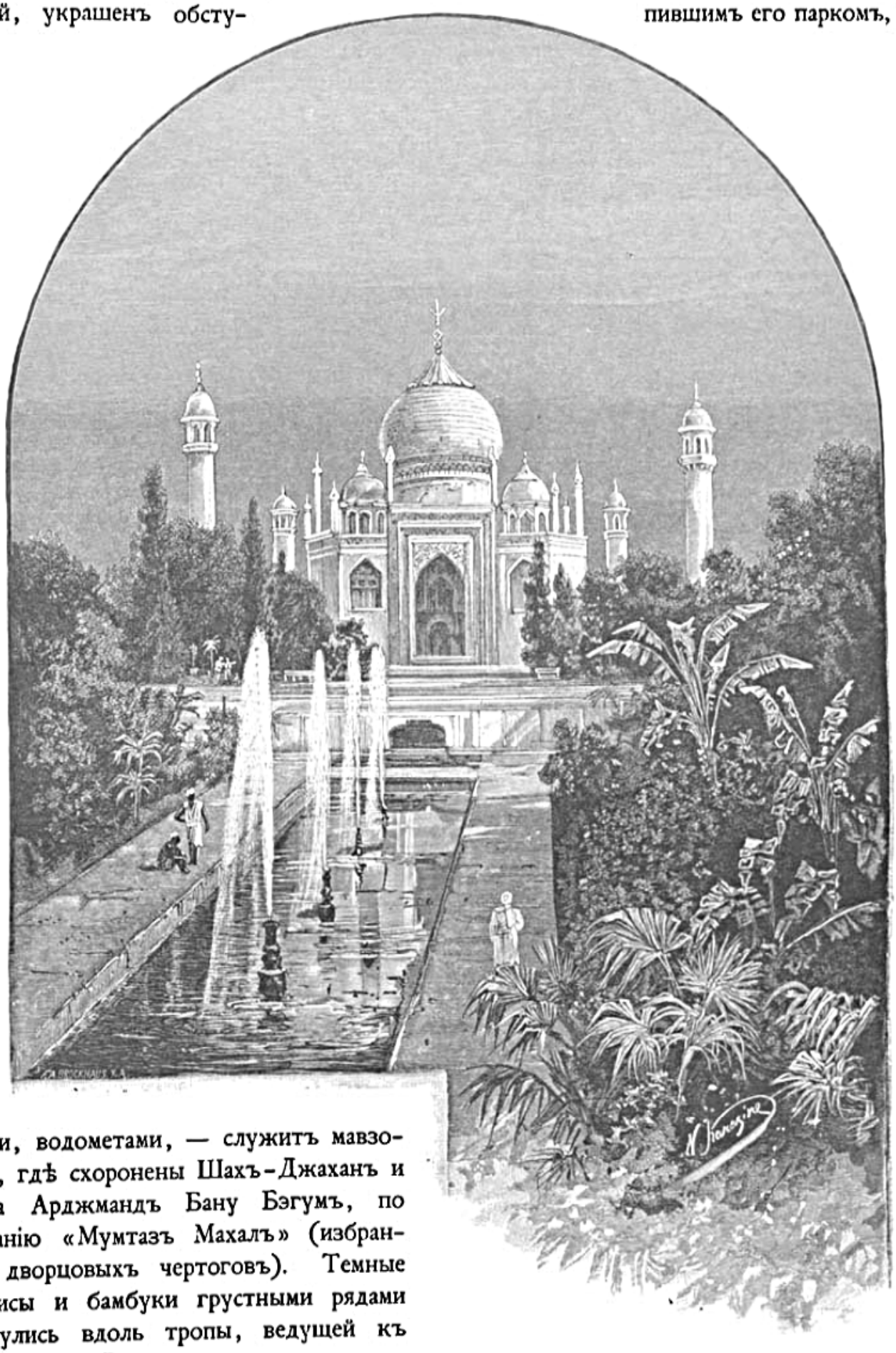
Ихъ Высочества долго любуются окрестностью, развертывающеюся передъ мраморнымъ павильономъ работы итальянскихъ мастеровъ, откуда видѣнъ Таджъ. . .



КУМИРНЯ МАДАНЪ МОХАНЪ.

. . . Таджъ! «Поэма въ камнѣ», по выраженію одной экзальтированной туристки: не точнѣе-ли сказать «храмъ супружеской вѣрности и счастья въ любви»?

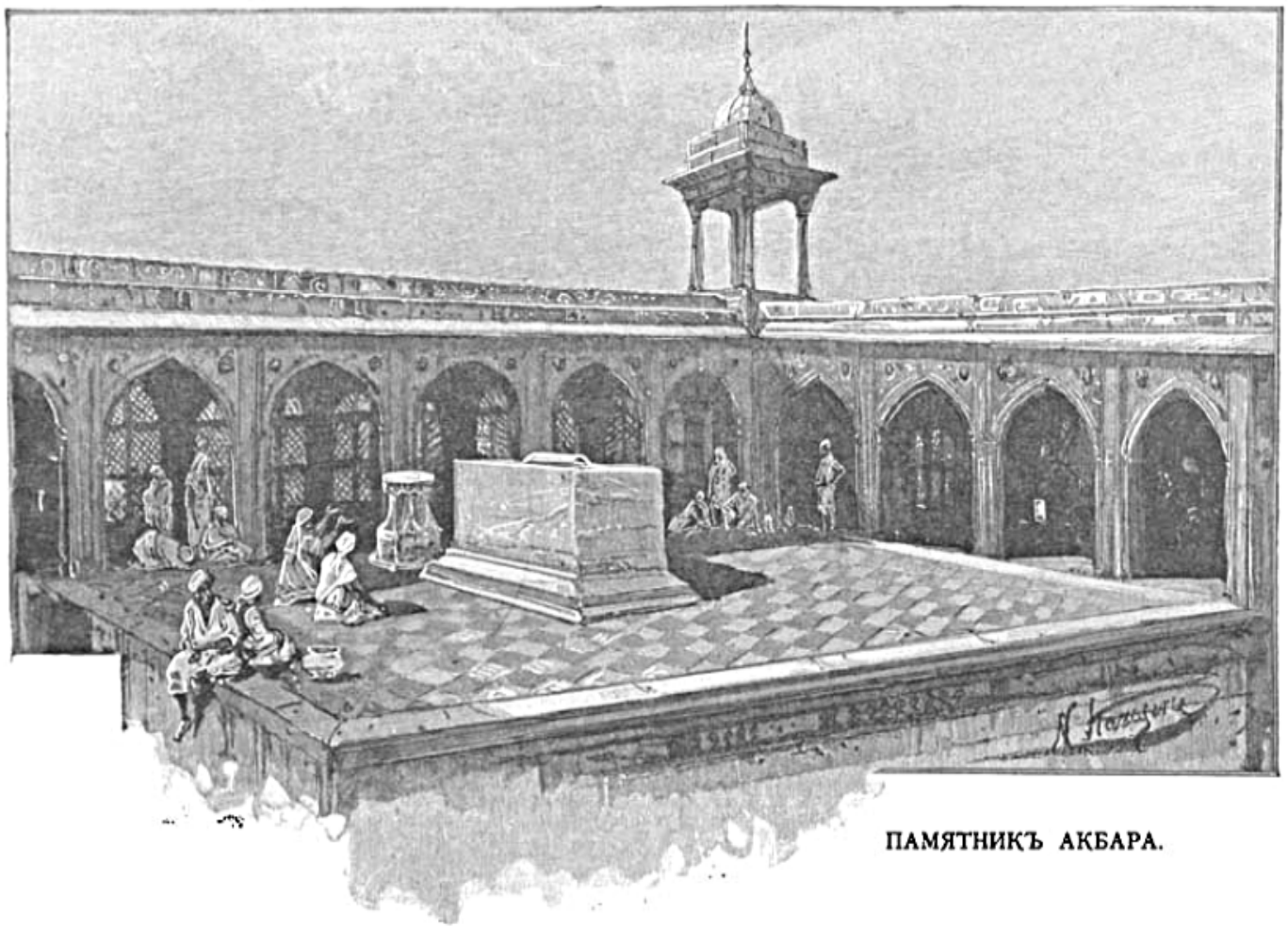
Онъ воздвигнутъ въ предмѣстьѣ Агры, обнесенъ высокой оградой, украшенъ обступившимъ его паркомъ, цвѣтниками, водометами, — служитъ мавзолеемъ, гдѣ схоронены Шахъ-Джаханъ и царица Арджмандъ Бану Бэгумъ, по прозванію «Мумтазъ Махалъ» (избранница дворцовыхъ чертоговъ). Темные кипарисы и бамбуки грустными рядами вытянулись вдоль тропы, ведущей къ сооруженію. Въ сады входишь черезъ



красныя ворота съ надписью: «рай отверзтъ для чистыхъ сердцемъ.» Вступишь въ самую усыпальницу и замрешь отъ неожиданности и восхищенія. . .

Сперва туда вели серебряныя двери, но джаты ихъ сорвали и расплавили.

Жена султана погребена имъ въ этой бѣломраморной обители тишины, послѣ пятнадцати лѣтъ, проведенныхъ неразлучно: Арджмандъ Бани Бэгумъ скончалась въ родахъ, давая жизнь восьмому ребенку. Овдовѣвшій султанъ съ той поры неутѣшно чтилъ ея имя и вознесъ надъ нею куполъ, гдѣ эхо, при малѣйшемъ звукѣ подавленнаго голоса, мелодичными аккордами откликается и нѣжно звенитъ въ незримой, мглистой вышинѣ воздушно очерченныхъ ажурныхъ сводовъ. День проникаетъ въ святыню склепа, лишь благодаря прозрачности и лучистости воздуха въ полуденныхъ краяхъ, лишь потому,



ПАМЯТНИКЪ АКБАРА.

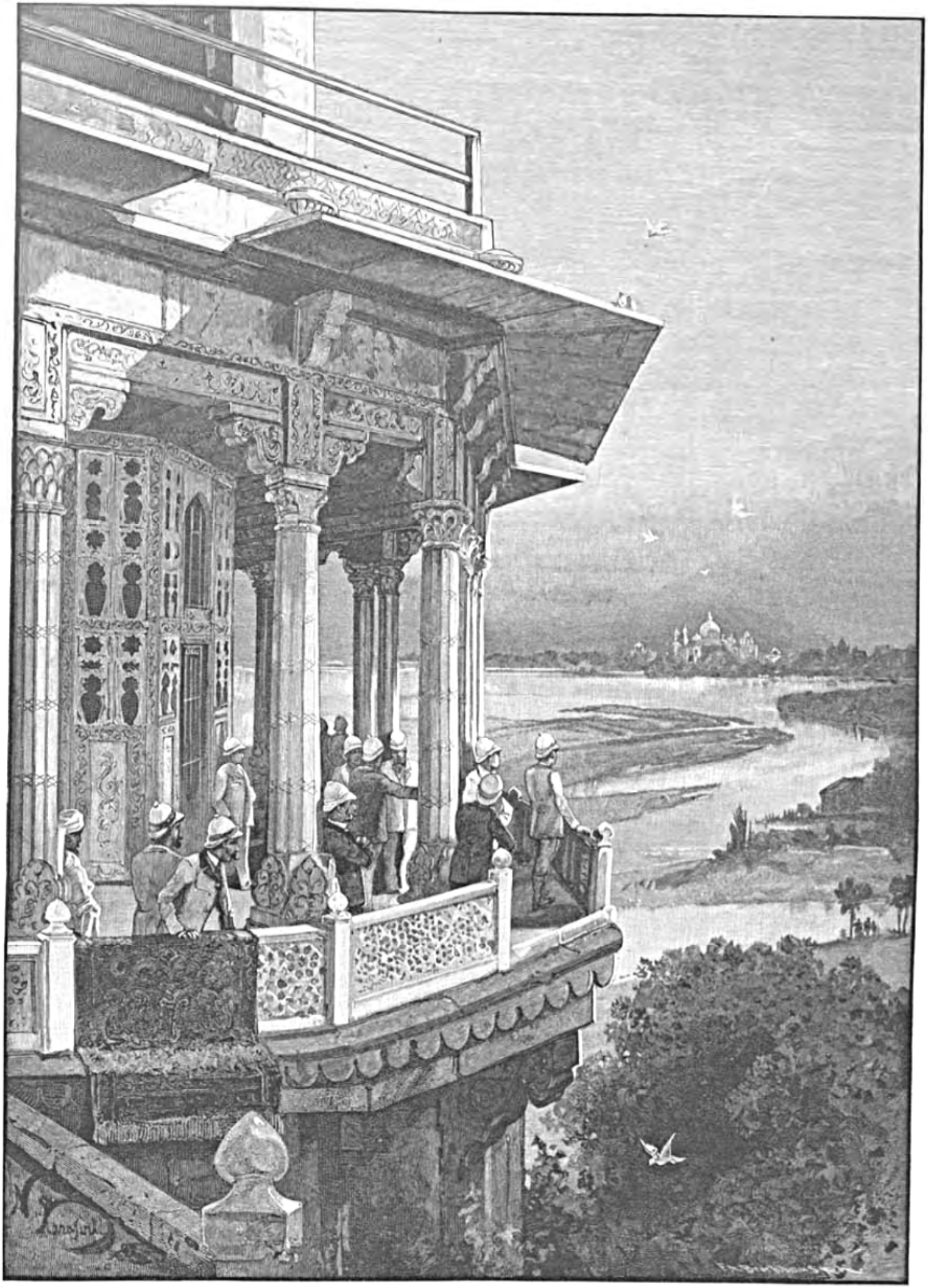
что тонкое двойное кружево искусно прорѣзанныхъ стѣнъ «Таджа» пропускаетъ на поверхность царственныхъ гробницъ какое-то (sit venia verbo!) «благоуханіе свѣта».

Воскресенье, 6 (18) января.

Сикандра. Могила Акбара. Такое же обнесенное оградой пространство какъ и мѣсто успокоенія Арджмандъ Бани. Однако дворъ гораздо обширнѣе, обнаженнѣе въ смыслѣ листвы, угрюмѣе и величественнѣе.

Грандіозная постройка, пріютившая прахъ безспорно величайшаго и дальновиднѣйшаго изъ правителей Индіи, крайне оригинальна по замыслу и выполненію.

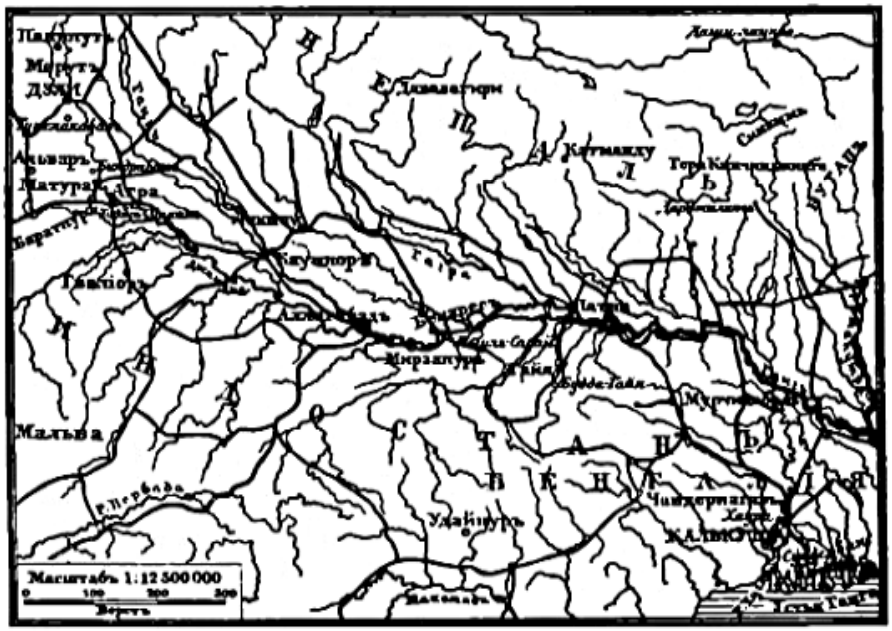
Этажи поднимаются полукрытыми терассами другъ надъ другомъ, алѣютъ башенками и закругленіями, соединяются внутренними лѣстницами, оканчивающимися у недовершенной верхней платформы, на которую прямо смотритъ бирюзовое огненное небо.



ТАДЖЪ ВДАЛИ.

Среди нея стоитъ саркофагъ съ простыми словами: «Аллаху *Акбаръ*», что можно толковать двояко: «Великъ Богъ» или «Акбаръ — божество», ибо этотъ Моголъ, вникнувъ въ тайны различнѣйшихъ религій, постепенно возомнилъ себя самого сверхъестественнымъ существомъ наивысшаго порядка и даже требовалъ со стороны подданныхъ чуть-ли не божескаго поклоненія.

И вотъ онъ горстью пыли замурованъ въ глухое подземелье подъ первымъ ярусомъ гигантскаго мавзолея. Мусульманскій властитель, искавшій, что̀ есть истина, у парсовъ и у браминовъ, у католическихъ миссіонеровъ и тибетскихъ ламъ, молившійся огню и не сомнѣвавшійся въ магическихъ силахъ индуизма, мало по малу сталъ въ глазахъ потомства слегка фантастическимъ предметомъ преданія. Солнце, коего воплощеніемъ онъ себя дерзалъ считать, обливаетъ жгучими лучами бѣлые узоры Акбарова саркофага. Каменный поставецъ для Корана, гдѣ будто-бы лежалъ приносящій несчастье владѣльцамъ знаменитѣйшій въ мірѣ алмазъ (Koh-i-Nur) исчезъ. Памятникъ съ его характерно-смѣшаннымъ архитектурнымъ стилемъ сумрачно стремится въ недосягаемую высь, какъ олицетворенный духовный порывъ религіознаго эклектика, жаждавшаго высшей правды и окаменѣвшаго въ своихъ еретическихъ умозрѣніяхъ.



СѢВ. ИНДІЯ.

Императоръ, несмотря на необыкновенныя качества, отличавшія его въ ряду предшественниковъ и преемниковъ, иногда оказывался безсердечнѣе, чѣмъ даже мыслимо. Напримѣръ, онъ лаской приманилъ одного опаснаго въ политическомъ отношеніи махараджу и братски протянулъ ему кубокъ . . . съ ядомъ, а самъ взялся за другой. Но чаши по ошибкѣ были перемѣшаны, и Моголъ скончался въ тяжкихъ мученіяхъ. Его заслуженная слава за гуманныя мѣропріятія на пользу народовъ Индіи омрачена однимъ не вполнѣ выясненнымъ совершенно частнымъ злодѣяніемъ. Наложница Акбара однажды улыбнулась его родному сыну — царевичу Селиму и отецъ, уловивъ любовный взглядъ, рѣшилъ не пощадить измѣнившей (хотя бы въ помышленіяхъ): ее живую положили въ мраморный гробъ и задѣлали его. . . . .

Нашелъ ли тамъ, въ землѣ, блаженство утоленія
Твоихъ страстей пожаръ?
Замолкъ ли надъ тобой тоскливый голосъ мщенья,
Акбаръ?!

Понедѣльникъ, 7 (19) января.

Восемь утра. Гваліоръ. Прежняя твердыня раджпутовъ и мусульманъ, а затѣмъ передовой центръ недавняго маратскаго могущества на сѣверѣ. Въ теченіе многихъ столѣтій тутъ правили знакомые намъ по Джайпуру качвахи. Князь Сураджъ Сэнъ, страдая

проказой, здѣсь исцѣлился, — напоенный туземнымъ отшельникомъ, по имени Гвалипа, — послѣ чего сталъ строить на этомъ мѣстѣ крѣпость и назвалъ ее сначала Гваліаваръ. Въ XIII вѣкѣ ею овладѣлъ султанъ Альтамшъ, потомъ туарская или томарская династія, царствовавшая въ Дэли при его паденіи, и наконецъ Моголы. Полководецъ маратовъ (Daulat Rao Scindia) утвердился здѣсь менѣе чѣмъ сто лѣтъ назадъ, перенесъ раскидывавшійся подъ горой городъ подальше отъ нея, прозвалъ его «Лашкаръ» (станъ) и завелъ нешуточную борьбу какъ съ одряхлѣвшими мусульманами, такъ и съ наступавшими въ глушь англичанами. Французы-инструкторы (De Boigne, Perron) немало помогли Синдіи въ осуществленіи его честолюбивыхъ плановъ; но наступали неблагопріятныя для самихъ индусовъ внутреннія распри, руководители ихъ давали промахъ за промахомъ, часть наемниковъ вѣроломно измѣнила, европейское вмѣшательство въ судьбы страны въ результатѣ привело къ подчиненію слабыхъ народностей Индостана искусной и сильной англо-саксонской рассѣ.

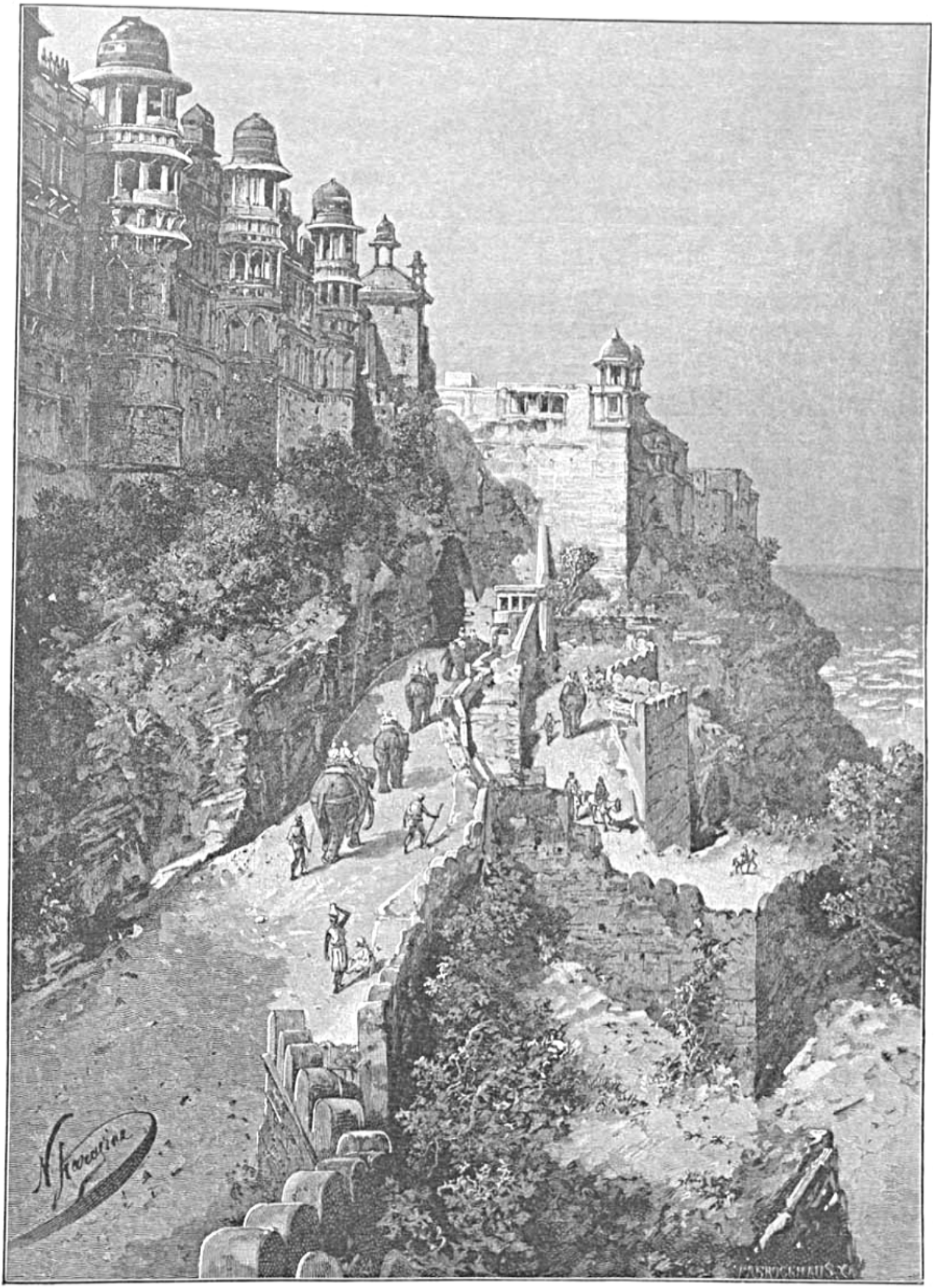
ВО ДВОРЦѢ СИНДІИ.

Ихъ Высочества останавливаются въ маленькомъ дворцѣ, приготовленномъ для Нихъ у желѣзнодорожной станціи. Послѣ визита махараджи (Мадоджи Рао Синдія) и до осмотра древностей, которыми славится Гваліоръ, Августѣйшіе путешественники въ свою очередь посѣщаютъ юнаго маратскаго князя (ему только минуло четырнадцать), выѣхавшаго Имъ на встрѣчу за нѣсколько верстъ отъ своихъ лашкарскихъ палатъ.

Послѣднія, называемыя «Jai Indar Bhawan», выстроены италіанцемъ Михаиломъ Филозе и обладаютъ гигантскимъ дурбарнымъ заломъ, скопированнымъ съ одного чертога венеціанскихъ дожей.

Пріемъ у гваліорскаго правителя только тѣмъ отличается отъ раджпутанскихъ, что гораздо дольше продолжается и баядерки, столпившись въ углубленіи комнаты, пѣньемъ и пляской стараются увеселить Высокихъ Гостей, между тѣмъ какъ близь подножія занятыхъ Ими почетнѣйшихъ сидѣній придворные слуги сносятъ и кладутъ оружіе, щиты, рога антилопъ и т. п. Эго — такъ-сказать «подарки для видимости», въ знакъ особенно радостныхъ и горячихъ чувствъ хозяина по случаю прибытія Наслѣдника Цесаревича. Вообще же никакія приношенія отъ раджей не принимаются.

Юный Синдія еще очень дѣтски настроенъ. Напримѣръ, съ цѣлью забавлять его, въ дурбарной залѣ на столикѣ стоитъ кукла, представляющая старуху, которая вяжетъ



ГВАЛІОРСКАЯ КРѢПОСТЬ.

чулокъ и качаетъ головой. Когда на второй день пріѣзда Августѣйшіе путешественники обѣдали въ «Jai Indar Bhawan», маратскій князь, не имѣя права присутствовать на трапезѣ иновѣрцевъ, пріоткрывалъ однако двери въ столовую и смотрѣлъ въ щелочку на любопытную для него картину, какъ ѣдятъ европейцы.

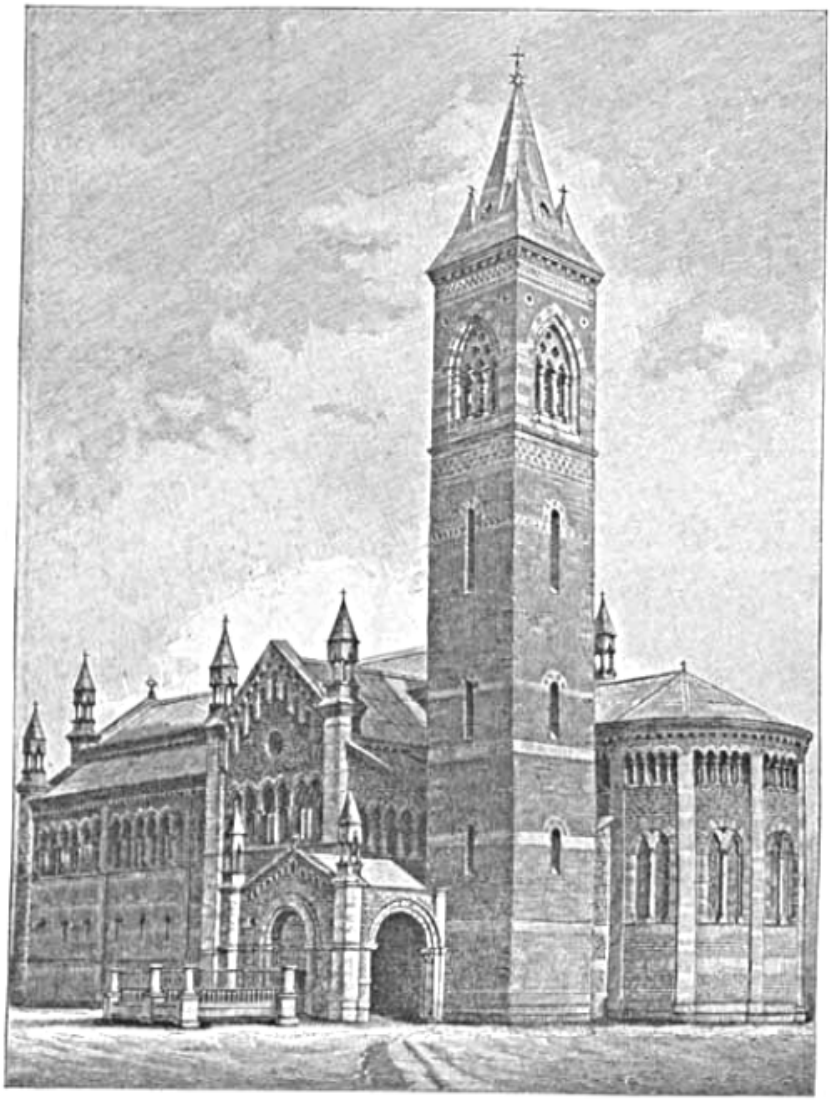
Окружающіе его типичные представители той же славной народности, съумѣвшей быстро и легко составить себѣ ореолъ храбрости и дипломатическаго искусства, рѣзко разнятся отъ раджпутовъ и по способу повязывать чалму, и по бо́льшей пестротѣ одежды, а главнымъ образомъ по своему туранскому складу лица, отчего они отчасти напоминаютъ нашихъ татаръ. Знать Джодпура, Джайпура и Альвара скорѣе свидѣтельствовала о своей принадлежности къ кавказской расѣ, сдержанно-гордой осанкой иллюстрируя такъ-сказать найденный Тодомъ въ лѣтописяхъ Раджпутаны изумительный фактъ, что какой-то тамошній или пригималайскій вождь кшатрійскаго рода, лишившись на войнѣ княжества и даже зонта, обыкновенно носимаго надъ великими міра сего, въ безумномъ гнѣвѣ сталъ метать стрѣлы въ небо, откуда солнце осмѣливалось палить ему не защищенную отъ лучей царственную голову.

ДРЕВНОСТИ ГВАЛІОРА.

Ничего подобнаго, въ смыслѣ чрезмѣрно-спѣсиваго ослѣпленія, нѣтъ и нельзя прочесть въ чертахъ маратскаго воинства. Но за то тѣмъ замѣтнѣе въ нихъ отражаются непоколебимая рѣшимость, связанная съ крайнимъ лукавствомъ, и сочетаніе не тронутаго знаніями природнаго ума съ бурными страстными порывами вѣрить во что-нибудь страшное и даже подчасъ нелѣпое, но биться только за нѣчто вполнѣ опредѣленное и реальное. Сиваджи, съ его преемниками, а также выдвинутые ими изъ народа смѣлые полководцы-правители основали цѣлое самобытное царство, распавшееся потомъ на составныя части; но связь между ними продолжала существовать и, подобно сикхамъ, мараты олицетворили собою Индію исконныхъ туземныхъ элементовъ, враждебныхъ иноземному вмѣшательству въ ихъ строй и права.

Ихъ Высочества и свита на слонахъ подымаются въ гору, гдѣ розовымъ отливомъ горятъ стѣны упраздненнаго кремля, служившаго предметомъ гордости меценатовъ-раджей и государственною тюрьмою въ періодъ Моголовъ, когда сюда, за эти угрюмыя бойницы, на вѣчныя времена привозили политически опасныхъ царевичей и сколько-нибудь выдающихся дѣятелей.

Въ 1857 г. Синдія всячески старался подавить мятежъ, но его собственное войско сочувствовало возмущеннымъ сипаямъ: тогда англичане преспокойно заняли крѣпость, — подъ предлогомъ выжиданія, скоро-ли уляжется волненіе, — и до 1885 г. (!!) не отдавали ее вѣрному союзнику. Наконецъ, лордъ Дэфферинъ торжественно возвратилъ гваліорскую твердыню законному владѣльцу (и то благодаря русскимъ успѣхамъ въ Закаспійской области!).

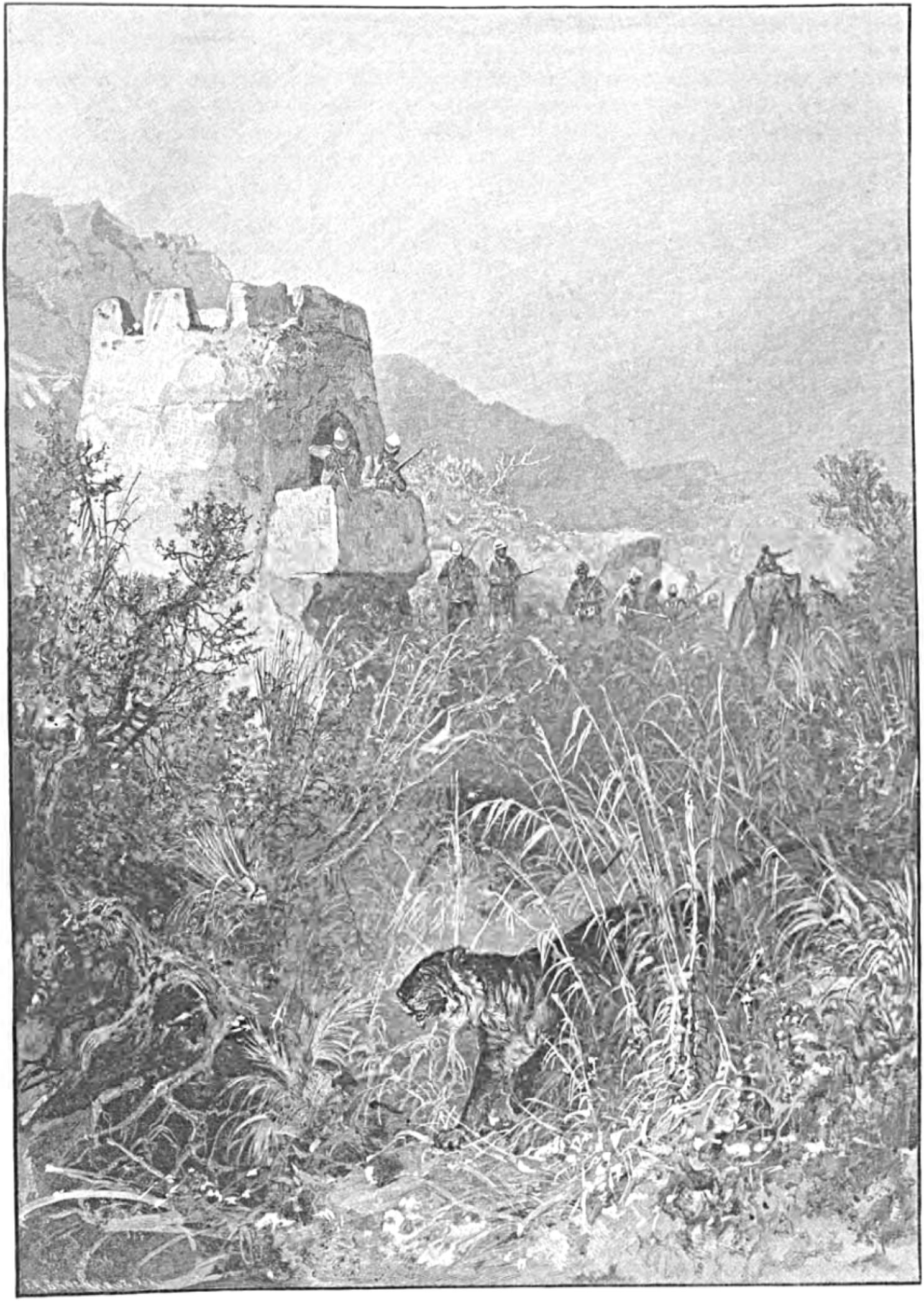


КАНПУРСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПАМЯТЬ ЖЕРТВЪ МЯТЕЖА.

Осмотрѣвъ старый дворецъ, созданный индусами, Августѣйшіе путешественники объѣзжаютъ затѣмъ широкую площадь возвышенности, которая тутъ одиноко выростаетъ изъ равнины, любуются развалинами храмовъ браминской эпохи и спускаются въ сосѣднюю съ ними уединенную долину Урвахи, чтобы взглянуть на джайнскихъ кумировъ, высѣченныхъ тамъ среди скалистой гряды, въ XV столѣтія, когда эта вѣра пользовалась покровительствомъ мѣстныхъ князей. Говорятъ, сохранились тутъ же по близости катакомбы, куда язычники прятали отъ мусульманъ свою святыню и куда сами собирались для моленій, — но подземные ходы запущены и пока не изслѣдованы. Англичане начинаютъ заботиться о спасеніи археологическихъ сокровищъ Гваліора (особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ ниженеръ Keith).

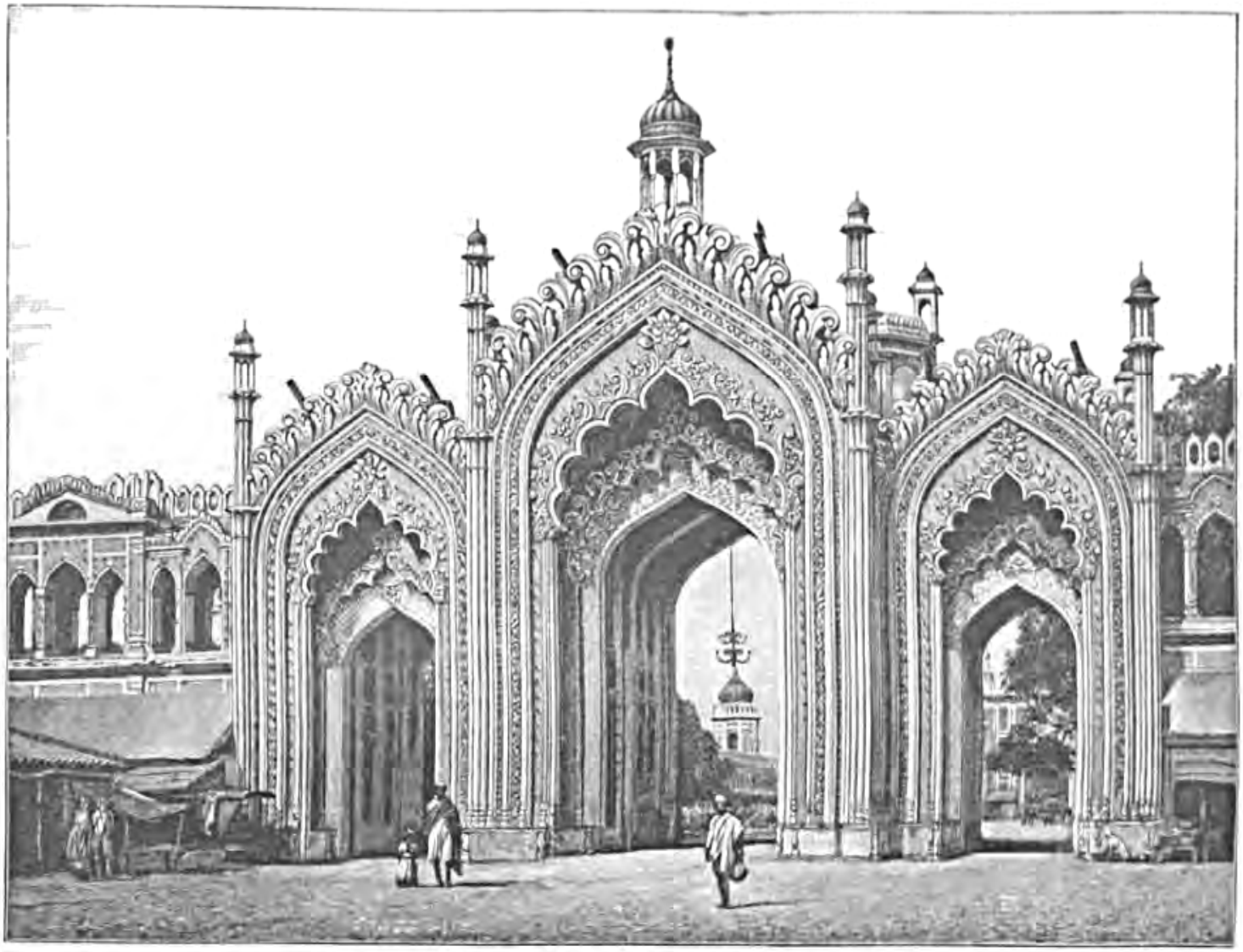
Сегодня во вторникъ, 8 (20) января, Наслѣдникъ Цесаревичъ снова отправляется черезъ мѣстечко Сингапуръ на охоту въ заповѣдную глушь (Тассинъ Коти), излюбленную еще великимъ спортсмэномъ Акбаромъ; результатъ поѣздки — огромная тигрица, смертельно раненая мѣткими выстрѣлами Е. И. Высочества и принца Георгія Греческаго. Другой одинаковый звѣрь пострадалъ отъ пули Кочубея, но уползъ въ густые кустарники, по которымъ въ тщетныхъ поискахъ рыщутъ нѣкоторые время ученые слоны.

Возвращеніе съ экскурсіи въ Гваліоръ, за отдаленностью мѣста облавы, состоялось довольно поздно вечеромъ. Устройствомъ охоты завѣдывали: здѣшній резидентъ — полковникъ Барръ, маіоръ Мастерсъ и докторъ Крофтсъ.



ГВАЛІОРСКІЙ ТИГРЪ.

Среда, 9 (21) января, посвящена нѣкоторому отдыху. Днемъ у отведеннаго Гостямъ маленькаго дворца показывали свое искусство туземные фокусники; изъ всего видѣннаго наиболѣе любопытны произростаніе деревца изъ простой корзины съ землей и поединокъ фараоновой мыши со змѣею. Первое объясняется будто-бы только ловкостью индусовъ, ухитряющихся посадить ростокъ въ прикрытую грубыми тканями корзину и постоянно замѣнять его новыми старѣйшими побѣгами, но какъ это можно дѣлать, имѣя голыя руки до плечъ и будучи вообще полураздѣтымъ, не легко понятно.



ВОРОТА ВЪ ЛАКНОУ.

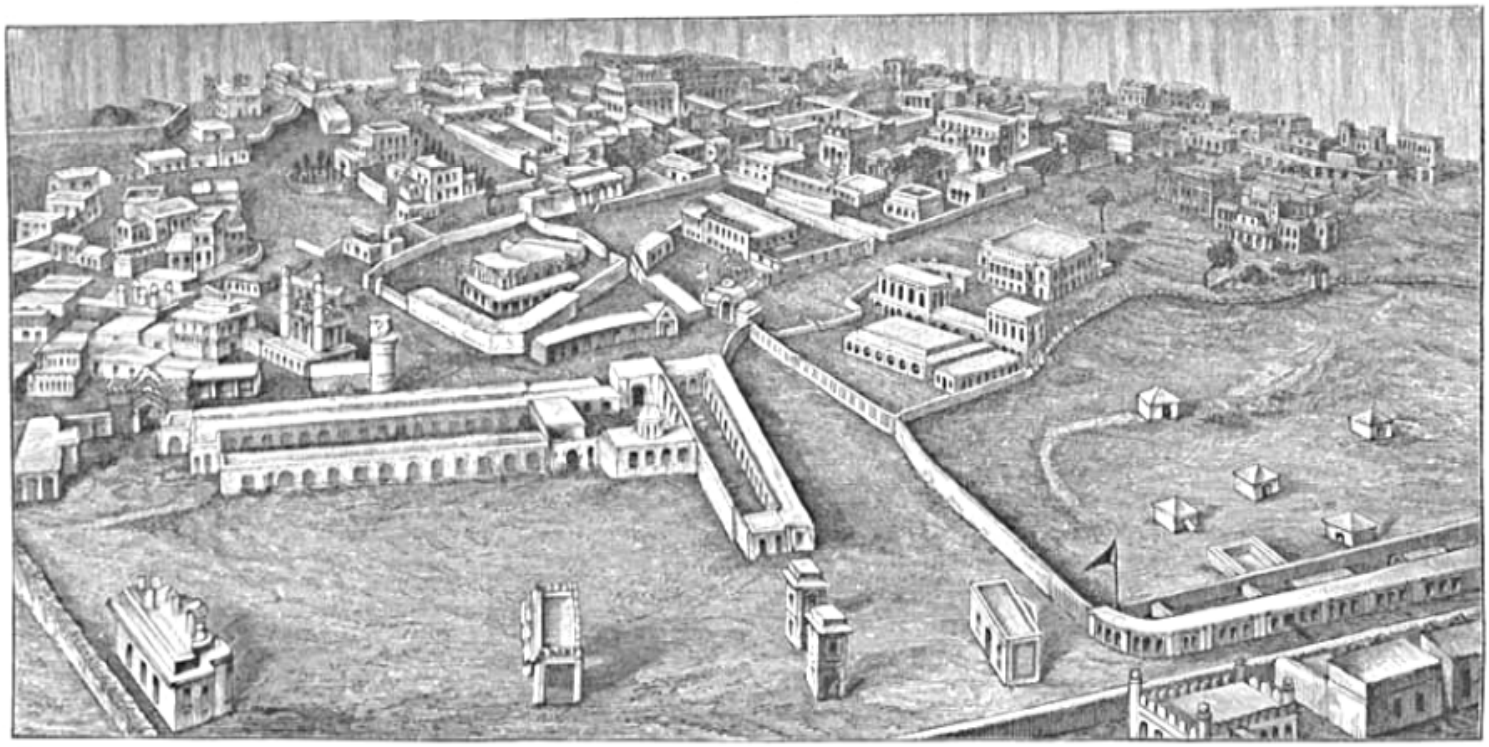
Фараонова мышь, обыкновенно являющаяся побѣдительницей, ибо тормошитъ и кусаетъ гадину съ ожесточеніемъ непримиримаго врага, сегодня сама укушена змѣею и, кисло усѣвшись въ сторону, видимо терпитъ отъ яда и чуть-ли не на смерть ужалена.

Четвергъ, 10 (22) января.

Утромъ прибытіе въ Канпуръ. Англичане любятъ посѣщать это мѣсто, преисполненное для нихъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній годины возстанія сипаевъ. Почему-то названіе этого города считается историческимъ; если и такъ, то далеко не въ индійскомъ смыслѣ слова, ибо на родинѣ Будды разыгрывалось столь много худшихъ и не менѣе потрясающихъ кровавыхъ драмъ, что разсматриваемая sub specie aeternitatis развязка борьбы

Нана Сахиба съ его «блѣднолицыми» врагами иначе и не могла окончиться: они дѣйствовали въ странѣ ради злата и могущества, онъ жаждалъ того и другаго въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ было возможно при господствовавшемъ порядкѣ вещей — результатъ очевиденъ: око за око, зубъ за зубъ. Христіанамъ даже и дивиться нечему, если нафанатизированный браминами властолюбиво-необузданный язычникъ, понимая, что его дѣло проиграно, звѣрски отомстилъ плѣнникамъ и плѣнницамъ, не пощадивъ и малыхъ дѣтей. Вѣдь укротители мятежа не выражаютъ негодованія, что у послѣдняго мнимо-воцарившагося Могола спокойно застрѣлили сыновей, что сипаевъ привязывали къ заряженнымъ пушкамъ. Разъ былъ дикій и упорный споръ за преобладаніе — не британцевъ, путешествующихъ по Индіи какъ-то странно поражаетъ, можно сказать, почти болѣзненное чувство побѣдителей по поводу произошедшей смуты и порожденныхъ ею убійствъ.

Въ Канпурѣ два главныхъ памятника трагедіи 1857 года — «The Memorial Well and Gardens» и «The Memorial Church».



МОДЕЛЬ ГОРОДА ПРИ ВОЗСТАНІИ.

Прекрасный паркъ раскинулся вокругъ одного засыпаннаго колодца, въ который сброшены были перерѣзанные мясниками (по приказанію Нана) европейцы обоего пола: мертвые валились въ перемежку съ умирающими, нечеловѣческіе стоны долго слышались изъ зловѣщей ямы для труповъ, подоспѣвшіе на выручку британскіе солдаты еще застали нѣкоторыхъ соотечественницъ въ агоніи.

Тихо на этомъ мѣстѣ смерти и примиренья. Надъ зловѣщей могилою бѣломраморный ангелъ, изваянный рѣзцемъ Марокетти, скрестилъ руки на груди, держа въ каждой по пальмовой вѣтви.

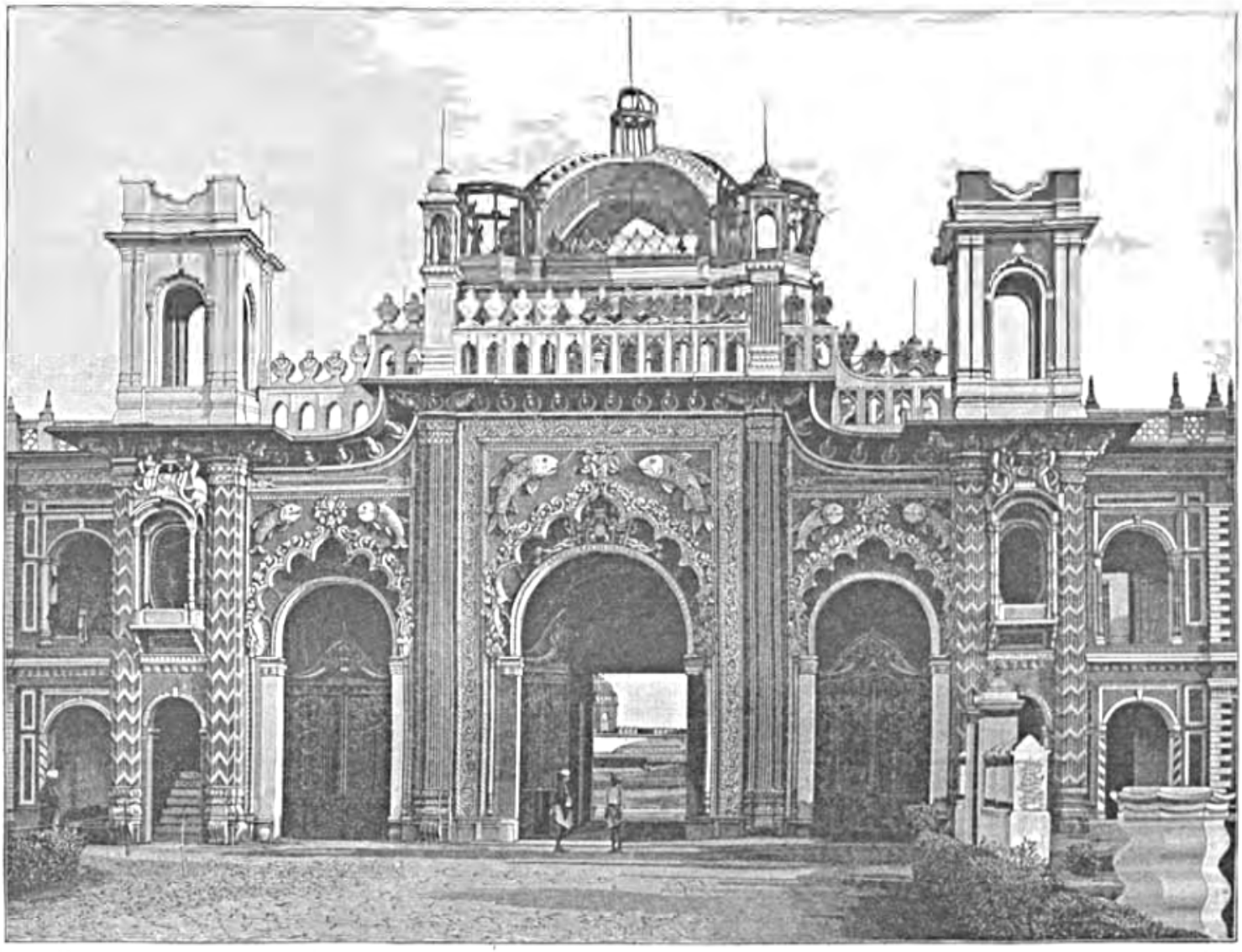
Церковь, воздвигнутая въ памятъ многихъ погибшихъ, окончена въ 1875 году и обошлась до 200,000 рублей. Она украшена внутри табличками съ именами пострадавшихъ.

Въ гостяхъ у махараджи Бенаресскаго.

Цѣна стали у Ѳ. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Полдень. Лакноу. Второй пунктъ, извѣстный по 1857 г. и по тому, что когда-то тутъ жилъ блестящій дворъ мусульманскаго королевства Оудъ, искусственно упраздненнаго англичанами, вслѣдствіе чего отчасти и разыгралось неудовольствіе въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ.

Власти (съ генераломъ Пэркинсомъ и администраторомъ округа г. Moule во главѣ) ожидаютъ Е. И. Высочество на декорированномъ вокзалѣ. Русскій и греческій гимны оглашаютъ воздухъ.



У СТАРАГО ОУДСКАГО ДВОРЦА.

Почетный караулъ выставленъ отъ «Scottish Rifles». Конвой по улицамъ (Abbot and Forsyth Roads) въ губернаторскую резиденцію состоитъ изъ эскадрона «16-го Уланскаго полка» (16-th Queen's Lancers). По дорогѣ выстроены туземныя войска. У «Government House» — почетный караулъ отъ «5-th Bengal Lancers». Часовые у дома принадлежатъ къ «Royal Irish Rifles».

Днемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ осматриваетъ историческій музей, гдѣ особенно долго останавливается у модели обороны знаменитаго зданія «Residency», когда оудское населеніе наконецъ вздумало опротестовать воцареніе европейцевъ въ чужомъ краю. Почтенный ветеранъ того времени (полковникъ Мау) поясняетъ подробности осады и геройской самозащиты отрѣзаннаго отъ главной арміи гарнизона.

Томительная неизвѣстность сотенъ европейцевъ съ семьями, — запертыхъ въ чертѣ нынѣ на половину разрушенныхъ стѣнъ и валовъ — придетъ-ли скорая помощь или все потеряно, — должна была, конечно, вліять самымъ удручающимъ образомъ. Осыпаемые градомъ ядеръ и пуль, постоянно отбивая смѣлыя нападенія инородцевъ, не имѣя покоя ни ночью, ни днемъ отъ неожиданныхъ фантазій предпріимчиваго непріятеля, граждане соединеннаго королевства дѣйствительно выказали себя на высотѣ призванія повелѣвать темными косными массами на Востокѣ или же безтрепетно умирать, когда этого потребуютъ долгъ и сознаніе своего достоинства. Благородная надпись надъ гробницей перваго начальника обороняемой Residency (потомъ командованіе принялъ бригадиръ Инглисъ): «Here lies Henry Lawrence, who tried to do his duty» какъ нельзя выразительнѣе гласитъ о непоколебимомъ мужествѣ иныхъ подданныхъ ея величества королевы — но, слыша объ ихъ подвигахъ и беззавѣтной храбрости, невольно спрашиваешь себя, какіе памятники слѣдовало бы воздвигнуть для вѣчнаго славословія тѣхъ туземцевъ (сипаевъ и домашнихъ слугъ), которые, въ годину величайшихъ опасностей и лишеній, не измѣнили своему знамени и своимъ подчасъ весьма крутымъ хозяевамъ, продолжая безропотно исполнять обязанности и заботиться о благополучіи чужихъ «блѣднолицыхъ» людей, чья счастливая звѣзда повидимому быстро угасала, идти за нихъ на смерть, при полномъ невѣдѣніи, зачѣмъ въ сущности проявлять столько преданности, честности и любви. Имена подобныхъ инородцевъ (ихъ же можно насчитать очень и очень много!) должны бы жить въ памяти и чтиться совокупностью культурнаго человѣчества какъ неопровержимое доказательство, что искра Божія съ неменьшею теплотою горитъ въ сердцѣ простодушнѣйшаго язычника-полудикаря, если онъ только жаждетъ добра и правды, нежели въ груди представителей Запада, проникнутыхъ чистѣйшими религіозными началами своей родины.

Вчера Великій Князь изволилъ принять обѣдъ въ офицерскомъ собраніи «16-th Queen's Lancers».

Пятницу пришлось провести дома въ виду сильнѣйшаго ливня, помѣшавшаго подробнѣйшему ознакомленію со столицею Оуда.

Суббота, 12 (24) января.

Восемь утра. Бенаресъ. Почетный караулъ съ музыкой отъ «12-th Khilat-i-Ghilzai Native Infantry». Кромѣ генерала Kinloch и гражданскихъ властей, Е. И. Высочество встрѣченъ туземнымъ махараджею (Prabhu Narayan Singh) съ его родней и совѣтниками.

Наслѣдникъ Цесаревичъ садится съ нимъ подъ громъ салюта въ экипажъ, запряженный четверкою артиллерійскихъ коней, спеціально присланныхъ «34-ою королевскую баттареею» изъ Аллахабада.

Путешествіе по Индіи доведено до интереснѣйшаго восточнаго города, чье названіе одинаково священно и коренному жителю страны, и воспитаннымъ въ лучахъ буддійскаго преданія сіамцу, аннамиту, жителю Небесной имперіи, нашему буряту или калмыку.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

	Страница
ВВЕДЕНІЕ	1— 14
ВѢНА	15— 25
НА ПУТИ ВЪ ПАТРАСЪ	26— 36
ОЛИМПІЯ	37— 53
ПОДЪ АКРОПОЛЕМЪ	54— 60
ПРІЕМЪ ВЪ ЕГИПТѢ	61— 84
КАИРЪ И ОКРЕСТНОСТИ	85—129
ВЕРХНІЙ ЕГИПЕТЪ	130—143
ѲИВЫ	144—191
ДО ПОРОГОВЪ НИЛА И ВЪ МЕМФИСЪ	192—224
У СУЭЗА И ВЪ КРАСНОМЪ МОРѢ	225—231
АДЕНЪ	232—242

ЧАСТЬ II.

БОМБЕЙ И ЭЛЕФАНТА	1— 40
ВО ВЛАДѢНІЯХЪ НИЗАМА	41— 57
МІРЪ ЭЛЛОРЫ	58— 88
АХМЕДАБАДЪ	89—122
ДЖОДПУРЪ И АДЖМИРЪ	123—149
ДЖАЙПУРЪ И АЛЬВАРЪ	150—174
ВЪ ЦАРСТВЕННОМЪ ДЭЛИ	175—191
ОТЪ ПЯТИРѢЧЬЯ ДО ГАНГА	192—230